ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ I.

ЗАЧАТКИ КУЛЬТУРЫ И ВОСТОЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

1870.

ИСКУССТВО

въ связи

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ.

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ I.

ЗАЧАТКИ КУЛЬТУРЫ И ВОСТОЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.

1870.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПИСЬМЕННОСТЬ. СТРАН. 76—87.

ДИКАРИ И ПОЛУДИКІЕ НАРОДЫ. СТРАН. 88—112.

КИТАЙ. СТРАН. 113—148.

ЕГИПЕТЪ. СТРАН. 149—193.

СИМИТСТВО СТРАН. 194—266.

Симиты въ сравненіи съ Арійцами. 194—205.

Древній Вавилонъ. Стран. 205—210.

Ниневія и Ассирія. Стран. 210—216.

Новый Вавилонъ. Стран. 216—218.

Финикіяне и малоазійскіе Сирійцы. Стран. 218—229.

Израиль. Стран. 229—266.

АРІЙЦЫ. СТРАН. 267—44.

Арійцы въ первобытномъ общеніи. Стран. 267-288.

Индія. Стран. 288—407.

Иранъ. Стран. 408—445.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ своей «Эстетикѣ» * я обѣщалъ философію исторіи искусства; но подъ рукой у меня этотъ трудъ самъ собою вышелъ скорѣе описательной, чѣмъ умозрительною книгой. Правда, довольно, если и сами мы знаемъ про себя то, о чемъ беремся философствовать; но когда хотимъ вызвать образованныхъ читателей къ живому участію, къ сотрудничеству въ общемъ намъ съ ними дѣлѣ, тогда необходимо, чтобъ и имъ были извѣстны тѣ факты, на которыхъ мы основываемъ свои выводы, — факты, которые намѣрены мы объяснить, которыхъ излагаемъ основныя начала. Между тѣмъ нѣтъ еще ни въ одной литературѣ такого историческаго труда, который обнималъ бы всѣ искусства въ совокупной связи ихъ между собою и съ общимъ ходомъ образованія, который показывалъ бы почему у разныхъ народовъ въ разныя времена являлось преобладающимъ сперва одно, потомъ другое искусство, и открывалъ бы въ этой преемственности явленій извѣстный законъ. Теперь всѣми уже сознано что искусство не льзя отрывать отъ жизни, что его, напротивъ, должно разсматривать въ связи съ религіозными идеями и съ политическимъ бытомъ народовъ, если только захотимъ вѣрно понять и оцѣнить его созданія. Путь къ оцѣнкѣ такого рода проложили въ изобразительномъ искусствѣ Куглеръ и Шнаазе, въ поэзіи — Фортлаге, Шерръ, Рэзенкранцъ, въ музыкѣ — недавно Амбросъ; для разныхъ отдѣльныхъ эпохъ и народовъ существуютъ многіе превосходные труды, справедливо пользующіеся извѣстностью. Но нерѣдко лучшее, осо-

* Которая вышла еще въ 1859 г., но къ сожалѣнію и донынѣ почти неизвѣстна у насъ въ Россіи.

бенно по отношенію къ Востоку, зарыто еще въ спеціальныхъ разсужденіяхъ и статьяхъ отличныхъ иногда изслѣдователей, ожидая себѣ свѣта отъ внесенія этихъ частныхъ добытковъ въ какой-нибудь уемистый, общій сводъ. Мнѣ кажется, настало наконецъ время попытать, не удастся ли подвести итогъ тому, что̀ можно считать вполнѣ дознаннымъ по всей исторіи искусства, и представить наглядную картину цѣлаго въ его внутренней связи и постепенномъ ходѣ. Многіе, пожалуй, скажутъ, что это еще слишкомъ рано даже для Греціи или для Германіи, не говоря уже о народахъ болѣе намъ чуждыхъ, или тѣмъ паче объ общей, всемірной картинѣ; но вѣдь оно и всегда будетъ слишкомъ рано, если ждать рѣшительнаго окончанія всѣхъ частныхъ изслѣдованій; тогда какъ, напротивъ, само изученіе подробностей всего лучше наведется на существующіе въ немъ пробѣлы и недостатки, если будетъ сдѣланъ хоть и не окончательный сводъ тому что̀ дѣйствительно пріобрѣтено донынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ запасъ наличныхъ свѣдѣній станетъ болѣе доступенъ для любителей изящнаго и для возростающаго поколѣнья, возможность живого участія къ нашей наукѣ откроется для обширнѣйшихъ круговъ. Все это блистательно подтвердилъ намъ опытъ по исторіи изобразительныхъ искусствъ и германской поэзіи, со времени выхода трудовъ Куглера и Гервинуса; а какъ плодотворно было ихъ появленіе, всего лучше видно изъ того сколько выиграли новѣйшія изданія этихъ книгъ сравнительно съ первыми.

Вотъ почему я и не медлю долѣе выпускомъ моего давно подготовляемаго труда, какого въ этомъ родѣ не было до сихъ поръ ни въ Германіи, да и ни въ какомъ иномъ краѣ. Да примутъ его снисходительно и благосклонно всѣ мои сотрудники, чтобы онъ могъ современемъ появиться въ усовершенствованномъ видѣ или по крайней мѣрѣ содѣйственно вызвать на что-нибудь лучшее другихъ. Для тѣхъ именно зачатковъ развитія, которымъ посвящена первая часть моей книги, существуетъ гораздо менѣе общихъ подготовительныхъ работъ нежели для эпохъ позднѣйшихъ и для судебъ европейскаго міра. Относительно Египта, со времени розысканій Лепсіуса и Бунзена, получили мы и изъ другихъ рукъ не только очерки архитектуры и скульптуры этого края, но и самую ихъ исторію; чтеніе же іероглифовъ, переводъ папирусныхъ свитковъ трудами Бругша, Ружѐ и Берча, дали мнѣ сверхъ-того возможность посвятить особую главу египетской поэзіи. Вразсужденіи Симитовъ я дополнилъ свое наглядное знакомство съ вывезенными въ Европу памятниками и собственныя мои свѣдѣнія въ библейской поэзіи трудами Ролинсона, Лейярда, Моверса, Эвальда, Ренана, Эрнста Мейера, Густава Баура и другихъ. Лучшимъ руководствомъ и подспорьемъ при изученіи памятниковъ Индіи служили мнѣ, кромѣ «Археологіи» Лассена, переводы, книги и статьи Вильгельма Гум-

больдта, Фридриха и А. В. Шлегелей, Боппа, Вильсона, Бюрнуфа, Макса Мюллера, Бенфея, Брокгауза, Рота, Вебера, Куна, Хольцмана, Кёппена, а для Парсизма — труды Шпигеля, Виндишмана, Хáуга, Рота и Шака. Такимъ образомъ оказалась возможность представить и здѣсь преемственное историческое развитіе, набросать исторію индійскаго, персидскаго духа, даже рѣшиться на попытку, путемъ тщательнаго анализа сродственныхъ реченій, сагъ и обычаевъ опредѣлить то, чтó было общаго во взглядѣ, въ религіи и образованіи Арійцевъ до подѣла ихъ между собою, прежде чѣмъ они стали Кельтами, Греками и Римлянами, Германцами и Славянами, Индійцами и Персами: многое, подобно корнямъ языка, вышло на повѣрку общимъ ихъ достояніемъ, которое захватили они съ собой изъ первородины въ новую отчизну и переработали потомъ въ разнообразныхъ новыхъ видахъ. Самъ Китай, при ближайшемъ изслѣдованіи, обнаружилъ въ себѣ многоразличныя формы культуры, и теперь уже совсѣмъ порѣшено съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое приписывало Азіатамъ неподвижность, полагая что будто каждый азіатскій народъ представляетъ только одну извѣстную ступень человѣческаго развитія, что онъ отвѣка стоялъ на ней какъ вкопаный, не испытывая, да и не производя ни какихъ сильныхъ перемѣнъ въ теченіе долговѣчной своей жизни. Конечно, извѣстныя идеи, силы, настроенія ума и сердца составляютъ прирожденный удѣлъ того или другого народа, составляютъ то, чтó дѣлаетъ его этимъ именно народомъ; но вѣдь съ нимъ они и ростутъ, съ нимъ заодно развиваются, претерпѣвая въ то же время внѣшнія вліянія со стороны другихъ народностей. Исторія каждаго народнаго духа становится при этомъ дотого своеобразною, что никогда не пригнать ее къ чужой мѣркѣ, ни какъ не натянуть на чужой солтыкъ. Она не чисто продуктъ логической необходимости, а потому нельзя вывесть, не льзя мысленно построить ее однимъ раціональнымъ путемъ; она вмѣстѣ и дѣло свободы: стало-быть дознать ее можно только опытомъ. Но вѣдь и одно дознаніе фактическаго, насущнаго не есть еще знаніе; для послѣдняго необходимо вникнуть въ общую, міровую связь вещей, въ ихъ первооснову: только тогда насущные факты претворяются въ дѣло духа, въ члены и моменты его собственной организаціи. Передъ такимъ вмѣстѣ опытнымъ и философскимъ созерцаніемъ богатое достояніе человѣчества раскрывается въ гораздо бóльшей полнотѣ, картина его предстаетъ намъ несравненно изящнѣе. Вѣдь и у людей, какъ у растеній, есть общіе законы жизненнаго строя, видоизмѣняющіеся для любой отдѣльной группы особеннымъ образомъ, и, мало этого, каждое единичное существо выполняетъ свою родовую норму съ своеобразной силой роста, на свой особый, индивидуальный ладъ; у человѣка сила эта — самоопредѣленіе. Возьмемте Заратуштру, Моисея, Будду и Конфуція; разсмотримъ этихъ вели-

кихъ богатырей духа въ ихъ исторической личности, въ ихъ своенародной отчеканкѣ, въ ихъ общечеловѣческомъ значеніи, и намъ предстанетъ живой примѣръ того, чтó я сейчасъ сказалъ.

Мы тѣмъ лучше поймемъ процессы человѣчества, ихъ многоскорбный путь и конечную цѣль, чѣмъ больше пережили своей собственной душою, чѣмъ бóльшаго добились тяжкою борьбой и чѣмъ больше постигли размышленіемъ; каждый новый житейскій опытъ открываетъ намъ новый взглядъ и на жизненную сферу всего человѣчества. Ученіе Платона или Канта, Спинозы или Фихте вполнѣ познáетъ только тотъ кто воспроизведетъ его въ своемъ собственномъ мышленіи; только то что раскроется намъ въ нашей собственной душѣ прояснитъ для насъ помыслы и настроенія минувшихъ столѣтій. Я провѣрилъ свой собственный взглядъ на міръ и Бога, испытавъ насколько онъ смогъ мнѣ выяснить прошлое, насколько онъ послужилъ мнѣ ключомъ къ религіи и таинственной мудрости древняго міра. Чтобы уразумѣть произведенія поэзіи, храмы и кумиры Индійцевъ и Египтянъ, Евреевъ и языческихъ Симитовъ въ ихъ сущности, чтобы дѣйствительно понять самыя ихъ формы, мы непремѣнно должны вникнуть въ тѣ идеи, въ основы тѣхъ чувствъ и помысловъ, которыми увлекались эти народы и которыя находили у нихъ себѣ чувственное выраженіе въ камнѣ или въ звукѣ: вѣдь любая внѣшняя форма есть только органическое проявленіе внутренняго содержанья и можетъ быть понята только изъ него. Вотъ почему вездѣ слѣдилъ я основныя настроенія и основные помыслы различныхъ эпохъ и народовъ; великіе люди велики именно тѣмъ что они громко ихъ высказывали; я, съ своей стороны, старался только ихъ прочувствовать и продумать, изложить передъ читателемъ то чтó было въ нихъ истиннаго, ихъ вѣчное, незыблемое значенье, и съ этой точки зрѣнія разсматривалъ созданія народной фантазіи, (воплощенные) идеалы человѣчества. Насколько я въ томъ успѣлъ, настолько трудъ мой и будетъ посильнымъ вкладомъ въ исторію человѣческаго духа; онъ въ то же время дастъ и прочный матерьялъ для той объективной философіи, которая дѣло не чьей бы то ни было единичной личности, но всего человѣчества вообще, которой положенія, выявивъ свою состоятельность въ самой жизни народовъ, укажутъ свой источникъ во всеобщемъ разумѣ (а не въ чьемъ бы то ни было частномъ благоусмотрѣньи).

Я углубился въ незапамятный міръ далѣе, нежели обыкновенно водилось въ исторіяхъ поэзіи и искусства донынѣ. Вѣдь длинный періодъ человѣческаго развитія предшествуетъ той порѣ, когда люди впервые дали о себѣ знать потомству въ прочныхъ постройкахъ и изваяніяхъ, въ пѣсняхъ и разсказахъ; но фантазія была не менѣе дѣятельна и тогда, подготовляя матерьялъ для искусства и науки: это былъ періодъ сложенія языка и ми-

овъ. Онъ, правда, продолжается еще и до сихъ поръ въ тѣсной связи съ поэзіей и философіей. Но въ дни дѣтства нашего рода ковка словъ, какъ носителей пробуждающейся и ростущей съ ними мысли, была вмѣстѣ первою поэзіей и первою философіей человѣчества, которое, съ помощью преобладавшей тогда фантазіи, прямо облекало въ звуки возникающія у него представленія. Съ одной стороны, оно черезъ то самое духовно овладѣвало конечными вещами, съ другой — путемъ миѳа онагляживало свойственную ему идею безконечнаго въ тѣхъ явленіяхъ природы и исторіи, которыми идея эта открывалась его внутреннему чутью. * Служа религіи, здѣсь дѣйствуетъ еще вполнѣ нераздѣльно то, что впослѣдствіи идетъ ужь розными съ ней путями, подъ именемъ науки и поэзіи. Жизнь языка развертывается постепенно и достигаетъ своего цвѣта въ доисторическія времена; тутъ мыслительная и художественная дѣятельность проявляютъ въ образованіи словъ и формъ свою дивную силу; въ ихъ наглядности, въ ихъ чувственной полнотѣ осуществляетъ она организмъ духа, соотвѣтственно съ природою. Впослѣдствіи языкъ становится средствомъ для поэзіи и науки, но сознаніе корней его уже меркнетъ, погасаетъ; смыслъ уже не непосредственно чувствуется въ звукѣ, образъ едва уже проглядываетъ въ словѣ, въ реченіи, свѣжее богатство формъ постепенно вянетъ и облетаетъ; искусству выпадаетъ тогда на долю представить въ поэзіи замѣну первобытной жизни языка.

Вотъ почему въ двухъ первыхъ главахъ я занялся сущностью, происхожденіемъ и развитіемъ языка и миѳа, присоединивъ къ тому изслѣдованіе о письменахъ, а послѣ уже перешелъ къ очерку тѣхъ простобытныхъ народовъ, которыхъ различныя состоянія представляютъ намъ, по крайней мѣрѣ аналогически, и донынѣ всѣ постепенности давно минувшей и доисторической жизни культурныхъ племенъ. Между первыми и между настоящими носителями человѣческаго развитія лежитъ какимъ-то особымъ міромъ Китай, не поднявшійся выше первоначальной ступени патріархальности, но тѣмъ не менѣе достигшій въ ея предѣлахъ и съ ея средствами большой выработки и многосторонняго образованья. Начало міровому процессу общей культуры положилъ Египетъ; мало того что постройки его суть древнѣйшіе памятники, межевые камни и вѣкомѣры исторіи: самъ египетскій бытъ легъ архитектоническою основой всему дальнѣйшему развитію духа въ болѣе свободныхъ и изящныхъ формахъ. Въ Египтѣ Богъ называется уже единымъ, невидимымъ и вѣчнымъ творцомъ всего, который проявляетъ самъ себя въ солнечномъ свѣтѣ. Симиты и Арійцы изначала пошли розными путями, чтобы рѣзче выработать особыя направленія человѣческаго духа, а потомъ обмѣняться лучшими своими добытками, играя такимъ образомъ роль

* Безъ вызова конечнымъ, не пробудилась бы и сродная человѣку идея безконечнаго.

основы и утка въ ткани всемірной исторіи. У Симитовъ рѣшительно преобладаетъ религіозная идея. Здѣсь станетъ современемъ колыбель христіанства и ислама; издревле Моисей и пророки были свѣтилами, которыя съ самаго восхода озаряютъ міръ въ кругахъ, болѣе и болѣе обширныхъ; въ Авраамѣ суждено благословиться свыше всѣмъ племенамъ Земли. Искренность сердца и помысла, духовность Божества и вмѣстѣ съ этимъ самое духовное искусство, поэзія, — это изложеніе чувствъ и мыслей въ размѣренномъ словѣ, — вотъ что здѣсь человѣчески значительно. Задачею Арійцамъ выпала государственность, постиженіе космоса, благоустройства, общаго наряда въ природѣ и въ исторіи, и просвѣтленная передача его въ поэзіи, въ образѣ и въ наукѣ. Изъ племенъ арійскаго корня Индійцы, на востокѣ, являются народомъ фантазіи по преимуществу; вотъ отчего и пришлось дать имъ всѣхъ болѣе мѣста въ первомъ отдѣлѣ этого труда, посвященномъ главнымъ образомъ жизни фантазіей. Начиная съ Ведъ, дающихъ намъ заглянуть въ самый процессъ роста миѳологіи и вмѣстѣ представляющихъ собой древнѣйшую поэтическую форму, мы переходимъ у Индійцевъ изъ патріархальной эпохи въ героическую, и видимъ картину послѣдней въ ихъ эпосѣ; далѣе идетъ у нихъ средній вѣкъ, — вѣкъ раздѣленія сословій подъ преобладаньемъ жречества; тутъ намъ предстаютъ зачатки философіи и вслѣдъ за тѣмъ реформація Будды; вмѣстѣ съ ней возникаютъ зодчество и ваяніе; въ противоборствѣ съ нею древніе лики боговъ обновляются и въ своей формѣ и въ средствахъ распространенія; развиваются лирика и драма, а въ заключеніе наступаетъ та искусственная кудреватость, та затѣйливая узорчатость, которая знаменуетъ собой конецъ настоящаго индійства: чтобы продлить свое существованье далѣе, Индіи понадобится обновительное вліяніе христіанско-европейскаго духа. Не такъ преизбыточны, не такъ богаты въ своемъ развитіи Иранцы, призванные Заратуштрой съ первыхъ же шаговъ къ соблюденію во всемъ мѣры и ясности, обращенные изначала къ нравственнымъ идеямъ. Своебытное героическое (или богатырское) сказаніе, * но въ изобразительномъ искусствѣ явный уже эклектицизмъ, пользовавшійся для своихъ цѣлей и своенародныхъ представленій и египетскими, и ассирійскими, и греческими формами; прививка потомъ греческаго образованія послѣ Александра, дальнѣйшая разработка религіи свѣта подъ вліяніемъ Симитовъ, — все это обличаетъ уже и въ древней Азіи взаимодѣйствіе народовъ другъ на друга; да наконецъ и само персидское искусство достигло своего полнаго цвѣта только вѣдь тогда, когда, по принятіи Ислама, раздались сладкозвучные голоса Фирдуси, Гафиза, Джеллаледипъ-Руми и другихъ.

* Хоть и не безъ явнаго сродства съ богатырскими былинами Индіи.

Идеалы патріарха, героя и страстотерпца, боговдохновеннаго провидца и мудреца, много извѣдавшаго ученаго, идеалы воинственной и мирной, гражданской и религіозной жизни, дѣятельнаго и страдательнаго настроенія, мужественности и женственности, встрѣчаются намъ то у одного какого-либо народа своеобразнымъ его достояніемъ, то у разныхъ народовъ вмѣстѣ или пожалуй даже у всѣхъ сплошь, но у каждаго въ особенной формѣ, съ особеннымъ оцвѣченіемъ или оттѣнкомъ. Мы увидимъ, какъ человѣкъ самъ рисуется въ богахъ своихъ, а идея божества, этотъ необходимый идеалъ разума, постигается и вырабатывается мыслящимъ и формирующимъ духомъ то съ одной стороны, то съ другой. Въ жизни человѣческаго рода мы нарочно вездѣ оттѣняемъ долю фантазіи, и отъ исторической дѣйствительности различаемъ тотъ скрашивающій нарядъ, которымъ фантазія всегда ее прикрывала и прикрываетъ; ни для какихъ событій въ мірѣ не допускаемъ мы отступленія отъ естественныхъ законовъ, и все что̀ играетъ послѣдними, что̀ повидимому ниспровергаетъ ихъ, мы просто относимъ къ силѣ воображенія; мы стараемся выразумѣть чары этой силы, но въ то же время уловить и идеальную истину всякаго поэтическаго созданія. Мы повозможности обходимъ все гипотетическое, гадательное; да и для того, что выйдетъ какъ достовѣрный фактъ изъ критически обслѣдованнаго и очищеннаго преданія, мы всегда доискиваемся такихъ основаній, которыя бы могли обосновать его дѣйствительно. Если въ развитіи человѣчества откроются намъ органическіе законы, которые, мимо воли и разумѣнія дѣйствующихъ лицъ, сами собой образуютъ одно связное въ себѣ цѣлое, если мы усмотримъ здѣсь міровой планъ, извѣстный нравственный міропорядокъ, который, какъ святая воля любви, проникаетъ собой всѣ судьбы земныя; если и въ природѣ, и въ исторіи намъ постоянно будетъ представать вездѣ единая и вѣчная сущность; если во всемъ человѣчески-великомъ, мы подмѣтимъ совокупное дѣйствіе нашей самознательной личности и царящей надъ нею всеобщей жизненной мощи: то отсюда мы естественно заключимъ, что эта всеобщая жизненная мощь, поддерживающая и выполняющая законъ нравственнаго порядка, открывающая всякую истину и завершающая всякую красоту, есть необходимо духъ, имѣющій равно необходимо самъ въ себѣ естественную свою причину, такъ что на дѣлѣ все изъ него возникаетъ, все имъ собственно и живетъ, и все къ нему же опять стремится и возвращается.

Міръ съ начала до конца весь Божій. Вотъ почему уже и въ этой первой части своего труда не допускаемъ мы подѣла между священною и свѣтскою исторіей. Вѣдь и у Евреевъ есть свои антропоморфическіе элементы, своя національная ограниченность и много неподобнаго, чтобъ не выразиться рѣзче; тогда какъ, съ другой стороны, у Индійцевъ и у Персовъ очевидно являлись посланцы Божіи, боговдохновенные люди, какъ пророки и зако-

нодатели: стремленіе къ человѣчности и свободѣ должно радовать насъ и у нихъ.

Если удастся мнѣ окончить этотъ трудъ, какъ я его задумалъ, * онъ подтвердитъ собой прекрасныя слова Гёте: «Никогда не смолкалъ тотъ хвалебный гимнъ человѣчества, которому быть-можетъ такъ охотно внемлетъ Божество; и мы сами чувствуемъ божественную усладу, прислушиваясь къ гармоническимъ изліяніямъ, несущимся отъ всѣхъ вѣковъ то одиночными голосами, то частными ликами, то фугами, то наконецъ величавымъ общимъ хоромъ.»

---

* Древность и Средніе Вѣка уже кончены; теперь ожидается исторія Новаго Времени, котораго философскій характеръ былъ мастерски намѣченъ авторомъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ въ сочиненіи: Die philosophische Weltanschauung des Reformations Zeitalters (Философское міросозерцаніе реформаціонной эпохи).

СУЩНОСТЬ, ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ ЯЗЫКА.

Фактъ, что люди говорятъ между собоій, принадлежитъ къ числу самыхъ дивныхъ чудесъ существованія, обступающихъ насъ таинственно-явно отовсюда, — чудесъ, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ, передъ которыхъ стройнымъ великолѣпіемъ блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ мнимыя чудеса и дива. Сначала только еще неопредѣленно и смутно, въ родѣ какого-то чаянія, шевелится въ душѣ идея; духъ старается ее себѣ выяснить, облекая въ слово и тѣмъ самымъ высказывая. Воля посредствомъ мозга вызываетъ движеніе въ язычныхъ органахъ; воздухъ, идущій дыхательнымъ горломъ изъ груди, своеобразно оформливается въ гортани, и подготовленныя этимъ волны или струи его вытекаютъ наружу; онѣ врываются въ ухо слушателя и порождаютъ тамъ особаго рода сотрясенья; нервы проводятъ сотрясенія эти въ мозгъ и причиняютъ тамъ ощущенья звука, а послѣднія побуждаютъ душу этого другого человѣка воспроизвести въ своемъ сознаніи тѣ самыя мысли, которыя задумалъ и высказалъ первый. Такимъ именно процессомъ представляется обычное явленіе разговора ближайшему наблюденію; дальнѣйшіе помыслы надъ причиной и возможностью рѣчи ведутъ насъ потомъ къ самымъ обширнымъ и важнымъ вопросамъ, къ жизненнымъ вопросамъ человѣчества, и ведутъ не только къ постановкѣ ихъ, но и къ рѣшенію.

Прежде всего подмѣчаемъ мы здѣсь тѣсную связь духа съ тѣлесною организаціей: навстрѣчу идеальнымъ потребностямъ перваго идетъ матерьяльное видообразованіе и движеніе второй; одно безъ другого было бы рѣшительно невозможно: тѣло не могло бы говорить безъ мыслящаго сознанія, духъ безъ органовъ рѣчи не могъ бы никогда высказаться, сообщиться, въ точности опредѣлить свою мысль; онъ пожалуй имѣлъ бы созерцанія и чувства, но никогда, безъ посредства языка, не дошелъ бы до представленій и понятій. Въ

крикѣ скорби или радости лежитъ слитной совокупностью цѣлый неразвернутый рядъ понятій; уже и въ этомъ своемъ видѣ онъ способенъ возбудить сочувствіе слушателя; но лишь тогда, когда всѣ отдѣльные моменты его достигнутъ сознанія, когда каждый изъ нихъ будетъ отличёнъ, выясненъ самъ по себѣ особо, и всѣ сомкнутся притомъ въ одно цѣлое, какъ изъ ростка выникаютъ стебель, листья и наконецъ цвѣтъ, а между тѣмъ во всемъ сохраняется неразрывное единство, — только когда содержаніе крика раскроется такимъ образомъ вполнѣ, тогда лишь получитъ онъ наглядную опредѣленность, и тутъ-то прежде замкнутая въ себѣ полнота чувства развернется въ высказанномъ предложеніи, гдѣ всѣ различія мыслей и предметовъ пріобрѣтутъ для себя носителей въ отдѣльныхъ словахъ, а въ общей связи послѣднихъ выразится взаимное соотношеніе этихъ различій. Языкъ — не только средство сообщенія мыслей; въ немъ образуется и создается сама мысль, она имъ собственно осуществляется, приходитъ въ немъ къ сознанію самой себя. Тѣло и духъ существуютъ другъ для друга точно такъ же, какъ существуютъ другъ для друга звукъ и мысль; какъ образующая изнутри сила расчленяетъ матерію, точно такъ же расчленяетъ она и звукъ, дѣлая его выраженіемъ понятія, такъ точно связываетъ она и особыя слова въ одно живое цѣлое; всякое предложеніе есть организмъ, въ которомъ каждое слово отсылаетъ къ другому, гдѣ каждое стоитъ только для цѣлаго, каждое въ своемъ изгибѣ и видоизмѣненьи испытываетъ на себѣ вліяніе другого, какъ испытываютъ это и члены тѣла при любомъ движеніи.

Душа, какъ жизненное начало организма, конечно впереди всего. Но если ей надо обрѣсти форму и такимъ образомъ прійдти къ себѣ самой (то-есть узнать себя опредѣленно), то для этого нужна ей матерія, въ которой она воплощается, въ которой создаетъ себѣ органъ, приводящій къ ней вліянія внѣшняго міра и доставляющій ей этимъ возможность произвесть образъ послѣдняго въ себѣ самой, а отличеніемъ себя отъ этого образа душа только и доходитъ до сознанія своей самости, своего *я*. Великое право сенсуализма (матерьялистическаго взгляда) заключается именно въ томъ, что онъ особенно налегаетъ на необходимость и значеніе чувственности; впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ будятъ дремлющее сознаніе и доставляютъ ему матерьялъ для постройки образовъ внѣшней природы, наполняютъ его своимъ содержаніемъ. «Матерія — это связь монадъ, связь душъ», скажемъ мы вмѣстѣ съ Лейбницемъ и признáемъ, что душа только и индивидуальна именно тѣмъ, что имѣетъ свое совсѣмъ особое существованіе, то есть беретъ извѣстный кругъ пространства въ полную свою собственность и существуетъ въ немъ сама по себѣ внѣ другихъ вещей *; благодаря своему воплощенію получаетъ она это индивидуальное существованье и благодаря ему же остается тѣмъ не менѣе въ связи со всей окружающей природою; воздухъ и эѳиръ, какъ носители звука и свѣта, связываютъ между собой отдѣльныя души и доставляютъ имъ возможность взаимнаго общенія и пониманія.

* Душа обладаетъ въ этомъ смыслѣ самой прочной устойчивостью, или — если можно такъ выразиться — міроупорностью: смѣна всего окружающаго, даже смѣна облекающаго ее вещества не мѣшаетъ ей оставаться все одной и той же самостью.

Но вѣдь душевные образы вещей вовсе ужь не матерьяльны, не вещественны, да и отнюдь не даются они душѣ готовыми извнѣ. Свѣтъ и звукъ, какими они намъ представляются, внѣ насъ рѣшительно не существуютъ: они только наши ощущенія движеній вещества, эѳира и воздуха, которые сами по себѣ остаются темны и беззвучны; только изъ впечатлѣнія ихъ на нашу тѣлесность мы внутренно производимъ особыя чувства свѣта, цвѣта и звука. Душа порождаетъ въ себѣ образъ свѣтящей, слышащей природы и переноситъ его на предметы, послужившіе ей къ нему поводомъ. Они даютъ ей не сознаніе, а единственно лишь первый толчекъ къ тому, чтобы способность и возможность сознанія дѣятельно осуществилась.

Такъ же точно и умъ, какъ источникъ мыслей, занимаетъ первое мѣсто. Мысли никогда не даются ему готовыми; что́ должно́ стать его собственностью, то приходится ему напередъ выработать въ самомъ себѣ. Для того, чтобъ пріобрѣсть мысль сколько-нибудь опредѣленную, онъ долженъ самъ ее оформить, долженъ въ точности различить ее отъ другихъ и придать ей своеобразное осуществленіе. Мы выясняемъ себѣ свою мысль, когда ее высказываемъ; этимъ мы даемъ ей внѣшнее бытіе, дѣйствительность внѣ всѣхъ другихъ мыслей. Средствомъ къ такому воплощенію мысли служитъ намъ звукъ, человѣческій нашъ голосъ; прежде всего мы даемъ мысли летучее, бѣглое существованіе въ своеобразно-оформленныхъ волнахъ воздуха. Но производимое ими впечатлѣнье мы твердо запоминаемъ; мы можемъ повторить, возбудить ту же мысль выдыханіемъ такихъ же точно волнъ и въ другой разъ; намъ достаточно только внутренно представить себѣ связанные съ ней однажды звуковые образы, и мы можемъ тогда мыслить словами, не произнося ихъ даже вслухъ. Однакожь наше мышленіе все-таки не что иное какъ внутренній говоръ, и безъ воплощенія мыслей въ звуки посредствомъ рѣчевыхъ или язычныхъ органовъ намъ никогда бы не дойдти до опредѣленнаго мышленья. Звукъ дѣлаетъ для насъ внятною и нашу собственную мысль, и мысль другихъ. Но звукъ такъ же точно не рождаетъ мысли, какъ не производится она фосфоресценціей мозга или не возникаетъ изъ его сотрясеній. Слышимый нами звукъ только будитъ воспоминаніе слышаннаго прежде, а съ нимъ и воспоминаніе о томъ понятіи, котораго онъ былъ носителемъ и выраженьемъ; по этому воспоминанію духъ съизнова производитъ соотвѣтственное понятіе. Мы слышимъ звуки чуждаго намъ языка, но не понимаемъ ихъ смысла, потому что не связывали съ ними этого смысла напередъ. Рѣчь предполагаетъ пониманіе, а пониманіе есть вовсе не простое лишь воспринятіе, но внутреннее порожденіе въ умѣ соединеннаго съ звуками смысла. Для дѣтей, учиться мыслить, и учиться говорить,—одно и то же. Греки однимъ и тѣмъ же словомъ логосъ выражаютъ и разумъ, и рѣчь; Латины разумъ зовутъ ratio, а рѣчь oratio.

Издавна учились языкамъ для взаимныхъ житейскихъ сношеній съ чужеродцами, цѣлые вѣка учились по-гречески и по-латини для того чтобъ понимать усладительныя созданія поэзіи и исторіи, краснорѣчія и философіи, завѣщанныя на этихъ языкахъ великими умами потомству; ради Библіи присовокупили къ нимъ потомъ изученіе еврейскаго; но всего лишь вѣкъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ извѣстенъ Санскритъ, помимо содержанія

письменныхъ произведеній, привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и самый этотъ языкъ, съ одной стороны своей новостью, съ другой богатствомъ, утонченнымъ образованіемъ и общимъ сродствомъ своимъ съ греческимъ, нѣмецкимъ и другими. Съ того времени возникла особая наука языковѣдѣнія. Сущность языка всѣхъ глубже умѣлъ постигнуть Вильгельмъ Гумбольдтъ, Боппъ основалъ науку сравнительнаго языкознанія, а Яковъ Гриммъ началъ рукою мастера историческую обработку языка. Какъ геологи по различнымъ пластамъ коры земной читаютъ исторію нашей планеты, такъ точно и языки открываютъ намъ проглядъ въ тысячелѣтія, истекшія до начала историческихъ преданій. Въ словахъ, общихъ единоплеменнымъ когда-то народамъ, распознаёмъ мы тѣ понятія, которыя успѣли они образовать до подѣла общаго ихъ ствола на разныя отрасли, выясняемъ себѣ тотъ бытъ, что вели они въ эпоху своего единства; ступень развитія, какую тотъ или другой языкъ занялъ въ общемъ ходѣ языкообразованія, обозначаетъ въ то же время и степень относительной образованности говорящаго имъ народа. Въ теченіе тысячелѣтій самъ по себѣ языкъ былъ драгоцѣннымъ скопомъ всѣхъ познаній народныхъ въ совокупности, въ теченіе тысячелѣтій и фантазія и философскій побудъ упражняли свои силы надъ постиженіемъ существа вещей, и духовный взглядъ свой на нихъ старались выразить въ словѣ; это общее художественное созданіе народнаго духа стало въ свою очередь матерьяломъ, изъ котораго геніальные умы творили потомъ созданія поэзіи и науки, конечно обусловленныя между прочимъ свойствомъ языка и представляющія цвѣтъ его въ полномъ изяществѣ.

Гумбольдтъ тѣмъ именно и основалъ философію языка, что постигъ его въ неразрывной связи съ духомъ; эта связь съ животворнымъ началомъ оживляетъ вѣдь и языкъ: вмѣсто мертворожденнаго механизма онъ выходитъ безустанной дѣятельностію, прогрессивною работой, стремящейся возвести членораздѣльный звукъ въ ближайшее повозможности выраженіе внутренняго смысла. Языкъ является въ то же время и образовательнымъ органомъ мысли которая не можетъ себя выяснить безъ словъ, а между тѣмъ непремѣнно должна оформить и обнаружить свое внутреннее содержанье. Здѣсь-то именно и предстаетъ намъ во всемъ блескѣ дѣятельность фантазіи, какъ формодатной, видообразующей силы души, и подобно тому какъ первоначально она облекаетъ душу въ тѣлесныя формы пространства, какъ потомъ изъ чувственныхъ впечатлѣній производитъ созерцательные образы (мысленныя представленья), такъ точно въ языкѣ связываетъ она чувственное съ духовнымъ, выдвигаетъ впередъ внутренній смыслъ перваго и раскрываетъ послѣднее въ доступномъ слуху звуковомъ образѣ. Во всякой дѣятельности фантазіи мы находимъ взаимодѣйствіе сознательнаго съ безсознательнымъ, изначальной природной опредѣленности съ дѣломъ человѣческой свободы, божественнаго водительства съ человѣческимъ вдохновеніемъ. Вычеканку словъ Бунзенъ очень мѣтко называетъ первоначальной поэмою человѣчества; потому что духъ нашъ порождаетъ слово тою же самою способностью, какою производится любое созданіе искусства, — способностью осуществлять безконечное въ конечномъ. Тайна духа есть вмѣстѣ и тайна вселенскаго творчества: что же такое послѣднее, какъ не выраженіе безконечной мысли во временнопространственной конечности?

Поэтому, если мы хотимъ изобразить фантазійную жизнь человѣчества * въ историческомъ ея ходѣ, прослѣдить искусство въ связи со всѣмъ быто-развитіемъ, мы необходимо должны начать съ образованья языка, и здѣсь мы тотчасъ же осмотримся, опредѣлимъ свое положеніе въ кругу понятій о духовномъ организмѣ, о взаимнодѣйствіи всеобщаго духа съ личнымъ, и наоборотъ.

Прежде всего встрѣчаемъ мы здѣсь природную опредѣленность, естественную норму въ самомъ строѣ рѣчевыхъ óргановъ и въ непосредственномъ, невольномъ побудѣ человѣка отвѣчать противодѣйствіемъ на каждое ощущаемое имъ дѣйствіе извнѣ. Противодѣйствіе можетъ состоять въ мышечныхъ содроганіяхъ, которыми пытаемся мы отстранить всякую болѣзненную поруху или помѣху; оно можетъ быть тѣлодвиженіемъ, обнаруживающимъ наше чувство этой порухи, оно можетъ стать звукомъ, если вытѣснитъ намъ изъ груди гортанью струю воздуха. Это и есть крикъ скорби или радости, и невольный, неудержимый крикъ, какъ незапный взрывъ нашего чувства, есть первое начало языка, который всегда нарождается междуметіемъ. Изъ своеобразныхъ тоновъ, вырываемыхъ у насъ болью или утѣхою, мы заключаемъ о такихъ же чувствахъ у другихъ, когда и изъ ихъ устъ раздаются въ свою очередь подобные тому звуки. Звуки эти составляютъ природный матерьялъ, которымъ формирующій, видообразующій духъ сейчасъ же и овладѣваетъ. На яву, пока онъ не спитъ, онъ вѣдь непрестанно получаетъ внѣшнія впечатлѣнія, тогда какъ въ его собственной глубинѣ безпрерывно снуютъ чувства и идеи; онъ силится удержать и тѣ и другія, силится ихъ опредметить, оформить, придать имъ осязательный, наглядный видъ. Онъ ощущаетъ движеніе вещей, которымъ онѣ обнаруживаютъ свою дѣятельность, тогда какъ собственная дѣятельность человѣка переводитъ эти чувственныя впечатлѣнія въ особаго рода ощущенья, сообразно свойству самихъ воспріемлющихъ чувствъ; и изъ впечатлѣній, производимыхъ предметомъ на разныя наши чувства, или, точнѣе говоря, изъ различныхъ ощущеній, порождаемыхъ душой при встрѣчѣ предмета или посредствующихъ его воздушныхъ и эфирныхъ волнъ съ ея собственной тѣлесностью, пластическая, образовательная сила души построяетъ одно цѣльное созерцаніе, а совокупное внутреннее впечатлѣніе послѣдняго выражается сперва невольно, впослѣдствіи же, при повторительномъ упражненіи, и произвольно,—тѣмъ либо другимъ опредѣленнымъ звукомъ. Выходитъ, что этотъ звукъ вовсе не подражаніе природѣ, а внѣшнее изображеніе порожденнаго духомъ созерцанья. Непосредственно внѣ себя не подмѣчаемъ мы ровно ни чего; вѣдь глядя на вещь, слушая звукъ, осязая что-нибудь, вкушая или обоняя, мы видимъ во всемъ этомъ только измѣненіе нашихъ собственныхъ состояній; изъ этихъ-то ощущеній нашихъ пластическая сила души, фантазія, создаетъ образы, которые, какъ свои созданія, отличаетъ она отъ своей же творческой дѣятельности, и этимъ именно опредмечиваетъ, то-есть ставитъ ихъ предъ собой какъ нѣчто, сущее внѣ ея. Внѣшній міръ для насъ не что иное какъ отраженный во внѣ

* Фантазійную, а не фантастичную. Фантастичность—одностороній перевѣсъ фантазіи и есть уже несравненно позднѣйшее явленье.

образъ нашихъ собственныхъ ощущеній *; когда мы говоримъ о пѣньи соловья или о блескѣ солнца, мы только ставимъ внѣ себя свое внутреннее ощущеніе звука и свѣта. Такимъ образомъ выходитъ что мы самодѣятельны даже и тамъ, гдѣ повидимому были только страдательны.

Чувственныя впечатлѣнія и внутреннія движенія души быстро опять исчезаютъ, пока мы не успѣемъ создать для нихъ знака и тѣмъ сообщить имъ форму и выраженіе, какъ для нашей собственной сознательности, такъ и для передачи другимъ. Средствомъ къ тому представляется самъ собою звукъ, и первая возможность взаимнаго пониманія основана на томъ, что природные звуки дѣло не личнаго произвола; они выходятъ изъ груди мимовольно, на одинъ всѣмъ общій ладъ. Итакъ у насъ есть теперь запасъ чувственныхъ впечатлѣній, есть собственныя движенія или порывы души, есть внутреннія созерцанія для первыхъ и для послѣднихъ, и наконецъ есть внѣшній звуковой матерьялъ; а языкъ не что иное какъ совнѣдреніе и сплавка этихъ элементовъ или началъ въ одно общее единство слова, гдѣ звуковой образъ представляетъ собой мысль, и вотъ почему онъ чисто — дѣло воображенія или фантазіи. Послѣдняя создаетъ между внѣшнимъ міромъ и духомъ нѣчто новое,—міръ мысли, выраженной въ словахъ,—міръ, который развертываетъ и облекаетъ въ формы сущность духа, отражая въ себѣ вмѣстѣ и природу именно такъ, какъ сложилась и расцвѣла она для его собственнаго чувства.

Внутренній образъ, эта мысль, стремящаяся къ свѣту сознанія, хочетъ яснѣе опредѣлиться для самой себя въ своемъ внѣшнемъ проявленьи; для этого ей нуженъ точно-опредѣленный, членораздѣльный звукъ, тонъ голоса, сложившійся въ гортанной щели и потомъ оформленный движеніемъ устныхъ органовъ. Членораздѣльный звукъ въ первомъ случаѣ выходитъ гласнымъ, во второмъ согласнымъ; первый составляетъ больше матерьялъ, второй предпочтительно является формовымъ, обдѣлывающимъ элементомъ; Яковъ Гриммъ видитъ въ гласномъ звукѣ женскую, въ согласномъ — мужскую стихію. Такіе членораздѣльные звуки суть зачатки и корни языка, снимки съ мысленнаго образа, осуществленіе его во внѣшнемъ матерьялѣ, въ воплощеніи, и потому — художественное совнѣдреніе идеальнаго съ реальнымъ.

Дѣятельность фантазіи проявляется и здѣсь не столько расчетомъ и соображеніемъ, — такъ какъ настоящее соображеніе (рефлексія) предполагаетъ вѣдь готовый уже языкъ, — сколько тѣмъ, что свѣтъ духа явно озаряетъ при этомъ темный естественный побудъ пластическаго творчества; въ этой именно области Вильгельмъ Гумбольдтъ положительно указалъ разумный инстинктъ, который видимо руководитъ словотворную дѣятельность и который, какъ безсознательную мощь должнаго и законнаго, слѣдуетъ признать и во всѣхъ другихъ сферахъ только-что развертывающагося духа. Какъ впослѣдствіи въ душѣ художника сочетаются матерьялъ и форма, и всецѣлый образъ будущаго созданія предстаетъ ему какимъ-то внутреннимъ откровеньемъ, которое соображающему смыслу остается только выпол-

---

* Отсюда, при неодинаковой способности ощущать и при столь же неодинаковомъ ея развитіи, обнаруживается потомъ такая разность въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ свойствахъ вещей, объ ихъ красотѣ, ихъ относительномъ сходствѣ или несходствѣ.

нить, — такъ и словотворный геній сопрягаетъ звукъ и мысль, какъ форму съ матерьяломъ; а когда въ мѣтко-найденномъ словѣ они въ самомъ дѣлѣ выходятъ сопринадлежными, когда поэтому словотворный геній и тутъ явно дѣйствовалъ изъ глубины общечеловѣческой природы, тогда понятно, что слушатели признаютъ это слово за свое собственное духовное созерцаніе и, видя что въ немъ выразилось то впечатлѣнье, какое сами они ощутили отъ предмета, они охотно его повторяютъ и легко запоминаютъ. Тѣ проявленія дѣятельности внѣшнихъ вещей, которыя человѣкъ ловитъ ухомъ, рѣчь воспроизводитъ въ подходящемъ къ тому звукѣ, но всегда обращая смутный, нерасчлененный самъ по себѣ шумъ, въ явственный и членораздѣльный; этимъ слову налагается печать нашего человѣческаго восприятія, и оно перестаетъ быть чистымъ подражаніемъ природѣ. Таковы наприм. слова: стукъ, храпъ, шумъ, громъ, свистъ, топотъ, журчаніе или м у и м я которыми дѣти обозначаютъ корову и барана; такъ точно греческое βοῦς (бусъ, вусъ) быкъ, значитъ просто «издающее звукъ б у» (или в у). Но къ этому тотчасъ присоединяется необходимость порождать слышныя выраженія и для видимаго также міра, впечатлѣніе, производимое формами и очертаніемъ вещей на нашъ глазъ, воспроизводить аналогическими звуками для уха. Это и дѣлается въ такихъ словахъ, каковы наприм. блескъ, круча, вереница и т. п. Корнемъ с т а всѣ индоевропейскіе народы означаютъ нѣчто стоячее, корнемъ п л у или ф л у —текучее; с с т! говоримъ мы, останавливая что-нибудь, причемъ звукъ с-с-с означающій сплошное движеніе, внезапно обсѣкается или обрывается звукомъ *т;* корни п л и ф л представляютъ нѣчто подымающееся изглуби или текущее (наприм. плыть, плугъ). Звукъ слова оттѣняетъ намъ движеніе волны, колыханье; такія слова, какъ мягкій, тупой, ясный, отзываются въ ухѣ впечатлѣніемъ въ родѣ того, какое сами эти представленія производятъ на душу; три коренныя согласныя *у, а, і* постепенно возводятъ изъ темной глубины основъ на любовный привѣтъ свѣта, на отрадное дневное сіяніе. Въ словообразованіяхъ такого рода сила фантазіи становится уже свободнѣе, вольнѣе; она, правда, и тутъ не покидаетъ естественной почвы, но уже пользуется ею посвоему для собственныхъ духовныхъ цѣлей. А отсюда переходитъ она къ тому, чтобъ и для чисто-духовнаго содержанія искать отвѣчающей ему естественной формы и такимъ образомъ добыть себѣ въ словѣ символъ мысли. Особенности человѣческаго нрава означаемъ мы переносно такими словами, какъ жесткость и мягкость; слова: понятіе (обнятіе) и заключеніе прилагаемъ къ такимъ дѣйствіямъ, какъ мысленное усвоеніе, соглашеніе и сопряженье представленій. И чѣмъ глубже, чѣмъ вѣрнѣе постигаютъ потомъ сущность вещей разные мыслители, тѣмъ содержательнѣй и выразительнѣй становятся употребляемыя ими слова, просвѣтленныя бо́льшей полнотою смысла и умственной зрѣлости.

На ряду съ побудомъ къ такому характеристичному обозначенію господствуетъ и въ словообразованіи сродное намъ чувство красоты: затрудняющія выговоръ или неблагозвучныя сопоставленья буквъ явно обходятся и видоизмѣняются, слишкомъ отдаленные другъ отъ друга звуки связываются переходами, вмѣсто монотоннаго повторенія одной и той же гласной берется иногда другая, ей сродственная, при образованіи составныхъ словъ одна согласная уподобляется другой (или пригоняется къ ней, прилаживается). Од-

накоже языкъ станетъ слишкомъ мягкимъ и слабосильнымъ, если народъ допуститъ непомѣрныя уступки легкости выговора, тѣлесному механизму; красота лишится тогда своей характерности и, пожалуй, совсѣмъ позабудется работа духа; но работу эту желательно видѣть не въ безплодной борьбѣ съ черезчуръ упорнымъ матерьяломъ, а въ успѣшномъ его одолѣніи: красота здѣсь — торжество побѣды.

Какъ голосъ выдаетъ цѣлое настроеніе, а тонъ и звукъ открываютъ внутреннюю жизнь, наличное состояніе чувства, и какъ сюда привходитъ еще все то, что̀ вызоветъ въ насъ темнымъ, неизслѣднымъ пока путемъ либо грусть, либо веселость, такъ все это, и формою и содержаніемъ, онаглядивается для насъ въ словѣ. Въ произносимомъ и модулируемомъ звукѣ, въ словахъ, выговариваемыхъ съ особеннымъ удареніемъ, лежитъ первоначальная поэзія и музыка, точно такъ же какъ зародышъ пластическихъ искусствъ предстаетъ намъ сначала въ камнѣ, воздвигнутомъ для означенія священнаго мѣста, или на память о какомъ-нибудь событіи. В. Гумбольдтъ говоритъ: «Слова выливаются изъ груди вольно, безъ умысла и безъ необходимости; и «ни въ какомъ захолустьи міра не было, пожалуй, такой бродячей орды, ко- «торая бы не сложила себѣ своихъ пѣсень. Человѣкъ, какъ родовое живот- «ное, принадлежитъ къ разряду пѣвчихъ тварей, но такихъ, которыя съ зву- «ковыми тонами соединяютъ мысли.» * Поэтическая сила заявляетъ себя всего прежде въ образованіи словъ; но чувственный цвѣтъ ихъ современемъ вянетъ и блекнетъ; они тѣмъ болѣе нисходятъ на ступень простого (условнаго только) знака, чѣмъ болѣе беретъ надъ ними власти разсудочный, обиходный смыслъ; и тогда уже поэзіи предлежитъ задача снова оживлять сознаніе образности, возбуждать силу воображенія затѣйливымъ ея упражненьемъ, приводить въ дѣйствіе эстетическій элементъ языка посредствомъ живописныхъ прилагательныхъ, сравненій и метафоръ съ одной стороны, и посредствомъ благозвучія и стихотворнаго ритма, съ другой. Какъ для первобытнаго словотворца матерьяломъ служатъ звукъ и различныя духовныя созерцанья, такъ впослѣдствіи богатство языка служитъ поэту матерьяломъ для откровенія идей, для изображенія всей красоты духовнаго міропорядка, или космоса.

Духу по природѣ его свойственно не останавливаться ни на единичномъ, ни на множествѣ (опять только повтореніи единичнаго): какъ самъ онъ всегда остается одинъ и тотъ же въ безконечномъ обиліи своихъ созерцаній, чувствъ и помысловъ, связывая ихъ въ единство своего самосознанія, своего *я*, такъ точно и во внѣшнемъ мірѣ ищетъ онъ всеобщаго среди разнообразія частностей, единосущности среди измѣнчивыхъ явленій. Мышленіе, поскольку оно дѣятельно, само вездѣ всеобще: вотъ почему все мыслимое нами равно принадлежитъ каждому и всѣмъ. И чего бы оно ни коснулось, всему удѣляетъ оно отъ своей свободы и своей всеобщности; слово, какъ выраженіе мысли, есть сочетанье звука съ понятіемъ, а всякое понятіе есть всеобщее единство, охватывающее всѣ подчиненныя ему частности.

---

* Чѣмъ менѣе народъ удалился отъ животненности, тѣмъ безсмысленнѣе его пѣсни, иногда вся пѣсня полудикаго человѣка состоитъ въ повтореніи одного и того же слова на распѣвъ.

Мы изнемогли бы подъ безконечнымъ обиліемъ впечатлѣній и ихъ непрерывныхъ смѣнъ, никогда бы не нашли для нихъ опредѣленнаго выраженія, да не дошли бы наконецъ и до самихъ себя, еслибъ намъ не было дано различать ихъ, распредѣлять и чрезъ то самое овладѣвать ими. Мы различаемъ одинъ созерцательный образъ отъ другого, и благодаря тому каждый изъ нихъ становится для насъ яснымъ; но мы въ то же время усматриваемъ и разность въ ихъ различіяхъ: дубъ отъ липы отличаемъ мы вѣдь совсѣмъ не такъ, какъ наприм. отъ соловья или отъ глыбы мрамору, отъ дома или отъ охотника; мы видимъ, что у соловья много общаго съ щегленкомъ, у охотника — съ пастухомъ, что у обоихъ много такого, чего нѣтъ ни въ липѣ, ни въ мраморѣ, которые зато ближе одна къ березѣ, другой, положимъ, къ кремню; и вотъ, сходное по существу сопоставляемъ мы воедино и образуемъ такія общія схемы или понятія, какъ дерево, камень, птица, человѣкъ, подъ которыми представляемъ себѣ множество однородныхъ частностей. Этихъ составившихся въ душѣ представленій во внѣшнемъ мірѣ на лицо нѣтъ, и для удержанія ихъ въ умѣ, для приданія имъ полной опредѣленности, мы нуждаемся въ наглядномъ носителѣ и находимъ его только въ словѣ. Дерева вѣдь въ наличности не существуетъ; есть пальма, есть сосна, да и то не въ видѣ пальмы, сосны вообще, а только въ видѣ особеннаго индивида; по этому индивиду придаемъ мы имя пальмы или сосны для того, чтобы мысленно сопоставить его со многими однородными вещами, которыя опять таки отличаемъ отъ осины и тополя; далѣе мы называемъ его также деревомъ, растеніемъ, подчиняя его такимъ образомъ все болѣе и болѣе общимъ понятіямъ. «Мы мыслимъ въ именахъ», говоритъ однажды Гегель; я готовъ принять это съ тѣмъ, чтобы подъ именемъ всегда разумѣть поименованное представленіе. Каждое добытое нами представленіе, эту общую схему для многихъ сродственныхъ между собой единичныхъ вещей, мы разсматриваемъ ближе, стараемся вникнуть въ ея суть и тѣмъ самымъ выработать настоящее понятіе, содержащее въ себѣ законъ и природу разнообразныхъ явленій. Подобно этому, представленія о синемъ, красномъ цвѣтѣ, о бѣгѣ, жизни и т. д. слагаемъ мы изъ бездны единичныхъ впечатлѣній и такимъ образомъ добываемъ себѣ выраженія для общихъ качествъ и соотношеній, или дѣятельностей, какія успѣемъ подмѣтить у вещей. Слово же есть воплощеніе представленій и понятій; мы не можемъ высказать имъ ни чего особаго, совершенно въ одиночку; на единичную особь должны мы просто указать, и если хотимъ передать другому на словахъ какое-нибудь созерцаніе, то вынуждены его описывать, то-есть подбирать много совмѣщающихся въ немъ представленій; чтобы вызвать въ другомъ наглядный образъ золота, намъ пріидется сказать, что оно металлъ, что оно желто, звонко, огнеупорно и т. д. Вотъ отчего дѣйствительно есть много несказаннаго (невыразимаго словомъ), и вотъ отчего на ряду съ поэзіей у человѣка есть изобразительное искусство и музыка, для непосредственной передачи задушевныхъ чувствъ и созерцаній, недоступныхъ слову формъ и процессовъ бытія; но представленіемъ и мыслію онъ все-таки собственно живетъ въ языкѣ. Духъ есть всегда себѣ присное и самообъемлющее единство сознанія среди преизбытка и быстрой смѣны чувствъ и помысловъ; оттого ищетъ и доискивается онъ постоянной сущности и въ измѣнчивомъ

ходѣ внѣшнихъ явленій, въ неоглядномъ разнообразіи вещей; сущность эту онъ постигаетъ мысленно, и понятія свои высказываетъ въ словѣ. Вотъ почему Штейнталь называетъ языкъ родиною, колыбелью духа: языкъ то именно проявленіе, та дѣятельность послѣдняго, въ которой онъ самъ себя наглядно порождаетъ, въ которой добываетъ ясное сознаніе самого себя и міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность всякаго научнаго вѣдѣнія.

Выяснивъ себѣ такимъ образомъ понятіе слова, мы должны замѣтить при этомъ только еще одно: мысль никогда не подступаетъ къ слову готовая, она только имъ впервые и завершается, съ нимъ она ростетъ, съ нимъ развивается и послѣ. И это до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать исторія человѣчества, пока природа будетъ представлять что-либо недознанное, и духъ — производить что-либо новое. Дѣло въ томъ, чтобъ для всего найдти настоящее мѣткое слово, высказать существо вещи такъ, чтобъ она стала ясна и понятна для насъ и для всякаго другого. «Кто нашелъ мѣткое «слово, говоритъ Лацарусъ, у того, значитъ, и совершеннѣйшее представленіе; мѣткое слово всегда то, которое своею внутреннею формой связываетъ это представленіе съ рядами другихъ, всего болѣе подходящихъ «къ нему или объективно (по своему внутреннему содержанію), или субъективно по той цѣли, какую говорящій имѣлъ на тотъ разъ въ виду. Вотъ «почему такъ и хвалятъ въ любомъ обществѣ умѣнье найдти мѣткое слово «(попасть не въ бровь, а прямо въ глазъ): какъ часто служитъ оно магическимъ ключемъ къ душамъ слушателей, какъ часто оно озаряетъ ихъ «своимъ свѣтомъ! Мы сами иногда сознаемъ что у насъ есть мысли которыхъ мы еще не поняли, для которыхъ не съумѣли еще пріискать настоящаго слова; это собственно не мысли, а скорѣе только ихъ зачатки или «зародыши; другой выскажетъ такую мысль въ словахъ, и мы тутъ только «поймемъ ее и вмѣстѣ поймемъ, чего намъ собственно хотѣлось. Насъ часто «вразумляетъ простой, буквальный смыслъ слова, которое своей внутренней формою вдругъ пробудитъ всѣ подходящіе сюда помыслы. Такое слово, «какъ магнитъ, вызываетъ въ душѣ слушателя изъ самой глубины несознанныхъ представленій то именно, которое было нужно. Внутренняя «форма слова, это — химическій реагентъ, благодаря которому въ мутномъ «хаосѣ туманныхъ мыслей тѣ, что между собой сродственны, соединяются, а несродственныя отталкиваются, и всѣ такимъ образомъ выясняются въ своихъ различныхъ свойствахъ. Тѣ же самые законы психическаго «сродства дѣйствуютъ потомъ, хотя и не непосредственно, при возбужденіи «внутреннихъ чувствъ и движеній сердца, при укрѣпленіи мотивовъ къ дѣятельности во всѣхъ сферахъ жизни: учитель, ораторъ, поэтъ, всѣ они «прилагаютъ эти законы къ дѣлу сперва въ самихъ себѣ, потомъ въ душахъ «своихъ слушателей, всѣ они сильны только умѣньемъ соединять свои помыслы съ самою дѣйствительною формой слова.»

Съ самаго начала возникаетъ въ душѣ человѣка отрадное чувство красоты отъ созвучнаго лада вещей съ его собственнымъ духомъ и смысломъ; но полнѣйшее богатство эстетическаго наслажденія дается сознанію и разумѣнію только тогда, когда онъ успѣетъ отвердить въ словахъ разнообразныя свои настроенія и вызывающіе ихъ предметы. Съ самаго начала нравствен-

ный міропорядокъ мощно властвуетъ въ нашей совѣсти, но законъ его проявляется лишь темными движеньями, скоропреходящими порывами чувства, пока мы ихъ себѣ не усвоимъ и не опредѣлимъ ихъ въ словѣ, какъ доброжелательство, справедливость, мужество, любовь, свободу и т. д.; этимъ освѣщается для насъ нравственная область, этимъ частное, особенное правило возводится на степень полносильнаго для всѣхъ и вездѣ, черезъ это становится оно закономъ и правомъ. Такъ, благодаря языку, человѣчество идетъ впередъ къ своей цѣли, которая въ томъ и состоитъ, чтобъ духъ ясно сознавалъ самого себя и весь міръ и по этому сознанію направилъ свою волю и дѣйствія.

Бытіе есть дѣятельность; разнообразныя вещи не праздно лежатъ другъ возлѣ друга въ пространствѣ, онѣ и сами развиваются во времени, и вмѣстѣ безпрерывно дѣйствуютъ одна на другую; какое бы ни получили мы впечатлѣніе отъ внѣшняго міра, оно всегда вызвано предметами и дѣйствіями ихъ въ совокупности. Однимъ взглядомъ схватываемъ мы кавалерійскій бой, и видимъ не только людей и лошадей, но вмѣстѣ и ихъ движенія, нападеніе и оборону, отступленіе и торжество, и всецѣлое это впечатлѣніе всецѣло выражаемъ звукомъ, который въ видѣ восклицанія вырывается у насъ изъ груди. Также точно обнаруживаемъ мы непосредственно звуками и внутреннюю жизнь нашихъ чувствъ. Но тутъ приходитъ смутно и незамѣтно все то, что̀ помимо ихъ опредѣленнаго настроенія радуетъ насъ или печалитъ; и это наводитъ насъ, какъ и въ первомъ случаѣ, на размышленіе: при помощи его мы различаемъ сами себя отъ предметовъ и предметы отъ ихъ дѣйствія и страданія, а потомъ все это расчленившееся передъ нами многоразличіе смыкаемъ опять въ общее единство. Когда рѣчь становится выразителемъ подобной дѣятельности духа, слово развертывается уже въ предложеніе. «Начало и конецъ всякаго разнобытія — единство,» говоримъ мы вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ, и вмѣстѣ съ физіологами признаёмъ, что все органическое происходитъ и ростетъ не чрезъ сложеніе частей, заранѣе готовыхъ, а чрезъ развитіе простого (безсложнаго) зародыша, черезъ подѣлъ того, что̀ и за симъ остается единымъ. Здѣсь опять полносильно древнее изреченіе Аристотеля, что цѣлое существуетъ прежде своихъ частей. Вотъ почему, для уразумѣнія языка, какъ организма, необходимо держать въ памяти, что первоначально, да и теперь еще впрочемъ у дѣтей, одно слово заступаетъ мѣсто цѣлаго предложенія, и что стало-быть оно собственно ни имя существительное, ни прилагательное, ни глаголъ, а скорѣе пожалуй все это вмѣстѣ. Первыя предложенія вѣроятно состояли изъ сопостановки нѣсколькихъ подобныхъ словъ.

Большимъ шагомъ и новою ступенью словоразвитія было за тѣмъ то, что человѣкъ началъ различать свойства отъ ихъ носителей, предметы — отъ ихъ дѣйствія и страданья, и сообразно этому установлять различные виды словъ (части рѣчи). Какъ сама жизнь состоитъ въ движеніи и взаимодѣйствіи, такъ точно она проникаетъ и въ языкъ съ той собственно поры, какъ соотношеніе вещей, ихъ дѣйствіе и страданіе, надумались выражать глаголомъ. Послѣдній, въ этомъ смыслѣ, — слово по преимуществу, и не даромъ Латины и Славяне называютъ его просто verbum, глаголъ. Онъ знаменуетъ дѣятельность вещей, которою они собственно и производятъ на насъ впеча-

тлѣніе; отъ этой именно дѣятельности и идетъ большая часть словесныхъ корней: вѣтеръ очевидно то, что̀ вѣетъ, пѣтухъ то, что̀ поетъ, оселъ, asellus отъ корня as, — то, что̀ носитъ. Но чтобы рѣчь была образомъ настоящаго міра, дѣйствіе и страданіе должны высказываться въ ней движеніемъ. «Всѣ остальныя части рѣчи представляютъ какъ бы мертвый, ждущій живой «связи матерьялъ; одинъ глаголъ — средоточіе жизни, всюду ее разливающее. Въ одномъ и томъ же синтетическомъ (совокупительномъ) актѣ смы«каетъ онъ сказуемое съ подлежащимъ живой связью бытія, и притомъ такъ, «что бытіе, переходящее въ единодѣйственность съ энергическимъ сказу«емымъ, приписывается самому же подлежащему, вслѣдствіе чего то, что̀ «мыслилось еще только какъ доступное связи, соединимое, становится здѣсь «дѣйствительнымъ ея процессомъ, связнымъ и совмѣстнымъ бытіемъ. Не «только что *мы* мыслимъ о ниспадъ молніи, нѣтъ, сама молнія нисходитъ съ «неба; не только *мы* сопрягаемъ духъ съ нетлѣнностью, какъ нѣчто соединимое, нѣтъ, самъ духъ становится нетлѣннымъ. Мысль, еслибъ можно было «такъ чувственно выразиться, покидаетъ благодаря глаголу внутреннее свое «жилище и прямо переходитъ въ дѣйствительность». (Гумбольдтъ). Особенно должно это сказать о спрягаемомъ глаголѣ, очевидно зависящемъ отъ того, что духъ различаетъ въ немъ и самъ себя, и другія личности, и наконецъ вещи, что различія эти онъ опредѣляетъ мѣстоименіями: я, ты, онъ, мы, вы, они, и сообразуетъ формы глагола съ этими формами мѣстоименія.

Единичныя части предложенія всегда вѣдь лежали бы внѣшнимъ образомъ другъ подлѣ друга, не сопроникаясь внутренно и не смыкаясь въ одинъ цѣлый организмъ, еслибъ взаимное отношеніе словъ между собою, разности лицъ, единственнаго или множественнаго числа, дѣйствія или страданія, выражались опять только особыми же словами. Съ этого конечно и началось; но оно было еще неорганической ступенью рѣчеразвитія. Совсѣмъ иначе пошло дѣло тогда, когда всѣ эти различія внѣдрились въ самый составъ реченій, когда, сообразно видоизмѣненіямъ въ содержаніи, и самыя формы словъ стали измѣняться приставками, нарощеніями и преобразованіями. Само слово вышло тогда организмомъ въ своемъ родѣ, подобно растенію, пускающему отъ корня или ствола отпрыски и листья своей внутренней силою, по мѣрѣ испытываемыхъ имъ стороннихъ вліяній. Теперь то отношеніе, въ какомъ стоятъ слова, явственно знаменуется на нихъ самихъ; глаголъ согласуется съ подлежащимъ и управляетъ тѣмъ что̀ отъ него зависитъ. Теперь, благодаря склоненію и спряженію, или флексіи вообще, въ живой рѣчи водворяется единство среди разнообразія; въ формѣ различныхъ частей рѣчи выражается взаимное ихъ соотношеніе, одно зависитъ отъ другого, обусловливая вмѣстѣ и форму каждой части и ея положеніе, такъ что всѣ онѣ въ совокупности являются внутренно-связными членами одного и того же организма. Тутъ только языкъ становится въ самомъ дѣлѣ органическимъ выраженіемъ духовной мощи, тутъ начинаетъ онъ вѣрно отражать въ душѣ благоустроенный и полножизненный внѣшній міръ. Какое великое подспорье заключается уже въ томъ одномъ, что разность половъ переноситъ онъ на всѣ сплошь предметы, что онъ такимъ образомъ мысленно ихъ одушевляетъ, что само слово выражаетъ, какою именно предстала ему вещь, болѣе ли дѣятельною, или болѣе пріимчивой, болѣе мощной, или кроткой,

болѣе соотвѣтственною мужской, или, напротивъ, женской природѣ, или же, наконецъ, чѣмъ-то среднимъ между обѣими! Въ языкѣ равномѣрно отразились и глубина души и творческая сила фантазіи. Вообще: тотъ божественный разумъ, который царитъ въ природѣ и въ мысли человѣческой, который далъ обѣимъ ихъ законы, тотъ же разумъ властвуетъ и въ языкѣ, а фантазія реализируетъ, осуществляетъ въ немъ человѣческіе помыслы и, вмѣстѣ, идеализируетъ, осмысливаетъ вещи.

Глядя на языкъ, какъ на духовный организмъ, мы видимъ что, помимо всякой индивидуальной воли и способности, онъ существуетъ независимо, самобытно; что, напротивъ, каждое единичное лицо какъ бы врождается въ готовую среду его, отъ нея получаетъ матерьялъ и пошибъ своего мышленья. Правда, жить и дѣйствовать языкъ можетъ только до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ говорить имъ смѣняющія другъ друга единичныя личности, пока онѣ усвоиваютъ себѣ мысль заложенную въ каждое его слово; но вѣдь и тутъ онѣ только воспроизводятъ нѣчто предметное, внѣличное, объективное. И вотъ почему не мудрено, что, обсуждая сущность языка, человѣкъ невольно поддается удивленію и даже готовъ иногда счесть его за какое-то сверхчеловѣческое чудо.

Загадка, откуда происходитъ языкъ и какъ именно онъ дается человѣку, конечно останется неразрѣшимою, если съ одной стороны предположить человѣка безсловеснымъ, а съ другой поставить независимо отъ него существующимъ готовый уже языкъ; но при генетическомъ разсмотрѣніи его сущности, какое пытался я здѣсь представить, изложено вмѣстѣ и происхожденіе, и постепенное развитіе его. Двѣ прежнія догадки о происхожденьи языка оказываются, напротивъ, равно невѣрными, потому что обѣ невозможны. Одна, исключительно держась за свободу человѣческаго духа, говоритъ что языкъ чисто изобрѣтенье послѣдняго, что люди, въ видахъ взаимнаго общенія, условливаются съ сознательнымъ умысломъ означать извѣстныя вещи извѣстными словами. При этомъ связь языка съ человѣческой природою, первый выходъ его изъ естественнаго звука, теряются точно такъ же изъ виду, какъ и необходимость его для мышленія, какъ и развитіе языка въ постепенномъ своемъ ходѣ. Какъ можно было уговориться обозначать извѣстные предметы такими-то, а не другими словами, если напередъ уже не существовало общепонятнаго языка? Рѣшеніе изобрѣсть такой языкъ предполагаетъ не только существованіе рѣчи, но и знакомство съ ея сущностью; а кто знаетъ, что́ такое рѣчь или языкъ, тотъ уже обладаетъ ими, и вовсе не нуждается въ ихъ изобрѣтеніи. Напротивъ, человѣкъ вначалѣ не сознаетъ законовъ языка, и научается имъ потомъ только изъ грамматическихъ разысканій. Единичному лицу, силящемуся умышленно порушить живой составъ рѣчи, это никогда не удается; рѣчь выражаетъ общій смыслъ народа, и все лично-произвольное оказывается въ ней несостоятельнымъ уже по той одной причинѣ, что ей необходимо быть общепонятною; муштровать ее посво̀ему невозможно; это прогрессивно-развивающійся организмъ; мы содѣйствуемъ мимовольно сложенію его и росту, и новѣйшей эпохѣ удалось открыть законы его развитія, управляющіе имъ въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій.

Конечно, это указываетъ за предѣлъ чисточеловѣческой дѣятельности, и потому-то первоздателемъ языка считали само Божество, которое надѣлило имъ человѣка, какъ подаркомъ въ день рожденія, и подарокъ этотъ положило ему въ колыбель. Здѣсь опять-таки предполагаютъ человѣка безсловеснымъ, а языкъ готовымъ заранѣе. Но въ такомъ случаѣ, чтоже бы онъ съ нимъ сдѣлалъ? какъ бы онъ могъ принять его, выразумѣть и употреблять? Слова вѣдь выраженія понятій, звуковые образы образовъ созерцательныхъ, порожденныхъ мыслью; они вѣдь пустой звукъ, пока съ ними вмѣстѣ не мыслится понятіе, созерцаніе, сложенное умомъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній. Поэтому, одновременно съ языкомъ, Богу надлежало бы одарить первыхъ людей и знаніемъ міра и идеями, въ готовомъ также видѣ. Но каждый духовный даръ есть лишь урокъ или задача, которую мы сами должны себѣ усвоить, разработать и осуществить. Мысль дается намъ только тѣмъ, что мы сами ее продумаемъ: такова природа ея и сущность. Ни кто другой не вложитъ ее намъ въ голову, какъ кладутъ наприм. яблоко въ карманъ; сторонній человѣкъ можетъ только навести насъ на путь, чтобы мы сами породили въ себѣ тотъ или другой помыслъ, а вмѣстѣ и слово, потребное для его выраженія. Богъ, захотѣвъ свободы человѣка, самъ поставилъ мощь свою и откровеніе въ прямую связь съ нашимъ содѣйствіемъ. Мысль и слово дѣйствительны только какъ плодъ духовной самодѣятельности; настоящее мышленіе всегда самобытно. Чтожь касается до созерцанія вещей, до опытнаго міропознанія, то и ихъ отнюдь не льзя получить въ видѣ готоваго подарка: вспомнимъ, что̀ Беришъ сказалъ молодому Гёте: опытность состоитъ въ томъ, чтобъ допытаться собственнымъ опытомъ, что̀ она такое. У Бога невозможнаго нѣтъ ни чего, кромѣ однако несообразности. Создать человѣка съ выработавшимся уже языкомъ значило бы создать его съ самаго начала надѣленнымъ культурою, тогда какъ по существенному своему понятію культура есть не что-либо данное и первобытное, а именно дѣло исторіи, развитія во времени. Языкъ не могъ быть подаренъ человѣку, ни прирожденъ ему. Языкъ предполагаетъ разумѣніе, а разумѣть значитъ самодѣятельно производить; мысль и слово неразрывны между собою.

Яковъ Гриммъ въ послѣдніе годы своей жизни занялся опять вопросомъ о происхожденіи языка, — вопросомъ, который еще Гердеръ пытался разрѣшить въ прошломъ столѣтіи. Подтверждая отвѣтъ Гердера относительно участія здѣсь человѣческой свободы, онъ приводитъ еще нѣкоторыя другія доказательства насчетъ того что языкъ не могъ быть созданъ изначала, что онъ сложился исторически. «Представимъ себѣ его красоту, говоритъ «Гриммъ, представимъ себѣ силу и разнообразіе, съ какими разлился онъ по «всей землѣ, и онъ покажется намъ чуть не чѣмъ-то сверхчеловѣческимъ, «едва ли истекшимъ отъ людей; мы скорѣе найдемъ что въ устахъ человѣка «онъ тамъ и сямъ попортился, потерпѣлъ въ своемъ совершенствѣ болѣе или «менѣе значительный ущербъ. Развѣ семьи языковъ не похожи на семьи рас- «теній и животныхъ, даже на людскія племена въ безконечномъ почти много- «образіи ихъ видовъ? Развѣ языкъ, въ благопріятномъ положеніи, не цвѣтетъ «какъ дерево, которому ни что не мѣшаетъ рости и которое свободно раски- «дывается во всѣ стороны; а когда онъ остается неразвитымъ, запущеннымъ «и наконецъ видимо умираетъ, развѣ не подобится онъ растенію, блекнущему

«и пропадающему за недостаткомъ свѣта и земли? Также и та дивная за-«живчивость, съ какою быстро сглаживаются въ языкѣ всѣ претерпѣваемые «имъ ущербы, развѣ не подходитъ къ могучей живительной силѣ природы, «и развѣ не точно такъ же какъ и послѣдняя языкъ умѣетъ всегда проба-«виться небольшими средствами и жить при этомъ полною рукой: онъ бере-«жетъ не скряжничая, и тратитъ много не мотая.»

За тѣмъ, Гриммъ обращаетъ вниманіе на голосъ одушевленной природы и на то, что все прирожденное у животныхъ носитъ характеръ неизгладимости. Вотъ почему голосъ, какимъ каждая порода животныхъ надѣлена однообразно и неизмѣнно, стоитъ въ прямой противуположности съ человѣческимъ языкомъ, который вѣчно измѣняется, обновляясь изъ поколѣнія въ поколѣніе и всегда требуя опять изученья. Если новорожденнаго русскаго или французскаго ребенка воспитать въ Германіи, онъ впервые заговоритъ по-нѣмецки; стало-быть ни тотъ, ни другой языкъ ему не прирожденъ. Языкъ развивается въ исторіи и самъ имѣетъ свою исторію; это прогрессивная, поступательная работа, быстрый и вмѣстѣ, пожалуй, медленный добытокъ человѣчества, которое обязано имъ свободному развитію своей мысли. Люди должны благодарить Бога за все что̀ они есть, но имъ самимъ принадлежитъ все то, чего добились они собственной работой и борьбою, — хорошо ли оно или худо, все равно.

Такимъ образомъ языкъ, разсматриваемый, какъ измыселъ и дѣло человѣческой свободы, указываетъ намъ на нѣчто необходимое и на Бога; а когда мы взглянемъ на него, какъ на божеское созданіе, на даръ, нниспосланный свыше, мы неизбѣжно приходимъ къ тому, что онъ порожденъ человѣческой дѣятельностью. Безсознательное и сознательное дѣйствуютъ въ образованіи языка совмѣстно и заодно, какъ и во всякой дѣятельности фантазіи. Божеское и человѣческое взаимно сопроникаются. Человѣкъ отъ природы надѣленъ способностію къ слову потому уже, что онъ духъ, а въ своемъ тѣлѣ обладаетъ онъ звукородными орудіями; самое порожденіе звуковъ совершается у него неумышленно, какъ рефлективное движенье, вызванное силой внѣшнихъ впечатлѣній. Съ свойственнымъ ему логическимъ закономъ мысли человѣкъ и въ развитіи языка дѣйствуетъ разумно, хотя не научно, не отчетливо. Все это устроено не имъ, а дано ему отъ природы. Но тѣсная связь духовной словоспособности съ тѣлеснымъ организмомъ предполагаетъ высшее начало, прозрѣвающее ихъ насквозь, предназначающее и видообразующее ихъ другъ для друга; безотчетное и однакожь цѣлесообразное дѣйствіе какъ тѣлостроительной, такъ и словотворной фантазіи указываетъ на поставляющій себѣ цѣли духъ. Духовная и тѣлесная словоспособность и законъ развитія рѣчи конечно — созданіе Божіе; то, что мы выше назвали даромъ природы, можно понять единственно лишь какъ дѣло самосознательной мудрости, а вовсе не какъ результатъ слѣпого случая. Но этотъ даръ въ то же время и задача. Духъ полагаетъ сущность свою въ дѣйствіи, въ выработкѣ самого себя, и потому-то человѣческая свобода должна развивать словоспособность, чтобы тѣмъ самымъ прійдти къ себѣ самой. Идея языка — Божій помыслъ и лежитъ въ основѣ всѣхъ вообще языковъ; но осуществленіе ея въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ — собственное дѣло человѣка. Идея языка

прирождена душѣ человѣческой, но то, что̀ такимъ образомъ существуетъ лишь въ возможности, одѣйствотворяемъ и развиваемъ уже мы сами. Мысль наша постигаетъ существо вещей и высказываетъ его въ словѣ потому, что сами вещи замышлены въ духѣ Божіемъ, утверждены и сотворены въ вѣчномъ Словѣ.

Тому, кто глубже вглядится въ жизнь, богочеловѣчность предстаетъ отовсюда. Онъ слышитъ голосъ Божій въ своей совѣсти; онъ знаетъ что до лучшихъ своихъ помысловъ дошелъ не собственнымъ умозаключеніемъ или расчетомъ, что они незапно возникаютъ въ немъ, какъ откровенія изъ глубочайшихъ основъ жизни; онъ постигаетъ то божественное вдохновеніе, котораго силой фантазія художника творитъ превосходнѣйшія созданья помимо его воли и разумѣнія. Но понятіе богочеловѣчности остается недоступнымъ для насъ до тѣхъ поръ, пока мы не только что различаемъ между божескимъ и человѣческимъ, но и вполнѣ ихъ разъединяемъ. Только познавъ что сами мы живемъ въ Богѣ, и онъ въ насъ, что въ цѣломъ мірѣ раскрываются намъ его существо и помыслы и что возвратомъ къ нему мы достигаемъ своего назначенія, находя его съ любовью въ самихъ себѣ и сознавая что онъ источникъ и цѣль нашего существованія; только когда божеское и человѣческое самосознаніе ясно предстанутъ намъ различными и вмѣстѣ нераздѣльными, подобно тому какъ наше *я* различно и вмѣстѣ единосущно съ своими особыми дѣятельностями и помыслами, — только тогда богочеловѣчность сдѣлается для насъ понятною и послужитъ намъ ключемъ къ уразумѣнію природы и исторіи. Вѣдь и въ исторіи божественное міроводительство совершается не съ помощію проволокъ, управляющихъ нами, какъ выпускными куклами, и не съ помощью какихъ-либо готовыхъ опредѣленій, обрушивающихся на насъ извнѣ; оно совершается ходомъ собственныхъ дѣлъ человѣческихъ, которыхъ результатъ конечно сплошь неожиданъ для частнаго предусмотрѣнія, благодаря слишкомъ многосложной діалектикѣ всемірныхъ судебъ. Нравственный міропорядокъ однако преобладаетъ, заносчивое своевольство губитъ само себя, несправедливое угнетеніе пробуждаетъ въ народѣ энергическое сознаніе свободы. Такъ точно Богъ не преподаетъ намъ и языка какъ сторонній учитель, а человѣкъ не твердитъ урока какъ повторяющій за нимъ ученикъ, но свободно осуществляетъ дарованную ему отъ Бога способность. Подобно тому какъ нашъ собственный духъ царитъ надъ всѣми отдѣльными помыслами и надъ ихъ развитіемъ, Богъ царитъ и властвуетъ надъ всѣми рѣшительно духами, соприсутствуя имъ всегда и вездѣ, а содѣйственное его водительство открывается намъ только въ развитіи цѣлаго. Совершается же это развитіе посредствомъ недѣлимыхъ, которые вступаютъ въ міръ непредвидимо и непредрасчислимо, какъ новое опять твореніе, и ведутъ начатое далѣе съ обновленною творческою силой.

Человѣкъ — существо общежительное, соціальное. Только въ обществѣ можетъ онъ достигнуть своего назначенья. Онъ уже отъ природы существуетъ какъ мужчина и женщина, и въ культурѣ, то-есть въ постепенномъ быторазвитіи, человѣчность достигается только тѣмъ, что каждый воздѣлываетъ свои особенныя дарованія и несетъ своеобразную работу; плоды ея онъ предлагаетъ потомъ на сопользованіе другимъ, пользуясь въ свою оче-

редь результатами ихъ дѣятельности и пополняя ими свою силу. Но для этого человѣчеству нужна такая связь, которая, развиваясь вмѣстѣ съ прогрессивнымъ ходомъ жизни, вплеталась бы живою нитью въ общую ихъ дѣятельность: связь эта и есть именно языкъ. Мы опредмечиваемъ для себя собственныя свои мысли и научаемся понимать ихъ, высказывая ихъ въ словѣ, различая ихъ отъ мыслящей дѣятельности самосознанія и тутъ же пріурочивая къ ней, какъ ея плодъ. Но уразумѣвъ по высказанному мною слову воплощенное въ немъ понятіе, я узнаю это понятіе въ томъ же звукѣ, высказанномъ и кѣмъ бы то ни было другимъ; то есть я разумѣю другого и его слово. А возможность такого обоюднаго разумѣнія происходитъ отъ того, что въ обоихъ насъ царитъ одинъ и тотъ же разумъ, что мы только особыя индивидуальныя явленія одного и того же существа.

Еслибъ вещи или атомы были вполнѣ раздѣльны другъ отъ друга, находились совершенно порознь, каждая и каждый сами по себѣ, то не могло бы быть между ними и никакого взаимодѣйствія. Картезіанизмъ, рѣшительно разлучившій духъ съ природою, долженъ былъ поэтому принять, что постоянная помощь Божія служитъ мостомъ между ними, порождая въ природѣ то именно дѣйствіе, къ какому съ своей стороны стремится духъ. Эту постоянную Божескую помощь Лейбницъ замѣнилъ изначальною, разъ навсегда предуставленною гармоніей, въ силу которой всѣ самостоятельныя впрочемъ развитія отдѣльныхъ существъ всегда согласны между собою и приходятся такъ ладно, какъ будто бы они другъ друга обусловливали. Но взаимодѣйствіе и тутъ остается невозможнымъ. Оно мыслимо только тогда, когда единичныя существа поддерживаются и объемлются одною общей сущностью или субстанціей, являясь въ видѣ ея собственныхъ самоопредѣленій и самораскрытій, такъ что между ними нѣтъ ни какой безпереходной бездны, а напротивъ одно общее бытіе разлито во всѣхъ безъ изъятія, давая себѣ въ каждомъ изъ нихъ особое, индивидуальное существованье. Такъ вяжутся другъ за другомъ наши представленія и совокупляются въ одну общую дѣятельность, въ единство самосознанія, потому что всѣ они проникнуты нашимъ *я*, которое въ каждомъ изъ нихъ присутствуетъ и рѣшительно царитъ надъ всѣми. Такъ и люди разумѣютъ одинъ другого, дѣйствуютъ другъ на друга, и совершаютъ общее имъ дѣло, потому что всѣ они вполнѣ объяты однимъ высшимъ единствомъ, въ немъ всѣ возникаютъ, имъ и держатся.

Языкъ есть стало-быть созданіе общей дѣятельности человѣчества. Всякъ нуждается въ немъ для усвоенія себѣ міра мысли, и не иначе можетъ выучиться говорить, какъ пуская свое собственное мышленіе въ сотрудничество съ мышленіемъ всѣхъ прочихъ, воспроизводя въ себѣ все то, что́ ими произведено и добыто. Благодаря этому, совокупная ихъ сила становится его силою, но благодаря этому же, съ другой стороны, дѣятельность каждаго обусловлена успѣхами работы всѣхъ прочихъ и добытками цѣлыхъ столѣтій. Кто хочетъ быть понятымъ, тотъ долженъ умѣть войдти въ природу слушателей. «Говорить значитъ пригростить свое частное мышленіе къ общему,» замѣчаетъ Гумбольдтъ. Любой новорожденный долженъ начать мыслить и пріобрѣсть себѣ все то, что́ впослѣдствіи назоветъ своимъ; тутъ языкъ приходитъ къ нему на помощь; ему не нужно изобрѣтать звуковыхъ знаковъ ни

для созерцаній, ни для идей; слыша слова, онъ тутъ же видитъ передъ собой образы предметовъ; сами слова ведутъ его къ накопленнымъ въ нихъ сокровищамъ знанія; какъ единичный человѣкъ, онъ проходитъ и усвоиваетъ себѣ въ нѣсколько лѣтъ родовую работу цѣлыхъ тысячелѣтій. Поэтому, достигаемая имъ умственная ступень обусловлена и прямымъ и послѣдственнымъ содѣйствіемъ всего прошлаго. Такимъ образомъ свобода наша держится всегда на основѣ всего нашего духовнаго бытія, какимъ сложилось оно издавна благодаря длинному ряду человѣческихъ дѣлъ и мыслей; прошлое не перестаетъ въ насъ дѣйствовать, но потому именно что дѣйствіе его продолжается, мы и можемъ двигаться впередъ, вести жизнь, полную характера и послѣдовательности. Въ языкѣ становится для насъ яснымъ, какъ единичное лицо живетъ въ цѣломъ родѣ, а послѣдній въ единичной особи. Языкъ дѣлается мертвъ и превращается въ окалину духа, какъ скоро не одушевляетъ его индивидуальная дѣятельность; онъ языкъ, онъ живая рѣчь только до тѣхъ поръ пока на немъ говорятъ, то-есть пока единичныя лица мыслятъ въ его формахъ и духовно воспроизводятъ ихъ содержаніе. Единичный человѣкъ былъ бы малъ до крайности, будь онъ вынужденъ все выработать для себя самъ собой, одинъ; языкъ предоставляетъ въ его пользу общіе добытки человѣчества; его мышленіе и творчество всегда обусловлены даннымъ состояньемъ языка, но зато послѣдній служитъ вмѣстѣ и матерьяломъ и орудіемъ для прогрессивной его дѣятельности, овозможивающимъ высшее развитіе каждаго лица, а чрезъ то самое и всего человѣческаго рода. Шекспировъ «Юлій Цезарь» обусловленъ не только исторіею театра у Англичанъ или тѣмъ что какой-нибудь Нортъ кстати перевелъ Плутарха, слѣдовательно тѣмъ что еще заранѣе возродилось тамъ изученіе древности; онъ обусловленъ не только личностями самого Плутарха и Юлія Цезаря, но и возникновеніемъ англійскаго языка, по корнямъ своимъ принадлежащаго Азіи; и подобно тому какъ этотъ языкъ необходимо указываетъ намъ на геній, который, по вдохновенію свыше, утвердилъ за нимъ индогерманскій типъ, такъ точно и драма Шекспира могла выйдти не изъ одного только ариометическаго сложенія наличныхъ условій, но благодаря вновь вступившей во всемірную исторію творческой силѣ поэта, чему однакожь содѣйствовала и вся сумма тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ намекнулъ я только на самые видные. Развѣ камнебитный молотъ, впервые проложившій ѣзжалую дорогу черезъ Бреннеръ *, не имѣлъ извѣстной доли участія въ Гётевской «Ифигеніи», которая совершенствомъ своихъ формъ могла созрѣть только въ италійскомъ краѣ, на которую оказали свое явное вліяніе не только Винкельманъ, но также и мастера, создавшіе Бельведерскаго Аполлона и Ніобу, художники, какъ Рафаэль и т. д.? Бунзенъ сопоставляетъ «Отче нашъ» на нѣмецкомъ языкѣ временъ Ульфилы (360 г.), Татіана (860 г.), Ноткера (1000 г.), Лютера (1518) и нынѣшнемъ; одна мать семейства перенимала эту молитву у другой и научала ей своего ребенка; такъ прошла она черезъ 40 или 50 поколѣній, но то, чему мать учила ребенка въ далекую старину, едва ли и понять теперь безъ объясненій, а между тѣмъ ни какого насильственнаго разрыва тутъ не было. Совершенно мимовольно шло своимъ чередомъ измѣ-

* Горный хребетъ въ Тиролѣ, на пути изъ Германіи въ Италію.

ненье языка, какъ идетъ ростъ дерева. Духовная работа цѣлыхъ милліоновъ живетъ въ одномъ только языкѣ и входитъ въ результатъ общаго образованія; надъ уровнемъ его возносятся по временамъ самобытные геніи и открываютъ новые, не чаянные прежде пути, совершаютъ великіе подвиги; но и ихъ разумѣютъ только потому, потому признаютъ вождями ихъ эпохи, что они поддерживаются народнымъ ея духомъ и высказываютъ то самое, чтó у всѣхъ вертѣлось тогда на языкѣ. У любого великаго помысла есть свои предки, и въ то время какъ онъ дѣлается господствующимъ, мы замѣчаемъ что его пытались высказать и съ другихъ сторонъ, да не успѣвали въ этомъ, пока кто-нибудь одинъ не довелъ его въ себѣ до полной ясности. То-же самое и съ словообразованіемъ, съ творческимъ сложеньемъ рѣчи. Многоразличныя попытки вызываютъ и подстрекаютъ одна другую; удерживается же только то, чтó отвѣчаетъ и удовлетворяетъ чувству или смыслу большинства современниковъ, и единичное лицо, высказавшее мѣткое это слово, является такимъ образомъ устами цѣлаго общества.

Языкъ есть обоюдная рѣчь, бесѣда; слово выходитъ не пустымъ звукомъ только потому, что оно понимается; чтó удалось одному, то будитъ и изощряетъ силу другого, и вотъ такъ-то совокупной дѣятельностью всѣхъ слагается языкъ, или, говоря словами Гумбольдта: «Своимъ существованіемъ «языкъ доказываетъ ясно, что есть и такія духовныя созданія, которыя «отнюдь не дѣло одного отдѣльнаго лица, переходящее отъ него послѣ и на «другія, но которыя могутъ быть только произведеніемъ совокупной само-«дѣятельности всѣхъ и каждаго. Такимъ образомъ, относительно языковъ, «такъ какъ они всегда имѣютъ національную свою форму, цѣлые народы «являются творцами прямо и непосредственно.»

Народъ кладетъ въ сокровищницу языка свои представленія обо всемъ на свѣтѣ, весь наличный запасъ своего знанія; единичное лицо пріобрѣтаетъ это знаніе, научаясь говорить; впослѣдствіи оно пускается въ дальнѣйшія разысканья, начинаетъ вноситъ въ кругъ унаслѣдованнаго отъ другихъ плоды самобытной своей мысли, и вотъ, обокъ съ народнымъ міросозерцаніемъ, сложеннымъ въ языкъ, возникаетъ наконецъ философія. Языкъ есть вмѣстѣ и первое поэтическое твореніе, работа цѣлаго народа надъ тѣмъ чтобы одухотворить чувственное и очувственить, опаглядить духовное, сопѣдрить идеальное съ реальнымъ въ словѣ. Посредствомъ отчеканенныхъ въ слово звуковъ и еще съ полнымъ чувствомъ ихъ образности и символики, народная поэзія беретъ общіе житейскіе опыты и чувства и поэтически слагаетъ ихъ въ пѣсни, гдѣ музыкальный элементъ языка, скорѣе уже въ цѣломъ нежели въ отдѣльныхъ словахъ, находитъ себѣ осуществленіе благодаря стиху и размѣру. И здѣсь поэтами выступаютъ, разумѣется, нѣкоторыя только личности, но онѣ поютъ и высказываютъ то, чтó всѣми одинаково испытано и чему всѣ равномѣрно сочувствуютъ; индивидуальность ихъ примѣняется къ общему настроенью и выходитъ только мелодическимъ его голосомъ; а потому другой пѣвецъ способенъ тутъ же продолжать начатое первымъ, потому и слушатель приметъ слышимое не за чужое, а за свое; онъ сольетъ, онъ сплавитъ его съ своимъ собственнымъ чувствомъ, иногда прибавитъ коечто отъ себя, и высказывая опять то же въ свою очередь, передастъ все

это слово въ слово, а если и измѣнитъ, то развѣ едва замѣтнымъ только образомъ. Стало-быть и здѣсь продолжается общее дѣло, общій трудъ, и народная пѣсня выростаетъ исподволь, благодаря совокупному дѣйствію многоразличныхъ силъ и талантовъ. Только позже являются великіе геніи, которые уже съ самосознательнымъ искусствомъ, съ необыкновенно вдумчивымъ умомъ, смотрятъ на народную поэзію какъ на матерьялъ для болѣе обширныхъ и совершенныхъ созданій, или же облекаютъ въ форму самостоятельныхъ поэмъ опыты и мысли собственной своей личности. Но какъ при этомъ они расчитываютъ на доступность ихъ народному чувству, то естественно нуждаются и въ сложившемся у народа языкѣ; и поэзія и философія могутъ процвѣсти въ томъ только случаѣ, если языкъ дастъ имъ въ руки матерьялъ полный живой образности, чуткаго, глубокаго смысла, гибкій и наконецъ благозвучный. Такой языкъ, какъ греческій, не только родной Гомеру, Пиндару, Платону; можно сказать, что онъ ихъ родитель. Въ великихъ этихъ людяхъ живетъ и дѣйствуетъ тотъ же стройно-зиждительный побудъ, благодаря которому организмъ внутренняго и внѣшняго міра изначала отразился въ языкѣ. Творенія поэтовъ и мыслителей,—вотъ прекрасный цвѣтъ, которымъ сущность языка вполнѣ выступаетъ наружу, точно такъ же какъ и сущность растенія. Яковъ Гриммъ говоритъ: «глубокомысленнѣйшіе люди, фи«лософы, поэты, ораторы, обладаютъ и величайшею мощью слова; сила языка «образуетъ народы и держитъ ихъ въ крѣпкой связи, безъ которой они бы «скоро распались въ дребезги; міровладычество того или другого народа пре«имущественно упрочивается богатствомъ его мыслей.»

Подобно тому какъ у каждаго человѣка свое, особое лицо, а между тѣмъ онъ носитъ на себѣ и общій типъ человѣчества, такъ точно каждый говоритъ своимъ языкомъ и вмѣстѣ языкомъ всего человѣческаго рода; какъ тамъ, такъ равно и здѣсь, народность стоитъ между индивидуальностью и всеобщностью. Еврейскій миѳъ очень мѣтко передаетъ раздѣленіе племенъ и языковъ: первая семья людская распалась на разныя племена оттого, что они перестали понимать другъ друга. Коль скоро изъ нераскрывшейся еще общности человѣческой природы начинаютъ мало по малу выступать разныя стороны и направленія духовной дѣятельности, коль скоро, однимъ словомъ, возникаетъ многоразличіе характеровъ, то тутъ же одинъ хватается за ту, другой за другую идею, которая и становится средоточіемъ его мысли и воли, къ которой онъ пригоняетъ (безотчетно или сознательно) всѣ свои стремленія. Чѣмъ глубже и объемчивѣе основная эта мысль, тѣмъ скорѣе послужитъ она для другихъ путеводной звѣздою; чѣмъ выше и значительнѣй впервые высказавшее ее лицо, тѣмъ легче привлечетъ она къ себѣ сочувствіе. Такимъ образомъ среди первобытной общности отложатся какъ въ первичной клѣточкѣ разныя клѣточныя ядра и составятъ особыя сферы жизни, съ своимъ опредѣленнымъ выраженіемъ. Такіе герои или богатыри духа, вожаки окружающаго ихъ большинства, — настоящіе праотцы народовъ; духовный пошибъ Авраама, Моисея, Гомера ложится на многія слѣдующія поколѣнія, получившія отъ нихъ законъ своего быта и развитія. Ни одинъ отдѣльно человѣкъ не изобрѣлъ греческой или германской рѣчи, такъ же какъ и первобытно-арійской или симитской; но корень или лучше первый ростокъ для дальнѣйшаго развитія организма долженъ же былъ отъ кого-

нибудь произойдти, положилъ же кто-нибудь начало различному отъ другихъ міросозерцанію и внутреннему складу языка, особенному типу словообразованія, характеру флексій и составу предложеній, и конечно великимъ геніемъ былъ тотъ, кто далъ разъ навсегда основной тонъ цѣлому органическому строю рѣчи. Извѣстное направленье духа, извѣстное міросозерцанье было намѣчено въ самомъ способѣ словообразованія, а также пожалуй и въ способѣ дальнѣйшей разработки корней; флективные же и конструктивные пріемы предначертаны первыми шагами въ этой области; тогда какъ исполненіе совершалось потомъ общими силами, постепеннымъ ростомъ и развитіемъ въ теченіе столѣтій.

Такъ какъ въ языкѣ впервые проявляется нравъ народа и его характеръ, глубина и чуткость ощущеній, съ какими воспринимаетъ онъ и чувства собственной души, и впечатлѣнія внѣшняго міра, энергія духа при борьбѣ съ упорной вещественностью, острота смысла и преобладающее направленіе къ чувственному или сверхчувственному, — такъ какъ фантазія художественно воплощаетъ самый духъ народа въ языкѣ, то справедливо можно сказать, что только благодаря языку народъ собственно и становится народомъ, то есть перестаетъ быть толпой и пріобрѣтаетъ въ немъ не только всепригодное средство общенія и взаимнаго пониманья, но вмѣстѣ и нажитый собща запасъ опыта и помысловъ, запасъ безцѣнной монеты, отчеканенной штемпелемъ его собственной индивидуальности. Оттого латинскій поэтъ Энній говоритъ, что у него три сердца, такъ какъ онъ разумѣетъ по-гречески, по-римски и по-оскски. Оттого и Карлъ V не безъ основанія находилъ, что выучиваясь новому языку онъ словно пріобрѣталъ новую еще душу. Этимъ мы дѣйствительно расширяемъ свой кругъ зрѣнія, усвоиваемъ себѣ новый способъ означенія вещей, выдвигающій впередъ другую сторону ихъ сущности, узнаемъ даже новый методъ мышленія, по крайней мѣрѣ новые пріемы обдѣлки мысленнаго матерьяла. Каждый языкъ стремится достичь одной и той же цѣли, только что другими средствами; въ каждомъ выраженіе для одной и той же вещи имѣетъ свой болѣе или менѣе различный оттѣнокъ; особливо въ нравственной области у каждаго народа есть своеобразныя чувства, созерцанія, идеи; для нихъ обыкновенно и находитъ онъ такое слово, котораго содержаніе никогда не передать вполнѣ подобнымъ же словомъ на другомъ языкѣ. Вспомните только хоть латинскія virtus, honestus, итальянское gentile, французское esprit, англійское wit, нѣмецкія Geist, Gemüth.

Съ теченіемъ времени слова сплошь и рядомъ нисходили на степень чисто-внѣшнихъ знаковъ, при которыхъ совсѣмъ позабывается первоначальный смыслъ, образъ или символъ; научное языковѣдѣніе доискивается этого первобытнаго значенья этимологическимъ путемъ, и отсюда мы узнаемъ, какъ жило, чувствовало и мыслило древнѣйшее человѣчество. Индійцы, Греки, Римляне, Германцы, Славяне произошли отъ одного общаго ствола, въ языкѣ у нихъ одни и тѣ же основные корни, но они разнообразно употреблены въ дѣло, и именно въ способѣ этой разработки открываются намъ ихъ внутреннее настроеніе, ихъ духъ, ихъ характеръ. Напомню только извѣстный примѣръ слова, означающаго понятіе человѣкъ: по-старо-германски menisco, по-нѣмецки Mensch, по индійски мануша, по-латини homo,

по-гречески ἄνθρωπος. Германское одного корня съ индійскимъ, который ясенъ изъ санскритскаго глагола ман, мыслить; въ родствѣ съ нимъ греческое μένος (мужество, отвага, рьяность), латинское mens (умъ), нѣмецкое Minne, которое значитъ памятованіе и отзывается въ Minerva. * Человѣкъ въ Индіи и Германіи слыветъ мыслящимъ, и родоначальнику Германцевъ Маннусу отвѣчаетъ индійскій первый человѣкъ манус. Труднѣе производство этого слова въ обоихъ остальныхъ языкахъ. Homo своимъ производнымъ humanus указываетъ на humus, земля; Лассо припоминаетъ здѣсь сходство съ еврейскимъ адам, красная земля, глина, но предпочитаетъ обратиться къ древней формѣ hemo, дающей мужскую форму для femina (женщина), такъ какъ h можетъ заступать мѣсто f; слово femina можно произвесть отъ feo, порождаю, стало быть hemo будетъ значить породитель. Еще болѣе шатки объясненія греческаго ἄνθρωπος, всѣ они однако сходятся къ одному и тому же. Платонъ говоритъ, что слово это составлено изъ ἀνά, ἀθρεῖν, ὤψ, и значитъ: глядящій вверхъ. Невольно припоминаешь здѣсь прекрасные стихи Овидія:

Prona que quum spectent animalia cetera terram,
Os homini sublime dedit, coelumque tueri
Iussit, et erectos ad sidera tollere vultus.

Потупяся къ землѣ вся тварь склоняетъ взоры;
Но человѣка ликъ направленъ къ небесамъ.

(Мимоходомъ упомяну здѣсь о связи между прямизною человѣческаго стана и рѣчью, которая свободно звучитъ изъ поднятой, неподпертой груди и при которой тѣлодвиженіе и устремленный съ глазу на глазъ взоръ собесѣдниковъ въ свою очередь облегчаютъ пониманіе осмысленныхъ звуковъ).

Противъ платоновскаго производства возражали тѣмъ, что изъ ἀνά или ἄνω и ἀθρεῖν едва ли могло произойдти ἀνθρεῖν, и что скорѣе слово это звучало прежде ἀνωπός (въ смыслѣ: глядящій вверхъ). Яковъ Гриммъ предполагалъ здѣсь ἀνδρός и ὤψ, то-есть мужъ и зрящій; Поттъ, Г. Мюллеръ, Лассо припоминаютъ слова ἀνθέω, ἀνθηρός и ὤψ, которыя въ совокупномъ своемъ значеніи даютъ: съ цвѣтущимъ лицомъ, съ свѣтлымъ взоромъ. Ауфрехтъ, раздѣляетъ слово на ἄνθρω и ωψ, и первое объясняетъ чрезъ ἀνα и τρα, находя это послѣднее въ санскритскомъ татра, ятра, равно какъ и въ латинскомъ citra, ultra, intra, extra; подъ вліяніемъ ῥ придыханіе перешло на τ и обратило, его въ θ, такъ что ἄνθρωπος значило бы такимъ образомъ ὁ ἄνω τρέπων τὴν ὦπα, обращающій лицо или взоръ кверху, что и самому мнѣ приходило въ голову и что подтверждается тонкой словочуткостью Платона. Но какъ бы то ни было, все же нѣтъ сомнѣнія что исходной точкою для Грека служило эстетическое, художническое чувство, созерцаніе внѣшней формы человѣка, тогда какъ Индіецъ и Германецъ прямо налегаютъ на духовный элементъ, а Латинъ обнаруживаетъ реалистическое воззрѣніе, все равно, имѣлъ ли онъ въ виду вещественный составъ, или порождающую дѣятельность человѣка. Если мы притомъ сообразимъ что Греки и Римляне подъ словами ζῶον и animal разумѣютъ вмѣстѣ и

* Славянскія: мнить, память, мудрый, мужъ.

животное и человѣка, что у нихъ нѣтъ особаго слова для животнаго въ отличіе отъ человѣческой семьи, точно такъ же какъ у насъ нѣтъ общаго слова для человѣка и животнаго, то отсюда мы усматриваемъ, что они вовсе не такъ точно различали духъ съ природою, какъ мы, и что существо субъективнаго духа и личности впервые выяснилось только для Германцевъ*.

Какъ французскій, итальянскій, испанскій языки родныя дѣти латинскаго, но произошли отнюдь не другъ отъ друга, такъ точно и многоразличные языки вообще стоятъ рядомъ, наподобіе классовъ, семей и видовъ животнаго царства, гдѣ также не считаютъ наприм. птицу происшедшею отъ рыбы, и млекопитающее отъ птицы; хотя это впрочемъ вовсе не исключаетъ возможности позднѣйшаго появленія болѣе развитыхъ языковъ или животныхъ. Штейнталь дѣлитъ языки на флективные, гдѣ существительное и глаголъ различны между собою **, и на такіе, гдѣ слова, безъ всякаго видоизмѣненія, просто лишь приставляются одно къ другому: это отвѣчаетъ подѣлу животныхъ на позвоночныя и безпозвоночныя; другіе называютъ два эти разряда языковъ органическими и неорганическими. Въ любой разности языка опредѣляющимъ является духовная мощь народа, и если языки лежатъ другъ возлѣ друга, какъ различныя лишь раскрытія одной и той же идеи,— рѣчи вообще, то можно пожалуй сказать, что любой языкъ удовлетворяетъ потребности своего народа; и какъ устрица сама по себѣ не дурна, хотя мы и припишемъ соловью гораздо высшую организацію, такъ точно и въ другихъ подобныхъ случаяхъ сравнительная бѣдность средствъ все же не мѣшаетъ достигнуть той или другой жизненной цѣли. Такъ наприм. китайскій языкъ своимъ безформеннымъ словосоставомъ именно и вызвалъ смыслъ народный къ утонченнѣйшимъ изворотамъ и пріемамъ, чтобы уовлетворить мысли даже и при неорганическихъ элементахъ, и черезъ это достигъ нѣкоторыхъ преимуществъ, исключительно ему свойственныхъ. Но прежде чѣмъ повести рѣчь о развитіи языка вообще и взглянуть на единичные языки какъ на ступени этого развитія, лучше будетъ разсмотрѣть исторію одного или нѣсколькихъ сродственныхъ языковъ, чтобы указать ту дорогу по какой идетъ и сама постепенно слагающаяся наука языкознанія. Обратимся же для этого къ индо-германской (точнѣе индоевропейской) вѣтви и напередъ послушаемъ чтó говоритъ Яковъ Гриммъ, основатель и первоучитель исторической грамматики. «Духъ человѣческій невольно радуется возможности перехватывать «своими чаяніями за предѣлы осязательныхъ доказательствъ, постигать то «чтó ощущаетъ, до чего доходитъ онъ только своимъ разумомъ, и для чего «нѣтъ еще ни какого внѣшняго удостовѣренья. Въ языкахъ, которыхъ памятники дошли до насъ отъ глубокой старины, замѣчаемъ мы два совсѣмъ «различныя направленья, изъ которыхъ мы непремѣнно должны заключить «о предшествовавшемъ имъ третьемъ, хотя объ немъ и не осталось ни ка- «кого свидѣтельства.» Этотъ раннiй періодъ распадется опять, какъ увидимъ, на двѣ большихъ всемірно-историческихъ эпохи; но мы послѣдуемъ пока за Гриммовскимъ изложеніемъ и только замѣтимъ, какъ вѣрно совпа-

---

* Славянское человѣкъ, по намѣченному въ немъ воззрѣнію, занимаетъ какъ бы средину между греческимъ и индо-германскимъ.

** Гдѣ по крайней мѣрѣ есть спряженіе.

даетъ со всѣмъ прежде нами сказаннымъ та черта, что величайшее совершенство и богатство словесныхъ формъ приходится на долитературное время; такъ какъ вѣдь художественная и научная дѣятельность именно должна была начать съ того, чтобы сложить въ языкѣ первичное познаніе сущности вещей и выработать себѣ въ немъ идеальный образъ міра, то вся сила свѣжей юношеской фантазіи потратилась на сложенье языка, а потому и распустилась здѣсь такимъ необычайно роскошнымъ цвѣтомъ.

Древній типъ языка, говоритъ Яковъ Гриммъ, представляютъ намъ Санскритъ и Зендъ, большею частью также языкъ греческій и латинскій; онъ обнаруживаетъ дивно-богатое и изящное совершенство формъ, въ которомъ всѣ чувственныя и духовныя составныя части полножизненно сопрониклись между собою. Въ продолженіяхъ и позднѣйшихъ явленіяхъ тѣхъ же языковъ, какъ наприм. въ діалектахъ нынѣшней Индіи, въ персидскомъ, новогреческомъ и романскомъ, внутренняя сила и гибкость флексіи большею частію забыта и порушена, отчасти же снова въ нихъ занесена, но занесена только внѣшними уже средствами. То же замѣчается и въ германскомъ, котораго то едва журчащія, то мощно текущія струи можно слѣдить и наблюдать въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Если готскій языкъ 4-го вѣка сравнить съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ, то въ первомъ найдемъ благозвучіе и изящно-гибкую упругость, здѣсь — осложненную часто выработку рѣчи въ прямой ущербъ этимъ качествамъ. Вездѣ прежняя сила слова видимо убываетъ по мѣрѣ того, какъ мѣсто древнихъ богатствъ и средствъ заступаетъ нѣчто новое, чему однако также не слѣдуетъ умалять цѣну.

Не льзя исторически опредѣлить, ни указать гдѣ бы то ни было высшую ступень законченности этого древняго языка, точно такъ же какъ противоположную ему выработку новыхъ языковъ не только не льзя почесть законченною, но даже и предвидѣть когда она завершится. До Санскрита можно навѣрно предполагать такое древнѣйшее состоянье языка, въ которомъ природное его обиліе и расчлененье еще чище выступало наружу. Но было бы рѣшительнымъ заблужденіемъ относить это внѣшнее, формальное совершенство къ золотому вѣку какой-то райской первобытности. Напротивъ, сравненіемъ двухъ послѣднихъ періодовъ древней рѣчи приходимъ мы къ тому выводу, что какъ на мѣсто богатой флексіи стало постепенное ея разложенье, такъ точно и сама флексія должна была нѣкогда возникнуть изъ сплошной связи самаго простого словопорядка. Поэтому необходимо допустить не двѣ, а три ступени языкоразвитія: первоначальное происхожденіе, ростъ и наборъ корней и словъ, потомъ полный цвѣтъ разнообразнѣйшей флексіи, и наконецъ господствующее стремленіе къ мысли, (припоровку рѣчи къ болѣе выработавшимся теперь мыслительнымъ пріемамъ), причемъ флексія, какъ не вполнѣ еще удовлетворительная, была урѣзана и сокращена, а напротивъ сопряженіе словъ и мыслей, которое въ первую эпоху совершалось крайне просто и незатѣйливо, во вторую же получило роскошную подготовку развитіемъ флексіи, — это сопряженіе производилось теперь уже съ болѣе яснымъ сознаніемъ (т. е. съ большею увагой мыслительныхъ цѣлей рѣчи). Три ступени эти, какъ листва, цвѣтъ и зрѣющій плодъ, слѣдовали одна за другой въ нормальномъ, незыблемомъ порядкѣ.

Вначалѣ слова развертывались повидимому идиллически-привольно безъ всякой другой сдержки, кромѣ указываемой чувствомъ естественной послѣдовательности; впечатлѣніе ихъ было чисто, не изыскано, но слишкомъ переполнено, загромождено, такъ что съ нимъ не совмѣщался уясняющій подѣлъ свѣта и тѣни. Мало по малу духъ языка, правящій имъ безсознательно, начинаетъ давать меньше вѣса второстепеннымъ понятіямъ и примыкаетъ ихъ, какъ соопредѣляющія части, въ умаленномъ и сокращенномъ видѣ къ главнымъ представленіямъ. Флексія возникаетъ, благодаря вросту въ послѣднія этихъ направляющихъ и движущихъ частицъ (опредѣлительныхъ прилоговъ), которыя самостоятельно тянули и подгоняли прежде главное слово, а теперь въ свою очередь влекутся имъ, какъ полускрытыя или почти совсѣмъ невидныя ходовыя колесца, и которыя изъ первоначально чувственнаго же своего значенія перешли въ отвлеченное, только иногда просвѣчивающее первымъ. Наконецъ изнашивается, обтирается и флексія, съуживаясь въ простой, неощутимый уже знакъ; тогда этотъ отслужившій свою службу вставной двигатель, начинаетъ разлагаться и съизнова выступать впередъ, но только въ болѣе опредѣленномъ видѣ; языкъ теряетъ долю своей упругости, но зато, становясь мѣрнѣе и правильнѣй, лучше примѣняется къ безконечно возросшему богатству мысли.

Попытаюсь разъяснить эти Гриммовы положенія нѣсколькими примѣрами. Я полюблю или буду любить по-французски говорится j'aimerai, то-есть j'ai aimer, буквально: я имѣю любить. Чтобъ прилагательное обратить въ нарѣчіе Французы приставляютъ къ нему слогъ ment, по-итальянски mente; это — латинское mente, отъ mens, смыслъ, духъ; изъ двухъ латинскихъ словъ: dulci mente, съ кротостью, тихо, Французы сдѣлали одно: doucement; такимъ образомъ настоящее значеніе слова духъ (mens) понизилось у нихъ до чисто-формового опредѣленія. Латинское lupi, волка, Французъ выражаетъ черезъ du loup; роль окончанія i въ первомъ случаѣ играетъ здѣсь поставленное впереди слово du, которое само возникло изъ латинскаго de illo (отъ того); сходное съ de значеніе должно было первоначально имѣть и окончанье i или какая-нибудь полнѣйшая его форма; его сперва поставили вслѣдъ за коренным слогомъ lup, потомъ приставили къ нему, и оно срослосъ съ корнемъ. Но i превращаетъ также единственное число во множественное: lup-i, волки; въ итальянскомъ и теперь еще i, сокращенное изъ illi (они, тѣ), составляетъ членъ для означенія множеств. числа именъ мужеск. рода; вначалѣ оно ставилось отдѣльно, потомъ слилось съ главнымъ словомъ, наконецъ опять отъ него отрѣшилось и стало уже передъ нимъ: lup-i, lupi, i lupi. Языки, присовокупляющіе къ составу слова разныя уяснительныя понятія въ видѣ особыхъ формоопредѣленій, назвали синтетическими, а другіе, въ которыхъ сложный этотъ составъ, напротивъ, разлагается, — аналитическими. Amaverimus, мы любили бы: въ латинскомъ и множественное мѣстоименіе, и время, и наклоненіе все примкнуто къ слову ama; въ новыхъ языкахъ (особенно въ западно-европейскихъ) все это подѣлено и ставится при коренномъ словѣ поодиначкѣ. Синтетическій языкъ богаче фантазіей, аналитическій беретъ верхъ разсудкомъ. Въ синтетическомъ словорасположеніе гораздо свободнѣе, такъ-какъ взаимное соотношеніе словъ явствуетъ изъ окончаній; аналитическій же болѣе держится

логическаго порядка. * Бо̀льшая полнозвучность и сильнѣйшее удареніе придаютъ языку чувственную прелесть, но зато коренной слогъ часто загромождается здѣсь побочными приростами, такъ что иногда почти совершенно за ними исчезаетъ; въ аналитическомъ языкѣ онъ опять получаетъ свой надлежащій вѣсъ, становится свободнѣй, независимѣй и ясно отлагаетъ отъ себя въ сторону всѣ побочныя опредѣленья. При этомъ за нимъ все-таки остается еще флексія; онъ склоняетъ и спрягаетъ не только что посредствомъ предлоговъ, мѣстоименій и вспомогательныхъ глаголовъ, но сохраняетъ нѣкоторыя формоопредѣлительныя окончанія какъ при глаголѣ, такъ и при имени существительномъ. Такимъ образомъ органическій строй языка во взаимнодѣйствіи различныхъ частей рѣчи между собою все-таки остается явнымъ, тогда какъ разность и опредѣленность каждаго видоизмѣненія мысли въ свою очередь не упускается изъ виду. Аналитическіе языки не перестаютъ быть органическими, флективными; но совершенство формы здѣсь уже не самобытная цѣль, главное для нихъ ясность мысли; тутъ отодвигаются на задній планъ даже поэзія и философія языка, какъ дѣло и достояніе цѣлаго народа; зато получаетъ болѣе простора индивидуальность художника и мыслителя, и духовно-внутренній элементъ перевѣшиваетъ тѣлесновнѣшній.

Итакъ мѣсто цѣлыхъ предложеній заступали сперва отдѣльныя слова; потомъ сопоставлялись рядомъ выраженія для главныхъ понятій; далѣе начали различать слова по классамъ или разрядамъ (подѣлили части рѣчи), а при именахъ существительныхъ и при глаголахъ полагали особыя опредѣленія, но также въ видѣ самобытныхъ словъ; послѣднія стали потомъ выговариваться слабѣе и примыкаться къ тѣмъ, для которыхъ служили ближайшимъ опредѣленіемъ; при этомъ они потеряли свой настоящій смыслъ, сдѣлались только формоозначеньями, какъ бы выросшими изъ самого полносодержательнаго слова; въ заключеніе, избытокъ оформливающихъ окончаній былъ опять значительно сокращенъ и соотношенія существительныхъ выражались теперь ставимыми при нихъ особыми частицами, а для спряженія начали употреблять вспомогательные глаголы, при чемъ однако не утратилось значеніе флексіи для организма мысли и предложенія.

Послѣ вводной этой замѣтки, я предоставляю Гримму продолжать. Онъ превозноситъ остроуміе Боппа, выяснившаго, что флексіи стянулись по большей части изъ тѣхъ же самыхъ приставныхъ словъ, которыя въ третій періодъ обыкновенно предпосылаются отдѣльно. Этому періоду свойственны стало-быть предлоги и явныя словосложенія, второму — флексіи, суффиксы и болѣе смѣлые словосоставы; первый же всѣ грамматическія отношенія выражалъ словами чувственныхъ представленій въ вольной, ни чѣмъ не связанной чередѣ **. Древнѣйшій языкъ былъ пѣвучъ, но многорѣчивъ, околиченъ и распущенъ; средній полонъ сжатой поэтической силы; новый утратилъ долю прежней красоты, но старается наверстать эту потерю гармоніею

* Изъ новоевропейскихъ языковъ всѣхъ синтетичнѣе русскій, всѣхъ аналитичнѣе — англійскій.

** Ни чѣмъ кромѣ мысли, которая тутъ подразумѣвалась, хотя еще и не высказывалась во всей точности и полнотѣ.

цѣлаго, и вслѣдствіе того, при скудныхъ относительно средствахъ, можетъ однако сдѣлать болѣе.

Состояніе языка въ первоначальный періодъ отнюдь не льзя назвать райскимъ, понимая это въ томъ смыслѣ земного совершенства, какой обыкновенно придается этому выраженію: языкъ живетъ здѣсь почти растительною только жизнью, высокіе дары духа еще дремлютъ въ немъ, или едва лишь пробуждаются. Онъ первоначально простъ, безъискусственъ, полонъ жизни: кровь въ молодомъ тѣлѣ обращается быстрѣе чѣмъ впослѣдствіи. Всѣ слова коротки, односложны, состоятъ почти только изъ короткихъ гласныхъ и согласныхъ, запасъ ихъ ростетъ и густѣетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ весенняя трава въ полѣ. Всѣ понятія выходятъ изъ чувственнаго только созерцанія, которое вѣдь уже однако мысль, легко разростающаяся во всѣ стороны новыми опять мыслями. Соотношенія словъ и представленія наивны и свѣжи, но выражаются еще безсвязно слѣдующими одно за другимъ реченіями. Съ каждымъ шагомъ впередъ болтливый языкъ проявляетъ и свое обиліе и свою способность, но въ цѣломъ онъ все-таки безъ мѣры и согласія. Въ мысляхъ его нѣтъ ни чего прочнаго, выдержаннаго, постояннаго; вотъ почему ранній этотъ языкъ не оставляетъ по себѣ ни какихъ духовныхъ памятниковъ и звукъ его замираетъ безслѣдно въ исторіи, какъ счастливый, блаженный, пожалуй, бытъ древнѣйшихъ въ мірѣ людей. На почву пало между тѣмъ безчисленное сѣмя, въ подготовку слѣдующему періоду.

Здѣсь удивительно размножились и блистательно развернулись всѣ звуковые законы. Благодаря великолѣпнымъ двугласнымъ и сокращенію ихъ въ гласныя долготы и благодаря уцѣлѣвшему еще обилію краткихъ, водворяется между ними благозвучное чередованіе; такимъ образомъ тѣснѣе сходятся между собой и согласныя, не вездѣ уже нодѣляясь гласными, и этимъ много возвышаютъ силу и твердость рѣчи. Но по мѣрѣ крѣпкаго смыканія, сплачиванія отдѣльныхъ звуковъ, начинаютъ приближаться къ главнымъ словамъ частицы и вспомогательныя реченія; а когда затѣмъ присущій имъ собственный смыслъ мало по малу стирается, ослабѣваетъ, они начинаютъ совершенно сливаться съ тѣмъ словомъ, которое сперва предназначались только яснѣе опредѣлить. На мѣсто цѣлой бездны особыхъ, мелкихъ понятій, которыя при умалявшейся чувственной силѣ языка, становились едва обозримыми, на мѣсто не оглядной массы словъ, тянувшихся безконечными рядами, возникаютъ теперь благотворныя общія понятія, которыя дозволяютъ наконецъ уму передохну́ть, выдвигая на первый планъ существенное изъ-за случайнаго и господствующее изъ-за подчиненнаго. Слова теперь растянулись въ нѣсколько слоговъ, изъ безсвязной разстановки сплотились въ сопринадлежныя массы. Подобно тому какъ гласныя стягивались въ двугласныя, такъ и отдѣльныя слова упрятывались во флексіи, и какъ двойной гласной нельзя было узнать въ этомъ новомъ видѣ, такъ неузнаваемы стали и составныя части флексій; но и тѣ и другія выиграли въ практической примѣнимости. Къ приставкамъ, сдѣлавшимся неощутимыми, присоединились теперь вновь такія, которыя упрочили себя бо́льшей ясностью. Языкъ все еще чувственно богатъ, но при этомъ онъ выигралъ въ силѣ мыслей и во

всемъ что̀ ихъ связываетъ между собою; гибкость флексіи обезпечиваетъ ему огромный запасъ живыхъ и правильныхъ вмѣстѣ выраженій. Въ эту именно эпоху языкъ становится особенно сподручнымъ для метра и поэзіи, необходимо требующихъ изящества, благозвучія и разнообразной смѣны формъ; индійская и греческая поэзія представляютъ въ безсмертныхъ своихъ созданіяхъ образецъ во̀время достигнутаго совершенства, уже никогда неповторимаго впослѣдствіи.

Но въ прогрессивномъ ходѣ духовнаго развитія этотъ законъ второго періода не могъ въ свою очередь остаться удовлетворительнымъ навѣки; онъ долженъ былъ уступить мѣсто стремленію къ большей еще свободѣ и опредѣленности мысли, — стремленію, для котораго даже прелесть и сила совершенной формы казались нѣкотораго рода узами. Въ хорахъ греческихъ трагиковъ или въ Пиндаровыхъ одахъ слова сопрягаются съ мыслями такъ мощно, что приводятъ въ удивленіе; не льзя однако не ощущать въ нихъ при чтеніи какого-то вредящаго ясности излишняго напряженья, которое еще сильнѣе даетъ себя чувствовать въ индійской поэзіи, громоздящей безъ удержу одинъ образъ на другой. Вотъ отъ этого-то тяжкаго подчасъ впечатлѣнія чрезмѣрно изобильной формы хотѣлъ освободиться духъ развивающагося языка, и уступилъ вліяніямъ тѣхъ простонародныхъ говоровъ, которые, благодаря измѣнившимся судьбамъ исторіи, теперь снова всплыли на поверхность. Такъ возникли языки романскій, нѣмецкій, англійскій. Чистыя согласныя въ нихъ помутились, гласныя передвинулись, но зато явились и новыя опять средства. Множество корней совсѣмъ затмилось звукоизмѣненіемъ, такъ что они остались только знаками представленій, не сохранивъ ни тѣни своего первоначальнаго чувственнаго значенія; многое утратилось изъ флексій, но было съ лихвою возмѣщено богатымъ запасомъ болѣе свободныхъ частицъ, такъ какъ мысль могла выиграть при этомъ не только въ мѣткости, но и въ разносторонности оборотовъ.

Изъ представленнаго нами обзора арійскаго языка выходитъ, что языкъ имѣетъ свою исторію, которая много поясняетъ намъ развитіе человѣческаго духа, и что только повидимому, да и то лишь въ частностяхъ, замѣчаются въ его ходѣ попятныя движенія, въ цѣломъ же очевиденъ постоянный прогрессъ отъ чувственнаго къ духовному, непрерывный и неослабный ростъ внутренней силы.

Для жизни и развитія слова въ ихъ всецѣлости лучше однакожь принять два различныхъ періода: въ первомъ, доисторическомъ, чувство языка особенно свѣжо и живо, сложеніе послѣдняго является тогда важнѣйшимъ дѣломъ духа, исчерпывающимъ собой и поэзію и философію; во второмъ періодѣ жизнь языка собственно отступаетъ уже на задній планъ, а впереди идетъ духъ, который, благодаря своей словотворной дѣятельности, успѣлъ уже овладѣть собою; языкъ же только служитъ ему средствомъ для поэтическихъ созданій и для помысловъ.

Не всѣ, конечно, языки достигаютъ одинаковаго уровня образованія, точно такъ же какъ не всѣ народы пользуются одинаковыми успѣхами на пути культурной исторіи; но развитіе арійскихъ языковъ идетъ явно обруку съ тѣмъ дѣятельнымъ духомъ, который поставилъ это племя двигателемъ и

владыкою міра, побуждалъ его или покорять, или усвоивать себѣ все чуждое и взять на себя роль вождя всего человѣческаго рода.

Вильгельмъ Гумбольдтъ различаетъ въ кругу языковъ 1) такіе, что только сопоставляютъ врядъ отдѣльныя слова, безъ всякаго притомъ отличія существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, такъ что любое данное слово заключаетъ зародышъ всего этого въ себѣ и, при легчайшемъ на то намекѣ, можетъ одинаково играть роль того, другого, либо третьяго; тогда какъ соотношеніе словъ между собой не выявляется ни малѣйшею ихъ обформкой: это языки разобщающіе; — 2) такіе, что выражаютъ побочныя опредѣленія и соотношенья словъ подчиненными имъ другими словами, которыя къ нимъ потомъ примыкаются, но при этомъ не переходятъ своимъ матерьяльнымъ, содержательнымъ значеніемъ въ чисто лишь формальное: это — языки спайные, склейные (агглутинирующіе); — 3) тѣ, что сопоставляютъ не матерьяльные сплошь элементы, но сопрягаютъ съ ними для ближайшаго ихъ опредѣленія элементы формальные и такъ крѣпко ихъ къ нимъ прививаютъ и привнѣдряютъ, что форма какъ бы вырощена внутреннею силой самого слова, смотря по отношенію его ко всѣмъ прочимъ словамъ того же предложенія; а между тѣмъ каждое изъ словъ носитъ свой отмѣнный характеръ и въ особенности глаголъ является выразителемъ подвижной жизни: это языки привнѣдряющіе, флективные. Флективный языкъ выражаетъ наприм. множественность перемѣной формы слова: камни вмѣсто камень значитъ уже само собою, что ихъ нѣсколько.

Максъ Мюллеръ, имѣя въ виду развитіе человѣческаго общежитія, говоритъ съ другой стороны о семейныхъ, кочевыхъ (т. е. кочевничьихъ) и народныхъ языкахъ; и это раздѣленіе въ сущности совпадаетъ съ Гумбольдтовскимъ. Люди, подобно дѣтямъ, для означенія своей мысли употребляютъ сначала единичныя слова; мимика поясняетъ здѣсь, чтó именно хочу я сказать произнося звукъ хлѣбъ, — то ли, напримѣръ, что онъ на полу, или то, чтобъ мнѣ его подали. Вотъ, съ чего по мóему слѣдуетъ начать; Мюллеръ напоминаетъ при этомъ что близкіе между собой люди, мужъ съ женой, мать съ дочерью, довольствуются немногими словами по дѣламъ домашняго обихода; каждый изъ нихъ обыкновенно тотчасъ же угадываетъ, чтó другой хочетъ сказать; рѣчь скорѣе только намекаетъ на мысль, нежели вполнѣ ее высказываетъ: особеннаго ударенія, извѣстнаго семейнаго намека достаточно для вызова въ слушателѣ цѣлаго ряда мыслей; сопровождающая ихъ мина или жестъ возмѣщаютъ собой всякое ближайшее объясненіе словами. — Кочевой языкъ идетъ далѣе; онъ выражаетъ словесно не однѣ уже идеи, но и ихъ соотношенія. Только шатеръ или юрта раздѣляетъ семьи одну отъ другой; каждая изъ нихъ ежедневно соприкасается съ родичами, языкъ долженъ быть понятенъ уже многимъ; онъ различаетъ именные корни отъ глагольныхъ и означаетъ соотношенія словъ особыми, припряжными къ нимъ, выраженіями. За корнемъ, который такъ трудно бываетъ ученому вылужжить въ арійскомъ и симитскомъ, здѣсь, напротивъ, всегда остается самостоятельная форма и строгая замкнутость. Языкъ кочевниковъ во власти каждаго наличнаго поколѣнья; онъ живетъ только въ обыденномъ употребленіи; безсильный противъ перемѣны, онъ

сохраняетъ въ себѣ только то, что держится постояннымъ употребленіемъ, и этимъ объясняется для насъ его однозвучность (монотонность) и вмѣстѣ правильность. Внезапныя возвышенія одной семьи или какого-нибудь родового союза увлекаютъ за собою цѣлое племя и даютъ ему особыя свои выраженія *); общихъ же племенныхъ словъ у различныхъ родовъ не много. Каждый готовъ въ забаву себѣ изобрѣтать для предметовъ новыя выраженія, смотря по тому съ какой стороны вещь ему представится, смотря по свойству какое именно онъ въ ней ощутитъ: отсюда множество нарѣчій и говоровъ, и одновременно, и въ послѣдовательномъ порядкѣ. — Общенародный языкъ отвѣчаетъ, мнѣ кажется, установленію государственности и органической связи, какъ въ любомъ наличномъ быту, такъ и въ историческомъ развитіи; какъ государство получаетъ наконецъ свой писаный законъ, такъ и языкъ устанавливается вполнѣ только письменностью и литературой.

Съ этой точки зрѣнія и на основаніи новѣйшихъ языкоизслѣдованій, которыя отчасти собственно для этой цѣли сопоставлены были спеціалистами, Бунзенъ и Максъ Мюллеръ (въ своихъ Outlines on the philosophy of universal history **, Лондонъ 1854 г.) добыли цѣлый рядъ выводовъ и заключеній; и мы воспользуемся ими здѣсь для попытки, набросать общую картину развитія языка въ связи съ ходомъ всемірной исторіи.

Ни что не нудитъ насъ принимать для матерьяльныхъ элементовъ разныхъ языковъ различныя зачала или источники, и хотя мы не можемъ вывести одни изъ другихъ и формальные ихъ элементы, мы однако понимаемъ образованіе рѣчи лишь подъ вліяніемъ тѣхъ только духовныхъ особенностей, которыя развились среди общенія человѣческаго рода: единство послѣдняго и то, что верхняя Азія служила ему колыбелью, — это находитъ себѣ новое подтвержденье и въ языкѣ.

Первый выселъ изъ общаго мѣстожительства людей направился къ востоку, и въ Китаѣ мы еще находимъ отголосокъ самой ранней формы языка, — односложныя, полунѣвучія слова, безъ флексіи; семейность, патріархальность первобытныхъ временъ здѣсь вообще упрочилась и окаменѣла; выходитъ, какъ будто бы одинъ изъ родовыхъ союзовъ человѣчества, не отважившись вступить заодно съ другими въ новый прогрессивный путь исторіи, отдѣлился отъ нихъ первый и устремилъ всю необыкновенную силу своего разсудка къ тому, чтобы сохранить въ цѣлости первоначальное свое достоянье и пробавляться имъ такъ расчетливо и практически умно, какъ только было возможно.

Въ прямую противоположность съ этимъ союзомъ, вижу я цѣлый рядъ другихъ племенъ, которыя, безъ крѣпкой охранительной связи, также не доходятъ до настоящей исторіи, но перекочевывая изъ края въ край и то вдругъ, вскипая бурнымъ порывомъ, то опять впадая въ безсиліе, вторгаются въ развитіе человѣчества не какъ творцы или водворители культуры, но какъ истребляющіе завоеватели. Они запечатлѣны характеромъ

* Это ведетъ иногда къ перемѣнѣ даже собственныхъ именъ, не только что названія тѣхъ или другихъ предметовъ.

** „Очеркахъ философіи всеобщей исторіи“.

кочевыхъ, спайныхъ языковъ и раздѣлились между собой задолго до появленія Арійцевъ и Симитовъ. Мы назовемъ ихъ, вслѣдъ за Бунзеномъ, Туранцами, по прозвищу, къ которому пріучилъ насъ персидскій эпосъ: у Феридуна, говоритъ онъ, было трое сыновей, Туръ, Силимъ и Ири; изъ нихъ два послѣдніе являются праотцами Симитовъ и Арійцевъ или Иранцевъ. * Край, куда впослѣдствіи пришли Арійцы, былъ уже занятъ дикими потомками предшествовавшихъ имъ поселенцевъ; но у этихъ не было общаго родоначальника; они отпрыски разныхъ вѣтвей, отдѣлявшихся отъ первобытнаго ствола въ теченіе тысячелѣтій. У туранскихъ языковъ нѣтъ того семейнаго сходства, какое видимъ у симитскихъ и арійскихъ, и которое доходитъ до того, что наприм. Англичанинъ, пріѣзжающій теперь въ Индію, распознаетъ въ священныхъ писаніяхъ Браманов не только тѣ же корни словъ, но и тѣ же законы, тотъ же духъ словочетанія, что и его собственные.

Географическое разстояніе отъ Китая кажется служитъ мѣриломъ и для хронологическаго порядка, въ какомъ Туранцы выдѣлялись изъ общечеловѣческаго корня, и въ томъ же самомъ отношеніи къ китайской односложности стоятъ различныя ступени грамматическаго усовершенствованія ихъ различныхъ языковъ. Тутъ можно распознать два главныхъ выдѣла, одинъ — сѣверный, другой — южный; сѣверный обнимаетъ собой тунгузскій, монгольскій, татарскій, самоѣдскій и финскій языки; южный—языки Таи, малайскій, Ботхія и тамульскій. Финскій и тамульскій отошли всѣхъ далѣе отъ Китая и всѣхъ богаче выработались. Сверхъ-того есть спорадически разбросанныя нарѣчія языковъ этой семьи въ разныхъ междугорьяхъ и междустепьяхъ, на Кавказѣ, или наприм. баскское нарѣчіе въ Пиренеяхъ. При самомъ выдѣлѣ, у этихъ племенъ не было ни законовъ, ни народныхъ пѣсенъ, ни религіозныхъ стихотвореній, которыя бы они сохранили въ видѣ общаго знамени. Они вышли въ путь, захвативъ съ собой каждое только часть общаго имъ языка: отсюда несомнѣнное ихъ сходство; но у нихъ еще не было собственно-духовнаго наслѣдія: отсюда ихъ разность. Что всѣ эти отрасли, въ сравненіи съ симитской и арійской вѣтвями, обнаруживаютъ между собой единство, это уже вещь дознанная; но прослѣдить распространеніе ихъ въ Америку и въ Африку предстоитъ еще конечно дальнѣйшимъ разысканьямъ.

Всемірная исторія, поскольку она означаетъ органическую связь въ развитіи человѣчества, въ постепенномъ ходѣ его образованья, держится на Симитахъ и Арійцахъ. Отнюдь не случайно встрѣчаемъ мы именно здѣсь и органическіе языки. Туранская рѣчь представляетъ ступень языка, существовавшую до индивидуализаціи его симитскимъ и арійскимъ типомъ. Подѣлъ и своеобразный ростъ обоихъ этихъ нарѣчій — результатъ индивидуальнаго подвига, непредрасчислимый какъ все свободное и личное по самому ихъ источнику и по ихъ природѣ; разности туранской рѣчи суть, напротивъ, слѣдствія постепеннаго и простого въ сущности процесса, которымъ изъ числа многихъ возможныхъ комбинацій отверждались то тѣ, то другія формы въ свой чередъ. Какъ, при сложеніи политическаго общества, мы, чтобъ объяснить себѣ происхожденіе властвующихъ и служилыхъ классовъ или за-

* Въ персидскихъ былинахъ Туранъ, страна тьмы, противополагается Ирану, странѣ свѣта.

коновъ противъ разбоя и убійствъ, отнюдь не вынуждены предполагать дѣятельность какой-либо могучей и выдающейся передъ всѣми личности, а видимъ въ этомъ только необходимое слѣдствіе общежительнаго строя; такъ точно и въ организаціи туранскихъ языковъ не найдемъ мы ни чего, что́ свидѣтельствовало бы о вліяніи индивидуально-поэтическаго генія, что́ требовало бы его какъ творца особенныхъ законовъ образованія и началъ, вполнѣ своеродныхъ. Напротивъ, у Симитовъ и Арійцевъ, мы встрѣчаемъ такія учрежденія и законы, которые, какъ наприм. порядокъ наслѣдованія въ Римѣ и въ Индіи, кладутъ на родовое преданіе явную печать личной воли; Солонъ въ Аѳинахъ, Моисей въ Іудеѣ, Карлъ Великій въ Германіи дѣйствуютъ для многихъ послѣдующихъ вѣковъ, и созданій ихъ невозможно объяснить однимъ только процессомъ постепеннаго наростанія и сложенья помимо ихъ свободной и руководящей духовной силы. Такъ точно симитская и арійская рѣчь необходимо требовали такого генія, который установилъ бы образовательное ихъ начало, вложилъ бы въ кристаллизаціи и агломераты звуковъ своеобразно жизненное зерно, какъ основаніе и норму для всего дальнѣйшаго развитія. Отъ него-то собственно и начинается дѣйствительная жизнь арійскихъ и симитскихъ языковъ, поддерживаясь во всемъ разнообразіи ихъ говоровъ и нарѣчій. Между тѣмъ арійская рѣчь такъ рознится отъ симитской въ способѣ разработки корней и во всѣхъ формовыхъ элементахъ, что здѣсь очевидны два изначала розные пути.

Дальнѣйшее развитіе состоитъ въ слѣдующемъ. Всемірная исторія тѣмъ именно и начинается, что Арійцы и Симиты не принадлежатъ уже къ хаотической туранской массѣ. Они, какъ Паллада, выступаютъ во всеоружіи, врагами варваровъ, поклонниками свѣтобога, начинателями новаго міроваго періода. Они осилили въ себѣ и китайскій застой и туранскую непосѣдность, для того чтобъ примирить въ существенномъ (послѣдовательномъ) развитіи надежную устойчивость съ безперерывнымъ движеньемъ. Они тотчасъ же начинаютъ ту многовѣковую борьбу, которой цѣлью и наградой должны стать для нихъ покореніе и цивилизація земного шара; они носители образованія, которое пріобрѣтаютъ для себя и въ то же время передаютъ другимъ народамъ.

Что Симиты и Арійцы вышли изъ одного дома, какъ родные братья, это доказываютъ, кромѣ общихъ имъ коренныхъ религіозныхъ идей и миѳовъ, также и корни языка. Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ остатковъ ихъ принадлежатъ симитской рѣчи и идутъ изъ того періода, когда она еще не успѣла осилить всѣхъ туранскихъ вліяній и не такъ еще отдалилась отъ потока арійскаго языка. Мы узнаемъ ихъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ искусства и исторіи: Египетъ представляетъ намъ послѣдній осадокъ первобытнаго симитства еще до раздѣленія его на азіатскія отрасли. За тѣмъ идетъ халдейская колонизація, основаніе Вавилона и Ассиріи, съ языками обѣихъ этихъ странъ. Наконецъ предстаютъ намъ языки арабскій, арамейскій, еврейскій, какъ дѣти одного отца, отмѣченныя его рѣзко выдающимися чертами.

Было время, когда всѣ рѣшительно Арійцы составляли одну и ту же семью; языки ихъ были только разнорѣчія; пока сами они не порознились,

въ религіи, правахъ, подвигахъ и поэзіи, они обладали одною общею культурой, а общая ихъ рѣчь была, пожалуй, богаче всѣхъ своихъ отпрысковъ и отличалась такими прочными началами, такой глубокой индивидуальностью, что, какъ повидимому ни разнятся другъ отъ друга вдумчивый Индіецъ, практическій Римлянинъ, художественный Грекъ, своенароднымъ ихъ характеромъ никогда не затиралась печать ихъ общаго происхожденья. Ближайшія соотношенія существуютъ между Индійцами и Персами, между Греками и Римлянами, между Германцами и Славянами; они кажется оставались и жили парными группами даже еще и тогда, когда цѣлое племя уже подѣлилось и началось переселеніе, при которомъ Грекороманы или Пелазги избрали болѣе южную, а Славогерманцы болѣе сѣверную дорогу на западъ, въ предѣлы Европы; тогда какъ Индоперсы распространились на югъ, въ Азію. Веды и Авеста, это два ручья изъ одного и того же источника, но только первый и полноводнѣе и чище. Самая ранняя заря преданія открываетъ намъ Индійцевъ въ странѣ семи родовъ къ югу отъ Гималайи, а между тѣмъ очень вѣроятно что еще до этого всѣ родственныя имъ племена уже покинули свою первобытную отчизну, что уже и Персы отпали отъ нихъ вслѣдствіе религіознаго раскола, и что тогда только они сами двинулись въ другомъ направленіи, отыскивая себѣ иной, новый міръ. Это вѣроятно потому, что въ корняхъ языка, да и въ грамматикѣ у нихъ много общаго съ Греками или Германцами по тѣмъ даже частямъ, которыя различны у самихъ Грековъ и Германцевъ, и что ни одинъ народъ не сохранилъ такъ много, какъ Индійцы, изъ общаго всѣмъ арійскимъ племенамъ религіознаго и поэтическаго наслѣдія.

Повидимому, всѣхъ ранѣе выдѣлились и откочевали Кельты; между всѣми арійскими нарѣчіями языкъ ихъ обнаруживаетъ наиболѣе сродства съ египетскимъ, указываетъ стало-быть происхожденіе свое въ такое время, когда еще сильны были отголоски общенія симитско-арійскихъ элементовъ; грамматическія формы не слились еще въ полный синтезъ, какъ у Санскрита, а сохранили по большой части первично-аналитическій характеръ холостыхъ, вольностоящихъ частицъ, и это кажется повліяло на разъемъ или размычку этихъ формъ въ языкахъ новоевропейскихъ. За Кельтами слѣдовали Ѳракійцы или Иллиры и Армяне; далѣе — Пелазги, подъ чьимъ именемъ я разумѣю общій доисторическій періодъ Грековъ и Италійцевъ; потомъ уже Славяне и Германцы.

Человѣческая культура общее дѣло народовъ, говорящихъ флективными языками, — Арійцевъ и Симитовъ. Китай стоитъ до сихъ поръ внѣ главнаго потока міровой жизни; Туранцы, при Аттилѣ и Тамерланѣ, равно какъ и при скиѳскихъ вторженіяхъ въ Персію и Вавилонъ, дѣйствовали только внѣшними толчками, не родивъ и не распространивъ сами ни одной своеобразной идеи. Исторія начинается Египтомъ. Потомъ, со стороны Арійцевъ, идутъ царства Бактровъ и Мидянъ, Индійцевъ и Персовъ; со стороны Симитовъ — вавилонское и ассирійское, еврейское и финикійское. Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху міра тамъ главную роль играютъ Греки и Римляне, здѣсь — Іудеи и Карѳагенцы. «Яфетъ вселяется въ кущи Симовы», Римляне завоевываютъ Карѳагенъ и Іерусалимъ, но Арійцы принимаютъ въ себя христіанство, от-

кровенное среди Симитовъ, и Германцы, которые, или въ чистотѣ, или ороманившись, выступили потомъ на міровую сцену обокъ съ Арабами, проникаютъ религію философскимъ духомъ и даютъ дальнѣйшій ходъ искусству и наукѣ, прежде процвѣтавшимъ въ Греціи, тогда какъ арійскій Суфизмъ Персовъ расторгаетъ путы Ислама и силится примирить божественное съ мірскимъ. Уже Павелъ и Іоаннъ проповѣдывали и писали Евангеліе по-гречески, и если Симитамъ было суждено основать и завершить преимущественно религіозную стихію, а Арійцамъ — преимущественно свѣтскую и человѣчно-свободную, то все же надобно сказать, что Арійцы полнѣе и основательнѣй усвоили себѣ все хорошее отъ Симитовъ, нежели послѣдніе отъ нихъ.

Языкъ, это — великая ткань, единящая людей и между собою и съ природою. Фантазія, какъ даръ не тѣхъ либо другихъ отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ племенъ и народовъ, раскинула по ней богатѣйшимъ узоромъ картину духа и его исторіи; и этотъ трудъ, совершаемый общей дѣятельностью всего человѣческаго рода, совершаемый такъ разумно, хотя и безсознательно, развѣ не указываетъ онъ прямо на водительство и просвѣщеніе свыше?

ПОНЯТІЕ, ИСТОЧНИКЪ И РАЗВИТІЕ МИѲА.

Иммануилъ Кантъ, въ своей «Критикѣ чистаго разума», показываетъ какъ наше мышленіе, восходя отъ опыта и разсудочной его обработки, доискивается потомъ основныхъ началъ и удовлетворяется только идеей верховнаго и первосущаго единства, объемлющаго и обосновывающаго собой все безконечное разнообразіе *; какъ совершенное, законченное въ самомъ себѣ, называетъ онъ ее идеаломъ разума, не произвольнымъ или случайнымъ его измысломъ, а необходимымъ порожденіемъ, не отвлеченной всеобщностью понятія, а полнѣйшею, дѣйствительнѣйшею самосущностью: это и есть мысль о Богѣ. Слово философа подтверждается намъ цѣлою исторіей, докуда только доходятъ наши свѣдѣнія о человѣчествѣ; древнѣйшіе памятники искусства, древнѣйшія писанія свидѣтельствуютъ намъ тотъ фактъ, что идея Бога живетъ въ душѣ и единичныхъ лицъ и совокупныхъ народовъ, что съ развитіемъ культуры она все яснѣе и яснѣе вырабатывается, что прежде всего и притомъ неистребимо властвуетъ она въ сердцѣ и совѣсти, что вслѣдъ за симъ фантазія придаетъ ей наглядный образъ, а потомъ мыслящій духъ старается ее опредѣлить и доказать, заключая отъ дѣйствительности и многоразличныхъ ея свойствъ о существѣ коренной всему основы.

Человѣкъ не могъ бы наименовать себя и вещи конечными, не будь тогда уже присуща его мысли идея безконечнаго и совершеннаго, отъ которой онъ и отличаетъ потомъ все, что бы ни представилъ ему внѣшній опытъ. Нѣтъ

* Позитивисты, и вслѣдъ за ними утилитаристы, говорятъ, напротивъ, что далѣе опыта и разсудочной его обработки идти не возможно, и что доискиваться основныхъ началъ свойственно лишь ребяческому состоянію мысли, тщетно порывающейся перехватить за предѣлы явной для насъ дѣйствительности и тѣхъ ближайшихъ ея законовъ или нормъ, которые постепенно подмѣчаетъ наблюдательный опытъ.

низа безъ верха, нѣтъ правой стороны безъ лѣвой; такъ же точно не могли бы мы назвать что-нибудь и конечнымъ безъ отношенія къ мысли безконечнаго. Послѣдняя дѣйствительно вызывается и приводится въ умѣ къ сознанію только впечатлѣніями внѣшняго міра, но не отъ него она исходитъ, такъ какъ вѣдь самъ этотъ міръ весь состоитъ только изъ недостаточнаго или ограниченнаго; въ душѣ же о совершенномъ и безконечномъ свидѣтельствуетъ намъ совѣсть. Если человѣкъ часто чувствуетъ себя зависимымъ, если ужасающія или благотворныя явленія природы вызываютъ у него обожаніе, то самымъ уже этимъ не выходитъ ли онъ за предѣлы того, что̀ дѣйствительно дано въ этихъ предметахъ или впечатлѣніяхъ? Они способны только возбудить его къ порожденію въ самомъ себѣ помысла о божествѣ и потомъ къ сопряженію съ ними этого помысла. Какъ ухитрился бы человѣкъ видѣть въ солнцѣ не лучезарный только кругъ, но вмѣстѣ и бога, не носи онъ въ собственной душѣ идеи божества, какъ изначала прирожденный даръ, какъ печать своего происхожденія отъ безконечнаго, въ которомъ онъ возникаетъ и живетъ, и которое въ немъ открывается?

Душа вѣдь не чистая бумага, на которой вещи внѣшняго міра сами собой рисуются и записываются, такъ что она лишь страдательно воспринимаетъ наполняющее ее содержаніе; внѣ нашей субъективности нѣтъ собственно ни цвѣтовъ, ни звуковъ: темныя и беззвучныя сотрясенья эѳира и воздуха только нами ощущаются какъ свѣтъ и звукъ, и только наша самость, уряжая хаосъ ощущеній, обращаетъ его въ картину того міра, который она представляетъ себѣ въ пространствѣ и во времени. Чувственная подмѣта схватываетъ только особное, всегда лишь ту либо другую единичную черту; общіе законы, родовыя понятія образуются и порождаются уже нашимъ мышленіемъ. Да и идеи, въ настоящемъ и полномъ смыслѣ, также не прирождены душѣ; въ ней не лежитъ готовымъ ни какое вообще содержаніе; она только способность къ идеямъ; впечатлѣнія внѣшняго міра побуждаютъ ее переходить за то, что̀ дается ими, и вырабатывать въ себѣ лежащую въ нихъ основѣ мысль, ихъ идею. Но духъ развивается и мыслитъ по извѣстнымъ законамъ; какъ растеніе, восходя спиралью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ почки и развертываетъ опредѣленной формы листъ, такъ точно и у духа есть особыя нормы дѣятельности, которыя, при внимательномъ наблюденіи послѣдней, онъ мало по малу сознаетъ какъ законы своей мысли и своихъ дѣйствій. Только есть у духа и такіе законы, которымъ онъ слѣдуетъ не по необходимости, не такъ, какъ напримѣръ матерія повинуется силѣ тяготѣнья, но слѣдуетъ свободно, когда самъ того положительно захочетъ; нравственный законъ для него не необходимость, а обязанность, добровольный долгъ, однако вовсе не такой, съ которымъ, какъ съ простымъ лишь представленіемъ, онъ могъ бы распоряжаться по своему произволу; напротивъ онъ чувствуетъ себя обязаннымъ жить и дѣйствовать по этому закону, заповѣдь долга требуетъ, чтобъ онъ дѣлалъ добро изъ-за самого добра; но что̀ такое именно добро, этого онъ непосредственно не знаетъ: онъ долженъ самъ найдти его и познать.

Сущность духа — свобода, самоопредѣленіе; потому то и не является онъ отъ природы тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, а становится такимъ только соб-

ственною волею, и самоосуществленіе его есть исторія. Если же онъ отъ природы неготовъ, то задачею его разумѣется будетъ самоусовершеніе. Поэтому совершенство лежитъ въ духѣ, но не какъ полносодержательное понятіе, а, по вѣрному опредѣленію Ульрици, какъ этическая категорія, какъ норма или руководящая точка зрѣнья; только потому производятъ на него вещи, да производитъ и самъ онъ на себя впечатлѣніе чего-то недостаточнаго, несовершеннаго, что онъ прикидываетъ и вещи и самого себя къ мѣркѣ нормальнаго понятія о совершенствѣ, которое благодаря именно этому становится для него не только ощутительнымъ, но и познаваемымъ. Совершенное есть то, что̀ быть должно, и мы удовлетворяемся только тамъ, гдѣ оно предстаетъ намъ въ явленіи, гдѣ оно совершается на дѣлѣ или достигается мыслью. Всилу этого мы и называемъ его прекраснымъ, благимъ, истиннымъ; насъ ведутъ къ тому соотвѣтственные побуды нашей природы; мы должны и вмѣстѣ хотимъ узнать основаніе и цѣль вещей, мы стремимся къ полноцѣнному, достойному, сообразному съ нашимъ человѣческимъ назначеньемъ, мы радуемся осуществленію идеи вездѣ, гдѣ она предстаетъ намъ въ гармоніи закона съ явленіемъ, духа съ природой, и стараемся сами водворить, воспроизвесть эту гармонію. Вполнѣ совершенно вѣдь то, что̀ закончено въ себѣ самомъ; конечное только ищетъ къ нему приблизиться; одно безконечное всесовершенно, всебезусловно или божественно. Чувство безконечнаго, влеченіе къ нему лежитъ у насъ въ душѣ; но ближе узнать, что̀ оно такое, это именно и есть жизненная задача человѣчества. Искусство, религія, философія, сообразно главнымъ направленіямъ духа, намѣчаютъ тѣ формы его дѣятельности, въ какихъ совершается рѣшеніе этой задачи. Сначала онѣ еще не порознились и дѣйствуютъ вмѣстѣ, заодно; подобно тому какъ въ сложеньи языка, впервые устанавливающемъ наше міросознаніе, мы нашли первобытную философію и первобытную поэзію человѣческаго рода, такъ точно и въ миѳѣ мы найдемъ столь же первичную дѣятельность творческой фантазіи и мысли, стремящуюся оформить богосознаніе, то-есть идею совершенства, высшій идеалъ разума.

Первоначальный бытъ человѣчества мы отнюдь не можемъ представить себѣ культурнымъ: культура всегда плодъ многосторонняго развитія и цѣлаго ряда духовныхъ подвиговъ; но мы точно такъ же не въ правѣ предполагать, чтобы то была всеобщая война, сплошная во всемъ грубость и дикость, потому что человѣкъ уже и родится вѣдь не звѣремъ, а все-таки именно человѣкомъ же. Всравненіи съ двумя этими догадками, дѣтская гармонія рая или золотого вѣка представляется вѣрнымъ въ сущности воспоминаніемъ самого человѣчества о тѣхъ давно минувшихъ дняхъ, когда въ простотѣ души и невинности оно еще не нарадовалось своимъ существованьемъ; разумъ руководилъ тогда его шаги не съ самознательною ясностію мысли, а скорѣе съ самоувѣренностью инстинкта; у груди матери-природы находило оно все для себя нужное; силы духа, разныя направленія его дѣятельности, покоились еще согласно и мирно въ задушевной глубинѣ, и при несмущаемой гармоніи съ своею внѣшнею обстановкой человѣкъ чувствовалъ общее единство всего сущаго, чувствовалъ въ немъ самого себя, и вмѣстѣ чаялъ присутствіе всеобъемлющаго, вселюбящаго Бога. Но онъ не дошелъ еще до обособленнаго о немъ представленія ни въ видимомъ образѣ, ни въ мысли; только сердце

его проникалось непосредственнымъ чувствомъ всевластной силы божества. Человѣчество жило одною большой семьею; его дѣтски-мирное существованіе управлялось не внѣшнимъ распорядкомъ, не опредѣленными уставами, а чувствомъ чтивой любви, этимъ сліяніемъ естественнаго побуда съ нравственною идеей.

Что же однако, въ этотъ періодъ разумнаго инстинкта, могло пробудить въ полудремлющей душѣ верховный идеалъ разума, понятіе о божествѣ, какъ о безконечной и благотворной вѣщей силѣ? къ какому видимому предмету могла отнестись разсвѣтающая мысль, какъ къ носителю этого понятія? Конечно всего ближе — къ всеобъемлющему небу, которое на все проливаетъ свой свѣтъ, все живитъ своей отрадной теплотою. Исторія подтверждаетъ, что таковъ именно былъ первобытный взглядъ человѣчества. Мы и нынѣ говоримъ еще о волѣ неба; точно такъ же у полудикихъ народовъ, у Негровъ или южно-морскихъ островитянъ, небо значитъ вмѣстѣ божество: единое и безконечное впервые прозрѣлось человѣку въ небѣ. Если въ Китаѣ мы дѣйствительно видимъ древнѣйшій слѣдъ человѣческаго быторазвитія, но какъ бы оцѣпенѣвшій и засохшій въ мумію, на что указываетъ въ свою очередь односложный, лишенный флексій языкъ, то мы также находимъ здѣсь и первобытное познаніе Бога въ небѣ; не раздѣляя физическаго отъ духовнаго, Китайцы считаютъ небо первообразомъ порядка вселенной и молятся ему какъ началу, владыкѣ и вождю всѣхъ вещей. Небесный Богъ, Господь вышнихъ — преобладающее представленіе симитской вѣры, и его же находимъ мы у Туранцевъ; въ свѣтѣ всеобъемлющаго и всеоживляющаго неба видитъ божество древній Египтянинъ, точно такъ же какъ и первобытный Аріецъ. Общій корень для выраженія божественнаго на всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ (именно корень див, свѣтить) приводитъ насъ къ ясному небу, какъ первому носителю божественной идеи, по которому ей и дано названіе. Человѣчество молилось не внѣшнему, матерьяльному небу, да не имѣло также понятія и о чистодуховномъ божествѣ; но идея Бога, какъ помыслъ объ изначальномъ и безконечномъ, бывъ пробуждена естественнымъ созерцаніемъ небесъ, съ ними тутъ же и соединилась, ими обозначилась; небо стало очевиднымъ богомъ, но въ очевидномъ небѣ царила духовная сила божества, какъ ощущающая и хотящая душа царитъ и властвуетъ въ своемъ тѣлѣ. Божество, всецѣлое и безконечное, есть и природа и духъ, все вмѣстѣ и нераздѣльно. Все въ немъ пребываетъ, все имъ одушевляется и правится, подобно тому какъ небо обнимаетъ всѣ вещи въ мірѣ и даетъ имъ жизнь, силу и свѣтъ.

Такимъ образомъ первоначально видимъ мы передъ собой не обожаніе природы, да и не какое-либо спиритуалистическое понятіе, а духъ и природу въ совокунномъ единствѣ; мы видимъ единобожіе, но не въ противоположность многобожію котораго еще не существуетъ, — не съ опредѣленной ясностью, отчетливостью мысли, но въ живомъ созерцаніи, въ религіозномъ чувствѣ; передъ нами единство, носящее въ себѣ всю полноту существованія, единство не обокъ со множествомъ, но рѣшительно одно и вмѣстѣ все. Полнота эта станетъ раскрываться съ каждымъ днемъ болѣе по мѣрѣ развитія человѣческаго духа; многоразличное какъ будто совсѣмъ из-

ведетъ единство и явится самостоятельнымъ; но единство снова согласитъ его потомъ съ собою. Противоположность между пантеизмомъ и деизмомъ преодолѣна здѣсь исперва: Богъ вездѣ присущъ и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно самобытенъ, онъ источникъ всякой жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ ея Господь; видимая безконечность неба — осязательное его явленіе.

Раскрытіе единства ведетъ сначала къ политеизму, къ многобожію. Разъ, когда идея Бога уже высказалась и нашла себѣ носителя въ свѣтозарномъ небѣ; послѣ этого и другая сила природы или духа можетъ произвесть на человѣка неодолимое впечатлѣніе и въ свою очередь сдѣлаться боготворимою, стать на ряду съ тѣмъ первымъ божествомъ или заступить, пожалуй, его мѣсто. Какъ въ человѣчествѣ мужу пріобщается жена, такъ и мужемыслимому богу, духовной силѣ творчества, пріобщается начало женственности, воспріимчивости, природы; или, точнѣе, изъ единства происходитъ двоица, остающаяся однакожь неразлучною въ любовномъ союзѣ неба съ землею, въ непосредственной связи опредѣляющаго духа съ опредѣляемою матеріей. Такъ въ Ведахъ говорится что древніе мудрецы призывали, какъ боговъ, небо и землю, такъ точно въ пеласгійскомъ культѣ стоятъ рядомъ Зевсъ и Діона, такъ и у Вавилонянъ сопоставлены Ваалъ съ Мелиттою. Или же: въ солнцѣ видятъ зерно и источникъ свѣта и чествуютъ его на ряду съ небомъ, какъ его первенца, какъ особую божескую силу. Арійцы называли первоначально-единаго небеснаго бога (Діауса) также всеобъемлющимъ и дождевосцемъ, Варуною (Ураномъ) и Индрой; отсюда чрезъ олицетвореніе двухъ разныхъ способовъ откровенія единаго произошли два разныя божества. Или еще: сама жизнь природы, расцвѣтающая по веснѣ и блекнущая осенью, полагалась въ основу соображеніямъ фантазіи; къ тому же приводило и солнце, нарождаясь и закатываясь каждый день, восходя лѣтомъ выше и грѣя жарче, а зимой спускаясь ниже и дѣйствуя слабѣе: отсюда въ исторію бога входитъ страданіе, смерть и возрожденье; такъ было съ Адонисомъ, Озирисомъ и Діонизомъ. Потомъ — что можно прослѣдить въ Египтѣ, Индіи, Греціи — разныя племена одного и того же народа разработывали первоначально-общую имъ идею божества, по особенности своихъ впечатлѣній и внутреннихъ опытовъ, далеко неодинаково и придавали ей другія имена: что́ у одного было прозвищемъ, то самое слыло у другого за главное имя, а когда нѣсколько племенъ соединялись въ одинъ цѣльный народъ, тогда каждое изъ нихъ удерживало своего мѣстнаго бога, но присовокупляло къ нему и всѣхъ прочихъ; подъ главенствомъ одного верховнаго божества слагалась цѣлая божеская іерархія.

Общее богопочитаніе было въ древности не только-что общенародной связью; оно связывало колѣна, бытовые союзы, семьи. А различные народы — это самостоятельно развившіяся вѣтви одного и того же дерева, человѣчества; они разошлись между собой не только пространственно, но и духовно, когда у каждаго мощно выдвинулись впередъ особыя силы, свойства, направленія, и стали средоточіемъ особыхъ жизненныхъ сферъ съ своеобразнымъ характеромъ. Разнородные помыслы и опыты, особыя у каждаго народа міровоззрѣнья требовали и своеобразныхъ способовъ выраженія и передачи: отсюда возникла разность въ языкахъ. Точно такъ же своеобразно

разработывалась и божественная идея, смотря по основному направленію любой жизненной среды, смотря по совокупности внѣшняго и внутренняго ея опыта. А благодаря той своебытной связи, какая водворяется особностью идей, языковъ и религій, возникли и особые союзы людей, называемые народами, потому что народъ вѣдь вовсе не толпа, а органическая, природная и духовная единица. Своебытно-развившіеся народы сначала, разумѣется, не понимали чуждыхъ имъ языковъ, и въ религіи другихъ племенъ не узнавали своего бога: вотъ отчего многоразличіе народныхъ божествъ утвердилось въ человѣческомъ сознаніи.

Въ такомъ смыслѣ толковалъ уже и Яковъ Бёмъ * разсказъ о вавилонскомъ столпотвореніи. Пока силы человѣчества еще не развернулись, всѣ люди, объясняетъ онъ, говорили однимъ языкомъ; когда же обособились многоразличныя ихъ свойства, когда выявилась между ними рознь, и они разсѣялись, тогда языки ихъ видоизмѣнялись уже по природѣ странъ, занятыхъ каждымъ народомъ. Каковы свойства края, таковъ и языкъ, таковы нравы и религія; не даромъ написано: каковъ народъ, таковъ у него и богъ. Не то, чтобъ Богъ былъ не единъ; но подъ этимъ разумѣютъ то особое откровеніе, въ какомъ, сообразно свойствамъ различныхъ народовъ, онъ самъ себя высказываетъ ихъ устами.

Библейское сказаніе представляетъ въ образѣ однократнаго и внезапнаго событія тотъ процессъ, который совершался медленно и многократно повторялся; напримѣръ: когда впослѣдствіи разошлись неразлучные сначала Симиты и Арійцы, и когда разные народы выдѣлялись потомъ и изъ ихъ среды.

Шеллингъ, во «Введеніи къ философской миѳологіи» особенно налегаетъ на то что въ однородномъ человѣчествѣ неизбѣжно возникли внутреннія причины, поведшія его къ подѣлу и распаденію, что въ немъ долженъ былъ наступить духовный переломъ, сильное потрясеніе цѣлаго сознанья, для того чтобы могло нарушиться первобытное общеніе.

«Насколько можно судить о явленіяхъ въ туманѣ такой дали, всѣ они, «равно какъ и характеръ народныхъ движеній, намекаютъ на такое единство, котораго мощь должна была заявить себя среди розни и распаденія. «Не внѣшнее какое-либо побужденіе, но жало внутренняго безпокойства, чувство что отдѣльный народъ не все человѣчество, а только часть его, чувство не безусловной уже принадлежности единому для всѣхъ Богу, а напротивъ — перехода во власть особаго божества или многихъ божествъ, — «вотъ что заставило ихъ скитаться изъ края въ край, отъ берега къ берегу, «пока каждый изъ нихъ не остался наединѣ самъ съ собою, поодаль отъ всего «чуждаго, гдѣ и нашелъ наконецъ мѣсто себѣ по душѣ.» Какъ бы кто ни судилъ о выполненіи Шеллингомъ своей задачи, мы смѣло можемъ согласиться съ нимъ въ одномъ, что религія, языкъ и народъ развивались вмѣстѣ, и что подѣлъ народовъ лежалъ въ волѣ Провидѣнія, какъ необходимый для свободнаго развитія человѣчества. Но прежде чѣмъ перейдти къ миѳологіи въ собственномъ смыслѣ, то-есть къ фантазійному представленію религіоз-

---

* Знаменитый ѳеософъ начала 17-го столѣтія, ремесломъ башмачникъ.

ныхъ идей въ многоразличныхъ образахъ боговъ и въ ихъ исторіяхъ, мы должны разсмотрѣть нѣкоторыя промежуточныя звенья, которыя отдѣляютъ ее отъ чувства первоначальнаго единства и отъ созерцанія его въ единомъ, общемъ для всего небѣ.

Первое изъ нихъ вѣра въ духовъ. Подобно идеѣ божества духу человѣка врождена, то-есть свойственна изначала, надежда на безсмертіе, и при пробужденіи сознанія она тотчасъ же выступаетъ наружу. Человѣкъ познаетъ или чувствуетъ въ себѣ центръ жизни, внутреннее ея средоточіе, онъ понимаетъ себя самобытнымъ существомъ, замѣчаетъ, что, въ этомъ именно качествѣ, онъ остается однимъ и тѣмъ же среди всѣхъ перемѣнъ внѣшняго міра, среди безконечнаго разнообразія впечатлѣній, своихъ собственныхъ состояній и помысловъ; какъ это постоянное и неизмѣнное, онъ ставитъ себя неподвластнымъ времени, считаетъ себя неистребимымъ, такъ что даже и смерть тѣла представляется ему только освобожденіемъ души. Вотъ почему вмѣстѣ съ созерцаніемъ единаго бога въ небѣ находимъ мы и вѣрованіе въ міръ духовъ у дикарей точно такъ же какъ и въ китайской древности, у Египтянъ и у Туранцевъ, у Семитовъ и у Арійцевъ, рѣшительно вездѣ; почитаніе ларъ и пенатовъ, какъ живущихъ еще на благо потомству прадѣдовъ, было первоначальнымъ убѣжденіемъ не однихъ только Римлянъ, но и всѣхъ вообще народовъ. Духи витаютъ надъ земной поверхностью, настоящее жилище ихъ небо, имъ всегда доступно божество, на крыльяхъ вѣтра пролетаютъ они облачныя пространства, и обитель ихъ — царство свѣта.

Человѣкъ-дитя обо всемъ судитъ по самому себѣ; онъ, въ своихъ глазахъ, мѣра всему на свѣтѣ. И вотъ онъ замѣчаетъ что любое его дѣйствіе — дѣло его воли, выраженіе той или другой мысли; судя по этому, онъ ставитъ волю и мысль причиной всякаго движенія, всякаго дѣйствія и внѣ себя; воображеніе его одушевляетъ всю природу и видитъ во всѣхъ вещахъ и событіяхъ дѣятельность такихъ же духовныхъ силъ, какія онъ сознаетъ въ самомъ себѣ и считаетъ причиною своихъ собственныхъ дѣйствій. Вѣдь и вещественный міръ коренится своимъ началомъ въ Богѣ; онъ также оживленъ, его порядокъ, его законы — опредѣленія властительнаго въ немъ божественнаго духа; эта истина лежитъ въ основѣ созданій дѣтской фантазіи, и оттого они находятъ себѣ вѣру. Воображеніе не придаетъ еще духамъ вещей ни какой опредѣленной формы, да и вещи не считаются ихъ проявленіемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ небо слыветъ проявленьемъ божества; но геніи природы и геніи отшедшихъ человѣческихъ душъ сходятся, общатся между собою и составляютъ какъ бы одно духовное царство. Спокойное теченіе свѣтилъ, ключъ струею бьющій изъ-подъ камня, живительная теплота солнечныхъ лучей, мерцаніе пламени, движенье волнъ, шумъ вѣтра, ростъ дерева, все это и многое другое человѣкъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ себѣ объяснить удовлетворительно, если за причину подобныхъ явленій не приметъ вполнѣ самобытное существо; для этого довольно одной общей причины, но она еще не подсилу неопытному уму, и воображеніе, увлеченное отдѣльными впечатлѣніями и предметами, разлагаетъ ее въ цѣлую бездну причинъ частныхъ, особыхъ для каждаго случая духовныхъ существъ, которыя властвуютъ надъ вещами и производятъ явленія. Все ви-

димое, предметное, объективное есть выраженіе или дѣло незримой, вполнѣ самобытной, субъективной силы и сущности: вотъ великая идея, которая дремлетъ еще безсознательно въ душѣ новорожденнаго человѣчества, но уже явна въ дѣятельности воображенія, приравнивающаго внѣшній міръ къ природѣ человѣка и оформливающаго вещи по его образу. Человѣчество живетъ на этой ступени жизнью ребенка, полною сладкихъ грезъ фантазіи; для него всѣ вещи личны, какъ и оно само; оно еще беззавѣтно предано своему свѣтлому, полносмысленному идеализму; оно еще вполнѣ вѣритъ истинѣ своихъ представленій и дѣйствительно обладаетъ въ нихъ формой истины, отвѣчающей его дѣтскому пониманью. Тѣшась своимъ творчествомъ, оно отрадно упражняетъ надъ этимъ одушевленіемъ и просвѣтленіемъ природы свои первые художественные позывы, и весь позднѣйшій цвѣтъ искусства есть лишь постепенное развитіе этого ранняго, зародышнаго ростка.

Здѣсь-то настаетъ политеизмъ, многобожіе въ настоящемъ смыслѣ, когда въ разныхъ знаменательныхъ предметахъ природы, въ солнцѣ, въ морѣ, въ рѣкѣ, въ бурѣ, въ огнѣ, люди чаютъ видѣть присутствіе особенно мощнаго, неодолимаго для собственной ихъ силы, духа, когда они смотрятъ на него какъ на высшее существо, когда съ нимъ сопрягается идея Бога, и предметы эти прямо становятся ея носителемъ.

Дѣтская фантазія человѣчества вѣритъ въ одушевленіе различныхъ предметовъ природы, а когда притомъ и самый видъ ихъ напоминаетъ дѣйствительно живыя существа, тогда она творитъ себѣ изъ нихъ естественные образы и видитъ наприм. змѣю въ сверкающей изъ тучи молніи или въ рѣкѣ, извивающейся по равнинѣ; она слышитъ бурю, и ея вой представляетъ ее фантазіи въ видѣ хищнаго звѣря *; солнце, спокойно парящее въ небѣ свѣтлой птицею, — это лебедь въ воздушномъ морѣ; по другому покажется оно, пожалуй, огненнымъ колесомъ, а третьему лучезарнымъ всевидящимъ окомъ небеснаго бога. Волны — это встающіе на дыбы кони, а пѣна на гребнѣ ихъ — разметанная грива. Вѣдь у самихъ предметовъ есть разныя стороны: пастухъ взглянетъ на нихъ не такъ, какъ охотникъ. Для пастуха бѣлыя облачка — барашки, а дождевыя тучи коровы, питающія землю молокомъ; иному переливы утренней зари по цвѣту также представятся коровами, тогда какъ наприм. охотникъ увидитъ въ несомыхъ бурей облакахъ стадо преслѣдуемой по пятамъ гонной дичи, коней, которые топотомъ копытъ производятъ громъ. Темная грозовая туча кажется страшнымъ чудищемъ, огнедышащимъ дракономъ или змѣемъ. Съ другой стороны облака громоздятся иногда пластами или уступами, словно горный хребетъ, или разстилаются въ видѣ косматой звѣриной шкуры; тутъ могутъ они слыть одеждой небеснаго бога, его оперсьемъ, нагрудникомъ: это козлиная кожа или эгида, которою прикрываетъ себя Зевсъ; а съ горныхъ хребтовъ неба или изъ облачныхъ ключей льются дождевые потоки. Или же многоизмѣнчивыя облака являются въ видѣ женщинъ, кормящихъ грудью жадныя поля, пропускающихъ небесную воду сквозь сито мелкимъ дождикомъ или поливающихъ землю широкою струею прямо изъ кувшиновъ. Бурю превращаютъ въ разъяреннаго кабана,

* „То какъ звѣрь она завоетъ, то заплачетъ какъ дитя.“

въ небеснаго вепря, или думаютъ что горный орелъ производитъ ее могучимъ взмахомъ своихъ крыльевъ. Первые лучи свѣта, проглядывающіе изъ темноты ночной или изъ-за тучи, предстаютъ въ видѣ блестящихъ молодыхъ всадниковъ на бѣлыхъ лошадяхъ. Такъ земное переносится на небо, и по нѣкоторому дѣйствительному сходству одинъ предметъ вполнѣ уподобляется другому; не только поэтическій, но и обиходный нашъ языкъ постоянно употребляютъ такіе образы; а для первобытной фантазіи они просто сливаются съ самой вещью, мѣткость сравненія тотчасъ же явна для всѣхъ, да и попадаютъ на него скорѣе невзначай нежели умышленно, по произволу; и съ той поры дѣтски-простодушный смыслъ видитъ въ предметѣ уже самое то живое существо, которому онъ сколько-нибудь подобенъ. Оно естественно, потому что человѣкъ только такъ и постигаетъ новыя для себя явленія что ставитъ ихъ въ соотношеніе и связь съ наличнымъ у него запасомъ созерцаній, и съ помощью этого запаса воспринимаетъ ихъ въ себя, уразумѣваетъ; онъ видитъ, что птица паритъ въ воздухѣ, и основываясь на этомъ дѣлаетъ живое крылатое существо также изъ солнца, изъ молніи; знакомымъ ему представленіемъ молочной коровы онъ уясняетъ себѣ благотворность дождевого облака. Такія созерцанія сберегаются и послѣ, они продолжаютъ жить въ народномъ повѣріи, хотя и теряютъ естественное свое мѣсто. На этомъ-то основаніи Шварцъ пытался недавно пріурочить всю миѳологію къ образамъ небесныхъ явленій и между прочимъ указалъ на то, какъ облачныя жены съ ихъ кувшинами и ситами сошли въ преисподнюю подъ именемъ Данаидъ, или на старинное дѣтское повѣрье, что дѣти выходятъ на свѣтъ изъ колодца, съ тою только разницей, что душеродный колодезь съ небесныхъ облаковъ теперь спустился уже просто въ любую деревню.

Соотвѣтственной противоположностью этому одушевленію и оживленію вещей предстаетъ символъ, выраженіе духовныхъ созерцаній и представленій аналогическими (хотя завѣдомо инородными) явленіями внѣшняго міра. Человѣкъ старается удержать въ памяти внутреннія движенія души, дать имъ какую-нибудь наружную форму, для сообщенія ихъ другимъ и для уясненья самому себѣ. Впечатлѣнія внѣшняго міра вызываютъ духовную дѣятельность порождать представленія и мысли; только въ формахъ этого же опять міра можетъ онъ и передавать ихъ: мы знакомы съ чувственнымъ этимъ элементомъ въ языкѣ, который даже для понятій объ умственномъ взвѣсѣ и разсмотрѣніи заимствуетъ эти слова отъ чисто-внѣшняго дѣйствія и отъ видимости предметовъ. Такимъ же образомъ свѣтъ становится для него символомъ духовной ясности, пасмурность символомъ озабоченнаго настроенія души, вода, стихія опрятности, — средствомъ онаглядить духовное возрожденіе или очищенье. Замкнутый въ себѣ кругъ, или змѣя кусающая себя за хвостъ, означаетъ безначальное и безконечное, вѣчность. Дерево, которое то цвѣтетъ, то вянетъ, то опять зеленѣетъ, является символомъ природы въ кругооборотѣ годовыхъ временъ. Плодучія животныя, какъ наприм. быкъ, овенъ, знаменуютъ родотворную силу и вслѣдствіе того могутъ символически означать жизнедатное божіе могущество. Общая кормилица природа изображается въ видѣ коровы или также въ видѣ многогрудой женщины. Сѣменное зерно погружается въ землю и пускаетъ изъ себя новое растеніе, гусеница повидимому умираетъ и хоронится въ куколкѣ, а по-

томъ воскресаетъ бабочкой къ новой болѣе прекрасной жизни; и вотъ сродная человѣку надежда на безсмертіе пріурочивается къ этимъ естественнымъ явленіямъ и беретъ ихъ символомъ для выраженія своей мысли. Смыслъ и образъ прямо указываютъ другъ на друга; смыслъ сознаетъ себя въ предметѣ и имъ же наоборотъ уясняется; и здѣсь опять нѣтъ ни какого произвола: символъ выходитъ не дѣломъ отчетливаго соображенія, котораго вѣдь и не существуетъ еще въ нормальномъ видѣ; идея просто срослась съ созерцаніемъ; какъ сама она равно лежитъ во всѣхъ душахъ, такъ и на нихъ равномѣрно дѣйствуетъ одинаковое впечатлѣнье; кто первый сопряжетъ идею съ этимъ впечатлѣніемъ, тотъ выскажетъ лишь то что у всѣхъ было на умѣ, да только не такъ ясно: оттого всѣ и поймутъ его какъ разъ. Ѳ. Г. Велькеръ замѣчаетъ справедливо, что для юнаго человѣчества каждый мѣтко найденный образъ былъ вмѣстѣ и самòю постепенно развертывающеюся идеею, живымъ, наглядными откровеніемъ, вдохновеніемъ ума, внезапно озареннаго фантазіей, предуказаніемъ того, что̀ впослѣдствіи было отчетливо понято, нѣкотораго рода прозрѣніемъ, чѣмъ въ послѣдующія времена сталъ поэтическій вымыселъ, чѣмъ въ позднѣйшую еще эпоху явились геніально-научные взгляды какого-нибудь Кеплера и Ньютона. * Дивно-подходящая встрѣча естественнаго явленія съ содержаніемъ, сложившимся въ глубинѣ души, служитъ порукою за истину и несомнѣнную вѣрность. Символъ — средство и орудіе для чувственно-духовнаго уразумѣнія вещей, равно какъ и для нагляднаго выраженія мыслей; смыслъ въ образѣ непосредственно передается зрителю.

У разныхъ породъ животныхъ извѣстныя духовныя свойства воплощены какъ нарочно порознь, — мужество у льва, хитрость у лисицы; животныя становятся символами преимущественно сродныхъ имъ свойствъ: такъ сова, которая ясно видитъ и въ сумеркахъ, означала проницательность у Грековъ; змѣя періодически мѣняетъ кожу, — она становится символомъ жизненнаго обновленія. Если мы ктому сообразимъ что новорожденному человѣчеству, при тогдашней малоразвитости его духа, животныя представали чѣмъ-то очень близкимъ и вмѣстѣ крайне таинственнымъ, озадачивающимъ нѣмой самоувѣренностью инстинкта, быстротой движенія, полнотою свѣжей силы, то намъ сдѣлается понятнымъ отчего они служили не только образомъ другихъ естественныхъ предметовъ, но и символомъ духовной сущности, надземныхъ божескихъ силъ. Не одному Египтянину корова и быкъ представляютъ женски-пріимчивое и мужески-творческое начало верховнаго могущества; и къ Индрѣ, и къ Діонизу взываютъ какъ къ быку, и Ваала изображаютъ подъ видомъ этого животнаго. Звѣрослуженіе — чисто звѣросимволика: человѣкъ молится собственно не звѣрю, но тому божію могуществу какое онагляживаетъ для него змѣя, какъ образъ вѣчности, постояннаго жизнеобновленья, или какое представляетъ наприм. овенъ, какъ образъ родотворной силы и съ тѣмъ вмѣстѣ благодатной воли Создателя.

Природные духи были сперва безформны, почитаясь за дѣйствующія въ

---

* Взгляды, какъ извѣстно, упреждавшіе опытъ, но потомъ вполнѣ имъ подтвержденные. Такіе взгляды всегда были и будутъ дѣломъ однихъ геніевъ.

предметахъ незримыя силы; но съ тѣхъ поръ какъ къ нимъ примкнули души умершихъ, оставался ужь одинъ только шагъ до представленія ихъ въ человѣческомъ образѣ. Чѣмъ болѣе потомъ человѣкъ вникаетъ въ свою собственную разумность, тѣмъ яснѣе становится для него то что настоящая природная форма духа именно и есть его собственная; чѣмъ болѣе разума и порядка дознаетъ онъ въ природѣ, тѣмъ менѣе удовлетворяетъ его символъ животнаго для представленія властвующаго въ ней божества, тѣмъ болѣе человѣчески смотритъ онъ на послѣднее. Съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ утѣшается своими духовными дарами; силы его души, его нравственныя чувства постепенно складываются, вырабатываются и приходятъ къ сознанію; голосъ совѣсти, житейскіе опыты указываютъ ему на нравственный порядокъ въ мірѣ. Тогда начинаетъ онъ олицетворять и нравственныя начала, наприм. любовь, мудрость. Сознавая въ своей самости носителя своихъ мыслей и дѣйствій, онъ съ такимъ же правомъ предполагаетъ дѣятельную личность и вездѣ, гдѣ видитъ совершеніе чего-либо сообразнаго цѣли или исполненіе приговоровъ невольно мыслимаго имъ нравственнаго суда. И если онъ хочетъ онаглядить эту личность въ образѣ, то удовлетворяется лишь своимъ собственнымъ, только представляя его въ большемъ величіи и блескѣ, чтобы онъ ближе подходилъ къ верховной высотѣ божественнаго. Подобно ребенку относящемуся къ вещамъ, какъ къ личностямъ, олицетворяющая дѣятельность фантазіи тотчасъ же проявляется въ языкѣ тѣмъ что послѣдній придаетъ родовое различіе не только вещамъ, но даже духовнымъ свойствамъ и понятіямъ. Первобытный языкъ вмѣсто общихъ и отвлеченныхъ выраженій содержитъ въ себѣ только конкретныя (непосредственно передающія или описывающія данное содержанье): ночь дѣлаетъ онъ прямо матерью грезъ, тогда какъ мы говоримъ что ночью обыкновенно грезимъ; выраженіе порождать употребляетъ онъ вмѣсто причинять, и въ оплодотворяющемъ землю небесномъ дождѣ прямо видитъ сошествіе верховнаго бога для любовнаго съ ней свиданья. Музы — дочери Зевса и Памяти, потому что вся человѣческая культура обусловлена творческою силой и вѣрнымъ запоминаніемъ того что разъ добыто. Чтобы довершить олицетвореніе, къ роду присовокупляется потомъ и человѣческій обликъ, человѣческій обычай. Любая сторона духовной жизни, коль скоро дознано единство ея проявленій, берется уже не только въ своей общности или какъ сказуемое, но стягивается въ одну высшую точку и созерцается какъ личность (подлежащее) въ соотвѣтственномъ ей образѣ; таковы наприм. любовь, мудрость, воинское мужество, молодость, законъ, грація. Все это, подобно силамъ природы, надѣлялось человѣческимъ обликомъ и человѣческимъ образомъ дѣйствій, и вотъ, на мѣсто морскихъ волнъ, заплясали хороводомъ дѣвственныя Нереиды, а въ глубинѣ ключа водворилась Нимфа, источница и хранительница его водъ. «Замѣтили потомъ, продолжаетъ Маннгардтъ, что надъ водами стелется не «леной бѣлый туманъ; созерцаніе тотчасъ расширилось представленіемъ, «что нимфы ткутъ себѣ дивныя одежды. Плескъ, журчаніе и шумъ воды «звучали живымъ голосомъ, чудеснымъ, только сердцу внятнымъ пѣніемъ «богини. Изъ такихъ-то элементовъ выросли греческіе миѳы о нимфахъ и «музахъ, германскіе о прядущихъ и распѣвающихъ русалкахъ». Это показываетъ въ то же время какъ наивно идеальное сопрягалось тогда съ реаль-

нымъ, какъ легко къ журчащему ручью прививался даръ вдохновенной пѣсни, какъ духи пѣнія, музы, нашли себѣ естественную основу въ водяныхъ нимфахъ. Мы видимъ что у морскаго бога, мыслимаго въ человѣческомъ образѣ, остается доля дикой природной стихіи, тогда какъ боги свѣта и весны изображаются въ видѣ прекрасныхъ юношей; а ясный, свѣжій эѳиръ, который производилъ на Аѳинянъ впечатлѣніе дѣвственности и олицетворялся въ ликѣ дѣвы, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ духовной стихіи, и вотъ почему эта дѣва преобразилась наконецъ въ богиню мудрости и самообладанія, то-есть мысль объ идеальной этой сущности нашла себѣ носителя въ соотвѣтственной ей природной формѣ. Когда человѣчество было еще юно и полно фантазіи, идеи представлялись ему не въ видѣ чисто-отвлеченныхъ мыслей, но всегда въ видѣ живыхъ плотскихъ существъ, обладающихъ духовными и физическими силами; что мысли не могутъ существовать сами по себѣ, и неизбѣжно предполагаютъ мыслящую ихъ субъективность, что такъ-называемыя начала или сами суть личности, или составляютъ ихъ понятіе и ими только одѣйствотворяются, — эти истины предстаютъ намъ и здѣсь тою, правда еще не сознанной, но коренящейся въ природѣ духа и вещей, основой, на которой развилась поэзія богосознанія. Когда человѣкъ живо чувствуетъ и ясно мыслитъ, онъ всегда постигаетъ бога единымъ, и въ томъ именно богѣ, которому молится, призываетъ всецѣлое божество. Но въ различныхъ настроеніяхъ, при разнообразныхъ опытахъ, люди выдвигаютъ впередъ другія также стороны божественнаго, и разнообразныя эти формы и способы откровенія тѣмъ скорѣе превращаются во многихъ боговъ, что и въ видимой природѣ самостоятельно выступаетъ множество такихъ велемощныхъ явленій какъ солнце, землетрясеніе, море, звѣздное небо, гроза, огонь, что каждое изъ нихъ производитъ особое и неодолимое притомъ впечатлѣніе, и всѣ какъ бы напрашиваются въ готовые символы для возникающихъ, чуть только брежжущихъ въ душѣ идей. Никогда вещь не обоготворяется какъ вещь, или просто какъ естественное явленіе; въ любой дѣйственности чается дѣйствующая самость, сила личная, и такимъ образомъ весь чувственный міръ становится феноменомъ идеальнаго, выраженіемъ и притчею духа. Религіозная жизнь развивается среди семьи, этой колыбели благодарности, благоговѣйнаго уваженія, основанной на любви; здѣсь пробуждается чувство долга, голосъ совѣсти; и чувства, питаемыя дѣтьми къ родителямъ, переносятся на бога или на боговъ, незримыхъ добродѣевъ и помощниковъ. Человѣкъ чаетъ и видитъ законы въ природѣ, равно какъ и въ своей собственной груди, и если, устремивъ взоръ къ звѣздамъ, онъ созерцаетъ въ нихъ высшія споспѣшествующія силы и чтитъ благотворный для себя порядокъ, то при этомъ онъ и не думаетъ таинственно запрятывать въ свои миѳы какія бы то ни было астрономическія знанія, потому что этихъ знаній тогда еще не существуетъ: звѣзды или свѣтила для него только символъ самыхъ простыхъ идей, помысловъ о духовной мощи, ниспосылающей свѣтъ и теплоту, установляющей и руководящей ходъ времени, а съ нимъ и періодическую смѣну естественныхъ явленій; съ ихъ правильнымъ теченіемъ связывается у него мысль о міропорядкѣ, въ нихъ наглядно предстаетъ ему всеобщій законъ и ходъ его собственныхъ судебъ. Круговращеніе солнца съ его восходомъ и закатомъ, — это символъ того что̀ суждено само̀й душѣ

человѣческой: окончивъ свой дневной урокъ, она также чаетъ себѣ новой жизни по переходѣ за черту видимости.

Съ тѣхъ поръ какъ силы природы начали представляться въ человѣческомъ обликѣ, онѣ отрѣшились отъ вещественной стихіи и пріобрѣли свободную самостоятельность, своеобразное бытіе и своеобразную дѣйственность. Разныя высшія существа ставятся теперь въ семейныя другъ къ другу отношенья: въ нихъ видятъ или дѣтей первоначально единаго и верховнаго бога, то-есть лучи его свѣта, развитіе его идеи; или, помня при этомъ и естественный порядокъ, дѣлаютъ солнце и мѣсяцъ братьями, ночь матерью или, пожалуй, дочерью дня, представляютъ солнечнаго бога—то сыномъ, то возлюбленнымъ, то супругомъ денницы. Дѣти небеснаго божества, смотря по своей индивидуальности, надѣляются разными матерями; а если потомъ сложится представленіе объ одной настоящей супругѣ бога, какъ царицѣ небесъ, то вслѣдъ за тѣмъ пойдутъ миѳы о его любовныхъ связяхъ и о неизбѣжной ревности жены. Мыслящій духъ поэта даже и въ историческія времена еще надолго сохраняетъ за собой право обозначать родственными отношеніями различія въ свойствѣ и характерѣ божественныхъ существъ; на успѣхъ и общее признаніе можетъ онъ разсчитывать только тогда, если съумѣетъ изобрѣсть что-нибудь легко всѣмъ понятное.

Для бога, коль скоро онъ мыслится въ человѣческомъ обликѣ, естественно выступаетъ на первый планъ отношеніе къ человѣческой жизни, и съ этимъ само собою связывается требованіе человѣческаго разума чтобы добро сознавалось какъ нѣчто высшее, божіе, что богъ наказуетъ за зло, ведетъ къ торжеству правду, милуетъ все благородное, достойное. Разрушительный ударъ молніи превращается въ перунъ Зевсовой мести, лучи солнца—въ стрѣлы, посылаемыя дальнометкимъ Аполлономъ: люди вѣдь знаютъ уже по опыту, что божество настигаетъ грѣшника изъ-дали, подчасъ совсѣмъ неожиданно, врасплохъ. Губительный зной солнца становится теперь насылаемой отъ бога карой, и тутъ этотъ гнѣвный богъ является столько же ужаснымъ, сколько онъ обыкновенно благодатенъ.

Когда же наконецъ въ ликѣ божества выработалось духовное, свободно-личное начало, тогда тотъ естественный процессъ, изъ котораго впервые усмотрѣли его силу, принимается уже не за нѣчто постоянное или срочно-возвратное, но за однажды происшедшее событіе; и теперь въ понятіе миѳа входитъ уже именно изложеніе какой-нибудь идеи или какого-нибудь естественнаго явленія въ формѣ разсказа, выраженіе религіознаго повѣрья наглядными и историческими фактами; или, пожалуй, какъ говоритъ Отфридъ Мюллеръ: «миѳъ передаетъ теперь событіе, которымъ божественное существо открывается во всей силѣ и своеобразности, а символъ онагляживаетъ «ихъ для чувства въ предметѣ, поставляемомъ въ ближайшую съ ними «связь.» Физическій элементъ возводится въ нравственный, этическій; зато миѳъ перестаетъ уже быть чистымъ образомъ природы и становится прямо выраженіемъ нравственныхъ идей *. Ими мотивируется, къ нимъ прииора-

* На первоначальной своей ступени миѳотворная фантазія ближе держится очевиднаго порядка природы, тогда какъ впослѣдствіи она дѣйствуетъ свободнѣе и беретъ изъ него въ розницу все что понадобится ей для выраженія любой мысли.

вливается и весь ходъ разсказа. Такъ наприм. естественною основой миѳу о Ніобѣ служитъ то, что дѣти матери-земли, колосья, пожигаются лѣтнимъ солнцемъ и что она тужитъ по нихъ осенью; но вотъ въ человѣческомъ обликѣ земля—Ніоба, а жгучее солнце—Аполлонъ; тогда умерщвленіе имъ дѣтей ея изъ ежегодно-повторяющагося всеобщаго факта должно разумѣется перейдти въ однократное событіе, а оно въ свою очередь нуждается въ нравственномъ оправданіи; все это легко найдти въ настроеніи Ніобы: материнское счастье доводитъ ее до гордости, надменно позабываетъ она смиреніе передъ силами неба, дозволяетъ себѣ превозноситься надъ матерью Аполлона и Артемиды, и за это должна испытать всю свою конечность, всю ненадежность земныхъ благъ; мстя за оскорбленіе матери и карая дерзкую заносчивость, Аполлонъ и Артемида пускаютъ мѣткія свои стрѣлы, дѣти гибнутъ, и окаменѣвшая отъ горя Ніоба научаетъ насъ смиренію въ счастіи, умѣнью себя сдерживать и благоговѣнію къ богамъ. — Гефестъ, небесный огонь, въ видѣ молніи низринутъ на землю; мерцающее движеніе пламени по дереву колышется, какъ будто хромаетъ, и хромоту объясняютъ паденіемъ; но за тѣмъ и очеловѣченный, многохитрый богъ огня остается уже хромымъ, и приходится отыскать причину побудившую отца или мать низринуть съ неба свое дѣтище. — При восходѣ полнаго мѣсяца садится солнце; богъ вечерняго солнца слыветъ «погружающимся въ глубь», Эндиміономъ, котораго губитъ любовный поцалуй Селены (луны): отсюда идетъ разсказъ про Венеру и Эндиміона. Солнце любитъ утреннюю росу, но оно же и изводитъ ее напоромъ лучей своихъ, отсюда сказаніе что Кефалъ своимъ копьемъ умертвилъ Прокриду. Оба имени Максъ Мюллеръ объясняетъ въ этомъ смыслѣ. Также и въ имени Дафны открылъ онъ значеніе утренней зари: богъ солнца влюбленъ въ нее, а она рвется отъ него прочь и наконецъ умираетъ въ его объятіяхъ; смыслъ прозвища ея Греки уже забыли, но подобное ему слово означало лавръ и подало поводъ къ разсказу, какъ, тщетно гонясь за возлюбленной, богъ обратилъ ее въ лавровое дерево которое потомъ и было ему посвящено: вотъ такъ-то совершившееся нѣкогда событіе, первоначально только образъ ежедневнаго процесса природы, послужило наконецъ къ объясненію того почему богъ украсился именно лавровою вѣтвію.

Такъ объясняются всѣ превращенія боговъ вообще. Когда ихъ начали представлять себѣ въ человѣческихъ формахъ, память о прежнемъ животненномъ образѣ была еще свѣжа, и чтобъ помирить одно съ другимъ ихъ надѣляли способностью обращаться въ животныхъ (становиться оборотнями), и разсказывали особые поводы по какимъ они иногда принимали видъ животныхъ: такъ Зевсъ подъ видомъ быка похищаетъ любимую имъ Европу, такъ изъ гонимаго бурей коневиднаго облака вышло сказаніе что индійская богиня Саранйюшъ убѣжала кобылицею отъ объятій небеснаго божества. Блуждающая богиня мѣсяца, при всей многоизмѣнчивости своего пути, постоянно охраняется и стережется тысячеглазымъ Аргусомъ, многозвѣзднымъ ночнымъ небомъ; серповидная форма первой и послѣдней четверти луны напоминала собой рога коровы, лунный серпъ на головѣ богини можно было принять въ смыслѣ ея двурогости: далеко ли было отсюда до представленія что нимфа Іо, возбудивъ къ себѣ ревность Геры, обращена была ею въ корову?—Такимъ же способомъ объясняется и то, что богиня Берхта

сохраняетъ за собой ногу лебеди, а буребогъ Одинъ — голову орла, или то, что орелъ посвященъ Зевсу, а лебедь Аполлону.

Изо всего нашего обозрѣнія оказывается что создаваемый фантазіей образъ боговъ имѣетъ двоякую истину: въ основѣ его лежитъ и созерцаніе природы и вмѣстѣ идея, добытая нравственнымъ опытомъ; оба совершенно слились между собою, и благодаря этому богъ сталъ идеаломъ жизни въ одномъ извѣстномъ направленіи; онъ не чистое лишь представленіе, онъ мощь, которой дѣйствіе явно и во внѣшнемъ мірѣ, и въ собственной груди человѣка. Какъ скоро богъ получитъ опредѣленный обликъ или видъ, къ нему пріурочиваются потомъ и новыя событія, или истолковываются въ смыслѣ утвердившейся къ нему вѣры. Если разъ признали въ Вишну міродержащую и міродвижущую мощь, увѣровали что ни что великое въ исторіи не совершается мимо божьей воли, то какъ же ему было не проявить своего могущества и въ древне-героическое время? Если допустили что онъ осязательно воплощается, чтобы съ своей стороны дѣйствовать въ ходѣ историческихъ судебъ, то онъ уже не только участливо направляетъ этотъ ходъ свыше, не только, какъ гомеровскіе боги, нисходитъ въ міръ видимости по временамъ, но въ качествѣ вочеловѣчившагося божества, героя, всегда является здѣсь съ окончательнымъ рѣшеніемъ. Если Аполлонъ разъ прослылъ карателемъ людской неправды, и внезапный моръ считался посланнымъ отъ него наказаніемъ, то какъ же было Кальхасу въ Иліадѣ не истолковать моровой язвы тѣмъ, что Аполлонъ разгнѣванъ обидой нанесенной жрецу его Агамемнономъ? Такъ съ теченіемъ времени входили въ миѳологію новыя черты, а старыя между-тѣмъ сглаживались; такъ прежнія выцвѣтшія краски постоянно замѣнялись свѣжими. Аполлонъ первоначально назывался Деліосъ, свѣтозарный; это имя напоминало названіе острова; отсюда богъ сдѣлался деліискимъ, и рожденіе его на островѣ Делосѣ истолковано особымъ опять миѳомъ.

Я выше указалъ на то какъ изъ разныхъ именъ одного и того же бога выходило потомъ нѣсколько божествъ: это повторялось и въ политеизмѣ. Аполлонъ зовется Фебомъ, блистающимъ, но онъ же и Фаэтонъ, свѣтящій, Геліосъ, то-есть солнце, и Гиперіонъ — надо всѣмъ ходящій. Но когда богъ физическаго и духовнаго свѣта сталъ музоводомъ, внушителемъ прорицаній, очистителемъ вины, то сочли уже неприличнымъ считать его вмѣстѣ и вождемъ солнечной колесницы; для этого приняли особое божество Геліоса, а въ отцы ему дали Гиперіона. Относительно Фаэтона Маннгардтъ напоминаетъ о древнемъ представленіи, по которому закатъ солнца въ морскія волны понимался въ смыслѣ нисхожденія свѣтобога въ преисподнюю и потому — какъ его смерть; впослѣдствіи его не считали уже умирающимъ и возрождающимся снова, но лишь переплывающимъ въ золотой чашѣ море-океанъ; а свѣтящій богъ, Фаэтонъ, нѣкогда тонувшій и погибавшій въ морѣ, слылъ теперь за сына Геліосу или Аполлону, и требовалось только овиновить (мотивировать) его смерть: онъ выпросилъ у отца всего на одинъ день управленіе солнечными конями, но не съумѣлъ держаться настоящаго пути и то пожигалъ пламенемъ, то леденилъ морозомъ небо и землю; тогда ударомъ своей молніи Зевсъ низринулъ его въ бездну.

Чѣмъ болѣе развивается духовная жизнь народа, тѣмъ духовнѣе становятся божества, тѣмъ болѣе они чтятся, какъ источники духовныхъ благъ и щедрые ихъ податели, какъ блюстители нравственнаго міропорядка, тѣмъ болѣе становятся они идеалами, въ которыхъ цѣлое племя созерцаетъ свой первообразъ, свой собственный типъ въ совершенной формѣ: таковы были Аполлонъ для Дорійцевъ и Паллада Аѳина для Аѳинянъ. Чѣмъ болѣе изъ первобытнаго состоянія человѣкъ доработывается до культуры, чѣмъ болѣе дѣла семейныя, общественныя, государственныя выдвигаются для него на первый планъ и чѣмъ болѣе тѣсная связь съ природой теряетъ для него свое исключительное значеніе передъ взаимными связями людей и народовъ, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ водительство божіе во внутреннемъ своемъ опытѣ, въ собственномъ жребіи и въ судьбахъ народовъ, тѣмъ болѣе привлекаетъ его человѣческая форма миѳа, такъ что онъ легко совсѣмъ позабываетъ первоначальное естественное его основаніе. Онъ самъ вступилъ теперь въ юношескій возрастъ, готовый на подвиги, склонный къ героизму; его очаровываетъ именно то, что явленія природы представляются дѣлами боговъ небесныхъ, его наиболѣе интересуетъ отвага, доблесть подвига, и фантазія его идетъ въ этомъ направленіи дальше и дальше. А если ктому же и дѣйствительно переживаемыя событія, дѣйствительныя героическія личности живо напомнятъ собой преданья дальней старины, тогда возникаетъ богатырское сказаніе, которое, сливаясь съ первобытнымъ нравственнымъ и идеальнымъ миѳомъ, получаетъ тѣмъ больше глубины и блеска. Сперва оно особенно развивается благодаря тому, что преданье о богахъ пріурочилось и своеобразно сложилось въ разныхъ мѣстностяхъ, а впослѣдствіи общій культъ замѣнилъ собой эти частныя воззрѣнья: тогда одна миѳическая личность чествуется какъ божество, а всѣ остальныя слывутъ за героевъ. Такъ Зигфридъ *, первоначально богъ весны и солнца, сталъ потомъ солнечнымъ героемъ, такъ же какъ и Персей. Борьба свѣта со тьмою и побѣда перваго издревле представлялись въ видѣ боя съ чудовищами, и подобно тому какъ Зигфридъ одолѣваетъ крылатаго змѣя, такъ точно Аполлонъ, Персей, Иракль торжествовали надъ драконами; но культъ Аполлона одерживаетъ верхъ, и два послѣдніе становятся героями, въ преданіи о нихъ исключительно разработывается уже геройская доблесть. Съ другими нравами, съ другими историческими обстоятельствами входятъ въ сказаніе другіе мотивы; а начальная, основная мысль все-таки просвѣчиваетъ и здѣсь.

Но до перехода къ историческому миѳу здѣсь кстати сказать нѣсколько заключительныхъ словъ насчетъ религіознаго. Я разсматривалъ миѳологію генетически, на сколько дозволяетъ уровень наличныхъ розысканій. Особенно важны въ этомъ смыслѣ книги Ведъ, дающія намъ заглянуть въ самый процессъ миѳосложенія; и естественные образы, и символы, то всплываютъ наверхъ, то опять исчезаютъ, или же, напротивъ, сохраняются; приданный богамъ человѣческій обликъ постепенно разработывается съ этой стороны; процессы природы переводятся въ божескія дѣйствія, миѳъ развивается по мѣрѣ опыта народовъ возростающаго съ прогрессивнымъ ходомъ жизни, но

---

* Одинъ изъ Нибелунговъ.

всегда остается въ душѣ идея божественнаго, и при всемъ разнообразіи лучепреломленій чистый свѣтъ ея всегда сосредоточивается опять въ самомъ себѣ.

Миѳологія есть религія, вѣра; народъ не шутитъ ею, и она властвуетъ въ душахъ. Какой-нибудь аллегоріи или какому-нибудь поэтическому вымыслу ни кто не принесетъ настоящихъ жертвъ, ни кто не почувствуетъ къ нимъ внутренняго долга; язычество же обладало въ миѳологіи религіей связывавшей его съ божествомъ; оно страшилось гнѣва боговъ своихъ, оно чувствовало что путемъ грѣха, преступленія заповѣди и воли божіей, человѣкъ утратилъ право на жизнь и обреченъ смерти, и старалось примирить съ собой божество искупительной кровью животныхъ, кровью самого человѣка, даже кровью невинныхъ дѣтей, доказывая тѣмъ покорность и преданность собственной своей воли.

Миѳологія не басня, а истина, хотя и въ сотканной фантазіею оболочкѣ; основу здѣсь составляетъ идея божества, идеалъ разума въ душѣ человѣческой, неизбѣжный помыслъ о безконечномъ; идея сознается благодаря тому что ее будятъ въ насъ естественныя явленія, что путемъ внѣшняго и внутренняго опыта человѣкъ убѣждается въ господствѣ высшихъ силъ отъ которыхъ онъ чувствуетъ себя зависимымъ, чувствуя съ тѣмъ вмѣстѣ и то что онѣ его поддерживаютъ, окружаютъ любовью. Навстрѣчу идеѣ, субъективной истинѣ, идетъ объективность, опытное знаніе природы и исторія, — объективность, которая становится понятною по мѣрѣ того какъ она подтверждаетъ идею и проявляетъ ее на дѣлѣ, фактически. Идея и фактъ стоятъ въ неразрывномъ единствѣ и живомъ взаимнодѣйствіи; у мысли нѣтъ еще покамѣстъ иной формы кромѣ символа, образа, разсказа; въ ней-то она впервые и развертывается до ясности, до болѣе или менѣе удовлетворительнаго выраженья.

Итакъ мы готовы вмѣстѣ съ Гейне (Heyne) видѣть въ миѳологіи дѣтскій лепетъ человѣчества, способъ выраженія необходимый для той поры, не умѣвшей выражаться иначе; но не согласимся съ этимъ ученымъ насчетъ того чтобы символическій элементъ или олицетвореніе были здѣсь одною только формой, которую будто бы напрасно приняли за нѣчто дѣйствительное, смѣшавъ впослѣдствіи выраженіе съ самымъ дѣломъ и дошедши до того, что поэты употребляли боговъ и ихъ исторіи просто какъ фантастическую прикрасу въ своихъ сочиненіяхъ. Творцы миѳовъ, думалъ онъ, и сами не вѣрили въ духовъ природы, не принимали брака между богомъ неба и богинею земли, между Зевсомъ и Герою, за дѣйствительную причину цвѣта жизни и плодородія; на умѣ у нихъ были отвлеченныя понятія, и только скудость языка вынуждала обозначать понятія эти лицами, облекать логическія и реальныя отношенія въ образъ видимаго порожденья; поэты же удержали эту форму, и она наконецъ вошла въ народное повѣрье. Но первобытный человѣкъ, возразимъ мы, необходимо выражался такъ, какъ думалъ; общія понятія развились только мало по малу изъ созерцаній, и самъ символическій способъ выраженія впервые приводилъ къ нимъ. Первобытный человѣкъ вѣровалъ въ реальность боговъ своихъ; полная вѣры душа выра-

зила въ нихъ, онаглядила и уяснила для самой себя свои собственныя чаянія съ помощью впечатлѣній внѣшняго міра.

Подобно Готфриду Германну готовы мы видѣть въ миѳологіи философскую истину, признать въ ней древнюю мудрость, древнее знаніе дѣлъ божескихъ и человѣческихъ; на имена боговъ смотримъ мы также какъ на полносмысленныя обозначенія ихъ существа и понятія; но отнюдь не допустимъ вмѣстѣ съ нимъ чтобы жрецы дошли наблюденіемъ природы до научнаго образованія и излагали въ метафорахъ то что́ сами поняли и что́ было еще непонятно для народа, который считалъ метафорическое олицетвореніе за дѣйствительность и дѣлалъ его предметомъ своей вѣры. Въ такомъ случаѣ олицетвореніе вышло бы вѣдь только грамматическимъ, и вся миѳологія была бы не религіей, а атеистической, мимобожной системой природы.

Философіи и поэзіи, въ настоящемъ смыслѣ, въ миѳосложеніи еще нѣтъ; онѣ дѣйствуютъ въ слитномъ, нераздѣльномъ съ нимъ единствѣ, и только уже позже выступаютъ какъ особыя силы и направленія. Инстинктъ любознанія и поэтическая способность перехватываютъ за черту даннаго, ищутъ основы и внутренней сущности всякой жизни, находятъ въ божественномъ, въ духовномъ начало и дѣйственную силу всѣхъ вещей и повѣдываютъ о томъ символами и миѳами въ наглядныхъ формахъ природы и исторіи. Такъ мышленіе и поэтическое творчество дѣйствуютъ въ образованіи языка, такъ дѣйствуетъ и безсознательная еще душа, приготовляя себѣ путемъ тѣлосложенія органы пониманія и представленья, посредствомъ которыхъ она доходитъ потомъ до сознанія, точно такъ же какъ посредствомъ языка мышленіе и поэтическое творчество впервые осуществляютъ себя на дѣлѣ. Понятію, какое сложится въ духѣ о вещи, придаетъ онъ словомъ наглядное обозначеніе. Въ словахъ и въ рѣчи вообще опредѣляетъ онъ различительно все окружающее его многообразіе; напротивъ въ миѳологіи онъ старается уяснить себѣ и выразить единое и цѣлое, однимъ словомъ — безконечное. Онъ не выдумываетъ миѳа преднамѣренно, какъ не изобрѣтаетъ съ умысломъ и языка; и тотъ и другой — органическія порожденія разумной его природы; онъ необходимо вырабатываетъ ихъ по врожденнымъ, но еще невѣдомымъ ему законамъ изъ своей внутренней глубины и пріобрѣтаетъ въ нихъ средства и основы для свободной поэтической и философской дѣятельности, пускающей въ ходъ тѣ сокровища которыя заложены были въ языкѣ.

Мы повторимъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ что древніе обоготворяли начала, но примемъ это не въ томъ смыслѣ что будто бы къ готовому уже въ формѣ мысли отвлеченному понятію они присовокупляли олицетвореніе, а напротивъ именно въ томъ, что для нихъ сами начала эти непосредственно представлялись живыми силами, реально-духовными существами. И если Форхгаммеръ рѣшается утверждать что будто миѳологія учитъ лишь тому, какъ, пользуясь двусмысленностью рѣчи, люди перелагали необходимость въ свободу, физику въ нравственность и природу въ исторію; то мы противъ этого напомнимъ что именно юное-то человѣчество никогда и не смотрѣло на стихіи природы или на какой бы то ни было естественный процессъ какъ на нѣчто чисто-внѣшнее, объективное, а всегда видѣло въ нихъ проявленіе

внутренней духовной силы, считало всякое движеніе за извóленное дѣйствіе духа, инстинктивно нося въ себѣ увѣренность что всякое истинное бытіе самобытно, что всякій законъ могъ быть положенъ только субъективностью, а не она имъ, что духъ есть вездѣ первое, и всеобщая мысль — его же собственное дѣло, а не такъ, какъ утверждаютъ наоборотъ, будто духъ самъ только явленіе или одна изъ опредѣленностей логическаго понятія, не больше *; «необходимость есть дѣло свободы, ею же установленный законъ», это положеніе доказалъ я въ своей Эстетикѣ, чтобы объяснить какъ все прекрасное свободно и какъ въ то же время оно проникнуто законностью. Вотъ отчего миѳъ никогда не сводится на одни физическіе элементы, идеалъ всегда оказываетъ себя въ немъ основою реальнаго, міръ явленій для него — подобіе, притча вѣчности, видимое — символъ того чтó незримо.

Вмѣстѣ съ Крейцеромъ усматриваемъ мы религію, религіозную правду въ миѳологіи Грековъ, и признаемъ заслугу его въ томъ что онъ удачно проводилъ эту идею; но мы не можемъ допустить его мнѣніе что будто бы жрецы, пришедшіе съ Востока или тамъ образовавшіеся, передали свое знаніе невѣжественному еще народу въ символической оболочкѣ. Мы готовы съ Плутархомъ уподобить миѳъ радугѣ: при этомъ идея, религіозная истина будетъ солнцемъ, а міръ явленій тучею или облакомъ, и когда духъ созерцаетъ ихъ въ одно и то же время, въ глазу его рисуется разноцвѣтный, отрадно-блестящій феноменъ. Мало по малу научается онъ точнѣе различать, разсматривать природу и идею порознь, и познавать потомъ единство ихъ въ божествѣ; явленіе, кажущаяся оболочка божественной идеи, радуетъ его теперь новой радостью, и въ миѳическомъ творчествѣ истина видится ему вдвойнѣ. Крейцеръ, напротивъ, полагаетъ, что жрецы нарочно преломляли чистый свѣтъ мудрости о многоразличіе вещественныхъ предметовъ, для того чтобъ на слишкомъ еще слабый глазъ толпы онъ упадалъ не въ упоръ, а только уже отраженнымъ и оцвѣченнымъ. Но вопросъ: откуда же восточные-то люди взяли высшее познаніе? Развѣ миѳы и тамъ были опять только искусственною оболочкой, накинутой на него жрецами какого-нибудь первичнаго народа? Всѣ ли вообще, или одни только греческія сказанія были, какъ выразился Бéконъ, «дуновеніемъ лучшихъ временъ, попавшимъ въ отверзтія эоловой арфы позднѣйшихъ народовъ?» Но этому противорѣчитъ то несомнѣнное положеніе, что культура (то-есть очевидно развитый уже бытъ) отнюдь не можетъ быть чѣмъ-то первоначальнымъ; она непремѣнно выработалась, сложилась постепенно. Только допустивъ какую-то вполнѣ сгинувшую исторію человѣчества, послѣ которой началась опять съизнова другая, могли бы мы говорить объ остаткахъ и обломкахъ древней мудрости, какъ разгадываемъ прежніе геологическіе періоды по уцѣлѣвшимъ окаменѣлостямъ. Но вѣдь мечта о высокообразованномъ первичномъ народѣ исчезла уже передъ исторической наукою, и именно въ миѳахъ, да кромѣ того еще въ словахъ языка, предстаютъ намъ живыя свидѣтельства о томъ времени которое лежитъ позади всякаго историческаго

* Какъ выходитъ по Гегелю.

преданія и его памятниковъ, и котораго духъ и смыслъ обнаруживается передъ зоркимъ изслѣдователемъ только въ словахъ и въ миѳахъ. Но для этого надо совершенно отрѣшиться отъ мысли будто въ миѳосложеніи господствовала рефлекція, будто имъ управлялъ придуманный разсчетъ, сознательное облеченіе въ образы какого-то заранѣе готоваго уже знанья; а вѣдь взглядъ Крейцера этимъ именно и грѣшитъ.

Вотъ почему мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Отфридомъ Мюллеромъ: «что «сочетаніемъ въ миѳѣ идеальнаго съ реальнымъ управляла извѣстная необ«ходимость, что миѳослагатели наводились на свой путь такими побужденi«ями которыя на всѣхъ дѣйствовали одинаково, и что различные эти эле«менты сростались въ миѳѣ помимо сознательнаго различенія ихъ самими «миѳотворцами. Мы особенно налегаемъ на понятіе объ извѣстной необходи«мости и безсознательности въ древнемъ миѳосложеніи. Усвоивъ себѣ это «понятіе, мы увидимъ ясно, какъ сравнительно второстепененъ споръ о «томъ, идетъ ли миѳъ отъ одной или же, напротивъ, отъ многихъ личностей, «отъ поэта или отъ народа: вѣдь если при поэтическомъ созданіи миѳа вы«сказывающая его личность повинуется тѣмъ же самымъ побужденіямъ, «какія дѣйствуютъ и въ душѣ другихъ, въ умѣ слушателей, тогда устами его «говорятъ всѣ, тогда онъ является только ловкимъ излагателемъ, умѣю«щимъ дать обликъ и выраженіе тому, что́ желалъ бы равно высказать каж«дый». Передъ нами одинъ и тотъ же человѣческій разумъ, одно и то же сердечное влеченіе къ вѣчному, одна и та же идея безконечнаго, а за тѣмъ одни и тѣ же впечатлѣнія внѣшней природы, одни и тѣ же внутренніе опыты, одни и тѣ же наблюденія исторической жизни; все это вмѣстѣ дѣйствуетъ какъ общая совокупность условій: чтожь мудренаго если у многихъ возникнетъ при этомъ одинъ и тотъ же образъ? Кто первый мѣтко его выскажетъ, тотъ разумѣется будетъ легко понятъ всѣми, а они запомнятъ его и станутъ потомъ употреблять какъ кровную свою собственность; — однимъ словомъ, здѣсь повторится опять то, что́ было при созданіи слова. Всѣ работаютъ сообща, каждый высказывается въ свою очередь, одна и та же вещь излагается съ разныхъ сторонъ, и благодаря совокупной этой дѣятельности онагляженная въ символѣ идея постепенно уясняется и получаетъ жизненную полноту.

Понятія вѣдь и теперь не предстаютъ сознанію безъ посредства фантазіи, безъ помощи воображенья; помимо созерцанія они были бы вѣдь пусты. Но теперь у насъ есть выработавшіяся идеи, облекаемыя во всеобщую форму помысла; а въ первобытное время этого еще не существовало: онѣ дремали еще въ глубинѣ души, и пробужденіе ихъ впервые дало себя знать сліяніемъ идеи съ пробудившимъ ее нагляднымъ предметомъ; и вотъ почему первое ея выраженіе было непремѣнно символично. Таково и мнѣніе Велькера. «Миѳъ никогда не выводитъ факта изъ идеи, но съ помощью извѣстнаго ка«кого-нибудь факта образуетъ понятіе, котораго не могъ бы иначе ни по«стичь, ни высказать. Онъ всегда есть нѣчто цѣлое, хотя бы еще только и «въ зародышѣ; онъ всегда внушенъ или данъ за одинъ разъ, въ противопо«ложность всему сдѣланному или придуманному (которое слагается не иначе «какъ по частямъ). Онъ способенъ расширяться и изукрашаться впослѣдствіи,

«способенъ пожалуй соединиться и съ другимъ миѳомъ, но только не путемъ «внѣшняго, механическаго смыканія, а путемъ прививки или сроста. Мысль, «подмѣта внутреннихъ законовъ, взбѣгаетъ какъ нѣжное растеніе по под-«поркамъ житейскаго опыта; а фантазія — настоящая повитуха мысли. «Чтобы уяснить сущность любого внутренняго отношенія необходима по-«мощь аналогіи, нуженъ образъ какого нибудь внѣшняго факта, и оттого «понятіе впервые появляется всегда подъ извѣстною историческою оболоч-«кой, не иначе какъ въ ней и вмѣстѣ съ нею начинаетъ оно свое дѣйстви-«тельное бытіе. Такіе первичные миѳы — прекраснѣйшее произрастеніе на «почвѣ души, только что открывающейся для религіи. Эти зачаточныя по-«знанія становятся главными условіями духовной жизни народа на боль-«шую часть всего его развитія. Тѣ же миѳы, будь они придуманы съ умы-«сломъ, вышли бы какими-нибудь притчами изъ людской жизни; но въ ту «пору какъ они возникли это были въ своемъ родѣ откровенія, оказы-«вавшія глубоко религіозное дѣйствіе уже и потому, что они являлись пока «единственнымъ и совсѣмъ нежданнымъ выраженіемъ великихъ истинъ, что «въ этихъ образахъ впервые сами себя узнали и поняли нѣкоторыя мысли. «Миѳъ вышелъ изъ духовной глубины, какъ ростокъ изъ почвы; содержаніе «и форма слились здѣсь въ одно, повѣствованіе стало въ немъ истинною «былью.»

Шеллингъ, въ свою очередь, говоритъ: «Миѳологическія представленія «не то чтобъ кѣмъ-либо изобрѣтены, да и не взяты добровольно со сто-«роны. Порожденныя независимымъ отъ всякой отчетливой мысли и воли «процессомъ, имѣли они для охваченнаго имъ сознанія несомнѣнную и не-«преложную реальность. Народы, какъ и отдѣльныя личности, являются «лишь орудіями этого процесса, который не подсилу имъ оглянуть и кото-«рому они служатъ, сами не понимая что́ дѣлаютъ. Не въ ихъ власти укло-«ниться отъ этихъ представленій, усвоить ихъ или не принять; потому что «они даются не извнѣ, а возникаютъ въ самихъ же людяхъ только невѣдо-«мымъ для нихъ образомъ: они идутъ вѣдь изъ глубины сознанія и пред-«стаютъ ему съ такой необходимостью, которая не допускаетъ ни малѣй-«шаго сомнѣнія въ ихъ истинѣ.»

Въ своей «Эстетикѣ» я подробно объяснилъ, какъ во всякой фантазійной жизни безсознательное дѣйствуетъ заодно съ сознательнымъ, какъ нѣчто необходимое и мимовольное всегда соединено здѣсь съ свободной дѣятель-ностью; я старался доказать что подобное этому явленіе встрѣчается также и въ другихъ сферахъ духа, и высказалъ ту мысль что все великое и зна-менательное въ области ума, поступковъ и художественнаго творчества вы-ходитъ изъ совмѣстной дѣятельности Бога съ человѣкомъ, такъ какъ вѣдь божественныя идеи, божественные порядки (или нормы) проникаютъ, ведутъ и одушевляютъ собой всякое созданіе. Богъ, въ немъ же мы живемъ, дви-жемся и есмы, открывается намъ не извнѣ; изъ родника жизни, изъ глу-бины духа откровеніе выходитъ на свѣтъ сознанія. Но сердце человѣка не вдругъ выскажетъ задушевныя эти чувства и опыты въ формѣ мысли; цѣлыя тысячелѣтія фантазія (творческая способность души) облекаетъ ихъ въ свои образы, заимствуя черты послѣднихъ у явленій природы и исторіи. Чело-

вѣкъ стоитъ изначала въ единеньи съ Божествомъ, но, вникая затѣмъ въ свою особность, онъ не только различаетъ, рознитъ себя отъ безконечнаго, но съ самолюбивымъ произволомъ позабываетъ даже что онъ лишь звено всецѣлаго, вполнѣ теряетъ чувство своего существеннаго съ нимъ общенья, и вотъ здѣсь-то жажда возстановить эту порванную связь, жажда примириться съ Богомъ, порождаетъ религію. Идея божества властвуетъ въ сердцѣ человѣка, и оно стремится выразить ее съ помощью фантазіи и мысли въ миѳѣ, въ искусствѣ, въ философіи, пока примиреніе не совершится наконецъ воистину и на дѣлѣ Іисусомъ Христомъ, пока не закончится религія, пока не возстановится прямо-дѣтская связь человѣка съ Богомъ, и въ лицѣ каждаго изъ насъ — Его подобіе. И я, заодно съ Шеллингомъ, вижу въ миѳологіи необходимый процессъ, но у меня во все развитіе его входитъ человѣкъ, какъ постоянный участникъ, входитъ дѣятельность человѣческаго сознанія въ различныхъ ея видахъ, на различныхъ степеняхъ; и на это участіе человѣчества я особенно здѣсь налегаю. Шеллингъ говоритъ: ѳеогоническій процессъ благодаря которому возникаетъ миѳологія — процессъ субъективный, такъ-какъ онъ совершается въ сознаніи и заявляетъ себѣ порожденіемъ извѣстныхъ представленій; но настоящими ѳеогоническими первоначалами все же оказываются вѣдь только причины и предметы этихъ представленій; содержаніемъ его выходятъ въ концѣ концовъ тѣ саморазвивчивыя силы или потенціи, которыми созданы и сознаніе и природа; преемственное ихъ развитіе и есть именно процессъ, переходящій въ сознаніи тѣ же самыя ступени и по тому же закону какими предварительно шла (внѣ сознанія) природа. По словамъ Шеллинга, политеизмъ овозможивается только тѣмъ что то самое, что́ въ пресущественномъ своемъ единствѣ составляетъ божество, способно было къ выдѣлу въ видѣ особой сущности; что божественныя потенціи проявляются въ мірѣ порознь и что сознаніе послѣдовательно подпадаетъ власти сперва одной изъ нихъ, потомъ другой. Потенціи эти видитъ онъ въ трехъ коренныхъ причинахъ: первая та изъ которой все происходитъ, вторая та черезъ которую все совершается, третья та изъ-за которой все существуетъ, къ которой какъ къ концу и цѣли все устремляется. Онъ смотритъ на смѣняющія другъ друга миѳологіи или главныя божества, какъ на отраженія преемственнаго выступа трехъ этихъ причинъ и преобладающаго господства той или другой изъ нихъ въ человѣческомъ сознаніи; онъ учитъ, будто въ порождающемъ миѳологію процессѣ сознаніе переносится обратно (заднимъ такъ-сказать числомъ) въ годину той борьбы которая закончилась для природы сотвореніемъ человѣка; онъ говоритъ: миѳологическія представленія благодаря тому и возникаютъ, что въ сознаніи выступаетъ опять то прошлое которое уже осилено во внѣшней природѣ, что покоренное въ ней начало розни овладѣваетъ теперь еще разъ самимъ сознаніемъ. — Но принятая Шеллингомъ преемственная череда боговъ отнюдь не подтвердилась точнымъ историческимъ обслѣдованіемъ; очевидно, рознь и борьба водворяются не въ самомъ превѣчномъ существѣ Божіемъ, но путемъ грѣха входятъ только въ царство его созданія, — Богу принадлежатъ онѣ на столько, на сколько онъ открылъ себя въ человѣчествѣ, на сколько именно вступилъ въ конечное, ограниченное бытіе. Божественная сущность необходимо остается въ созданіи даже и тогда, когда всилу своей свободы

оно захочетъ отъ нея отвернуться, и когда въ различныхъ миѳологіяхъ божеское начало постигается не въ цѣломъ своемъ единствѣ, не въ совокупной полнотѣ, а когда, напротивъ, различныя стороны вѣчнаго выдвигаются впередъ одна вслѣдъ за другой по мѣрѣ духовной способности и образованія человѣка, при чемъ безконечное неизбѣжно разлагается на послѣдовательный рядъ отдѣльныхъ обликовъ (на воплощенія тѣхъ либо другихъ сторонъ божества). Естественный, сердечный и духовный элементъ, всегда и вездѣ присущіе человѣчеству, развиваются въ немъ, какъ и въ любой единичной особи, преемственно или не всѣ въ равной степени за одинъ разъ; и если въ древности мы видимъ преобладаніе перваго, въ средневѣковомъ христіанствѣ господство второго, и только за тѣмъ вступаемъ уже въ область духовнаго, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ чтобы въ означенные періоды тотъ либо другой элементъ точно такъ же преемственно первенствовалъ и въ Богѣ. Впрочемъ, я самъ готовъ сказать вмѣстѣ съ Шеллингомъ что миѳологію должно принимать въ ея собственномъ смыслѣ (а не въ видѣ баснословія), что въ основаніи божествъ ея дѣйствительно лежитъ самъ Богъ, что онъ — истинная суть и содержаніе миѳологическихъ представленій; миѳологія настоящее (хоть и одностороннее) воспроизведеніе Бога въ сознаніи; въ ней также есть вдохновенье, и такимъ именно внушеніямъ свыше обязаны мы колосальными, изящными созданіями древности; «та сила «или мощь, которою въ миѳологическихъ представленіяхъ сознаніе человѣка «вознеслось надъ предѣлами дѣйствительности, была вмѣстѣ и первою на-«ставницей всему великому и знаменательному въ искусствѣ.» Поэтому я даже не назову язычества дикою или дикорастующею религіей, а скорѣе только естественною, первоначальной. Въ язычествѣ и въ его развитіи видимъ мы также божественное Слово, всеобщій разумъ и ту волю премудрости, которая одѣйствотворяется въ нравственномъ міропорядкѣ и въ воспитаніи человѣчества. Гегель чрезвычайно много сдѣлалъ для философіи вѣроученій тѣмъ, что представилъ главныя формы язычества ступенями развитія одной и той же религіозной идеи; сколько бы ни нашлось у него, какъ и у Шеллинга, частныхъ промаховъ и грѣховъ, — основная мысль останется навсегда путеуказателемъ и конечной цѣлью науки.

Когда у отдѣльныхъ общинъ и родовъ извѣстное вѣрованіе сложится въ свою форму и когда выработаются въ своей особности извѣстныя божества, какъ властители души и природы, тогда при соединеніи этихъ родовъ общимъ племеннымъ сознаніемъ, всѣ боги ихъ сводятся въ одинъ кругъ или союзъ; каждая мѣстность все еще предпочтительно держится своего бога или своей богини, какъ наприм. поморскіе Іонійцы своего Посейдона, Аргивяне — своей Геры; но служенье имъ распространяется и по другимъ мѣстностямъ, а исконные поклонники этихъ мѣстныхъ божествъ ставятъ теперь алтари и богамъ чужероднымъ. Первобытные миѳы сами служатъ предметомъ для религіознаго мышленія и для художественнаго творчества; они расширяются приливомъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ опытовъ, входящихъ съ ними въ связь; они ростутъ и переплетаются между собою. Такъ, не только разныя мѣстныя греческія сказанія срослись съ древнѣйшими миѳами о солнцѣ въ одинъ былевой ликъ, въ одну исторію Иракла; но и въ тѣхъ семитскихъ божествахъ, которыя на славу владѣютъ лукомъ и легко

одолѣваютъ львовъ, Грекамъ видится тотъ же опять Иракдъ, ему приписываютъ они повѣствуемые о тѣхъ подвиги, и съ постепеннымъ развитіемъ народнаго сознанія онъ болѣе и болѣе становится у поэтовъ идеаломъ нравственно-геройской могуты. Тутъ начинается уже свободнѣйшее сочиненіе. Жреческія легенды предлагаютъ разсказы о началѣ разныхъ мѣстныхъ обычаевъ и повѣрій; тотъ либо другой образъ берется въ буквальномъ, собственномъ значеніи и находитъ себѣ въ этомъ уже смыслѣ миѳическое толкованіе, миѳическую овиносдовку. Если Веды разсказываютъ намъ о золотой рукѣ солнца, мы тотчасъ же готовы подвести къ этому и гомеровскую розоперстую богиню Эос (денницу); но у брамановъ найдется сверхъ-того разсказъ о побоищѣ, въ которомъ богъ солнца потерялъ настоящую свою руку и съ тѣхъ только поръ замѣнилъ ее золотою. Таково же, пожалуй, было и происхожденіе Пелопсова бѣлокостнаго плеча. Къ подобнымъ-то вещамъ относится слово Пиндара, что о богахъ людямъ подобаетъ говорить только прекрасное. «Прелесть поэтической красоты, прибавляетъ онъ къ «этому, дѣлаетъ все слаще и достойнѣе въ глазахъ смертныхъ, она заставляетъ насъ вѣрить даже и невѣроятному; но неподкупными свидѣтелями «(того, что̀ истинно) навсегда останутся грядущіе дни.»

Извѣстно изреченіе Геродота, что Гомеръ и Гезіодъ создали Эллинамъ ихъ ѳеогонію, дали прозвища богамъ, отвели каждому изъ нихъ его мѣсто и занятіе. Это вовсе не значитъ чтобы первый миѳологическій матерьялъ, чтобы сами боги были изобрѣтеньемъ поэтовъ; поэты только разработали исторію боговъ, опредѣлили форму ихъ общежитія, связали въ одно цѣлое разнообразные облики и размѣстили ихъ въ немъ по званію и чину. Гомеръ и Гезіодъ были представители своего времени, своихъ товарищей-пѣснопѣвцевъ, своихъ школъ. Какъ походъ подъ Трою впервые соединилъ на одно общее дѣло разныя греческія племена и города, какъ къ этому подвигу примкнуло пробужденіе ихъ народнаго сознанья, такъ точно и эпическая поэзія, собравъ воедино ходячія былины и отдавъ каждому племени, каждому вождю подобающую честь, свела въ одну общую семью всѣ частные кружки племенныхъ боговъ-заступниковъ; но главою ихъ остался по прежнему тотъ же первобытный и единый богъ неба. Все усвоенное Гомеромъ изъ народныхъ миѳовъ дѣлается съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ; какъ, основываясь на преданіи, онъ охарактеризовалъ въ своихъ пѣсняхъ каждое божество, такъ эта характеристика и послужила исходной точкой для всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ поэтовъ и пластиковъ. Великую истину о дѣйствіи всемогущаго Промысла, о руководительствѣ Божіемъ во всѣхъ человѣческихъ судьбахъ, онъ онагляживаетъ тѣмъ теплымъ участіемъ съ какимъ боги относятся къ человѣку и вообще вліяніемъ силъ небесныхъ на всѣ дѣла и событія земли. Онъ не изобрѣтаетъ содержанія, не выдумываетъ ни героевъ, ни ихъ подвиговъ, ни тѣмъ менѣе боговъ, но силою своего вольнаго творчества придаетъ всему художественно-изящную форму и сливаетъ въ одно стройное цѣлое разнообразный рой миѳовъ и сказаній, которые породилъ одинъ и тотъ же народный духъ. Что и цѣлое строится здѣсь болѣе творческою фантазіей нежели рефлекціей, отчетливымъ соображеньемъ, — это опять-таки вполнѣ сообразно съ сущностью миѳологіи. Первично-естественное значеніе боговъ стало въ эпосѣ уже на заднемъ планѣ; главнымъ сдѣла-

лось водительство человѣка свыше, разработка духовныхъ его свойствъ; боги явились идеалами, первообразами и примѣрами нравственной и исторически-прогрессивной жизни. Эти божественные лики, говоритъ также и Шеллингъ, не порождаются поэзіей, а только въ ней просвѣтляются; сама поэзія только впервые возникаетъ съ ними.

Сказанное о Гомерѣ можно точно такъ же отнести къ индійскому и германскому эпосу; религіозно жреческая поэзія Гезіода найдетъ себѣ подобія и въ индійской литературѣ и въ Эддѣ, — въ пѣснѣ Вѐлоспы (Волуспы) напримѣръ. Есть двоякаго рода ѳеогоніи: первобытныя созерцательныя думы о началѣ всѣхъ вещей, о происхожденіи вселенной и самой души относительно къ Богу, потомъ — стремленіе связать многія божества узами семьи или рода, различить старшаго отъ младшаго, и не только сопоставить ихъ другъ подлѣ друга, но и установить между ними преемственность. Въ первомъ изъ двухъ этихъ отношеній образъ яйца, содержащаго въ себѣ и выпускающаго на свѣтъ развивчивый зародышъ жизни, этотъ видимый источникъ всякого органическаго созданія, искони перенесенъ былъ на весь міръ; яйцо міра придумано не орфиками и не браманами, оно встрѣчается и въ египетскихъ изваяніяхъ, и въ космогоніяхъ Симитовъ, и въ финскомъ эпосѣ, — явное доказательство тому, что это одна изъ первобытныхъ мыслей человѣческаго рода. Въ отношеніи къ родословной связи боговъ мы видимъ у Гезіода сліяніе жреческой мудрости съ поэтическимъ искусствомъ. Но совершенно ложно мнѣніе, поддерживаемое между прочимъ и Шеллингомъ, будто Уранъ и Кронъ старше Зевса, или будто они ранѣе его чествовались у Эллиновъ; напротивъ изъ сравнительнаго богоученія Арійцевъ очевидно, что изъ Зевса развились Уранъ и Кронъ, какъ это уже и доказалъ въ своей греческой миѳологіи Велькеръ.

Иное опять дѣло дѣйствительная череда или преемственное появленіе новыхъ боговъ въ ходѣ быторазвитія какого-нибудь народа, возьмемъ ли мы это въ смыслѣ возникновенія совершенно новыхъ обликовъ или же напротивъ въ томъ, что малозначительные прежде боги становятся потомъ первенствующими и главными. Такимъ образомъ Аѳина и Аполлонъ исторически моложе Зевса и получаютъ видное свое значеніе только уже съ расцвѣтомъ Аѳинъ, Спарты или Дельфовъ; такъ еще культъ Діониза выработался у Эллиновъ въ позднѣйшее сравнительно время. Такъ всеобщій небесный богъ отодвинулся на задній планъ у Германцевъ и оставался только богомъ меча, Ціу или Тиромъ; тогда какъ въ земледѣльческій ихъ періодъ главное мѣсто занялъ громобогъ, а потомъ въ эпоху переселенія народный духъ всего ближе узнавалъ себя въ богѣ бурь, Воданѣ или Одинѣ, и разработалъ его далѣе въ царя боговъ, подателя всѣхъ благъ, внушителя мудрости и пѣсень. Въ Ведахъ, на ряду съ грозобогомъ Индрою, особенно чествуются всеобъемлющій Варуна и огневладыка Агни. Впослѣдствіи жрецы учатъ видѣть въ духѣ молитвы, Брамѣ, творца и причину всѣхъ вещей, а случайно лишь упомянутый въ Ведахъ геній небесной синевы, Вишну, постепенно возводится своими поклонниками въ долинѣ Ганга на степень міроблюстителя, подобно тому какъ на Гималайѣ духъ грозы и бури, Шива, чествуется какъ верховный и истинный владыка вселенной, пока наконецъ

брамапы не соединяютъ оба эти божества съ Брамою въ одну нераздѣльную тройцу.

Но, съ пробужденіемъ вдумчивой мысли, раздробъ единства на множество находитъ себѣ противовѣсъ въ стремленіи возводить опять множественность къ единству, собирать и сосредоточивать отложившіяся отъ него формы. Въ позднѣйшихъ ведійскихъ гимнахъ тому божеству, которое въ нихъ призывается, даютъ вмѣстѣ съ его собственнымъ именемъ также и имена другихъ боговъ, напримѣръ: Индра, ты — Варуна, Агни и Сӯрья, т. е. ты всеобъемлющъ, ты огонь, ты солнце. Семиты, подѣлившіе мужское начало отъ женскаго, сопоставивъ рядомъ въ одномъ и томъ же духѣ свѣта и огня благотворную и разрушительную стихіи, элементы творческій и губящій, какъ два противоположныхъ существа, впослѣдствіи стали видѣть въ нихъ только двустороннее откровеніе единаго, и чтобы выразить идею эту натуралистически, облекли ее въ двуполую форму, придавъ богинѣ вооруженіе мужчины, а богу — одежду женщины. Въ Греціи, стремленіе обособить, индивидуализировать боговъ и невозможности приблизить ихъ къ человѣку, — стремленіе, увлекшее Пиндара говорить о людяхъ и богахъ, какъ о существахъ однородныхъ, — всегда однако сопровождалось смутнымъ трепетомъ передъ таинственностью безконечнаго, какъ ясно обнаруживается въ культѣ Деметры или Діониза; царящаго па Олимпѣ Зевса Гомеръ представляетъ жертвою обмановъ Геры или смѣющимся надъ неуклюжестью своего хромоногаго крайчаго, Гефеста, но онъ тѣмъ не менѣе чтитъ въ немъ отца боговъ и людей; у Гезіода Зевсъ вступаетъ въ бракъ съ мудростью и міропорядкомъ, онъ отецъ законовъ и судебъ, отецъ граціи, вытекающей изъ свободныхъ жизненныхъ влеченій. Всѣми дарами, что ниспосылаютъ смертнымъ другіе боги, обладаетъ и онъ, и всѣми равно надѣляетъ. Фидій изобразилъ въ немъ сліяніе могучести съ любовью, величія съ кроткимъ радушіемъ; дѣйствіе его власти онаглядилъ онъ въ престольныхъ украшеньяхъ; на цоколѣ былъ выведенъ весь ликъ боговъ, окружающихъ престолъ міродержца, всѣ они являлись лучами его свѣта, олицетвореніемъ отдѣльныхъ его свойствъ; между ними находился и самъ Зевсъ, обруку съ супругой своей, Герой: Зевсъ, на ряду съ прочими божествами, служилъ только украшеніемъ престолу, гдѣ возсѣдалъ тотъ другой Зевсъ, къ которому, какъ къ первоединому, возвращались тогда образованные Греки. Не даромъ говоритъ Эсхилъ: «Зевсъ «земля, Зевсъ воздухъ, Зевсъ небо, Зевсъ все и еще то, что́ надо всѣмъ».

Язычество въ богословскихъ миѳахъ получило свойственную ему форму благодаря мѣткому переносу человѣческаго облика и человѣческаго образа дѣйствій на природу и на божественныя начала бытія; наоборотъ, въ антропологическомъ миѳѣ или въ историческомъ народномъ сказаніи часто отзываются образы, дѣла и судьбы боговъ. Я говорилъ уже о томъ, какъ мѣстныя божества переходятъ въ герои, боги становятся дѣтьми боговъ, какъ героическая пора народа особенно вырабатываетъ элементъ героизма и удальства въ тѣхъ миѳахъ которые первоначально представляли естественные процессы въ формѣ личныхъ страданій и подвиговъ, и какъ при этомъ совсѣмъ позабывается физическая основа. Теперь, пусть въ самой исторіи явятся замѣчательныя личности которыя характеромъ или судьбой напомнятъ

какой-нибудь героическій миѳъ: трудно чтобы послѣдній не бросилъ на нихъ своего отблеска. И это тѣмъ легче произойдетъ въ ту эпоху, когда въ самомъ религіозномъ вѣрованіи совершилась крутая перемѣна. Когда наприм. Германцы стали христіанами, величавые и глубокомысленные старые миѳы еще вѣдь жили у нихъ въ душѣ, но они висѣли какъ бы на воздухѣ (изъ подъ этихъ миѳовъ вырвана была почва): какъ же кстати должна была прійдтись имъ такая народновысокая личность, на которую могли бы они опереться и стать твердою ногой! Въ эпосѣ Индійцевъ, Персовъ, Грековъ и Германцевъ находимъ мы въ числѣ изящнѣйшихъ поэтическихъ созданій лицо молодого, чистаго, прекраснаго героя, который, вступивъ въ какую-нибудь связь съ лицомъ враждебнымъ, низкимъ и нечистымъ, словно въ искупленіе своей вины коварно умерщвляется представителями злого начала, но приноситъ имъ потомъ гибель той отместною борьбой, которая завязывается изъ-за его смерти: таковы Карна въ Магабгаратѣ, Сіявушъ въ Шахнамѐ, Ахиллесъ и Зигфридъ. Этого ни одинъ народъ не взялъ у другого; да притомъ до подѣла ихъ между собой еще не было у нихъ и богатырскихъ былинъ. Общій источникъ преданія — здѣсь первоначальный божескій миѳъ. Это солнце, идущее какъ богатырь своей дорогой, но ежедневно гибнущее въ полномъ цвѣтѣ жертвою коварства ночныхъ силъ или уязвляемое подконецъ лѣтняго времени жаломъ зимней стужи. Солнце покидаетъ свою возлюбленную Денницу, или же, разбудивъ весною землю жаркими поцалуями, потомъ охлаждается къ ней и отходитъ дальше. На окраинѣ царства тьмы, бога-солнце манитъ новая подруга въ лицѣ вечерней зари, но едва онъ бросится въ ея объятія, какъ и отдается во власть темнымъ силамъ. Всегда однако есть твердое упованіе на возрожденіе опять свѣта и на новый возвратъ всеоживляющей весны. — Прекрасный этотъ миѳъ разныя племена унесли съ собою и въ дальнее свое странствіе; герои, уподобляющіеся солнцу своимъ блескомъ и чистотой и умирающіе ранней смертью, напрашиваются въ носители этого древняго воспоминанья. Такъ мѣсто франкскаго солнцебога Сигфрита заступаетъ австразійскій король Зигбертъ. Гомеръ о смерти Ахиллеса знаетъ только то, что вскорѣ послѣ Гектора онъ палъ отъ руки Аполлона. Но гомеровскій Ахиллъ напомнилъ собой обликъ первобытнаго миѳа, и вотъ миѳотворная фантазія заставляетъ его изъ любви къ Поликсенѣ вступить въ союзъ съ своимъ врагомъ, послѣ чего новый родственникъ вѣроломно его убиваетъ: новаго вымысла тутъ нѣтъ; только древнѣйшее сказаніе пріурочено и приноровлено къ Ахиллесу.

Гроза, по древне-арійскому воззрѣнію, была борьбой свѣтобога съ демономъ тьмы, огнедышащимъ облачнымъ змѣемъ (горынычемъ), который похищаетъ у солнца кладъ золота или дѣву-водолею; свѣтобогъ убиваетъ его и отнимаетъ кладъ или дѣву. Таковы: у Грековъ Персей, у Германцевъ Зигфридъ, а впослѣдствіи — св. Георгій Побѣдоносецъ. Миѳъ первобытной арійской старины о свѣтломъ веснобогѣ, удаляющемся назиму въ преисподнюю или на тучевую гору, а повеснѣ торжественно возвращающемся опять, уцѣлѣлъ всего ближе въ германскомъ богосказаніи, гдѣ Воданъ покидаетъ на семь зимнихъ мѣсяцевъ супругу свою, Природу, весною же убиваетъ вторженца, который хотѣлъ было овладѣть и ею и верховнымъ господствомъ, и снова осчастливливаетъ собой міръ, — или гдѣ онъ удаляется съ войскомъ

на́ гору, а потомъ въ урочный часъ побѣдоносно оттуда сходитъ. По введеніи христіанства, и то и другое было перенесено на историческихъ героевъ. Генрихъ Левъ семь лѣтъ живетъ на Востокѣ; вдругъ попадаетъ онъ въ дикую охотничью ватагу Водана и узнаетъ тамъ что другой хочетъ взять за себя его жену; одинъ изъ духовъ этой ватаги переноситъ его во снѣ домой, и онъ отстаиваетъ свою супружницу. Подобно самому Водану засыпаютъ надолго могучіе богатыри: Карлъ Великій, Оттонъ Великій, Фридрихъ Рыжая Борода въ Унтерсбергѣ (Низовой горѣ), въ Кифгёйзерѣ; вороньё, что́ вьется поверхъ горы, — вороньё Одиново, вѣщее, оно приноситъ ему Хуги и Муни, острый смыслъ и воспоминаніе. А случись народу великая нужда, богатырь сейчасъ выйдетъ изъ горы на выручку. Древо міра, ясень Игдразилъ, что́ зеленѣетъ снова каждый разъ при возвращеніи веснобога, стало теперь сухимъ грушевымъ деревомъ на равнинѣ Вальзерфельда; и лишь только воспрянувшій отъ сна императоръ повѣситъ на него свой щитъ, оно одѣвается свѣжей листвою. — Такъ-то древніе миѳы приноравливаются къ измѣнившемуся быту народа и сами видоизмѣняются сообразно новой обстановкѣ; мотивы, сдѣлавшіеся непонятными, уступаютъ въ нихъ свое мѣсто другимъ. Хлидскіальфъ, престолъ, съ котораго царь германскихъ боговъ озираетъ вселенную, и вмѣстѣ символъ его всевѣдѣнья, остается и въ христіанскую эпоху небеснымъ стуломъ, и кто ни сядь на него, всякъ видитъ что́ творится на землѣ. Но въ сказкѣ и этотъ стулъ замѣняется уже завѣтной дверью которую сто́итъ только отворить, чтобы видѣть желаемый предметъ, хотя бы и въ величайшемъ отдаленіи. Земля, оцѣпенѣвшая отъ зимняго сна, становится сперва стражницей которую Одинъ поразилъ своимъ соннымъ шипо́мъ и которая лежитъ за огневой стѣною; ледяная кора земли та броня которую мечь Зигфрида разсѣкаетъ, какъ солнечный лучь ледяную оболочку; но потомъ изъ Одинова соннаго шипа, который ни чего уже не значитъ для народа, выходитъ роковая прялка, о которую укололась царская дочь и оттого тотчасъ же заснула со всѣми придворными; огневая стѣна превращается въ колючую изгородь, отъ которой прекрасная дѣвушка получаетъ имя «Колючей розы» (Dornröschen); а богатырь-юноша, смѣло прорвавшись сквозь изгородь, будитъ красавицу жаркимъ поцалуемъ, такъ точно какъ Зигфридъ Брунгильду или какъ солнце охолодѣвшую землю.

Этимъ путемъ дошли мы до послѣдняго отпрыска или побѣга божескаго миѳа, до сказки, потѣшающей ребятъ. Человѣкъ—идеалистъ изначала. Дѣтская фантазія постоянно доказываетъ намъ это съизнова: такъ беззавѣтно распоряжается она всѣмъ на свѣтѣ, такъ одушевляетъ любой безжизненный предметъ, видитъ наприм. верховую лошадь въ палкѣ или въ стулѣ, самостоятельнодѣйствующее существо въ какой-нибудь соломинкѣ или щепкѣ; немного ей надо, чтобы создать вокругъ себя полные чаръ сады; райское состояніе дѣтства въ томъ вѣдь именно и находили многіе, что природа въ этомъ возрастѣ какъ будто еще совершенно покоряется воображенію. Прелесть сказки основана для взрослаго на томъ, что она переноситъ насъ въ міръ чудесъ ранней юности, возвращаетъ къ дѣтству человѣческаго рода.

Для настоящей народной сказки все чудесное естественно; ея дѣйствующія лица и событія привлекаютъ насъ потому, что въ потѣшной игрѣ ихъ,

въ ихъ измѣнчиво-колеблющихся формахъ, проглядываетъ, хотя бы только и намеками, какой-то глубокій, затаенный смыслъ; въ основѣ ея лежатъ тѣ религіозныя идеи которыя сначала выражались одушевленіемъ природы: отсюда и идетъ ея нравственное ядро. Она показываетъ перевѣсъ нравственнаго міропорядка (надъ суетой мелкихъ разсчетовъ близорукаго себялюбія); она показываетъ какъ зло въ самомъ себѣ несетъ свою кару, хотя бы для того понадобилось ей даже что-нибудь вполнѣ невѣроятное, хотя бы напримѣръ изъ косточекъ ребенка, съѣденнаго за обѣдомъ злымъ отцомъ, пришлось вылетѣть птицѣ съ большимъ жерновомъ на шейкѣ, разумѣется падающимъ прямо на голову виновному; она показываетъ счастье мудрости и умѣнья взяться за дѣло, для которыхъ всѣ помѣхи служатъ только новымъ побужденіемъ блистательнѣе заявить свою силу и состоятельность; она показываетъ какъ гонимая невинность или униженная красота просвѣтляются своимъ страданіемъ и подконецъ все-таки торжествуютъ; она показываетъ какъ все обращается на пользу правотѣ.

Истый сказочникъ также не сознательный еще сочинитель, желающій изложить свои собственные взгляды и опыты; скорѣе, какъ вѣрный блюститель унаслѣдованнаго добра, онъ только передаетъ его кому надо. Дитя, простолюдинъ, народъ не наслушаются того что̀ имъ разъ понравилось, и безъ вниманія обходятъ все что̀ пришлось не по душѣ; тѣмъ или другимъ постояннымъ предпочтеніемъ слушатель отчасти самъ вліяетъ на разсказъ и вызываетъ тщательнѣйшую разрисовку тѣхъ сторонъ жизни которыя ему особенно по̀ сердцу. Передаваемое устно хранится и блюдется не какъ мертвый капиталъ, а какъ живое добро, требующее личнаго сочувствія. Каждый удерживаетъ изъ него въ памяти что̀ особенно ему полюбилось, и дополняетъ его тѣмъ что̀ у него есть лучшаго; иная пѣсня, иной разсказъ, переходя такимъ образомъ изъ устъ въ уста, получаютъ мало по малу совокупной дѣятельностью многихъ поколѣній ту мѣткость выраженія, ту точно округленную форму, которымъ потомъ завидуетъ художникъ-поэтъ и которыя невольно беретъ въ образецъ своимъ собственнымъ произведеньямъ.

Преданіе необыкновенно тягуче и устойчиво; миѳъ въ безчисленныхъ своихъ переходахъ связываетъ живой нитью отдаленнѣйшія поколѣнія, такъ что тѣ самые образы которые человѣчество создало въ первобытные свои вѣка и теперь еще питаютъ и услаждаютъ сердце нашихъ малютокъ.

Но отзывъ и отраженіе божескаго и естественнаго миѳа далеко не единственный элементъ той пелены сказанія какою повиты всѣ человѣческія дѣла; напротивъ, новое содержаніе обыкновенно находитъ себѣ и новую форму. Происхожденіе народовъ, какъ и людей вообще, лежитъ въ сумракѣ, зачатки даже и великаго были малы, и такъ какъ никто не обращалъ на нихъ вниманія, то они, понятно, были забыты. И вотъ по наличности того, что̀ сдѣлалось, совершилось, духъ заключаетъ о томъ, какъ оно произошло, по цвѣту и плоду старается разгадать зародышъ; фантазія рисуетъ образъ первоначальнаго и въ немъ наглядно воплощаетъ сущность, т. е. готовое направленіе къ предопредѣленной цѣли. Отсюда дивные разсказы о дѣтствѣ и юности такого множества великихъ людей, отсюда богатыя былинами первыя главы любой народной исторіи. Онѣ конечно имѣютъ и историческую

цѣну, не въ томъ отношеніи чтобъ изъ-подъ разукрашенной оболочки можно было вылужжить сухое прозаическое ядро дѣйствительности, а единственно лишь потому что мы узнаемъ изъ нихъ какъ народъ представлялъ себѣ свою собственную сущность и происхожденіе, какъ онъ выяснялъ себѣ смутное чаяніе о своемъ предназначеніи и своихъ исконныхъ судьбахъ. Только римскій народный духъ могъ создать Горація Коклеса и Муція Сцеволу, только эллинскій—Ахилла и Одиссея, и для надлежащей оцѣнки обѣихъ сторонъ чрезвычайно важно то обстоятельство, если такія личности были не исключительнымъ какимъ-либо явленьемъ, но представляли собой именно то что Римлянинъ или Грекъ думали и чувствовали по своей природѣ, въ чемъ одинъ видѣлъ римскій духъ, римскую доблесть, а другой существенныя свойства эллинскаго юноши и мужа. Матерьяломъ для народной фантазіи служатъ здѣсь опыты и впечатлѣнія дѣйствительной жизни, точно такъ же какъ въ другой сферѣ — реальныя естественныя явленія, и здѣсь она несетъ въ себѣ безсознательно идею своего собственнаго существа точно такъ же какъ и идею Бога; по мѣрѣ того какъ сознаніе идеи пробуждается и расширяется путемъ опытовъ, слагаются идеальные облики сказанія, служащіе образцомъ для дальнѣйшаго развитія жизни, дѣйствующіе на душу преемственныхъ поколѣній и тѣмъ самымъ входящіе въ исторію какъ неразлучный ея элементъ. И здѣсь миѳъ излагаетъ мысли въ формѣ разсказа о событіи *, и здѣсь поэтически украшаетъ онъ дѣйствительность. Но и здѣсь не хотятъ ни чего выдумать произвольно, ни выдать за истину что-либо такое во что не вѣритъ самъ разскащикъ; напротивъ, онъ убѣжденъ что разгадалъ какъ было дѣло, что лишь пополнилъ изъянъ въ преданіи, что угодилъ въ самую суть. Умышленный обманъ встрѣтится развѣ только въ видѣ исключенья; вообще же фантазія связываетъ здѣсь въ непреднамѣренные образы какъ впечатлѣнія почерпнутыя изъ полноты внѣшняго міра, такъ и внутреннія чаянья души, да и теперь еще подобные образы способны отверждаться въ дѣйствительность передъ мыслію создающаго ихъ художника или воспріимчиваго слушателя, точно такъ же какъ въ дни преобладанія разсудочнаго смысла люди часто принимаютъ свои одностороннія соображенія за чистѣйшую реальность. Можно повторить здѣсь тонкое Штраусово замѣчаніе. Ливій, говоритъ онъ, находитъ передъ собой преданіе о религіозныхъ обрядахъ будто бы установленныхъ Нумою, и тотчасъ же прагматически указываетъ имъ причину: людей надобно чѣмъ-нибудь занять, чтобъ не баловались на досугѣ; Нума считалъ религію лучшимъ средствомъ держать ихъ въ уздѣ. Онъ повѣствуетъ далѣе, что Нума установилъ вольные и запретные дни (dies fastos et nefastos) вѣроятно полагая что иногда пріидется очень кстати запре́тъ не вступать ни въ какія дѣла съ народомъ. При установленіи этихъ порядковъ руководили конечно иныя побужденія. Но такъ думалъ Ливій, и разсудочныя его догадки казались ему дотого несомнѣнными, что онъ изложилъ ихъ съ полной вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Народное повѣрье объясняло дѣло иначе, — именно свидані-

* Этимъ былина отличается отъ были; отъ сказки же разнится она тѣмъ, что послѣдняя, какъ позднѣйшее созданіе фантазіи, допускаетъ полный произволъ ума въ ущербъ естественному порядку явленій.

ями Нумы съ богиней Эгеріей, которая и открывала ему какіе изъ обрядовъ угоднѣе богамъ. И я думаю, народное повѣрье взяло вопросъ глубже: оно поняло ту истину что въ основаніи религій и государствъ человѣкъ является исполнителемъ божьей воли, или, какъ выразился Гераклитъ, что законъ божій кормилецъ всѣхъ человѣческихъ законовъ.

Сказаніе сопровождаетъ исторію и далѣе, духу ея создаетъ оно идеальную плоть и открываетъ смыслъ и значеніе великихъ событій въ особыхъ лучезарныхъ образахъ, которые всегда коренятся въ дѣйствительности, но идеализируются въ выраженіе характера народа и эпохи. Такъ пѣснь (слово) о Нибелунгахъ передаетъ намъ миѳъ борьбы и гибели народовъ во время великаго переселенія, выставляя, вмѣсто многихъ событій въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, одну великолѣпную картину, и когда Дитрихъ Бернскій (Веронскій) * остается наконецъ подъ развалинами одинъ, развѣ не живой онъ представитель своего народа, исчезнувшаго такъ быстро и достославно съ поприща исторіи? Миѳъ можно назвать поэтическою философіей послѣдней: въ немъ символически высказывается великое значеніе какого-нибудь лица или подвига, связь его съ другими лицами, дѣлами и эпохами, наконецъ присущій ему духъ. Фантазія беретъ на себя дѣло времени, очищая земное явленіе отъ всего преходящаго, маловажнаго, или свободно его обдѣлывая, такъ что историческіе герои не только не терпятъ ущерба отъ сказанія, но воспроизводятся имъ въ чистѣйшемъ еще свѣтѣ. Изъ миѳовъ узнаемъ мы какъ именно Моисей и Ликургъ, Александръ, Мугаммедъ или Карлъ Великій жили въ сознаніи своихъ современниковъ, и какъ смотрѣли на ихъ характеръ и дѣятельность слѣдующія поколѣнія. Когда слагается миѳъ, значитъ — подъ вліяніемъ великихъ личностей возникли въ душѣ народа новыя идеи и усильно просятся на божій свѣтъ. Вейсе справедливо замѣчаетъ: «Конечно иначе не можетъ быть, что любая единичная черта сказанія восходитъ къ какому-нибудь отдѣльному лицу, какъ къ своему источнику и «началу; но то что разныя единичныя черты могутъ сростаться въ одно цѣ«лое, это именно и дѣлаетъ ихъ способными служить выраженіемъ для на«родной вѣры, для идеи въ которой человѣчество видитъ истину. Любой «разскащикъ сперва обопрется всегда на какой-нибудь историческій фактъ, «а преемники его держатся за тѣмъ этого преданья; но фактъ мимовольно «сливается у нихъ съ помысломъ, и происходящій отсюда идеальный образъ «пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ столько же внутренней, духовной истины, «сколько и фактической, внѣшней. Какою благоуханной вязью свѣжей зе«лени и цвѣтовъ обвивало сказаніе Грековъ почти каждаго изъ великихъ «людей ихъ часто еще заживо, и ужь непремѣнно вскорѣ по смерти! Да «притомъ не однихъ только тѣхъ чьи дѣйствія сами собой вызывали на по«этическое воззрѣніе; но равно и философовъ, государственныхъ дѣльцовъ, «стихотворцевъ, — такихъ тружениковъ чьи судьбы терялись иногда въ «невидномъ одиночествѣ и не представляли для созерцанія отнюдь ни какихъ «романтическихъ элементовъ. А между тѣмъ сказанія эти вовсе не пустые «вымыслы; въ нихъ лежитъ, напротивъ, полновѣсное духовно-историческое

---

* Король остготскій Теодерихъ.

«содержанье. Они дополняютъ собой, и дополняютъ вѣрно, исторію во мно-«гихъ ея подробностяхъ, точно такъ же какъ главные циклы миѳовъ, повѣ-«ствующіе о герояхъ и богахъ, дополняютъ ее въ цѣломъ и въ обратную «сторону, связывая фактическую ея часть съ тѣмъ предвѣчнымъ началомъ, «откуда вытекаетъ всякая исторія. Въ замысловатой и смѣлой символикѣ «представляютъ они переносно выраженныя духовныя отношенія и харак-«терные элементы событій, — то что́ въ непосредственной дѣятельности «никогда и не проявляется, чего даже не льзя передать въ историческомъ «разсказѣ помимо того глубоко-вдумчиваго способа который зовется фило-«софіей исторіи. Они можно-сказать заключаютъ въ себѣ эту философію, «облеченную въ тѣ формы въ какія должны были облечь ее современники «событій для того чтобъ она стала всѣмъ понятною, или скорѣе такъ, какъ «самъ духъ исторіи воплотился въ нихъ для современниковъ безъ всякаго «вмѣшательства съ ихъ стороны, безъ всякаго умысла какихъ-либо сочини-«телей».

Такимъ образомъ фантазія не только что переноситъ свои пестрыя картины на далекое прошлое, но съ сроднымъ ей просвѣтляющимъ стремленіемъ хочетъ возвысить въ идеалъ и настоящее, собрать воедино и пополнить разсѣянныя тамъ и сямъ черты и воплотить въ общепонятныхъ совокупныхъ образахъ то впечатлѣніе какое личности производятъ цѣлой своей дѣятельностью, какое оставляютъ по себѣ событія разнообразіемъ своихъ частныхъ сторонъ. И не только такъ было въ древности и въ средніе вѣка, такъ продолжается оно и донынѣ. Напомнимъ для примѣра, какъ исторической критикой доказано что Наполеонъ вовсе не хваталъ знамени при Арколе, что солдаты его подъ Ватерло и не думали кричать: гвардія умираетъ, а не сдается! Но народъ тѣмъ не менѣе видѣлъ въ юномъ героѣ знаменоносца вкругъ котораго хотѣлось ему стать, и чего онъ отъ него надѣялся, что́ казалось достойнымъ такого человѣка, то и нашло себѣ свою форму въ извѣстіи о знаменитомъ побоищѣ, точно такъ же какъ подвиги гвардіи подъ Ватерло соотвѣтственно завершились пресловутымъ возгласомъ, и разсказу этому всѣ вѣрили, потому что онъ въ сущности былъ справедливъ. Въ оффиціальныхъ донесеніяхъ папѣ за все время перваго крестоваго похода не упомянуто ни разу даже и имя Готфрида Бульіонскаго; корону Іерусалима предложили ему только тогда, когда отъ нея отказались разные другіе государи; но впослѣдствіи онъ прослылъ первымъ королемъ іерусалимскимъ, и это естественно вызвало въ народѣ убѣжденіе что Готфридъ былъ душою предпріятія съ самаго начала. Я полагаю что пѣсни объ его подвигахъ, разсказы объ его участіи въ походѣ распространились очень далеко, возбудили у всѣхъ живѣйшее сочувствіе и заслонили собой въ народномъ сознаніи вѣсти о другихъ вождяхъ крестоносцевъ потому именно, что въ его образѣ мыслей, чувствъ и дѣйствій духъ крестовыхъ войнъ нашелъ себѣ въ самомъ дѣлѣ настоящаго носителя, и оттого фантазія всего западнаго міра выставила его тѣмъ героемъ въ комъ воплотились чувства и желанія его времени.

Сюда же принадлежитъ наконецъ и анекдотъ. Онъ оттачиваетъ разсказу то жало или остріе которымъ послѣдній легко впивается въ память и надолго въ ней остается; мѣткими чертами изъ дѣйствительнаго матерьяла, съ по-

мощью не менѣе мѣткихъ словъ, придаетъ онъ осязательную форму, яркій образъ характерамъ или событіямъ. Анекдотъ какою-нибудь единичною чертой рисуетъ цѣлое, какъ пословица высказываетъ общую истину въ видѣ нагляднаго факта, охотно прибѣгая въ этомъ случаѣ къ образному, символическому обороту рѣчи. Одна ласточка еще не порука за лѣто, сказалъ Аристотель, намекая этимъ на то что добродѣтель должна быть всегдашнимъ настроеніемъ, и что то либо другое доброе дѣло въ одиночку отнюдь не можетъ ее замѣнить. Пословица видитъ въ частномъ случаѣ осуществленіе идеальной или всеобщей нормы и потому прямо дѣлаетъ его выраженіемъ извѣстнаго познанія; это то-же сопряженіе или то же изначальное срощеніе реальнаго элемента съ идеальнымъ, какъ и въ миѳѣ; и здѣсь явная для всѣхъ фактическая стихія встрѣчается со сродною всѣмъ людямъ разумною, такъ что и пословицу скорѣе можно назвать случайною находкой, нежели вымысломъ, сочиненіемъ; ея не надумать преднамѣренно; мѣткое слово высказывается не съ тѣмъ чтобы войдти въ пословицу, но оно принимается, повторяется становится народнымъ достояніемъ именно потому что оно мѣтко.

Такимъ образомъ и въ миѳѣ, какъ въ языкѣ, находимъ мы созданія, болѣе инстинктивно, нежели самосознательно и произвольно возникающія изъ общей человѣческой природы; общій всѣмъ людямъ внутренній побудъ, одна и та же идея, общія всѣмъ впечатлѣнія, естественно ведутъ къ общему также выраженію; мы видимъ здѣсь духовную связь, всилу которой единичное лицо производитъ не что-либо особо ему принадлежащее, но является орудіемъ всеобщаго духа: какъ пчелы строятъ сообща ячейки своихъ ульевъ, такъ точно и здѣсь многіе дѣйствуютъ всѣ заодно. Законодателя можемъ мы уподобить поэту или философу, но вѣдь гораздо до него слагается обычное право благодаря совмѣстному дѣйствію нравственнаго чувства и процессовъ повседневной жизни; оно-то и служитъ основаніемъ на которомъ продолжаетъ строить самосознательная дѣятельность, уряжая, дополняя, организуя по идеѣ перводанный матерьялъ. То же самое съ языкомъ и миѳомъ, этою первичною поэзіей и первичною философіей человѣчества; они также возникаютъ изъ общей дѣятельности всѣхъ и каждаго и доставляютъ генію первый матерьялъ для его поэтическаго и мыслительнаго творчества.

ПИСЬМЕННОСТЬ.

Существо духа состоитъ не только въ томъ что среди всего нескончаемаго обилія помысловъ и чувствъ въ немъ неослабно держится единство самосознанія, но еще и въ томъ что онъ способенъ сохранять въ себѣ эти помыслы и чувства, что все однажды сдѣланное или узнанное имъ возвышаетъ напряженность его силы, расширяетъ кругъ его дѣйствія и остается въ немъ жизненною стихіей; что́ онъ разъ въ себя принялъ или изъ себя воспроизвелъ — а обѣ эти дѣятельности не обходятся у него другъ безъ друга, — то становится его кровной собственностью, и на этомъ именно основано поступательное его развитіе. Бо́льшая часть пріобрѣтеній такого рода сливается съ совокупною жизнью духа нераздѣльно и вполнѣ, но иное продолжаетъ вести въ немъ свое особое существованіе и, званое или незваное, вдругъ выступаетъ на свѣтъ сознанія въ видѣ отдѣльнаго представленья. Такъ хранитъ онъ въ памяти однажды возникшую связь между созерцательными и звуковыми образами, между понятіемъ и словомъ. Но мысль, получивъ осязательный обликъ въ звукѣ, вмѣстѣ съ преходящимъ звукомъ можетъ и утратиться, забыться. Вызванная впослѣдствіи изъ внутренней глубины, она окажется, пожалуй, потерявшею часть своей опредѣленности или же пріобрѣтшею совсѣмъ иной оттѣнокъ среди постояннаго сложенія и обновленія, составляющаго жизнь души. Но есть такіе важные помыслы, такія событія внѣшней и внутренней жизни, которые человѣкъ желалъ бы сберечь навсегда, сдѣлать общимъ достояніемъ всего людскаго рода, наслѣдіемъ грядущихъ поколѣній; эти помыслы, эти событія надобно упрочить, надобно придать имъ существованіе независимое отъ той или другой особи, отъ случайностей устнаго преданья.

Какъ первый проблескъ музыкальнаго и поэтическаго чувства человѣка обнаруживается въ созданіи слова, языка, такъ точно первый шагъ изобразительнаго искусства предстаетъ намъ въ сооруженіи памятника, то-есть упроченнаго въ пространствѣ дѣла рукъ человѣческихъ, съ которымъ соеди-

пены извѣстная мысль, воспоминаніе, и которое на первыхъ порахъ обыкновенно знаменуетъ только мѣсто событія. Такъ Іаковъ водружаетъ камень на томъ мѣстѣ гдѣ приснилась ему небесная лѣстница; такъ могильный камень указываетъ мѣсто гдѣ погребенъ патріархъ, герой и т. д. Или же зракъ какого-нибудь событія упрочивается начертаніемъ участвовавшихъ въ немъ личностей. Ни чего подобнаго не могло бы быть, еслибъ человѣкъ прозябалъ еще въ смутномъ состояніи безсловесной и безмысленной твари; онъ непремѣнно соединяетъ уже извѣстную мысль съ тѣмъ знакомъ который служитъ видимою опорою и выраженіемъ его памяти.

Отъ этой общей первоначальной основы идетъ потомъ двоякій путь развитія. Или памятный знакъ вырабатывается какъ можно удовлетворительнѣй для созерцанія, такъ что одинъ видъ его наполняетъ душу, и во внѣшнемъ явленіи непосредственно обнаруживается весь внутренній смыслъ: тогда возникаетъ настоящее изобразительное искусство, представляющее въ пространственной формѣ самую суть вещей и глубокіе душевные идеалы. Или же главнымъ дѣломъ выступаетъ облеченная въ слово мысль, и вся задача состоитъ въ томъ чтобъ точнѣе передать ее: тогда памятный знакъ является уже чисто знакомъ изреченной мысли, и намъ предстаетъ здѣсь первый зачатокъ письменности.

Подобно тому какъ музыка и поэзія льются въ голосѣ изъ груди человѣка и какъ онъ понимаетъ эти звуки потому, что напередъ самъ ихъ производитъ и распознаётъ въ нихъ чувство какимъ они были вызваны, такъ точно въ собственномъ тѣлѣ его и въ движеніяхъ свѣдомъ ему изначала тотъ первичный пріемъ черезъ который любое внутреннее бытіе, любое внутреннее движеніе получаетъ пространственный обликъ, выступаетъ въ видимость; онъ научается на самомъ себѣ понимать и истолковывать всѣ другія тѣлесныя формы, отверждать ихъ воспроизведеніемъ во внѣшнемъ матерьялѣ, а также придавать прочный обликъ и своимъ внутреннимъ созерцаніямъ. Но изобразительное искусство хочетъ именно того, чтобы воспроизведенное имъ во внѣшнемъ матерьялѣ имѣло свою собственную состоятельность, независимую отъ создавшей его руки; этого же самаго хочетъ и письменность. Мы, правда, можемъ обнаружить наши ощущенія и мысли въ тѣлодвиженіяхъ, но никогда не назовемъ этого мимическимъ письмомъ, а назовемъ мимическимъ языкомъ, не иначе; потому что здѣсь непосредственно сама личность производитъ беззвучныя, какъ въ языкѣ, напротивъ, — звучащія, движенія, и не упрочиваетъ проявляемаго наружу, а тотчасъ же вбираетъ его опять въ себя. Поэтому, если мы говоримъ о мимическомъ языкѣ и никогда не говоримъ о мимическомъ писаніи, значитъ мы безотчетно чувствуемъ что языкъ связанъ съ живой личностью, какъ непосредственное ея выраженье, тогда какъ письмо открываетъ мысль посредственно, чрезъ изображенія ея во внѣшнемъ матерьялѣ; зато она пріобрѣтаетъ этимъ объективную, предметную состоятельность. Стремленіе къ предметности лежащее въ природѣ духа и есть именно основной источникъ всякаго вообще письма. Но хотя начатки его идутъ изъ такой же внутренней необходимости, какой обязанъ своимъ происхожденіемъ и языкъ, однакожь въ выработкѣ письменной передачи господствуетъ гораздо болѣе самосознательное соображеніе, изобрѣта-

ющій и анализирующій смыслъ; а съ употребленіемъ письменъ находится въ тѣсной связи цивилизація, художественная поэзія и проза, безъ которой не могутъ обойтись исторіографія, краснорѣчіе, свободная наука. Вотъ почему Штейнталь называетъ образованіе письменъ однимъ изъ главныхъ первобытныхъ дѣлъ человѣческаго духа; въ письменности видитъ онъ залогъ настоящаго быторазвитія, которое только благодаря ей начинаетъ двигаться свободнѣе, вольнѣе; и не льзя конечно не согласиться съ его вѣрнымъ замѣчаніемъ: «Чтобъ только не вздумали выводить письмо изъ потребностей «вседневнаго обихода; оно измышлено не мелочными лавочниками, а умомъ «жрецовъ и царей.»

Вильгельму Гумбольдту обязаны мы выясненіемъ тѣсной связи письменности съ языкомъ, а также и указаніемъ различныхъ степеней ея развитія. Мы и здѣсь опять поставляемъ на видъ то, что формотворное стремленье духа дѣйствуетъ всегда лишь посредствомъ фантазіи, которой преобладаніе конечно всего ярче выступаетъ въ первоначальномъ единствѣ письма съ изобразительнымъ искусствомъ, но которая господствуетъ еще и въ чистообразномъ письмѣ, и какъ формующая дѣятельность — остается всегда необходимой: наши буквы или письмена всѣ вышли вѣдь изъ ỏбразовъ, изъ рисунковъ.

Мы видѣли что мысль впервые вырабатывается у человѣка въ языкѣ, такъ точно и письмо всегда бываетъ только изображеніемъ облеченной уже въ слово мысли. Тутъ разница выходитъ только въ томъ, хотятъ ли онаглядить самую мысль прямо и непосредственно, или же только передать опредѣленными знаками словесную ея форму, тѣ членораздѣльные звуки въ какихъ она открывается для слушателя. Въ первомъ случаѣ выйдетъ идеографическое письмо, передающее мысль въ лицахъ и ỏбразахъ; въ послѣднемъ — звуковое письмо, передающее словоозначеніе мысли въ буквахъ. Ясно, что потребностямъ слова удовлетворяетъ вполнѣ только звукопись. Усвоеніе языку того или другого рода письменности зависитъ отъ царящаго въ немъ смысла, или отъ духа языка: тамъ гдѣ внутренній этотъ смыслъ расчленяетъ рѣчь въ живую организацію, тамъ онъ хочетъ отвердить въ письмѣ не только звуковые образы, но и определенность, порядокъ, взаимное соотношеніе словъ между собою, чему удовлетворяетъ только буквица; гдѣ же, напротивъ, слово является еще только сплошнымъ чувственнымъ выраженіемъ помысла и заступаетъ собой цѣлое предложенье, или гдѣ внутренній смыслъ языка только сопоставляетъ слова рядомъ наподобіе внѣшнихъ предметовъ, какъ носителей разныхъ свойствъ и дѣятельностей, тамъ достаточно лицевого или ỏбразнаго письма.

И исторически, и по существу дѣла, первою является стало быть идеографическая письменность, и притомъ еще нераздѣльно съ живописью. Все кажущееся ему важнымъ, любой внѣшній или внутренній свой опытъ, человѣкъ передаетъ въ изображеніи цѣлаго событія или иногда единичныхъ предметовъ, точно такъ же какъ созерцательное впечатлѣніе онъ прежде высказывалъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ звукахъ. Скулькрафтъ, въ своей книгѣ о сѣвероамериканскихъ Индѣйцахъ, приводитъ между прочимъ слѣдующій примѣръ такой живописной идеографіи: Два охотника, плывшіе вверхъ по

рѣкѣ, вышли на берегъ, убили тамъ медвѣдя и наловили рыбы. Это была такая вещь, о которой ни одинъ прохожій изъ ихъ племени не долженъ былъ остаться въ безвѣстности; подвигъ изобразили на доскѣ и поставили ее въ видѣ памятника. Проходящій мимо видитъ на ней двѣ лодки съ изображеніемъ на каждой того звѣря который служилъ родовымъ значкомъ охотникамъ, и тотчасъ же узнаетъ что здѣсь приставали къ берегу два человѣка этихъ именно родовъ. Одинъ медвѣдь и шесть рыбъ показываютъ ясно что̀ тутъ совершилось. Штейнталь справедливо усматриваетъ здѣсь такую ступень сознанія, на которой оно нейдетъ еще далѣе единичностей, не раздѣляетъ подлежащаго отъ сказуемаго. Животныя существуютъ для него не сами по себѣ, а единственно лишь ради охоты или ловли: оно мыслитъ ихъ въ одномъ только этомъ отношеніи. Оттого для дикаря вовсе и не существуетъ той возможности многоразличныхъ отношеній между нарисованными предметами, которая мѣшаетъ намъ прямо угадать мысль составителя надписи. Въ нашемъ сознаніи предметы эти лежатъ каждый по себѣ, и каждый способенъ къ многоразличному сопряженію съ другими; въ сознаніи дикаго предметъ часто вовсе не лежитъ въ одиночку, а только въ очень небольшомъ числѣ извѣстныхъ сочетаній, изъ которыхъ каждое, коль скоро наглядно даны двѣ составныя его части, тотчасъ же и предстаетъ сознанію все цѣликомъ. Вотъ почему о̀бразное письмо общепонятно на этой ступени развитія.

Такою именно передачей мысленнаго содержанія являются многія картины въ Египтѣ, въ Ассиріи, въ Мексикѣ: въ чертогахъ и гробницахъ представляютъ онѣ разныя событія людской жизни, и назначеніе ихъ одно, чтобы отвердить, упрочить фактъ и дать возможность прочесть его, а вовсе не то чтобы удовлетворить созерцательный духъ живостью картины; послѣдняя здѣсь только еще средство, а не самоцѣльное созданіе, какъ водится въ свободномъ искусствѣ, гдѣ она наглядно раскрываетъ идею такимъ образомъ, что въ само̀й видимой ея формѣ проступаетъ внутреннее существо, и что то, чего не льзя вполнѣ выразить ни какими словами, передается созерцательному духу непосредственно фантазіей.

Коль скоро изъ среды единичныхъ чувственныхъ ощущеній духъ подымется въ свою собственную сферу, сферу свободы и всеобщности, и сложитъ себѣ представленія изъ которыхъ каждое охватываетъ всегда бездну дѣйствительныхъ предметовъ, онъ даетъ этимъ представленіямъ такого носителя въ словѣ, котораго нѣтъ уже возможности прямо выразить чувственнымъ средствомъ. Представленіе дерева вообще, то-есть и хвойнаго, и сплошь всякаго, не льзя вѣдь передать ни какимъ о̀бразнымъ письмомъ; прійдется родъ замѣнить какимъ нибудь опредѣленнымъ видомъ: такъ у Египтянъ соколъ означалъ всякую вообще птицу, пальма — всякое дерево. Наглядный образъ становится не прямымъ выразителемъ, а только уже знакомъ и носителемъ понятія, условнымъ на него намекомъ; онъ означаетъ собственно не самого себя, а, какъ мы видѣли, гораздо болѣе общее представленье. Этимъ духъ, конечно, удовлетвориться не можетъ, и потребность въ болѣе соотвѣтственномъ способѣ выраженія ведетъ его отъ образнаго письма, прямо передающаго внѣшніе предметы, къ настоящему слово-и звукописанію.

Но сначала онъ останавливается на промежуточной, переходной ступени, гдѣ идеи въ немъ самомъ пробуждаются только естественными еще предметами, а потому состоятъ въ связи съ ними изначала и представляются ихъ же еще формами. Таковъ источникъ символа, являющагося равномѣрно и въ письмѣ, какъ напередъ выступилъ онъ въ языкѣ. Міръ — видимое выраженіе божественныхъ мыслей, природа и духъ вышли изъ одной общей жизнеосновы и вполнѣ другъ другу соотвѣтствуютъ: вотъ отчего искусство есть одухотвореніе чувственнаго и вмѣстѣ очувствененіе духовнаго, такъ что одно сливается съ другимъ, оба соприсносущны и нераздѣльны. Символъ хватается за связь природы съ идеаломъ или за отголосокъ послѣдняго въ природѣ, и этимъ отголоскомъ хочетъ выразить идеальное содержанье; онъ стало-быть не произвольный вымыселъ, а счастливая находка, открытіе; онъ не по условію принимается, а дается естествомъ вещей, аналогіями чувственнаго съ духовнымъ. Протягивая кому либо руку, мы влагаемъ органъ своей дѣятельности въ такой же органъ другаго человѣка, и этимъ единимъ свою волю съ его волею; любовь мы ощущаемъ въ сердцѣ, потому оно и становится символомъ любви; ясное освѣщенье внѣшняго міра надѣляетъ насъ подобіемъ ясности нашего сознанія. Такъ справедливость, надлежащую мѣру во всемъ, Египтянинъ изображалъ символомъ аршина или локтя; такъ два связанныя сердца слывутъ у дикаря знакомъ дружества.

Образное письмо, передавай оно мысли прямо или символически, все еще отрѣшено отъ слова и скорѣе служитъ только его напоминаніемъ. У дикарей есть писаныя любовныя, охотничьи и военныя пѣсни, но ихъ надо знать наизустъ чтобы разобрать эту грамоту; васъ посвящаютъ въ ея тайну не иначе какъ изустной передачей словъ. Представимъ хоть одинъ примѣръ такого рода письменности. Изображеніе человѣка съ крыльями вмѣсто рукъ значитъ: о, еслибъ мнѣ обладать быстротою птицы! воинъ подъ синею звѣздой = смотрю на звѣзду утровѣстницу; вооруженные воины подъ небеснымъ сводомъ, обозначеннымъ дугой = мы готовы положить душу въ битвѣ; орелъ надъ небеснымъ сводомъ = орелъ паритъ высоко; воинъ лежитъ со стрѣлой въ груди = я радъ пасть въ бою заодно съ другими; небесный геній = горніе духи славятъ имя мое въ небесахъ.

Веревочные узлы, точно также какъ и мѣченныя бирки, суть условные знаки произвольно связываемые съ извѣстными мыслями; надо заготовь уговориться насчетъ ихъ значенія; въ сущности же нѣтъ здѣсь ни какой связи между идеею и средствомъ ея выраженія или напоминанья.

Коль скоро языкъ начинаетъ выражать взаимныя отношенія словъ опредѣленною ихъ чередою, даже еще и не означая формально этихъ отношеній особыми словоизгибами, — тогда должно уже явиться желаніе писать слова врозницу, поодиначкѣ. Первичный языкъ былъ односложенъ, потому и словопись была слогописью. Дальнѣйшимъ шагомъ было то, что образъ предмета стали замѣнять его сокращеніемъ, ограничиваясь немногими лишь главными чертами, и что при разнозначительности одного и того же слова, сверхчувственное или болѣе отвлеченное значеніе выражали заурядъ чувственнымъ, такъ наприм. какъ еслибы глаголъ искательствовать мы передали изображеніемъ ищейки. Египтяне понятіе господинъ пишутъ корзиной по-

тому, что слово неб значитъ у нихъ и господинъ, и корзина. Китайское письмо содержитъ въ себѣ по особой фигурѣ для каждаго изъ 450 членораздѣльныхъ звуковъ составляющихъ весь языкъ; но каждый изъ нихъ получаетъ разныя значенія, смотря по тону выговора или по связи съ тѣмъ или другимъ звукомъ; при звуковомъ знакѣ односложнаго слова ставится поэтому фигура той вещи которую въ данномъ случаѣ онъ собственно долженъ означать. Подобно тому и въ англійскомъ языкѣ скорѣе только по письму можно узнать, что̀ собственно хотятъ сказать звукомъ райт,—писать, право, или же наконецъ обрядъ (write, right, rite). Далѣе, и воображеніе, и смыслъ озабочиваются пріисканіемъ средствъ, какъ бы изобразить то чего не льзя ни нарисовать, ни передать символомъ. Для этого соединяютъ вмѣстѣ многіе ясно очертанные предметы, изъ соотношенія которыхъ выходитъ желаемое изображеніе. Египтянинъ означаетъ жажду бѣгущимъ къ водѣ теленкомъ, медъ — сосудомъ съ пчелою, руководительство — рукой вооруженною бичомъ. Особенно анализировали такимъ образомъ бездну представленій Китайцы и ясно изложили здѣсь свои взгляды на природу вещей, главное — на нравственныя понятія. Наказаніе пишутъ они фигурами злодѣйства, судебнаго приговора и меча, страхъ — сердцемъ и бѣлизною, характеръ — сердцемъ и рожденіемъ, мнѣніе — сердцемъ и тономъ, недоумѣніе и любовь — сердцемъ и пряганьемъ. Это прямое подобіе той ступени языка, которая приставляетъ или прицѣпляетъ къ одному слову разныя другія, чтобы выразить особенное его отношеніе.

Та же великая разница, какая существуетъ между неорганическими и органическими или флектированными языками, равномѣрно замѣчается между идеографіей и звукописью. Появленіе обѣихъ—истинно геніальное дѣло духа, всегда стремящагося создать что-нибудь новое. До какой высокой степени должно дойдти чувство рѣчи, для того чтобъ разложить на составныя части каждый звукъ и онаглядить ихъ посредствомъ видимыхъ знаковъ! Развѣ не великимъ было открытіемъ, что слова состоятъ изъ немногихъ въ сущности звуковыхъ элементовъ, на разнообразномъ сопряженіи которыхъ основано все богатство языка, все обиліе членораздѣльныхъ тоновъ? Чѣмъ болѣе изощрялось музыкальное чутье, чѣмъ менѣе звуковое выраженіе становилось безразлично для мысли, тѣмъ болѣе должны были стараться отчетливо его обозначить. Идеографія обращается прямо къ созерцанію и къ смыслу, она должна быть пасиграфіей, то-есть общепонятною грамотой, передающей мысль помимо словеснаго звука, а потому пригодною для разныхъ языковъ; но благодаря этой именно всеобщности, приближающей ее къ музыкальнымъ нотамъ, она неудовлетворительна для точнаго выраженія мысли въ языкѣ. Одна буквица не только что выражаетъ звукъ и мысль такъ же нераздѣльно, какъ неразрывно связаны они въ словѣ, но притомъ способна передать и всѣ тонкіе формовые словоизгибы, обусловливающіе организмъ предложенія. Поэтому она необходимая потребность каждаго органическаго языка и возникаетъ при первомъ стремленіи послѣдняго къ его внѣшней установкѣ.

Вотъ что говоритъ Гумбольдтъ объ идеографическомъ и объ азбучномъ письмѣ: «Индивидуальность словъ, изъ которыхъ въ каждомъ лежитъ нѣчто

«болѣе логическаго его опредѣленія, настолько нераздѣльна со звукомъ, «насколько онъ пробуждаетъ въ душѣ самъ собой свойственное каждому «слову дѣйствіе. Поэтому такого рода знакъ, который гонится за понятіемъ помимо звука, неспособенъ вполнѣ выразить живыхъ словъ. Система «подобныхъ знаковъ передаетъ только отвлеченныя понятія внѣшняго и внутренняго міра; языкъ же предназначенъ заключать въ себѣ самый этотъ «міръ, хотя и обращенный въ мысленные знаки, но со всею неисчерпаемой «полнотой своего пестраго и живого разнообразія.» Гумбольдтъ напоминаетъ кстати что вѣдь и при идеографическомъ письмѣ уму предносятся не безсловныя понятія, что звукъ остается не безъ вліянія въ этомъ смыслѣ и здѣсь, и что идеографія по большой части употребляется точно такъ же какъ и звукопись: люди механически затверживаютъ соотвѣтственные словамъ знаки, не обращая ни какого вниманія на логическій ключъ ихъ образованья. Но какъ между тѣмъ все-таки есть возможность прослѣдить значеніе и взаимную связь знаковъ по понятіямъ, составлять мысли прямо, помимо звука, то письмо становится черезъ это какъ бы самобытнымъ уже языкомъ и ослабляетъ естественно-полное и чистое впечатлѣніе настоящей народной рѣчи. «Съ одной стороны хочетъ оно освободиться отъ языка во «обще, или по крайней мѣрѣ отъ опредѣленнаго и даннаго, а съ другой — «естественное выраженіе всякой рѣчи, звукъ, подмѣняетъ другимъ средствомъ, нагляднымъ созерцаніемъ. Оно идетъ стало-быть наперекоръ инстинктивному чутью слова въ человѣкѣ, и чѣмъ болѣе въ томъ преуспѣваетъ, тѣмъ болѣе разрушаетъ индивидуальность словознаменованія, которое «хотя и не лежитъ въ одномъ только звукѣ, однакожь тѣсно связано съ «нимъ тѣмъ особеннымъ впечатлѣніемъ, какое неоспоримо производитъ каждое опредѣленное сочетаніе членораздѣльныхъ тоновъ. Стремленіе стать «независимо отъ всякаго опредѣленнаго языка должно дѣйствовать на самый «духъ зловредно и опустошительно, такъ какъ вѣдь мышленіе безъ рѣчи совершенно невозможно.»

«Буквица свободна отъ этихъ недостатковъ, будучи простымъ обозначеніемъ звуковыхъ знаковъ мысли, не развлекая ума ни какимъ стороннимъ «понятіемъ, вездѣ сопровождая языкъ, но не заслоняя его собою и даже «не становясь съ нимъ обруку, не вызывая ни чего кромѣ звука, и потому «соблюдая ту іерархическую зависимость, всилу которой мысль должна возбуждаться звуковымъ впечатлѣніемъ, а письмо отверждать ее не на свой «собственный ладъ, но только въ этомъ именно опредѣленномъ видѣ. Такимъ тѣснымъ примкновеніемъ къ своеобразной природѣ языка, она усиливаетъ его дѣйствіе, отрекшись разъ навсегда отъ блестящихъ навидъ преимуществъ нагляднаго образа и непосредственной живописи понятій. Она «не нарушаетъ чисто-мысленной природы рѣчи, а напротивъ еще подкрѣпляетъ ее трезвымъ, сдержаннымъ употребленіемъ въ дѣло разныхъ незначительныхъ по себѣ чертъ; она очищаетъ и возвышаетъ ея чувственное «выраженіе разлагая на основныя части тотъ звукъ который въ говорѣ «выходитъ слитнымъ, онагляживаетъ взаимную связь этихъ частей между «собой и совокупленіе ихъ въ слово или реченіе, и отверждая все это для «глазъ, благотворно воздѣйствуетъ и на устную рѣчь, на рѣчь слышимую, «а не зримую.»

При разборѣ нѣсколькихъ царскихъ именъ мы впервые узнали что Египтяне, рядомъ съ прямо живописнымъ и символическимъ способомъ изображенія, употребляли при своихъ іероглифахъ и буквицу; да она по всей вѣроятности и дѣйствительно впервые введена для передачи собственныхъ именъ. Выставить подобное начало было однимъ изъ такихъ дѣлъ, которыя отнюдь не объяснимы процессомъ постепеннаго развитія, но которыя, хотя конечно подготовленныя и настоятельно требуемыя временемъ, предполагаютъ для своего осуществленія истинно творческую личность. Слово разложили тогда на звуковые его элементы, и каждый изъ нихъ обозначили предметомъ въ имени котораго первымъ слышится этотъ звукъ; такимъ образомъ *л* пришлось бы наприм. обозначить по-русски львомъ, *д*—домомъ. Въ древнѣйшемъ культурномъ краѣ міра совершонъ и этотъ важный шагъ къ болѣе удовлетворительной письменности; и какъ вслѣдъ за Египтянами носителями образованія явились Симиты, то они и выработали азбучное письмо далѣе. Ассирійское клинообразное письмо обозначаетъ слоги фигурами, которыя составляются изъ различно расположенныхъ клиньевъ; этимъ завершилась очень древняя и отлично проведенная система условныхъ знаковъ; ее употребляли на памятникахъ; для житейскаго же обихода удобнѣе была финикійская азбука, основанная на египетскомъ началѣ, передавать звукъ образомъ начинающагося съ него слова, что и донынѣ видно изъ названія буквъ: а л е́ ф ъ значитъ быкъ, б е т ъ — домъ, г и м е́ л ь — верблюдъ и т. д.; но вмѣсто цѣлаго предмета писали только его сокращеніе, наприм. одну лишь голову быка, одинъ внѣшній очеркъ дома, одну шею верблюда, или его горбъ, да и это отвердилось впослѣдствіи обычаемъ въ простыя, чисто условныя уже черты. Изобрѣтенье Симитовъ перешло къ Арійцамъ, и эллинскій геній поступилъ съ нимъ точно такъ же, какъ и со всѣмъ вообще восточнымъ преданіемъ: онъ принялъ его, но запечатлѣлъ своей умственной мощью и свободою, сдѣлалъ изъ чисто-національнаго всемірнымъ; при этомъ онъ откинулъ нѣкоторыя звукоозначенія, а другія, напротивъ, прибавилъ. Римляне въ свою очередь поступили съ греческимъ алфавитомъ точно такъ же какъ и съ греческимъ искусствомъ: они усвоили его съ небольшими отмѣнами, сами распространили по всей землѣ и за тѣмъ передали потомству. Индійскіе Арійцы съ одной стороны и Арабы съ другой развили первобытный алфавитъ самостоятельно далѣе, но какъ европейское письмо способно выражать и азіатскія нарѣчія, то оно становится мѣрopoложнымъ для всѣхъ тѣхъ народовъ, которые принимаютъ просвѣщеніе отъ Яфетидовъ. Такъ-называемое готическое или нѣмецкое письмо — наслѣдіе монашеской угловатой латинки, которая повсюду распространилась на Западѣ подконецъ Среднихъ Вѣковъ, но давно уже оставлена бо́льшею частію племенъ этой части Европы, и даже у самихъ Нѣмцевъ нерѣдко уступаетъ мѣсто древнѣйшему и вмѣстѣ красивѣйшему кругловатому почерку. Въ структурѣ греческаго глагола Бунзенъ находитъ то же самое чувство красоты, какимъ вѣетъ на насъ съ высотъ Парѳенона или отъ Фидіева Зевса; послѣ этого и мы въ полномъ правѣ сказать, что подобно тому какъ Эллада впервые выставила въ чистой формѣ все гуманное, все достойное человѣка, она же придала и восточному письму его человѣчественный характеръ. И только благодаря этому сдѣлалось оно способнымъ вполнѣ отвѣчать богатству и тонкости любого языка.

Мы подмѣтили въ образованіи письменности такія же ступени какъ и въ развитіи языка; спросимъ теперь, какое вліяніе испытываетъ самъ органическій языкъ отъ удовлетворяющей его азбуки. Вопервыхъ звуковые элементы, благодаря точному ихъ различію, получаютъ чистую и отчетливую форму; человѣкъ усматриваетъ ясно что онъ произноситъ звукъ по настроенію души своей, своею собственною волей, и съ усѣченіемъ неопредѣленности того смутнаго еще шума, какой слышенъ въ дикомъ говорѣ, каждый звукъ ясно отграничивается отъ другихъ, а вслѣдствіе того не только органы рѣчи, но и ухо навыкаютъ къ опредѣленности и тонкости. В. Гумбольдтъ безъ преувеличенія могъ присовокупить здѣсь что алфавитъ открываетъ народу новое, ближайшее знакомство съ природой его рѣчи. «Членораздѣльное произношеніе составляетъ сущность языка который былъ бы безъ «него просто невозможенъ; но понятіе расчлененія простирается вѣдь на «всю его область, даже и туда гдѣ дѣло идетъ вовсе не объ одпихъ звукахъ: стало-быть стремленіе отвердить, онаглядить членораздѣльный звукъ «должно быть въ самой тѣсной связи съ первичною нормальностью и съ по«степеннымъ развитіемъ чувства и смысла рѣчи». Только азбучное письмо способно отвердить въ словѣ чувственно-духовную сущность языка, стройный приладъ звука къ помыслу и совнѣдреніе ихъ воедино; этимъ придаетъ оно прочную устойчивость зыбкой и измѣнчивой струѣ устной рѣчи; оно связываетъ настоящее и будущее съ прошедшимъ, и тѣмъ удовлетворяетъ историческому смыслу на которомъ основано поступательное развитіе культурныхъ племенъ, въ противоположность къ постоянному кругообороту природы или къ совсѣмъ безпамятной жизни дикаря вѣчно повторяющаго только привычныя отправленія своего быта, или наконецъ къ тѣмъ внезапнымъ вспышкамъ и столь же быстрымъ упадкамъ движущихъ силъ, какими удивляютъ насъ иногда туранскіе кочевники. Въ то же время азбучное письмо не прочь и отъ нововведеній; оно гибко приноравливается къ перемѣнамъ звуковъ по мѣрѣ естественнаго роста языка и дозволяетъ ему двигаться съ нужнымъ звукоизмѣненіемъ впередъ поверхъ первоначальнаго наслоя.

Алфавитное письмо стоитъ въ логической связи съ расчлененіемъ самой рѣчи; оно вѣдь раздѣленіе и сочетаніе, различеніе и соотнесенье, оно способно выразить даже флексію (любой словоизгибъ) и этимъ много содѣйствуетъ изощренію нашего къ ней смысла. Оно хранитъ и блюдетъ то, что̀ въ устахъ народа давно бы уже затерлось, давно утратило бы діалектическую свою особенность, и когда мы назовемъ языкъ письменнымъ, мы знаемъ какъ много новаго заключаетъ въ себѣ это слово: письменный языкъ — языкъ образованія, гражданственности, языкъ установляющій все законное, все полнѣе развернувшееся, все изящное, — изъ разнообразія мѣстныхъ говоровъ чутко выбирающій только то, что̀ дѣйствительно можетъ почесться общенароднымъ достояньемъ. Поэтому у всякаго значительнаго народа, онъ, помимо племенныхъ его различій, становится средствомъ общенія для всѣхъ, сподручнымъ орудіемъ и для художественныхъ созданій, и для научныхъ изслѣдованій.

Наконецъ то, что̀ сказано Гумбольдтомъ о ритмѣ и его связи съ алфавитнымъ письмомъ, совершенно уже переноситъ насъ въ эстетическую об-

ласть. «Чистое и полное произношеніе звуковъ, отдѣленіе каждаго изъ нихъ «отъ другихъ, тщательное вниманіе къ свойственной каждому разности, въ «высшей степени необходимы тамъ гдѣ самое правило распорядка между «ними дается ихъ взаимнымъ соотношеніемъ. Конечно, ритмическая поэзія «существовала у всѣхъ рѣшительно народовъ до введенія какого бы то ни «было письма, у иныхъ былъ даже правильный размѣръ слоговъ, правильное «стопосложеніе, а у нѣкоторыхъ, надѣленныхъ особенно счастливою орга«низаціей, это достигало притомъ и отличной выработки. Но послѣдняя без«спорно должна была много выиграть благодаря новому подспорью алфавита, «а до появленія его сама эта выработка обличаетъ уже такое чутье свой«ства различныхъ словозвуковъ, что въ сущности не доставало ему только «внѣшнихъ знаковъ, буквъ, подобно тому какъ и въ другихъ своихъ стрем«леніяхъ человѣкъ часто долженъ ожидать пока случай доставитъ ему чув«ственное выраженіе для тѣхъ мыслей которыя онъ уже давно носилъ въ душѣ «своей. При оцѣнкѣ вліянія азбучнаго письма на языкъ отнюдь не надо терять «изъ виду что вѣдь и въ первомъ есть свои двѣ стороны,—различіе членораз«дѣльныхъ звуковъ между собой и потомъ ихъ внѣшніе знаки. Гдѣ еще и до «обладанія алфавитными знаками, благодаря необыкновенной словоспособности «народа, подготовилась и возникла внутренняя подмѣта членораздѣльныхъ «звуковъ (эта какъ бы духовная сторона азбуки), тамъ и до образованія ал«фавитнаго письма народъ уже пользуется частью его преимуществъ. Вотъ «отчего такіе слогоразмѣры, которые какъ греческій гекзаметръ или какъ «шестнадцатисложный стихъ санскритскихъ слокъ дошли до насъ изъ глубо«чайшей древности и доселѣ очаровываютъ наше ухо уже однимъ своимъ «благозвучнымъ паденіемъ, — вотъ отчего они могутъ почесться еще вѣр«нѣйшими, убѣдительнѣйшими доказательствами глубокой и тонкой словочут«кости двухъ этихъ народовъ нежели самые даже остатки ихъ поэмъ. Вѣдь «какъ поэзія ни близко сродни языку, все же она испытываетъ на себѣ со«вокупное дѣйствіе разныхъ духовныхъ способностей; тогда какъ попасть на «стройную плетеницу короткихъ и длинныхъ слоговъ, — это показываетъ «такое чувство языка въ настоящей его своеобразности, такую чуткость «слуха и души къ различнымъ соотношеніямъ членораздѣльныхъ звуковъ, «что человѣкъ является способнымъ не только различить каждый изъ нихъ «въ перепутанной связи его съ другими, но и всегда точно опредѣлить, вѣр«но распознать относительный его вѣсъ».

Трудно представить себѣ чтобы гомеровскій гекзаметръ выработался помимо вѣрнаго различенія звуковыхъ элементовъ. Хотя музыкальная словочуткость могла, положимъ услаждаться непроизвольнымъ ритмическимъ изліяніемъ и повторять его потомъ умышленно; хотя уже и древніе Греки говорили что сама природа научила ихъ героическому стиху, и онъ является естественнопрекраснымъ цвѣтомъ звуковыхъ соотношеній греческой рѣчи: тѣмъ не менѣе, безъ яснаго уразумѣнія различныхъ элементовъ звука, безъ надлежащей оцѣнки гласныхъ и согласныхъ, какую предполагаетъ всегда-умѣстное ихъ появленіе, нѣтъ возможности понять художественную и утонченную выроботку гекзаметра, его строгомѣрную свободу, его законность, предоставляющую однакожь полный просторъ разгулу индивидуальнаго вдохновенія. Такъ точно врожденное чувство само по себѣ можетъ тѣшиться и услаж-

даться аллитераціями *, но для построенія на нихъ срочно повторяющагося стиха, какъ дѣлалось въ старонѣмецкой поэзіи, потребно уже такое сознаніе свойствъ рѣчи, которое дошло до разложенія на буквы самыхъ словъ. Когда распознали и выдѣлили въ нихъ первый звукъ, то далеко ли уже было до того чтобы придумать для него особый знакъ въ рунѣ, и изъ подобныхъ знаковъ составлять новыя опять слова.

Народная поэзія возможна и безъ всякаго письма, а сложеніе народныхъ былинъ даже обыкновенно предшествуетъ литературѣ; но какъ скоро поэзія становится положительно искусствомъ, она требуетъ уже письменности. Гомеромъ можно обозначить подобный переходъ. Я отнюдь не думаю чтобы онъ самъ записалъ Иліаду и Одиссею, потому что отъ начертанія какой-нибудь отдѣльной надписи до списанія многихъ тысячъ стиховъ — громадный шагъ; разныя метрическія вольности конечно приходилось поправлять въ устномъ произношеніи (пѣвучемъ), да пожалуй и самый выговоръ греческаго языка измѣнился къ тому времени, когда впервые записаны Гомеровы поэмы: дигамма прежде выговаривалась и играла въ стихосложеніи свою роль, но не нашла уже себѣ мѣста ни въ одной рукописи, потому что впослѣдствіи вовсе и не слышалась. За всѣмъ тѣмъ я не могу себѣ представить чтобы гомеровскій стихъ могъ дойдти до столь совершенной выработки въ такую пору когда о буквахъ не имѣли еще понятія, хотя готовъ допустить что отдѣльныя пѣсни нарождались у Гомера живою импровизаціей и ввѣрялись потомъ точно повторяющей памяти. Тогда какъ для сложенія Пиндаровской строфы поэту уже надо было имѣть ее передъ собой въ совокупности, а для художественной выработки драмы тѣмъ менѣе можно было обойдтись безъ помощи письма. Имъ вѣдь только отверждаются отдѣльныя части сочиненія, оно одно даетъ возможность пересматривать работу по мѣрѣ ея хода, передѣлывать подробности соображаясь съ цѣлымъ, и наконецъ изящно построить это обдуманное цѣлое, съ соблюденіемъ полной соразмѣрности частей и взаимнаго соотношенія между всѣми его членами. Вѣдь единство гомеровскаго эпоса скорѣе подобно многолистному вѣнцу дерева, гдѣ растительная сила одинаково выгоняетъ вѣтви во всѣ стороны и гдѣ частности сводятся одна съ другою простымъ врожденнымъ чувствомъ красоты; тогда какъ замкнутое въ себѣ единство драмы или вообще всякаго искусственно-поэтическаго созданія, подходящее ближе къ животному организму, можетъ сливать предыдущее съ послѣдующимъ, какъ кровь течетъ по артеріямъ и венамъ, въ томъ только случаѣ, если всѣ части лежатъ наготовѣ съ полной ясностью, а для этого необходимо пособіе письма.

Народный поэтъ создаетъ такъ-сказать изъ духовной цѣлины своего народа, онъ не чуетъ въ себѣ личнаго, особеннаго содержанія, онъ заготовь увѣренъ въ сердечномъ участіи своихъ слушателей и благонадежно передаетъ свои картины ихъ сочувственно-пріимчивой душѣ; но повторяющій его произведенія властенъ подбавить къ нимъ и своего, или откинуть чтò найдетъ неподходящимъ, излишнимъ, потому что онъ и самъ живой органъ того цѣ-

* Употребленіемъ словъ начинающихся съ одной и той же буквы, которое особенно свойственно древнегерманскимъ и скандинавскимъ нарѣчіямъ.

лаго, которое дѣятельно въ созданіи этихъ произведеній. Кто, напротивъ, захочетъ поэтически выразить свою отмѣнную отъ другихъ индивидуальность, кто захочетъ изложить свое особенное міровоззрѣніе, тотъ долженъ напередъ снискать участіе къ своему поэтическому созданью, долженъ наложить на него неизгладимую печать своей личности: вотъ почему всякая искусственная поэзія предполагаетъ уже существованіе письма, и письмо приводитъ къ ней одареннаго фантазіей генія. Солонъ и Периклъ, въ качествѣ народныхъ ораторовъ, такъ же непосредственно могучи какъ Гомеръ въ своихъ пѣсняхъ; а ораторское искусство Исократа и Демосоена очевидно опирается уже на письмо.

Еще Августъ Вольфъ справедливо замѣтилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Гомерѣ, что употребленіе письма въ житейскомъ обиходѣ ведетъ къ прозѣ и ея выработкѣ и стало-быть совпадаетъ съ началомъ прозаической литературы. Тутъ только начинаютъ записываться событія, какъ они дѣйствительно произошли, а уже не предоставляются полуфантастической обдѣлкѣ устнаго преданія, сказанья, такъ что съ тѣхъ именно поръ послѣднее и смѣняетъ исторія. Историческое изложеніе опирается на письменные документы, и ясная историческая жизнь начинается только тогда когда войдетъ въ общее употребленіе письменность. Великіе правоурядцы Ликургъ и Солонъ письменно излагаютъ свои постановленія, и къ правообычаю присоединяется тогда законъ. Благодаря письму, всѣ государственные порядки, всѣ уставы, права жизни частной и общественной, получаютъ свою твердую, объективную форму, и въ формѣ письменнаго договора всякаго рода сдѣлки пріобрѣтаютъ себѣ надежное основаніе. Теперь для каждаго единичнаго лица открывается возможность дѣйствовать своимъ точно-выраженнымъ мнѣніемъ уже и изъ-дали. Теперь одно поколѣніе такъ завѣщаетъ добытки свои другому, что писаное слово сохраняется уже не только въ памяти того или другого лица, но въ памяти всего человѣчества, и сущность его переживаетъ безущербно цѣлые вѣка. То обстоятельство, что мѣрная, метрическая связь придаетъ словамъ безпередвижное положеніе, и что ритмически - сложенная рѣчь неизмѣннѣй врѣзывается въ умъ слушателя, конечно было одною изъ причинъ почему въ древности употреблялся обыкновенно стихъ для изложенія религіозныхъ и научныхъ понятій. Письмо, сообщивъ одинаковую или же еще бо́льшую благонадежность преданію, доставило наукѣ полную свободу въ выборѣ словъ, смотря и по предмету, и по степени познанія; а художественный смыслъ могъ самоувѣреннѣе обратиться теперь къ широкимъ цѣлостнымъ произведеніямъ, подобно тому какъ прежде отъ поэзіи одного слова онъ перешелъ къ поэзіи стиха, подвигаясь съ каждымъ шагомъ далѣе въ образахъ и ритмахъ. Поэзія стало-быть не потеряла, а выиграла отъ письменности, и то, что было цѣлью творческой фантазіи на раннихъ ея ступеняхъ, не исчезло и на высшихъ: оно только сдѣлалось средствомъ и матерьяломъ для строгохудожественной обдѣлки болѣе объемистыхъ созданій.

ДИКАРИ И ПОЛУДИКІЕ НАРОДЫ.

Человѣкъ вмѣстѣ и духъ и природа: поставленный въ среду неизмѣннаго кругооборота жизни и тѣлесною стороной подлежа законамъ вещества, онъ въ то же время чувствуетъ себя внутренно началомъ самосильной воли которое должно осуществиться собственною дѣятельностью, выработать то что заложено въ немъ изначала, идти путемъ самоусовершенія. Въ разности половъ предстаетъ то замѣчательное соотношеніе, что у женщины перевѣшиваетъ природа, избытокъ безсознательно-творящей и сердечной жизни, у мужчины, напротивъ, — духъ, понимающее само себя и весь міръ мышленіе, вслѣдъ за которымъ идетъ дѣло; въ разности народовъ представляется намъ противоположность между неразвитыми, первичными, и тѣми, которые носятъ имя историческихъ. Одни зависятъ отъ вліянія внѣшняго міра, пользуются тѣмъ что онъ имъ предлагаетъ, дѣлаютъ то къ чему онъ вынуждаетъ ихъ; они повинуются своимъ впечатлѣніямъ и становятся игралищемъ перемѣнныхъ чувствъ; какъ повторяется всегда съизнова завѣтная череда временъ года, такъ и они живутъ безъ большихъ отступленій все на одинъ и тотъ же ладъ, привычныя созерцанія и нравы сдѣлались для нихъ второй природою, и они безотвѣтно покорны ея владычеству. Напротивъ того историческіе народы своимъ личнымъ трудомъ обращаютъ естественныя отношенія въ условія быторазвитія, культуры; существо духа — свобода, онъ самъ опредѣляетъ пути свои и хочетъ заявить свою силу въ мірѣ, хочетъ знаніемъ и дѣломъ покорить его своему владычеству, хочетъ въ немъ изобразиться. Мѣсто праздполюбія и желанія насладиться текущею минутой заступаетъ здѣсь забота о будущемъ; она безпрестанно поощряетъ къ новой дѣятельности, и народы несутъ заклятіе труда, ѣдятъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, но зато и пожинаютъ плоды работы, вполнѣ развивая данный имъ запасъ силъ, постепенно приближаясь къ самозознательному образованію, обрѣтая надежную опору въ самихъ себѣ и порождая настоящую исторію своимъ постепеннымъ восхожденіемъ все къ высшимъ идеямъ и формамъ жизни.

Этотъ почетно-тяжкій жребій выпадалъ донынѣ однимъ бѣлымъ, людямъ такъ-называемой кавказской породы, которыхъ поэтому, въ отличіе отъ цвѣтныхъ, болѣе лишь страдательныхъ людей, и прозвали дѣятельными по преимуществу: но конечно установившаяся эта разность шатка и непостоянна. Положимъ, природа и духъ соотносятся между собой какъ бытіе косное и бытіе дѣятельное, подвижное; но вѣдь совершеннаго покоя нѣтъ нигдѣ, такъ какъ по своей полнѣйшей неопредѣленности (безцѣльности) онъ былъ бы уже чистой смертью, а всякое дѣятельное бытіе есть необходимо развитіе и движеніе чего-то самосущаго. Поэтому и у природы есть своя исторія; вещественный міръ проявляется только благодаря живымъ силамъ, которыя строго-законнымъ и дружнымъ своимъ дѣйствіемъ безпрерывно производятъ новыя и новыя явленья; сама наша Земля въ теченіе милліоновъ лѣтъ пріобрѣла ту форму которая дѣлаетъ ее пригодною для людского жительства. Поэтому же въ свою очередь и духъ имѣетъ свои твердо опредѣленныя основы, свое необходимое существо, свои ненарушимые порядки. И какъ Земля въ своемъ ходѣ вокругъ Солнца никогда не возвращается на прежнія мѣста, потому что, пока она описываетъ свой эллипсисъ, въ то время успѣло уже продвинуться само Солнце, и стало-быть линія ея пути выходитъ не горизонтальною, а спиральною, винтовою; такъ точно, съ другой стороны, исторія, при всей существенной ей подвижности, неослабно хранитъ связь временъ и поколѣній: каждый человѣкъ всегда вѣдь долженъ начинать съизнова, центральныя начала всегда управляютъ любымъ движеньемъ, и личности смѣняютъ одна другую въ постоянномъ кругооборотѣ рожденій и смертей; слѣдовательно и здѣсь прогрессъ идетъ не по прямой линіи, а по спирали, кольцами, расширяющимися около средоточія, восходящими по оси и вокругъ нея.

Народы, надѣленные бо́льшею силой образованья, не выходятъ оттого ни нравственно-благороднѣе, ни счастливѣй; вѣдь съ тончайшими усладами жизни нераздѣльны прискорбнѣйшія по нихъ томленія, глубокое, грызущее чувство ихъ недостатка, многоразличныя духовныя борьбы, и чѣмъ выше прелести окружающей среды, тѣмъ сильнѣйшими становятся онѣ соблазнами. Культура безъ освѣженія природой замираетъ. Одухотворяя народовъ страдательныхъ, народы дѣятельные сами укрѣпляются силами, а тѣ, вызванные ими къ новой жизни, вступаютъ въ процессъ общечеловѣческаго развитія. Мы стоимъ теперь вначалѣ такого періода которому задачей выпало именно это взаимное соприкновеніе племенъ. По извѣстнымъ группамъ простобытныхъ дикарей мы можемъ изучить тѣ раннія ступени жизни надъ которыми создаетъ свое царство исторія, точно такъ же какъ минувшія эпохи сложенія земли обнаруживаются намъ въ различныхъ пластахъ, которые внутри ея залегаютъ одинъ надъ другимъ, а при прорывахъ, поднятіяхъ и провалахъ располагаются на ея поверхности бокъ-о-бокъ.

Историческій человѣкъ воздѣлываетъ природу; пашня даетъ ему твердую опору и поддержку въ землѣ, а переходя въ его собственность становится условіемъ дальнѣйшаго правоi развитія; плодъ поля есть вмѣстѣ и плодъ его дѣятельности, онъ видитъ что достигъ въ немъ той цѣли какую самъ поставилъ природѣ своей волею. Человѣкъ первобытный или дикарь,

напротивъ, вполнѣ зависитъ отъ природы, получая отъ нея только то что она предлагаетъ ему сама собой. Бытъ его складывается смотря по жительству его — въ лѣсу, на берегу или въ степи, смотря по тому чѣмъ онъ добываетъ себѣ пищу и одежду. Но съ этимъ неразлученъ уже прогрессъ духовной жизни.

Преизбытокъ тропической полосы не вызываетъ рабочей силы человѣка, а знойные жары невольно разслабляютъ его и заставляютъ дорожить покоемъ; полярный поясъ изводитъ напротивъ самую жизнь всегдашнею заботой о средствахъ существованія; въ одномъ лишь умѣренномъ климатѣ человѣкъ не изнемогаетъ передъ природой, а только наводится ею на трудъ и смѣняющій его досугъ. Крайне расчлененная, многобережистая Европа, занимая центральное положеніе среди другихъ частей свѣта, сдѣлалась вмѣстѣ съ примыкающими къ ней окраинами этихъ странъ средоточіемъ исторіи; всѣ прочія и донынѣ представляютъ еще обиталища дикихъ и полудикихъ.

Религіозное чувство, нравственныя понятія различающія добро отъ зла, совѣсть, зачатокъ познавательныхъ стремленій замѣтный въ попыткахъ истолковать себѣ явленія и общую міровую связь ихъ, вмѣстѣ съ чутьемъ къ красотѣ, все это такъ существенно лежитъ въ основѣ человѣческаго характера, что встрѣчается намъ и у всѣхъ первичныхъ народовъ.

Для Индѣйцевъ лѣсистыхъ южныхъ странъ дерево — и кормилецъ, и вмѣстѣ защитникъ отъ дождя и солнечнаго зноя; подъ листвой пальмъ гнѣздятся они какъ птицы, живя цѣлыми семьями на своихъ рогожныхъ койкахъ и гоняясь съ лукомъ и стрѣлой за лѣсными животными. Въ сѣверной Америкѣ живутъ они болѣе ордами. На той же ступени стоятъ многія южно-африканскія племена.

Въ религіи царитъ здѣсь первобытное чувство какой-то таинственно могучей темной власти: страхъ передъ громомъ и молніей ведетъ къ чествованію распоряжающаго ими существа, но до умственно-яснаго или даже фантазійнаго представленія божественной идеи дѣло еще не доходитъ. Носителями ея слывутъ прямо или сильныя, или необычныя естественныя вещи; рѣка, огонь, чудовидная скала, небесныя свѣтила глядящія съ постоянной ясностью на измѣнчивость всего земного, животныя такъ самоувѣренно послушныя своему инстинкту, указываютъ человѣку на какую-то мощь внѣ его, и онъ прививаетъ къ нимъ зарождающуюся въ душѣ его мысль безконечнаго. Какъ самъ онъ, если и не сознаетъ, то по крайней ощущаетъ свое внутреннее бытіе, какъ самъ онъ чувствуетъ желанія, преслѣдуетъ цѣли, такъ онъ представляетъ себѣ и дѣйствующія во внѣшнемъ мірѣ силы, и поклоняется собственно не осязаемому или видимому предмету, но тому духовному существу которое предполагаетъ въ немъ дѣйствующимъ. Нужда учитъ молитвѣ; всего ближе наводятъ на нее тѣ напасти и бѣды, отъ которыхъ человѣку желательно избавиться или предохраниться, и которыхъ содѣтеля хочетъ онъ примирить съ собой и склонить на милость. Эти духовно мыслимыя власти природы остаются пока безформными. Нѣкоторую ближайшую опредѣленность получаютъ онѣ только съ тѣхъ поръ, какъ онъ прививаетъ къ нимъ надежду на собственное безсмертіе: онъ представляетъ себѣ что грозной бурей или кроткимъ дыханіемъ весны вѣетъ не кто иной какъ духи

усопшихъ; они становятся для него геніями природы; но надъ всѣми царитъ великій духъ, глава незримыхъ силъ, геній-хранитель всего рода-племени. Онъ властвуетъ надъ людьми въ небесахъ, само небо—наглядное его проявленіе, судьба всѣмъ располагающая по справедливости — дѣло его воли и его рукъ. Въ этомъ вѣрованіи, при всей преданности людей чувственнымъ вещамъ, при всемъ произволѣ воображенія, они тѣмъ не менѣе ощущаютъ ту органическую цѣлость, въ которой всѣ явленія обусловлены одною высшей волею и всѣ состоятъ во взаимной связи, почему каждое изъ нихъ способно дѣйствовать на другое, одни могутъ познаваться изъ другихъ; оттого стоящіе на этой ступени народы заключаютъ по треску пламени, по шуму вѣтра, по полету птицъ, по положенію звѣздъ небесныхъ, о волѣ божіей, о томъ что̀ предстоитъ человѣку въ будущемъ. Страдательному поколѣнію впрочемъ и свойственна наклонность вступать въ общеніе съ духомъ или съ ду́хами не путемъ мышленія и воли, но путемъ беззавѣтной отдачи своего собственнаго бытія; понятно, если во снѣ оно слышитъ гласъ свыше, если, отуманивъ свое самосознаніе, оно мнитъ себя въ непосредственной власти божества, и думаетъ что именно тогда, съ прямой его помощью, оно можетъ дѣйствовать и на внѣшнія вещи. Способные къ тому люди, сами себя признающіе или же другими признаваемые за способныхъ, становятся, въ качествѣ вѣдуновъ, посредниками между народомъ и вышними силами; погода, разныя перемѣны съ человѣкомъ, всякія болѣзни, бѣды, все причиняется духами, и вѣдунъ съ помощью послѣднихъ норовитъ подѣйствовать на первыя; онъ вмѣстѣ и жрецъ и врачъ, а употребляемыя имъ цѣлительныя средства слывутъ настоящими орудіями духовной силы.

Преданіе собственнаго произвола богу, какъ основа всякаго вообще вѣрованія, откровеніе безконечнаго въ конечномъ, совмѣстное дѣйствіе божескаго начала съ человѣческимъ при вдохновеніи, какъ и во всякой высшей дѣятельности, все это здѣсь чается, предчувствуется, на все это есть по крайней мѣрѣ грубые чувственные намеки. И что же, если не дѣтское проявленье вѣры въ господство нравственнаго міропорядка даже и надъ природою, побуждаетъ Африканца прибѣгать къ суду божію тамъ гдѣ человѣческій смыслъ безсиленъ рѣшить вопросъ о винѣ или безвинности? когда подозрѣваемый долженъ держать въ рукѣ раскаленное желѣзо и выпить ядъ, въ убѣжденіи что невинному все безвредно? когда на островѣ Тонга обвиняемому, чтобы оправдать себя, довольно прикоснуться къ чашѣ со святой водой, такъ какъ всѣ увѣрены что онъ умретъ, дотронься онъ до нея нечистою рукою?

О созданіи міра здѣсь еще не говорятъ; божественное просто живетъ въ природѣ; она точно такъ же проявленіе духовъ, какъ и душа человѣка воплощена въ тѣлѣ. Но намъ встрѣчается уже представленіе что земля поднята изъ глуби водъ великаномъ птицей, которая изъ глазъ мечетъ огонь, а боемъ крыльевъ издаетъ громы; въ другихъ краяхъ есть повѣрье что землю выудилъ изъ бездны какой-то рыбакъ.—Будущая жизнь является по большой части просвѣтленнымъ только продолженіемъ настоящей, такъ что человѣкъ наслаждается тамъ совершеннымъ счастіемъ, внѣшній и внутренній міръ вполнѣ отвѣчаютъ другъ другу, и покойникъ тамъ какъ у себя дома. Тамъ царитъ весна и молодость; чувственное воображеніе охотника подсказыва-

етъ ему что у оленя тамъ снова наростаетъ мясо вырѣзанное у него изъ лопатки пастухомъ; рыбакъ убѣжденъ, въ свою очередь, что бобръ будетъ самъ подставлять ему свой пушистый хвостъ, который, только что его отрѣжешь, скоро опять выростетъ; а воинъ, — что у него тотчасъ заживутъ всѣ раны, какія бы ни потерпѣлъ онъ въ безболѣзненномъ бою. Оттого людямъ и желательно взять съ собою на тотъ свѣтъ оружіе, любимыхъ животныхъ, женъ и даже слугъ, чтобы все это было подъ рукою; въ Новозеландіи и въ Дагомеѣ устроиваютъ на могилѣ царей страшныя человѣческія жертвы вовсе не для очищенія грѣховъ, а единственно лишь съ тѣмъ чтобы владыка не нуждался ни въ наложницахъ, ни въ прислугѣ. Съ этимъ-то и связано то представленіе что божественныя и духовныя силы должны имѣть форму, и притомъ именно человѣческую, такъ какъ человѣкъ присоединяется къ нимъ по смерти, и отсюда заключаютъ что они должны быть ему подобными.

Никто еще не пытается изобразить боговъ; но первый матерьялъ, первое указаніе для такой работы поэтическій и художественный талантъ найдетъ въ человѣческой тѣлесности. Человѣкъ вступаетъ въ жизнь нагимъ. Какъ самое тѣлосложеніе предназначаетъ его къ прямой, вертикальной поступи, и какъ тѣмъ не менѣе послѣдняя всеже остается подвластна его волѣ, такъ точно предназначено ему дойдти собственнымъ умомъ и до изготовленія себѣ одежды, оружія, того чѣмъ всѣ животныя надѣлены отъ природы; возвышеніе свое надъ простою, данною естественностью долженъ онъ заявить прикрытіемъ тѣхъ членовъ, которые выдаютъ въ немъ раба чисто естественныхъ цѣлей и побудовъ. Въ стыдливости безсознательно шевелится то чувство нравственнаго и духовнаго, что отъ природы мы не тѣ чѣмъ быть должны, что намъ еще слѣдуетъ свободно развить и образовать себя па основаніи нашей собственной идеи. Вкусивъ отъ древа познанія добра и зла, Адамъ и Ева тотчасъ замѣчаютъ наготу свою и прибѣгаютъ къ листу смоковницы; такъ и у лѣсныхъ Индѣйцевъ юга первымъ зачаткомъ одежды является густолистная повязь, какая-нибудь бастовая рогожка или наконецъ кушакъ съ висячими снурами и кисточками для прикрытія только одного лона. Мѣсто всякой другой одежды, не необходимой по климату, заступаетъ размалевка всего тѣла. Оно цвѣтно уже и отъ природы, но человѣкъ заявляетъ свободу свою тѣмъ что даетъ ему другой оттѣнокъ въ цѣломъ или частями, покрываетъ его желтой или красной краской, проводитъ по немъ черныя полосы. Роспись эта конечно представляетъ грубый противенъ къ опрятности, всилу которой бѣлый человѣкъ показываетъ свою культуру тщательнымъ удаленіемъ всякаго посторонняго налета отъ своей кожи или отъ бѣлилъ и румянъ которыми хочетъ замѣнить или возвысить недостатокъ естественной прелести. Дикари охотно покрываютъ одну половину тѣла и лица желтымъ, другую — краснымъ, или же грудь — красною, а руки — черною краской; надо видѣть уже шагъ къ развитію вкуса въ томъ, если цвѣтъ отвѣчаетъ симметріи членовъ и придаетъ имъ болѣе выпуклости, рельефности. Линючую эту размалевку стараются потомъ замѣнить накалываніемъ, татуировкой, которую мы встрѣчаемъ у дикихъ въ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга краяхъ; наколотыя до крови черты и фигуры тутъ же затираются черной краскою. Многіе доходятъ въ этомъ искусствѣ до того что симметрически испещряютъ грудь, щеки и спину колесами,

звѣздами, розами, накалываютъ иногда и фигуры животныхъ. Сама операція служитъ испытаніемъ въ выдержкѣ страданій. Далѣе прицѣпляютъ къ тѣлу разныя украшенія, болоболки: пронимаютъ носы, губы, уши и вдѣваютъ въ нихъ тростникъ, кости, раковины, палочки; природная красота часто крайне этимъ обезображивается, и такой обычай не даромъ считается у насъ варварскимъ. Ближе къ человѣческому достоинству и притомъ свободнѣе—понизи съ украшеніями вокругъ шеи, по рукамъ и по ногамъ. Стараясь свести волосы со всего тѣла, дикій убираетъ зато головные съ удивительнымъ разнообразіемъ. То спускаются они у него прядями по плечамъ, то всчесываются гребнемъ, узломъ или вѣнкомъ на маковкѣ или на затылкѣ, то украшаются фантастическимъ вѣеромъ изъ птичьихъ перьевъ. Иногда плетутъ нарядные головные уборы и отдѣлываютъ ихъ перьями и цвѣтами.

Для выраженія внутренней жизни человѣка слово, жестъ и игра лица должны помогать другъ другу; живой разскащикъ происшествія невольно представляетъ его мимикой. Пѣньё въ тактъ направляетъ и сопровождаетъ тѣлодвиженія, а ими опять онагляживаются первые зачатки мелодіи и ритма, восхожденіе и нисхожденье тоновъ то ускоренною, то замедленною чередой. Такимъ образомъ пляска становится прямо художественнымъ дѣломъ, однимъ изъ средствъ изображенія внутреннихъ ощущеній и опытовъ. Война, охота, чувственная любовь, — вотъ темы выражаемыя въ пантомимѣ уже и лѣснымъ Индѣйцемъ, когда онъ сопровождаетъ голосомъ плясовыя движенія, и знаменательный напѣвъ поясняетъ ихъ или обосновываетъ. Сопровождаемая музыкой сценическая драма является у образованныхъ народовъ высшимъ цвѣтомъ литературнаго развитія; дружное, совмѣстное дѣйствіе вполнѣ освободившихся и самостоятельно развитыхъ силъ и направленій поэзіи заодно съ другими искусствами—вотъ цѣль и зародышъ такой драмы; въ зародышѣ лежитъ цѣлое, только оно еще не развернулось; въ окончательномъ плодѣ то же опять цѣлое, но уже въ стройной гармоніи всѣхъ развернувшихся частей, такъ что каждая изъ нихъ и сама по себѣ способна удовлетворить извѣстнымъ настроеніямъ, извѣстнымъ цѣлямъ духа. Вотъ почему развитіе искусствъ мы въ полномъ правѣ назвать органическимъ.

Врожденное чувство красоты идетъ потомъ еще далѣе за предѣлы человѣческаго тѣла, обращаясь къ выдѣлкѣ разной утвари. Охотникъ навыкаетъ выглаживать стрѣлу и лукъ, придавать имъ цѣлесообразную и приглядную вмѣстѣ форму; правильный узоръ прямыхъ или кривыхъ чертъ, украшающій ихъ поверхности, повторяется потомъ и въ искусныхъ плетевыхъ работахъ.

Если избытокъ растительности уготовляетъ южанину легкое и равномѣрное спокойствіе, не столько дѣятельную жизнь, сколько сонъ; то съ другой стороны въ сѣверной Америкѣ рѣзкіе переходы годовыхъ временъ научаютъ гораздо лучше цѣнить время, и большее число потребностей вынуждаетъ не разъ подумать объ ихъ удовлетвореніи. Ткани, перяныя шубы или душегрѣйки, мѣховые башмаки служатъ здѣсь для одежды и обуви, кеглеобразныя юрты, круглые шалаши изъ частокола — для жительства, сосуды изъ жженой глины — для храненія съѣстныхъ припасовъ и изготовленья пищи.

Языкъ богатъ метафорами, и въ пѣсняхъ встрѣчается тотъ инстинктивный параллелизмъ, который ритмически расчленяетъ мысли. Вотъ для примѣра военная пѣснь Индѣйца, когда его привязали на сожженіе къ столбу, и пламя начинало охватывать свою жертву.

Поднимемъ копье
И подвѣсимъ котелъ!
Уснастимъ волосà,
Размалюемъ лицо!

Пѣсню крови споемъ, —
Кровь вѣдь храбрыхъ питье, —
Распотѣшимъ же мертвыхъ
Надеждой на месть!

Х о р ъ: Упьемся, упьемся мы крови,
Насытимся мясомъ враговъ!

У всѣхъ дикихъ народовъ, за исключеніемъ пастушескихъ, встрѣчаются слѣды людоѣдства. Первоначально оно происходитъ отъ разсвирѣпѣнія въ бою, доходящаго до жажды истребить вконецъ непріятеля; но обнаруживаетъ въ то же время и крайне скудное понятіе о человѣкѣ, идущемъ въ такомъ случаѣ только за кусокъ мяса, не болѣе; точно такъ какъ жена на этой ступени берется лишь для удовлетворенія половой потребности и для домашней работы. Съ этимъ же связаны дѣтоубійство и дѣтопродавство, а съ другой стороны — умерщвленіе стариковъ. У Индѣйцевъ слабый, утомленный жизнью человѣкъ садится въ гробъ и даетъ накинуть себѣ петлю на шею или пришибить себя ударомъ томагака (сѣкиры, боевого топора). При этомъ молодежь пляшетъ вокругъ него, припѣваючи: «Мы знаемъ, что богъ жизни «любитъ насъ; мы передаемъ нашему Отцу этого нѐпрока, да возве«селится онъ опять въ томъ краю и да будетъ снова въ силахъ ходить на «охоту». У племени Батта на малайскомъ островѣ Суматрѣ старикъ взлѣзаетъ на дерево, а родные трясутъ это дерево и припѣваютъ: «Пришло «время, плодъ созрѣлъ, пора, пора ему нàземь!»

Сѣвероамериканскіе Индѣйцы любятъ хорошихъ разскащиковъ и умѣютъ на своемъ образномъ письмѣ внятно выразить все существенное и необходимое въ кругу ихъ быта.

Если тѣнь лѣсовъ и пріятный климатъ втягиваютъ дикаго въ затишье растительной жизни; то, съ другой стороны, подвижная стихія моря и вольный кругозоръ всеобъемлющихъ небесъ возбуждаютъ въ немъ мужество, и далеко за предѣлы берега проникаютъ отважные его взоры. Воображеніе рисуетъ ему неизвѣданныя чудеса, и смѣлая, могучая рука охотно вступаетъ въ борьбу съ волнами. Оттого новоголландскіе дикари гораздо расторопнѣе и подвижнѣе молчаливыхъ Индѣйцевъ. Они также живутъ семьями и ордами, у нихъ жена также слуга мужу, и еще болѣе нежели Индѣйцы требуютъ они отъ всякаго взрослаго стойкой переносливости въ страданіяхъ. Они живутъ не одной охотою, но вмѣстѣ и рыболовствомъ; по окончаніи трудовъ и при торжественныхъ случаяхъ они потѣшаются пляской и пѣснями; пляска, какъ выраженіе свободной, неурочной подвижности, веселитъ ихъ даже въ

видѣ отдыха послѣ утомительныхъ переходовъ. Пѣніе сопровождаютъ они ударами въ тактъ одной палочкой о другую; поютъ коротенькія строфы о любви, охотѣ или войнѣ. Что̀ для Индѣйца лѣсная чаща, то для Новоголландца ущелье въ скалѣ морского берега; по образцу его строитъ онъ потомъ и хижину въ видѣ хлѣбной печи, котелкомъ. Зачатки художественнаго смысла обнаруживаются и у нихъ въ росписи тѣла красной и бѣлой глиною; они рисуютъ себѣ кольцеобразныя полосы на рукахъ и на ногахъ; цвѣтомъ краски они символически выражаютъ не только племенныя свои различія, но даже и настроенія радости, печали, воинскаго мужества. Рубцы также считаются у нихъ повидимому украшеніемъ. Росту бороды и головныхъ волосъ дается полная свобода; послѣдніе убираются притомъ перьями и рыбьими костями. Въ носъ продѣваются кости и тростникъ. Копье и палицу обдѣлываютъ они сподручно и красиво. Подобно Пешереямъ *, одѣваются въ звѣриныя кожи, приготовляя изъ нихъ плащи, мѣхомъ внутрь.

Въ надоблачномъ небѣ чествуютъ они божество, проявляющее себя вёдромъ, ненастьемъ и нежданою бѣдою. У многихъ племенъ доброму духу противополагается богъ смерти и тьмы, живущій въ глубинѣ бездны. Австралійцамъ также извѣстны за̀говоры противъ злыхъ духовъ, которымъ они приписываютъ всѣ болѣзни.

На одинаковой ступени стоятъ дикіе охотники африканскихъ степей, такъ-называемые Бушмены, которые гнѣздятся въ горныхъ пещерахъ или устроиваютъ себѣ родъ навѣса изъ пригнутыхъ книзу вѣтвей кустарника. Подобно имъ, Кафры и Готтентоты никогда не моются, а предпочитаютъ натирать себѣ тѣло жиромъ и краснымъ карандашомъ, отъ чего на кожѣ у нихъ наростаетъ бурая пленка. Напротивъ негры Мандинго на сіэрра-леонскомъ берегу купаются и моются, но за тѣмъ мужчины любятъ расписывать себя красной краскою, а женщины синей и бѣлой; притомъ первые накалываютъ себѣ узорами лобъ и виски. Ангольскіе негры состригаютъ на головѣ всѣ волосы, оставляя только одну грядку по серединѣ, которая и торчитъ у нихъ вверхъ, какъ гребень на шишакѣ. Негры акрскіе выстригаютъ въ своихъ курчавыхъ волосахъ разные узоры, и у многихъ вы видите на головѣ волосяныя подобія цвѣтовъ, унизанныя притомъ колокольчиками. Они носятъ украшенія на шеѣ, на груди, на ногахъ, на рукахъ и въ ушахъ, преимущественно изъ слоновой кости. Остовъ изъ жердей, обвѣшанный рогожками и мѣхами, составляетъ хижину Готтентота; у Бетьюановъ мы находимъ уже столбы, соединенные глиняными стѣнами; хижины совсѣмъ круглыя съ конусообразною кровлей; сосуды плетутся изъ прутьевъ, обмазываются глиною и обжигаются. Оружіе украшается фигурами животныхъ, но формы конечно еще тяжелы, а краски черезчуръ ярки.

Негры чрезвычайно веселы и фантастичны. Шумная музыка ихъ праздниковъ, смѣшная пышность ихъ процессій, неутомимость въ пляскѣ и пѣніи, служатъ яснымъ тому свидѣтельствомъ. Скоро позабывается у нихъ всякое несчастье; даже вслѣдъ за потерей битвы побѣжденные возвращаются домой

* Бродячее племя Патагоніи и Огненной Земли.

съ плясками, радуясь что спасли по крайней мѣрѣ свою жизнь, и вокругъ свѣжихъ еще могилъ устроиваются веселыя пирушки съ играми и плясомъ, при чемъ у Негра пантомимно движется каждый мускулъ, каждый суставъ. Когда мужчины выступятъ въ поле, женщины пускаются въ военно-плясовыя представленія. Любопытные прыжки и тѣлодвиженія сопровождаются самыми скоромными припѣвами. Хорошіе плясуны очень любятъ показать себя на диво другимъ.

Религія Негровъ называетъ верховное божественное существо разными именами; но обыкновенно богъ и небо означаются однимъ и тѣмъ же словомъ; небо, вездѣ сущее искони, проявляетъ въ бурѣ, въ громѣ, въ дождѣ и вёдрѣ свое великое могущество; облака—покрывало лица его, звѣзды—его украшенье; оно щедрый податель всякаго добра, оно все знаетъ и видитъ; его молятъ о здоровьи, о счастіи, о мудрости. Бога именуютъ также и владыкой неба; это царящій и являющій себя въ небѣ добрый духъ, которому, въ качествѣ добрыхъ и злыхъ духовъ, подчинены всѣ живыя силы природы. Воображеніе Негра готово все на свѣтѣ одушевить, но, при чрезмѣрной своей подвижности, оно не дозволяетъ и духамъ надолго вселяться въ предметы: поживъ временно въ одномъ, духъ переходитъ въ другой. Фетишемъ своимъ дѣлаютъ они то животное, то дерево, то какой-нибудь чурбанъ или камень; фетишъ это именно та вещь въ которой духъ живетъ и дѣйствуетъ, которую за то чествуетъ человѣкъ, отъ которой уповаетъ онъ себѣ благополучія и защиты, которая слыветъ у него носительницей чудныхъ силъ, истинно волшебныхъ вліяній. Возведеніе предмета въ фетишъ означается парой намалеванныхъ на немъ глазъ, привѣшенной къ нему яичной скорлупой или тряпочкой. Въ служеніи природѣ обыкновенно только какой-нибудь значительный предметъ возбуждаетъ религіозную идею и является ея символомъ, воплощеньемъ; фетишизмъ приплетаетъ мысль къ любой вещи которая и становится ея знакомъ. Божественное начало, силы духа одинаково распространены вездѣ; человѣкъ ищетъ связать ихъ для своего созерцанія съ какою-нибудь особенною вещью, и какъ скоро эта вещь окажется несостоятельной, безсильной, какъ скоро не принесетъ ожидаемой отъ нея помощи, онъ бросаетъ ее какъ негодную представительницу божества. Тѣмъ не менѣе этимъ начинается первое стремленіе онаглядить божество въ видимомъ образѣ. Жрецъ освящаетъ образъ, вводитъ въ него божественную силу, такъ что послѣ этого въ немъ живетъ и дѣйствуетъ уже вышній духъ. Глиняному или деревянному кумиру дается человѣческое подобіе, потому что человѣкъ видимое проявленье духа; но формы идола грубы и тяжелы. По убѣжденію Негровъ духи овладѣваютъ иногда и нѣкоторыми людьми, что обнаруживается ихъ изступленными, экстатическими состояніями; эти люди становятся жрецами и волхвами; они дѣйствуютъ съ помощью присущихъ имъ вышнихъ силъ.

Негръ поетъ и въ радости и въ горѣ, на работѣ и на отдыхѣ; пѣсни его говорятъ о любви и войнѣ, о пальмовомъ винѣ и объ охотѣ; онѣ то восхваляютъ, то осмѣиваютъ людей и дѣла ихъ. Въ Сенегамбіи есть даже потомственное сословіе пѣвцовъ, вліятельное своими хвалебными и бранными стихами, но вмѣстѣ и презираемое, потому что оно продажно. Въ Дагомеѣ та-

кого рода пѣвцы — хранители историческаго преданія. Они импровизаторы, сатирики и вмѣстѣ скоморохи. Надо притомъ замѣтить что изо всѣхъ первичныхъ племенъ наиболѣе у Негровъ развита музыка: у нихъ есть рога изъ слоновой кости, барабаны, флейты, цитры, цимбалы, бубны. — Гремучіе и ударные инструменты были вообще первыми музыкальными орудіями; за тѣмъ идутъ рога и трубы, и уже вслѣдъ за духовыми инструментами появляются струнные. Они не только предполагаютъ отчетливую подмѣту того что длина и степень натяжки струнъ опредѣляютъ собой тоны, но что и самый кузовъ инструмента долженъ усиливать звукъ своей конструкціей: вотъ почему арфы и лютни съ ихъ звукоотражательными деками всегда обозначаютъ уже историческую пору быторазвитія; къ Неграмъ они перешли изъ древняго Египта.

Если Негры и не доходятъ еще до совершенныхъ мелодій, то все же имъ нравится послѣдовательность гармоническихъ тоновъ. Одна прекрасная военная пѣснь начинается у нихъ такъ:

Левъ войны, храбрый Ярреди, пробудись, воспрянь отъ покоя;
Опояшь свои бедра мечемъ, покажи себя снова, каковъ ты!

Она изображаетъ опасность и бѣдствіе страны, подвиги отца Ярреди, и повторяетъ этотъ вызовъ ему въ видѣ постояннаго припѣва; затѣмъ она разсказываетъ какъ поднялся самъ Ярреди и отряхнулъ свой ратный приборъ, подобно орлу сначала взмахивающему крыльями, какъ опоясался мечемъ и снова показалъ себя на дѣлѣ. Побѣда оставалась за нимъ вездѣ, потому что:

Пробудился, возсталъ левъ войны, храбрый Ярреди,
Опоясалъ бедра мечемъ, показалъ себя снова, каковъ онъ!

Все изложеніе высокопарно и полно лирической возбужденности. Сравненія встрѣчаются на каждомъ шагу. Люди бѣгутъ съ горъ какъ волны широкой рѣки и собираются въ долинѣ. Въ одной любовной пѣсни говорится про милую что лобъ у ней словно мѣсяцъ ясный, глаза свѣтлѣе мѣсяца глядящаго изъ-за облакъ, носъ какъ радуга, уста слаще меда и прохладнѣй ключевой воды. Идетъ она, что лоза вѣтеркомъ колеблется. Сродство съ восточною поэзіей бросается въ глаза. Оно не менѣе очевидно и въ сказочныхъ піэсахъ, въ басняхъ налегающихъ больше на поученіе чѣмъ на вѣрную передачу бытовой жизни животныхъ, въ пословицахъ намекающихъ на общую истину какимъ-нибудь единичнымъ случаемъ или образнымъ примѣромъ. Онѣ между прочимъ говорятъ: Надежда — міру столпъ. Само небо оперто на терпѣніе. Умѣешь щипать, такъ выщипывай собственныя сѣдины. Пепелъ на того и падаетъ, кто его броситъ. Рядовыхъ людей что травы въ полѣ, а хорошіе дороже глазъ.

Негры сообщаются между собой изъ-дали посредствомъ предметовъ принимаемыхъ въ этомъ случаѣ за символы. Камень, уголь, коробку съ перцемъ, сухое хлѣбное зерно, связку лоскутковъ получатель толкуетъ себѣ такъ: отсутствующій другъ твердъ и надеженъ какъ камень, но его ожидаетъ темная какъ уголь будущность, онъ въ страшномъ опасеніи, и кожа горитъ у него какъ отъ перцу, или такъ что можно бы просушить на ней

хлѣбъ; наконецъ лоскутья значатъ одежду пріятеля. Другой посылаетъ сливную косточку, желая этимъ сказать: что́ хорошо для меня, то и для тебя.

Замысловато сказаніе Негровъ о томъ что съ самаго начала черные люди были созданы вмѣстѣ съ бѣлыми, и первымъ предоставленъ выборъ между двоякаго рода дарами: знаніемъ искусствъ и наукъ или же золотомъ. Черные предпочли золото, и стали за свою корысть рабами бѣлыхъ.

Въ противоположность сынамъ юга и солнечнаго зноя, безпечно провождающимъ день за день всю свою жизнь, люди полярнаго пояса закалены въ трудѣ и работѣ; неволя научаетъ ихъ думать о будущемъ, готовить на̀ зиму теплое жильё, на долгую ночь какое-нибудь освѣщеніе которое въ свою очередь собираетъ вокругъ себя дружескую бесѣду. Полярный человѣкъ, говоритъ Клеммъ, всей своей наружностью совершенно подходитъ къ окружающей его природѣ; подобно землякамъ своимъ, тюленямъ и моржамъ, онъ круглъ, плотенъ и приземистъ, его члены какъ будто не доразвились, носъ, руки, ноги все это у него не казисто; онъ богатъ мясомъ, кровью, жиромъ, какъ и названныя сейчасъ животныя; но онъ гораздо прилежнѣе, подвижнѣе, бодрѣе лѣсного Индѣйца, охотникъ передразнить и пошутить. И у полярныхъ людей встрѣчается размалевка и татуировка тѣла, продѣваніе въ нѣкоторыя части лица палочекъ слоновой (моржовой?) кости, бисерныхъ низанокъ и тому подобнаго. Одѣваются они въ перяныя шубы и мѣха, мездрою вверхъ, расписывая послѣднюю или украшая цвѣтными нашивками.

Фантазія природныхъ Камчадаловъ (Ительменъ) даетъ себѣ полный разгулъ въ потокѣ ругательствъ, напоминающихъ своей грязностью ту тѣлесную нечистоту въ которой они ищутъ защиты отъ мороза. Напротивъ того Гренландецъ, когда сочтетъ себя обиженнымъ, складываетъ сатирическую пѣсню и повторяетъ ее своимъ домашнимъ столько разъ пока они ее вытвердятъ; тогда онъ гласно вызываетъ своего противника, чтобы передъ нимъ и передъ собравшимися слушателями пропѣть эту пѣсню съ пляскою и барабаннымъ боемъ. Обвиняемый, также опираясь на своимъ близкихъ, отвѣчаетъ ему въ свою очередь, и кто подконецъ будетъ признанъ побѣдителемъ, за тѣмъ остается честь и слава. Камчадальскіе плясуны подражаютъ движеніямъ медвѣдя и тюленя. Гренландцы, въ зимній солоповоротъ, поютъ съ пляскою и барабаннымъ боемъ о возвратѣ желаннаго свѣтила, при чемъ движеніе членовъ каждаго пѣвца примѣняется ко всѣмъ переходамъ то возбужденнаго, то стихающаго въ немъ чувства.

Зимнія хижины Гренландцевъ состоятъ изъ каменныхъ ошманыхъ стѣнъ, крытыхъ бревнами, дерномъ и снѣгомъ; лѣтомъ живутъ они въ юртахъ. Эскимосы строятъ себѣ зимнія жилья изъ окрѣплаго снѣгу (наста), наваливая его нѣсколькими полукружіями по обѣимъ сторонамъ внутренняго хода или выступами около круглаго пространства въ серединѣ; свѣтъ проходитъ въ большія окна, изъ прозрачныхъ ледяныхъ плитъ. Снѣгъ, тая отъ внутренней теплоты и въ то же время смерзаясь отъ наружной стужи, постепенно превращается въ чистѣйшій ледъ обнимающій верхъ жилья своимъ куполомъ, такъ что оно представляетъ неожиданную эстетическую прелесть по крайней мѣрѣ для заѣзжаго.

Гренландцы, какъ и Камчадалы, уповаютъ на жизнь вѣчную, которая гораздо лучше земной и вознаградитъ за многія претерпѣнныя здѣсь невзгоды. Тамъ заживутъ они у Бога, постоянно грѣясь на солнышкѣ; оленей и тюленей, рыбы и птицы будетъ у нихъ вдоволь. Но душѣ пріидется достичь того свѣта многотруднымъ странствіемъ: пять сутокъ должна она катиться туда какъ на лыжахъ по самымъ шероховатымъ утесамъ и скаламъ. Другіе ищутъ мѣстопребыванія блаженныхъ въ горней выси; радуга — для нихъ мостъ на̀ небо, и сѣверное сіяніе блещетъ тогда, когда у покойниковъ тамъ плясъ и веселье. Злымъ, напротивъ, суждено жить въ темномъ и холодномъ заточеніи, вѣчно наводящемъ ужасъ.

Камчадалы чтятъ въ своемъ родоначальникѣ, Куткѣ, собственно не бога, а скорѣе первообразъ своего собственнаго житья-бытья, доведенный ихъ грязною фантазіей до каррикатурнаго преувеличенья, напримѣръ до убѣжденія что онъ принимаетъ свой мерзлый калъ за красавицу, любезничаетъ съ ней, ласкаетъ ее какъ невѣсту, пока она оттаетъ среди любострастныхъ лобзаній, и онъ вдругъ очутится лежащимъ въ вонючей грязи.

Въ полярныхъ странахъ съ божественною идеей также соединяется обыкновенно вѣра въ духовъ и та близкая тутъ мысль, что вполнѣ отдавшись имъ человѣкъ способенъ вступать съ ними въ общеніе, узнавать чрезъ нихъ далекое и будущее, оказывать рѣшительное вліяніе на природу. Гренландецъ, желающій сдѣлаться ангекокомъ (знахаремъ и волхвомъ), удаляется въ пустыню и молитъ своего бога послать ему духа-хранителя, а самъ предается тихому раздумью. Безъ всякихъ сношеній съ людьми, въ постѣ, въ тѣлесномъ изможденіи, направляя всѣ мысли къ одной желанной цѣли, онъ доходитъ наконецъ до мнимаго видѣнія того чего надѣется и желаетъ: воображаемые призраки, окружающіе его въ полуснѣ, кажутся ему дѣйствительно духами. Повтореніемъ этихъ опытовъ постепенно облегчается для него то что̀ вначалѣ было трудно. Многіе изъ такихъ духовидцевъ пожалуй обманываютъ потомъ и съ умысломъ; но нѣтъ сомнѣнія что по крайней мѣрѣ на первый разъ они простодушно поддаются самообольщенію фантазіи. Ангекоки, обращенные къ христіанству, увѣряютъ по совѣсти что они часто приходили въ изступленіе и принимали являвшіеся имъ образы за дѣйствительныя откровенья, а впослѣдствіи все это представлялось имъ какимъ-то смутнымъ сномъ.

Такое непосредственное общеніе съ духами всего болѣе выработалось въ шаманствѣ у туранскихъ племенъ. Религія держится и здѣсь за вѣру въ одного небеснаго бога, но на ряду съ этимъ видитъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и силахъ естественныхъ вещей господство какихъ-то особыхъ духовъ или демоновъ, къ которымъ присоединяетъ и души усопшихъ. Что ни происходитъ въ мірѣ явленій, все это ихъ дѣло, все отъ нихъ; они посылаютъ то зло, то благополучіе, и главное тутъ поладить съ ними, вызнать отъ нихъ грядущее, склонить ихъ заклятіями на благо и помощь человѣку, на отвращеніе отъ него всякихъ бѣдъ. Человѣкъ отнюдь не становится здѣсь выше бога и природы силою своей духовной самостоятельности; онъ признаетъ, напротивъ, силы высшія, покоряется имъ и ищетъ только преклонить ихъ въ свою пользу. «У многихъ алтайскихъ племенъ, говоритъ намъ природный Тура-

«нецъ Александръ Кастренъ, существуетъ вѣра въ такихъ духовъ, которые «исключительно дѣйствуютъ лишь на живыхъ людей, въ особенности на шамановъ, пробуждаютъ въ нихъ высшія способности, сообщаютъ имъ всякаго рода познанія, открываютъ сокровенное и даютъ внутреннимъ прозрѣньемъ видѣть то чтó недоступно внѣшнему взгляду. Въ существѣ своемъ и эти духи не что иное какъ силы таящіяся въ глубинѣ собственной природы человѣка. Но силы эти часто еще спятъ и не легко бываетъ «пробудить ихъ къ жизни и дѣятельности; вотъ отчего дикій человѣкъ такъ «легко попадаетъ на мысль, что онѣ не его собственная принадлежность, «а какія-то высшія существа, открывающіяся ему только по временамъ и «надѣляющія его иногда небывалою способностью. У азіатскихъ шамановъ «въ обычаѣ вызывать этихъ духовъ барабаннымъ боемъ, и если принять въ «разсчетъ ту крайнюю степень изступленности и ту неимовѣрную силу, «какую они умѣютъ возбудить въ себѣ своею музыкой, то ни мало не покажется удивительнымъ ихъ убѣжденіе, что это восторженное состоянье «отнюдь не слѣдствіе ихъ же собственныхъ природныхъ свойствъ, но результатъ вліянія на нихъ другихъ существъ, гораздо болѣе могучихъ, которыхъ они думаютъ даже видѣть въ томъ или другомъ обликѣ, хотя и незримомъ для всѣхъ остальныхъ.»

Человѣкъ ощущаетъ прежде всего на сонныхъ грезахъ что онъ производитъ эти видѣнія незавѣдомо и мимовольно, и поэтому готовъ думать что въ страдательномъ состояніи сна онъ получаетъ ихъ изъ какого-нибудь другого источника и что въ нихъ открывается ему божество или міръ духовъ. Далѣе, онъ выходитъ изъ себя въ такъ-называемыхъ экстатическихъ, изступленныхъ состояніяхъ, когда, при необычайномъ упадкѣ или же судорожной возбужденности нервной системы, непроизвольно возникающія въ немъ явленія душевной жизни принимаетъ онъ за дѣйствіе на него другихъ духовъ которые будто бы его одерживаютъ, схватываютъ, и которые, какъ во снѣ его собственныя грезы, чудятся ему предстающими извнѣ. И въ нашемъ образованномъ быту знаемъ мы то вдохновеніе которое выноситъ человѣка за предѣлы обычной воли и разумѣнія и увлекаетъ его въ блаженномъ забытьи вослѣдъ овладѣвшему сердцемъ его богу; всѣ мы очень хорошо знаемъ что лучшія идеи и созерцанія выходятъ у насъ не плодомъ разсчитанныхъ соображеній, что они вдругъ появляются изъ духовной глубины, какъ нечаянный даръ и вмѣстѣ новая задача для нашего художественнаго творчества и мышленія. Въ «Эстетикѣ» я подробно изслѣдовалъ сознательный и безсознательный элементъ въ дѣятельности нашей фантазіи, совмѣстное участіе въ ней божескаго съ человѣческимъ, и тамъ уже указывалъ я на то что такіе люди какъ Лессингъ, Кантъ, Вильгельмъ Гумбольдъ признавали открытымъ неразрѣшимый положительно вопросъ о вліяніи душъ усопшихъ на пережившее ихъ потомство. Такимъ же образомъ конечно и въ основѣ шаманства лежитъ не одинъ только пустой обманъ, какъ бы ни часто примѣшивался онъ тутъ, точно такъ же какъ и въ сомнамбулизмѣ; женщины и мужчины съ раздражительными нервами и съ сильно-возбужденнымъ воображеніемъ дѣйствительно приходятъ иногда въ экстатическія состоянія и думаютъ что сообщаются съ духами, а потомъ и нарочно стараются привести себя въ экстазъ, видя въ немъ вовсе не болѣзненное явле-

ніе, но, напротивъ, высшую ступень жизни, служащую для нихъ связью съ міромъ духовъ. То судорожное одуренie, которое встрѣчается точно такъ же у Негровъ, какъ и у обитателей южноморскихъ островъ или странъ полярныхъ, облеклось религіознымъ освященіемъ преимущественно у сѣвероазійскихъ кочевниковъ. Они допускаютъ при этомъ какъ добрыхъ, такъ и злыхъ духовъ; только послѣдніе злы не исключительно: задача ихъ собственно карать за зло, но разохотившись они легко позабываютъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что приходится или ублажать ихъ, или призывать на помощь добрыхъ геніевъ.

Уже и одежда шамана фантастична: это кожухъ, увѣшанный вокругъ жестяными идолами, бубенчиками, птичьими когтями, змѣиными шкурками; шаманъ самъ надѣваетъ его съ ужасомъ, когда ему надо приступить къ заклятію ночью. Онъ сначала садится къ огню и запѣваетъ потихоньку, призывая бога или духа по имени и излагая ему свою просьбу. Потомъ онъ закрываетъ глаза и начинаетъ бить въ барабанъ; послѣ этого вдругъ поднимается на ноги и скачетъ, звеня побрякушками своихъ одеждъ и сыпля барабанной дробью. Наконецъ онъ всовываетъ въ барабанъ голову, чтобы лучше прислушаться къ голосу духовъ. Часто онъ падаетъ при этомъ безъ чувствъ, и всѣ думаютъ что тутъ-то именно душа его бесѣдуетъ съ духами, что она дѣйствуетъ съ ними заодно; сами шаманы увѣряютъ будто бы они видѣли духовъ то какими-то тѣнями, то въ видѣ разнаго рода животныхъ, драконовъ, медвѣдей, змѣевъ, сычей, орловъ и т. д.

Въ союзѣ съ царящими въ вещахъ духами, человѣкъ думаетъ рѣшительно подѣйствовать на природу своей волею: на этомъ основана мнимая сила чаръ и колдовства. Она-то и обнаруживаетъ всю силу фантазіи надъ необразованными умами. Фантазія та чародѣйка которая, опираясь на нѣсколько частныхъ, единичныхъ подмѣтъ, обобщаетъ и онагляживаетъ передъ взоромъ человѣка его смутныя чаянія насчетъ взаимной зависимости всѣхъ вещей, насчетъ духовной связи какою всѣ онѣ невидимо охвачены, насчетъ стремленія каждой изъ нихъ перенести свое существо и дѣйствіе на другія, уподобить ихъ себѣ во всемъ; она-то именно одушевляетъ всѣ сплошь предметы внѣшней природы и приравниваетъ силы ихъ силамъ человѣческой души; она-то пользуется любымъ случайнымъ наступленіемъ искомаго или неожиданнаго, какъ доказательствомъ истины своихъ бредней, и выдѣлываетъ изо всего этого такую узорчатую ткань которой явная нелѣпость скрадывается только поэтическою прелестью. Разумный, научно-свѣдущій человѣкъ властвуетъ надъ природой только тѣмъ что познаетъ свойственные ей законы и, на основаніи ихъ, вынуждаетъ силы ея дѣйствовать для его цѣлей; въ дикомъ состояніи духъ хочетъ еще одолѣть природу иначе, предполагая въ ней управляющими и дѣйствующими такихъ же опять духовъ, стараясь войдти въ союзъ съ ними и при ихъ помощи покорить себѣ явленія и процессы внѣшняго міра. Такъ напримѣръ, для того чтобы вѣтеръ и погода отвѣчали человѣческимъ желаніямъ, шаманъ обращается къ властнымъ надъ ними духамъ. Съ этой цѣлью вводятся разныя заклинанія, молитвы, условныя тѣлодвиженія, которыя повторяются и слывутъ дѣйствительными если естественный ходъ природы хоть разъ исполнитъ человѣческія жела-

нія и этимъ еще болѣе укрѣпитъ вѣру въ неодолимую силу подобныхъ обрядовъ и заговоровъ; точно такъ же какъ убѣжденіе въ дѣйствительности проклятій и благословеній вытекаетъ изъ вѣры въ нравственный міропорядокъ и въ могущество божіей справедливости къ которой вѣдь при этомъ и взываютъ. Подобно тому какъ фантазія сливаетъ съ образомъ или фетишемъ присутствіе самого божества, такъ точно и здѣсь тотъ либо другой предметъ становится носителемъ волшебной, чарующей духовной силы, становится амулетомъ, охраняющимъ владѣльца отъ всякихъ бѣдъ, чудодѣйнымъ талисманомъ оказывающимъ таинственныя вліянія и на людей, и на неодушевленныя вещи. Какъ магнитъ намагничиваетъ желѣзо, такъ по мнѣнію Бурята дѣйствуетъ и его кумиръ: онъ даетъ ему отразиться въ мѣдномъ зеркалѣ, поливаетъ потомъ зеркало водой, и увѣренъ что вода вобрала въ себя и образъ бога, и чудодѣйственную его силу. Южноморецъ старается добыть какую-нибудь плотскую частицу своего врага, хоть немножко слюны его или испражненія, стираетъ это съ извѣстнымъ порошкомъ и закапываетъ потомъ въ мѣшечкѣ; по мѣрѣ того какъ зарытое истлѣваетъ, человѣкъ долженъ чахнуть и наконецъ умереть. Подобныя вещи вплоть до самоновѣйшаго времени встрѣчаются и въ европейскомъ суевѣрьи! Волшебный барабанъ заклинателя украшенъ ликами божковъ и духовъ, изображеніями солнца и мѣсяца, людей и животныхъ, хижинъ и лѣсовъ, всѣмъ что̀ можетъ испытать на самомъ себѣ или оказать вовнѣ какое-нибудь дѣйствіе. Лапонцы въ рисункахъ такого рода умѣютъ ясно очеркнуть ихъ существенное содержанье. Они также кладутъ еще кольца на барабанъ, и смотрятъ куда они направятся когда въ него забьютъ; пойдутъ они вправо, посолонь, значитъ задуманное удастся. Вѣтеръ для морскихъ судовъ думаютъ они закрѣпить узлами на веревкѣ: развяжите тотъ или другой узелъ, и смотря по этому вамъ явится къ услугамъ или зефиръ, или буря.

Кочевые пастушескіе народы, къ которымъ мы незамѣтно перешли, охотятся за животными не для добычи, а съ тѣмъ чтобы уходомъ и бережью снискивать себѣ отъ нихъ постоянную пользу; жизнь этихъ племенъ становится оттого вообще связнѣе, благонадежнѣе: они не подвергаются случайностямъ текущей минуты, хотя и перемѣняютъ нерѣдко пастбища. Тутъ обнаруживаются между ними послушаніе, кротость, податливость; сами люди подобятся стаду, пасомому пастыремъ народа, патріархомъ или племеначальникомъ; такъ проводятъ они спокойно и беззаботно цѣлыя тысячелѣтія. Величайшее сокровище для полярныхъ кочевниковъ составляетъ, сѣверный олень; они питаются его молокомъ и мясомъ, одѣваются въ его мѣхъ, изъ костей и жилъ его выдѣлываютъ себѣ разныя орудія и снасти. Монголы умѣреннаго пояса, сами конники, пасутъ стада рогатаго скота и овецъ. Они ужь не пестрятъ себѣ тѣла наколами; мужчина щеголяетъ поясомъ, женщина налобною повязкой. Жилая юрта — искусная загонная постройка, — обрѣшетка изъ жердей, укрѣпленная ремнями на стойкахъ и одѣтая войлокомъ.

У Лапонцевъ, Остяковъ, Тунгузовъ есть замысловатыя народныя пѣсни и распространенъ даръ импровизаціи, такъ что одни и тѣ же мотивы, смотря по своеобразности даннаго положенія, обработываются пѣвцами на различные лады. Такъ наприм. лапонскій женихъ велитъ солнышку освѣ-

тить какъ можно яснѣй озеро Отру, такъ чтобъ взлѣзши на сосну онъ могъ видѣть подъ какимъ цвѣткомъ сидитъ его милая; онъ оканчиваетъ вопросомъ: «Что прочнѣй и крѣпче скрученныхъ жилъ и цѣпей желѣзныхъ? Такъ-то вотъ любовь скрутила мнѣ сердце и связала помыслы.» — Остяки и Якуты подъигрываютъ на струнномъ инструментѣ своимъ однозвучнымъ мелодіямъ которыя изъ предѣловъ терціи обыкновенно не выходятъ; все вмѣстѣ очень заунывно и похоже на трогательно-протяжные стоны жалобы; внѣшняя природа, одушевляемая народной вѣрою, вступаетъ въ бесѣду съ человѣкомъ, деревья и камни повѣдываютъ ему тайну своихъ чувствъ. — Длинныя ночи коротаются очень любимыми здѣсь разсказчиками, и фантазія всегда готова вполнѣ отдаться смѣлымъ сказочнымъ грезамъ.

И Монголы сопровождаютъ торжественною плясовою мимикой протяжные звуки своихъ пѣсень, воспѣвающихъ тоску по милой, а та, стройная какъ ель, прелестная какъ цвѣтокъ, ожидаетъ друга, и при первомъ взглядѣ на него рдѣетъ какъ заря отъ краснаго солнышка. Здѣсь начинается уже употребленіе естественныхъ образовъ въ видѣ символовъ человѣческой судьбы, или того внутренняго чувства которое чрезъ нихъ доходитъ до сознанія или по крайней мѣрѣ въ нихъ встрѣчаетъ ближайшее средство себя выразить, онаглядить. «Воды великаго моря-океана, какъ подчасъ ни разбушуются, а «все же наконецъ утихаютъ», такъ обнадеживаетъ себя тѣснимая вражескою силой орда; «часто и небо ясно, и звѣзды горятъ какъ искорки, а «темныя тучи вдругъ совсѣмъ нежданно надвинутъ со стороны», — такъ выражено въ началѣ одной пѣсни опасеніе что ватагѣ конниковъ придется бѣжать за горы, гдѣ отощаютъ лошади и настанетъ горькая нужда.

Сказанія Монголовъ припоминаютъ то обстоятельство что Чингисханъ, который ввелъ ихъ во всемірную исторію и сдѣлалъ завоевательнымъ народомъ, самъ сродни свѣтлорусымъ Индоевропейцамъ, и отъ нихъ произошелъ. Зиждительная и уряжающая рука его невозбранно властвовала надъ Монголами игравшими передъ нимъ роль чисто-страдательной, пассивной массы; только ханы, «сыны божіи», приводили ее въ движеніе. «Одинъ «богъ на небѣ, одинъ ханъ на землѣ», гремѣло слово властелина; какъ прежде гунскій вождь Аттила, такъ потомъ и Чингисханъ, считалъ себя бичемъ божіимъ посланнымъ на кару свѣту. Но онъ бился не изъ-за идеи, онъ не двинулъ впередъ человѣчества; его битвы вспыхивали страшными степными пожарами, но подобно имъ и угасали. Вуттке очень вѣрно называлъ ихъ борьбой Титановъ, дерзновеннымъ натискомъ грубыхъ силъ природы на олимпійскихъ боговъ подлинной исторіи. Надо однакожь замѣтить что при этомъ именно столкновеніи съ культурными народами Монголы усвоили себѣ тѣ зачатки богатырскихъ былинъ, изъ которыхъ у Арійцевъ развился эпосъ.

Вліяніе бѣлой, преимущественно-дѣятельной породы обнаруживается впрочемъ не въ одномъ этомъ только случаѣ; оно вообще часто встрѣчается у разныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ. Изъ Туранцевъ въ европейскую культуру втянуты были Финны и Мадьяры, и въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ объ нихъ особенно. Здѣсь же упомянемъ еще о жителяхъ свайныхъ построекъ, объ островитянахъ южныхъ морей и о древнихъ обитателяхъ

Перу и Мексики, такъ какъ сравнительно-цвѣтущій бытъ послѣднихъ не выдержалъ соприкосновенія съ открывшими ихъ Европейцами и погибъ вконецъ, не давъ отъ себя ни какого отпрыска, ни какого элемента новой жизни.

Геродотъ разсказываетъ о кавказскихъ Скиѳахъ: «Посереди озера Пре-«сіада устроены плоты на высокихъ сваяхъ, и съ берега ведетъ къ нимъ «одинъ только мостъ. Сваи, на которыхъ они держатся, народъ ставилъ «изстари собща; а потомъ у нихъ узаконено и теперь дѣлается всегда «вотъ какъ: на каждую жену, которую кто за себя возьметъ, долженъ онъ «привезти изъ горнаго хребта Орветъ по три сваи и забить ихъ; а всякъ «беретъ тамъ не по одной женѣ, а по многу. Живутъ же они слѣдующимъ «образомъ. У каждаго на плоту своя изба, а въ плоту продѣланъ спускъ, «ведущій въ озеро. Малыхъ ребятъ держатъ на веревкѣ, привязанными за «ногу, чтобы какъ-нибудь не оборвались въ воду. Лошадей и вьючный «скотъ кормятъ рыбою.»

При пониженіи водъ въ швейцарскихъ озерахъ въ 1853-мъ и 1854-мъ годахъ открыты остатки совершенно такихъ же свайныхъ построекъ сперва въ Цюрихскомъ озерѣ, потомъ во многихъ другихъ по сѣверную и южную сторону Альповъ, а наконецъ и въ Ирландіи; они сдѣлались предметомъ многостороннихъ и ревностныхъ разысканій, нити которыхъ сходятся по преимуществу въ рукахъ А. Ф. Келлера и обнародываются въ Запискахъ и Отчетахъ цюрихскаго антикварнаго общества. Для надводныхъ поселеній такого рода избиралась обыкновенно укрытая отъ вѣтровъ и волнъ губа у солнечной стороны берега. Шаговъ на шесть, на десять отъ суши, и соединяясь съ ней посредствомъ легкосъемныхъ мостковъ или сообщаясь посредствомъ долбушекъ (душегубокъ), забивались въ дно озера сваи, цѣльные или расколотые стволы деревъ, отъ 4-хъ до 8-ми дюймовъ толщиною. Книзу они заострены посредствомъ обжиганія и обтески, и, какъ показало изслѣдованіе, для древнѣйшихъ построекъ обтеска производилась однимъ каменнымъ топоромъ, а для позднѣйшихъ — хорошо-отточеными бронзовыми орудіями. Сваи идутъ параллельными рядами вдоль берега, или же направляются отъ него въ глубь водъ; между свай вкрѣплены иногда и плашмя лежащія балки. Но сами онѣ выступали головами поверхъ озера и поддерживали сплоченный изъ бревенъ и досокъ помостъ, на которомъ уже и располагадись жилья, кладовыя и хлѣвы или затворы для животныхъ. По переднему ряду свай пущенъ былъ плетень для огражденія отъ напора волнъ или прибоя. Мѣстами насчитывается отъ 30 до 40 тысячь свай, а помосты простирались шаговъ на сто въ ширину и отъ шести до осьми сотъ шаговъ въ длину, конечно постепенно разростаясь съ числомъ поселенцевъ. На нихъ утверждены были стойки, которыя соединялись прутянымъ плетнемъ и обмазывались потомъ глиной, образуя стѣнку въ два или три дюйма толщиной. Кровля изъ дресвы, ситнику и соломы, съуживаясь вверхъ, надъ круглыми постройками возвышалась конусомъ, а надъ угловатыми пирамидой. Большая каменная плита служила очагомъ.

Озерное дно около свай представляетъ теперь три разныхъ слоя: между песчаною почвой губы, гдѣ онѣ стоятъ, и такимъ же наносомъ, образовавшимся съ тѣхъ поръ какъ покинуты эти постройки, лежитъ слой черно-

зема, обыкновенно происходящаго отъ перегноя органическихъ веществъ; въ немъ-то погребены древніе остатки того времени, почему онъ и называется культурнымъ слоемъ. Со временъ Траяна и Каролинговъ уцѣлѣли подъ водой дубовые подстои ихъ мостовъ, цѣлое тысячелѣтіе прошло надъ ними безслѣдно; но дубовыя сваи построекъ на Брегенцскомъ озерѣ заступъ расщепляетъ какъ драницу, — вѣрный знакъ, что онѣ принадлежатъ сѣдой, далекой старинѣ. По нѣкоторымъ геологическимъ указаніямъ, ихъ относятъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Въ восточной Швейцаріи находили во многихъ мѣстностяхъ одну только каменную утварь, въ западной же — бронзу, а иногда и желѣзо; кое-гдѣ открываютъ камень вмѣстѣ съ бронзой и желѣзомъ, и заключаютъ отсюда что поселеніе выжило всѣ эти три періода. Бронза и желѣзо указываютъ на Кельтовъ и Германцевъ, но сомнительно чтобы можно было пріурочить къ этимъ племенамъ въ Европѣ и каменный періодъ. Образованіе древнихъ Арійцевъ перешло еще до раздѣла ихъ эту первобытную степень, то-есть покинуло рыболовство и охоту, какъ исключительное средство жизни. Притомъ по берегу морей Нѣмецкаго и Балтійскаго, въ Ютландіи и на датскихъ островахъ, открыли цѣлыя груды такъ-называемаго кухоннаго сору, то есть раковинныхъ черепковъ, разбитыхъ костей животныхъ, грубыхъ гончарныхъ издѣлій и каменной утвари. Тщательнѣйшими изслѣдованіями обнаружено что они идутъ отъ такихъ людей которые по складу черепа принадлежали къ туранской породѣ: подобно Лапонцамъ и Финнамъ всѣ они короткоголовы. Это были рыбаки и охотники, незнакомые еще ни съ скотоводствомъ, ни съ земледѣліемъ. Они хоронили своихъ покойниковъ въ сложенныхъ изъ камня гробахъ; изъ кремня съ великимъ терпѣніемъ и искусствомъ выдѣлывали они себѣ оружіе и разную утварь.

Къ этой дальней старинѣ, предшествовавшей переселенію въ Европу Арійцевъ, относятся повидимому и первичныя свайныя постройки. Ограждаясь отъ непріятельскихъ нападеній и еще болѣе отъ дикихъ звѣрей, медвѣдей, волковъ, дикихъ буйволовъ и зубровъ, располагали они свои жилища на водѣ. Они охотились за этой дичью, ловили ее въ ямы, побивали камнемъ и каменными стрѣлами; понизь изъ медвѣжьихъ зубовъ служила украшеніемъ мужчинамъ. Кромѣ того ловили они рыбъ, употребляя кости ихъ въ видѣ иголъ и наконечниковъ на стрѣлы; точно такъ же какъ осколки звѣриныхъ костей, которыя они и безъ того разбивали для добычи мозга, шли у нихъ на выдѣлку разныхъ остроконечныхъ и остролезвійныхъ орудій. Но топоры, долота, молотки и пилы многотрудно выдѣлывались изъ кремня, а рукоятки къ нимъ и другимъ этого рода вещамъ — изъ дерева или оленьяго рога. Гончарная работа производилась еще безъ помощи круга просто отъ руки, но въ ней проглядываетъ уже наклонность украшать посуду зигзагами (чертами въ изломъ) и листвянымъ узоромъ. Люди одѣвались въ мѣха и умѣли выдѣлывать кожу, умѣли даже прясть растительныя волокна, на что между прочимъ указываютъ пряслічныя изъ глины кольца. Кремень получали они вѣроятно изъ Франціи; но тщательно обработываемый и высоко цѣнимый нефритъ, котораго каждый осколокъ шелъ у нихъ въ дѣло, встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ занесныхъ глыбъ въ Саксоніи, только на Востокѣ: онъ поэтому или принесенъ ими оттуда въ эпоху переселенія, или же былъ искони предметомъ общирнѣйшей торговли.

За каменнымъ періодомъ слѣдовалъ бронзовый, котораго носителями были Арійцы Кельты; они богаты уральскимъ золотомъ, они украшаютъ свое оружіе и утварь, приготовляя ихъ изъ смѣси девяти частей красной мѣди съ одною долей олова. Покойниковъ своихъ они сожигаютъ. За ними пришли Германцы въ ту эпоху, когда люди научились уже добывать и обдѣлывать желѣзо доставившее имъ господство надъ землей. Каменный періодъ мы и теперь еще находимъ въ Австраліи, а бронзовый застали въ Мексикѣ открывшіе ее Европейцы.

Кельтскіе пришлецы вѣроятно сообщили водворившимся до нихъ Туранцамъ скотоводство и зачатки земледѣлія. Потому что съ тѣхъ поръ находимъ мы и у послѣднихъ, рядомъ съ древесными плодами и костями животныхъ, также еще камни для размола подсушеныхъ на огнѣ хлѣбныхъ зеренъ, остатки обуглившихся колосьевъ и глиняные съ просверленнымъ дномъ горшки для приготовленія сыру. А пожалуй и сами Туранцы пришли въ Европу, когда были еще на переходной ступени отъ охотничьяго быта къ пастушьему? Рогатый скотъ, лошадь, овца, коза, собака во всякомъ случаѣ появились въ Европѣ только вмѣстѣ съ человѣкомъ; уходъ за ними предполагаетъ уже правильную жизнь и заботливость о будущемъ.

Кельтскій бронзовый періодъ отличается изобрѣтательностью и достаткомъ; тогдашняя утварь похожа на ту какую съ давнихъ поръ открываютъ въ могилахъ. Древнѣйшія свайныя постройки были разрушены когда Геродотъ писалъ о Скиѳахъ; мы еще не знаемъ, завладѣли ли Кельты чужими, или сами возвели новыя. Послѣднее однако вѣроятно; новѣйшія изъ нихъ кажется тѣ что въ сосѣдствѣ Биля и Нейенбурга, и чуть ли онѣ не дождались начала римскаго владычества. Обугленные плоды и сваи обличаютъ истребленіе огнемъ, отъ поджога ли самими жителями или отъ руки непріятеля. Келлеръ полагаетъ съ большой вѣроятностью что этотъ уединенный и въ сущности жалкій образъ жизни, особенно неудобный и вредный для здоровья зимой, долженъ былъ мало по малу оставляться съ развитіемъ гражданственности, съ наступленіемъ болѣе мирныхъ отношеній въ благоустроенномъ государственномъ быту; точно такъ же какъ подконецъ Среднихъ Вѣковъ всѣ начали покидать горные укрѣпленные замки, потому что преобразованіе всѣхъ общественныхъ и частныхъ отношеній представляло уже владѣльцамъ этихъ замковъ болѣе пріютное и не менѣе безопасное житье въ равнинѣ, въ городахъ.

На южноморскихъ островахъ находимъ мы неуклюжихъ грубыхъ негровъ племени Папуа, но промежъ нихъ, или скорѣй надъ ними, крупную породу свѣтлокожихъ людей одаренныхъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, очень бойкимъ умомъ и дѣтски веселымъ нравомъ. Они составляютъ господствующій классъ; цвѣтное племя совершенно имъ подвластно, тогда какъ всѣ свободные, подъ водительствомъ болѣе или менѣе сильныхъ царьковъ, рѣшаютъ общественныя дѣла на сходкахъ; да и женщины у нихъ уже не работницы, а больше милыя подруги жизни. Безсмертную душу приписываютъ тамъ однимъ только бѣлымъ, а на островахъ Тонга есть даже и повѣрье, отчего именно досталось имъ первенство: изъ двухъ родныхъ братьевъ одинъ былъ работящъ и кротокъ, другой до крайности лѣнивъ и золъ, и когда послѣдній

умертвилъ перваго, то богъ будто бы сказалъ что они и цвѣтомъ тѣла должны такъ же разниться, какъ разнились душою, и что бѣлые всегда должны первенствовать. И дѣйствительно, своимъ мужествомъ на войнѣ, своей отвагою въ морскихъ предпріятіяхъ и боевыхъ играхъ, а также и искусствомъ въ воздѣлкѣ полей и плодовыхъ садовъ, они заявляютъ себя настоящими членами активной, дѣятельной породы. Къ высшему божеству, чествуемому подъ многими именами на разныхъ островахъ помимо жрецовъ и храмовъ, присоединяется нѣсколько подчиненныхъ ему божковъ, въ томъ числѣ и чисто идеальныхъ, каковы наприм. духъ гнѣва и смерти, духъ слезъ и заботъ, который самъ лишился было супруги, долго ее разыскивалъ и нашелъ наконецъ въ Новозеландіи. Вѣтеръ и погода, точно такъ же какъ любое искусство и ремесло, имѣютъ своихъ божественныхъ блюстителей и силодавцевъ. Очень распространена прекрасная мысль что звѣзды — это очи самихъ боговъ или тѣхъ обоготворенныхъ людей которые вознесены на небо. Богъ всевидящъ, а потому ни одинъ злой человѣкъ не минуетъ наказанія; богъ явно блюдетъ за нимъ, обливая его своимъ свѣтомъ какъ полный мѣсяцъ и поражая внезапно съ быстротою падучей звѣзды. Смертоубійство, прелюбодѣяніе, ложь, воровство, все это вышло отъ соблазновъ злого духа, которому то и любо, если человѣкъ горько плачетъ. Гнѣвъ бога и духовъ южноморскіе островитяне думаютъ ублажить жертвами. Занеможетъ у нихъ кто изъ близкихъ родныхъ, они отрѣзываютъ у себя частичку мизинца и обрекаютъ ее смерти на мѣсто болящаго; или, когда нужно умилостивить небо раздраженное какимъ-нибудь нечестіемъ, они задушаютъ маленькое дитя, но всегда скорбя и соболѣзнуя о его невинной смерти.

Основаніемъ культуры у свѣтлокожихъ Южноморцевъ опрятность. Они купаются и моются, стараясь разными втираньями согнать съ тѣла даже солнечный загаръ. Они обвѣшиваютъ себя всякими прикрасами, очень любятъ густые волоса, вчесываютъ ихъ въ видѣ гребня на шлемѣ, убираютъ перьями и листвой. Татуировка развита здѣсь въ высшей степени. Линіи наколовъ слѣдуютъ по рукамъ и ногамъ очертанію мышцъ въ симметрическомъ порядкѣ, спина обыкновенно украшается крестомъ, а грудь — щитообразною фигурой; сверхъ-того расписываютъ они себѣ тѣло цвѣтами и фигурами животныхъ. Только первая татуировка и дѣлаетъ воина настоящимъ бойцомъ; чѣмъ обильнѣй подвигами его жизнь, тѣмъ чаще повторяется татуировка; извѣстные наколотые знаки играютъ роль орденовъ и гербовъ героя, такъ что въ собственномъ своемъ тѣлѣ онъ видитъ живой памятникъ замѣчательныхъ своихъ дѣлъ.

Пѣсня и плясъ также дѣйствуютъ здѣсь еще въ нераздѣльномъ единствѣ для передачи внутреннихъ ощущеній души. Разнообразною игрой лица и выразительными движеніями всего тѣла сопровождаютъ они подъ звуки флейты или подъ барабанный бой свои пѣсни, при исполненіи которыхъ единичные голоса смѣняются обыкновенно хорами, и первые нерѣдко отвѣчаютъ другъ другу, такъ что въ цѣломъ выходитъ драматическое представленіе. Мелодіи поются по большой части протяжно и жалобно; тихая, трогательная грусть господствуетъ такъ же и здѣсь, какъ въ народныхъ пѣсняхъ Европейцевъ. Содержаніе очень просто; оно изображаетъ какой-нибудь случай внѣшней

или внутренней жизни; дѣло передается коротко, но многократно повторяется, обнаруживая въ самомъ выраженіи перемѣнность ощущеній; тутъ попадаются уже иногда и риѳма, и размѣръ.

Изобразительное искусство, въ свою очередь, дѣлаетъ на южноморскихъ островахъ первый шагъ къ свободѣ и самобытному достоинству. Оно оформливаетъ уже пространство назначенное для богослуженія, въ памятникѣ удолговѣчиваетъ оно мысль, даетъ видимое, наглядное и прочное выраженіе исключительно тому что̀ вышло изъ ряда обыкновеннаго. Для совершенія жертвоприношеній камни складываются въ большія пирамиды. Правильно обтесанными глыбами коралловъ обводятъ прочную грань святилища, называемаго морай; тамъ собственно приносятся жертвы, тамъ хоронятся цари. Но въ чертѣ его встрѣчаются иногда и своеобразныя еще постройки, отличающіяся особенной величиной на островѣ Отаити. Надъ плоскостью въ 270 футовъ длины и въ 94 фута ширины подымается десятью уступами, каждый съ свободнымъ вокругъ обходомъ, усѣченная пирамида въ 56 футовъ вышиною; площадка наверху сводится только на 6 фут. въ ширину и на 180 въ длину. Цѣлое представляется какъ бы колосальнымъ жертвенникомъ. Въ другихъ мѣстахъ есть памятники той же самой формы, только менѣе величиной.

Находящіеся въ оградѣ морая каменные столбы (бабы) воздвигнуты въ честь богамъ и въ память умершихъ царей. Начинаютъ съ увѣнчанія столба огромнымъ шлемомъ или же очеркомъ головы, въ такомъ родѣ какъ у гермовъ, при чемъ конечно придаютъ послѣдней неестественные размѣры, такъ что она составляетъ чуть не треть всего столба; какъ настоящій новозеландскій герой, искривляя лицо, таращa глаза, ощеривая зубы, хочетъ быть живымъ изображеніемъ не только одной воинской ярости, но вмѣстѣ и славы, такъ точно и начальныя формы ваянія переходятъ въ чудовищное и страшное, что̀ на этой первой ступени искусства должно служить замѣной величавому и внушающему благоговѣніе. Не столь крупные кумиры боговъ рѣжутся или плетутся изъ дерева *; имъ иногда вставляютъ перламутровые глаза, зубы замѣняютъ кабаньими клыками, а самихъ одѣваютъ въ красныя птичьи перья. Гдѣ на палицахъ или на судовыхъ носахъ изображены человѣческія головы, тамъ онѣ отличаются такою же чудовищностью, но сами палицы и сѣкиры тщательно выглажены, правильно гдѣ слѣдуетъ стопены, ловко переходятъ изъ округлыхъ формъ въ огранку, и со вкусомъ изукрашены волнистыми и зубчатыми линіями.

Въ средней Америкѣ, ко времени ея открытія, сложились подъ вліяніемъ людей бѣлой породы извѣстные культурные зачатки, не оказавшіе однако ни малѣйшаго вліянія на европейскихъ вторженцевъ и истребленные ими почти безо всякаго слѣда.

Къ дикимъ людоѣдамъ и поклонникамъ фетишей, Перуанцамъ, пришли въ 12-мъ столѣтіи свѣтлокожіе сыны Солнца, Инки; они научили ихъ земледѣлію и ремесламъ, основали города, распространили надъ ними свое гос-

---

* Образчикъ такого плетенаго божка можно видѣть въ Румянцовскомъ этнографическомъ собраніи Московскаго Публичнаго Музея.

подство и составили аристократію, изъ которой вышли одинъ вслѣдъ за другимъ тринадцать царей; какъ владыки, первосвященники и представители бога, они поступали съ народомъ по своему благоусмотрѣнію, нудили его къ труду, смотрѣли на себя какъ на государство, а въ государствѣ видѣли собственника земли и всѣхъ произведеній людской дѣятельности, но удѣляли изъ этого все необходимое для народа и вообще правили отечески. Бракъ почитался у нихъ святыней, о воспитаніи со стороны государства заботились жрецы.

Въ ослѣпительно свѣтящемъ шарѣ солнца Перуанцы видѣли лучезарный обликъ божества, всевѣдущаго и всеблагого, единаго владыки и творца міра, къ которому мѣсяцъ стоитъ въ братскомъ отношеніи, а звѣзды въ отношеніи всегда вѣрной дружины. Инки путемъ смерти идутъ прямо къ отцу своему, Солнцу; для народа же уповаютъ возрожденія къ счастливѣйшей долѣ на землѣ. Чистому Солнцу служили чистыя дѣвы-жрицы. Молитвой чествовали его восходъ, а въ посвященные ему праздники творили возліянія изъ золотыхъ кубковъ, приносили въ жертву животныхъ, плоды и цвѣты; по внутренностямъ первыхъ, по этому тихому и скрытому средоточію ихъ жизни, старались разгадать общую связь вещей, судьбу.

Отъ нихъ донынѣ уцѣлѣли искусственныя дороги съ проломами въ скалахъ, съ гатями черезъ пропасти, городскія стѣны изъ многогранныхъ тесаныхъ камней, которые такъ плотно приходятся одинъ къ другому по швамъ что напоминаютъ лучшія киклопскія сооруженія Пеласговъ, развалины дворцевъ надъ высокими террасированными подстройками, съ порталами сходящимися вверху дугой и съ четыреугольными обтесанными столпами, которые идутъ въ два ряда цѣлою улицей. Одинъ порталъ, состоящій изъ колосальной каменной глыбы, обрамленъ простыми карнизами и украшенъ ложчатыми полосками. По стѣнамъ пущены правильнымъ прямоугольнымъ зигзагомъ восходящія и нисходящія ленты, сами испещренныя крестчатымъ узоромъ. Простая ясность и архитектоническая строгость распорядка производятъ хорошее впечатлѣніе. Постройки болѣе простирались въ ширь, чѣмъ въ вышину. Храмъ солнца былъ внутри весь одѣтъ золотомъ, которое называли обыкновенно солнечными слезами. Лучи восходящаго свѣтила падали на изображеніе его во храмѣ, — человѣческій ликъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и окруженный блестящимъ сіяньемъ. По бокамъ его сидѣли муміи царей на золотыхъ престолахъ.

Симметрично-рельефная декорація и обломки колосальныхъ статуй показываютъ что органическія формы употреблялись съ чисто-орнаментными еще цѣлями: круги глазъ, овальный очеркъ рта, волнистая линія носа только изъ-дали намекаютъ на лицо, часто сливаясь и съ другими росчерками, въ родѣ арабесковъ; архитектоническая строгость основныхъ частей и архитектоническая лишь декоративность въ исполненіи не даютъ еще развернуться духу пластики, но сами по себѣ вполнѣ заслуживаютъ вниманья.

Инки любили музыку и пѣніе, которыя, при живомъ исполненіи и въ формѣ бесѣды между исполнителями, обращались въ родъ сценическаго представленія, собственно для царской потѣхи.

Въ Мексикѣ сначала утвердили свою власть земледѣльческіе Тольтеки, что̀ продолжалось до 11-го столѣтія; голодъ и моровая язва разсѣяли ихъ на югъ и на востокъ. Въ 14-мъ вѣкѣ племя Астековъ выстроило городъ Теноxтитланъ или Мексико, начавъ сооруженіемъ храма страшному богу войны. Культъ солнца былъ, кажется мнѣ, и у Астековъ первымъ основаніемъ религіи; только обѣ его стороны, губительный зной и благотворная теплота свѣта, разступились у нихъ въ два различныхъ божества, и сверхъ того отъ первичнаго̀, простого чаянія духа во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ здѣсь прямо перешли къ антропоморфическому богопредставленію и богоизображенью: искусство старалось уже придать формы божественнымъ сущностямъ. Хвицлипохотли, подобно Молоху, — солнце въ губительной его силѣ, воинственное и страшное; обруку съ нимъ стоитъ кротко и привѣтно Тецкатлипока; змѣеубивецъ, какъ Аполлонъ или Зигфридъ, истребитель вражьей силы, онъ вмѣстѣ съ этимъ видитъ въ своемъ зеркалѣ все что происходитъ въ здѣшнемъ мірѣ; юный самъ, онъ всего охотнѣе принимаетъ жертву отъ прекрасныхъ юношей. Человѣческія жертвоприношенія были вообще такъ же распространены въ Мексикѣ, какъ и у языческихъ Симитовъ; драгоцѣннѣйшее и высшее изъ всѣхъ созданій божіихъ, человѣкъ, приносился богу въ очищеніе грѣховъ; каждый посвящался ему съ самаго уже рожденія особыми нарѣзками на груди и тѣлѣ; позже въ честь ему производились кровопусканія, символическій намекъ на то что понастоящему человѣкъ весь долженъ отдаться богу. Кто въ горѣ и нуждѣ добровольно шелъ на жертву, тотъ пользовался за то по смерти высокимъ уваженіемъ; плѣнниковъ умерщвляли въ честь богу по праздникамъ, считая ихъ достаточною замѣной природныхъ Мексиканцевъ. Но они должны были идти на смерть не по принужденію, а даже съ радостью; для этого передъ концомъ давали имъ вдоволь упиться всѣхъ чувственныхъ наслажденій, и, увѣнчанные цвѣтами, всходили они на высокій жертвенникъ, гдѣ хваталъ и распластывалъ ихъ жрецъ, чтобы подержать потомъ передъ солнцемъ еще трепещущее ихъ сердце. На крови ихъ замѣшивали тѣсто изъ муки и лѣпили изъ него идоловъ Хвицлипохотли, которые народъ послѣ ѣлъ, воображая что въ нихъ самъ богъ дается ему въ пищу. Не знаю, видѣть-ли въ этомъ, равно какъ и въ очистительномъ купаніи новорожденныхъ, грубое искаженіе христіанскихъ обрядовъ, или же только пантеистическое ихъ предчаяніе: связь активныхъ элементовъ этихъ племенъ съ древнимъ міромъ доселѣ еще вовсе не разъяснена.

Загробное бытіе представляли себѣ Астеки въ трояномъ видѣ: мрачнымъ адомъ для отверженцевъ, прохладнымъ и злачнымъ мѣстомъ покоя для посредственныхъ, полнымъ веселья, пѣсень и игръ солнечнымъ чертогомъ для благородныхъ и доблестныхъ.

Средоточіемъ культа и архитектуры у Мексиканцевъ было сѣдалище божіе, такъ-называемый теокаллій или жертвенникъ который они сооружали въ видѣ искусственнаго холма: нѣсколькими уступами поднимается пирамидальная его постройка, а на верхней площадкѣ (платформѣ) ставится уже собственно алтарь съ кивотами для кумировъ, въ видѣ башенокъ. Такія же, хотя не столь высокія, но часто гораздо обширнѣйшія террасы подводились и подъ царскіе дворцы, чтобы придать имъ надъ всей окрест-

ностью господствующее положенье. Крутыя лѣстницы ведутъ съ одной стороны, а иногда и со всѣхъ, на верхнюю площадку теокаллія; каждый его ярусъ расчлененъ отъ другихъ могучимъ карнизомъ и окнообразно-углубленными кассетами, а выступающія между ними части стѣнъ имѣютъ видъ столповъ подпирающихъ рѣзко выдавшіеся обломы карниза. Эта въ сущности простая, но величавая основная форма украшается потомъ детальнымъ орнаментомъ, который хотя и представляетъ тамъ и сямъ правильные и ясные узоры и со вкусомъ расположенную вязь прямыхъ линій съ кривыми, однакожъ по большой части носитъ характеръ чудовидной дикости и грубой фантастики, такъ что основная форма зданія вся опутана пестрой и кудреватой отдѣлкой. Внутренніе покои чертоговъ вообще узки, и покрыша сводится обыкновенно такъ, что прямыя вначалѣ стѣны на извѣстной высотѣ наклоняются одна къ другой посредствомъ постепенно выдвигаемыхъ впередъ верхнихъ рядовъ камней, которыхъ выступы потомъ сглаживаются, а остающійся за тѣмъ промежутокъ связывается горизонтальной плахою. Эта островерхая покрыша обыкновенно не выступаетъ наружу; зданіе кажется состоящимъ изъ двухъ подѣленныхъ карнизами сплошныхъ этажей, только длина его всегда значительно превосходитъ вышину.

Когда Испанцы покорили Мексику, въ городѣ было много теокаллій, которые, возвышаясь среди домовъ, жгли по ночамъ на своихъ вершинахъ постоянные огни въ честь богу огненной стихіи, Солнцу. Величайшій изъ нихъ, простираясь на 298 квадратныхъ футовъ въ ширину и въ длину, поднимался на 114 футовъ въ высоту; окруженный каменною оградою дворъ, куда вело четверо башнеобразныхъ воротъ, обнималъ со всѣхъ сторонъ и теокаллій и принадлежавшія къ нему жилища жрецовъ. Нѣкоторыя изъ такихъ построекъ сохранились лучше потому, что лежали въ пустынномъ захолустьѣ; таковы наприм. ухмальскія развалины. Усѣченная пирамида теокаллій сводилась то шире, то уже кверху: въ Папантлѣ вышина (85 футовъ) составляетъ двѣ трети ширины, а въ Тотигуаканѣ (170 футовъ) — только четверть. Развалины дворцовъ окружены всегда нѣсколькими дворами, вокругъ которыхъ располагались разные переходы и покои. Нерѣдко находили тамъ колонны, простые круглые стволы съ горизонтальной накрышкою, явно обличающіе происхожденіе колонны отъ подпорнаго бревна, что́ подтверждается и другими еще подражаніями древостроительнымъ пріемамъ въ каменныхъ фасадахъ.

Подобно тому какъ въ зодчествѣ Мексиканцевъ простая и ясная основная форма явно приносилась въ жертву причудливѣйшей декораціи, такъ точно и въ ихъ пластикѣ простодушное естественное чувство, здравое пониманіе жизни и ея движеній совершенно затемнялись фантастичной страстью къ росчеркамъ и узорамъ; человѣческій обликъ, и особенно голову, окружали они удивительнѣйшими прикрасами, такъ что настоящія черты почти совершенно путались и терялись въ арабескахъ. Столпы въ Квиригвѣ, отъ 20-ти до 30-ти футовъ вышиной, и другіе, поменѣе, въ Копанѣ, представляютъ нѣкоторыя части человѣческаго тѣла крайне толстыми и тяжелыми среди множества самыхъ пестрыхъ прикрасъ; здѣсь, по замѣчанію Куглера, явно имѣлось въ виду произвесть фантастически-ужасающее впечатлѣніе; одна

базальтовая статуя богини смерти вся состоитъ изъ череповъ, змѣй, когтей и перьевъ; богиня цвѣтовъ, богъ солнца изображены съ пребольшою головой на такой же вышины крошечномъ туловищѣ, но лице и убранство просты, даже можно-сказать не дурны. Рельефъ одного жертвеннаго камня представляетъ мексиканскихъ воиновъ, которые хватаютъ за волосы плѣнниковъ подносящихъ имъ цвѣты; головы и здѣсь необычайно грубы. Напротивъ на паленкскихъ рельефахъ фигуры выведены стройныя съ заломленными лбами, съ крючковатыми носами, съ отвислою нижнею губой и въ положеніяхъ, на нашъ взглядъ потѣшныхъ. Въ другихъ мѣстахъ страшно изображены чудовищные драконы. На хочикалькскомъ теокалліи рельефъ прямо обличаетъ свое происхожденіе изъ рисунка: контуры остались выпуклыми въ видѣ узенькихъ кантиковъ или ободочковъ, тогда какъ въ Египтѣ они рѣзались, напротивъ, въ глубь.

Мексиканская живопись, при рѣзкихъ вообще краскахъ, даетъ въ декоративномъ отношеніи симметричные контрасты и пестрые орнаменты, иногда присоединяясь къ архитектоническимъ украшеніямъ и рельефамъ, иногда же выступая и вполнѣ самостоятельно. Историческія картины въ чиченскомъ зданіи обнаруживаютъ уже шагъ къ болѣе правильному пониманію искусства, къ энергическимъ, не утрированнымъ однакожь движеніямъ, хотя впрочемъ и здѣсь человѣкъ существуетъ какъ бы только для головного убора. Мексиканцы составляли сверхъ-того изъ разноцвѣтныхъ перьевъ родъ мозаичнаго рисунка на одежныхъ тканяхъ и на половыхъ коврахъ. — Письмо у нихъ было образное и передавало не звуки, а только представленія; ограничивалось стало-быть первоначальнымъ пріемомъ рисовки самихъ предметовъ, а не выраженья словъ.

Музыка и пѣніе употреблялись при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ религіозныхъ, такъ и свѣтскихъ. Царямъ за трапезой воспѣвали подвиги ихъ предковъ. Когда Кортесъ прибылъ въ Мексику, на всемъ краѣ лежало мрачной тѣнью чаяніе близкой гибели. Монтесума покорился Испанцамъ, живо принимая къ сердцу древнее повѣрье, что съ востока пріидетъ новый божественный основатель царствъ которому свыше суждена побѣда. Царь Несахуалькойотль въ Тескуко, какъ повѣствуетъ потомокъ его, Ихтлихочитль, воздвигъ пирамидальную башню въ честь невѣдомому и незримому богу, и, вмѣсто людей, приносилъ ему въ жертву только цвѣты и оиміамы; солнце называлъ онъ отцомъ, землю — матерью, и молился вышнему богу которымъ все живетъ и который все собой объемлетъ. Ему пѣлъ онъ свои гимны. Грусть сквозитъ въ нихъ съ начала до конца; царь полонъ предчувствія, что скиптръ въ рукѣ его ненадеженъ; онъ говоритъ о томъ времени, когда и знати пріидется извѣдать всю горечь нищеты, и когда, сравнивая свой жалкій бытъ съ прежнимъ величіемъ, она станетъ проливать слезы не рѣкой, а морями. Вотъ почему царь и хочетъ, пока не насталъ еще роковой часъ, увѣнчать славное чело свое цвѣтами и, радуясь настоящимъ благополучіемъ, торжественно возвеличить всемогущаго бога.

КИТАЙ.

Міромъ, царствомъ, наконецъ — цвѣткомъ средины величаетъ себя эта восточно-азійская треть человѣчества которая зовется еще и по родамъ своихъ владыкъ: отъ династіи Цинъ происходитъ имя Сина или Хина подъ которымъ Китай сталъ извѣстенъ западной Европѣ. Съ Китая начинаемъ мы культурную исторію потому, что здѣсь выдѣлилась первая ступень жизни человѣческой и стала въ сторонѣ отъ дальнѣйшаго развитія историческихъ народовъ, но при этомъ выработалась самымъ замѣчательнымъ образомъ въ сферѣ своей собственной природы, въ данныхъ предѣлахъ своей сущности. Китайцы неподвижны не въ томъ довольно общепринятомъ смыслѣ, что будто бы все сплошь остается у нихъ неизмѣннымъ; напротивъ, культуры своей добились они кропотливымъ, настойчивымъ трудомъ, и государство ихъ испытало на себѣ много потрясеній; можно даже сказать что именно ихъ исторія представляетъ не столько картину безпрерывныхъ войнъ, сколько прогрессивный ходъ образованія, открытій и познаній; но они консервативны въ томъ значеніи, что крѣпко держатся за все что́ успѣли разъ себѣ добыть, и за первичную форму своего жизненнаго начала, такъ что все развитіе ихъ совершается въ предѣлахъ послѣдняго, не переходя за его завѣтную черту; у нихъ не возникаетъ ни чего существенно новаго, ни чрезъ усвоеніе со стороны, ни благодаря процессу внутренняго самораскрытія; но не льзя при этомъ надивиться, какъ разнообразно и умно примѣняется къ дѣлу и выработывается у нихъ все первобытное, исконное. Китайцы были малыми дѣтьми, какъ и все человѣчество той отдаленной эпохи, но дѣтьми же они и остались, дѣтьми же и состарѣлись, такъ что символомъ цѣлаго народа является герой сказанія, Лао-цзе, который будто бы родился на свѣтъ сѣдовласымъ старцемъ.

Всякая истинная жизнь — развитіе, то-есть постепенный выступъ разностей изъ неразрозненнаго еще единства; борьба осамобытившихся противо-

положностей ведетъ наконецъ къ примиренію и уладу, а черезъ нихъ къ полнѣйшей и настоящей, потому что свободной уже, гармоніи. Личность должна разбить зарокъ авторитета, но не для того конечно чтобы отрѣшиться отъ всеобщаго разума, а для того чтобы дойдти до истины собственнымъ умомъ. Каждая изъ различныхъ сферъ духа должна выработаться въ свою очередь, чтобы въ результатѣ вышло что-нибудь законченное и полное. Европейское человѣчество, Арійцы и Симиты, идутъ этимъ именно путемъ; съ борьбою и страданіемъ самодѣятельно стремятся они къ этой цѣли: въ Азіи же цѣлая треть людского рода, сбившись на пространствѣ, подобномъ Европѣ величиною и положеніемъ, осталась при такомъ сплошномъ единствѣ, что различные дары и направленья духа не разобрались и не выработывались тамъ отдѣльными народами, а потому не были ясно различены мыслію ни матерія отъ духа, ни естественный порядокъ отъ нравственнаго, ни религія, ни наука, ни мораль, ни право; все захрясло здѣсь въ сплошной, невоздѣланной смѣси. Вотъ почему ранѣе всѣхъ даровитѣйшихъ и отважнѣйшихъ народовъ Европы урядили они трезво и разсудительно жизнь свою и водворили у себя мирную гражданственность; иное къ чему мы только еще стремимся, что́ у насъ является удѣломъ лишь весьма немногихъ, то давно уже ими достигнуто, — достигнуто всѣми и для всѣхъ, но зато въ далеко несовершенномъ видѣ: вмѣсто исключительно сродной духу свободной гармоніи, мы встрѣчаемъ у нихъ только связанную, невольную. Мощь единства безусловно властвуетъ надъ множествомъ; авторитетъ ея оберегаетъ Китайцевъ отъ многихъ заблужденій, но зато нѣтъ у нихъ вольнаго разгула въ жизни, нѣтъ веселья свойственнаго только самоправящей, самозаконной душѣ. Высшее и глубочайшее навсегда остается недостижимымъ человѣку, когда съ самаго начала проповѣдуютъ ему только строгую мѣру да золотую середину сплошь во всемъ, и этимъ, разумѣется, неизбѣжно приводятъ его къ посредственности. Опасеніе всего рьянаго и могучаго, всего творческаго и геніальнаго не даетъ возникнуть ни какой доблести мысли или воли и на все набрасываетъ тѣнь филистерства, трезваго, но близорукаго разсчета. Китайцы пріобрѣли много свѣдѣній, многое открыли раньше Европейцевъ, но они всегда не столько заботятся о причинѣ, объ основаніи, сколько о ближайшей цѣли; въ розысканіяхъ руководитъ ихъ одна польза, а оттого они и не доходятъ до настоящаго знанія, которое дается только тому кто ищетъ его изъ любознательности и изъ-за истины: полезное прилагается тогда само собою.

Первый человѣческій союзъ семья; здѣсь духовная обязанность неразрывно связана съ природнымъ чувствомъ; здѣсь нравственность отпечатлѣвается въ обычаѣ; здѣсь въ домѣ царитъ одинъ общій духъ, одинъ властный авторитетъ отца, какъ элементъ дѣятельный, преобладая надъ женой и дѣтьми, какъ надъ элементомъ послушнымъ, подчиненнымъ. Въ семьѣ-то и блюдутъ Китайцы святыню жизни; семейная любовь — первая и высшая заповѣдь; основать семью главная задача мужчины, бракъ то именно состояніе въ которомъ онъ исполняетъ свое назначенье на землѣ. Онъ всячески долженъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ, а они обязаны ему всегдашнимъ благоговѣніемъ и покорностью. Супружеская вѣрность цѣнится здѣсь высоко. Отецъ долженъ воспитать сына какъ можно лучше, и если сынъ пріобрѣ-

тетъ общее уваженіе, честь этого относятъ къ отцу, какъ достойному его воспитателю, а потому и высшій почетъ воздаютъ не потомкамъ которые должны еще показать себя, а напротивъ предкамъ чья заслуга продолжаетъ дѣйствовать и признается въ послѣдующихъ поколѣньяхъ. Ихъ воспоминанію посвященъ особый культъ: надо три года скорбѣть по умершихъ родителяхъ въ строгомъ удаленіи отъ всѣхъ мытарствъ и увеселеній свѣта. Дѣти всегда остаются дѣтьми и во всякомъ возрастѣ несовершеннолѣтними въ отношеніи къ родителямъ, а потому и въ бракъ вступаютъ только по ихъ выбору, когда и съ кѣмъ захотятъ они ихъ сосватать. У кого нѣтъ родного сына, тотъ старается взять пріемыша и, воспитывая его съ любовью, вполнѣ замѣнить кровную связь духовною. Внутреннее и внѣшнее здѣсь еще неразрывны между собою; разныя степени любви предписаны закономъ и измѣряются видимыми дѣйствіями: сынъ всегда идетъ за отцомъ и меньшой братъ за старшимъ, не иначе какъ отступивъ на одинъ шагъ; когда родители больны, дѣти одѣваются какъ попало, неохотно пьютъ и дозволяютъ себѣ развѣ сдержанную лишь улыбку, — все это всплу законнаго предписанія.

Органическое государство охраняетъ святыню домашняго очага, но у него есть и другія формы общественности въ сословіяхъ и въ общинѣ; каждый кругъ самъ вѣдаетъ свои дѣла, припоровляясь только къ цѣлому; народъ черезъ своихъ представителей участвуетъ въ правленіи и самъ себѣ даетъ законы; цѣль государственнаго общежитія — обезпечить каждому лицу возможность полнаго и свободнаго развитія прирожденныхъ ему свойствъ. Совсѣмъ не то видимъ мы въ Китаѣ. Семья всегда была и есть тамъ первое и послѣднее. У многихъ семей всегда одинъ общій родовой глава, и такимъ образомъ государь 300 милліоновъ подданныхъ относится къ народу какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ дѣятельное начало къ страдательному, какъ руководитель къ послушнымъ недоросткамъ; они должны любить его какъ отца, а онъ — заботиться объ нихъ какъ о дѣтяхъ; весь міръ одна семья, и всѣ люди братья. Народу не мѣшаютъ ни какія сословныя различія, всѣ между собой равны, всѣ равно несовершеннолѣтни. Разумѣется, отцу отечества нужны представительные и исполнительные органы, и имъ необходимо знать свое дѣло, чтобы хорошо отправлять его. Не отступая ни на шагъ отъ семейнаго начала, развился въ Китаѣ весь государственный механизмъ. Только бо́льшій запасъ познаній открываетъ тамъ доступъ къ обширнѣйшему кругу дѣйствія; только ученые назначаются императоромъ въ правители и судьи; они повышаются въ должностяхъ только благодаря постепенно устрожающимся экзаменамъ; академія изъ самыхъ состоятельныхъ ученыхъ есть вмѣстѣ и высшее управленіе подъ предсѣдательствомъ государя, первоверховнаго доктора или учителя своей имперіи. Управляя народомъ, онъ обязанъ воспитывать его и обучать, такъ какъ люди становятся къ чему-нибудь годны, только когда имъ какъ должно выяснятъ что́ дурно и что хорошо: источникъ безпорядковъ и преступленій невѣжество. Вотъ отчего императорскіе указы являются въ формѣ наставленій и имѣютъ цѣлью воспитать народъ. Подобно тому какъ въ кругу семьи строгая дисциплина подчасъ унимаетъ дѣтей палкою, такъ и въ Китаѣ бамбуковая трость гуляетъ вездѣ сверху внизъ, не оскорбляя этимъ ни чувства чести,

ни личнаго достоинства, до которыхъ впрочемъ и не доросъ тщательно спеленутый смыслъ стараго дитяти, народа. Мы сказали уже что внутреннее еще не различается тамъ отъ внѣшняго; поэтому нравственныя нормы помысловъ и чувствъ точно такъ же устанавливаются положительнымъ закономъ, какъ и всякіе внѣшніе обряды или церемоніи. Съ дѣтскимъ благоговѣніемъ соблюдаютъ притомъ Китайцы завѣтъ и преданіе отцовъ; сердце лежитъ у нихъ къ древней мудрости, унаслѣдованной отъ предковъ; преданье старины связываетъ руки самому императору и составляетъ важный предметъ усвоенія для всѣхъ сплошь ученыхъ. Отъ первыхъ государей, говорятъ въ Китаѣ, пошло и первое образованіе. Они научили зажигать огонь и строить домá, они изобрѣли оружіе и музыкальные инструменты, и первые употребляли ихъ въ дѣло, они ввели бракъ и земледѣліе, сами придумавъ плугъ и показавъ какъ имъ дѣйствовать; они же начали постройку большихъ каналовъ. Вся власть исходитъ отъ государя, а онъ блюдетъ древнее преданіе и опредѣляетъ чтó сообразно съ нимъ, чтó нѣтъ. «Все для народа, ничего черезъ него» — вотъ, какъ справедливо замѣчаетъ Вуттке, главное китайское правило. Но вѣдь государь и отвѣчаетъ за то чтобы все обстояло благополучно; его вина, если народу приключится какое-нибудь бѣдствіе, если онъ придетъ въ оскудѣніе и упадокъ; повелитель за это и кается. Если онъ вздумаетъ поставить свой личный произволъ на мѣсто унаслѣдованныхъ изстари законовъ, народъ въ правѣ отстаивать передъ нимъ преданіе и даже избрать себѣ другого, истиннаго владыку. Перевороты въ Китаѣ стремятся не къ нововведеніямъ, а къ возстановкѣ старины. Вотъ почему государю необходимо прислушиваться къ народному голосу, и для того онъ назначаетъ особыхъ блюстителей закона, представителей общественной совѣсти, которые должны остерегать и его самого ото всего чтó несправедливо.

Поверхностный наблюдатель могъ бы заключить отсюда что правимый учеными Китай осуществляетъ собой идеалъ Платонова государства, типъ справедливости и вмѣстѣ художественное созданіе, гдѣ властвуютъ философы и философствуютъ владыки. Но вѣдь Платонова мудрость совсѣмъ не то чтó простое усвоеніе и толкованіе исконныхъ преданій; она свободное изслѣдованіе, готовое напротивъ отозваться Сократовскимъ невѣдѣньемъ на всѣ укоренившіеся взгляды и предразсудки старины, съ тѣмъ чтобы открыть и произвесть истину, какъ дѣло своего свободно развивающагося и вполнѣ обоснованнаго мышленія. Платонъ возносится надъ всѣмъ даннымъ міромъ къ верховной идеѣ, къ первообразу вещей въ духѣ божіемъ; этотъ первообразъ хочетъ онъ высвободить изъ-подъ заслоняющаго покрова, какимъ облекъ его видимый міръ, и по немъ уже возсоздать дѣйствительность. Кантъ былъ того мнѣнія что не кстати царямъ пускаться въ философію или философамъ быть царями, такъ какъ власть неизбѣжно сбиваетъ съ толку свободное сужденье разума. Но чтобъ ни цари, ни державные народы не гнали философовъ и не зажимали имъ насильно рта, это, думалъ онъ, необходимо для освѣщенія пути самимъ же царямъ и народамъ. Въ томъ-то именно и состоитъ великая разность между царствомъ духа и Китаемъ, что тамъ свѣтомъ жизни становится постепенное самовразумленіе, что дознанная и ясно развернутая идея служитъ первообразомъ и цѣлью

дѣйствительности, а свободное разысканье истины не связываетъ себя заготовь преданіемъ, но всегда дозволяетъ себѣ относиться къ нему съ нѣкоторой долею сомнѣнья; мыслящій человѣкъ хочетъ самъ составить себѣ убѣжденіе насчетъ высшихъ интересовъ бытія, насчетъ причины и цѣли жизни, хочетъ открыть что-нибудь новое по-своему и такимъ образомъ развить добытое прошлымъ нѣсколько далѣе или иначе.

Въ Китаѣ это ему не дозволено; другія мысли, кромѣ унаслѣдованныхъ отъ предковъ, другія ученія, кромѣ предписанныхъ государственнымъ уставомъ, считаются преступнымъ посягательствомъ на отеческую власть; государь, отъ имени государства, предписываетъ чему учить и учиться; наука никогда не была тамъ свободна и самостоятельна, всегда находясь въ строгой зависимости отъ вопроса о пользѣ и потребностяхъ внѣшней жизни и покоряясь всеподавляющей силѣ цѣлой государственной организаціи.

Мы хотимъ чтобы практика скорѣе усвоила себѣ все что̀ добудетъ и откроетъ теорія; въ Китаѣ практика опредѣляетъ то что̀ теорія должна считать и проповѣдывать за истину. Императоръ и его сановники заказываютъ писать тѣ именно книги какія признаютъ нужными. Ни кто не хочетъ новыхъ открытій; и науки, и дѣла, все сведено въ правила затверживаемыя наизустъ; быть умнымъ значитъ хранить въ памяти преданіе и съ нимъ сообразовать свои поступки, а отнюдь не то чтобъ самобытная мысль становилась задушевнымъ чувствомъ и вела къ новой дѣятельности, къ новымъ формамъ жизни. По всему этому Китайцы безспорно цивилизованный народъ противъ дикарей, но уже черезчуръ небойкій противъ людей истинно образованныхъ и свободныхъ.

Семья, къ которой мы теперь воротимся, держится домомъ, постояннымъ жиломъ, земледѣліемъ; Китайцы сообразно этому существенно земледѣльческій народъ, самъ государь прилагаетъ державную руку къ плугу, и благодаря многолѣтнимъ частнымъ опытамъ они, помимо научной химіи, одною практикой дошли до того что никогда не ведутъ хозяйства въ ущербъ почвѣ, постоянно возвращая послѣдней пометнымъ удобреніемъ отнятыя у ней минеральныя или щелочныя составныя части; человѣкъ прилежно поддерживаетъ плодоносіе кормящей его земли, но съ другой стороны тщательно подбираетъ и всякую опаль, даже наприм. волоски въ цырюльнѣ. Работящій народъ, при дѣтски-семейномъ настроеніи, отличается миролюбіемъ; онъ дорожитъ спокойной жизнью и съ весьма давнихъ еще поръ оградилъ себя стѣной отъ тревожныхъ варварскихъ набѣговъ.

Дѣти, какъ и все первобытное человѣчество, начинаютъ выражать свои ощущенія, окружающіе предметы и отношеніе къ нимъ людей посредствомъ легко-произносимыхъ односложныхъ звуковъ; общій семейный навыкъ и теперь еще дозволяетъ особаго рода сокращенія въ рѣчи: довольно одного слова, сказаннаго извѣстнымъ тономъ и поясненнаго тѣлодвиженіемъ, чтобы возбудить цѣлую вереницу мыслей. Китайцы и здѣсь остановились на ступени ребячества; языкъ ихъ состоитъ не столько изъ словъ какъ изъ корней, которые и служатъ имъ непосредственно для сложенія рѣчи, такъ что они собственно никогда не вникали и не вникаютъ въ процессъ словообразованія и словоизмѣненья. Они не различаютъ ни имени, ни глагола, одна

и та же корневая форма выражаетъ, смотря по своему положенію, понятіе того или другого, точно такъ какъ они не даютъ развиться самостоятельно ни одной сферѣ духовной жизни, ни же одной какой бы то ни было личности. Само слово лишено у нихъ всякаго развитія: оно не флектируется (не видоизмѣняется по грамматическимъ формамъ), ни какой пе́резвукъ, ни какое особое окончаніе не обозначаютъ отношенія его въ общей связи предложенья; ни склоненій, ни спряженій ни какихъ нѣтъ. Четырьмя стами односложныхъ коренныхъ звуковъ покрываютъ они весь наличный запасъ языка; смотря по быстротѣ или протяжности, по восходящему или нисходящему тону произношенія, число звуковъ учетверяется; но и тутъ любой изъ нихъ все еще имѣетъ разныя значенія, и не льзя довольно надивиться какъ много умѣли сдѣлать Китайцы съ помощью такихъ наипростѣйшихъ средствъ, не достигнувъ еще высшей ступени различительнаго словообразованія и флексіи, ступени такъ-называемыхъ органическихъ языковъ. Соотношеніе представленій выражается у нихъ урочнымъ положеніемъ и распорядкомъ словъ. Подлежащее всегда предшествуетъ сказуемому, аттрибутъ — тому что̀ онъ опредѣляетъ, представленіе дѣятельнаго существа — тому предмету на который переходитъ его дѣятельность. «Человѣкъ большой» значитъ: человѣкъ великъ; но «человѣкъ большой государство» значитъ: человѣкъ возвеличиваетъ свое государство. Такъ словорасположеніе наводитъ мысль на логическія формы собственно не выражаемыя языкомъ; Китаецъ думаетъ всегда больше нежели скажетъ; слышимыя слова требуютъ опять размышленія, и вотъ почему Станиславъ Жюльенъ называетъ китайскую рѣчь языкомъ не грамматики и не памяти, а логики и умозаключенья. Слово не дѣйствуетъ здѣсь на воображеніе, предложеніе не высказывается, а по намекамъ вырабатывается умомъ слушателя. Слово цзунъ значитъ вѣрность, вѣрный, вѣрно поступать или дѣйствовать, смотря по мѣсту его въ предложеніи; одна только конструкція указываетъ на связь представленій и вещей: и тутъ опять сила цѣлаго не даетъ свободы частностямъ, опредѣляя значеніе и сущность каждой изъ нихъ отъ себя. Совокупленіе же словъ дѣлаетъ рѣчь не столько живымъ организмомъ сколько кристаллизаціею мысли, при чемъ словесные атомы слагаются опредѣленнымъ образомъ, но остаются безъ всякаго взаимодѣйствія. Фраза выходитъ архитектонической сопостановкой строительныхъ матерьяловъ мысли, которымъ стараются придать вразумительность разнообразіемъ музыкальнаго акцента: это скорѣе полное чувства пѣніе, нежели отчетливая, членораздѣльная рѣчь. Все вмѣстѣ представляется чѣмъ-то оцѣпенѣлымъ, неподвижнымъ. Чтобы высказать что-нибудь общее, Китаецъ перечисляетъ группу частностей: вѣрность, любовь, умѣренность, справедливость, говоритъ онъ за одинъ разъ, когда ему нужно выразить понятіе добродѣтели; утромъ три, вечеромъ четыре, говоритъ онъ, чтобы обозначить непостоянство. Синь — сердце въ смыслѣ внутренняго чувства; матерьяльное же сердце называется синь-тха, сердце круглое. У него есть звукъ для сабли или меча, а ножъ онъ зоветъ уже дитей-саблей. Такимъ образомъ можно пристегнуть новое понятіе къ многоразличнымъ старымъ представленьямъ; у Китайцевъ нѣтъ наприм. ни одного отдѣльнаго слова для понятія «изслѣдовать», но они могутъ выразить его на 27 ладовъ разными сопостановками многихъ словъ рядомъ.

Это особенно обнаруживается въ письмѣ, и Китайцы поневолѣ должны прибѣгать къ нему когда хотятъ сообщить другъ другу что-нибудь трудное или научное. Китайское письмо передаетъ гораздо больше мысли, нежели звуки. Оно сперва вѣдь и начало съ изображенія предметовъ; и надобно сказать что у этого консервативнаго племени, при врожденной ему наклонности къ вѣрному сохраненію разъ высказанныхъ мыслей, очень рано появилась потребность въ письменахъ, и первые эти знаки сберeглись у него до такой степени что мы и теперь еще распознаемъ въ нихъ слѣдъ и черты древнѣйшихъ его помысловъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь каменное оружіе, но не находимъ еще плуга; нѣтъ ни какого обозначенія для храмовъ и городовъ, ни какого также для нравственныхъ понятій, и есть лишь весьма немногія названія для нѣкоторыхъ растеній и животныхъ. Новыя потребности требуютъ для себя конечно и новыхъ знаковъ, но вѣдь нельзя же размножать ихъ до безконечности; а когда придется письменно передать и нѣкоторые звуки, какъ же выразить ихъ различное значеніе, понятное только изъ особенной акцентуаціи и изъ окружающей ихъ обстановки? Китайцы и тутъ всего охотнѣе остаются при первоначальныхъ способахъ, стараясь передать новое посредствомъ извѣстныхъ комбинацій прежнихъ элементовъ. У нихъ есть нѣсколько звуковыхъ образовъ, но для ближайшей характеристики ихъ смысла они присоединяютъ къ нимъ знакъ того предмета какой выражается звукомъ на этотъ именно разъ. Солнце обозначается наприм. кругомъ, мѣсяцъ — серпомъ, а кругъ и серпъ вмѣстѣ значатъ блескъ, сіяніе; вода и глазъ означаютъ слезу, ротъ и передъ нимъ пригоршня рису — благополучіе. Знакъ собаки удерживаютъ они и для сродственныхъ съ ней животныхъ, каковы лиса и волкъ, но присоединяютъ къ нему новый знакъ, смотря по особому свойству животнаго или по отношенію его къ человѣку. Два глядящіе другъ на друга человѣка передаютъ понятіе привѣтствія, два, обращенные другъ къ другу спиной, — понятіе разлуки, два, идущіе одинъ за другимъ, — понятіе слѣдованія, двѣ рядомъ жемчужины — понятіе друга, двѣ женщины — понятіе ссоры, три — понятіе безрядицы: вѣдь все женское считается у нихъ несовершеннымъ. Китайцы во многомъ обнаруживаютъ остроуміе. Образное письмо Египтянъ говоритъ глазу и вооружаетъ фантазію отчетливой ясностью своихъ формъ; Китайцы же, пренебрегая естественный видъ предметовъ, даютъ въ нѣсколькихъ чертахъ одинъ лишь сокращенный знакъ ихъ; символъ, интересующій воображеніе, замѣняютъ они сопостановкой различныхъ знаковъ, чтобы опредѣлить ими для ума извѣстное понятіе. Читать ихъ письмена значитъ уже разумѣть языкъ ихъ. У нихъ насчитывается всего до 80,000 письменныхъ знаковъ; это не то что буквы, а знаки представленій; въ томъ числѣ общеупотребительныхъ не болѣе 4,000, и для нихъ имѣется опять только около двухсотъ ключей или первоначальныхъ знаковъ, опредѣляющихъ любое понятіе различными своими сочетаньями, которыя поэтому столько же должны воспроизводиться умомъ сколько и удерживаться памятью. Такимъ образомъ и здѣсь сохранилось для насъ первое начало всякаго письма; но не покидая коренной своей основы, прямой передачи предмета, и не доходя до выраженія отдѣльныхъ словозвуковъ, идеографическая эта грамота выработалась чрезвычайно тонко въ непосредственной связи съ природой языка. Послѣдній распадается на множе-

ство нарѣчій или говоровъ, но надъ всѣми царитъ письменный языкъ образованныхъ, неразлучный съ грамотой.

И въ религіи Китайцевъ находимъ мы опять первоначальный взглядъ человѣчества: божественное, какъ безконечное, представляется имъ въ свѣтломъ, всеобъемлющемъ небѣ, носителѣ міропорядка, все опредѣляющемъ, всему мѣроположномъ началѣ; духъ и вещество для нихъ еще не порознились, божественное постигается прямо въ чувственномъ и видимомъ, и если Европейцы говорятъ иногда метафорически: небу угодно, небу одному извѣстно, то для Китайцевъ небо, **тянь**, въ прямомъ смыслѣ единое верховное божество, — небо видимое глазу, но вмѣстѣ понимаемое и духовнымъ образомъ, не воплощаемое въ человѣческій обликъ, но представляемое въ качествѣ всепроникающей, всеживительной первосилы, въ качествѣ разумности и дѣйственнаго закона всякаго наличнаго бытія. Видимое небо — явленіе божественнаго существа; оно все видитъ и все объемлетъ; оно вездѣсущая и всевѣдущая мощь, властвующая и въ порядкѣ природы и въ судьбѣ человѣческой. Тянь зовется также и **шан-ти**, верховный господинъ, вышній владыка. Онъ правдивъ и неизмѣненъ, полонъ милосердія и любви, премудрости и справедливости; онъ караетъ злыхъ и награждаетъ добрыхъ. Въ естественныхъ явленіяхъ возвѣщаетъ онъ свою волю, но никогда не путемъ чудесъ, никогда не нарушеніемъ порядка, а напротивъ именно строгимъ порядкомъ жизни и разумомъ, тою общею всѣмъ правдою какая слышится въ любви, въ совѣсти и въ голосѣ цѣлаго народа. Потому что заповѣди неба настоящія опредѣленія разума, которымъ проникнуты и природа и духъ человѣческій. Небесное и земное стоятъ въ непосредственной связи: положеніе свѣтилъ вліетъ на жизнь человѣка и имѣетъ для нея значенье, но оно подчинено закону и можетъ быть разсчитано впередъ; поэтому въ календарѣ ежегодно отмѣчаются дни черные и благополучные.

Какъ въ семейной жизни жена привходитъ къ мужу, такъ и въ религіозномъ сознаніи Китайцевъ земля привходитъ къ небесамъ, какъ нѣчто подвластное, какъ конечное и опредѣлимое начало къ совершенному и опредѣляющему, какъ мать различныхъ существъ, порождаемыхъ взаимнымъ соотношеніемъ неба съ землею. Между ними человѣкъ цвѣтъ природы, средоточіе въ которомъ сходится вся жизнь; въ полахъ женскомъ и мужскомъ проявляются опять земля и небо, совокупляясь въ творческой любви. Небесный законъ прирожденъ человѣку; разумъ его тотъ же что и разумъ міра, но своею собственной волею онъ можетъ выступить изъ гармоническаго строя и тѣмъ болѣе нарушить общій порядокъ что онъ стоитъ вѣдь въ средоточіи всего. Дѣтскому уму Китайцевъ человѣкъ представляется отъ природы добрымъ, какъ невинный младенецъ; нравственность, то что́ быть должно еще не предстаетъ ему идеаломъ, котораго онъ можетъ достигнуть не иначе какъ поборовъ самого себя и возродясь сердцемъ и душою; добро еще кажется ему очень легко. Если же, не смотря на то, человѣкъ всетаки дѣлаетъ иногда зло, то это уже противуестественно и прямо нарушаетъ установленный чинъ природы; слѣдствіемъ того являются болѣзни, бѣдствія и страшныя стихійныя явленія, которыми именно всеобщій порядокъ противодѣйствуетъ частнымъ нарушеніямъ и наконецъ ихъ устраняетъ. Не небо

повергаетъ человѣка въ бездну гибели, онъ повергается въ нее самъ отрѣшаясь отъ небеснаго порядка; и въ бѣдѣ и въ счастіи постигаетъ его только то что̀ онъ самъ себѣ уготовилъ.

Что грѣхъ касается не одного лишь отдѣльнаго лица, но наноситъ ущербъ общему и цѣлому, какъ поруха міровово строя, это правильно понято Китайцами въ той неразрывности какую видятъ они между единичнымъ и цѣлымъ; въ наивномъ созерцаніи ихъ заключается еще и то, что глубочайшая основа всей жизни есть начало нравственное, духовное, что естественный законъ согласованъ съ нравственнымъ міропорядкомъ, но что послѣдній есть первое, опредѣляющее, окончательная цѣль всего. Признать божественное какъ въ нравственномъ міропорядкѣ, такъ и въ законѣ природы, — эта истина, ясно высказанная новѣйшею европейскою философіей и теперь усвоиваемая понемногу всѣми образованными людьми, сохранилась у Китайцевъ въ видѣ первоначальной религіозной идеи. Но они на этомъ и остановились; у нихъ вовсе нѣтъ миѳологіи, ни какихъ созданій фантазіи, оконечивающихъ, т. е. воплощающихъ безконечное; они избѣгли многобожія благодаря тому, что изъ сплошь-единаго ни гдѣ не выдѣлилось передъ ними частныхъ направленій естественной и духовной жизни въ такой самобытности, чтобы они предстали имъ какъ особыя своеобразныя начала, которыя бы олицетворила, очеловѣчила потомъ фантазія; но если они успѣли обойдти много заблужденій, зато не дались имъ и то духовное богатство, та полнота жизни, тѣ очарованія красоты, которыя заключаются въ арійскихъ миѳахъ. Они совсѣмъ не знали того юношескаго возраста когда фантазія строитъ цѣлый идеальный міръ въ собственной груди человѣка; а всегда, подобно малымъ дѣтямъ, оставались подъ владычествомъ внѣшняго міра и авторитета со стороны; съ самаго начала отдались они трезвому, сухому реализму, вмѣсто того чтобы стараться примирить заносчивую субъективность съ положительной объективностью. Они не ставили символовъ на мѣсто идей и не увлекались при этомъ до забвенія въ наглядномъ образѣ настоящаго его смысла, до того чтобъ въ противуестественномъ и чудесномъ видѣть сверхъестественное, высшее, и изъ-за преутонченныхъ религіозныхъ формулъ зажигать костры, проливать рѣки крови, предпочитать суевѣріе наукѣ; но зато они и остались при первичной простотѣ во всемъ, не старались изведать глубь и полноту вѣчной сущности, не думали вмѣстѣ съ греческимъ мудрецомъ что все человѣческое божественно и все божественное человѣчно, не переживали съ христіанской искренностью скорбь грѣха, бремя гнѣва Божія и потомъ радость искупленія, торжество всепобѣждающей любви. Для Китайцевъ земной міръ прямо и есть царство божіе, они родятся его гражданами, не вѣдая того что для вшествія въ него потребно напередъ возрожденіе, преодолѣніе себялюбивой своей воли. Бога чествуютъ они подъ открытымъ небомъ, на высотѣ горъ; они не строятъ ему храмовъ, чужды кумирослуженія, никогда не приносили человѣческихъ жертвъ, никогда не вѣрили что можно заслужить небесную награду самоистязаніемъ. Но зато нѣтъ у нихъ глубины и пыла внутренняго чувства, породившаго у другихъ народовъ между прочимъ и помянутыя сейчасъ заблужденія. У нихъ нѣтъ посредствующихъ между богомъ и міромъ жрецовъ, но зато они всѣ сплошь остались мірянами, тогда какъ апостолъ призываетъ насъ всѣхъ къ священству. Они не посвятили

богу ни одного праздника, никогда не надумались подняться надъ будничною прозой. Государство для нихъ вмѣстѣ и Церковь, императоръ сынъ неба и отецъ подданныхъ, за которыхъ онъ и приноситъ жертвы, какъ выраженіе признательности къ богу за полученные отъ него дары.

Какъ сынъ и видимый намѣстникъ неба императоръ настоящее средоточіе вселенной. «Истинный владыка подобенъ полярной звѣздѣ, сказано въ од-«номъ Конфуціевомъ изреченіи: онъ твердо стоитъ на мѣстѣ, а всѣ прочія «свѣтила вращаются вокругъ него». Какъ небо въ отношеніи къ землѣ, такъ и государь въ отношеніи къ народу является мѣроположнымъ и водительствующимъ началомъ. Указы его—велѣнія неба, само небо и воцаряетъ его, все равно, путемъ ли рожденія или выбора народнаго, потому что гласъ народа вѣдь гласъ божій. Но государь обязанъ зато выполнять волю небесъ, быть отцомъ, служить примѣромъ своему народу; небо возвеличило его съ тѣмъ чтобы онъ наставлялъ народъ, руководилъ его къ добродѣтели; оно лишитъ его своей помощи, если онъ отъ того отступитъ. Небу угодна добродѣтель, и царская власть установлена имъ для блага народнаго. Что̀ видитъ и слышитъ небо, то, въ свою очередь, видитъ и слышитъ народъ; такъ горнее дѣйствуетъ заодно съ дольнымъ, а потому царю необходимо вслушиваться въ народный голосъ. Искони слыветъ кореннымъ государственнымъ правиломъ, что государь нуженъ народу чтобы послѣднему жить въ согласіи и мирѣ, но что безъ народа ни чего не значитъ и государь. Не вода, а народъ служитъ ему зеркаломъ. Нагрянетъ бѣда, случится землетрясеніе, засуха, наводненіе, неурожай; за все отвѣтчикъ императоръ, онъ долженъ принять на себя вину и облечься въ сорочку покаянія: будучи средоточіемъ вселенной, онъ своею мыслію и волею конечно оказываетъ вліяніе и на ходъ природы.

Надежда безсмертія точно такъ же какъ и идея бога коренится въ убѣжденіи первобытнаго человѣчества; у Китайцевъ вѣра въ духовъ непосредственно примыкаетъ къ вѣрѣ въ небо. Туда отходятъ души усопшихъ, тамъ онѣ живутъ, дѣйствуютъ оттуда на землю, являются геніями природы и духами-покровителями своихъ потомковъ. Чествованіе памяти прадѣдовъ уже само по себѣ сродно семейному чувству вообще. Потомкамъ собственное безсмертіе представляется наградой за почитаніе предковъ. Осужденные на вѣчную гибель тутъ не принимаются въ разсчетъ; рѣчь идетъ здѣсь только о стяжавшихъ жизнь безконечную, которые навѣки остаются членами и орудіями небеснаго міропорядка, карателями нечестія, блюстителями справедливости. Галерея предковъ съ таблицами ихъ именъ составляетъ вездѣ домашнюю святыню. Но какъ ни близко къ сердцу принимаетъ Китаецъ эту вѣру въ духовъ, фантазія его все-таки не создаетъ ни какихъ образовъ загробной жизни, и его наука ни слова о томъ не говоритъ. Конфуцій, на вопросъ о состояніи людей по смерти, отвѣчалъ слѣдующее: «Я не знаю еще «и жизни, гдѣжь мнѣ знать что̀ такое смерть?»

Китайцы народъ мыслящій; возвышаясь надъ частнымъ и преходящимъ, они спрашиваютъ о причинѣ и цѣли всѣхъ вещей, хотя и ищутъ послѣдней въ одной полезности и такимъ образомъ безвыходно остаются въ узкой сферѣ трезваго разсудочнаго пониманія. Основатели культуры ихъ не боговдохно-

венные провидцы, не пророки приходившіе въ священное изступленіе, а умные, осмотрительные люди, установившіе и теоретически опредѣлившіе то что сообразнѣе съ житейскимъ обиходомъ. Нѣтъ народа который былъ бы такъ богатъ изреченіями практической мудрости и нравоучительными правилами, причемъ главную роль играетъ пословица, такъ мѣтко выражающая всеобщее какимъ-нибудь частнымъ подобіемъ или примѣромъ. «Рой колодезь, пока еще не томишься жаждою», говоритъ одна изъ нихъ; или: «Дорогой камень не ошлифовать безъ тренія, а человѣка не улучшить безъ «испытанья»; «Лучше пустой домъ въ тишинѣ и мирѣ, нежели человѣкъ «въ беззаконіи»; «Великій человѣкъ всегда простъ, какъ ребенокъ».

То что религіозный языкъ зоветъ небомъ и землей, то на философскомъ слыветъ совершеннымъ и несовершеннымъ, безконечнымъ и конечнымъ. Эти два начала разсматриваются еще также какъ дѣятельное и страдательное, какъ мужское и женское. Говорятъ, ихъ принималъ уже основатель китайской культуры, Фоги, и назвалъ одно янъ, другое инь, обозначивъ первое цѣльною, второе дробною, раздѣльной чертою: ——, — —. Совокупленіемъ этихъ противоположныхъ началъ образуется міръ, а потому всѣ главныя существа его и формы явленій означаютъ разными сопостановками вышеприведенныхъ линій; небо и земля — полюсы, въ промежуткѣ ихъ лежитъ все остальное, слагаясь изъ нихъ такъ, что преобладающимъ является гдѣ небо, гдѣ земля:

Небо   Облака   Огонь   Гроза   Вѣтеръ   Вода   Горы   Земля.

Позднѣйшіе мыслители нашли въ первичной силѣ вмѣстѣ и первичную матерію, движеніе и обруку съ нимъ покой; противоположеніе выходитъ въ такомъ случаѣ порозненіемъ единства, которое возстановляется потомъ въ видѣ гармоніи чрезъ взаимное сопроникновеніе между собою противоположныхъ, то-есть разрозненныхъ, стихій. Начало всему единое или просто единица, и происхожденіе всѣхъ чиселъ отъ единицы представляетъ образъ происхожденія вещей изъ предвѣчнаго существа. Тѣсная связь этого ученія съ религіознымъ представленьемъ и полное подчиненіе личнаго духа со всей его свободою стороннему авторитету овозможиваетъ въ Китаѣ ту любопытную черту, что школьная философія, которая и сама не помышляетъ объ открытіи истины, а хочетъ лишь толковито объяснить преданье, распространяется и преподается въ качествѣ оффиціальной государственной философіи.

Ни одна духовная сила не смѣетъ подняться у Китайцевъ выше средняго уровня; обычное съ разсудительной сухостью царитъ и властвуетъ надо всей ихъ жизнью, имъ чужды всякій порывъ вдохновенія, всякое стремленье къ новизнѣ, всякая своеобразность творчества, всякое увлеченіе, всякій вольный полетъ фантазіи. Обязанность во всемъ держаться преданія стѣсняетъ свободный разгулъ воображенья, духъ никогда не возвышается надъ освященною опытомъ дѣйствительностью до какого-либо идеала, который предстоитъ еще осуществить или который является совершеннымъ первообразомъ несовершеннаго всегда міра; реалистическій смыслъ народа видитъ этотъ идеалъ въ равновѣсіи самихъ вещей и въ законченной вполнѣ

жизни предковъ; ему не до осуществленія грезъ о будущемъ, онъ смотритъ только назадъ въ прошлое, и за образецъ принимаетъ то что сдѣлано было прежде. Все прекрасное свободно, и есть выполненіе закона на свой собственный непринужденный ладъ; свободное искусство — плодъ свободной жизни, не иначе; а существо Китайца отовсюду связано, поэтому и художественный его побудъ слуга пользы. Искусство замѣняется здѣсь искусственнымъ. Но вдумчивый взглядъ на дѣйствительность и вѣрное соблюденіе первичныхъ формъ присоединяются у нихъ къ живому семейному чувству, къ искреннему почитанію прошлаго. Дитя природы, человѣкъ врождается съ своимъ безразличнымъ еще чувствомъ въ этотъ по снурочку вытянутый міръ: и вмѣсто того чтобы преображать его по-своему, чтобы вступить съ нимъ въ жаркую, одушевленную борьбу, онъ относится къ нему страдательно, впадаетъ въ то сантиментальное настроенье, которое преобладаетъ уже и въ древнихъ китайскихъ пѣсняхъ, заступая тамъ наивную свѣжесть и непосредственность.

Даже и во внѣшнихъ своихъ пріемахъ Китаецъ избѣгаетъ всего своехарактернаго и вольноподвижнаго; самый органъ свободнаго движенія, нога, сжимается у Китаянки въ какой-то отвратительный и омертвѣлый обрубокъ Одежда вообще мундиръ, человѣкъ не одѣвается какъ хочетъ, его одѣваютъ какъ слѣдуетъ, чтобы по платью видны были званіе и чинъ; даже волосъ не смѣетъ онъ отростить и носить по волѣ, ихъ приходится обрить и оставить только пасму на маковкѣ, чтобъ заплесть въ торчащую косичку. При быстрыхъ перемѣнахъ погоды фуфайки и халаты надѣваются и снимаются по нѣсколько, какъ какіе-нибудь футляры или чахлы.

Своеобразнаго строительнаго стиля въ древнемъ Китаѣ не выработалось; небу поклонялись не въ храмахъ, а на открытомъ воздухѣ; тогда какъ именно храмоздательство впервые и дѣлаетъ архитектуру искусствомъ, которое уже не служитъ здѣсь ремесленнымъ потребностямъ обиходной жизни, но напротивъ въ идеальномъ произведеніи символически выражаетъ строй народнаго духа и его взглядъ на божество. Древнѣйшими монументальными работами Китайцевъ были большіе и многочисленные каналы для водяныхъ сообщеній и для необходимаго тамъ орошенія полей; они сами по себѣ требовали той прямолинейной правильности, которая такъ въ духѣ сухой разсудочности народа. За тѣмъ шла такъ-называемая «великая стѣна», которою, спустя 200 лѣтъ по Р. Х., Шіо-хан-ди оградилъ сѣверную границу имперіи отъ варварскихъ набѣговъ. Это собственно земляной валъ, обведенный кирпичными стѣнами около 25 футовъ въ вышину, съ брустверомъ надъ нижней половиной и съ выступнымъ цоколемъ изъ тесанаго камня. Все вмѣстѣ простирается почти на столько же въ толщину, какъ и въ вышину, а вверху увѣнчано зубцами; немного потолще и повыше тѣ башни, которыми на каждыхъ ста саженяхъ, или около, подкрѣпляется оборонная сила стѣны и вмѣстѣ прерывается ея однообразіе. На протяженіи почти трехъ тысячъ верстъ послѣдняя естественно должна пересѣкать и горы и рѣки.

Часто и улицы въ городахъ состоятъ изъ глухихъ кирпичныхъ стѣнъ безъ оконъ; снаружи продѣланы только входы къ простирающимся въ глубь дворовъ жильямъ. Дома, не исключая даже и чертоговъ, по большой части одноэтажные; покои расположены вкругъ обнесенныхъ галереями дворовъ,

а среди каждаго двора устроенъ водоемъ, обсаженный цвѣтами. Внутренность переполнена рѣзьбой и всякаго рода украшеньями; особенно любятъ вырѣзывать изъ странновидныхъ корней разныя чудовищности, а за тѣмъ придаютъ такія же перепутанныя формы утвари и домашнимъ вещицамъ: на мѣсто простой красоты и художественности безсознательная игра формами мало по малу пришла и здѣсь къ искусственному и чудовищному, къ тому что́ зовутъ бароккомъ. Но при этомъ не угасъ еще вполнѣ дѣтскій смыслъ къ живой природѣ; страсть къ цвѣтамъ, къ изящной разбивкѣ садовъ, дѣлаетъ ихъ настоящимъ украшеніемъ жизни у Китайцевъ; особенно мастера они располагать въ паркахъ группы деревъ по формамъ и цвѣтооттѣнкамъ, на смѣну перепутаннымъ дорожкамъ устроивать, какъ въ англійскихъ садахъ, полосу правильныхъ грядъ и куртинъ, наконецъ украшать сады лучшимъ изо всѣхъ созданій китайской архитектуры, перенятымъ поэтому и въ Европѣ, — свѣтлыми, воздушными бесѣдками, которыхъ крыша опирается на легкія деревянныя колонки, а стѣны состоятъ изъ планочнаго переплета, обвитого зеленью; но крыша, подобно крышѣ всѣхъ китайскихъ башенъ, и теперь еще напоминаетъ шатеръ съ своими вогнутыми по серединѣ и высоко приподнятыми по краямъ скатами; этотъ выгибъ сохранился здѣсь отъ кочевой поры и перенесенъ совсѣмъ уже безъ цѣли на древостроительство, а оно, въ свою очередь, стало оттого изначала декоративнымъ, и слѣдовательно вызывающимъ на всевозможную пестроту прикрасъ, на безконечную узорчатость.

Когда въ первомъ столѣтіи по Р. Х. въ Китаѣ на́чалъ распространяться буддизмъ, онъ принесъ съ собой изъ Индіи сложившіяся тамъ формы религіозныхъ построекъ; однакожь онѣ подверглись здѣсь преобразованію. Особенно понравилась Китайцамъ уступчатая башня па́годъ или тотъ пирамидальный верхъ, какимъ обыкновенно увѣнчаны полушарные дагопы; ея именно мотивъ разработали они въ своихъ т х а, — легкихъ многоэтажныхъ башняхъ съ постепенно умаляющимися крышами каждаго восходящаго вверхъ этажа, при чемъ всѣ кровельные спуски разнообразно выгибаются и обвѣшиваются колокольчиками; кирпичи наведены золотисто-блестящимъ лакомъ, а стѣны украшены пестрой росписью или одѣты плитками фарфора. Извѣстнѣйшую въ этомъ родѣ постройку представляетъ сооруженная въ 15-мъ столѣтіи фарфоровая башня въ Нанкинѣ, болѣе 200 футовъ вышиной.

Слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь о почетныхъ воротахъ, б е-л у, строимыхъ середи улицъ въ память достославныхъ дѣлъ или людей и снабжаемыхъ хвалебными имъ надписями; это деревянныя сооруженія, просто два столба съ перекладиной и узорчатою надъ нею крышкой, или же одни такія ворота пошире въ серединѣ, и два прохода поуже и пониже съ каждой стороны; этимъ конечно достигается пріятная симметричность, но до архитектонической разработки дѣло не доходитъ никогда; все ограничивается балками и кровельными выступами, изукрашенными не въ мѣру. Вмѣсто стремленія къ высокому и изящному трезвый смыслъ Китайца гонится только за полезностью; вмѣсто того чтобы стараться онаглядить сущность и цѣль вещи въ граціозной формѣ и съ приноровкой къ свойству даннаго матерьяла, онъ умѣетъ только прикрасить ее по наружности.

Скульптура у Китайцевъ далѣе ремесленности нейдетъ; ихъ рѣзьба, ихъ металлическіе и глиняные рельефы не обнаруживаютъ ни какой самобытной художественности и развѣ носятъ лишь отпечатокъ той миловидной пожалуй игры, какою отличаются скопированныя съ нихъ бездѣлушки нашихъ велико-свѣтскихъ гостиныхъ. Живопись ихъ отличается чистотою исполненія и яркостію красокъ, но вовсе не даровитостью композиціи и не чувствомъ изящества въ контурахъ. Она выражается не въ монументальныхъ фрескахъ, а служитъ украшеніемъ для фарфоровыхъ вазъ, для чашекъ и подносовъ, или же выполняется въ небольшую всегда величину на рисовой бумагѣ. Привлекательные въ картинахъ семейной жизни, Китайцы и здѣсь не покидаютъ условныхъ формъ изъ уваженія къ церемоніалу и установленному обычаю, а гдѣ изображеніе захочетъ быть живоподвижнѣе, тамъ оно тотчасъ впадаетъ въ гримасу или въ пошлость. О перспективѣ нѣтъ ровно ни какого понятія; моделировки у нихъ очень мало, но въ оправданіе себѣ они говорятъ, что тѣнь есть нѣчто случайное, что ею только мутится живость красокъ; не признавая чтобъ живописецъ передавалъ лишь съ своей точки зрѣнія тотъ образъ вещей который рисуется въ собственномъ глазу его, они увѣряютъ что перспективное умаленіе свойственно только недостаточности нашихъ зрительныхъ органовъ и что гораздо вѣрнѣй изображать предметы такъ какъ они есть, не уменьшая отдаленныхъ. Но они дѣйствительно отличаются тщательнымъ и тонкимъ подражаніемъ природѣ въ изготовленіи узоровъ для тканей и шитья, въ рисовкѣ птицъ, цвѣтовъ и бабочекъ: вообще пестрое нравится имъ всего болѣе, какъ малымъ дѣтямъ.

Особенное значенье имѣетъ у Китайцевъ музыка. Они придаютъ ей большой вѣсъ; изобрѣтателями и усовершенствователями ея были, видите, государи; а потому съ ея напѣвами и инструментами должны, говорятъ, измѣниться государство и весь обычай. Въ глубокой еще древности упоминается о флейтахъ и трубахъ, о струнныхъ инструментахъ, барабанахъ. Кинъ, звенящій камень, называется рядъ разнозвучныхъ каменныхъ плитокъ, которыя укрѣплены на вѣсу и въ которыя бьютъ колотушками. По свидѣтельству древнихъ народныхъ пѣсень, музыкой преимущественно занимались слѣпые, находившіе въ царствѣ звуковъ вознагражденіе за то чего были они лишены отрѣшеніемъ отъ видимаго міра. Китайцы все выводятъ изъ гармоніи совокупнаго дѣйствія неба земли, хранить во всемъ мѣру слыветъ у нихъ первою задачей человѣка; такъ точно и самую жизнь вещей, всѣ срочныя въ ней перемѣны, считаютъ они великою міровою музыкой; череда мѣсяцевъ представляетъ имъ двѣнадцать тоновъ одной и той же октавы. Правильнымъ рядомъ тоновъ и благозвучнымъ ихъ согласіемъ всего ближе онагляживается для Китайцевъ художественный образъ міра съ его законами. Музыка, говоритъ священная книга Ли-ки, есть выраженіе связи между небомъ и землею. Какъ надлежащая мѣра — ось вселенной, а гармонія — вездѣ господствующій въ ней порядокъ, такъ же точно строго уряжена въ каждомъ своемъ дѣлѣ и попущеніи человѣческая жизнь, все тутъ взвѣшено и измѣрено, предписаны формы для всѣхъ случаевъ, какъ себя гдѣ вести, каждый шагъ держится обрядомъ или церемоніей въ искони принятой надлежащей мѣрѣ, и вотъ что говоритъ намъ даже о пирушкахъ и угощеніяхъ извѣстный французскій миссіонеръ де-Мальѧ (de Mailla): тутъ всегда

приставленъ особый слуга, который бьетъ тактъ, какъ у насъ въ музыкѣ, чтобы всѣ гости брали одновременно съ блюда, одновременно клали куски въ ротъ, одновременно подымали вверхъ свои вилочки и потомъ клали ихъ опять на мѣсто. Музыка—въ связи со всѣми этими церемоніями и, подобно имъ, считается условіемъ нравственнаго образа жизни. Языкъ музыки для всѣхъ сплошь понятенъ, разность словъ исчезаетъ здѣсь въ одинаковости звуковъ; поэтому Китайцы и говорятъ что музыка соглашаетъ всѣ народы. Въ книгѣ Ли-ки сказано: главная цѣль музыки уряжать людскія страсти; о ней много размышляли древнѣйшіе еще мудрецы, и самъ Конфуцій видѣлъ въ ней средство образованія нравовъ и государственнаго процвѣтанія, потому что она поневолѣ втягиваетъ слушателя въ мѣрный ходъ свой, увлекаетъ его въ свою гармонію. Такъ между прочимъ повѣствуютъ о Фо-ги: посредствомъ струннаго инструмента, кинь, онъ сперва привелъ въ порядокъ собственное свое сердце и поставилъ въ надлежащіе предѣлы свои страсти, а потомъ сталъ дѣйствовать имъ и на образованіе другихъ людей. Императоръ Шынь вмѣстѣ съ единствомъ мѣръ и вѣсовъ ввелъ также и одинаковую для всѣхъ музыку, одни и тѣ же инструменты въ цѣломъ государствѣ; поэтому книга Ли-ки говоритъ: обычай правитъ сердцами народа и ведетъ ихъ къ соблюденію во всемъ настоящей мѣры и середины, а музыка вноситъ между людей согласіе, такъ что они не ссорятся и не перечатъ другъ другу. Одинъ изъ китайскихъ государственныхъ мужей ставитъ музыку въ основаніе всякому порядку, миру и спокойствію въ государствѣ.

Гладишъ указалъ на сходство этихъ взглядовъ съ Пиѳагоровскимъ ученіемъ; но, по-моему, они точно такъ же самостоятельны какъ изобрѣтеніе книжной печати и пороха въ Китаѣ и въ Европѣ. Есть много такихъ идей, которыя, основываясь на природѣ вещей и на своеобразности человѣческаго духа, одинаково проявляются у разныхъ народовъ. Браманы, греческій философъ Парменидъ и средневѣковые мистики говорили независимо другъ отъ друга объ истинѣ единаго вѣчнаго и чистаго бытія въ противоположность кажущемуся бытію множества и скороизмѣнчивости міра. Меня поражали многіе замысловатые обороты китайскихъ книгъ, которымъ можно найдти близкое подобіе у западныхъ поэтовъ. И Китаецъ называетъ жизнь грезою подобно Кальдерону, и онъ говоритъ, какъ Шекспиръ, что безмолвная скорбь всего скорѣе сокрушаетъ сердце; что̀ у стѣнъ есть уши, что всякъ долженъ мести у своихъ дверей, вошло въ пословицу и у Китайцевъ, и у Нѣмцевъ; что мѣра лучше всего на свѣтѣ, на эту мысль попалъ самъ собою греческій мудрецъ, точно такъ же какъ и китайскій, и Цезарь Шекспира навѣрно не у Конфуція занялъ прекрасное сравненіе неизмѣнной воли властелина съ полярною звѣздой, которая стоитъ неподвижно среди кружащаго около нея міра. Развѣ не одинаковыми положеніями вызваны извѣстныя пѣсенки трубадуровъ и миннезенгеровъ и, напримѣръ, слѣдующій китайскій стишокъ:

Она ему: пѣтухъ пропѣлъ;
А онъ: да, только бы посмѣлъ!
Она: смотри, ужь брезжетъ свѣтъ;
А онъ: да нѣтъ, повѣрь, мой свѣтъ!

Она указываетъ ему на небо, тутъ онъ видитъ утреннюю звѣзду и убѣждается что въ самомъ дѣлѣ пора разстаться; но пѣтуху не миновать его мѣткой стрѣлы. Въ другомъ подобномъ стихотвореніи царица напоминаетъ царю, что пропѣлъ пѣтухъ-разлучникъ; а онъ возражаетъ, что это смутный гулъ ночной, не болѣе; она говоритъ: ужь начинаетъ свѣтать, а онъ видитъ тутъ только мѣсяцъ; наконецъ жужжанье утренней мухи вызываетъ его изъ объятій любви и возвращаетъ къ обязанностямъ властителя.

Китайцы справедливо требуютъ чтобы звукъ путемъ уха проникалъ прямо въ сердце и душу; музыка, говорятъ они, введена не съ тѣмъ чтобъ щекотать слухъ, но чтобы овладѣвать страстями и приводить всѣ духовныя силы въ стройный ладъ. Однако это нравственное направленіе музыки и забота сдѣлать ее полезною для воспитанья не повела и тутъ ни къ какому самостоятельному развитію искусства, чисто изъ-за одной красоты. Музыка осталась монотонною и какою-то бубенчатой; напѣвы ея отличаются тяжелою и странною вычурностью; ребяческій, нестройный шумъ идетъ обруку съ разсчитанной теоріей звуковъ; но оба эти элемента остаются безъ всякой связи между собой. Китайцы въ данномъ состояніи музыки справедливо видятъ одно изъ мѣрилъ народнаго быта; но невѣрно то ихъ мнѣніе, что будто кто обладаетъ знаніемъ тоновъ, тотъ уже способенъ и всѣмъ управлять.

Развитіе народа можемъ мы прослѣдить только въ поэзіи. Зачала китайской лирики восходятъ къ самодревнѣйшей эпохѣ; въ лѣтописяхъ имперіи встрѣчаются метрическія нравственныя изреченія, замыкающіяся даже риѳмой; напримѣръ:

Небу покоряясь
Случай выжидай,
Время избирай.

Такимъ простымъ сентенціямъ, именуемымъ фу, противостоятъ другія, которыя на мѣсто самой вещи даютъ ея образъ или подобіе; эти называются бе. Всего болѣе любятъ здѣсь однако поговорки третьяго рода, хинъ, которыя начинаютъ внѣшнимъ явленіемъ, какъ символомъ мысли, и къ нему уже прививаютъ потомъ самую мысль.

Такъ оно обыкновенно бываетъ въ китайскихъ народныхъ пѣсняхъ, да встрѣчается впрочемъ и у всѣхъ другихъ племенъ. Такъ какъ человѣкъ вообще возбуждается къ ощущенію и къ мысли дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, то послѣднія и служатъ ему нагляднымъ образомъ его чувствъ и представленій. Душа, не совладавъ еще съ своей печалью или радостью до такой степени чтобы высказать ее вполнѣ ясно, хватается за первый подходящій предметъ, выясняетъ на немъ сама себѣ свое настроеніе и связываетъ послѣднее съ предметомъ, чтобы передать все это слушателямъ. Другіе народы скоро переходятъ на ту ступень, гдѣ поэтъ начинаетъ уже прямо съ духовной стихіи и потомъ свободно онагляживаетъ мысль въ подобіяхъ, непосредственно облекая въ образы свои внутреннія настроенья; но Китайцы и здѣсь взяли за правило первоначальную форму: прежде ставятъ они образъ, а за тѣмъ уже чувство или мысль. Каждый стихъ составляется изъ равнаго числа односложныхъ словъ, нѣсколько стиховъ связы-

ваются между собой однозвучной риомою, а образъ и мысль взаимно отражаютъ другъ друга съ такимъ параллелизмомъ, который напоминаетъ этого же рода формы у Египтянъ и Евреевъ, съ тою только разницей что тамъ подобіе и мысль никогда не держатся въ такой строгой разлукѣ. Отношеніе между ними бываетъ изыскано, загадочно, но чаще замысловато и умно. Напримѣръ:

Предъ листопадомъ шелковица
Глядитъ нарядно и пестро;
Начнетъ кокетничать дѣвица,
Повѣрь, ужь то не на добро.

Тотъ же самый образъ повторяется гдѣ попало, или съ небольшими отмѣнами — въ началѣ каждой строфы; иногда же что строфа, то новая чета подобія и мысли.

Около 5000 лѣтъ тому назадъ съ богатыхъ ключами высотъ сѣверозападной окраины спустились предки нынѣшнихъ Китайцевъ и распространились по теченію рѣкъ въ восточной долинѣ. Замкнутость страны, окаймленной съ запада, юга и сѣвера горными хребтами, а съ востока моремъ, совершенно подходитъ къ замкнутости народнаго характера; природа надѣляетъ человѣка всѣмъ необходимымъ для жизни: сарацынское пшено и хлѣбъ, чай, хлопчатая бумага, шелкъ, все это Китаецъ находитъ у себя дома. Обиліе рѣчныхъ водъ, какъ для орошенія полей, такъ и для устройства сообщеній, расширилось искусственно до такой степени, что бо̀льшая часть переѣздовъ совершается на судахъ, и многіе Китайцы на водѣ родятся и умираютъ. Правильность въ проводѣ каналовъ отвѣчаетъ всему вытянутому по стрункѣ быту народному, да и самое сооруженіе такихъ работъ предполагаетъ и крѣпкую внутреннюю связь въ народѣ и полное повиновеніе его одной предусмотрительной и заботливой власти. За 2200 лѣтъ до Р. X. основатель династіи Гіа, Ю, кажется оказалъ важную услугу самому̀ государственному строю тѣмъ, что провелъ большой Императорскій Каналъ для обезпеченія края отъ наводненій и для поднятія культуры его вообще, употребивъ къ тому соединенныя силы своего народа. Отъ глубокой этой древности не дошло до насъ ни одно стихотвореніе. Но сохранилось нѣсколько хвалебныхъ и жертвенныхъ пѣсенъ отъ династіи Шанъ (1766—1123 до Р. X.), и особенно отъ династіи Чеу, царствовавшей съ 1123-го по 221-й годъ; за первую половину этого періода Конфуцій собралъ народныя пѣсни въ книгѣ Шикинъ, и въ нихъ-то именно предстаетъ намъ богатая картина старобытной жизни. Китайцы сами говорятъ: «Что̀ живетъ въ душѣ, то завѣтное ея «настроеніе, и лишь облеките его въ слово, у васъ выйдетъ пѣсня или «стихъ»; одинъ древній пѣвецъ, тотъ же пожалуй Орфей въ своемъ родѣ, сказалъ императору Шунь: «Когда я прикоснусь къ камню моего инстру-«мента Кинъ, тотчасъ водворяется гармонія и среди духовъ, и среди жи-«вотныхъ».

Тутъ мы находимъ еще отзывы тѣхъ патріархальныхъ отношеній, когда важную роль въ обществѣ играли владѣльцы большихъ стадъ которые перевелись потомъ въ Китаѣ; мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разныя имѣнія подѣляются между собой искусственными ручьями, какъ возводятся зе-

млебитныя стѣны домовъ, какъ мужчины идутъ на рыбный ловъ и на охоту, а женщины занимаются уходомъ за шелковымъ червемъ. Далѣе, подъ державой династіи Чеу водворяются феодалистическія (землеслужебныя) отношенія. Среди имперіи лежитъ императорскій удѣлъ, къ нему примыкаютъ помѣстья князей-подручниковъ, обязанныхъ государю службой. Имперія лѣтъ за 700 предъ Р. Х. едва-было не распалась на нѣсколько мелкихъ государствъ, вслѣдствіе того что украйны его расширились и окрѣпли миромъ и войною.

Лирическая, какъ непосредственное изліяніе сердечныхъ чувствъ, народная поэзія Китайцевъ получаетъ отъ разсудливаго ихъ смысла оттѣнокъ поучительности, а исходя всегда отъ какихъ-нибудь естественныхъ образовъ, невольно вдается въ описательную и созерцательную сферу. Кореннымъ, одушевляющимъ ее чувствомъ можно назвать семейную чтивость и любовь; кротко преданное, трогательное настроеніе обыкновенно преобладаетъ въ ней надъ энергическимъ, готовымъ на дѣло; ощущеніе свѣтлой отрады чередуется съ чувствительною жалобой.

Въ ближайшемъ отношеніи къ семейной жизни находимъ мы очень милыя пѣсни любви. Вотъ между прочимъ одна изъ нихъ:

Стоитъ-высится дерево поверхъ Нана-горы,
И бѣжитъ по немъ цвѣтъ-повилика.
Какъ отрадно смотрѣть, когда доблесть съ красой
Вступятъ въ прочный союзъ, на совѣтъ и любовь!

Ростетъ-высится дерево поверхъ Нана-горы,
А лозочка вкругъ него вьется.
Ужь какъ любо, когда миловидности
Удастся взять въ руки величіе!

Стоитъ-выросло дерево поверхъ Нана-горы,
А лоза все тѣснѣй къ нему жмется.
Какъ имъ сладко вдвоемъ, какъ баюкаетъ ихъ,
Едва вѣя, дыханіе счастья!

Персиковое дерево въ цвѣту слыветъ образомъ невѣсты, а въ плодахъ — образомъ замужней женщины. Искатели невѣстъ и искательницы жениховъ снуютъ туда и сюда въ пріятномъ ожиданіи, иногда перекидываясь украдкою нѣжнымъ словцомъ или знакомъ; есть невѣсты застѣнчивыя и спѣсивыя, но есть и такія, у которыхъ жажда любви пересиливаетъ все:

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ уже только семь.
Кто хочетъ на мнѣ посвататься, торопись не прозѣвать бы!

Всѣ персики съ дерева попадали, остается на немъ уже только три.
Кто хочетъ на мнѣ посвататься, не мѣшкай, спѣши, торопися!

Всѣ персики съ дерева попадали: кому же убрать ихъ въ лукошко?
Кто хочетъ на мнѣ посвататься, тотъ и убирай все какъ знаетъ!

Задушевнѣе и глубже выражается жажда любви въ другой пѣсенкѣ:

Середь озера водяная лилія
Ростетъ-цвѣтетъ одинёшенька;
Болитъ-тужитъ моя душенька
По красавцѣ, по милóмъ дружкѣ.

Въ третьей еще пѣснѣ жена напоминаетъ мужу первое его привѣтствіе, когда онъ нѣжнымъ голосомъ поздравилъ ее на порогѣ своего дома и, устремивъ на нее кроткій взглядъ, поднесъ ей кубокъ съ брачнымъ напиткомъ; но потомъ она пришлась ему не по́ сердцу, и за всю свою покорность встрѣчаетъ съ его стороны только холодно-вѣжливое обращеніе.

Глубже чувство въ моемъ сердцѣ, глубже чѣмъ въ твоемъ;
Знать лишь сверху ты пригубилъ пѣну брачнаго напитка,
И любовь твоя, какъ пѣна, вмигъ исчезла безъ слѣда.
Я жь все выпила до дна, и во рту до сихъ поръ горько;
Плачуся во снѣ украдкой: ахъ, тоголь себѣ ждала я!

Господствующее положеніе мужчины дозволяетъ ему имѣть по нѣсколько женъ и разводиться съ ними по желанію; скорбь отвергнутыхъ или обиженныхъ высказывается тѣмъ трогательнѣе, когда не платитъ за это ни ненавистью, ни гнѣвомъ, а напротивъ все еще хранитъ любовь. Вотъ что говоритъ одна пѣсня:

На̀ зиму сластей я наварила,
Всякихъ наготовила плодовъ,
И еще готовить норовила;
Ты же, не сказавши мнѣ двухъ словъ,
Не отвѣдавъ моего варенья,
Выгналъ изъ дому меня безъ сожалѣнья.

Очарованъ ты теперь другою,
Свѣжая краса тебя манитъ;
Но смотри, вѣдь быстрой чередою
Красную весну зима смѣнитъ.
А прійдетъ она, тогда — кто знаетъ? —
Вступишься что нѣтъ моихъ сластей.
Зачастую такъ оно бываетъ
У неосмотрительныхъ людей.

Или въ еще болѣе грустномъ настроеніи:

Какъ опротивѣло тебѣ растенье ту!
Не оттого ли ужь, что цзы пришлось по вкусу?
Ты, позабывъ меня, прильнулъ теперь къ другой:
Кому сегодня смѣхъ, того ждутъ завтра слезы.

Гдѣ Цзянь-рѣка слилась съ рѣкою Вей.
Тамъ воды ихъ замѣтно помутились.
Невозмутимой я любви желаю вамъ,
Хотя бъ тоска свела меня въ могилу.

Сосѣдству нашему сгрустнется обо мнѣ;
Что въ домѣ нѣтъ меня, ты, можетъ, не замѣтишь.
Но если я тебѣ не вспомнюсь на пиру,
То вспомнюсь можетъ-быть въ нуждѣ, въ бѣдѣ, въ неволѣ.

Въ другого рода пѣсняхъ превозносится величіе императора. Онъ средоточіе вселенной; оттого и носитъ онъ, какъ верховный жрецъ, небесно-голубую звѣздчатую мантію, на которой съ лѣвой стороны вышитъ мѣсяцъ, а съ правой золотое солнце, тогда какъ на шапкѣ у него выткана земля, съ

травой и деревьями. «Ка́къ, говоритъ пѣсня, не рости деревьямъ, травѣ и «міропитательнымъ колосьямъ отъ каждогодной жертвы государя, когда «вокругъ нея ходятъ сферы небесныя!»

Слуги его носятъ каждый по овчинѣ и по барсовой кожѣ на плечѣ, такъ какъ имъ приходится дѣйствовать и въ войнѣ и въ мирѣ; онъ же самъ «об- «леченъ въ чистую кожу агнца, въ ни чѣмъ невозмутимый священный «миръ». Онъ проникаетъ въ горнюю высь и въ преисподнюю глубь, какъ орелъ шиpяя въ небо и какъ китъ погружаясь на дно морей. Онъ «пеликанъ» имперіи (которой девять областей омыты четырьмя морями); онъ подыметъ кличъ, и все затрепещетъ радостью, подыметъ другой, и все повергнется въ благоговѣйное безмолвіе.

Съ девяти острововъ, въ четырехъ моряхъ,
Подымаетъ кличъ пеликанъ-государь;
Вся земная быть, вся морская тварь
Оживляется свѣтлой радостью:
Рыба скокъ поскокъ съ волны на̀ волну,
Птица съ вѣточки да на вѣточку,
Само дерево радо солнышку;
Подъ нимъ стелется листва старая,
Весна рядитъ его въ новую;
А въ нѣдрахъ земли ростетъ золото.

Съ девяти острововъ, въ четырехъ моряхъ,
Подымаетъ кличъ пеликанъ-государь,
Оглашаетъ всю бездну небесную,
Оглашаетъ и вмѣстѣ радуетъ.
Стихла рыба въ глубинѣ морской,
Не шелохнетъ птица въ вѣточкахъ,
Дремлетъ дерево на солнышкѣ,
Но даетъ побѣги новые,
Свѣжіе пускаетъ отпрыски;
А въ земной утробѣ медленно
Зрѣетъ камень, цѣннѣй золота.

Охотничьи пѣсни очень сухи, а военныя почти вовсе лишены огня. По древнему обычаю, всякому новорожденному дарили лукъ и стрѣлы, полагая что, за что онъ ни возьмись впослѣдствіи, безъ оружія не быть ему настоящимъ слугой отечеству. Но какъ ни храбро этотъ людъ идетъ на врага, ему все-таки гораздо лучше у себя дома. Пограничный стражникъ, стоя на крутомъ утесѣ, мужественно бьетъ въ свой мѣдный тазъ, а взоръ его съ горной высоты невольно уходитъ въ даль равнины, гдѣ жена тоскуетъ въ одиночествѣ, и невольно вспоминаются ему старики родители, которые сидятъ можетъ быть безъ куска хлѣба, такъ какъ выработать его на нихъ нѐкому. «Мы не тигры, не носороги: кчему же намъ рыскать пò степи?» ропщутъ солдаты, предпочитая воздѣлывать свои поля.

Въ застольныхъ пѣсняхъ также больше видно господство церемоніала и натянутой обрядности, чѣмъ веселья нараспашку. Окрыляющее фантазію вино сперва дозволялось лишь въ извѣстные праздники, потомъ не разъ совершенно запрещалось, а наконецъ подверглась истребленію и сама виноградная лоза́; изъ перебродившей рисовой воды приготовляется теперь напи-

токъ, нѣчто среднее между водкою и пивомъ. Вольнымъ разгуломъ дышетъ одна застольная пѣсня, оканчивающаяся почти такъ:

Пусть воду пьетъ
Безумный рыбій родъ,
Линй, форели, чебаки;
А мы, вѣдь мы не дураки,
И не водою, а виномъ
Промочимъ горло за столомъ.

Но гораздо чаще встрѣчается припѣвъ:

Пейте, только берегитесь,
Чтобы мѣры не забыть.

Подкутивъ за столомъ, Китайцы пробуютъ стрѣлять изъ лука, чтобы узнать, кто сохранилъ еще способность попасть въ цѣль: за промахъ приходится опорожнить лишній кубокъ. Одна пѣсня заключается слѣдующимъ нравоученіемъ: «Любой день можетъ стать днемъ разлуки и гибели; такъ ве«селитесь же пока можно виномъ и музыкой. Наслаждайтесь дружеской бе«сѣдой, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, лишь бы только завтра безъ стыда «вспомнить о нынѣшнемъ».

И относительно религіи есть въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ Китайцевъ прекрасныя свидѣтельства. Правда, это не восторженные гимны, но онѣ отличаются ясностью созерцанія, искренностью чувства и торжественнымъ величіемъ именно тамъ, гдѣ поэтъ въ судьбахъ имперіи изображаетъ силу нравственнаго міропорядка. Одна жертвенная пѣснь величаетъ верховнаго владыку, небо, какъ жизнеподателя: «Духъ неба, вызвавшій дыханіе жизни «въ атмосферѣ,— духъ неба, сказавшійся въ нѣдрахъ земли мертвому зерну «и пробудившій въ немъ живое движеніе, — духъ неба вѣетъ на насъ здѣсь «своей благодатью: посыплемъ же ему ѳиміамовъ на горячіе уголья!»

Мысль о всевидящемъ, всеблюдущемъ существѣ внушаетъ человѣку поступать такъ, чтобы ему не приходилось бояться высшаго блюстителя. Въ одной пѣснѣ говорится: «Небо видитъ всѣ твои чувства и помыслы; пути «его простерты надъ твоими; куда ты, туда и оно, и вездѣ ты найдешь его «передъ собою. Поэтому не давай своимъ похотямъ отводить тебя отъ его «свѣта, и что̀ бы ты не дѣлалъ, знай что все дѣлаешь передъ лицомъ его».

А въ другой такъ:

Остерегайся, берегись, вѣдь небо никогда не дремлетъ,
Все видитъ и за всѣмъ блюдетъ, все чуткимъ ухомъ внемлетъ.
Не говори, что высоко и далеко оно отсюда;
Оно такъ близко, близко къ намъ, насъ обступаетъ отовсюда.
Ни что не скрыто отъ него, и каждый шагъ ему нашъ явенъ:
Остерегайся жъ, берегись, и будь всегда во всемъ исправенъ.

Небесное мiроводительство понимается просто и легко. Если государь человѣкъ дѣльный и народомъ правитъ какъ слѣдуетъ, небо благословляетъ страну его. А не внемлетъ онъ голосу народному, не обращаетъ вниманія

на общественныя пользы, небо ниспосылаетъ свои кары. Вкравшаяся норча имъ истребляется, рука его покидаетъ неправаго владыку и возводитъ на мѣсто его другого, болѣе достойнаго. Судъ божій тяготѣетъ надо всѣми, потому что въ худыя времена ни кто не бываетъ такимъ, какимъ долженъ быть, и ни кто не вправѣ тогда пенять на свое бѣдствіе. Благородный Венъ-Ванъ напрасно дѣлаетъ дому Шанъ свои стихотворныя представленія: «Государству, говоритъ онъ, приходитъ положенное небомъ время: царь не «совѣтуется болѣе съ исторіей прошлаго; не хочетъ болѣе, вслѣдъ за святыми предками, держаться всѣми признанныхъ установленій; видно, само «небо судило ему пасть».

На тронъ вступилъ домъ Венъ-Вана (въ 1050 г. предъ Р. Х.), но вскорѣ пѣвецъ напоминаетъ и ему о судьбѣ предшественниковъ: «Какъ страшно, «какъ величественно совершается судъ верховнаго владыки надъ сферами «міровъ, какъ каждый шагъ его распространяетъ далеко вокругъ трепетъ и «ужасъ. По манію его тотъ или другой родъ вдругъ поднимается свѣтлою «звѣздой и заблещетъ въ вышинѣ ярко, а потомъ какъ звѣзда же внезапно «упадетъ и на вѣкъ угаснетъ».

Малолѣтный сынъ Венъ-Вана, Чинъ-Ванъ, нашелъ отличнаго опекуна въ благородномъ своемъ дядѣ, отъ котораго получилъ слѣдующее наставленіе въ стихахъ: «Пока домъ Шанъ сильнымъ и вмѣстѣ кроткимъ правленіемъ «счастливилъ своихъ подданныхъ, до тѣхъ поръ щитомъ ему была милость «всевышняго, облекшаго его властью. Да послужитъ же домъ Шанъ примѣромъ дому Чинъ, который вкушаетъ теперь плодъ его паденія; этотъ плодъ «останется въ рукахъ его до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ властвовать въ «согласіи съ небомъ. Трепещи легко-возбудимаго гнѣва небесъ, который «ублажить потомъ трудно; твори всякое добро, избѣгай всякаго зла, поступай всегда такъ, чтобы о тебѣ шла добрая слава. У неба нѣтъ голоса для «рѣчей, оно не покажется тебѣ ни подъ какимъ ликомъ; но вѣдь ты видишь «и слышишь каковъ его строгій судъ, ты знаешь чѣмъ именно Венъ-Ванъ «заслужилъ признательность всего свѣта».

Земля охотно покорилась ему, оттого что онъ былъ свѣтелъ и кротокъ, какъ само небо; по смерти вступилъ онъ въ ликъ горнихъ духовъ и сталъ геніемъ имперіи. Тутъ примѣшались и вѣра въ безсмертіе, и поклоненіе предкамъ.

Въ такомъ же точно смыслѣ молитъ небо самъ молодой Чинъ-Ванъ:

Верховные пути отъ насъ сокрыты тайной,
Верховныя судьбы исполнены чудесъ,
Венъ-Ванъ, освободясь отъ жизни сей случайной,
Блюдетъ внимательно насъ съ высоты небесъ.
И каждый день, поутру, на зарѣ,
Заглядываетъ въ сердце мнѣ.

Да будетъ надо мной благоволенье предка,
Да просвѣтитъ меня примѣръ его живой,
Его любви и мудрости столь рѣдкой
Да не лишу и я свой край родной,
Да процвѣтетъ онъ подъ моей державой
Высокой, обновленной славой!

Въ одной пѣснѣ нѣкоторыя черты культа предковъ разъяснены такъ: имъ приносятъ жертвы не съ той мыслію что будто они въ самомъ дѣлѣ вкушаютъ яства, но для того чтобы почтить ихъ наравнѣ съ живыми, не обидѣть передъ послѣдними; мѣсто усопшаго предка заступаетъ невинный мальчикъ потому, что на небѣ всякая вина отъемлется, и черты покойника облекаются въ вѣчную юность.

Идеалъ уже и въ тѣ дальнія времена переносился на прошлое, и въ пѣсняхъ слышится обыкновенно больше народныхъ жалобъ, чѣмъ народнаго ликованія и торжества. Пѣвцы часто раздумываются надъ упадкомъ имперіи:

Баранъ чѣмъ въ тѣлѣ болѣе тощаетъ,
Тѣмъ болѣе ростетъ въ объемѣ головой;
Меня ужь и во снѣ та нéподобь стращаетъ,
Которою нашъ вѣкъ одержанъ какъ чумой.

Одинъ изъ нихъ чувствуетъ (2500 лѣтъ тому назадъ) что Китайцы народъ внутренно уже мертвый, и знаменательно звучатъ его вѣщія слова:

Какіе монументы предкамъ
Мы ставимъ, право хоть куда!
Какой запасъ науки дѣткамъ
Прилежно копимъ навсегда!
Мы все извѣдали, и знаньемъ
Проникли въ глубину вещей.
Однакожь вѣрно предсказанье,
Что царство наше — снѣдь червей.

Нѣтъ внутренняго содержанья
Въ умѣ поверхностномъ у насъ:
Вѣдь заацъ мастеръ на скаканья,
А передъ гончими онъ пасъ.

Другой выражается такъ:

Лежу я въ тяжкомъ, тяжкомъ снѣ,
И вижу страшныя все грёзы:
Я чуть держуся на соснѣ,
Сукъ хрустнулъ подо мной, я въ слёзы;
А между тѣмъ, разинувъ пасть,
Внизу драконы, тигры люты,
Готовы, тowкобъ мнѣ упасть,
Со мной покончить въ двѣ минуты.

Ахъ, еслибъ также и отъ настоящихъ бѣдъ
Очнуться и увидѣть что ихъ нѣтъ!

Третій пѣвецъ задается вопросомъ:

Ужь на что, кажись, высоко небо?
А не льзя стоять подъ нимъ, — гнететъ.
Чтó, казалось бы, земли твердѣе?
А не льзя ступить по ней, — дрожитъ.

Причина та, что змѣиный родъ гнѣздится въ чертогахъ, а самая безвинная рыбка въ прудѣ должна гнуться и жаться какъ послѣдній преступникъ;

причина та, что всѣмъ заправляютъ женщины и евнухи. Есть пѣсня, въ которой энергически высказывается страшными проклятіями мужественный гнѣвъ одного изъ этихъ несчастныхъ:

Кто изощрилъ въ сѣкиру свой языкъ,
Кто гналъ меня безъ искры сожалѣнья,
Отдайте — цѣли онъ достигъ —
Его вы львамъ и тиграмъ на съѣденье.

Не захотятъ они возиться съ нимъ,
Тогда его на сѣверъ отошлите;
Тамъ варвары: его вы бросьте имъ.
Подольше мучить попросите.

А если и у нихъ пощаду онъ найдетъ,
Пусть небо такъ отверженца накажетъ,
Какъ заслужилъ весь этотъ гнусный родъ,
Какъ чувство мести мнѣ подскажетъ.

Я самъ, Менъ-Цзе, сложившій пѣсню эту,
Сталъ жертвою коварной клеветы.
Я евнухъ во дворцѣ, навѣки чуждый свѣту.
Читатель, кто бы ни былъ ты,
Пошли проклятіе губителю, злодѣю!
Успѣхъ его лишь я вполнѣ цѣнить умѣю.

Есть впрочемъ и такія пѣсни, которыя съ умиленіемъ обращаются къ отжившей старинѣ: «Стройно звенятъ колокольчики, Гоай-рѣка струитъ широ«кія волны; а между тѣмъ и средь праздничнаго веселья сердце у меня над«рывается тоской. Какъ только вспомню мудрецовъ стараго времени, такъ «и возьметъ меня грусть по ихъ смерти. Весело звенятъ колокольчики, къ «нимъ пристаетъ много новыхъ инструментовъ, вызывающихъ и чувства но«выя; но среди всего этого невольно звучатъ въ моемъ сердцѣ старинныя «пѣсни, пѣсни царскія».

Отсутствіе народныхъ и богатырскихъ былинъ могло бы насъ удивить, не знай мы что Китаецъ по характеру держится во всемъ только даннаго и не дозволяетъ своей фантазіи творить ни чего новаго на основаніи идей и опытовъ. У него нѣтъ миѳологіи, олицетворенія особыхъ силъ природы и духа, изложенія дѣятельности ихъ въ исторической формѣ; у него нѣтъ сказанія о богахъ, возводящаго естественныя событія въ лично-человѣческіе подвиги, а потому оно не могло отразиться и на тѣхъ людей, чья жизнь болѣе или менѣе подходила къ этимъ подвигамъ, не могло сдѣлать ихъ своими носителями въ народномъ эпосѣ.

Какъ бы нѣкотораго рода исключеніемъ представляется хвалебная пѣснь Гіу, положившему за 2250 лѣтъ до Р. Х. первое начало земледѣлію. Его бездѣтная мать, говорится въ пѣсни, била челомъ о тотъ самый камень, по которому прошелъ владыка міра оставивъ на немъ свой слѣдъ, и молила его даровать ей потомство. Благодаря непосредственному вліянію его могущества, она будто бы почувствовала себя матерью, вскорѣ безболѣзненно родила сына, но, по волѣ Господа, подкинула его на скотопрогонной дорогѣ,

Скотъ однакожь пощадилъ того, чей плугъ ему было суждено впослѣдствіи влачить; голуби устроили ему сѣнь въ защиту отъ солнца; онъ началъ сѣять и разводить травы; народъ стекался къ нему толпами, а онъ училъ его земледѣлію. Въ Китаѣ однакожь никогда не слыхано, чтобы небесное существо нисходило въ человѣческомъ образѣ на землю. Сами китайскіе толкователи считаютъ эту пѣснь подложною. Мы знаемъ что буддизмъ вмѣстѣ съ былеобильною исторіей своего основателя распространился въ первый вѣкъ нашей эры; пѣсня конечно была такимъ же съ него сколкомъ, какъ и сказаніе о Лао-цзе сложенное его приверженцами по образцу индійскихъ.

Истинно-китайскимъ является, напротивъ, циклъ полу-лирическихъ балладъ. Здѣсь мы слышимъ жалобу царевны Сюэнь-Цянъ, когда старый царь Сюэнь-Кунъ беретъ ее за себя, вмѣсто того чтобъ отдать своему сыну Ки, которому собственно онъ ее сваталъ. Сады блещутъ роскошью, праздникъ истинно-великолѣпенъ; но супругъ, супругъ слишкомъ старъ, и брачная постель холодна какъ ледъ. Въ сѣть, поставленную Сюэнь-Цянъю, попалась не молодая рыбка, а застрялъ сѣдой гусакъ. Пѣвецъ обращается потомъ къ старому царю и говоритъ, какую онъ себѣ уготовилъ долю; вѣдь не льзя жь ему было не держать постоянно въ умѣ что жена любитъ не его, а сына; онъ долженъ былъ сослать свое дѣтище; юная царица родила ему другого сына, а отсюда неизбѣженъ семейный раздоръ. Въ смутномъ чаяніи будущаго, царица боится за обоихъ, когда подросъ ея собственный ребенокъ. Ки опять уже дома, но ревнивый отецъ отправляетъ его въ дальнюю поѣздку и подкупаетъ убійцъ извести его; царица открываетъ это своему сыну Шіу; тотъ спѣшитъ въ одеждѣ Ки къ назначенному мѣсту и падаетъ отъ руки злодѣевъ. Ки не хочетъ пережить брата, и вотъ оба они лежатъ рядышкомъ.

Уже лѣтъ за тысячу до Р. Х. принялись въ Китаѣ собирать лучшія стихотворенія; Конфуцій, изъ 3000 бывшихъ у него подъ рукой, выбралъ 311 отличнѣйшихъ и помѣстилъ въ Ши-кинѣ; послѣ того какъ извѣстный синологъ Ю. Моль издалъ Лашармовъ латинскій переводъ этой книги, содержаніе ея передано было по-нѣмецки Рюкертомъ и Крамеромъ.

Конфуцій, Кон-фу-цзы, то-есть учитель Конъ, — настоящее средоточіе духовной жизни Китая. Этотъ благородный и мудрый человѣкъ родился за 551 г. до Р. Х. въ удѣльномъ княжествѣ Лу, сыномъ мандарина. Талантомъ и прилежаніемъ снискалъ онъ себѣ отличный запасъ свѣдѣній и великій почетъ; на родинѣ и въ сосѣднихъ областяхъ онъ не разъ достигалъ высокихъ званій, но потомъ, съ свойственною ему чистотою воли и идеальнымъ стремленіемъ, всегда отступалъ передъ завистливыми и низкими противниками и, странствуя бѣднымъ старикомъ, поучалъ въ тиши народъ и завѣщалъ ученикамъ своимъ передавать далѣе его наставленія, такъ что они сдѣлались потомъ общимъ достояніемъ всего Китая, свѣтомъ и закономъ для послѣдующихъ вѣковъ. Какъ истый Китаецъ, онъ опирался на прошлое, и называлъ своими учителями древнихъ мудрецовъ. Онъ собралъ прекраснѣйшія изъ старинныхъ пѣсень, а въ основаніе философіи издалъ «Книгу странствій», И-кинъ, въ которой вышеупомянутые нами символическіе знаки,

приписываемые Фоги, были объяснены великимъ императоромъ Венъ-Ваномъ, но объяснены въ загадочныхъ, труднопонятныхъ изреченіяхъ, которыя Конъ постарался теперь растолковать. Наконецъ изъ государственныхъ лѣтописей составилъ онъ книгу Шу-кинъ, исторію въ видѣ зеркала для государей, въ которой онъ описываетъ добродѣтели и недостатки властителей со всѣми ихъ послѣдствіями и извлекаетъ отсюда нравственныя и политическія назиданія.

Уже Венъ-Ванъ говорилъ объ изначальномъ небѣ, источникѣ и связи всѣхъ существъ; другой древній мудрецъ назвалъ единство коренною основой всѣхъ чиселъ и послѣдней цѣлью всего сущаго; все творится и все одно съ другимъ вяжется въ пространствѣ и времени по закону чиселъ. Конфу-цзы усвоилъ себѣ эти мысли, не разъискивая долго первыхъ причинъ; умъ его преимущественно имѣлъ въ виду потребности человѣческой жизни; какъ Сократъ, онъ призвалъ философію съ неба па землю: для всѣхъ вообще людей, отъ нижняго до высшаго, есть одна общая обязанность, обязанность самоусовершенія, и одна общая всѣмъ заповѣдь, чтобъ каждый поступалъ съ другими такъ какъ ему желательно чтобъ поступали съ нимъ самимъ. Небо и земля прямыя противоположности, но оні дѣйствуютъ заодно, и всѣ существа вызываются къ жизни изъ ничтожества. У всѣхъ чадъ земныхъ, людей, есть небесное начало въ разумѣ и совѣсти. Человѣкъ стоитъ въ срединѣ всѣхъ существъ и долженъ во всемъ держаться строгой середины, быть стройнымъ, гармоническимъ въ себѣ самомъ; тогда и вокругъ себя онъ будетъ распространять ладъ и гармонію. Естественный разумъ указываетъ ему прямой путь долга; законъ долга самъ по себѣ полносиленъ безусловно и вездѣ. Нравственный законъ величайшаго мудреца найдется точно также и въ сердцѣ любого человѣка, хотя сама нравственность такъ велика что и всему міру не обнять ея. Небо есть совершенство, подражать этому совершенству или усовершать себя — общій законъ человѣковъ. Совѣсть, открывающая намъ разницу между добромъ и зломъ, человѣчность (благоволеніе) и твердость духа, — вотъ три коренныя силы человѣка, главные ростки небесной его первосилы. Царство человѣчности, осуществляемое подъ руководствомъ возможно совершеннаго государя и съ помощью умнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ людей, — вотъ понятіе Кона о государствѣ. Настоящій путь, говоритъ онъ, идетъ равно далекó отъ крайностей; когда средина и гармонія достигаются вполнѣ, тогда небо и земля плаваютъ въ невозмутимомъ блаженствѣ, и всѣ рѣшительно существа наслаждаются полнымъ развитіемъ. Мудрость приноситъ съ собой отраду свѣтлѣй чистаго ключа, а добродѣтель—такое блаженство, которое тверже горныхъ утесовъ.

Конъ является стало-быть болѣе собирателемъ и завершителемъ древней культуры, нежели основателемъ новой; внесенное имъ улучшеніе было не столько переходомъ къ новымъ высшимъ цѣлямъ, сколько вѣрнѣйшимъ соблюденіемъ древнихъ преданій съ которыми человѣкъ долженъ былъ сообразовать свою личность. Здравый человѣческій смыслъ и соотвѣтственный природѣ взглядъ на жизнь выработались у него классически: жизнь людская должна быть стройна сама въ себѣ и согласоваться со внѣшнею природой. Послѣдователь Кона, Мень-цзё, говоритъ: «Кто познаётъ природу вещей и

«свою собственную, тотъ познаётъ что́ такое небо; потому что оно именно «и есть внутренняя сущность, жизненная сила всѣхъ вещей».

Конфуцій, испытавъ крушеніе въ государственной жизни, пришелъ однажды къ мудрецу-отшельнику Лао-цзе, поговорить съ нимъ о древнихъ обычаяхъ; тотъ совѣтовалъ ему не трогать усопшихъ и укорялъ его за честолюбивыя стремленія, не дающія ему покоя. Конфуцій призналъ превосходство этого человѣка, отозвавшись объ немъ ученикамъ: «Я настигаю «всякую дичь стрѣлами, ловлю всякую рыбу на крючокъ, но этого дракона «мнѣ не достать, когда онъ вздумаетъ подняться на воздухъ». Мудрость Конфуція держалась всегда земной жизни и того что́ для нея именно полезнѣе; она все относила къ государству; тогда какъ глубокомысленный его современникъ, удалясь отъ свѣта, нашелъ миръ въ безконечномъ и вѣчномъ и вознесся до созерцанія сверхчувственной причины вещей. Благодаря Станиславу Жюльену стало намъ доступно удивительное въ своемъ родѣ сочиненіе Лао-цзе: Тао-те-кинъ, «Книга пути и правды». Потье и Вуттке хотѣли свести его на индійскіе источники, но оно носитъ своеобразно-китайскій отпечатокъ и представляетъ на столько же, не больше, сходства съ Упанишадами и ученіемъ Будды, какъ и съ средневѣковыми христіанскими или съ магометанскими мистиками. Не будь само Китайство способно къ такому углубленію мысли, ему недоставало бы коренной человѣческой черты, оно не было бы настоящимъ противнемъ нашему западному образованью.

Тао, это — нѣчто безъименное, пустое, неопредѣленное, но вмѣстѣ и источникъ всякой жизни, всякаго бытія. Вы его разсматриваете, и не видите, поэтому его зовутъ безцвѣтнымъ; вы внемлете его, и не слышите, поэтому его зовутъ беззвучнымъ; вы хотите схватить его, и не осязаете, поэтому его зовутъ безплотнымъ, безтѣлеснымъ. Это темная бездна, но въ ней плаваютъ образы вещей; это духовная только сущность, но въ ней непреложное свидѣтельство всему что́ есть. Кто познаётъ начальный источникъ, у того въ рукахъ нить тао. Оно было прежде неба и земли, оно вѣчно и неизмѣнно; все изъ него происходитъ, и все къ нему возвращается, какъ рѣки текутъ въ океанъ; это — вѣяніе всепроникающаго духа гармоніи.

Тао зовется путь, образъ движенія, порядокъ міра; его называютъ также воро́тами; стало-быть ученіе тао есть, какъ говоритъ Шеллингъ, ученіе о вратахъ ведущихъ къ бытію, ученіе о томъ чего нѣтъ, но что́ можетъ быть, о вратахъ которыми всякое конечное бытіе входитъ въ дѣйствительность. Великая хитрость или мудрость жизни заключается въ томъ, чтобы хранить эту чистую возможность бытія, которая ни что и вмѣстѣ все. Тао, толкуютъ намъ, производитъ всѣ существа, питаетъ ихъ, выращиваетъ и поддерживаетъ. Оно производитъ ихъ, но не присвоиваетъ себѣ въ собственность; оно дѣлаетъ ихъ тѣмъ что́ они есть, не кичась, не похваляясь этимъ; оно царитъ надъ ними, предоставляя имъ свободу: вотъ истинная глубина добродѣтели! Оно всего меньше, потому что спокойно пребываетъ въ самомъ себѣ безъ малѣйшихъ пожеланій; оно всего больше, потому что все собой объемлетъ. Не выступая изъ себя дѣйствіемъ, оно однакожь первопричина всѣхъ вещей, и все рѣшительно имъ творится. Единое, оно стоитъ выше всѣхъ противоположностей, только въ различіи выступаетъ опредѣ-

ленное бытіе, только черезъ добро познаемъ мы зло, и нѣтъ для насъ верха безъ низу. Но какъ едино тао, такъ чисто небо, такъ тверда земля, такъ разуменъ духъ, потому что они сопричастны единству.

Къ этому единству и его спокойствію долженъ восходить мудрецъ; этимъ онъ обращается къ источнику своей сущности и обрѣтаетъ миръ душевный: вѣдь восходить къ своему источнику собственно и значитъ жить, быть твердымъ и постояннымъ. Мудрецъ не выходитъ изъ себя дѣятельно, въ безмолвномъ спокойствіи предоставляетъ онъ вещамъ идти ихъ путемъ, не стараясь ихъ себѣ присвоить; онъ одолѣваетъ всѣ пожеланія тревожащія душу и влекущія ее къ конечному; умѣренность первое дѣло, чтобы угодить небу. Здѣсь видимъ мы китайскую робость или уклончивость отъ всего крутого; изъ опасенія крайностей предпочитаютъ они избѣгать великаго и держатся середины. Мудрецъ боится славы и стыда, онъ не хочетъ высокаго почета, чтобы избѣжать ссоръ и зависти, онъ не хочетъ обладать драгоцѣнностями, чтобъ не приманить воровъ. Небесный путь принижаетъ высокое и подвышаетъ низкое, онъ отнимаетъ у богача излишекъ и надѣляетъ имъ бѣдняка. Точно такъ же какъ и Руссо, Лао цзе не видитъ добра народу въ успѣхахъ знанія и желалъ бы сохранить ему счастіе невѣжества; потому что ученіе приноситъ съ собой заботы, и чѣмъ больше законовъ, тѣмъ больше законопреступниковъ. Онъ мѣтитъ, подобно Руссо, на возвратъ къ естественному быту, ему хотѣлось бы даже отмѣнить письменность. Мудрецъ, по его мысли, говоритъ: я не дѣйствую, а народъ обращается на путь истины самъ собою; я воздерживаюсь отъ стяжанія, а народъ богатѣетъ самъ собой; я освобождаюсь отъ прихотей, а народъ самъ собой возвращается къ простотѣ. Отступитесь вы отъ вашего суемудрія, и народъ будетъ счастливъ. Пусть императоръ и сановники соблюдаютъ тао, народъ будетъ добровольно служить имъ, небо и земля станутъ посылать сладкую росу, и народы заживутъ въ мирѣ безъ принужденія. Лао-цзе непремѣнно нуженъ миръ; гдѣ стоятъ войска̀, тамъ ростутъ волчцы и терніи; своимъ безстрастнымъ, бездѣйственнымъ покоемъ мудрецъ долженъ подавать примѣръ кротости, которому послѣдуетъ народъ. Мудрецъ благотворенъ какъ вода и никогда не споритъ. Здѣсь мы видимъ уже прямо-восточную любовь къ спокойствію, и въ своемъ равнодушіи ко всему, что́ частно, Лао цзе доходитъ до того что въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «У неба и земли нѣтъ ни какой особенной склонности, ни какого предпочтенья: подобно имъ, и святой мужъ смотритъ на «всякаго человѣка, какъ на соломенное чучело жертвенной собаки» (вмѣсто живой собаки въ жертву приносятъ соломенную). Зато какъ будто предъевангельскою теплотой обдаютъ насъ изреченія въ родѣ слѣдующихъ: «Что́ вы сдѣлаете для міра, то и онъ для васъ; мудрецъ мститъ за обиды «благотвореніемъ. — Почему море царь водамъ и тянетъ къ себѣ всѣ ручьи «и рѣки? Потому, что оно держитъ себя ниже ихъ. — Дѣлайте добро, не «разсчитывая на награду.»

Не напоминаетъ ли стоика у Лао-цзе слѣдующее изображеніе святого? «Онъ говоритъ правду и идетъ всегда согласно съ міропорядкомъ. Кто постояненъ, тотъ широкъ сердцемъ; кто широкъ сердцемъ, тотъ справедливъ; справедливость дѣлаетъ человѣка царемъ; царь заодно съ небомъ; а кто за-

одно съ небомъ, тотъ слѣдуетъ тао, тотъ и достигаетъ его. Тогда частичное и наборное становится цѣльнымъ, а подержаное новымъ; человѣкъ отстаиваетъ за собой единство и выходитъ первообразомъ вселенной. Великій путь одинъ, но толпа любитъ разныя тропинки. Мудрецъ носитъ всеобщій разумъ въ самомъ себѣ: не выходя изъ дому, онъ знаетъ свѣтъ, не глядя въ окно, ясно видитъ пути небесные.»

Кон-фу-цзы и Лао-цзе не были первоначальниками китайскаго мышленія, а скорѣй его завершителями и собирателями; тѣмъ не менѣе писанія ихъ, подобно священнымъ книгамъ, сдѣлались непреложнымъ авторитетомъ для ихъ учениковъ. Положенія этихъ философовъ разъяснялись, прилагались къ любому данному вопросу, но никто уже не дерзалъ искать новыхъ истинъ за ихъ предѣлами: вся философія обратилась въ чистую схоластику, въ школьную ученость и въ школьную перебранку. Въ первое столѣтіе нашей эры присоединился къ этому буддизмъ, имѣющій много общаго съ ученіемъ тао. Могучій Шіо-ган-ди (213 г. до Р. Х.), возстановивъ единство имперіи и сосредоточивъ всю власть въ своихъ рукахъ, не хотѣлъ встрѣчать себѣ противодѣйствія въ древнихъ преданіяхъ и поднялъ гоненіе на книги; но преемники его, династіи Хань (съ 202 предъ Р. Х. до 220 по Р. Х.) и Тханъ (съ 618 до 905 по Р. Х.), опять стали благопріятствовать наукамъ, и мандаринская ученость сдѣлалась условіемъ для достиженія высшихъ должностей. Три различныхъ школы враждовали между собою, отстаивая каждая свое; но были и такіе высокіе умы, которые старались возстановить согласіе. «Всѣ три религіи сходятся на одно», говорилъ одинъ императоръ; а величайшій мыслитель позднѣйшей эпохи, Чуги (ум. въ 1200 г.), высказалъ убѣжденіе, что свѣтъ никогда не остается безъ истиннаго познанья. Онъ старался выяснить верховное единство, которое выше всѣхъ противоположностей и которое, будучи неизмѣннымъ само въ себѣ, порождаетъ всѣ движущія формы и силы. Единое — вотъ та первосила, которая тожественна съ первичнымъ веществомъ, и которая порозняется потомъ на двоицу, на небо и землю. Схоластика Чуги, примиряющая древнія ученія на Конфуціевыхъ началахъ, сдѣлалась государственною философіей. Человѣка признаетъ она добрымъ по природѣ; наука должно выяснить ему понятія о себѣ самомъ; поступками своими обусловливаетъ онъ свой жребій; благополучіе прямое слѣдствіе добродѣтели. Мудрость не свободное дѣло духа, но изученіе надуманнаго прежде, подражаніе тому что́ водилось встарь. Въ учебникѣ, предлагающемъ молодежи все достойнѣйшее познанія, особенно выставлены примѣры такихъ любознательныхъ личностей, которыя вбивали себѣ въ тѣло гвоздь, чтобы не заснуть надъ книгой, или зубрили ее даже при блескѣ свѣтляка. Песъ, сказано тамъ, сторожитъ ночью, пѣтухъ исправно поетъ на зарѣ: какъ же зваться человѣкомъ, когда не учишься? Шелковый червякъ прядетъ шелкъ, пчела приготовляетъ медъ: человѣкъ ниже ихъ, если не учится.

Поэтому и идеалъ китайскихъ повѣстей обыкновенно — ученый, одерживающій верхъ надъ состязателями при третьемъ государственномъ экзаменѣ. Бѣднымъ юношей, съ запыленными ногами, пришелъ онъ въ столицу, а выѣзжаетъ оттуда въ золоченомъ возкѣ въ провинцію, которою назначенъ упра-

влять; его окружаютъ слуги и бирючи́, возвѣщающіе о его прибытіи. Онъ везетъ съ собой туда милую сердца и проявляетъ свое остроуміе въ удачномъ разрѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ, которые представляются ему на каждомъ шагу, такъ какъ онъ входитъ своею властью во всѣ возможныя отношенія. Сами дамы отдаютъ всегда предпочтенье тому человѣку, чья кисть выводитъ прекраснѣйшихъ драконовъ и строчитъ настоящимъ жемчугомъ. Драконы, это — буквы, а жемчужины — поэтическіе обороты и образы. Даже завѣтный сорокъ академиковъ слыветъ сорокомъ кистей, такъ какъ буквы пишутся кистями. Вольное стихотворное искусство связано по рукамъ и по ногамъ и древнимъ преданіемъ и новыми правилами академической точности, установленной особенно въ 8-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія поэтами Туфу́ и Летхайпе́. Смыслъ каждой фразы долженъ всегда оканчиваться въ одномъ и томъ же стихѣ и никогда не переходить въ другую строку; не только требуется риома на концѣ каждыхъ двухъ стиховъ, но мѣстами извѣстные тоны должны слышаться и въ серединѣ; иногда они повторяются въ обратномъ порядкѣ; притомъ образы одного стиха должны симметрически отвѣчать размѣщенію ихъ въ другомъ. Мѣсто прямыхъ выраженій заступаютъ сплошь цвѣтисто-описательныя или метафоры, имѣющія всегда одинъ и тотъ же смыслъ: осеннія облака всегда значатъ только мечты о блаженствѣ, отблескъ мѣсяца въ водѣ — недостижимое счастіе, весна — радость, осень — заботу, пора цвѣтенія персиковъ — время вступить въ бракъ, покой окнами на востокъ — комнату незамужнихъ дочекъ, поэтому утренній гость (съ востока) значитъ зять; учащійся сидитъ обыкновенно у окна, поэтому человѣкъ у окна значитъ студентъ, а другой съ нимъ — соученикъ его или товарищъ. Святыя горы, какъ символы высокаго и величественнаго, полярная звѣзда, какъ символъ спокойнаго единства, вкругъ котораго вращается все многоразличное, — вотъ урочныя также подобія, которыя общи и древнимъ и новымъ китайскимъ стихотвореніямъ. Искусственная эта поэзія просто ученое стихоплетство; въ ней, какъ и во всей китайской жизни, господствуетъ чинность, форменность, натянутый обрядъ.

Отраднѣе повѣствовательная литература, прозаическая поэзія разсказа и романа. Исходною ея точкой можно кажется признать разсказы, занесенные буддизмомъ изъ Индіи; то были басни и притчи, имѣвшія въ виду онаглядить какую-нибудь мысль; главное въ нихъ мораль, совѣты практической мудрости, стало-быть вообще правоучительное направленіе. Сами же Китайцы избирали для того анекдотическіе случаи дѣйствительной жизни, въ которыхъ мысль или законъ доказательно выражается самымъ дѣломъ и результатомъ. Такъ въ большомъ ходу у нихъ «Книга наградъ и наказаній», гдѣ показывается примѣрами, какъ ни одно дѣло не остается безъ возмездія. Тутъ между прочимъ говорится, что у одного богатаго вдовца былъ похищенъ единственный его сынъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ купилъ себѣ хорошенькую жену, но скоро узналъ отъ нея, что она пошла къ нему только для того чтобы выручить изъ крайности своего перваго мужа, по которомъ между тѣмъ неутѣшно тоскуетъ. Богачъ великодушно отослалъ ее къ нему, надѣливъ денежнымъ подаркомъ. Когда она воротилась домой, ей предложили на продажу мальчика, котораго уступали тому кто пожелаетъ усыновить его. Желая чѣмъ-нибудь отплатить своему благодѣтелю, она купила

ребенка и отослала его, разумѣется, къ отцу, который тотчасъ же и узналъ въ немъ своего похищеннаго сына.

«Когда добродѣтель или порокъ достигнутъ крайняго предѣла, они непре«мѣнно должны получить свое возмездіе, неизвѣстно только раньше или «позже», это древнее изреченіе толкуется въ одной новой повѣсти («Освященные покои») такъ, что любой поступокъ похожъ на денежную ссуду, которая получается обратно съ тѣмъ большими процентами, чѣмъ долѣе пришлось ихъ ждать. Въ разсказѣ, идущемъ отъ приверженцевъ Лао-цзе, эта мысль взята гораздо глубже и задушевнѣе; правда, что предметъ ея — личность, жившая во время династіи Минъ, въ 16 мъ уже вѣкѣ; тутъ приходятъ индійскія религіозныя представленія, а одно изреченіе огненнаго духа даже ясно напоминаетъ слово Іисуса Христа, такъ что весь разсказъ можетъ кстати служить и свидѣтельствомъ того, какъ, при всей своей замкнутости, Китайцы все-таки постепенно усвоиваютъ себѣ чужіе элементы. Юконъ рано отличился на ученомъ поприщѣ, но потомъ семь разъ тщетно пытался получить высшую степень. Изъ пятерыхъ сыновей его одинъ пропалъ, а другіе померли; изъ четырехъ дочерей только одна осталась на свѣтѣ; мать плакала до того, что ослѣпла. Напряженною работой Юконъ добывалъ себѣ насущный хлѣбъ; онъ жилъ по закону и ежегодно сожигалъ огненному духу своего очага (писанную) молитву, которую тотъ долженъ былъ возносить на небо. Однажды, когда онъ сидѣлъ съ домашними, плачась на свою горькую судьбу, зашелъ къ нему посторонній и сталъ утѣшать его. Всю жизнь мою, говорилъ Юконъ, прилежно занимался я наукой, ревностно подвизался въ добродѣтели, и вмѣсто всякой награды нажилъ себѣ только горе и бѣду. Гость напоминалъ ему, какъ одолѣвали его ячество и честолюбіе въ ученыхъ занятіяхъ, какъ, побѣдоносно состязаясь съ другими, онъ поблажаетъ своей суетности и оскорбляетъ противниковъ ядовитыми рѣчами, какъ добро дѣлаетъ онъ по привычкѣ или же только тамъ гдѣ оно на виду, стало-быть больше для показа, какъ, хотя и не дѣлая положительнаго зла, онъ, при встрѣчѣ съ хорошенькою женщиной, готовъ пожрать ее глазами, распаляется вожделѣніемъ и слѣдовательно прелюбодѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ. Кара неба постигаетъ его за грѣховные помыслы. Хотя любовь къ добру и доставляетъ ему радость, но у него недостаетъ терпѣнія, настойчивости. Онъ долженъ стремиться къ чистымъ и благимъ по́мысламъ, а потомъ исполнять свой долгъ и въ важныхъ дѣлахъ, и въ мелкихъ, все равно будетъ ли отъ того прибыль или нѣтъ. Юконъ старался послѣдовать совѣту своего гостя, онъ боролся съ самимъ собою, очистилъ себя внутренно и съ охотою дѣлалъ все чего требовалъ отъ него законъ долга. Тогда пригласили его наставникомъ къ сыну одного министра; онъ вскорѣ былъ удостоенъ высшей ученой степени и нашелъ наконецъ своего пропадавшаго сына, который жаркимъ поцалуемъ излѣчилъ мать отъ слѣпоты.

Вымыселъ и сочиненіе далеко не главное въ китайскихъ разсказахъ. Рѣдко какое-нибудь событіе проводится такъ художественно и умно, какъ въ повѣсти «Разноколѣнные» или двоюродные. Нѣсколько счастливыхъ мотивовъ обработано здѣсь въ самомъ дѣлѣ очаровательно: когда наприм. дочь и сынъ

двухъ враждующихъ между собой братьевъ видятся не иначе, какъ ловя отраженія другъ друга въ водѣ, потому что сады и дома ихъ раздѣлены высокой стѣною, которая проходитъ по мосту даже и черезъ общій прудъ; но къ счастію «двоюродныхъ» въ свѣтлыя струи пруда глядятся двѣ бесѣдки, построенныя у самаго берега по обѣимъ сторонамъ стѣны. Прекрасно обрисована любовь, зарождающаяся при подобныхъ условіяхъ; но къ этому приплетаются совершенно чуждыя дѣлу вещи, и затянутые такимъ образомъ узлы разрѣшаются потомъ одинъ другого страннѣе; а когда подконецъ молодой человѣкъ беретъ за себя, кромѣ милой сердца, и другую еще дѣвушку, то хотя у Китайцевъ это и весьма обыкновенный способъ приводить романъ къ благополучному концу, но наше нравственное чувство вовсе имъ не удовлетворяется, да и съ эстетической стороны отнюдь не художественно ослаблять такимъ образомъ наступающія столкновенія, только ради облегченія себѣ труда. Недостатокъ фантазіи китайскіе разскащики вполнѣ наверстываютъ однако живостью, вѣрностью, тонкостью и полнотой нравоописаній. Ихъ повѣсти и романы совершенный дагерреотипъ мѣстнаго быта во всѣхъ его подробностяхъ, и притомъ не въ смыслѣ одной внѣшней передачи, но истинно-поэтическій, такъ что черты его предстаютъ только въ самомъ ходѣ разсказа, обнаруживаются въ дѣлахъ и попущеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Онѣ, правда, производятъ на насъ иногда комическое впечатлѣніе, но тутъ мы замѣчаемъ у разскащика отсутствіе юмора, парящаго надъ всѣмъ этимъ съ своей отрадною улыбкою: Китаецъ очень сухо и не шутя вдается во всѣ подробности натянутаго и мелочнаго церемоніала.

Изъ длинныхъ повѣстей или романовъ всѣхъ болѣе сталъ извѣстенъ въ Европѣ, по переводу Абель-Ремюза̀, романъ: «Двѣ кузины». Изобрѣтеніе и тутъ весьма скудное. Молодой человѣкъ пренебрегаетъ суженую ему красавицу, принимая за нее другую. Ее увозятъ на житье въ деревню; онъ, выдержавъ экзаменъ, пускается въ путешествіе и знакомится съ нѣсколькими литераторами, влюбленными въ одну стихотворку; его сердце также пламенѣетъ къ сочинительницѣ милѣйшихъ стиховъ; товарищи представляютъ его ей, и выходитъ, разумѣется, что она-то и есть предназначенная ему невѣста. У Китайцевъ есть народное повѣрье, что «лунный человѣкъ» или «мѣсячный» связываетъ при рожденіи души суженыхъ невидимой серебряною ниткой: оттого они всегда и найдутъ другъ друга, не смотря ни на какія препятствія. Здѣсь также вплетена доля чудеснаго, но оно довольно перехитрено и избито. Въ то время какъ герой путешествуетъ верхомъ, къ нему подходитъ какой-то изступленный и проситъ у него его бичь, такъ какъ астрологъ сказалъ ему что посредствомъ этого бича онъ отыщетъ свою увезенную жену; герой требуетъ, чтобъ тотъ, въ замѣнъ бича, срѣзалъ ему напередъ хлыстикъ; человѣкъ взлѣзаетъ для этого на дерево и видитъ оттуда жену свою у разбойниковъ, въ развалинѣ одной молельни. Герою приходитъ на умъ повидаться съ замѣчательнымъ астрологомъ, а дорогой онъ знакомится съ литераторами и съ своей невѣстой. Но превосходны бытовыя картины хлопотъ съ экзаменомъ, слѣдовавшихъ за тѣмъ попоекъ, разъѣздовъ по чаямъ, остроумныхъ бесѣдъ.—Гораздо многосложнѣе и запутаннѣе въ подробностяхъ, да и богаче разнообразіемъ приключеній, другой романъ, подъ заглавіемъ: «Счастливый союзъ», переведенный Девисомъ по-англійски. Отецъ

героя — прямодушный цензоръ или блюститель закона, который за откровенность и правдолюбіе посаженъ въ тюрьму; благородный сынъ спасаетъ его тѣмъ, что вступается за одного притѣсненнаго. За суженой герою красавицей ухаживаетъ одинъ развратникъ и успѣваетъ склонить дядю ея на обѣщаніе ея руки; находчиво, остроумно и стойко противится она всѣмъ дѣлаемымъ предложеніямъ; наконецъ, когда ужь рѣшено увезти ее силой, встрѣчается съ нею герой и выручаетъ ее изъ бѣды, а она, въ свою очередь, спасаетъ его отъ грозившаго ему отравленія. Онъ успѣшно выдерживаетъ потомъ разныя новыя козни и опасности; между тѣмъ возвращается изъ ссылки и отецъ его милой, такъ что въ цѣломъ представляется окончательное торжество правоты, ума и мужества, дѣйствующихъ въ дружномъ союзѣ.

Есть у Китайцевъ и историческіе романы. Въ «Хинаниганьскихъ бунтовщикахъ» выведены на сцену морскіе разбойники. Но особенно любимъ «Санькуэчи», исторія трехъ царствъ Шо, Вей и Ву, со 168 до 265 г. по Р. Х. Историческій элементъ точно такъ же изукрашенъ здѣсь романтическими чертами, любовными интригами и разными приключеніями, какъ и въ европейскихъ такого рода созданіяхъ. Эпизодъ о смерти воеводы Чончо, переданный по-французски Станиславомъ Жюльеномъ, въ самомъ дѣлѣ интересенъ; изъ него видно, какъ хитро и дерзновенно даже и робкій Китаецъ пользуется иногда дурными средствами для достиженія благихъ государственныхъ цѣлей.

Романъ и повѣсть изображаютъ частныя отношенія, основою и главнымъ содержаніемъ служитъ имъ семейная жизнь; поэтому не мудрено что они могли такъ значительно выработаться въ Китаѣ. Для процвѣтанія драмы необходима, напротивъ, общественная жизнь и свобода личностей въ борьбѣ духовныхъ интересовъ; тамъ, гдѣ развилась она художественно и величаво, источникомъ ей служила религія въ томъ смыслѣ, что изъ религіозной исторіи, изъ миоа, драма почерпала, вмѣстѣ съ общеинтересннымъ матерьяломъ, и глубину идеальнаго содержанія. Ни чего этого въ Китаѣ нѣтъ. Актеры странствуютъ здѣсь съ мѣста на мѣсто подобно фокусникамъ и канатнымъ плясунамъ, играя для потѣхи на праздникахъ и на пирахъ у богатыхъ. Сцена осталась при первоначальномъ своемъ устройствѣ; сооружается досчатый помостъ безъ всякихъ декорацій, которыя зритель долженъ восполнять своимъ воображеніемъ; и если наприм. какому-нибудь воеводѣ приходится ѣхать въ ту или другую область, онъ только дѣлаетъ видъ что садится на лошадь, прищелкиваетъ языкомъ, хлопаетъ плетью, и вотъ онъ уже и на мѣстѣ. Дѣйствующія лица при выходѣ всегда говорятъ: я такой-то и такой-то, и описываютъ себя по званію и примѣтамъ, какъ въ сыскныхъ объявленіяхъ, вовсе и не думая раскрыться самымъ дѣйствіемъ на сценѣ. Герой не ставитъ себѣ цѣли, не хочетъ побѣдить или умереть въ борьбѣ за идею; вмѣсто такого замкнутаго въ себѣ дѣйствія, вмѣсто поэзіи подвига мы находимъ здѣсь только разговорное изложеніе какихъ-нибудь происшествій, по большой части любовныя исторіи или уголовныя дѣла. Поступки ониословливаются (мотивируются) какъ попало. Совершается наприм. убійство или похищеніе ребенка, а потомъ черезъ много, много лѣтъ пропащіе, убитые или

брошенные въ воду все-таки оказываются спасенными, и случай всегда сводитъ подконецъ вмѣстѣ лица, игравшія роль въ первыхъ дѣйствіяхъ. Свершителемъ судебъ является обыкновенно какой-нибудь новоприбывшій на мѣсто сановникъ, который, вовсе того не подозрѣвая, часто самъ выходитъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ роковою исторіей. Піэса въ четырехъ дѣйствіяхъ, иногда притомъ съ объяснительнымъ прологомъ. Проза смѣняется стихотворными вставками, какъ у насъ въ водевилѣ; при особенно оживленныхъ сценахъ, при увлекательныхъ описаніяхъ, главное лицо піэсы или по крайней мѣрѣ одного извѣстнаго явленія, начинаетъ распѣвать. Содержаніе по большой части скудно, разговоръ многословенъ, и въ длинныхъ монологахъ или діалогахъ зачастую приходится вторично выслушивать то, что́ уже слышалъ и видѣлъ прежде. Все сплошь расписывается одинаково, безъ той духовной перспективы, которая выдвигаетъ впередъ только крупныя черты, едва намекая на неважныя подробности. Мѣстами языкъ приноравливается къ характерамъ: ученый старецъ говоритъ полновѣсными сентенціями въ древнемъ вкусѣ, молодой любовникъ изливаетъ свои чувства въ лирическихъ стихахъ. Правоучительность преобладаетъ и въ драмѣ; мораль піэсы, какъ мораль басни, всегда высказывается напрямикъ. Неблагопристойныя представленія воспрещены уголовнымъ закономъ, который именно повелѣваетъ чтобы сцена была дѣйствительнымъ или вымышленнымъ изображеніемъ добрыхъ и правдивыхъ мужей, цѣломудренныхъ женъ, послушныхъ и любящихъ дѣтей, чтобы она непремѣнно руководила зрителей къ добрымъ нравамъ. Выводятся иногда и преступленія, но они всегда во́ время открыты и наказаны, такъ что обыкновенно не достигаютъ своей цѣли. Зато все это и похоже больше на кукольную комедію.

Китайская древность знала еще пантомимныя пляски, сценическія представленія сельскихъ работъ, праздника жатвы, военныхъ трудностей и наслажденій мирной жизни; сначала все это было торжественно, а потомъ сдѣлалось сладострастно и подверглось законному ограниченію. Китайцы почитаютъ императора Гіу-эньтсуна первымъ основателемъ настоящей ихъ драмы (702—756 г. по Р. Х., въ такое стало-быть время, когда черезъ Индію могли уже дойдти до нихъ слухи о драмѣ европейской). Императоръ, будучи знатокомъ музыки, самъ стоялъ во главѣ музыкальной академіи, получившей свое названіе отъ грушеваго сада въ которомъ она у него помѣщалась. Даже пріѣзжіе иностранные музыканты выполняли передъ нимъ свои произведенія. Самъ онъ создалъ въ своеобразно-китайскомъ видѣ первую драму, гдѣ сценическіе разговоры чередовались съ перекликающимся пѣніемъ. Вслѣдъ за этими древнѣйшими произведеніями династіи Тханъ (до 904 г.), Китайцы отличаютъ еще тѣ, которыя возникли при династіи Сунъ (960—1119) и при династіяхъ Кинь и Юэнь (1123—1341), придавая каждому изъ этихъ трехъ разрядовъ особое названіе. Изъ нихъ видно что положеніе женщины было лучше до татарскаго господства, но видно также какую важную роль играла тогда «свободная женщина», образованная куртизанка.

«Сироту изъ Чао» обработалъ для французской сцены еще Вольтеръ. Піэса, переведенная по-англійски Девисомъ: «Старикъ, возвращающій себѣ

сына», изображаетъ намъ чувство семейности, которое и временное и вѣчное благо человѣка видитъ только въ потомствѣ; она особенно вращается на точномъ соблюденіи могильныхъ обрядовъ. Переданный Станиславомъ Жюльеномъ «Мѣловой кругъ» представляетъ намъ нѣчто въ родѣ Саломонова рѣшенія: двѣ женщины оспориваютъ другъ у друга ребенка; судья чертитъ на полу мѣломъ кругъ, приказываетъ положить туда дитятю, и торжественно объявляетъ что поднять его изъ этого круга сможетъ одна лишь настоящая мать. Самозванка тотчасъ же рванула къ себѣ предметъ спора, тогда какъ родная мать приподняла своего малютку бережно, и по этому была узнана судьею. Базенъ (Bazin) перевелъ «Интриги горничной», которая тайкомъ, при свѣтѣ мѣсяца, сводитъ двухъ страстно-влюбленныхъ, предназначенныхъ другъ другу покойными ихъ отцами, тогда какъ мать суженаго требуетъ чтобъ напередъ оконченъ былъ государственный экзаменъ и строго были выполнены всѣ церемоніи; женихъ, которымъ вслѣдъ за тѣмъ самъ императоръ надѣляетъ невѣсту, разумѣется и есть настоящій ея любовникъ. Есть одна піэса, написанная «дамой вольнаго обращенія», подъ заглавіемъ «Подобравшаяся сорочка»; половина рубашки осталась у родителей, а съ другою половиной уѣхала въ чужую землю дочь, и по двумъ пришедшимся другъ къ другу половинкамъ родители, или точнѣе уже дѣды, узнаютъ своего невѣдомаго внука, который, въ качествѣ судьи, караетъ преступленія, навлекшія этой семьѣ разлуку и горе. Назовемъ еще «Месть Теуньго», безвинно казненной дѣвушки, которой тѣнь открываетъ потомъ отцу всю правду.

Китайская драма «Скупецъ» напоминаетъ фигуру Гарпагона, дошедшую къ намъ отъ греко-римской древности и воспроизведенную Мольеромъ. Старый скряга, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ издержекъ на свой собственный гробъ, хочетъ замѣнить его свинымъ корытомъ; сынъ возражаетъ что оно слишкомъ коротко́, а старикъ на это говоритъ: пообруби мнѣ тогда маленько ноги, только пожалуйста не нашимъ топоромъ,—кости у меня претвердыя,—попроси топоръ у сосѣда. Такихъ рѣзко-характерныхъ вещей въ драмѣ множество. — Одна изъ историческихъ піэсъ представляетъ борьбу китайскаго императора съ Татарами. Императоръ послалъ министра собрать портреты самыхъ пригожихъ дѣвицъ для выбора себѣ супруги; министръ злоупотребляетъ этимъ для вымогательства денегъ у тѣхъ, кому хочется вступить въ союзъ съ императоромъ, и передаетъ ему подложный портретъ одной сельской дѣвушки, знаменитой своей красотою. Но императоръ уже лично узналъ красавицу и хочетъ отсѣчь голову невѣрному министру. Тотъ бѣжитъ къ Татарамъ, показываетъ хану настоящій портретъ царской невѣсты и воспламеняетъ въ немъ страстную любовь, такъ что императору приходится или выдать свою милую или готовиться къ войнѣ съ ханомъ. Послѣ продолжительной борьбы, императоръ соглашается на выдачу; они разстаются въ тоскѣ и горѣ; но когда ханъ перевозитъ ее черезъ пограничную рѣку, она кидается въ воду, крича императору: «Конецъ жизни моей здѣсь, «жду тебя въ будущей».

Съ 1644 г. Китаемъ овладѣли Маньчжуры, и хотя эта династія какъ можно ближе примыкаетъ къ китаизму, на господство ея все-таки смотрятъ

какъ на чужеземное иго, да притомъ обаяніе ея силы подорвано теперь побѣдоносными нападеніями Европейцевъ. Въ послѣднее время внутри Китая начался процессъ броженія и разложенья: элементы соціальныхъ и религіозныхъ преобразованій постоянно борются съ окаменѣлымъ преданіемъ и всеобщимъ упадкомъ. Китай волей и неволей будетъ наконецъ вовлеченъ въ широкій потокъ общечеловѣческаго развитія.

Изъ Китая получила свою цивилизацію Японія; но она опутываетъ ее множествомъ странныхъ грезъ, въ родѣ позднеиндійскихъ, и заимствованнымъ оттуда же вліяніемъ буддизма, не достигая пока ни до какого своеобразнаго или органическаго развитія идей, ни до какой художественной самодѣятельности; въ промышленномъ отношеніи она быть-можетъ превзошла Китайцевъ, и удобства земной жизни представляются тамъ высшей цѣлью существованія.

Китайцы сравниваютъ развитіе своей поэзіи съ ростомъ дерева: книга пѣсень, Ши-кинъ, представляетъ корни и стволъ; съ Сувейтао и Лікіао явились на послѣднемъ почки; во время Кіэньгапя (около 200 л. по Р. Х.) оно распустилось и стало пускать новые отпрыски, а при династіи Тханъ (въ 8 вѣкѣ нашего лѣтосчисленія) многіе отдыхали уже подъ тѣнью дерева, которое цвѣло и приносило плоды. Прологъ драмы «Пипаки» говоритъ слѣдующее: «Геній вытекаетъ изъ природы, онъ развертывается благодаря стра- «стямъ, опираясь впрочемъ на обычай, на справедливость, и для того чтобъ «не заблудиться онъ никогда не пускается въ путь на удачу или безъ на- «дежнаго вожака; онъ всегда умѣетъ воздержаться отъ увлеченія басно- «словными и чудесными вещами». Китаизмъ высказываетъ этимъ задушевную свою исповѣдь.

ЕГИПЕТЪ.

Подходя къ египетскимъ пирамидамъ, мы привѣтствуемъ въ нихъ межевые камни, отъ которыхъ именно начинается исторія культуры и искусства. Тутъ только языкъ и миѳъ ложатся въ основу дѣятельности творческой фантазіи и появляются такіе памятники, которыми народъ или отдѣльная личность прямо хочетъ передать потомкамъ вѣрное и ясное свидѣтельство о своемъ существованіи и своихъ дѣлахъ; такъ что отселѣ мы видимъ культуру уже не въ одномъ лишь зеркалѣ воображенія, не заключаемъ о ней только гадательно по языку и болѣе или менѣе темному сказанью, но имѣемъ передъ собой неизмѣнно-прочное, реальное изображеніе того что́ совершилось. Этотъ край лежитъ передъ нами какъ развернутая книга, которой громадныя каменныя письмена, то-есть полныя смысла сооруженія, вѣщаютъ намъ о жизни отдаленныхъ тысячелѣтій.

И не случайно древнѣйшіе эти памятники принадлежатъ именно архитектурѣ. Подобно тому какъ самосознаніе возбуждается въ насъ о́бразами внѣшняго міра, научаясь различать себя отъ нихъ и относиться вслѣдствіе того къ самому себѣ, такъ точно и въ формахъ пространственнаго явленія, которыми духъ впервые выражаетъ свое внутреннее содержанье, онъ ставитъ себя предметомъ любознательнаго созерцанія для другихъ. Если сознаніе его загорается отъ свѣта природы, то его свобода прежде всего проявляется именно въ томъ что онъ начинаетъ обработывать ее по своему. Пространственныя созерцанія долго носятся передъ душой ребенка; но только когда душа устережетъ и поймаетъ сама себя, подмѣтитъ собственное постоянство среди быстрой смѣны своихъ состояній, только тогда доходитъ она до представленія о времени и текучей, развивающейся жизни. Вотъ почему позже является и стремленіе художественно изобразить эту жизнь въ потокѣ времени и среди смѣны внутреннихъ состояній, изобразить ту идею, которая одинаково лежитъ въ основаніи всякаго завершившагося и совершаю-

щагося бытія. Правда, и въ первобытныя еще времена встрѣчаемъ мы зачатки поэзіи и музыки, но окончательное ихъ развитіе принадлежитъ гораздо позднѣйшей эпохѣ; тогда какъ пластическія созданія древней Греціи предстаютъ намъ въ неподражаемомъ уже совершенствѣ, а архитектура была первенствующимъ искусствомъ на Востокѣ искони.

Какъ неорганическая природа служитъ первою основой индивидуальнымъ организмамъ, такъ архитектура готовитъ мѣсто и пріютъ для изображеній индивидуальной жизни, орудуя веществомъ по самымъ общимъ его законамъ, хватаясь за него со стороны тяжести и протяженія, и обращая его въ жилище духу, да представляя себѣ и весь міръ чѣмъ-то покоящимся, замкнутымъ въ себѣ самомъ, что держится на сопротивныхъ, но уравновѣшенныхъ силахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ въ своихъ постройкахъ онагляживаетъ самому себѣ свои коренныя внутреннія настроенія, такъ что зданіе становится символомъ и природы, и духа; вѣдь духъ самъ опредѣляется своимъ взглядомъ на природу, и на ней знакомится съ самимъ собой; жить начинаетъ онъ въ неразрывной связи съ внѣшней обстановкою, и понятно что явленія послѣдней, вызвавшія у него ту или другую мысль, такъ и остаются ея носителями, ея видимымъ изображеньемъ.

Архитектоническій и символическій элементы разрѣшаютъ намъ всю загадочность египетскаго характера; ими опредѣляется ступень его въ исторіи развитія человѣчества. Сравненіе языка и религіи привело насъ къ заключенью, что прежде чѣмъ Симиты разошлись съ Арійцами и оба племени пустились въ новыя большія движенія, отъ нихъ снова отпала одна консервативная отрасль, какъ уже было разъ съ Китайцами, и стоя ближе къ Симитамъ, чѣмъ къ болѣе развившимся Арійцамъ, взяла съ собой свою завѣтную старину и пошла отыскивать такую мѣстность, гдѣ бы уберечь ее какъ можно лучше и разработать въ духѣ наиболѣе ей свойственномъ, отнюдь не сбиваясь ни на какіе новые пути. Такъ основался по берегамъ Нила Египетъ.

Движеніе миѳотворнаго духа находитъ себѣ прочное выраженіе въ символѣ, то-есть образѣ въ которомъ воплотился его результатъ; и чтобы осадокъ этой дѣятельности не былъ унесенъ потокомъ движенія, ему не слѣдуетъ оставаться на зыбкой почвѣ скоропреходящихъ чувствъ или въ области мимолетнаго часто слова: онъ непремѣнно долженъ выразиться въ пространственной формѣ, въ твердой массѣ вещества. Отношеніе между миѳомъ и символомъ уже и само по себѣ точно такое же, какъ между поэтическимъ и пластическимъ созданіемъ (разумѣя здѣсь пластику въ самомъ обширномъ смыслѣ). Египетскій духъ не увлекается безпрерывно-живой дѣятельностью въ порожденіи миѳовъ; напротивъ каждое произведеніе его тутъ же и становится для него прочнымъ символомъ; духъ спѣшитъ заключить шаткое явленіе въ твердую, благонадежную форму, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ какъ бы превращается въ куколку, и идея (вмѣсто того чтобъ развиваться, двигаться впередъ) тотчасъ же оцѣпенѣваетъ въ камнѣ. Это первое. За тѣмъ слѣдуетъ архитектоническій элементъ. Онъ выходитъ здѣсь изъ совокупной дѣятельности народа подъ строжайшимъ господствомъ единовластителя, онъ одолѣваетъ природу строгой мѣрою, онъ втягиваетъ въ свою

норму все особенное и индивидуальное, подчиняя его однажды установленному правилу, онъ стремится къ возвышенному и колоссальному, онъ показываетъ силу единаго надъ многимъ—повтореніемъ тожественнаго и симметріей; спокойствіе прочности (благонадежность) — его цѣль, произведеніе его — настоящій памятникъ, символъ именно того, что̀ должно оно напоминать и навсегда упрочить собою. Египтяне народъ памяти и памятниковъ; они только и заботятся о томъ, какъ бы увѣковѣчить настоящее; оттого они и должны облекать его въ твердыя формы пространственнаго явленія. А тутъ помогаетъ имъ природа края. Мало того что характеръ мѣстности непремѣнно отражается въ душѣ и невольно втягиваетъ въ себя сознаніе, физическое свойство края предлагаетъ въ известковомъ и гранитномъ камнѣ готовый матерьялъ для столь же обширныхъ, сколько и прочныхъ сооруженій; а ясный, сухой, бездождный воздухъ сохраняетъ имъ въ теченіе тысячелѣтій ту же почти свѣжесть, что и въ первый день. Бунзенъ также замѣчаетъ: «На сѣверѣ каменные памятники разъѣдаются дождемъ и морозомъ, «на югѣ разрываетъ или совершенно заглушаетъ ихъ страшная растительность; въ Китаѣ нѣтъ зодчества, которое боролось бы съ тысячелѣтьями; «въ Вавилонѣ былъ только кирпичъ; въ Индіи едва сами скалы выдерживаютъ «натискъ черезъ чуръ роскошной природы: Египетъ — страна монументовъ, «и Египтяне — монументальный народъ во всей исторіи.» Уже Геродотъ назвалъ этотъ край даромъ Нила. Изъ высокаго плоскогорья вблизи экватора стекаются разныя рѣки въ одинъ каменистый удолъ, и послѣ того какъ соединенныя воды ихъ, подъ именемъ Нила, успѣваютъ прорваться порогами черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, этотъ широкій потокъ, на протяженіи полутораста миль (т. е. съ лишкомъ тысячи верстъ), спокойно и тихо струится къ морю, оставляя горы и степи по бокамъ, но омывая промежутокъ въ нѣсколько миль шириною, котораго весь грунтъ состоитъ изъ плодороднѣйшаго назема, наносимаго Ниломъ въ самыхъ размельченныхъ частяхъ изъ своихъ источниковъ и остающагося на берегу послѣ ежегоднаго разлива. Послѣдній зависитъ, какъ извѣстно, отъ тропическихъ дождей и отъ ростопели снѣговъ на высокихъ горныхъ вершинахъ; причина эта не была извѣстна древнимъ обитателямъ, но постоянство ежегоднаго разлива тѣмъ не менѣе представлялось имъ чѣмъ-то столь же вѣрнымъ, какъ и весь вообще естественный порядокъ вещей. Еще и нынѣ празднуютъ въ іюнѣ мѣсяцѣ ночь той чудесной капели, которая, по словамъ повѣрья, незамѣтно переполняетъ рѣку; она поднимается болѣе и болѣе съ возростаніемъ жаровъ, а когда выступитъ изъ береговъ и займетъ своимъ русломъ всю долину, пыли нѣтъ разумѣется и слѣда, и знойный прежде воздухъ становится свѣжимъ; во второй половинѣ сентября вода начинаетъ сбывать, и когда поздней осенью войдетъ въ обыкновенное свое русло, то влажную береговую землю почти не нужно и распахивать: достаточно разбросать по ней зерно и пустить скотину, чтобы она его поглубже втоптала; посѣвъ не замедлитъ взойдти и быстро созрѣваетъ къ жатвѣ.

Такимъ образомъ этотъ край какъ бы самъ напрашивался на земледѣліе и, разумѣется, долженъ былъ воспитать въ жителяхъ свойственныя послѣднему консервативность и настойчивость. Мѣсто многоразличныхъ перемѣнъ погоды и пестраго преизбытка естественной жизни вообще, заступала здѣсь

простая и притомъ срочная противоположность между порой разлива, призывающей къ отдыху, къ свободному сообщенью по водѣ, къ разнымъ праздничнымъ веселостямъ въ чаяніи ожидаемой за тѣмъ благодати, и между рабочею порой, когда почва сплошь остается сухою, да еще рѣзкая противоположность безплодныхъ горъ и степей съ богатою, роскошною долиной. Вся жизнь, какъ вѣрно замѣчаетъ Шнаазе, представлялась Египтянамъ въ видѣ противоположности, которая невольно должна была наводить чувство и мысль на самую крайнюю противоположность — между жизнью и смертью; но рѣзкость этого напоминанія смягчалась съ другой стороны тѣмъ, что благотворно-божественное дѣйствіе Нила приходило всегда въ срокъ, такъ что жители его побережья не знали по крайней мѣрѣ страха неизвѣстности.

Но чтобы воспользоваться такого рода естественною обстановкой необходима была культура; страна представляла поселившемуся въ ней племени только условія быторазвитія, овладѣть ими должна была духовная сила; Провидѣнію надлежало навести на эту почву подходящій къ ней по характеру народъ; послѣднему на пути съ плоскогорья средней Азіи надо было остановиться на томъ именно судьбообильномъ мѣстѣ, гдѣ, благодаря тѣсной связи человѣка съ краемъ, могъ сложиться древнѣйшій государственный организмъ, гдѣ общественный порядокъ могъ постепенно развиться по образцу порядка природы. Начало египетскому, какъ и всякому вообще человѣческому складу, положилъ духъ; природа же доставила его своеобразной особности соотвѣтственную почву и матерьялъ для органической обстройки быта. Внутренній смыслъ народа, направленный къ твердому и прочному, не только что не вышелъ здѣсь изъ себя, но напротивъ еще воспитался и выросъ на томъ незыблемомъ основаніи, какимъ представилась ему рѣка, въ качествѣ исходной точки для его культуры. Но кто хотѣлъ воспользоваться этой природою, тотъ долженъ былъ съумѣть обезпечить свои жилища отъ наводненій и даже управиться съ самими послѣдними, потому что надо было задержать воду, провести ее всюду куда слѣдовало, и наконецъ спустить ту которая застаивалась въ низинахъ. Это требовало наблюденій за положеніемъ свѣтилъ, при какомъ именно наступаютъ и потомъ сбываютъ разливы, а отсюда слѣдовало постиженіе связи между небесными и земными явленіями составляющими одно великое цѣлое, признаніе (верховнаго) божественнаго порядка въ природѣ дарующаго людямъ всяческую благодать, отсюда шла наконецъ мысль что жизнь человѣка должна сообразоваться съ природою. Развилось познаніе мѣры и числа, необходимое для наилучшаго употребленія разливовъ въ пользу и для огражденія себя отъ ихъ вреда посредствомъ плотинъ и каналовъ. Измѣряющая и зодческая дѣятельность сдѣлалась насущной потребностью, и тѣ изъ народа, которые обладали въ этомъ наибольшимъ знаніемъ и хранили его въ качествѣ семейнаго преданья, естественно снискали себѣ тѣмъ и вліяніе, и почетъ. Наконецъ нужна была единая надо всѣмъ воля, которая вездѣ назначала бы когда и гдѣ что строить, когда отворять шлюзы, прорывать плотины; и народъ естественно находилъ собственное благо въ повиновеніи этой волѣ, если только она распоряжалась дѣльно и умно.

Египетское царство сложилось изъ союза волостныхъ общинъ; но лишь когда въ 4-мъ тысячелѣтіи до нашей эры царь Менесъ соединилъ въ одно

цѣлое обѣ державы Верхняго и Нижняго Египта, онъ первый и сталъ во главѣ всемірноисторической культуры своего народа, какъ настоящій ея основатель и первоначальникъ. Языкъ, письменность, религія, правообычаи выработались еще прежде; а древнѣйшія строительныя работы, каналъ заложенный Менесомъ для отвода Нила съ тою цѣлью чтобы обезпечить твердую почву подъ городъ Мемфисъ, пирамиды сооружавшіяся очень рано въ видѣ царскихъ надгробныхъ памятниковъ, показываютъ что искусство и наука воздѣлывались уже и до Менеса. Семейная любовь, покорность дѣтей къ родителямъ, уваженіе къ слову мудреца, увѣренность что добро дается тому кто самъ его дѣлаетъ, все это многоразлично выражено въ писаніяхъ древнѣйшаго этого царства. Жена настоящая домоначальница; супруги и сестры участвуютъ съ мужчинами во всѣхъ торжественныхъ дѣйствіяхъ; имя матери часто присоединяется къ собственному имени лица. Семейный элементъ первобытнаго человѣчества заявляетъ себя въ древнемъ Египтѣ прежде всего тѣмъ, что и дѣловое званіе членовъ семьи въ зависимости отъ ея единства, что каждый пастухъ, земледѣлецъ, ремесленникъ, жрецъ передаетъ свое знаніе и умѣнье своимъ домочадцамъ, которые и остаются при томъ на всю жизнь. Все нажитое нравами и привычкой не только не нарушалось стремленіями общественнаго духа, порывами личной свободы или страстью къ движенію, а напротивъ только еще болѣе укрѣплялось закономъ; вотъ отчего изъ наклонности народа къ сохраненію въ сложившемся однажды видѣ всего существующаго, произошли касты; но браки между лицами различныхъ состояній тѣмъ не менѣе поддерживали общую связь, и единое общенародное сознаніе опиралось на чувство одинаковой человѣчественности, одинаковаго богопочитанія, одинаковаго отношенія къ Предвѣчному. Царь обыкновенно принадлежалъ къ кастѣ воиновъ, но, будучи верховнымъ руководителемъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, онъ принимался также въ среду жрецовъ; впрочемъ онъ могъ происходить и прямо изъ народа, являясь тѣмъ не менѣе видимымъ представителемъ и сыномъ высшаго божества. Въ древнемъ царствѣ Сезортозисъ построилъ великолѣпный чертогъ, гдѣ для представителей каждой волости отведены были особые дворы и покои, а лучшіе изъ нихъ непосредственно окружали царя. Монархъ подлежалъ посмертному суду, произносившему приговоръ земной его дѣятельности. Только уже послѣ чужевластья Гиксосовъ фараоны избираютъ бичъ краснорѣчивымъ символомъ своего господства и, окружая себя блескомъ неслыханной роскоши, высасываютъ изъ народа кровь, пока, заодно съ ними, онъ не подпадаетъ власти Персовъ, Грековъ и наконецъ Римлянъ. Но какъ подъ гнетомъ царей, такъ и подъ владычествомъ Симитовъ и Арійцевъ, крѣпко держится народный обычай вмѣстѣ съ религіей и искусствомъ.

Древнѣйшимъ памятникомъ египетскаго духа, первымъ и изначальнѣйшимъ созданіемъ народной фантазіи былъ, разумѣется, языкъ, который также отличается архитектоническимъ складомъ; самосознаніе высказывается въ немъ съ творческой свободою, неорганическая стихія преодолѣна и начинаютъ уже развертываться органическіе побуды. Архитектоничность заявляетъ себя тѣмъ, что разстановка словъ обусловливаетъ ихъ соотношенье и значеніе для общаго смысла и связи предложенія, что формовыя окончанія сохраняютъ еще свое собственное корневое содержанье и пристаютъ къ

главному слову, не слишкомъ его затрогивая, не входя съ нимъ въ тѣсный, живой союзъ. Главныя же слова заготовлены точно каменныя плиты мастеромъ для постройки предложенья; они не то чтобъ прямо были существительнымъ, прилагательнымъ или глаголомъ, они всѣ стали здѣсь корнями, изъ которыхъ можно одинаково образовать существительное, прилагательное или глаголъ. Отношеніе между вещью и качествомъ, выражаемое по-симитски словомъ «онъ», а по-арійски словомъ «есть», у Египтянъ означалось двоякимъ образомъ: столъ онъ большой и столъ есть большой, но могло также и безъ всякой связки указываться одною только словоразстоновкой. «Египтянинъ, говоритъ Бунзенъ, мыслитъ точно такъ же всегда, какъ нѣкогда «Англосаксъ мыслилъ въ иныхъ только случаяхъ. Если послѣдній хочетъ «выразить опредѣленную долю времени, хоть напримѣръ: съ утра до вечера, «онъ употребляетъ свои два предлога, говоря: from morning till evening. «Но когда эти слова были еще понятны ему (въ корневомъ своемъ зна«ченіи), онъ имѣлъ передъ собой четыре полныхъ существительныхъ: на«чало утро цѣль вечеръ». Когда одно и то же односложное слово выражаетъ совершенно различныя вещи и дѣйствія, то это потому, что имъ обозначается однородное впечатлѣніе, какое тѣ вещи и дѣйствія произвели на душу, или же какое-нибудь общее имъ свойство; такъ наприм ха значитъ: день, начинать, предводить, голова, супругъ, то-есть вообще нѣчто господствующее, первое. Для уразумѣнія настоящаго смысла въ такихъ случаяхъ, а равно когда одинъ и тотъ же звукъ выражалъ нѣсколько отдаленныхъ другъ отъ друга понятій, Египтяне, подобно Китайцамъ, разсчитывали еще на порядокъ словъ, на тонъ произношенія и на пояснительное тѣлодвиженье. Вотъ почему членораздѣльные звуки такого рода сравниваю я съ тесаными камнями, которыхъ функція опредѣляется положеніемъ ихъ въ цѣломъ.

«Главныя основы словеснаго міросозланія древнихъ народовъ, да и жи«выхъ еще нашихъ языковъ, односложныя коренныя слова любого языка, «почти всѣ составляютъ общее достояніе, общее наслѣдіе первобытнаго міра «(гдѣ Арійцы и Симиты не были еще подѣлены). Не такъ, какъ по большой «части у насъ, не играли они тогда роль едва замѣтныхъ формовыхъ придат«ковъ или какихъ-нибудь парѣчій; не являлись, и какъ преимущественно у «Симитовъ, въ позднѣйшей уже искусственно-систематической оболочкѣ: но «выступали въ полномъ своемъ великолѣпіи, въ своей первобытной, или «очень близкой къ тому, простотѣ и наготѣ. Въ языкѣ Египтянъ органиче«ски-образующій духъ какъ бы впервые и еще робко начинаетъ шевелить «крыльями: кореноватость отдѣльныхъ словъ совершенно противится еще «обформкѣ и рѣшительно упирается противъ всякихъ перемѣнъ». Такъ говоритъ Бунзенъ. Сюда же съ другой стороны подходитъ и замѣчаніе Штейнталя: подобно тому какъ Египтяне создали прямую линію, чистую математическую фигуру, стало-быть породили въ духѣ и помимо дѣйствительности чисто-идеальную форму, такъ точно обнаруживается у нихъ впервые и выработанная духомъ чисто-грамматическая форма, хотя еще правда въ голой и не гибкой простотѣ, безъ полноты, безъ благозвучія. И такъ какъ формовые слоги только пристаютъ къ корнямъ извнѣ, не теряя въ органическомъ сплавѣ съ ними своего собственнаго значенія, то они конечно и не обтачиваются, а сохраняются во всей цѣлости; и консервативный смыслъ

Египтянъ заявляетъ себя между прочимъ тѣмъ, что языкъ ихъ мало измѣнялся въ теченіе тысячелѣтій.

Крайне замѣчательнымъ созданіемъ символизирующей фантазіи этого народа является потомъ его іероглифическое письмо. Стремясь вездѣ къ прочности, духъ Египтянъ хочетъ закрѣпить въ постоянномъ образѣ и мысль и слово, хочетъ и изъ нихъ сдѣлать памятникъ или по крайней мѣрѣ прямое къ нему поясненье. Іероглифическіе знаки были трехъ родовъ: предметные, то-есть просто рисунки означаемой ими вещи,—знаменные, иногда лишь сокращенно намекавшіе на цѣлое какими-нибудь отдѣльными его частями, иногда же символически представлявшіе понятіе, и наконецъ звуковые, выражавшіе букву рисункомъ того слова, которое съ нея начинается; наприм. ахемъ (орелъ) значилъ *а*, лабу (левъ) — букву *л*. Послѣдній способъ нуженъ былъ для передачи собственныхъ именъ, но потомъ писали и другія слова звуковыми знаками, или же ставили ихъ при предметныхъ и знаменныхъ (въ пояснительное дополненье). Само собою понятно что тутъ надо было держаться опредѣленнаго правила, что извѣстные знаки употреблялись исключительно какъ предметные, другіе — только какъ знаменные, третьи наконецъ — какъ звуковые; Бунзенъ сопоставилъ на этомъ основаніи 460 предметныхъ образовъ, 120 знаменныхъ и около 200 звуковыхъ. Самые простые знаки или же ихъ сокращенія усвоены были греческому письму и также введены для народнаго обихода, гдѣ они однако принимались въ смыслѣ буквъ; на памятникахъ же во все продолженіе египетскаго царства постоянно употреблялись іероглифы. Такимъ образомъ письмо совершенно сливается съ архитектурой, оно украшаетъ сооруженія и носитъ вмѣстѣ символическій и архитектоническій характеръ.

Древній языкъ, выражающій однимъ и тѣмъ же корневымъ слогомъ разныя значенія, естественно повелъ сперва не къ буквицѣ, а къ изобразительнымъ, предметнымъ знакамъ. Сначала просто рисовали мужчину, женщину, домъ, серпъ мѣсяца, кругъ солнца, лошадь, повозку, стрѣлу, руку, корабль. Но дѣло вскорѣ затруднилось, когда понадобилось различить домъ отъ храма, вино отъ молока, ребенка отъ взрослаго. Здѣсь тотчасъ выручила острота ума и сила воображенія, и повторилась опять та же первоначальная работа, какую мы видѣли при сложеньи языка и которая сдѣлала звукъ послушнымъ носителемъ мысли, открывая духовное содержанье посредствомъ чувственныхъ формъ. Дитя обозначается сосущимъ или еще безсловеснымъ—черезъ приложеніе пальца ко рту. Особенная форма молочнаго или виннаго сосуда указываетъ на его содержаніе, черта проведенная надъ чашей означаетъ медъ. Двѣ поднятыя руки выражаютъ молитву, рука протянутая съ хлѣбомъ означаетъ приношеніе и подаянье. Жрецъ, молясь въ духовномъ облаченіи, смотритъ вверхъ на переполнившійся жертвенный сосудъ; впослѣдствіи его обозначаютъ уже и однимъ этимъ сосудомъ. Пчела символъ работящаго, послушнаго царю народа. Четыреугольникъ съ отверзтіемъ въ нижней сторонѣ значитъ просто домъ, домъ Господенъ обозначается присовокупленіемъ къ тому образа божія. Всеобъемлющее небо, это — глядящая внизъ женщина, которой туловище лежитъ прямо, а руки и ноги опущены; для сокращенія ставится просто прямая черта съ наклоненными внизъ

концами. Понятіе добра и красоты выражается лютней, тѣмъ что̀ стройно и благозвучно. Слово ири значитъ глазъ, сынъ, и дѣлать; образъ глаза выражаетъ всѣ три эти понятія; всякую внѣшнюю дѣятельность представляютъ глазомъ, помѣщеннымъ возлѣ двухъ идущихъ впередъ ногъ. Тонкое чутье Египтянъ къ быту животныхъ обнаруживается сплошь и здѣсь; они наблюдали этотъ бытъ и такъ часто избирали его символомъ, что Греки дѣйствительно могли назвать іероглифы изображеніями звѣрей. Неизмѣнное на видъ перо страуса служило у нихъ знакомъ истины; пальмовая вѣтвь, которой зубцы напоминаютъ различные подѣлы года, была взята въ представители послѣдняго; о коршунѣ говорятъ, что всѣ птенцы у него самки, и онъ поэтому выражаетъ материнскую любовь; передняя часть льва значитъ мужество и силу.

Наглядное изображеніе, разумѣется, конкретнѣе, опредѣлительнѣе слова, содержащаго въ себѣ мыслимую только всеобщность; первое выражаетъ созерцанія, послѣднее—умственныя представленья; изображается вѣдь не животное, не птица, не растеніе, а всегда лишь одно какое-нибудь существо,—быкъ, соколъ или лотосъ. Духъ египетскій живетъ стало-быть въ частномъ, въ особенномъ, въ созерцаніи (а не въ представленіи) природы, но старается взойдти по немъ до мысли, и оттого частное, подчувственное, становится для него символомъ идеи; вся природа для него символъ, видимое явленіе вѣчнаго и незримаго; онъ ищетъ истолковать себѣ міръ явленій, и отысканное ихъ значеніе, открытый наконецъ смыслъ вещей, хочетъ выразить опять ими же самими, дѣлая ихъ знаменіемъ, представительнымъ изображеніемъ мысли. Такимъ образомъ іероглифъ часто говоритъ вникающему въ него зрителю болѣе самого слова, онъ побуждаетъ его къ размышленію. Вотъ отчего міръ могъ быть представленъ совокупнымъ образомъ жука и коршуна, и это тотчасъ возбуждало мысль о существованіи міра чрезъ совокупное дѣйствіе производящей и пріемлющей, отцовской и материнской силы и сущности; но можно было изобразить его и въ видѣ закусившей хвостъ змѣи: тогда это былъ замкнутый въ себѣ кругъ жизни, а змѣя напоминала притомъ срочной перемѣной своихъ кожъ то возрожденіе, какое смѣна формъ доставляетъ всему сущему. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда образъ былъ только буквеннымъ знакомъ, выбирали предметы соотвѣтственные тому понятію какое хотѣли высказать, или по крайней мѣрѣ старались сопоставить ихъ знаменательнымъ образомъ.

Для вѣрнаго распознаванія іероглифовъ требовалась отчетливость рисунка, но также было необходимо соблюдать и постоянно одинаковый пошибъ любого предметнаго изображенія; и если въ первомъ отношеніи насъ невольно удивляетъ твердость руки и чувство изящнаго, то въ условной стилизаціи мы узнаемъ опять тотъ архитектоническій элементъ, который выдвигаетъ впередъ существенное и онагляживаетъ его въ любой данной схемѣ. Можно въ заключеніе сказать вмѣстѣ въ Бунзеномъ: «Чистый и «рѣдкій художественный смыслъ Египтянина обнаруживается въ этомъ «истинно-первобытномъ его памятникѣ такъ же блистательно, какъ впо- «слѣдствіи онъ заявилъ себя въ памятникахъ временъ пирамидъ, лабиринта «и оивскихъ храмочертоговъ. Каждый изъ письмообразовательныхъ его за- «мысловъ ясенъ, стало-быть чисто человѣченъ; остроуменъ и глубокъ,

«стало-быть философиченъ; полонъ поэзіи, стало-быть прекрасенъ; нако-«нецъ всегда пригоденъ войдти въ составъ цѣлаго, слѣдовательно архитек-«тониченъ.»

Если отъ языка и письменности мы перейдемъ къ религіи, то и здѣсь идеи первоначально предстаютъ намъ въ символическихъ обликахъ боговъ, и мы видимъ передъ собой странный и загадочный политеизмъ, о которомъ древніе говорятъ, что онъ состоялъ изъ трехъ разныхъ цикловъ, соединявшихъ въ себѣ сперва 8, потомъ 12 божествъ и наконецъ 30 полубожескихъ личностей, при чемъ циклы приводятся въ то же время и какъ династіи, которыхъ члены будто бы преемственно передавали одинъ другому державную власть. Но этотъ мракъ выясняется разслѣдованіемъ памятниковъ, и мы начинаемъ уже различать между тѣмъ что́ намудрили и наплели жреческіе догматы, и тѣмъ что́ было изначальною и постоянною вѣрой самого народа. Какъ египетское государство произошло изъ сліянія волостныхъ общинъ, такъ точно и многобожіе возникло изъ совокупленія разныхъ мѣстныхъ культовъ. Единая, общая идея божества понималась съ разныхъ сторонъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ каждой онагляживалась своеобразнымъ символомъ; поэтому многоразличные облики легко сопоставлялись рядомъ и могли быть предметомъ почитанія даже и въ тѣхъ мѣстахъ, которымъ собственно не принадлежали: пользуясь поклоненіемъ вездѣ, Горъ тѣмъ не менѣе оставался исконнымъ божествомъ въ Эдфу, Хемъ — богомъ Копта, Кнефъ — владыкою Эснѐ. Такимъ образомъ одинъ обликъ могъ пожалуй переходить и въ другой, могли сливаться воедино и нѣсколько обликовъ, могло совмѣститься въ одномъ изъ нихъ нѣсколько разныхъ аттрибутовъ, такъ какъ каждое отдѣльное божество первоначально выражало всеединую божескую сущность и во многихъ божествахъ являлись только разныя названія и стороны единаго. Вотъ отчего памятники такъ рѣшительно и говорятъ о единомъ Богѣ, единомъ воистину сущемъ и живомъ, владыкѣ всѣхъ началъ, самого себя родившемъ. Ни одинъ изъ азіатскихъ и европейскихъ миѳовъ не вышелъ изъ Египта, но многія имена и облики здѣшнихъ боговъ указываютъ на Азію и имѣютъ тамъ одинъ общій корень съ сродственными имъ греческими формами вѣрованій. Въ Египтѣ находимъ мы символическій осадокъ первобытнаго миѳосложенія, а сравнительно богатѣйшее миѳическое сказаніе объ Озирисѣ развилось уже только въ новомъ царствѣ, и ужь не безъ примѣси малоазійскихъ и эллинскихъ вліяній. Но идеи египетскаго миѳа тѣ же первичные и общечеловѣческіе помыслы о Богѣ, какъ властителѣ бытія, открывающемся человѣку въ дневномъ свѣтѣ и въ тверди небесной, о міротворной его силѣ и о безсмертіи души; своеобразность египетскаго взгляда преимущественно въ томъ, что здѣсь выработалась звѣросимволика и догматъ душескитанія, и что въ культѣ Озириса стремленіе къ вѣчной жизни развито особенно съ нравоучительной его стороны.

Свѣтъ небесный и живительная его сила исходятъ отъ солнца, и потому служеніе послѣднему господствуетъ въ цѣломъ Египтѣ; первоначально солнце знаменуетъ божескую силу, истину и благость, и въ пластическихъ изображеніяхъ солнобогъ представляется въ борьбѣ со змѣемъ тьмы; но неразлучная съ символизмомъ опасность, чтобы внѣшняя оболочка не по-

шла прямо за внутреннее существо, обнаружилась въ распоряженіяхъ Аменофа IV-го, который нѣсколько времени пытался замѣнить всѣ другіе способы богопочтенія однимъ служеніемъ солнечному диску исключительно. Надписи той эпохи говорятъ: «Слава тебѣ, слава, творецъ мѣсяцевъ, «источникъ дней, числитель часовъ!» А подъ поющими арфистами стоитъ слѣдующее: «Ты верховный богъ, радующій весь міръ съ разсвѣтомъ. По«левые звѣри покидаютъ свое логово, птицы подымаются изъ гнѣздъ, при«вѣтствовать живой кругъ солнца.» Опасность эта еще возростаетъ при звѣрослуженіи. Египтяне сначала вовсе не считали быковъ, кошекъ и змѣй за божества и не воздавали имъ поклоненія; но когда дѣйствующія въ природѣ силы фантазія ихъ воплотила въ облики звѣрей, когда они крѣпко ухватились за эти воплощенія; они видѣли въ животныхъ символы творчески-живой силы, плодучести, постояннаго обновленья, они находили въ этомъ отзвуки того что признавали божественнымъ; животное стало для нихъ видимымъ знакомъ этой идеи, въ святилищѣ храма оно отвѣчало имъ за кумиръ божества, или самый этотъ кумиръ обозначали они характеристически головою посвященной ему твари. Египтяне ставили всего выше постоянство и типичность въ дѣйствіяхъ; поэтому всегда себѣ вѣрная инстинктивная дѣятельность животныхъ производила на нихъ сильное, озадачивающее впечатлѣніе; они представлялись имъ и полными жизни и вмѣстѣ таинственными какъ божества, являя собой въ то же время образъ всей одушевленной природы, образъ того духа который очевидно погруженъ въ нее. Такъ напримѣръ сфинксъ, голова человѣка на львиномъ туловищѣ, который изображалъ и боговъ и царей, развѣ не свидѣтельствуетъ онъ до какой степени умъ Египтянъ былъ невольно связанъ съ природою? У сфинксовъ Аммона баранья голова заступаетъ мѣсто человѣческаго же опять лика. Сказаніе жрецовъ объ этой головѣ вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе. По словамъ Геродота, Консъ, отвѣчающій у Грековъ за Иракла, хотѣлъ непремѣнно увидѣть Аммона; этотъ уступилъ наконецъ его безотвязнымъ мольбамъ, но завернулся въ баранью шкуру и держалъ передъ лицомъ баранью голову. Въ этомъ разсказѣ и Дѐллингеръ усматриваетъ явный намекъ на источникъ звѣрослуженія, которое вышло изъ потребности видѣть и знать вблизи себя сокровенное божество, и вмѣстѣ изъ какого-то невольнаго страха передъ таинственнымъ для насъ существомъ и бытомъ животныхъ. Такимъ образомъ быкъ съ особыми отмѣтинами (фигура коршуна на хребтѣ означала материнское свойство, а жуковина на языкѣ принималась за скарабей, знакъ божеской мужественной силы), быкъ Анисъ, слылъ сперва только символомъ, а послѣ истымъ воплощеніемъ творческаго свѣтобога, Пта, и повѣрье гласило объ немъ что онъ зачатъ маткой отъ удара небесной молніи. Постепенно дошло до того, что народъ сталъ прямо видѣть боговъ своихъ въ священныхъ животныхъ; ихъ чествовали какъ домохозяевъ, какъ владыкъ города; на нихъ молились; женщины обнажались передъ священнымъ быкомъ въ Мемфисѣ, а въ Мендесѣ беззавѣтно отдавались священному козлу.

Идея бога въ душѣ человѣческой, вотъ что было тутъ первымъ, а связь съ жизнію внѣшней природы — вторымъ; начатое сперва въ Азіи развивалось потомъ въ Египтѣ, но не въ видѣ текущей поэтической исторіи боговъ, а въ видѣ окоснѣлыхъ символическихъ изображеній. Ставя все это въ соот-

ношеніе съ языкомъ, Бунзенъ говоритъ слѣдующее: «Силы вещей изобра-«жаются дѣйствительными божествами; свойства становятся прозвищами бо-«говъ и богинь, а потомъ возводятся и въ божества самобытныя, точно такъ «же какъ имя прилагательное становится нарицательнымъ и какъ всѣ нари-«цательныя были сперва прилагательными къ которымъ устно или мыслен-«но присоединялось представленіе самой вещи. Въ сферѣ богосознанія свое-«образную особенность Египтянъ составляетъ только форма миѳологиче-«скаго символизма; а обращеніе символа въ самостоятельное существо, «слѣдовательно идолопоклонство, было уже упадкомъ, искаженіемъ, кото-«раго источникъ лежитъ съ одной стороны въ слабости человѣческаго духа, «когда онъ дѣйствуетъ массами, съ другой — въ силѣ богосознанія и вну-«тренняго побуда къ художественной его выработкѣ и наглядной передачѣ.»

Обозрѣвая важнѣйшіе лики боговъ, съ тѣмъ чтобы узнать изъ нихъ особенности египетской фантазіи и понять отсюда пластическія ея произведенья, мы прежде всего встрѣчаемъ извѣстіе что основатель государства, Менесъ, соорудилъ святилище богу Пта. Его-то Манеѳонъ и ставитъ во главѣ божествъ египетскихъ. Надписи именуютъ его отцомъ солнца, которое онъ же потомъ и движетъ передъ собою; вотъ отчего ему посвященъ былъ скарабей, или жукъ, катящій шаръ отъ востока къ западу; такъ какъ Греки называютъ его Гефестомъ, то мы можемъ распознать въ немъ первичнѣйшее божество, открывающееся въ небесномъ свѣтѣ; оттого и зовется онъ еще господомъ милосердоликимъ, господомъ истины, олицетворяемой въ видѣ дочери его, Ма, и въ то же время обозначающей иногда благоустройство вселенной, какъ истинное проявленіе божіе. Въ Филе представляли его вылѣпляющимъ на гончарномъ кругу яйцо міра; отсюда имя его, Пта, было объяснено изъ симитскаго пата, что̀ значитъ вскрытель мірового яйца, а самъ онъ въ своей дѣятельности былъ сопоставленъ съ творческою силой финикійскихъ Патековъ. Въ своей символикѣ Египтяне изображали его то младенцемъ, чтобы онаглядить этимъ всегда-нарождающійся свѣтъ, вѣчно-молодого бога, — то мужемъ, завернутымъ какъ мумія, со скипетромъ въ рукѣ и съ такъ-называемымъ ниломѣромъ, жезломъ о четырехъ поперечинахъ, въ которыхъ Пассалаква видитъ четыре страны свѣта, четыре стихіи, и вмѣстѣ четыре ступени духовной жизни и урочнаго душескитанія. Въ Ѳивахъ покланялись Аммону; древніе толковали это имя въ смыслѣ сокровеннаго, новѣйшіе говорятъ что оно значитъ образователь. Это — незримо-дѣйствующая, таинственно-духовная сущность, которая раскрывается въ природѣ, находитъ себѣ въ ней видимый обликъ, плоть. Его также именуютъ владыкой неба, царемъ боговъ, и представляютъ сидящимъ на тронѣ въ человѣческомъ образѣ; но вскорѣ онъ сливается въ одно съ Кнефомъ и Ра. Кнефъ опять міросозидатель съ гончарнымъ кругомъ и горшкомъ; овенъ или баранъ символизируетъ его порождающую силу и сообщаетъ ему свою голову; а какъ въ Аммонѣ видѣли то же самое существо, то и ему придали баранью голову, да кромѣ нихъ еще Хему въ Хемнисѣ, который, по мнѣнію Грековъ, былъ то же что̀ ихъ Панъ. Аммонъ, въ полной своей силѣ, называется Ра, а при членораздѣльномъ выговорѣ Фра, откуда идетъ имя фараоновъ, то-есть сыновей Фра; онъ богъ солнца: «Господь «того свѣта и этого; солнечный кругъ престолъ его; онъ движетъ яйцо міра

«и проявилъ себя въ безднѣ небесной.» И онъ является на памятникахъ верховнымъ всетворящимъ богомъ, зовется породителемъ всего въ небѣ и на землѣ, самъ будучи нерожденнымъ. Это привившаяся къ солнцу идея божества. Онъ былъ сперва исключительно единымъ; по сводѣ мѣстныхъ культовъ въ одно цѣлое, Мемфисъ признавалъ въ немъ сына бога Пта, въ Опвахъ же считали его за самооткровеніе таинственнаго Аммона и потому особенно чествовали божество Аммонъ-Ра. Въ другихъ мѣстностяхъ подъ именемъ Менту олицетворяли восходящее, подъ именемъ Атму заходящее солнце; а гдѣ богъ Ра сливается воедино съ Аруэрисомъ, Мандулисомъ, Сохарисомъ и иными божествами, тамъ, вмѣстѣ съ Партеемъ, можемъ мы предполагать что особенныя эти божества обозначали только различныя свойства солнца, живительную его силу, теплоту, свѣтъ, наконецъ — сидерическое положеніе. У Ра голова кобчика съ солнечнымъ дискомъ. Съ нимъ сливается еще Озирисъ, и сынъ его Горъ, чья голова паритъ по небу, освѣщая вселенную, также опять солнце: съ послѣднимъ связано все божеское, и даже мѣсто покоя для усопшихъ — тамъ гдѣ оно садится, на западѣ.

Древнѣйшая пора знаетъ стало-быть первоначально одного свѣтлаго бога неба, создателя и Господа, только въ различныхъ мѣстахъ подъ разными символами и именами. И въ Египтѣ первымъ шагомъ къ политеизму было то, что на ряду съ богомъ, мыслимымъ въ мужскомъ родѣ, выступила женственность; она разумѣется вышла воспріемлющею, матерью, или представляла собой ждущее обформки вещество, образуемое и оживляемое только уже духомъ. Но не одна лишь Изида становится тогда сестрою, супругой, матерью и дочерью Озириса; боги вообще называются мужьями матери, при чемъ мысль какъ видно та, что эта общая всѣмъ мать возникла изъ темныхъ основъ природы и потомъ совокупилась съ богомъ для міротворенія. Начало естества въ братской связи съ духомъ: оно опредѣляется имъ, получаетъ отъ него форму, образъ существованія, но въ то же время и само служитъ ему основой. Такъ напримѣръ о богѣ Ра говорится такъ: «Когда «ты свѣтишь въ ночной обители, ты соединяешься тамъ съ своей матерью, «небомъ.» Богиня Нпоъ называется солнцеродящею коровой; надпись храма ея въ Саидѣ говоритъ: «Я все чтó есть, было и будетъ (я сый); ни одинъ «смертный не приподнялъ моего покрывала; богъ солнца — рожденный мною «плодъ.» Другая богиня, Мутъ, уже и самымъ своимъ именемъ обозначается матерью. Въ Мемфисѣ, обруку съ богомъ Пта, стоитъ Паштъ, съ львиной или кошачей головою, какъ великая владычица огня, живая, пламѣдная богиня острова Филе, которой придаютъ потомъ и названія Мутъ, Саки, Анукe, потому что всѣ они значатъ разные виды проявленія одного и того же существа. Богиня Гаторъ, въ видѣ коровы или съ коровьими рогами и солнечнымъ дискомъ промежду нихъ, также слыветъ великой матерью, владычицей неба, повелительницей боговъ, золотою, царицей золотого вѣнца; въ ней особенно выдвигается элементъ любви, ей справляютъ веселые праздники, она богиня игръ и пѣсень. Но вскорѣ распространилось по всему Египту служеніе Изидѣ, и по этому поводу на нее были перенесены аттрибуты другихъ богинь, она сдѣлалась тьмоименною богиней (т. е. богиней о 10,000 именахъ), стала изображаться съ коровьими рогами и дискомъ солнца, но также и съ хохломъ кобчика, съ цвѣточнымъ

скипетромъ и крестомъ жизни въ рукахъ. Разныя богини эти все одна и та же Изида, только въ различныхъ формахъ, съ различными символами, смотря по тому какое именно свойство хотѣли преимущественно выдвинуть впередъ.

Геродотъ говоритъ что Изида и Озирисъ — единственные чтимые во всемъ Египтѣ боги; это богатѣйшее раскрытіе общей всѣмъ первичной идеи конечно могло тѣмъ легче воспринять всѣ другіе ея облики. Какъ многосторонне было созерцаніе божественнаго въ лицѣ Озириса, видно изъ того что Греки могли найдти въ немъ своихъ Зевса и Діониза, Гадеса, Пана и наконецъ Нила, а Бунзенъ имѣлъ полное право сказать что Изида, Озирисъ и сынъ ихъ Горъ объемлютъ собой систему боговъ въ ея цѣлости и что на монументахъ, обокъ съ любымъ мѣстнымъ божествомъ, находится всегда какое-нибудь соотвѣтственное ему проявленіе тѣхъ главныхъ. Всего чаще Озирисъ изображается владыкою надъ царствомъ душъ; уже на древнѣйшихъ гробницахъ является онъ судьею покойниковъ, въ «Книгѣ Мертвыхъ» взываютъ къ нему какъ къ господу жизни и къ царю боговъ. Онъ исконное божество Онса или Абидоса въ Верхнемъ Египтѣ. Символомъ его также солнце, и оттого теченіе этого свѣтила становится его исторіей; въ то же время чествуютъ и благотворную его силу въ нильскихъ разливахъ. Обруку съ нимъ идетъ Изида, озаряемая солнцемъ земля или самъ край египетскій, жаждущій объятій Нила и оплодотворяемый его влагою. Но мы знаемъ первичную мысль человѣчества о томъ, что творческая дѣятельность божества есть вступленіе его въ конечность, жертва чистой любви, самоотданіе себя богомъ всему сущему, съ тѣмъ чтобы ожить въ безконечномъ его разнообразіи. Какъ скоро богъ видѣлся во всей природѣ и символъ установился въ душѣ истымъ его обликомъ, то естественно что и поворотъ солнца на́ зиму и закатъ его представились нисхожденьемъ бога въ преисподній міръ, и что когда прекращалась на время благодатная сила нильскаго наводненія, это считалось исчезновеніемъ самого божества, отъ котораго однакожь истекало все плодоносіе края. Но солнце возрождалось каждый день, а нильскій разливъ каждое лѣто, и умирающій богъ былъ въ сущности вѣчно живъ и всегда готовъ къ срочному возврату. Изида называется по-египетски Гесъ, тронъ, то-есть природа, какъ престолъ божій; имя Озириса или Гесирі́, значило бы по-египетски: тронный глазъ, но Бунзенъ, находя этотъ смыслъ неудовлетворительнымъ, сопоставляетъ слово Гесирі́ съ финикійскимъ Адаръ, Азаръ, т. е. сильный богъ. Адонисъ просто Адонай, господь, и если праздникъ Озириса напоминалъ Грекамъ ихъ діонизіи (празднество Вакху), то съ другой стороны онъ представлялся египетскою обработкой служенія Адонису, гдѣ плачъ по умирающемъ богѣ смѣняло ликованіе въ привѣтъ новонайденному, возрожденному; общій первоначально корень далъ эти три разные отпрыска, и едвали можно отрицать что они повліяли другъ на друга. Вѣдь упоминается же на египетскихъ памятникахъ Баалъ, какъ богъ силы, въ эпоху взаимныхъ сношеній Египтянъ съ Симитами.

Своеобразность и величіе египетскаго развитія состоитъ въ томъ, что безсмертіе, загробная судьба душъ поставлены имъ въ связь съ Озирисомъ, что нисшедшій въ преисподнюю богъ принимается за судью мертвымъ и за властителя надъ міромъ духовъ, съ которымъ неразлучно блаженные на-

слаждаются жизнію вѣчной. Такимъ образомъ нравственный элементъ сдѣлался уже главнымъ, первенствующимъ, и здѣсь высказана въ первый разъ вся глубина богосознанія. Озирисъ вѣдь богъ въ человѣческомъ образѣ, дѣйствующій, страдающій и наконецъ побѣждающій на людскомъ поприщѣ; нравственный законъ — его заповѣдь, онъ судитъ людей, наказываетъ за зло, награждаетъ за добро; соединиться съ нимъ высшее для нихъ благо.

Убѣжденіе что личность человѣческая неистребима, лежитъ въ основѣ вѣры въ духовъ у Китайцевъ и у Туранцевъ, въ основѣ культа мертвыхъ у Грековъ и у Римлянъ, какъ общая всѣмъ истина, какъ первичная въ человѣчествѣ идея; Египтяне отнюдь не первые учили безсмертію, но они первые придали рѣшительный вѣсъ загробной жизни и возмездію въ вѣчности, а потомъ уже присовокупили къ этому душескитаніе и связь съ звѣрослуженьемъ. Человѣкъ отвѣтственъ. Чувственныя погрѣшенія и слабости приписываются утробѣ, внутренностямъ, кишкамъ, а оттого послѣднія, при бальзамировкѣ труповъ, обрекаются всевидящему богу солнца и кидаются въ рѣку; за тѣмъ творится надъ покойникомъ судъ народный, и только выдержавшій его допускается къ торжественному погребенію. Земной этотъ судъ предображеніе небеснаго. Тамъ возсѣдаетъ на тронѣ самъ Озирисъ съ 42 судьями, передъ ними великіе вѣсы, и въ одну чашу ихъ идутъ грѣхи усопшаго, а въ другой лежитъ символъ справедливости, страусовое перо. У первой чаши стоитъ стражъ гробовъ, Анубисъ съ шакальей головою; отвѣсъ держитъ всевидящее солнце, Горъ, съ головой кобчика, а результатъ провѣрки отмѣчаетъ дьякъ боговъ, владыка священнаго языка, божественный изобрѣтатель грамоты и пѣстунъ всякаго знанія, ибисоголовый Тотъ. Молитвы въ «Книгѣ Мертвыхъ», папирусы найденные при муміяхъ, взываютъ къ прибѣжищу духовъ, къ господу правды, Озирису, да сподобитъ онъ покойника узрѣть лицо свое. Объ осужденныхъ говорится что ихъ не освѣтитъ око великаго божества, что ухо ихъ не услышитъ его голоса; они изображаются ходящими безъ головы и влачащими за собой свое сердце, варящимися въ котлахъ, повѣшенными зà ноги, — картины, напоминающія фантазію какого-нибудь Адскаго Брёйгеля. Благочестивые и блаженные купаются, ликуя, въ вѣчныхъ родникахъ и срываютъ плоды съ деревъ небесныхъ. Они подавали хлѣба голодному, питья жаждущему, одежду нагому, и вотъ они живутъ въ царствѣ истины, великій богъ говоритъ съ ними, а они съ нимъ, ихъ озаряетъ блескъ солнца, никогда не покидающаго пути ихъ; они всходятъ на барку солнечнаго бога и, радуясь его свѣту, совершаютъ съ нимъ міровое его теченіе; сердце ихъ — сердце божіе; они полные сопричастники его жизни.

Но кто окажется на судѣ нечистымъ, тотъ долженъ въ кару и въ очищеніе себѣ скитаться изъ тѣла въ тѣло, и если при душѣ одного грѣшника, перешедшей въ свинью, мы находимъ припись: «Обжорство», то это даетъ намъ право заключать, что душа водворилась въ тѣло того именно животнаго, которому уподобилась своимъ господствующимъ свойствомъ. Скитаніе продолжалось цѣлыхъ 3000 лѣтъ *, а за тѣмъ душа опять нарождалась человѣ-

* Этотъ періодъ названъ у автора, вѣроятно по недоразумѣнію, Каникулярнымъ или Песьимъ, который обнималъ всего только 1461 годъ. Примѣч. Перев.

комъ, по смерти его снова подвергалась суду, и тогда обрекалась уже навѣки гибели мрака или блаженству свѣта. Чувство общаго жизненнаго начала во всѣхъ живыхъ тваряхъ, приведшее Египтянъ и къ звѣрослуженію, тѣсно соединяло человѣка съ животными этимъ искупительнымъ душескитаньемъ; предполагая въ любомъ изъ нихъ душу котораго-нибудь изъ своихъ предковъ, онъ естественно долженъ былъ считать животныхъ святынею.

Оцѣпенѣлость идеи въ символѣ, рабская подчиненность духа естественной формѣ, обнаруживаются впрочемъ и здѣсь. Безсмертіе души неразрывно связывалось для Египтянина съ сохраненіемъ его тѣла. Вотъ почему послѣднее тщательно бальзамировали и заключали въ каменныя гробницы. Діодоръ говоритъ: «Земному вѣку придаютъ они мало цѣны, но зато ставятъ очень «высоко жизнь загробную, когда должна сохраняться память добрыхъ дѣлъ «ихъ. Оттого дома̀ живыхъ людей слывутъ у нихъ гостинницами, куда при«стаютъ только на время, а гробницы усопшихъ — домами вѣчными. По«этому и на постройку домовъ они мало тратятъ труда и заботы; гробницы «же отдѣлываютъ чрезвычайно тщательно».

Извѣстный Озирисовъ миѳъ сложился только вначалѣ послѣдняго тысячелѣтія предъ Р. Х. Намъ передали его Греки, которые пожалуй сами и помогли его образованію. Себъ и Нутпе, богъ времени и богиня небесной тверди, выводятся здѣсь родителями Озириса и Изиды. Себъ (Сиоъ), у Грековъ Тифонъ, противопоставляемый Озирису, играетъ еще и въ новомъ царствѣ роль многочтимаго бога Дельты, который научилъ царя Оотмеса III-го стрѣльбѣ изъ лука. Имя это извѣстно въ Азіи, и даже въ одномъ изъ разсказовъ книги Бытія Сиоъ упоминается, какъ отецъ Эноса (гл. 4, ст. 26). Онъ строгій и ревностный по преимуществу; въ немъ, какъ и въ Молохѣ, олицетворена судящая и истребляющая сторона власти божіей. Вотъ почему симитскіе завоеватели, Гиксы, могли признать въ немъ свое собственное божество; отсюда же идетъ сказаніе жрецовъ, что боги Египта облеклись въ личины животныхъ, стараясь отъ него укрыться. Такимъ образомъ и выдвинутъ онъ въ противоположность кроткому Озирису, какъ отъявленный его врагъ, какъ носитель всякой бѣды, неприязни и пагубы. Если Озирисъ — плодотворный Нилъ, то Себъ — знойный, палящій вѣтеръ пустыни. Миѳъ повѣствуетъ что Озирисъ благодѣтельно царитъ надъ Египтомъ и побѣдоносно обходитъ цѣлый свѣтъ, водворяя вездѣ хлѣбопашество и винодѣліе, учреждая богослуженіе и законы. Но Тифонъ-Себъ коварно заключаетъ его въ гробъ и бросаетъ въ волны Нила. Тоскующая Изида пускается за нимъ въ поиски; когда же она его находитъ, Тифонъ разсѣкаетъ трупъ его на части; однакожь она собираетъ члены дорогого мужа. Озирисъ властвуетъ въ царствѣ мертвыхъ, но въ лицѣ Гора, сына Изиды и его, подростаетъ мститель за претерпѣнныя имъ страданія, который наконецъ и одолѣваетъ Тифона; возвратъ прежняго опять плодородія — дитя Озириса-Нила и Изиды-Земли. Это вмѣстѣ и красное солнце, и ниспосылатель всякаго блага царствующимъ. Въ его огреченномъ названіи: Гарпократъ, Лепсіусъ распозналъ египетское Герпе-хрутъ, то-есть господь-дитя или Горъ-дитя. Благотворная дѣятельность Озириса и ея исчезновеніе возобновляются ежегодно; но, какъ прибѣжище духовъ, онъ обладаетъ въ то же время непрерывной жизнію. Очень знаме-

нательна въ миѳѣ та черта, что Горъ только одолѣваетъ Тифона, но не совсѣмъ его истребляетъ. Тотъ-Гермесъ перерѣзываетъ ему жилы и натягиваетъ ихъ на лиру вмѣсто струнъ; по замѣчанію Плутарха, это значитъ что все улаживающій духъ вызываетъ стройное согласіе даже и у сопротивныхъ элементовъ; энергія отрицательнаго начала не погибла, она только должна служить гармоніи цѣлаго.

И въ богослуженіи египетскомъ праздникъ Озирису считался главнѣйшимъ. Символомъ бога, его производящей силы, служилъ быкъ, и какъ сама эта сила должна дробиться на части для дарованія жизни всему частному, такъ и быкъ приносился въ жертву и размельчался на куски; общая печаль народа превращалась въ ликованіе, когда нѣсколько дней спустя праздновали отысканіе и оживленіе вновь бога, при чемъ вылѣпливали ликъ его изъ земли пропитанной нильскою водою. Не льзя и здѣсь не распознать той первичной идеи Египтянъ, что единое порознается во множественномъ и потомъ возвращается къ самому себѣ, что безконечное размельчается въ конечномъ и опять изъ него возстановляется. При другихъ случаяхъ торжественно носили фаллусъ, и женщины раздѣвались до нага, въ честь и прославленіе богамъ родотворцамъ.

Въ жертву и у Египтянъ первоначально приносились люди; замѣнившее ихъ потомъ животное всегда отмѣчалось печатью съ изображеніемъ человѣка на колѣняхъ, привязаннаго къ столбу, тогда какъ ножъ приставленъ былъ ему къ горлу. Символизмъ требовалъ точнаго осмотра жертвенныхъ животныхъ и сверхъ того предписывалъ жрецамъ крайне строгое соблюденіе физической чистоты какъ достойнаго проявленія чистоты духовной, такъ что весь бытъ и всѣ дѣйствія этихъ людей были сильно стѣснены символически-знаменательнымъ уставомъ относительно пищи и одежды. Требовалось чтобы вся жизнь ихъ была постояннымъ богослуженіемъ, и она вся почти уходила на исполненіе обрядовъ, которыхъ правила были также незыблемы какъ и законы природы. Въ праздникъ Тота, божественнаго покровителя ихъ мудрости, ѣли они медъ и смоквы, приговаривая: «Мудрость сладка».

Къ жреческой наукѣ Египтянъ принадлежала астрологія; положеніе свѣтилъ приводилось въ связь съ земными событіями, и первымъ приписывалось вліяніе на послѣднія. Какъ египетскіе волхвы спорили нѣкогда чудесами съ Моисеемъ, такъ точно и въ позднѣйшія времена Египетъ слылъ очагомъ всякаго рода чаръ и волхвованій. Гладишъ, указавшій на египетскіе элементы у греческаго поэта-философа, Эмпедокла, объясняетъ также чародѣйство изъ александрійскихъ философовъ, Ямвлиха и Плотина, въ совершенномъ согласіи съ тѣмъ міровоззрѣніемъ, что первичное единство порознилось противоположностью, а возстановляется любовью. Плотинъ говоритъ: «Настоящее чародѣйство, это—любовь вездѣ и во всемъ на ряду съ борьбою и «рознью. Люди подмѣтили дѣйствующія въ цѣломъ мірѣ чары, такъ-какъ «всѣмъ составнымъ частямъ этого міра врождена сила любви, вслѣдствіе ко«торой онѣ взаимно притягиваются и очаровываются одна другою; это и на«вело ихъ на мысль возбуждать присущую силу любви и порождать взаим«ное притяженіе искусственными средствами, такъ что вся тайна колдов«ства заключается въ знаніи способа, какъ именно вызвать притягательную

«силу». Поэтому въ основѣ и чародѣйства, и астрологіи лежитъ вѣрная по себѣ мысль объ органическомъ строѣ міра, гдѣ всѣ вещи соединены между собой связью обоюднаго вліянія; но мысль эта сдѣлалась потомъ игрушкой воображенія и остается ею до сихъ поръ.

Что пѣніе и музыка не были чужды Египтянамъ, это между прочимъ доказываютъ памятники, гдѣ, особенно на тѣхъ изъ нихъ которые относятся къ эпохѣ новаго царства, встрѣчаемъ много изображеній житейскаго удовольствія; но и древнѣйшія уже времена представляютъ не мало донынѣ употребительныхъ инструментовъ, преимущественно изъ числа ударныхъ. Мы видимъ складныя палочки для указанія такта, барабаны, бронзовыя гремушки, флейты, трубы и особенно красивыя арфы, которыя Египтяне же и изобрѣли, наконецъ — гитару и лиру. Геродотъ говоритъ — да оно и подходитъ къ египетскому характеру, — что у нихъ были своенародные напѣвы и что они отнюдь не принимали чужихъ. Платонъ также увѣряетъ въ свою очередь, что въ Египтѣ опредѣлено священнымъ уставомъ какія именно пластическія произведенія и какія пѣсни считать хорошими, и что молодежь должна тамъ пріучаться только къ благороднымъ формамъ, укрощающимъ и очищающимъ порывы естественныхъ страстей. Но тѣмъ не менѣе, какъ въ предѣлахъ общаго египетскаго типа мы все-таки находимъ разные стили зодчества и пластики, такъ сообразно этому и въ музыкѣ должны будемъ допустить извѣстное развитіе, хотя, подобно всѣмъ другимъ искусствамъ, она также оставалась здѣсь гораздо болѣе связанною первобытнымъ своимъ складомъ, нежели напримѣръ въ быстроживущей Греціи. Уже съ весьма раннихъ лѣтъ Египтянинъ видѣлъ въ музыкальномъ благозвучіи символъ всего прекраснаго и благого; лютня служила іероглифомъ для этихъ понятій, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и глубокую древность ея изобрѣтенія, приписываемаго богу Тоту; три струны ея означали зиму, весну и лѣто. Рано также начали приводить въ соотношеніе порядокъ тоновъ съ порядкомъ свѣтилъ.

На одной гробничной картинѣ изображено, какъ арфистъ, сто́я на колѣняхъ передъ запѣваломъ, аккомпанируетъ пѣсни которую послѣдній поетъ съ шестью пѣвицами; пѣвицы бьютъ въ ладоши, а подъ звуки пѣсни трое мужчинъ выполняютъ мѣрныя плясовыя движенія. Пѣсня, музыка и плясъ составляютъ здѣсь, поэтому, также одно цѣлое. Начальникъ царскихъ пѣвчихъ въ самую блестящую эпоху новаго царства былъ княжескаго рода и значится въ то же время жрецомъ-прорицателемъ богини Гаторъ. Но музыка служила не для однихъ религіозныхъ праздниковъ, а также еще для удовольствій общественной жизни и для потребностей войны. Древнѣйшій видъ арфы, простая деревянная лука, натянутая шестью струнами, даетъ Амбросу поводъ предполагать, что изобрѣтеніе это внушено звенящей тетивою лука. Но вскорѣ нижняя часть луки утолщается и обращается въ звукоотражательную полость, а за тѣмъ арфы пріобрѣтаютъ постепенно свою объемистую, цѣлесообразную и красивую вмѣстѣ форму. Напротивъ, очень распространенная въ югозападной Азіи лира кажется симитскаго происхожденія и водворилась въ Египтѣ только послѣ нашествія Гиксовъ. Особенно богато и блистательно стало музыкальное исполненіе въ цвѣтущую эпоху новаго царства; арфа получаетъ 13 струнъ и даже иногда 21-ну; вмѣстѣ съ нею играютъ лиры, флейты, литавры.

Къ сожалѣнію, ни чего не сохранилось намъ изъ тогдашнихъ мелодій; что Египтяне такъ же мало выработали гармонію, какъ недалась она и всѣмъ древнимъ народамъ вообще, это доказывается уже совершеннымъ молчаніемъ о томъ Грековъ; такіе люди какъ Геродотъ, Платонъ, Александрійцы, разумѣется отмѣтили бы эту черту, какъ нѣчто удивительное. Если Діодоръ Сицилійскій говоритъ что Египтяне при обученіи юношества не употребляютъ ни музыки, ни гимнастики, этихъ главныхъ воспитательныхъ средствъ Грековъ, то съ отзывомъ его вполнѣ согласны памятники, по которымъ пѣвцы, пѣвицы и музыканты оказываются принадлежащими или къ жреческому обиходу, или къ совершенно отдѣльному сословію. Напротивъ, свободно рожденный Эллинъ всегда укрѣпляетъ тѣло свое гимнастикой, но чтобы при этомъ не огрубѣть и не осуровѣть, онъ прибѣгаетъ къ кроткосмягчающему посредству музыки, тщательно упражняется въ ней и гармонируетъ ею свою жизнь. Египтянинъ охотно слушалъ музыку, самъ ей не занимаясь. Амбросъ также находитъ эту черту знаменательною для культуры обоихъ народовъ: Египетъ предстаетъ страною жреческой обрядности, кастически уряженнаго и распредѣленнаго образованья, тогда какъ общимъ достояніемъ Эллиновъ была всесторонняя подготовка къ свободно-прекрасной человѣчности.

Мы начинаемъ мало по малу ближе знакомиться съ поэзіею Египтянъ и лучше ее цѣнить. Она еще правда не нашла себѣ мѣста въ Шерровой «Исторіи поэзіи», а Розенкранцъ пытается даже объяснить тотъ странный фактъ, какъ цѣлый образованный народъ могъ существовать безъ всякой поэзіи; онъ говоритъ что Египтянинъ, какъ и Парсъ, жилъ въ такомъ непосредственномъ напряженіи всѣхъ силъ своихъ, что не могъ уходить въ глубь души, какъ требуетъ того поэзія. Свѣтъ и мракъ, жизнь и смерть, чистота и скверна, вотъ на чемъ вертится у нихъ все существованіе. Судя по этому, надо бы думать, что Розенкранцъ не признаетъ вовсе ни древне-персидской, ни египетской поэзіи. Но выходитъ наоборотъ: онъ толкуетъ намъ о богатырскихъ былинахъ Ирана, и изъ произведеній египетской пластики заключаетъ что у Египтянъ существовала лирика, отчасти въ литургическомъ, отчасти въ застольномъ родѣ, были религіозные гимны и веселыя пѣсни, исполняемыя по очереди гостями за столомъ. Но онъ отказываетъ имъ въ эпической поэзіи и говоритъ, что всѣ задатки ихъ въ этомъ родѣ пошли на возвеличеніе стиля ихъ монументальной пластики. Съ тѣхъ поръ однако столько уже прочитано надписей и папирусныхъ свитковъ, что существованіе у Египтянъ богатой поэтической литературы не только вполнѣ выясненный фактъ, но теперь мы сверхъ-того и въ состояніи ближе обозначить ея форму. Архитектура дѣйствительно была первенствующимъ, руководящимъ у нихъ искусствомъ, и гигантскими письменами построекъ выразили они всего величавѣе слово своей жизни. Стиль пластическихъ украшеній на ихъ зданіяхъ также архитектониченъ. Архитектонична въ свою очередь и форма ихъ поэзіи въ симметріи положенія и противоположенья, въ параллелизмѣ мыслей и рѣчей, который къ любому первому члену непремѣнно ужь присоединитъ соотвѣтственный ему второй. Метрика Эллиновъ пластична и доводитъ природно-тѣлесный складъ языка до свободнаго изящества, ритмъ (стихотворный тактъ) истинно живописенъ, романтическая риөма дышетъ

музыкальностью; глубина чувства у Евреевъ довольствовалась однимъ духовнымъ элементомъ, ритмомъ мысли, — какъ я ближе развилъ въ своей Эстетикѣ. Но этотъ библейскій параллелизмъ находитъ себѣ аналогію въ архитектоническомъ складѣ египетскихъ надписей. Такъ о царѣ Сиѳѣ (Sethos) говорится:

Сѣкира твоя вознеслась надъ тронами всѣхъ чужихъ странъ;
Князья ихъ прободены мечемъ твоимъ.

Такъ еще Рётъ разобралъ нѣкоторыя мѣста гимна солнцу, вырѣзаннаго на тѣлѣ большого скарабея:

Геній небесный исходитъ на битву;
Очищая и освящая совершаетъ богъ солнца путь свой.

Лучезарное, течетъ по небу солнце,
Посылая отъ себя свѣтъ заканчиваетъ оно свое теченіе.

Надписи эпохи пирамидъ очень просты и сжаты сравнительно съ хвастливымъ широковѣщаніемъ позднѣйшихъ періодовъ, гдѣ утомляютъ васъ безпрерывныя повторенья; но и здѣсь нѣтъ недостатка въ живости пониманія и характерности образовъ. На гробовой крышкѣ царя Менкеры было написано:

Блаженный царь Менкера,
Вѣчно живущій,
Небомъ рожденный,
Сынъ Нутпе,
Отпрыскъ богини Мутъ,

Да распространится надъ тобою матерь твоя Нутпе, разстилающая небо,
Да представитъ она тебя истребителю нечистыхъ враговъ твоихъ,
Царь Менкера, вѣчно живущій.

Сезортозисъ посвящаетъ обелискъ богу Ра:

Сынъ солнца, дающій людямъ жизнь,
Царь-солнце, дарованный міру свыше,
Владыко верхняго и нижняго Египта,
Любезный духамъ чистой области,
Вѣчно живущій и дающій людямъ жизнь,
Тотъ, кто самъ и есть жизнь человѣкамъ,
(Посвящаетъ этотъ памятникъ) богу, содѣлавшему его жизнедавцемъ.

О Рамсесѣ III-мъ одна надпись во дворцѣ урочища Мединетъ-Габу говоритъ:

Царь подобился льву,
Горный рыкъ его потрясалъ равнину.

Какъ козы трепещутъ передъ быкомъ,
Такъ враги бѣжали передъ героемъ.

Стрѣльцы его пронзали непріятеля
Его кони летѣли какъ ястребы.

Онъ несетъ весь край на могучей спинѣ своей и на сильныхъ чреслахъ,
Духъ солнца даетъ знать себя въ его членахъ.

Чистый народъ преуспѣваетъ въ сіяніи лучей его,
И множится мужами и женами.

Господь силы разливаетъ жизнь подобно солнцу.
Члены его сіяютъ надъ страной подобно солнцу.

Эти надписи въ честь царю уже носятъ на себѣ характеръ гимновъ и могутъ служить образчикомъ египетской лирики; но еще яснѣе выступаетъ она въ воззваніяхъ къ богамъ. Какъ теченіе солнца служитъ символомъ для исторіи души, и какъ солнце свѣтитъ блаженнымъ даже ночью, то и въ гробничныхъ надписяхъ всего больше призываютъ подъ разными именами царящее въ солнцѣ могущество божіе. Такъ одинъ жреческій писецъ приглашаетъ всѣхъ писцовъ и жрецовъ, воспѣвать боговъ слѣдующимъ образомъ:

Поклоненіе тебѣ, о Солнце, божественное дитя,
Саморождающееся ежедневно.

Поклоненіе тебѣ, когда, разливая жизнь,
Ты лучезарно блещешь въ небесномъ океанѣ.

Ты сотворило все сущее,
Ты въ лучахъ своихъ посылаешь жизнь чистымъ людямъ.

Поклоненіе тебѣ, зиждителю всѣхъ существъ;
Ты сокрыто, пути твои невѣдомы.

Поклоненіе тебѣ, когда пробѣгаешь ты по́ небу;
Какъ ликуютъ у тебя тамъ божества!

Или вотъ какъ еще поетъ священный писецъ Таферумнъ:

Помилуй меня, богъ утренняго солнца,
Богъ солнца вечерняго, Горъ обоихъ міровъ,
Ты, единый воистину живущій!
Ты создалъ все что́ ни есть,
Ты проявляешь себя въ окѣ солнца.
Хвалю тебя на вечерней зарѣ,
Когда ты тихо умираешь для новой жизни;
Среди славословій нисходишь ты къ морю,
И всегда готовая барка принимаетъ тебя съ торжествомъ.

Не звучитъ ли это какъ бы библейскимъ псалмомъ? Но точно также напоминаетъ оно и первобытныя книги Арійцевъ, Веды и Авесту.

Часто въ длинномъ призывѣ перечисляются всѣ имена извѣстнаго божества, высчитываются всѣ его качества, и такъ какъ призываемый богъ восхваляется потомъ какъ супругъ, владыка и глава другихъ боговъ, какъ творецъ самого себя и всего созданія, какъ единый воистину живущій, то отсюда ясно, что въ душѣ мыслящаго Египтянина, точно такъ же какъ и въ душѣ Индійца, всегда вновь пробивается идея единаго божества, при кото-

ромъ другіе боги суть только разныя его проявленія, чествуемыя подъ различными именами; тогда какъ наоборотъ Іудеи такъ часто впадаютъ опять въ идолопоклонство и многобожіе, не смотря на всѣ грозныя увѣщанія пророковъ. И если въ египетскомъ славословіи богу солнца говорится далѣе:

Блескомъ ока твоего поразится врагъ,
Возбранится ходъ змѣю Апофису,

то мы видимъ отсюда, что и Египтяне олицетворяли злое начало въ змѣиномъ образѣ, что и они, подобно Симитамъ и Арійцамъ, воспѣвали борьбу свѣтобога съ змѣемъ тьмы: это стало-быть одно изъ первичныхъ созерцаній человѣчества.

Человѣкъ приближаетъ боговъ къ своему существу, когда не только образуетъ ихъ по своему облику, но и придаетъ имъ сверхъ того свои душевныя движенія, такъ что въ нихъ отзываются и радости его и скорби. Съ поворотомъ и съ закатомъ солнца самъ свѣтобогъ спускается въ царство тьмы и смерти, и мать природа какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ печалится когда грозовая буря убиваетъ свѣтлую весну, когда роскошно цвѣтущая земля пожигается палящимъ зноемъ солнца, когда зеленую листву безпощадно обрываетъ и уноситъ зимній вихрь; но зато какъ же она и ликуетъ когда птицы снова начинаютъ пѣть, вездѣ пробиваются опять цвѣты, вся земля украшается обновленной жизнію, и свѣжая сила возводитъ солнце все выше и выше въ его суточномъ и годовомъ теченіи. Какъ религіозная идея вообще особенно могуча и жива въ душѣ Симитовъ, то у нихъ сильнѣе нежели у всѣхъ другихъ народовъ выразилась и череда годовыхъ временъ, какъ веселіе и скорбь царящаго надъ ними бога и вмѣстѣ какъ сочувственное тому настроеніе самихъ людей; а отъ Симитовъ то же перешло отчасти къ Египтянамъ и Грекамъ. Около Ливанскихъ горъ возникло поклоненіе богу Баалу, какъ господу (Адонаю); обруку съ этимъ небеснымъ владыкою стояло женское существо, богиня любви и природы; его смерть и воскресеніе ежегодно праздновались народомъ съ воплями скорби и съ радостными криками; это отозвалось у Эллиновъ, и сказаніе объ Адонисѣ выработалось тамъ впослѣдствіи далѣе. Египтяне жь, видя передъ собой восходъ и закатъ жизни и животворной силы въ солнцѣ и въ нильскихъ наводненіяхъ, признавъ въ нихъ дѣйствіе и страданіе Озириса и давъ въ супруги ему Изиду, сложили свои миѳы и таинства относительно двухъ этихъ божествъ подъ вліяніемъ подходящихъ сюда симитскихъ понятій. Ай лену, «увы намъ», плакались Малоазійцы; отсюда вышло айлиносъ, названіе жалобной пѣсни у Грековъ, которые изъ этого сдѣлали потомъ пѣвца Линоса (Лина), будто бы умерщвленнаго когда-то Аполлономъ. Геродотъ повѣствуетъ что у Египтянъ была пѣснь Манероса, которая поется также въ Финикіи и похожа на пѣснь Лина у Грековъ. Геродотъ считалъ Манероса царевичемъ, но Бругшъ ясно доказалъ, что пѣсня получила свое имя отъ припѣва Маа-не-ра, который значитъ: «Иди домой, воротись.» Бругшъ перевелъ плачъ Изиды по Озирисѣ, уцѣлѣвшій на одномъ гробовомъ папирусѣ; свитокъ принадлежалъ Опвянкѣ, именемъ Нан, и переводчикъ прибавляетъ въ объясненіе что каждый блаженноумершій получалъ названіе Озириса; «подобно тому какъ

«Озирисъ и Адонисъ половину года живутъ въ здѣшнемъ мірѣ, а осенью «умираютъ и столько же времени проводятъ въ исподнемъ, для того чтобы «потомъ возродиться вновь и совершать вѣчный кругооборотъ рожденія и «смерти, такъ точно и человѣкъ долженъ пройдти вмѣстѣ съ богомъ ту «исподнюю область, чтобы вслѣдъ за тѣмъ воскреснуть и начать новую «опять жизнь; такъ что онъ выходитъ тожественъ Озирису.» Вотъ во всей сердечной простотѣ своей эта жалобная пѣснь (причитанье) Изиды, которая величаетъ бога разными именами, да, смотря по отношеніямъ начала природы къ существу души, называетъ и самоё себя то его возлюбленной, то сестрой, то супругой, то матерью.

Воротись, воротись,
Богъ Пану, воротись же!
Кто былъ врагъ тебѣ,
Тѣхъ ужь нѣтъ и въ поминѣ.

Милый помощникъ, воротись,
Посмотрѣть на меня,
На сестру, что́ тебя такъ любитъ:
И еще бы ты не пришелъ ко мнѣ?

Милый, пригожій мо́лодецъ, воротись же!
Не вижу тебя,
Сердце по тебѣ ноетъ,
И глаза такъ тебя и ищутъ.

Хожу, брожу подъ видомъ Пан, чтобъ хоть взглянуть на тебя,
Только бы взглянуть, мой красавецъ, мой миленькій.
Только взглянуть хочу я, лучезарная,
Только бы взглянуть на тебя, лучезарный богъ Пану.

Прійди же къ своей милой, блаженный Оннофрисъ,
Прійди къ сестрицѣ, прійди къ супругѣ,
Богъ Уртугетъ, прійди скорѣй,
Прійди ты къ своей хозяйкѣ.

Вѣдь я тебѣ сестра,
Я и мать тебѣ,
И ты бы не пришелъ ко мнѣ послѣ этого?
Обращенный къ тебѣ ликъ боговъ заливается слезами,
А все глядя на меня, какъ я по тебѣ печалюсь,
Какъ плачу и взываю къ небу,
Чтобы услышалъ ты наконецъ мольбу мою.
Вѣдь я сестра твоя, что такъ любила тебя здѣсь на землѣ,
Да и ты никогда не любилъ другой, кромѣ меня, сестры твоей.

Это и плачъ о кончинѣ, и надежда на безсмертіе, которые равномѣрно нашли себѣ символъ въ срочныхъ перемѣнахъ кругооборота природы.

Если мы перейдемъ теперь къ эпической поэзіи, то и здѣсь увидимъ что преданія древнихъ подтвердились новѣйшимъ обслѣдованіемъ памятниковъ. Преданія говорятъ о двухъ книгахъ пѣснопѣвца. Это были пѣсни въ честь боговъ и царей, и послѣднія, славя истинное величіе, представляли собой зеркало геройства; такъ что Египтяне были, пожалуй, въ правѣ ска-

зать: Дарій потому такъ прославился великодушіемъ и кротостью, что изъ священныхъ книгъ ихъ узналъ эти доблести древнихъ государей. Царскіе списки (метрики царей) служили здѣсь первою основой, а рядъ народныхъ былинъ увивалъ ихъ потомъ пышными цвѣтами. Съ одною изъ пирамидъ связано имя той Родопиды, которой сандалію, пока она купалась, поднялъ своенравный вѣтеръ и занесъ прямо къ ногамъ творившаго судъ царя. Изящная форма сандаліи зажгла въ царѣ любовь къ ея обладательницѣ, и онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не отыскалъ ея и не возвелъ въ царицы. Кому не прійдетъ тутъ на умъ башмачекъ Сандрильіоны, Ченерентолы?

Геродотъ разсказываетъ намъ презабавную вещь о сокровищѣ Рамсинита. Зодчій, при постройкѣ сокровищницы, пригналъ одинъ камень такъ что его можно было вынимать снаружи, и передъ смертью указалъ лазѣйку сыновьямъ своимъ. Тѣ нѣсколько разъ обкрадывали казну, не смотря на то что царь самъ запиралъ и запечатывалъ двери; печать его оставалась нетронутой, а нѣкоторые сосуды съ золотомъ были между тѣмъ опорожнены. Тогда онъ велѣлъ обставить ихъ силками; одинъ изъ воровъ попался и присовѣтовалъ своему брату отсѣчь ему голову и унести ее, чтобы имъ все-таки остаться неизвѣстными. Царь нашелъ трупъ безъ головы, велѣлъ вывѣсить его на стѣну и приставилъ къ нему стражу. Братъ гонитъ туда пару ословъ съ полными виномъ мѣхами, нарочно упускаетъ одного изъ нихъ, и сперва бранится съ сторожами, накинувшимися на вино, а потомъ самъ пьетъ и поитъ ихъ дóпьяна; тогда онъ остригаетъ у нихъ съ правой щеки бороду и увозитъ съ собой трупъ. Царь, нéчего дѣлать, объявляетъ всенародно что отдастъ дочь свою тому кто разскажетъ ей про себя самую безсовѣстную и хитрую продѣлку. Молодецъ приходитъ и разсказываетъ какъ, обкрадывая царскую казну, онъ отрубилъ брату голову и какъ потомъ провелъ сторожей. Царевна хотѣла было задержать его, но у него подъ плащомъ была рука покойника; онъ оставилъ ей эту руку, а самъ бѣжалъ. Однакожь царь освободилъ его отъ всякаго наказанія и выдалъ за него свою дочь, такъ какъ онъ оказался всѣхъ спохватливѣе и отважнѣй.

Изъ ратныхъ подвиговъ Рамсеса Великаго, этого Людовика XIV древнихъ Египтянъ, особенно прославляется одинъ по стѣнамъ храмовъ луксорскаго, абусимбельскаго и Рамессеума; живописныя изображенія и надписи передаютъ, какъ царь Хеты обманулъ Египтянъ притворнымъ отступленіемъ, а когда главная часть войскъ ихъ двинулась въ погоню за нимъ на югъ, онъ вдругъ напалъ на Рамсеса и окружилъ его съ небольшимъ отрядомъ; но Рамсесъ взялся за оружіе, одинъ съ боевой колесницей прорвался въ непріятельскіе ряды, произвелъ страшное опустошеніе и одержалъ побѣду. Сквозь всѣ возможныя преувеличенья мужественный подвигъ его просвѣчиваетъ въ полномъ блескѣ. Онъ воспѣтъ придворнымъ поэтомъ, Пентавромъ, а французскій египтологъ Руже перевелъ бóльшую сохранную еще часть папируса. Потеряно начало; уцѣлѣвшая же часть этой исторической поэмы разсказываетъ, какъ богъ солнца высоко уже стоялъ на небѣ, а царь Хеты внезапно напалъ съ тыла на войско фараоново; какъ Рамсесъ велѣлъ заложить своихъ коней, схватилъ свое оружіе и возсталъ вдругъ подобно богу, подобно Баалу въ часъ его могущества. Онъ былъ одинъ на своей колес-

ницѣ, а 2500 колесницъ непріятельскихъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Тогда онъ воскликнулъ: «Покинули меня стрѣльцы мои и всадники, ни «одинъ не бьется со мною рядомъ! Чего же наконецъ хочетъ Аммонъ, «отецъ мой? Развѣ отецъ отступается отъ сына? Что, не ходилъ я развѣ «по слову твоему? Уповалъ я на собственные свои замыслы? Не твои ли «уста руководили мною? Не справлялъ ли я тебѣ праздниковъ, не укра-«шалъ ли твоихъ храмовъ своей добычею? Не создалъ ли тебѣ дома изъ ка-«менныхъ глыбъ, не возвелъ ли передъ нимъ обелисковъ? Для тебя большіе «корабли ходятъ по морю, принося тебѣ дань всѣхъ народовъ. Стыдъ воз-«стающему на тебя, благо разумѣющему тебя, Аммонъ! Взываю къ тебѣ, «отецъ мой; я одинъ передъ тобою среди сонма враговъ. Стрѣльцы мои не «пришли ко мнѣ на зовъ мой, всадники не вняли моему голосу. Но Аммонъ «паче тысячи стрѣльцовъ, паче тьмы темъ всадниковъ. Хитрость люд-«ская ни что предъ нимъ, Аммонъ побѣдитъ ее. О солнце! развѣ не вели «меня уста твои, развѣ не направляли твои совѣты? Я возвѣщалъ славу «твою до края вселенныя!» Слова эти отозвались на небѣ, и Фра пришелъ на помощь къ зовущему. «Онъ летитъ къ тебѣ, онъ простираетъ тебѣ руку, «радуйся, любезный Аммону! Я съ тобою, я, отецъ твой, Солнце; рука «моя съ тобой, хочу добра тебѣ передъ лицомъ всѣхъ людей. Я господь «силы, люблю мужество; я обрѣлъ сердце твое твердымъ, и возрадовалось «тому сердце мое. Свершится воля моя, настигну ихъ какъ Баалъ въ своей «ярости; двѣ тысячи пятьсотъ колесницъ, лишь только вступлю въ среду «ихъ, разсыплются въ прахъ передъ твоими конями. Сердца изнемогутъ въ «груди у нихъ, и члены ихъ ослабѣютъ. И ввергнутся они въ воду какъ «крокодилы и падутъ другъ нà друга, сами себя истребляя.»

Недостойный владыка Хетскій среди своего воинства видитъ, что Его Величество идетъ на него одинъ; дважды отступаетъ онъ передъ Его Величествомъ. Онъ совѣтуется съ князьями своими, но Рамсесъ все-таки одержалъ побѣду и кликнулъ тогда людямъ своимъ: «Мужайтесь, стрѣльцы мои, «и крѣпитесь сердцемъ, мои всадники! Видите дѣла мои! Я былъ одинъ, но «богъ простеръ мнѣ руку помощи!» У возницы его сначала дрогнуло сердце; однакожь царь ободрилъ его, сказавъ что онъ ринется на нихъ какъ коршунъ на голубей, что Аммонъ не былъ бы тогда богомъ еслибъ не захотѣлъ прославить лицо сына своего передъ несмѣтными сонмами.

Послѣ побѣды царь строго выговариваетъ вельможамъ за неосмотрительность, за то что дались въ обманъ и не были при немъ въ битвѣ. Войско же величаетъ его, напротивъ, сыномъ солнца-бога, кому нѣтъ равнаго въ славѣ и могуществѣ, кто одинъ поборолъ Хетскаго владыку и держитъ бразды царства его въ рукахъ своихъ. Но царь опять-таки говоритъ: «Не хорошо что «вы одного меня оставили.» На другой день они идутъ съ нимъ въ новую битву. Поэтъ живо описалъ ее. Владыка Хетскій самъ покорно заявляетъ Его Величеству: «Ты солнце, ты великій побѣдитель, Баалъ силенъ въ «членахъ твоихъ.» Посолъ является къ Его Величеству съ грамотой на подданство: «Да будетъ угоденъ сердцу твоему этотъ листъ, о ты, богъ «солнца, могучій быкъ, любовникъ справедливости, верховный царь, самъ же «ктому и воевода, страшный мечъ и щитъ народу въ день битвы, владыка верх-

«няго и нижняго Египта, обильный силою, полный палящаго жара, Солнце, «господь правды, избранникъ бога Фра, Рамсесъ, любезный Аммону!» Посолъ, высказавъ такимъ образомъ всѣ оффиціальные титулы царя, отдаетъ ему на гнѣвъ и на милость всѣ хетскія владѣнія, но проситъ о пощадѣ. Это — дѣло, говорятъ египетскіе вельможи, онъ преклоняетъ сердце передъ верховнымъ царемъ, онъ молитъ тебя, да укротишь гнѣвъ свой, онъ не ставитъ ни какихъ условій, дай ему дохнуть твоей жизнію. Царь соизволилъ и мирно возвратился въ Египетъ съ князьями и воинствомъ; но ужаснулись народы дѣлъ его, вся земля покорилась его имени, и владыки ея повергались ницъ въ молитвѣ передъ его ликомъ. А Великій Государь успокоился во дворцѣ, за пилонами, высокими привратными столпами, ясный какъ солнце въ небесной обители. И богъ, отецъ его, прославилъ его изображеніе и рекъ: «Привѣтъ тебѣ, сынъ мой возлюбленный! Останься вовѣки на пре-«столѣ отца, и враги твои изгибнутъ подъ твоей пятою!» — Такъ пѣлъ царскій пѣвецъ, Пентавръ.

Здѣсь живость чувства обнаруживается даже и подъ напыщеннымъ канцелярскимъ слогомъ; чисто-эпически выводится на сцену помогающее божество, и въ бесѣдѣ съ нимъ царя наглядно изображается вся опасность положенія и все величіе героя; сквозь явное даже хвастовство просвѣчиваетъ ядро настоящей храбрости и силы, ядро твердо-уповающаго благочестія. Въ возвышеннѣйшихъ мѣстахъ параллелизмъ преобладаетъ очевидно.

Надпись на одномъ памятномъ столпѣ, въ Нубіи, прочитанная Берчемъ, подробно излагаетъ другой чудесный подвигъ Рамсеса. Тамъ сидитъ въ Мемфисѣ на престолѣ Его Святѣйшество, ясное солнце, могучій быкъ, владыка царскихъ вѣнцовъ, судья народамъ, золотой кобчикъ, жизнедавецъ, осѣняющій Египетъ крыльями, стѣна побѣды, сынъ солнца, просвѣтитель чистыхъ духовъ и проч. и проч.; въ день рожденія его была радость на небѣ, боги и богини говорили: «Мы зачали его и родили съ тѣмъ, да обла-«даетъ онъ царствомъ солнца», а Аммонъ, съ своей стороны, сказалъ: «Я со-«здалъ его, да утвердитъ онъ миръ и справедливость, да водворитъ небо на «землѣ.» Къ нему приходятъ эѳіопскіе послы и начинаютъ съ поклоненія ему и съ громкихъ славословій: «Вѣсы правосудія на устахъ твоихъ и языкъ «твой святилище истины. Еще лежа въ яйцѣ, ты замышлялъ уже предна-«чертанія въ грядущемъ, и будучи еще ребенкомъ, полагалъ крѣпкія основы «храмамъ. Въ ночь примешь ты рѣшеніе, разсвѣтетъ день, и оно ужь выпол-«нено.» Потомъ доносятъ они о золотыхъ копяхъ въ томъ краѣ, которыя, правда, очень богаты, да нѣтъ поблизости воды, и тщетно старались рыть колодцы. Но если царь замолвитъ слово отцу своему, богу боговъ, Нилу, чтобы онъ послалъ въ горные ключи воды, то такъ оно и будетъ. Рамсесъ услыхалъ ихъ моленіе, воззвалъ къ богу, и вода выступила изъ глубины колодца. Послѣдній названъ по его имени, и въ память тому сооруженъ столпъ.

Рамсесъ II, Великій, былъ тотъ самый фараонъ, отъ чьего гнѣва Моисей бѣжалъ къ Іоѳору (правильнѣе Іеѳрону); въ царствованіе сына его и преемника, Менефты или Меріэнфты, послѣдовалъ исходъ Іудеевъ изъ Египта. Для послѣдняго, когда онъ былъ еще царевичемъ, одинъ изъ цар-

скихъ письмоводителей, Эннана, сочинилъ разсказъ, представленный старшинѣ всего письменитства, по имени Какеру; онъ почти вполнѣ дошелъ до насъ вмѣстѣ съ этими именами въ іератическомъ спискѣ и прочитанъ какъ Эммануелемъ де-Ружѐ, такъ и Берчемъ. Полусказка и полуповѣсть, обнаруживаетъ онъ, на взглядъ того кто знакомъ съ историческимъ ходомъ литературнаго развитія, скорѣе позднюю нежели начальную пору послѣдняго: онъ довольно важенъ, какъ памятникъ Моисеевскихъ культурныхъ временъ, какъ прозаическій разсказъ, написанный за 500 лѣтъ до пѣснопѣній Гомера; поэтическій вымыселъ опирается здѣсь на нравы и преданія народа; въ немъ, какъ въ нашихъ сказкахъ, иногда будто слышатся миѳическіе, былевые отзывы дальней старины, и, какъ наши сказки, онъ проникнутъ мыслію что всякое зло найдетъ себѣ кару, всякое добро — награду за претерпѣнныя страданія, что стало-быть правственный міропорядокъ царитъ вездѣ и надо всѣмъ.

Разсказъ начинается просто идилліей. Жили-были два брата, старшаго звали Анепу, меньшого — Сату; старшій былъ хозяинъ въ домѣ, женился и считалъ младшаго за сына. Сату пасъ стадо, справлялъ полевую работу, все шло у него какъ лучше быть не льзя; возвращаясь домой, онъ приносилъ съ собой отборныя травы для быковъ; а потомъ самъ садился за ѣду и питье съ братомъ и невѣсткою. Съ разсвѣтомъ выкликалъ (а не выгонялъ) онъ домашній скотъ на паству; животныя сами называли ему любимыя свои растенія, потому что онъ разумѣлъ языкъ ихъ, и когда возвращались опять въ хлѣвъ, то находили его снабженнымъ тѣми именно травами которыя были имъ всего больше по вкусу. Зато ужь какъ они раздобрѣли и какой давали отъ себя приплодъ!

Когда сбыло водополье, старшій братъ говоритъ младшему: выйдемъ съ рабочимъ скотомъ въ поле, земля уже обнажилась и стала лучше. Они принялись за свои пашни, и дѣло спорилось у нихъ подъ рукой.

Пробыли они нѣсколько дней въ полѣ; вотъ старшій посылаетъ младшаго домой, принести зерноваго хлѣба. Молодецъ застаетъ братнину жену заплетающею себѣ волосы. Онъ сказалъ: Дай мнѣ пожалуйста хлѣба. А она ему: Пойди, отвори амбаръ и возьми самъ сколько надобно. Молодецъ взялъ большую посудину, наполнилъ ее зерномъ и хотѣлъ уйдти. Тогда невѣстка говоритъ ему: Вѣдь ты взвалилъ себѣ пять мѣръ хлѣба на́ плечи. Экой ты силачъ! Она такъ и впилась въ него глазами, а сама молвила: Пойдемъ, отдохнемъ вмѣстѣ на часочекъ; ты мнѣ всѣхъ милѣй, вѣдь для тебя я такъ и принарядилась. Юноша осердчалъ какъ барсъ, услышавъ постыдныя ея рѣчи, а она совсѣмъ перепугалась. Тогда онъ ей и говоритъ: Я всегда видѣлъ въ тебѣ мать, а въ мужѣ твоемъ отца себѣ. Какъ мнѣ сотворить такую неправду. Прикажи лучше что-нибудь хорошее. Впрочемъ ни одно слово объ этомъ не выйдетъ изъ устъ моихъ, ни кто отъ меня о томъ не узнаетъ.

Такъ Сату пошелъ съ зерномъ въ поле, и тамъ вмѣстѣ съ братомъ благополучно кончили они свой трудъ. Вечеромъ старшій воротился домой, а меньшой пошелъ вслѣдъ за быками, чтобы разставить ихъ по́ хлѣву. Хозяйка же очень тревожилась тѣмъ, что́ сказала; она растрепала на себѣ платье, какъ будто кто причинилъ ей насиліе, и когда мужъ вошелъ въ горницу, она ле-

жала вытянувшись какъ мертвецъ. Не подала она ему воды умыть руки, какъ всегда бывало, и въ домѣ оставалось все темно́. Она лежитъ не шевелясь въ разорванной одеждѣ. Мужъ кличетъ ее: Это я съ тобой говорю! А она ему: Не говори со мною. Меньшой братъ твой, когда приходилъ за хлѣбомъ, засталъ меня одну и говоритъ: Полежимъ съ тобой часочекъ. Я не хотѣла и слушать его, говорю: Развѣ я тебѣ не вмѣсто матери, а братъ не вмѣсто отца? Тогда онъ перепугался и изнасиловалъ меня, чтобъ я ни чего не сказала. Если ты оставишь его въ живыхъ, я сама наложу на себя руки.

Не нужно напоминать, какъ почти дословно схожи приглашеніе жены и нравственный отвѣтъ юноши съ разговоромъ между женой Пентефрія (правильнѣе Потифара) и Іосифомъ; здѣсь точно татъ же неправдоподобна ложь, будто юноша причинилъ невѣсткѣ насиліе для того чтобъ она ничего не говорила, какъ тамъ неправдоподобенъ поступокъ Іосифа, будто бы оставившаго на мѣстѣ свой плащъ. И какъ вообще близокъ весь тонъ изложенія къ первой книгѣ Моисея! Старшій братъ осерчалъ (тоже опять) какъ барсъ, онъ наточилъ мечь свой и сталъ за дверью хлѣва, чтобы убить брата когда тотъ воротится съ скотиною. И юноша пришелъ по своему обыкновенію на закатѣ солнца, съ большимъ беремемъ полевыхъ травъ, какъ и всегда. Но корова, входившая въ хлѣвъ передовою, сказала своему хольщику: Не стоитъ ли тутъ старшій братъ твой съ мечемъ, чтобы убить тебя? Онъ услышалъ это и замѣтилъ подъ дверью ступни брата. Бросивъ на́земь свою ношу, пустился онъ бѣжать со всѣхъ ногъ, а братъ съ мечемъ въ рукѣ ринулся за нимъ въ догоню.

Но юноша молится небесному богу Фра: Господи благой, ты указуешь гдѣ сила и гдѣ правда! И Фра внялъ мольбу его и источилъ между братьевъ воду великую, полную крокодиловъ, такъ что одинъ остался по сю ея сторону, другой по другую. Меньшой братъ сказалъ старшему: Обожди разсвѣта. Взойдетъ солнце, я при ней же самой оправдаюсь передъ тобою; я ни чѣмъ не обидилъ тебя, повѣрь.

Когда Фра явился опять со свѣтомъ своимъ на̀ небѣ, братья увидѣли другъ друга въ лицо, и меньшой сказалъ старшему: За что гонишь меня, когда я не молвилъ про тебя ни же худого слова? Я братъ тебѣ и почитаю тебя отцомъ, а жену твою родной матерью. Ужь не за то ли, что̀ у насъ вышло когда ты посылалъ меня по хлѣбъ? Она хотѣла, чтобъ я легъ съ ней, и вѣрно передала тебѣ это какъ-нибудь иначе. Ты напрасно хотѣлъ меня убить.

Онъ разсказалъ все дѣло по сущей правдѣ, поклялся именемъ Фра, взялъ ножъ, отрѣзалъ себѣ фаллусъ и бросилъ въ воду, гдѣ крокодилъ тутъ же и пожралъ его. Брата взяла скорбь и жалость, онъ громко зарыдалъ, а юноша сказалъ ему: Теперь самъ ходи за коровами и быками; я въ домѣ у тебя не жилецъ. Иду въ долину Акаціи.

Если богъ совершилъ чудо, раздѣливъ братьевъ водой, то теперь мы вступаемъ уже въ цѣлый міръ чудеснаго, гдѣ многое остается загадкой даже и за тѣмъ соображеніемъ, что по вѣрѣ Египтянъ оправданная передъ посмертнымъ судьей душа могла снова являться на землѣ въ разныхъ видахъ по желанію. Сату говоритъ брату что онъ положитъ свое сердце на цвѣтущую

вершину акацiи; когда срубятъ дерево, и сердце упадетъ на́земь, тогда онъ и умретъ. Но пускай братъ отыщетъ сердце и пуститъ его въ сосудъ, полный жертвенною влагою, тогда онъ оживетъ снова. — Весьма распространенъ обычай сажать деревья при рожденiи дѣтей, при основанiи какихъ-нибудь учрежденiй, и считать ихъ за жизненный символъ человѣка или учрежденiя: послѣднiе просуществуютъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ зеленѣть дерево. Сердце гнѣздо жизни; что оно лежитъ на верхушкѣ акацiи, это вѣроятно образное выраженiе сердечной привязанности къ тому либо другому предмету. У Египтянъ сердце почиталось мѣстилищемъ души; оттого и при посмертномъ судѣ сердце клали на одну чашу вѣсовъ, а (страусовое) перо истины и справедливости на другую.

Старшiй братъ воротился домой одинъ, поднявъ руки на голову и посыпавшись пылью (въ знакъ грусти по покойникѣ); онъ схватилъ жену свою, умертвилъ ее и бросилъ свиньямъ на съѣденье. Сату жилъ съ тѣхъ поръ одиноко въ долинѣ Акацiи и выстроилъ себѣ шалашъ подъ тѣмъ деревомъ, въ цвѣтъ котораго укрылъ свое сердце. Разъ встрѣчается онъ съ ликомъ боговъ, пришедшихъ заняться египетской страною. Жаль стало богамъ отшельника, и они создали ему молоденькую дѣвушку, краше всѣхъ женъ въ Египтѣ. Сату страстно полюбилъ ее, передалъ ей повѣсть о своемъ сердцѣ и только просилъ ее беречься, чтобъ не захватила ее какъ-нибудь рѣка. Увидавъ однажды, что рѣка гонитъ къ ней волну, она бросилась въ хижину. Но рѣка разсказала акацiйному дереву, какъ она страстно влюблена въ молодую, созданную богами дѣвицу, и дерево дало ей въ успокоенiе локонъ этой красавицы. Рѣка потекла внизъ къ Египту и понесла на струяхъ своихъ локонъ, отъ котораго распространялся чудный ароматъ. Перехватили наконецъ локонъ и принесли его самому царю. Собрались ученые Его Величества, которые все на свѣтѣ знали, и говорятъ ему: это волосы дочери солнца, и въ ней должна быть вода всѣхъ боговъ. Разошли всюду гонцовъ искать ея. И люди, обыскавъ всю землю, воротились къ царю съ донесеньями; но изъ тѣхъ что пошли въ долину акацiи вернулся домой только одинъ; всѣхъ остальныхъ перебилъ Сату. Тогда царь выслалъ по красавицу стрѣльцовъ и военныя колесницы. Привезли ее, и весь Египетъ взволновался ея красотой; царь страстно ее полюбилъ и возвелъ въ высокое званiе. Она жь замыслила вконецъ разорвать свой прежнiй бракъ и повѣдала царю тайну своего супруга, открывъ что сто́итъ лишь срубить акацiю, въ верху которой спрятано его сердце. Выступилъ отрядъ вооруженныхъ и срубилъ дерево, а Сату тотчасъ же умеръ. Тутъ вспомнилъ объ немъ братъ Анепу и пошелъ въ долину акацiи, гдѣ нашелъ его мертвымъ на рогожкѣ. Горько плача, сталъ онъ искать сердца братнина, но не нашелъ, пока въ четвертый годъ послѣ того сердце пожелало опять быть въ Египтѣ и сказало: Пойду, оставлю сферу небесную. Когда Анепу снова принялся искать на другой день и разворошилъ акацiйные стручья, сердце лежало по́дъ низомъ. И взялъ онъ сосудъ съ жертвенною влагой и опустилъ туда сердце. Когда настала ночь и сердце пропиталось влагою, Сату (разумѣется, его мумiя) радостно дрогнулъ всѣми членами и глянулъ на брата. Анепу поднесъ сосудъ съ сердцемъ и далъ ему испить; сердце воротилось на свое мѣсто, и Сату сталъ опять тѣмъ же чѣмъ былъ прежде. Тогда они обнялись. Но Сату заявилъ что не хочетъ остаться въ человѣческомъ

образѣ, а приметъ видъ быка съ божественными знаками. «Ты сядешь ко «мнѣ на спину, и я пойду съ тобой туда гдѣ жена; пусть она откликнется на «мой голосъ». Такъ пришли они въ столицу, и царь очень обрадовался увидѣвъ новаго священнаго быка; онъ учредилъ великое празднество по всему Египту, осыпалъ Анепу серебромъ и золотомъ и возвысилъ его въ своей милости паче всѣхъ людей.

Однажды быкъ и княгиня были вмѣстѣ въ святилищѣ, и онъ вдругъ сказалъ ей: Смотри, я еще живъ. Я Сату. Я зналъ что долженъ умереть, когда ты велишь срубить акацію; но вотъ я опять ожилъ. Княгиня страшно перепугалась. Она какъ разъ была тогда въ царской милости (по Ружè, примѣнительно къ книгѣ Эсѳирь: ей настало время войдти къ царю, она была на очереди), и царь готовъ былъ оказать ей всякое благоволеніе. Она и говоритъ ему: Поклянись мнѣ богомъ и скажи: да будетъ по твоему желанію. Царь такъ и сдѣлалъ. А она тогда молвила: Мнѣ хочется печенки этого быка. Слово это вызвало между ними много спору, и царь былъ сильно огорченъ. Однако наутро совершили быку большое жертвоприношеніе, и одинъ изъ царскихъ сановниковъ умертвилъ его. Быкъ потрясъ въ это время шеею и брызнулъ по каплѣ крови на обѣ стороны главныхъ воротъ царскаго дворца. Скоро выросли на томъ мѣста двѣ большихъ персеи *. Весь народъ заговорилъ объ этомъ и сталъ оказывать деревьямъ величайшее уваженіе. Однажды, когда царь, надѣвъ свое большее ожерелье изъ самоцвѣтныхъ камней, проѣзжалъ въ золотой колесницѣ мимо персей, а жена слѣдовала за нимъ на своей особой колесницѣ, одно изъ деревьевъ сказало ей: А, обманщица! Ты велѣла убить меня, но я только перемѣнилъ для тебя видъ. Я Сату, и живъ попрежнему. Когда княгиня вошла опять въ милость цареву, и онъ сталъ оказывать ей всякое благоволеніе, она опять просила чтобъ онъ поклялся все выполнить по ея желанію. Онъ внялъ ея слову. Она сказала: Вели ты обрубить обѣ персеи и нарѣзать изъ нихъ красивыхъ вещицъ. Царь послалъ туда работниковъ и самъ съ княгинею смотрѣлъ какъ идетъ дѣло. Вдругъ отскочила одна стружечка и попала царицѣ прямо въ ротъ. Вслѣдъ за тѣмъ она замѣтила въ себѣ беременность. Когда настало время, разрѣшилась она мальчикомъ. Бѣгутъ къ царю и кричатъ: тебѣ родился сынъ. Царь велѣлъ принесть его къ себѣ, далъ ему отличную кормилицу, и молва о томъ разошлась по всему Египту. Учредили во имя его праздникъ, царь сильно полюбилъ его и возвелъ въ санъ князя эѳіопскаго (тогда высшій въ государствѣ). Черезъ нѣсколько времени наименовалъ онъ его царевичемъ (наслѣдникомъ) Египта. Вскорѣ потомъ случилось, что Его Величество воспарилъ отъ сихъ мѣстъ на небо. Тогда Сату сказалъ: Позвать ко мнѣ всѣхъ вельможъ моихъ; я открою имъ что со мной было. Онъ велѣлъ также позвать княгиню, и при нихъ новѣдалъ всѣ ея происки. Потомъ велѣлъ позвать своего старшаго брата и назначилъ его египетскимъ царевичемъ. Правленіе его длилось 30 лѣтъ, и братъ наслѣдовалъ ему въ тотъ день когда онъ вошелъ въ пристань.

---

* Эѳіопское дерево, по мнѣнію Саси то самое что̀ Арабы зовутъ лебахъ; оно приноситъ родъ горько-миндальнаго плода и играетъ большую роль въ арабскихъ легендахъ.

Что душескитаніе, звѣрослуженіе и символизмъ Египтянъ вели также къ былинамъ и баснямъ о животныхъ, мы были бы въ правѣ предположить это навѣрно даже и въ томъ случаѣ, не выясняйся болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, что эпическое изображеніе животной жизни началось еще въ общую всѣмъ культурнымъ племенамъ первобытную эпоху. На памятникахъ древне-египетскаго царства мы находимъ сатирическіе рисунки торжественныхъ звѣриныхъ процессій и побоищъ, и точно такъ же какъ подобныя изображенія въ средневѣковыхъ соборахъ намекаютъ на разсказы про Рейнеке-лиса, вѣроятно и у Египтянъ не было недостатка въ разсказахъ которые выставляли бытъ животныхъ зеркаломъ и поучительнымъ противнемъ житейскимъ отношеніямъ людей. То что̀ повѣствуютъ о Езопѣ и многое изъ его собственныхъ разсказовъ связано съ Египтомъ въ знаменательныхъ своихъ чертахъ.

Наконецъ были у древнихъ Египтянъ и зачатки драмы, конечно не въ такой художественно-развитой формѣ какъ у Аѳинянъ, но нѣчто напоминающее элевзинскія таинства или церковно-народныя представленія среднихъ вѣковъ. Здѣсь, за нѣсколько тысячелѣтій до Данта, выводилась на сцену, то въ разговорѣ, то въ чередовомъ пѣніи, божественная комедія, судьба души, ея скитанія и мытарства за гробомъ, судъ и окончательное просвѣтленіе. Все это сохранилось намъ въ «Книгѣ Мертвыхъ», которую въ самый цвѣтущій періодъ новаго царства клали въ гробъ покойникамъ, если не цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ въ болѣе или менѣе подробномъ извлеченіи: въ ней описаны мытарства души и означены молитвы, съ какими душа должна обращаться къ богамъ и геніямъ. Вначалѣ изложенъ похоронный обрядъ, водвореніе усопшаго въ гробницу. Богъ Тотъ, именуемый сочинителемъ этой поэмы, ведетъ рѣчь съ покойникомъ и говоритъ ему, какъ онъ за него ратовалъ стараясь его оправдать. И, кажется, Бругшъ очень вѣрно приписываетъ слѣдующія за тѣмъ слова хору: «Оправданъ Озирисъ (то-есть сочетавшійся ему мертвый) противъ враговъ своихъ; отженилъ ихъ Тотъ.» Тотъ разсказываетъ потомъ, какъ вмѣстѣ съ Горомъ онъ отмстилъ однажды за бога Озириса, а послѣ этого хоръ возглашаетъ опять: «Витаютъ благочестивыя «души въ дому Озирисовомъ; ахъ, впустите туда и эту, да видитъ она, какъ «видятъ тѣ; даются благочестивымъ душамъ хлѣбъ и питье, дайте же хлѣба «и питья и этой!» Тутъ новый возгласъ хора: «Не отринутъ онъ, не по«шелъ назадъ; онъ входитъ среди похвалъ, онъ является окруженный лю«бовью». Тутъ говоритъ наконецъ и самъ покойникъ что онъ стоитъ передъ владыкою боговъ, вступаетъ въ край истины, является живымъ богомъ, лучезарнымъ какъ духи небесные, а за тѣмъ онъ обращаетъ хвалебную и благодарственную молитву къ Озирису. Все это, какъ свидѣтельствуютъ пластическія изображенія и какъ повѣствуетъ Діодоръ, говорилось и представлялось въ лицахъ жрецами, сродниками умершаго и вторившею имъ толпой народа, предъ погребеніемъ.

Далѣе, усопшій молится богу вечерняго солнца и входитъ на его барку, чтобы совершить путь въ ночномъ полушаріи, отъ запада на востокъ. Ему заступаютъ дорогу чудныя явленія, страшилища, лютые звѣри, онъ борется съ ними и всѣхъ преодолѣваетъ, потому что боги хранятъ его, и каждый

членъ его тѣла состоитъ подъ защитой какого-нибудь божества. Потомъ плыветъ онъ по водамъ небеснымъ, пашетъ, сѣетъ, жнетъ на небесныхъ поляхъ, на островахъ душъ блаженныхъ. За тѣмъ слѣдуетъ смертный судъ, книга искупленія въ храминѣ сугубой правды: усопшій становится передъ Озирисомъ и 42 засѣдающими съ нимъ судьями, и каждому изъ нихъ заявляетъ себя свободнымъ отъ какой-нибудь вины или грѣха; напримѣръ четвертому онъ говоритъ: я не кралъ; пятому: я ни кого намѣренно не убилъ; девятому: я не лгалъ; тринадцатому: я не клеветалъ; двадцать второму: я не нарушалъ брака; сорокъ второму: я не презиралъ бога въ сердцѣ своемъ. Простыя нравственныя правила высказаны здѣсь такъ коротко и ясно, что напоминаютъ характеръ десяти заповѣдей Моисеевыхъ.

Умершему предстоитъ еще одолѣть мытарства адскихъ твердынь и испытать разныя превращенія; все это перемежается хвалебными пѣснями Озирису, пока наконецъ, въ видѣ кобчика съ человѣчьей головою, символомъ вполнѣ очищенной души, онъ не воспаритъ къ первоисточнику духовнаго и вещественнаго свѣта и всякаго живого бытія. Слѣдовательно переходы и просвѣтленіе души, вотъ содержаніе этой книги. Въ томъ же смыслѣ сказано на одной гробницѣ: «Ты въ храминѣ Озириса, у блестящихъ духовъ «преисподней; душа твоя живетъ въ небѣ у солнца, а тѣлу твоему сладко «въ звѣздной обители (въ гробу). Домъ твой проченъ въ земномъ мірѣ, для «дѣтей твоихъ вовѣкъ, вовѣкъ и навсегда».

Книгѣ мертвыхъ отвѣчаютъ рѣзныя изображенія въ царскихъ гробницахъ 19-й и 20-й династіи. Тамъ, на противоположныхъ стѣнахъ, представлено теченіе солнца въ верхнемъ и нижнемъ полушаріи. Потому что подобно солнцу человѣкъ долженъ доблестно проходить свой путь, разливать свѣтъ, расточать благодѣянія, и когда день его прійдетъ къ концу, онъ долженъ вступить въ царство блаженныхъ и соединиться съ богомъ. Для этого онъ всходитъ на барку бога солнца, за одно съ нимъ бьется противъ змѣя Апофиса, посѣщаетъ острова блаженныхъ душъ, проходитъ адъ осужденныхъ грѣшниковъ, оправдывается передъ 42-мя судьями, наконецъ просвѣтляется небеснымъ свѣтомъ и сливается съ Озирисомъ навсегда.

Настоящими свидѣтельствами духа и фантазіи древнихъ Египтянъ предстаютъ ихъ постройки, ихъ пластическія изображенія. Трудолюбивый народъ неодолимо побуждался инстинктивнымъ влеченіемъ опредѣлить для себя внутреннюю свою жизнь, выразить чаянія души своей и свое міросозерцаніе въ прочныхъ символахъ, воздвигнуть преходящей жизни непреходящій монументъ. И за все время съ 4-го тысячелѣтія до нашей эры и спустя нѣсколько вѣковъ по Р. Х. имѣемъ мы передъ собой созданія строительной и пластической дѣятельности ихъ, которыя сдѣлались вѣкомѣрами и надежными точками опоры для древней исторіи. Съ начала нынѣшняго столѣтія, съ экспедиціи Наполеона и примкнувшему къ ней Денонову труду, съ Шамполіоновой методы чтенія іероглифовъ, со временъ Розеллини, Бунзена и прусскаго ученаго путешествія подъ начальствомъ Лепсіуса, памятники Египта сдѣлались доступны наглядному знакомству и пониманію всѣхъ образованныхъ людей. И тутъ на дѣлѣ оправдалось изреченіе одной герметической (тайновѣдной) книги: «О Египетъ, Египетъ, отъ тебя останутся однѣ

«басни, неимовѣрныя для позднѣйшихъ поколѣній; устоятъ только въ камнѣ «изсѣченныя слова».

Художественная дѣятельность начинается архитектурой, ваяніе и живопись остаются въ тѣсной съ ней связи и вполнѣ носятъ на себѣ ея отпечатокъ. Прежде всего выступаетъ массивность и возвышенность, такъ какъ пластическое искусство, исходя отъ природы и стараясь одолѣть ее, прежде всего подчиняетъ ее игу мѣры. Но для Египта знаменательно именно то, что забота о сохраненіи тѣла ради безсмертія возвела всѣ эти громадныя пирамиды, которыя, стоя на межѣ пустыни и плодоносной земли, и теперь еще простымъ своимъ величіемъ наполняютъ путника мыслью о незыблемой прочности, о чемъ-то вѣчномъ. Это царскія гробницы ранней поры древней монархіи, 4-го тысячелѣтія предъ Р. Х., по сосѣдству отъ Мемфиса, что нынѣ Каиръ. Пирамидъ много; величайшими изъ нихъ Геродотъ называетъ Хеопсову, Хефренову и Микеринову; изслѣдованіе памятниковъ выяснило тутъ имена Куфу, Хафра и Менкера, принадлежащія царямъ 4-й династіи. Онѣ представляютъ собой первобытный земляной курганъ надъ могилой, но въ искусственной уже выработкѣ. Основную площадь образуетъ квадратъ, стороны обращены прямо ко всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, боковыя площади зданія идутъ правильнымъ наклономъ къ точкѣ общаго соединенія у вершины, форма точно опредѣлена немногими геометрическими линіями, проста и кристалловидна; эффектъ достигается благодаря тому, что масса преодолѣна образовательною силою; употребленныя въ дѣло каменныя глыбы обработаны тщательно и точно; отношеніе между высотой и основною линіей подходитъ къ эстетически-пріятнымъ пропорціямъ 3: 5 или 5: 8. Первоначальная мѣра самой большой пирамиды составляла 764 фута по основной линіи, 480 футовъ отвѣсной высоты и 611 по боковому наклону; толща всей каменной кладки простиралась до 89,028000 кубическихъ футовъ. Ея достало бы обвести цѣлое такое государство какъ Франція оградой въ 1 футъ толщиной и въ 6 футовъ вышиною. Горно-каменный склепъ для гроба лежалъ въ ней на 102 фута подъ землей, туда шелъ просѣченный въ скалѣ спускъ. Гробовые склепы другихъ пирамидъ расположены внутри и накрыты наклонными другъ къ другу колосальными глыбами гранита; къ нимъ ведутъ узкіе ходы, которые послѣ похоронъ запирались опускными плитами и каменными глыбами. Постройка шла вверхъ уступами, которые потомъ заполнялись, и все нутреное это ядро одѣвалось наконецъ гладко обтесанными каменными плитами. На восточной сторонѣ есть маленькое предсѣніе, назначенное для культа покойнику. Большія пирамиды не застроивались притомъ съ самаго начала во всю основную свою площадь, обнимавшую свыше 50,000 квадратныхъ футовъ, а возводились сперва въ довольно умѣренную величину; но строитель, продолжая жить и царствовать, обкладывалъ пирамиду толстою одеждой новыхъ каменныхъ уступовъ и пожалуй повторялъ это не одинъ разъ, пока наконецъ замыкалъ цѣлое тщательно выглаженными плитами. Преданіе обзываетъ Куфу и Хафра тиранами, которые безбожно и безчеловѣчно обременяли народъ урочною работой; только кроткій Менкера сталъ опять богобоязненнѣй и человѣколюбивѣе; Діодоръ говоритъ что первыхъ двухъ вовсе и не похоронили въ ихъ пирамиды, опасаясь при посмертномъ судѣ надъ ними народнаго раздраженья; но Менкера найденъ въ своей гробницѣ,

и мумія его покоится теперь въ Британскомъ Музеѣ; «сохраннѣе, говоритъ Бунзенъ, чѣмъ около 5000 лѣтъ тому назадъ лежитъ она на этомъ міродержавномъ островѣ, которому могущество свободы и правовъ служитъ надежнѣйшею оградой нежели опоясывающее его море, посреди сокровищъ всѣхъ царствъ природы и величественнѣйшихъ остатковъ человѣческаго художества. Пусть никогда не нарушится тамъ ея покой во все теченіе всемірной исторіи!»

Форма пирамидъ, начиная отъ вершины ихъ, представляетъ развивъ единства въ четырехъ главныхъ направленіяхъ; а съ квадратной основной площади — постепенный подъемъ къ небу и вмѣстѣ схожденіе всѣхъ линій въ одно общее единилище. Это непосредственная онаглядка мысли. И если извѣстное наблюденіе, что вершина пирамидъ часто была вычернена, Гладишъ сопоставляетъ съ выраженіемъ Египтянъ о мірозданіи: «тогда разступилось темное «(черное, хаотическое) еще единенье», — то мы готовы принять пирамиды за громадные символы той идеи, что изначальное, божественное единство порознилось на противоположность четырехъ странъ свѣта, на разновидность четырехъ стихій, а міръ между тѣмъ все-таки восходитъ опять отъ розни къ общему единству; вѣчное исхожденіе и вхожденіе жизни есть вмѣстѣ нисхожденіе и восхожденіе; въ этомъ предстаетъ намъ наглядный образъ всединаго. Въ обелискѣ Гладишъ особенно напираетъ на то, что онъ будто бы іероглифъ Аммона; но вѣдь и четырехсторонній обелискъ увѣнчанъ маленькой пирамидой и сходится стало-быть точно такъ же къ одной вершинѣ.

Толща пирамидъ не расчленена; она остается вся сплошною и косною. Но гробъ Менкеры, къ сожалѣнію погибшій у испанскихъ береговъ, уже представлялъ тѣ архитектоническія основныя формы, которыя мы встрѣчаемъ потомъ въ храмахъ позднѣйшаго времени, и которыя характеристичны для Египта. Боковыя стѣнки подымались вверхъ легкимъ пирамидальнымъ наклономъ, какъ пилоны у позднѣйшихъ храмовъ, и это внутрь идущее направленіе находило себѣ потомъ соотвѣтственный противовѣсъ въ вѣнчающемъ гуськѣ, который давалъ только небольшой уже выступъ верхней плитѣ или абакѣ; площади стѣнокъ обведены тѣмъ же самымъ валикомъ, который былъ потомъ постоянно употребляемъ для этого цѣлыя тысячелѣтія. Большой гусёкъ расчлененъ отвѣсными рѣзными полосами, выкруженными кверху, отъ чего онъ получаетъ такой видъ, какъ будто бы поставленныя рядомъ перья или пальмовые листья были немножко придавлены и наклонены впередъ; Куглера наводитъ это на мысль о головномъ уборѣ знатныхъ Египтянъ, который будто бы символически перешелъ на зданія; но простая, въ струнку вытянутая форма этихъ прикрасъ и сама по себѣ очень выразительна и характеристична.

Неподалеку отъ пирамидъ находимъ мы изсѣченные въ горныхъ утесахъ гробовые склепы или небольшіе каменные курганы въ формѣ удлиненнаго прямоугольника, котораго боковыя стѣнки слегка наклонены другъ къ другу; вѣроятно, какъ и Менкерина гробница, были они увѣнчаны смѣло выступающимъ гуськомъ; мы встрѣчаемъ на нихъ такое-жъ расчлененіе и украшеніе стѣнокъ отвѣсными рейками съ горизонтальнымъ переплетомъ. Спереди, въ самой толщѣ стѣны устроено родъ часовеньки, соотвѣтствующей предсѣні-

ямъ пирамидъ; внутри расположенъ гробовой склепъ, посвященный памяти и культу усопшаго и украшенный изображеньями; гробъ съ муміей находится подъ нимъ въ глубинѣ скалы.

За эпохою пирамидъ слѣдовали цѣлые вѣка упадка, а потомъ насталъ новый цвѣтъ государства подъ державою 12-й династіи; тутъ мы видимъ нѣсколько царей, подъ именами Сезуртезена и Аменемги; къ первымъ примыкаетъ былина о Сезострисѣ: завоевательные походы ихъ увѣнчивались побѣдами; весь край сталъ при нихъ царскимъ удѣломъ; такъ какъ библія приписываетъ эту мѣру управленію Іосифа въ голодные года, о которыхъ упоминается и на одномъ памятникѣ, то Бунзенъ относитъ къ тому времени переселеніе въ Египетъ Іакова съ его семействомъ; вѣроятно однако что оно послѣдовало позже, при господствѣ Гиксовъ. Одинъ Аменемга построилъ Лабиринтъ и выполнилъ сооруженіе Меридова озера. Періодъ этотъ Бунзенъ полагаетъ между 2800 и 2600 гг. предъ Р. Х.; другіе, принимающіе для владычества Гиксовъ не такой долгій срокъ какъ онъ, относятъ его къ самому концу 3-го тысячелѣтія до нашей эры.

Какъ могильные курганы въ пирамидахъ, такъ точно и памятные камни прошлаго сооружались Египтянами въ колосальномъ видѣ и въ математически опредѣленной формѣ обелисковъ. Одинъ изъ нихъ поставленъ Сезуртезеномъ въ Геліополѣ и снабженъ іероглифической надписью объясняющей его назначенье. Исподволь стончаясь кверху, возносятся они стройными четырестороннками и вѣнчаются пирамидой.

Сезуртезенъ основалъ также одинъ храмъ въ Ѳивахъ, ставшій ядромъ и началомъ огромнаго сооруженія, которое расширялось потомъ новыми пристройками въ теченіе тысячи лѣтъ и донынѣ еще изумляетъ насъ своими развалинами въ Карнакѣ.

Для регуляризаціи нильскихъ разливовъ кажется Аменемга III задумалъ устроить обширный водоемъ, именуемый у древнихъ Меридовымъ озеромъ; въ связи съ нимъ находились большія гати и плотины, каналы и шлюзовыя сооруженія. Все это разрушилось, но и теперь еще въ плодоносіи фаюмскаго края наслаждаются благотворными послѣдствіями этой истинно-царской дѣятельности. Для громадной этой работы воспользовались озеромъ съ стоячею водой. Колосальныя изображенія основателя и его супруги глядѣлись съ высоты ступенчатыхъ пирамидъ въ свѣтлыя теперь струи водоема и далеко озирали окрестности, цвѣтущія какъ роскошный садъ.

Лабиринтъ, возобновленный при Псаммитихѣ, былъ обширный государственный чертогъ, гдѣ имѣлись особыя помѣщенія для членовъ каждой египетской волости, собиравшихся сюда по какимъ-нибудь политическимъ или религіознымъ дѣламъ и нуждамъ. По Геродотову описанію, онъ состоялъ изъ 12-ти дворовъ, съ крытыми галереями по стѣнамъ ограды; стѣна, противоположная входу, была общая, такъ что къ ней съ каждой стороны прилегало по шести дворовыхъ пространствъ, и ворота одной стороны всѣ обращены были къ сѣверу, другой къ югу. Внутри стѣнъ этого обширнаго четыреугольника расположено было множество покоевъ; по нимъ вели разные извилистые переходы, то подступая ближе къ оградѣ, то отходя напротивъ къ воротамъ дворовъ, такъ что безъ проводника очень было трудно отыскать дорогу.

По мнѣнію Геродота, если бы взять вмѣстѣ всѣ постройки и ограды Эллиновъ въ его время, то общая сложность употребленныхъ на нихъ трудовъ и издержекъ все-таки оказалась бы менѣе того что̀ пошло на одинъ Лабиринтъ.

Всего важнѣй для насъ горнокаменныя гробницы Бенигассана, потому что въ нихъ сохранились колонны древняго царства, котораго исходу онѣ принадлежатъ. Двѣ колонны стоятъ по бокамъ входной двери и поддерживаютъ каменную балку; колоннами подпертъ потолокъ внутри храмины, а стѣны ея украшены множествомъ изображеній. Форма колоннъ двоякая. Первая возникла изъ четырехграннаго столпа черезъ срѣзку граней и стала такимъ образомъ осьмиугольной опорою; дальнѣйшее развитіе ея состояло въ томъ что углы срѣзаны были вторично, и тогда вышелъ стержень о шестнадцати отвѣсныхъ гранкахъ одинаковой ширины. Но эстетическій смыслъ не остановился на этомъ. Въ основаніе колоннѣ придали круглую съ выступомъ плиту, а вверху замкнули ее четвероконечною плитой въ видѣ капители; стержень былъ немного стоненъ къ вершинѣ и такимъ образомъ легко несся навстрѣчу гнетущей тяжести, а полосы гранокъ были нѣсколько углублены, такъ что казались ложками между выдавшихся по бокамъ кантовъ. Лепсіусъ очень мѣтко назвалъ эти колонны протодорійскими: передъ нами одна изъ тѣхъ досужно и правильно добытыхъ архитектоническихъ формъ, которыя Греки усвоили себѣ потому что онѣ прекрасны, усвоили чтобы развить ихъ далѣе и пріурочить къ органическому цѣлому.

Другія колонны подражаютъ, напротивъ, растительной формѣ. Словно четыре разныхъ стебля сжаты около одной общей оси; вверху они утолщаются въ нераскрывшуюся еще чашку лотоса, образующую капитель; четыреугольная плита лежитъ надъ нею, а внизу капитель сдерживается обвивающими ее вязями. Все покрыто пестрой росписью и горизонтальными полосами. Куглеръ напоминаетъ что еще за нѣсколько вѣковъ до этого поверхность одного четыреугольнаго столпа украшена была выникающимъ въ срединѣ стеблемъ лотоса съ богатою короной листвы и цвѣтовъ; здѣсь случайная прикраса эта выступила въ самостоятельной уже формѣ. Шназе называетъ такія образованія каменными метафорами; сравненіе стержня и капители со стеблемъ и цвѣтомъ конечно оказалось на дѣлѣ несостоятельнымъ, но мы видимъ что и мимолетный намекъ на это сходство тотчасъ же обратился у Египтянъ въ постоянный типъ. То, что̀ въ своей «Исторіи архитектуры» Куглеръ замѣчаетъ объ этомъ далѣе, такъ близко подходитъ къ нашему основному взгляду на египетскій символизмъ, что мы охотно приведемъ здѣсь собственныя слова этого писателя: «Выборъ такой формы конечно не дуренъ въ томъ отношеніи, что ею мертвенный въ сущности столпъ превращается въ нѣчто живое, «замкнутое въ себѣ самомъ, ростущее. Тѣмъ не менѣе въ чисто-эстетическомъ смыслѣ она остается только декоративною: выраженія рѣшительно-«архитектонической силы (то-есть подпирающей, несущей) не дано въ ней «даже и съ свободно-творческой, даже только игриво-намекающей стороны; «ни чего подобнаго не выражаетъ форма капители, которая должна бы вѣдь «составлять главное. Форма стало-быть можетъ имѣть преимущественно «лишь символическое значеніе, которое въ древнѣйшихъ гробницахъ только «еще прививается къ архитектурной части, а тутъ уже совершенно ее вы-

«полняетъ. Лотосъ былъ у Египтянъ символомъ вещественнаго міра: по-«этому колонну въ видѣ лотоса надо признать за символъ порывающейся въ «высь земной силы. Знаменательность смысла усугублялась еще тѣмъ, когда «подпираемый колонной потолокъ украшали звѣздами и другими небесными «знаками. Цѣлое въ такой сопостановкѣ являлось уже прямо символомъ все-«ленной».

Еще въ 3-мъ тысячелѣтіи предъ Р. Х. вторгнулись въ Египетъ симит-скія племена, Гиксы, такъ-называемые цари пастырей, сдѣлали своимъ дан-никомъ весь край и наложили тяжкое иго на духъ и силу народа. Но его вѣрность завѣтнымъ отечественнымъ преданіямъ, своей религіи и нраваму неуклонно выдержала и этотъ многовѣковой гнетъ. Бывшія прежде въ ход-догадки, что будто древнѣйшее жреческое государство Мероэ слѣдуетъ счи-тать источникомъ египетскаго образованія, не подтвердились на дѣлѣ; ока-залось напротивъ, что въ эпоху Гиксовъ египетская культура нашла себѣ убѣжище въ Эѳіопіи; только египетскій стиль впалъ тамъ въ изнѣженность: формы округлились, но зато стали и безсильнѣе.

Сами Гиксы вовсе не истребляли египетскихъ памятниковъ; они напротивъ усвоили себѣ культуру завоеванной страны. Отъ времени ихъ владычества до-шли до насъ прекраснѣйшіе сфинксы, которыхъ человѣческіе облики носятъ на себѣ симитскій типъ; по сторонамъ у нихъ торчатъ львиныя уши, и львиныя гривы осѣняютъ чело какъ бы лучистымъ вѣнцомъ. Египтяне платили дань ца-рямъ пастырей, но послѣдніе не поклонялись богамъ Египтянъ; они оставались вѣрны своему Баалу, который изображался въ видѣ дикаго четвероногаго съ острыми ушами. Когда изъ Ѳивъ началось освобожденіе Египта, подъ дер-жавою 18-й династіи, въ 16-мъ вѣкѣ, когда чужеземцы были наконецъ из-гнаны, мы тотчасъ видимъ здѣсь опять расцвѣтъ національнаго искусства и должны невольно удивляться его блеску, роскоши и полнотѣ.

Большія постройки этого времени суть вмѣстѣ и укрѣпленные замки, и чертоги, и храмы, точно такъ же какъ самъ царь былъ вмѣстѣ и воиномъ и жрецомъ, представителемъ бога на землѣ. Толстая зубчатая стѣна опоясы-ваетъ чуть не цѣлый околотокъ. Въ глубинѣ стоитъ святилище, изсѣчен-ное обыкновенно изъ камня, то-есть ниша кумира или обитель животнаго, проображающаго божество; вокругъ расположены покои. Эта первая часть замкнута со всѣхъ сторонъ, низка и покрыта. Передъ ней отверзты обшир-ныя колончатыя храмины или же дворы, съ пустопорожнимъ мѣстомъ въ серединѣ и съ колончатыми галереями вдоль стѣнъ. Огромныя ворота зани-маютъ всю входную сторону. Они состоятъ изъ двухъ стопенныхъ кверху четыреугольныхъ башенъ, простирающихся больше въ ширину чѣмъ въ глу-бину; внизу оставляютъ онѣ только дверной пролетъ между собою, вверху же расходятся гораздо далѣе; онѣ обрамлены круглымъ валикомъ, а поверху увѣнчаны круто-выгнутымъ гуськомъ, который придаетъ откосу стѣнъ уп-ругій перегибъ въ другую сторону и тѣмъ возстановляетъ равновѣсіе успо-коительно для глаза. Древніе называли эти пилоны крыльями; какъ тѣло птицы между распростертыхъ крылъ, такъ въ самомъ дѣлѣ и ворота сжаты между двухъ пилоновъ. Дверь обрамлена каменными балками (косяками), а вѣнчающій ее карнизъ всегда украшенъ солнечнымъ дискомъ въ видѣ орна-

мента; изъ-подъ него вьются два урея, двѣ змѣи, прообразающія царскую власть, а широко размахнутыя крылья знаменуютъ пареніе его по небу, точно также какъ самъ солнечный кругъ означаетъ всевидящую и всепросвѣщающую божескую силу. Передъ пилонами стоятъ обелиски съ посвятительными надписями, или же сидятъ на тронахъ колосальныя изображенія боговъ и царей. Къ пилонамъ прислонены высокія мачты съ развѣвающимися флагами. Цѣлая аллея сфинксовъ ведетъ къ нимъ, и дорога выстлана камнемъ до самыхъ воротъ ограды. Начиная отъ пилоновъ внутреннія пространства понижаются все болѣе и болѣе, какъ будто бы всѣ сплошь постройки перспективно сходились въ одинъ пунктъ, къ святилищу.

Вотъ существенныя черты сооруженія, которое однако могло видоизмѣняться и расширяться разными пристройками и вообще далеко не представляло такого замкнутаго въ себѣ организма, какъ напримѣръ греческій храмъ. Очень вѣрно замѣтилъ Шнаазе что само зданіе выходитъ какъ бы процессіей или шествіемъ на богомолье, что все оно разсчитано на важность и безмолвіе, на изумленіе и благоговѣнье. Вотъ какъ онъ описываетъ его, начиная отъ входа: «Всѣ пути здѣсь предуказаны, ни какое уклоненіе не дозволено, за-«блудиться также невозможно. Рядами священныхъ животныхъ и потомъ «воротами подвигаемся мы благоговѣйно впередъ. Ворота поражаютъ своей «шириной, высотой, громадностью; они могучи какъ дѣйствія божества на «міръ, какъ тѣ страшныя явленія, которыми грубыя еще племена впервые «побуждаются преклонить колѣно передъ безвѣстнымъ для нихъ высшимъ «могуществомъ. Прошедши главныя ворота, посѣтитель вздохнетъ опять сво-«боднѣе; его встрѣчаетъ обширный дворъ, обставленный, какъ растеніями, «свѣтлыми колоннами въ разнообразно богатыхъ формахъ. И здѣсь указанъ «далѣе ведущій путь съ легкимъ впередъ подъемомъ; противоположныя бо-«ковыя стѣны понемногу сближаются, строенія понижаются, дорога идетъ «вверхъ, — все стремится, все сходится къ одной цѣли. Но вотъ пред-«стаетъ новая преграда; многоколоннатое пространство, скорѣе принадле-«жащее уже къ внутренности храма, открыто для насъ на столько что мы «можемъ заглянуть въ его густотѣнное, полусумрачное великолѣпіе, но «входъ туда не вездѣ доступенъ по желанію. Междустолпія заграждены пе-«рилами, и оставленъ только одинъ свободный проходъ въ серединѣ. Мы «идемъ далѣе уже не развлекаясь видомъ яснаго неба, тѣсно охваченные «со всѣхъ сторонъ внушительною важностію зданія и обступающихъ насъ свя-«щенныхъ изображеній. Все ближе и ближе сдвигаются передъ нами стѣны «святилища, пока наконецъ только уже стопа жреца вступаетъ въ одиноко «звучащую обитель бога. Все вмѣстѣ представляется выраженіемъ торже-«ственной важности, медленно благоговѣйнаго подступа, жреческаго мисти-«цизма; сначала оно подготовляетъ, будитъ ожиданіе, потомъ начинаетъ «внушительно озадачивать, вводя съ хорошо разсчитанною постепенностью, «исподволь, шагъ за шагомъ въ самую глубину святыни и поклоненія».

18-я династія (съ 1625 по 1411 г. до Р. Х.) завершаетъ освобожденіе Египта отъ чужевластія и обновляетъ завѣтную старину новымъ блескомъ; замѣчательнѣйшими державцами этого времени были Амозисъ, Өутмозисъ, Аменофъ. За ними слѣдуетъ 19-я династія, въ которой Сиоъ и Рамсесъ II

являются великими завоевателями; но послѣдній истощаетъ силу края и начинаетъ дотого притѣснять Израильтянъ, что въ правленіе наслѣдника его, Менефты, они наконецъ рѣшаются выйдти изъ Египта. При немъ же начался новый Сиріусный періодъ, что астрономически пріурочено къ 1322-му году передъ Р. Х. Въ эпоху 18-й династіи искусство, опираясь на древнія преданья, ожило съ новой силою и достигло великолѣпнаго расцвѣта; 19-я ведетъ къ колосальнымъ, пышнымъ и блестящимъ предпріятіямъ, но вмѣстѣ и къ чрезмѣрности прикрасъ, къ ремесленной условности, а подчасъ и къ грубости въ работѣ. Огромные храмочертоги въ Ѳивахъ, гдѣ теперь селенія Карнакъ и Луксоръ, повѣдываютъ намъ въ своихъ развалинахъ о зодческихъ затѣяхъ царей, а въ своихъ изображеніяхъ и надписяхъ о дѣятельности ихъ по другимъ поприщамъ. Храмъ, основанный Сезуртезеномъ въ эпоху древняго еще царства, принялись теперь постепенно расширять, такъ что не менѣе пяти пилоновъ означаютъ столько же дворовъ или предхрамій передъ святилищемъ, такъ что общая ограда была пробита для проложенія отъ главныхъ воротъ свободнаго пути къ храму, выдвинутому за ея черту, такъ что наконецъ и за святилищемъ простираются опять таки еще колончатыя храмины и многочисленные покои. Лепсіусъ нашелъ что разные цари на столько и играютъ роль въ исторіи, на сколько они представлены въ самомъ Карнакскомъ храмѣ и вокругъ. Все это громадное сооруженіе подвышено противъ окрестности посредствомъ кирпичной террасы; общее протяженіе внѣшней ограды составляло три четверти географической мили (то-есть $5\frac{1}{4}$ верстъ).

Роскошное употребленіе колонны характеризуетъ постройки этого времени. Въ зданіяхъ 18-й династіи находимъ мы дальнѣйшее развитіе обѣихъ бенигассанскихъ формъ. Протодорійской колоннѣ дается подъ четыреугольною абакою, въ видѣ капители, загнутая книзу кругообразная плита, а подъ послѣднею пущено нѣсколько поясковъ для обозначенія шейки. Лотосная же колонна ставится на круглой подножной плитѣ; нѣсколько стянутая въ самой нижней части, идетъ она потомъ вверхъ съ нѣкоторымъ утонченіемъ; она состоитъ изъ двѣнадцати стеблей (дудокъ), которыхъ полукружія выступаютъ по главному стержню, и которые въ трехъ мѣстахъ связаны пятирядными поясками; капитель — замкнутая чашка лотоса, также расчлененная на двѣнадцать долей, такъ что она сильно выступаетъ надъ шейкою колонны, но кверху, подъ абакою, уже стягивается и походитъ на цвѣточную почку. Въ одномъ случаѣ встрѣчается всего только восемь стеблей, и притомъ безъ всякихъ опоясокъ, но съ красиво парящими вверхъ орнаментами. Есть еще колонны съ простымъ круглымъ стержнемъ и съ капителью изъ осьми стройно выникающихъ пальмовыхъ листовъ, верхушками наклоненныхъ наружу; онѣ архитектонически просты и благородны въ исполненіи, — это какъ будто бы прелюдія коринѳскихъ колоннъ въ Элладѣ. Сверхъ-того встрѣчаются въ этомъ періодѣ пилястры съ сильно выпуклымъ рельефомъ поддерживающихъ или подпирающихъ гигантскихъ фигуръ. У одного храмика въ Элефантинѣ стѣна поднята только въ высоту бруствера, а крыша съ обычнымъ подъ ней гуськомъ надъ архитравомъ держится на толстыхъ четыреугольныхъ столпахъ, между которыми оставлены вездѣ одинаковой ширины просвѣты,—грубый и

неразвитый еще зачатокъ того, что выработалось потомъ въ сквозной изящной колоннадѣ вокругъ греческихъ храмовъ.

19-я династія воспользовалась даже и колоннами, чтобы покрыть ихъ множествомъ изображеній и іероглифовъ; для капители приняла она форму развалистой, широко-раскрытой или же напротивъ сомкнутой, вытянувшейся вверхъ цвѣточной чашечки. Особенно отличается этимъ громадное колончатое предсѣніе карнакскаго храма. Оно идетъ на 164 фута въ глубину и на 320 футовъ въ ширину; 12 гигантскихъ колоннъ, по шести съ каждой стороны, образуютъ высокій проходъ посрединѣ, нѣчто въ родѣ высокаго средняго корабля базилики; онѣ до 66 футовъ вышиною; кубообразныя подушки въ сердцѣ капители поддерживаютъ каменныя балки потолка. Остальныя колонны, по семи съ каждой стороны, но въ девять рядовъ другъ за другомъ, стало-быть всего 126, всѣ сплошь вышиною въ 40 футовъ при объемѣ въ 27. Онѣ подпираютъ потолокъ или покрытіе; свѣтъ падаетъ сверху между капителей и стержней высокихъ колоннъ средняго хода какъ будто бы въ оконныя отверзтія. Все испещрено скульптурой и живописью. Среди великаго разнообразія царитъ симметрически - возвратный порядокъ; тяжелая колосальная массивность убрана игривымъ роемъ разноцвѣтныхъ прикрасъ; но избытокъ ихъ не способенъ возмѣстить отсутствіе органическаго расчлененія. Три пещерныя постройки въ Нубіи указываютъ на Рамсеса II-го. Передъ ипсамбульскимъ храмомъ скала обдѣлана въ видѣ фасада такъ, что она немного подается назадъ своей верхней частью, и изъ нея же изсѣчены четыре одинаковыхъ сидячихъ колосса, въ 60 футовъ вышины, которые всѣ представляютъ Рамсеса. Въ промежуткѣ этихъ статуй дверь ведетъ во внутренность святилища, состоящаго изъ двухъ столповыхъ храминъ, одна побольше, другая поменьше, и изъ другихъ сверхъ-того покоевъ. Фасадъ другого, небольшого храма представляетъ въ нишахъ шесть стоячихъ изваяній Рамсеса и его семьи, каждое въ 30 футовъ вышиною. Столпы внутри его снабжены вполнѣ символическою капителью, маскою богини Гаторъ съ храмикомъ на головѣ. Третій пещерный храмъ въ Гирше отличается, кромѣ предсѣнія съ пилонами, очень тяжелыми и грубыми въ исполненіи колоссами Озириса, которые приставлены къ внутреннимъ столпамъ.

Основатель 20-й династіи (въ 1288 г. до Р. Х.), Рамсесъ III, еще разъ успѣлъ соединить блескъ оружія съ блескомъ архитектурныхъ и ваятельныхъ работъ, между которыми храмъ въ Мединетъ-Абу громко повѣдываетъ о дѣлахъ этого государя. Слѣдующіе вѣка, при омертвѣніи всего края подъ деспотизмомъ его собственныхъ владыкъ и подъ господствомъ чужеземной силы, не произвели уже ни чего подобнаго этому по величію и пышности. Возстановленіе царства Псаммитихомъ (въ 670 г. до Р. Х.) повело и къ возрожденію искусства, которое удачно и со вкусомъ пустило опять въ ходъ старовидныя и простѣйшія формы 12-й и 18-й династіи, но уже въ умаленныхъ противъ прежняго размѣрахъ. Основныя черты египетскаго стиля удержались даже еще подъ владычествомъ Персовъ, Грековъ и Римлянъ. Капителямъ колоннъ придавалась теперь по большой части форма раскрытой цвѣточной чашечки, расчлененной нѣсколькими рядами вольно проступающихъ листьевъ; на капители встрѣчается еще мѣстами маска богини Гаторъ съ

завѣтнымъ храмикомъ, которая впрочемъ иной разъ увѣнчиваетъ колонну и сама по себѣ, одна. Гладкій стержень весь испещренъ надписями. Есть уже зданія съ перистилемъ (колончатымъ предсѣніемъ) на греческій образецъ; но междустолнія заполнены брустверною стѣнкой, а просвѣтъ надъ нею глядитъ чѣмъ-то похожимъ на окно. То же самое видимъ и въ маленькихъ храмахъ, сооружаемыхъ теперь рядомъ съ большими; они называются Маммизисъ, домиками рожденія, потому что ставятся во славу рожденія того божественнаго младенца, котораго произвела чета боговъ, чествуемая въ большомъ святилищѣ. Они кругомъ обставлены колоннами, до половины которыхъ доходитъ оградная стѣнка; это уже не первообразы греческихъ построекъ, а скорѣе неудачное имъ подражаніе. Капитель здѣсь маска, какъ обыкновенно говорятъ, Тифонова: не гримаса ли это быть-можетъ дѣтскаго лица, искаженнаго въ родѣ финикійскихъ элементарныхъ духовъ, патековъ?

Клеопатра, въ свою очередь, возводила постройки; дендерскіе храмы съ своимъ удивительно сохраннымъ еще блескомъ и съ избыткомъ фантастическихъ прикрасъ стоятъ живымъ памятникомъ ея упоеннаго нѣгой существованія. Есть также обширныя сооруженія римской эпохи, но тутъ не замѣтно болѣе ни какого движенія впередъ. А впослѣдствіи Египетъ, кромѣ одной Александріи, дотого упалъ, обѣднялъ и опустѣлъ, что святой Антоній (Великій) могъ совершенно укрыться отъ міра въ ѳиваидской пустынѣ.

Твердокаменная крѣпость и прочность, массивное величіе въ простыхъ строгихъ формахъ характеризуютъ первые зачатки древнеегипетскаго зодчества; въ связи съ безоблачно-синимъ небомъ, съ широкою рѣкой, съ протяженіемъ горныхъ хребтовъ, храмовыя постройки производятъ потрясающее впечатлѣніе; обокъ съ конструктивно-ничтожнымъ и эстетически-неудовлетворительнымъ символизмомъ обнаруживается въ ихъ формахъ зородышъ органической конструкціи и становится краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшаго развитія зодчества въ ходѣ всемірной исторіи.

Архитектоничнымъ и монументальнымъ является съ самаго начала и характеръ пластическаго искуства у Египтянъ. Это уже естественно зависитъ отъ неразрывной связи ваятельныхъ и живописныхъ работъ съ постройками; рельефы и роспись служатъ украшеніемъ стѣнамъ, и если фигуры одного пилона отвѣчаютъ въ строжайшей симметріи фигурамъ другого, такъ что ихъ можно принять за совершенные противни и двойники, то уже изъ одного этого само собою ясно, что человѣческій обликъ берется здѣсь не ради индивидуальнаго выраженія личной своей жизни, но единственно лишь въ видѣ архитектонической декораціи. При этомъ монументальный смыслъ Египтянъ направленъ и здѣсь не на подвижныя и преходящія, но на прочныя и существенныя черты человѣческаго облика, на неизмѣнныя формы и на всегда одинаковое ихъ соблюденіе. Они выдвигаютъ на первый планъ строгозаконную сторону тѣлеснаго склада и установляютъ для него норму въ видѣ канона математически опредѣленныхъ соразмѣрностей; имъ выражается не индивидуальный элементъ, а родовой общій для всѣхъ пошибъ. Положимъ, они доходятъ наконецъ и до изображенія личности, черты Оутмозиса, Сноа I-го и Рамсеса II-го выступаютъ у нихъ съ энергически-портретной правдой; но тѣмъ не менѣе, говоря вообще, они все-таки даютъ гораздо больше вѣса пле-

менному или общечеловѣческому, нежели индивидуальному типу. За Египтянами остается та великая заслуга, что они основали идеальный и монументальный стиль изобразительнаго искусства этимъ вникновенiемъ въ существенное, выдѣломъ всѣхъ маловажныхъ и случайныхъ элементовъ; но зато они ужь и не выходятъ изъ своей архитектонической строгости, связанные ею по рукамъ и по ногамъ. Вотъ отчего спокойное, послушное лишь закону тяжести положенiе фигуры имъ болѣе по́ сердцу нежели движенiе, вотъ отчего не дается имъ выраженiе душевной жизни и ея свободы какъ въ чертахъ лица, такъ и въ позѣ тѣла. Они открываютъ законъ тѣлесныхъ пропорцiй, но видятъ въ немъ не меженную черту, около которой играетъ характеристическое выраженiе личной жизни, а вѣчно-однообразное правило, которому должны подчиняться всѣ, какъ камни для строенiя всѣ обтесываются по отвѣсу. Благодаря этому-то и представлялась возможность работать одну и ту же статую по частямъ въ нѣсколько рукъ и въ разныхъ мѣстахъ, и потомъ собирать ее въ одно цѣлое. И если первоначальный канонъ и подвергся въ новомъ царствѣ нѣкоторому измѣненiю, то все же вѣдь цѣлыя тысячелѣтiя для всѣхъ рѣшительно ваятелей оставался въ силѣ одинъ и тотъ же законъ. Слѣдствiемъ этого были строгомѣрность, старозавѣтный условный типъ, и мертвенно-спокойная косность.

Но этотъ архитектоническiй характеръ покоя, строгомѣрности, выставки на первый планъ существенно-необходимаго, естественно благопрiятствовалъ направленiю къ колосальнымъ работамъ. Съ плотно-прижатыми руками и ногами сидятъ или стоятъ гигантскiе лики ихъ боговъ и царей въ храмахъ и передъ храмами, какъ прямо архитектурная часть, непосредственно входящая въ общiй эффектъ зданiя. Это—торжество египетскаго искусства по за́мыслу и техникѣ; косное и типическое дѣйствуетъ здѣсь внушительно-величаво и полновѣсно; колосальное въ скульптурѣ не терпитъ ни жанровыхъ подробностей, ни мгновенныхъ движенiй, оно требуетъ монументальнаго спокойствiя, замкнутаго въ себѣ самомъ существеннаго бытiя. «Боги сложили его тѣло», говоритъ одна греческая эпиграмма о гигантскомъ сфинксѣ передъ пирамидами; лежачiй левъ съ человѣчьей головою былъ высѣченъ изъ цѣльной скалы, и къ нему придѣланы затѣмъ только переднiя лапы. Одно гордое лицо — въ 28 футовъ мѣры, высота всего сфинкса 65 футовъ, длина 142. Сфинксовъ въ древнемъ царствѣ не встрѣчается; но тѣмъ чаще они попадаются съ времени 18-й династiи. Такъ-какъ обычное мѣсто ихъ передъ храмами, то и это обстоятельство напоминаетъ ассирiйскiе колоссы, также стерегущiе входы и надѣленные туловищемъ животнаго съ человѣчьей головой. Кажется, это первоначально-симитское созданiе преображено Египтянами на ихъ ладъ, проще, строже, спокойнѣе. Бругшъ разгадываетъ въ головахъ сфинксовъ черты властителей и видитъ въ нихъ изображенiя царей, какъ представителей бога на землѣ. Но вѣдь у груди гигантскаго сфинкса передъ пирамидами, обязаннаго своимъ происхожденiемъ Ѳутмозису IV-му (около 1550 предъ Р. X.), какъ нарочно стоитъ колонна съ надписью, что его святѣйшество, прекрасный этотъ богъ говоритъ съ царемъ какъ отецъ съ сыномъ, и обѣщаетъ ему власть надъ цѣлымъ мiромъ вдоль и поперекъ. Поэтому мы въ правѣ остаться при томъ домыслѣ, что сфинксы — символы

бога-солнца, и что они точно такъ же стерегутъ святилища, какъ надъ воротами паритъ окрыленный дискъ солнца.

Что будто статуя Аменофа III-го звучала при солнечномъ восходѣ, это было не столько игрой природы, сколько игрой греческой фантазіи: Греки принимали ее за изображеніе сына Утренней Зари, Мемнона, который будто бы ежедневно здоровается съ матерью; прозвище царя, Маямунъ, то-есть любезный Аммону, напоминало имъ ихъ собственнаго миѳическаго героя, и они только что развили этотъ миѳъ далѣе.

Въ ликахъ боговъ Египтяне не умѣли еще истинно художнически выразить и непосредственно онаглядить духовные идеалы соотвѣтственными чертами дѣйствительности въ органической и стройной ихъ розработкѣ; они и здѣсь впадали въ символизмъ и оставались въ путахъ его внѣшности. Вмѣсто того чтобъ передавать въ чертахъ лица извѣстное направленіе духа или сердца и сообразовать съ нимъ весь тѣлесный складъ, представлять его мягче или жестче, худощавѣе или полнѣе, моложе или возмужалѣе, смотря по лежащей въ основаніи идеѣ, они не полагали въ этомъ отношеніи ни какой разницы и всего охотнѣе приставляли богу голову того животнаго, которое напоминало его природу, было его символическимъ образомъ. Такъ напримѣръ Тотъ надѣленъ тонкой шеею и головой Ибиса, не смотря на свои широкія плеча, Анубису насажена шакалья голова, Аммону и Изидѣ даны головы или по крайней мѣрѣ рога барана и коровы. Это вѣдь униженіе человѣческаго склада; оскорбляя законы органическаго образованія, оно и эстетичести непріятно. Но дѣло въ томъ, что Египтяне создавали не для изящества. И подобно тому какъ имена разныхъ боговъ они совокупляли въ одно, какъ одинъ богъ переходилъ у нихъ въ другого, такъ точно скучивали они и символы; это было такое же чисто-внѣшнее расширеніе, какъ и пристройки ихъ храмовъ, а вовсе не ростъ изнутри. Одинъ жукъ сдѣлался наприм. символомъ свѣтобога только потому, что онъ катитъ передъ собой шарикъ, какъ свѣтобогъ солнце; жуку придали человѣчью голову и вмѣстѣ крылья кобчика, потому что въ другихъ случаяхъ кобчикъ знаменуетъ бога-солнце, и къ этому присовокупили еще лапы льва и руки человѣка.

Египтяне были отличные звѣроваятели. Ихъ внутреннее влеченье къ міру животныхъ, ихъ наблюдательность навели ихъ на познаніе характеристическихъ формъ, и такъ-какъ въ животномъ вообще болѣе выражается родовой характеръ, нежели индивидуальный, то отсутствіе послѣдняго вовсе не такъ непріятно дѣйствуетъ здѣсь, какъ въ изображеніяхъ человѣческой жизни; напротивъ, энергическая выработка существеннаго типа скорѣе даже удовлетворяетъ. Уже изъ древняго царства идутъ эти натуженные полносильные члены, это величавое завершенье львиныхъ и бараньихъ туловищъ человѣчно-образной головою божества или царя, — вся эта безотчетная символика, въ которой выражалось и раболѣпное отношеніе египетскаго духа къ природѣ и вмѣстѣ отсутствіе въ немъ полной самознательной свободы.

Египетская порода явственно отличена здѣсь отъ негритянской и симитской. Она сильна, плечиста, широкогруда, тоща тѣломъ и тонконога; колѣни отчетливо обозначены, но голени и икры слишкомъ прямолинейны и сухощавы. Низкій лобъ немного заломленъ назадъ, длинные узкіе глаза нѣ-

сколько опущены и впалы, носъ широкъ, подбородокъ скуденъ, уши сидятъ слишкомъ высоко. Въ лицѣ выражается какое-то туповато-чувственное довольство, родъ бездушной улыбки, ухмыленіе.

Еще богаче самостоятельной пластики, то-есть сферы облыхъ изваяній, развернулось изобразительное искусство въ рельефахъ и живописи по стѣнамъ. Обѣ эти послѣднія отрасли еще не подѣлились между собою, контуры врѣзываются глубоко, площадь фигуры покрывается потомъ краскою или слегка моделлируется, но всегда однакоже такъ, что фигура отнюдь не выступаетъ изъ плоскости, а напротивъ кажется углубленной. Съ истинно-дѣтской наивностью Египтяне начинаютъ передачей человѣческаго облика по разительнѣйшимъ его признакамъ и съ помощію самаго нехитраго пріема. Они берутъ его вообще въ профиль, но глазъ вписываютъ цѣликомъ, и поворачиваютъ всю остальную часть тѣла, но безъ всякой перспективы, такъ что въ профильномъ изображеніи у нихъ выходитъ вся широта груди или спины. Такъ точно и корову рисуютъ они въ профиль, а рога насаживаютъ ей такъ, какъ будто бы они видѣлись спереди. Гонясь болѣе за ясностью нежели за красотой, Египтяне остаются вѣрны такимъ начаткамъ, какъ коренному основанію художества, они обращаютъ ихъ въ руководящую для себя схему, и вотъ условно-сложившійся образъ становится не столько живымъ воспроизведеніемъ предмета, сколько представительнымъ его знакомъ.

Картины ихъ не поэтическія созданія, а только трезвыя и вѣрныя изображенія жизни и событій. О настоящемъ сочиненіи тутъ не можетъ быть и рѣчи, фигуры стоятъ подъ рядъ; единственной точки зрѣнія, съ которой располагалось бы цѣлое, то-есть перспективы, нѣтъ здѣсь вовсе; но важнѣйшіе предметы, наприм. какой нибудь царь въ сраженіи, пишутся гораздо больше, казистѣе другихъ. Письмо и живопись еще не строго подѣлены другъ съ другомъ, оба та же образная грамота. Однажды принятый типъ фигуръ вѣрно соблюдается и точно передается ради ясности. По замѣчанію Юлія Брауна, «художникъ чувствуетъ себя настоящимъ писцомъ, и если въ абу-симбель-«скомъ пещерномъ храмѣ для бѣгущаго передъ царемъ справа налѣво не-«пріятельскаго колесничнаго войска оказывается мало мѣста по длинѣ стѣны, «то художникъ преспокойно дописываетъ его сверху внизъ въ отвѣсномъ «направленіи, измѣняя такимъ образомъ свою собственную точку зрѣнія от-«носительно къ картинѣ. Ни дать ни взять какъ еслибы онъ писалъ прямо «въ строку и, въ случаѣ недостаточности мѣста, докончилъ бы ее попереч-«ною припиской на полѣ. Если картина изображаетъ какъ перевозятъ съ «мѣста на мѣсто какой-нибудь колоссъ, то четыре ряда запряженныхъ въ «него рабочихъ представляются не позади одинъ другого, а другъ надъ дру-«гомъ въ совершенно правильную параллель».

Заботливость Египтянъ сохранить возможно-вѣрную картину ихъ жизни и обстановки дозволила намъ ознакомиться съ ихъ домашнимъ и общественнымъ бытомъ, передала намъ въ изображеніи ихъ одежду, ихъ обычаи, ихъ утварь. Вейсъ, подобравшій въ своемъ Костюмовѣдѣніи все существенное по этой части, замѣчаетъ что Египтяне, стремясь выставить на видъ все что допускалось очеркомъ фигуры, любили, не смотря на профильное положеніе послѣдней, показать одежду ея спереди и передавали при

этомъ всѣ складки съ мелочною до натянутости точностью. Одностороннее, чисто-разсудочное вниманіе ко внѣшнему перевѣшивало у нихъ художественно-свободный смыслъ красоты.

Любимымъ цвѣтомъ одежды былъ у нихъ бѣлый какъ полотно; кромѣ того допускались одноцвѣтныя, зеленыя, красныя, синія ткани, иногда и съ красивыми узорами. Въ древнѣйшія времена мужчины довольствовались однимъ передникомъ по бедрамъ, а женщины легкою одеждой, въ родѣ сорочки. Впослѣдствіи люди побогаче носили верхнее платье изъ тонкой прозрачной ткани. Мужчины накрывали себѣ голову гладкою шапочкой или сложеннымъ въ родѣ чепца полосатымъ платкомъ. Волосы носили прежде въ плетешкахъ, а потомъ, ради опрятности, обстригали совершенно; но знать новоегипетскаго царства облекалась по торжественнымъ днямъ въ азіатскіе парики, съ трубчатыми локонами въ нѣсколько этажей. Женщины убирали свои длинные волоса въ красивыя сѣтки или же обертывали ихъ покрывалами. Подобно мужчинамъ носили онѣ запястья и поножи, а сверхъ-то разныя подвѣски изъ золота и стекла. Богато украшенный отложной воротникъ по плечамъ былъ нарядомъ, общимъ для обоихъ половъ. Цари носили по поясу широкій кушакъ или шарфъ, діадему, двойную корону для верхняго и нижняго Египта и разные символы на головѣ, наприм. урей-змѣю, означавшую власть государя надъ жизнью и смертью подданныхъ. Главные жрецы носили барсовую шкуру, а судьи — неизмѣнное страусовое перо, знаменіе справедливости. Обычнымъ оружіемъ были деревянные, обтянутые кожей, щиты съ металлическими рукоятками, лукъ со стрѣлами, копье и короткій мечь; царь выѣзжалъ на бой въ ратной колесницѣ, съ златоблещущимъ шлемомъ на головѣ; іероглифическіе знаки разныхъ мѣстностей служили знаменами. Съ Востока, въ видѣ дани, получались дорогія вазы, сѣдалища, разная блестящая утварь; въ древнѣйшую пору жили очень незатѣйливо и просто, только уже бенигассанскія гробницы впервые представляютъ болѣе художественное развитіе ремеслъ.

Типическія формы изобразительнаго искусства установились еще въ эпоху древней монархіи, въ новой же онѣ были разработаны въ гораздо болѣе объемистыхъ произведеньяхъ. Гробничная стѣнопись времени пирамидъ представляетъ намъ земледѣліе и скотоводство, охоту и рыбный ловъ, жизнь вообще мирную и веселую. Дѣйствительность передается въ нихъ трезво до сухости, безъ всякаго уже идеальнаго содержанья; головы и руки изображены въ профиль, а грудь спереди. Эпоха Сезуртезена I-го отличается энергичностью и точностью линій въ скульптурѣ, которымъ мы особенно дивимся съ тѣхъ самыхъ поръ въ колосальныхъ статуяхъ и животныхъ. Гранитная нога царя, хранящаяся въ Берлинскомъ Музеѣ, какъ отличное произведеніе древне-египетскаго искусства, представляетъ его намъ на пути къ окончательному высшему развитію, — пути, котораго потомъ однако не держались. Гробницы въ Бенигассанѣ, сохраняя прежній поворотъ тѣла, переходятъ къ болѣе живымъ движеніямъ, къ болѣе стройнымъ формамъ, и также представляютъ сцены частной жизни. Большіе храмочертоги новаго царства блещутъ преукрашеннымъ изображеніемъ царскихъ дѣяній и богослужебныхъ обрядовъ, передавая ихъ во всей точности; въ гробницахъ можно распознать

исторію души. Картины битвъ обнаруживаютъ пылъ и жажду подвиговъ, старозавѣтная улыбка переходитъ въ выраженіе побѣднаго торжества. Предметы дани, приносимой покоренными или побѣжденными народами, свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, какое благопріятное вліяніе Египтяне оказывали на сосѣдей, съ другой — что и сами они заимствовали у Ассирійцевъ роскошную утварь, а съ нею и декоративныя ихъ формы вообще. Возстановленіе древнеегипетскаго быта Псамметихомъ обнаруживается въ скульптурѣ и въ живописи гоньбою за первобытной стариной, за вальяжностью, преобладавшей до вторженія Гиксовъ, съ тщательнымъ при томъ наблюденіемъ природы и стремленіемъ къ граціи, къ пріятности. Въ цвѣтущую пору Александріи египетскій канонъ видоизмѣняется греческимъ вліяніемъ, но вмѣстѣ съ прочными старозавѣтными формами исчезаетъ и та удивительная ремесленная сноровка, которая по умѣнью совладать съ массами, по точной опредѣленности каждой черты, по истинно труженической обдѣлкѣ даже и самотвердѣйшаго гранита, тщетно ищетъ себѣ противня во всемірной исторіи.

СИМИТСТВО.

СИМИТЫ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ АРІЙЦАМИ.

Всемірноисторическими зовемъ мы по преимуществу тѣ народы, которые вырабатываютъ въ своей жизни какую-нибудь опредѣленную идею, занимаютъ извѣстную ступень бытовой лѣстницы не только сами по себѣ, но которые съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельно участвуютъ въ общемъ развитіи, вліяютъ на другіе народы, усвоиваютъ себѣ наслѣдіе не одного собственнаго прошлаго, но и всего вообще человѣчества, а равно и свои собственные добытки передаютъ не потомкамъ своего только племени, но также опять всему человѣческому роду. Всемірная исторія совершается самостоятельнымъ развитіемъ и взаимодѣйствіемъ другъ на друга двухъ народныхъ семей, которыя первоначально жили братски въ одномъ домѣ, а впослѣдствіи разошлись, съ тѣмъ чтобы каждая развила особенные дары свои въ одиночку, а потомъ могла предложить ихъ для сопользованія другой. Надъ рѣшеніемъ всѣхъ высшихъ задачъ нашего рода, каковы познаніе Бога и единеніе съ нимъ сердцемъ и мыслію въ религіи, учрежденіе законно-устроенныхъ, свободныхъ государствъ, искусство, наука и неразрывное съ ними улучшеніе и украшеніе жизни, — вотъ надъ чѣмъ ревностно трудятся именно Симиты и Арійцы, и притомъ не только для самихъ себя, но всегда съ тѣмъ чтобы снисканныя блага быторазвитія передавать и всѣмъ другимъ народамъ, для которыхъ они настоящіе застрѣльщики и вожаки. Арійцы многостороннѣе, но Симиты отличаются зато напряженной силою, точно такъ же какъ и физически они обнаруживаютъ сосредоточенную и сносливую крѣпость въ своихъ жилистыхъ тѣлахъ, тогда какъ напротивъ въ Индоевропейцѣ красота развертывается полнѣе и правильнѣй. Въ религіи высшее явилось у Симитовъ; въ государственности, искусствѣ, наукѣ первенство принадлежитъ Арійцамъ. Когда мы назовемъ горы Синай, Ѳаворъ, Голгоѳу, назовемъ города Іерусалимъ и Мекку, намъ тотчасъ же станетъ ясно что

для человѣчества не могутъ имѣть бо́льшаго значенія ни Аѳины, ни Римъ, ни великіе подвиги англійскаго и германскаго духа; и не унижая Арійцевъ передъ Симитами, или наоборотъ, мы смѣло можемъ сказать вмѣстѣ съ Густавомъ Бауромъ что послѣдніе составляютъ основу, а первые — утокъ той живой ризы Божіей, которую зовутъ всемірною исторіей.

Въ своей «Индійской археологіи» Лассенъ свелъ разность между Симитами и Арійцами на ту мѣроположную формулу, что у первыхъ преобладаетъ субъективное, а у вторыхъ объективное направленіе духа. Силою сосредоточенныхъ въ себѣ чувства и воли отличается Симитъ; онъ не отрѣшаетъ вещей отъ своего собственнаго *я*, онѣ имѣютъ для него силу и вѣсъ только въ прямомъ отношеніи своемъ къ человѣку; онъ понимаетъ и беретъ міръ съ той стороны, на сколько онъ служитъ его цѣлямъ и пользѣ, и углубляется въ вѣчную міропричину не съ спокойствіемъ внимательнаго созерцанія, а съ ревностью къ спасенію собственной души. Арійскій духъ есть, напротивъ, чистое зеркало природы, которою онъ не нарадуется, которой законъ стремится онъ познать, не думая при этомъ о своей выгодѣ; красота и истина для него сами себѣ цѣли, и онъ старается свободно оформить ихъ въ искусствѣ и наукѣ. Себялюбіе и смышленность сдѣлали Симитовъ торгашами и денежниками древняго и новаго міра; религіозный энтузіазмъ побуждалъ Евреевъ и Арабовъ видѣть даже и въ духовномъ божествѣ строгаго, ревниваго, исключительнаго Бога, побуждалъ прибѣгать на службу ему къ насильственному обращенію; терпимость возникаетъ только изъ свободы мысли, признающей полноправность за всѣми точками зрѣнія, потому что она сама способна перенестись на эти точки. Христіанство появилось уже послѣ многовѣковаго вліянія эллинскихъ Арійцевъ на симитскій Востокъ, Христосъ сталъ выше симитства своей чистой человѣчностью, но онъ все-таки родился среди Симитовъ. Потому что ни гдѣ религіозная идея такъ не полносильна какъ у нихъ, и ни чѣмъ не снискали они такой силы въ исторіи какъ именно религіозною идеей.

Чрезвычайная воспріимчивость и многосторонность арійскаго духа развертывается въ гораздо бо́льшее число разностей племенныхъ и личныхъ. Густавъ Бауръ рисуетъ превосходную картину, когда, имѣя преимущественно въ виду древнеарабскую народную поэзію, онъ говоритъ: «Въ какомъ свѣт-«ломъ и богатомъ разнообразіи индивидуальности стоятъ герои греческой «или германской былины и исторіи сравнительно съ важной монотонностью «арабскихъ или даже ветхозавѣтныхъ героевъ! И тогда какъ тамъ для со-«вершенства героя необходимо чтобъ суровая сила умягчалась красотой, а «дерзость своеволія смирялась передъ отношеніемъ къ общественному благу, «и чтобы все дѣлаемое за тѣмъ добро дѣлалось вмѣстѣ и прекрасно, — «Арабъ становится, напротивъ, героемъ только благодаря рьяной силѣ и «стойкости, послушнымъ одному ни чѣмъ несокрушимому своевольству. «Дѣйствуетъ ли онъ на благо другимъ или во вредъ, это въ сущности не «важно, лишь бы его дерзкая отвага не отступала ни передъ какимъ препят-«ствіемъ; и къ этой строптивой удали очень идетъ то, что о красотѣ тутъ «вовсе нѣтъ и рѣчи, что герой готовъ даже хвалиться своей невзрачностью «малорослостью, худобою, въ убѣжденіи что наперекоръ всѣмъ тѣлеснымъ

«недостаткамъ онъ все-таки покажетъ себя молодцомъ. Пожалуй и греческій герой дастъ себя знать въ страданіи, мужественно неся тяжкое бремя «возложенное на него тѣмъ или другимъ божествомъ; но герой арабскій «самъ напрашивается на бѣдствіе, чтобы помѣряться съ нимъ необузданною «силой воли; при этомъ, по жуткой затаенности его характера, умѣнье насолить врагу нежданой хитростью кажется ему такимъ же точно богатыр «скимъ свойствомъ, какъ и геройская сила, заявляющая себя въ открытомъ «бою; и ловкость съ какою онъ ускользнетъ по достиженіи своей цѣли отъ «озадаченнаго непріятеля такъ же почетна на его глаза какъ и удаль нападенья. Отрокъ Давидъ, поражающій филистимскаго великана своей пастушеской пращею, представляетъ намъ образецъ симитскаго героя просвѣтленный религіей откровенія.»

И на Востокѣ мужественный духъ одного великаго человѣка поднимаетъ цѣлый народъ, ведетъ его къ побѣдѣ и основываетъ, пожалуй, государство; но оно вполнѣ зависитъ отъ руководящихъ личностей, съ ними оно ростетъ съ ними и падаетъ; царства рушатся такъ же быстро какъ и возникаютъ, и смѣна властителей, смѣна царственныхъ родовъ не ознаменовывается ни малѣйшимъ прогрессомъ въ политическихъ идеяхъ, ни какимъ успѣхомъ въ гражданскомъ благоустройствѣ. Арійское государство созидается изъ свободныхъ общинныхъ союзовъ, оно прохватываетъ и охраняетъ ихъ права своимъ верховнымъ правомъ, каждое единичное лицо живетъ на своемъ мѣстѣ, обезпеченное свободою, и чувствуетъ себя въ то же время членомъ цѣлаго, въ управленіи которымъ оно участвуетъ, которое подвигается впередъ стараніями всѣхъ и каждаго, потому что каждый считаетъ общественное дѣло за свое. Арійское государство становится организмомъ живущимъ совокупной дѣятельностью своихъ членовъ, дающимъ въ своей благоустроенности мѣсто и мѣру каждой изъ частныхъ силъ. У Симитовъ гражданское законодательство замкнуто въ предѣлахъ религіознаго, и дается пророками, какъ божеское откровеніе; у Арійцевъ оно становится самобытнымъ и свободнымъ, мірское получаетъ свое право, свой почетъ, соображающая, пытливая, общесовѣтная мудрость постановляетъ законъ, какъ (прямое или косвенное) выраженіе народной воли. Симитъ охотно запирается въ своемъ домашнемъ быту отъ всего внѣшняго, онъ живетъ съ своими для себя, вѣрно хранитъ духъ и преданіе своего рода, и семейный смыслъ его, на ступени патріархальности, произвелъ вѣчные можно-сказать образцы и передалъ намъ ихъ неподражаемо.

Языкъ Арійцевъ обличаетъ ихъ стремленіе изобразить въ мірѣ мысли міръ вещей по существу и жизненному свойству послѣднихъ, постичь и изложить разумъ дѣйствительности, передать внѣшнія явленія во всей особенности ихъ формъ, отразить въ органическомъ строѣ мысли благоустройство космоса и многоразличное взаимодѣйствіе силъ природы. Для Симита въ рѣчи главное дѣло — выраженіе собственнаго чувства и помысла; онъ нейдетъ дальше того впечатлѣнія, какое произвела на чувство его вещь, и выраженіе этого чувства должно имѣть вѣсъ и нравиться не само собой, а только какъ знакъ внутренняго настроенья. Арійскій языкъ имѣетъ удобопроизносимые и порознь, односложные корни, изъ согласной съ гласною или даже

изъ одной гласной, каковъ наприм. корень *i*, значащій идти, шествіе; Симиты не только предпочитаютъ образуемые въ глубинѣ гортани внутренніе придыхательные звуки губнымъ, даже и видимо выступающимъ наружу, но для обозначенія главнаго корневаго созерцанія исключительно употребляютъ согласныя, и притомъ обыкновенно три; тутъ корень самъ по себѣ непроизносимъ, онъ становится произносимымъ только благодаря особенному оттѣнку, какой придастъ ему говорящій посредствомъ гласныхъ, а эти именно и служатъ указателями тѣхъ видоизмѣненій, при которыхъ корень дѣлается выраженіемъ предмета, дѣятельности, качества, равно какъ и указателями различныхъ словоотношеній. Языкъ состоитъ въ сущности изъ согласныхъ, поэтому гласныя и не пишутся; какъ ноты осуществляются въ звукѣ только исполнителемъ, такъ и при чтеніи симитской граматы только уже голосъ чтеца придаетъ ей своими звукооттѣнками опредѣленное выраженіе и настоящую живость. Въ языкѣ и граматѣ Арійцевъ слово имѣетъ свое вполнѣ готовое объективное бытіе. И какъ звукъ чрезъ сотрясеніе вещей открываетъ чувству внутреннюю ихъ сущность, такъ точно и Симитъ любитъ обозначать вещи прямымъ звукоподражаніемъ, тогда какъ Аріецъ чаще вольно переводитъ формосозерцаніе въ звуковой образъ (не стѣсняясь звукоподражаніемъ). Удвоеніемъ согласныхъ внутри слова Симитъ усиливаетъ понятіе, или же превращаетъ смыслъ спокойнаго бытія въ значеніе дѣятельности; растяженіе гласной можетъ какъ бы протянуть и само обозначаемое дѣло, вмѣсто совершающагося уже дѣйствія выразить только стремленіе къ нему или попытку; перемѣной гласныхъ внутри словъ указываются разныя ихъ соотношенія, такъ что наприм. Эвальдъ прямо говоритъ о выговорѣ дѣйствительномъ и страдательномъ, а Штейнталь опредѣляетъ различіе между арійской и симитской рѣчью тѣмъ, что въ первой форма пластически выражается на поверхности коренного слова, что къ нему прибавляется что-нибудь вначалѣ или вконцѣ для обозначенія этимъ отношеній его къ другимъ членамъ предложенія, тогда какъ у Симитовъ форма остается внутри, какъ придыханіе или тонъ, пронизывающій насквозь все слово; тамъ она пластична, осязаема, здѣсь — только-что слышна, тамъ она какъ-есть полный обликъ, здѣсь — звукъ или цвѣтооттѣнокъ, не болѣе. И Аріецъ прибѣгаетъ къ измѣненію и усиленію коренной гласной для означенія множественнаго числа (въ нѣмецкомъ наприм. Vater, Väter) * или для задержки глагольнаго движенія, съ тѣмъ чтобы обратить глаголъ въ существительное (лить, лейка, гдѣ наступаетъ подъемъ гласной черезъ подспорное *a*, или такъ-называемую гуну, какъ яснѣе видно у Индійцевъ: кā м, любить, кā ма, любовь), — но онъ при этомъ отличаетъ корни, означающіе предметъ и свойство, отъ другихъ, опредѣляющихъ отношеніе къ дѣлу самого говорящаго, которые поэтому болѣе субъективнаго, указательнаго характера; а какъ они при томъ проще и въ звуковомъ отношеніи, то онъ пользуется ими весьма удачно при образованіи грамматическихъ формъ. Симиту, для обозначенія падежа,

---

* Или какъ у насъ въ русскомъ для означенія многократнаго вида всѣхъ глаголовъ, съ краткимъ корневымъ *o*, напримѣръ: сорить—саривать. (Но: ссорить—ссоривать. строить — строивать, прочить — прочивать).

сверхъ предлоговъ служитъ еще просто положеніе слова, а для условій времени и наклоненія есть у него только разности законченнаго и незаконченнаго; «съ тонкимъ символизмомъ, говоритъ Густавъ Бауръ, въ первомъ «случаѣ означеніе лица приставляется къ гласному корню сзади, чтобы охарактеризовать этимъ дѣятельность уже завершенною и слѣдовательно изъятою изъ-подъ вліянія подлежащаго; въ послѣднемъ же, напротивъ, ставится «оно впереди корня, чтобы выразить продолжающуюся еще зависимость ея «отъ этого вліянія». Но живость говорящаго безпрестанно переносится сама и переноситъ слушателя то въ прошедшее, откуда законченное дѣйствіе представляется еще только совершающимся, то въ будущее, гдѣ оно уже совсѣмъ завершено, такъ что и тутъ преобладаетъ въ языкѣ субъективность и замѣчается отсутствіе установки вполнѣ опредѣленныхъ формъ для объективныхъ отношеній, — формъ, многосторонно выработанныхъ Арійцами. А чтобы одно слово, для ближайшаго самоопредѣленія, усвоивало и покоряло себѣ приложеніемъ другія, въ чемъ такъ великолѣпно раскрывается сила арійской рѣчи, доходящая до крайности въ индійскомъ языкѣ, но полная мѣры въ греческомъ и нѣмецкомъ, — это у Симитовъ весьма рѣдкое явленіе. У нихъ никогда не теряется изъ виду то чувственное значеніе корня, которое у Арійцевъ скоро отступаетъ передъ духовнымъ; оттого у первыхъ образность рѣчи сама напрашивается въ помощь поэзіи, тогда какъ у послѣднихъ она должна возбуждаться или наверстываться искусствомъ. Та же живость поэтическаго взгляда обнаруживается и въ постоянномъ олицетвореніи вещей, которое даже и не знаетъ средняго рода, а отмѣчаетъ ихъ либо мужскимъ, либо женскимъ, и притомъ не только въ существительныхъ именахъ, но и въ глагольныхъ окончаніяхъ *.

Языки и у Арійцевъ и у Симитовъ органическіе, слова такъ же видоизмѣняются у нихъ преобразованіемъ внутри и придатками вконцѣ или вначалѣ; но тамъ грамматическія формы преимущественно лежатъ въ окончаніяхъ, здѣсь же, напротивъ, въ самомъ лонѣ словъ, въ ихъ нутрѣ. Вотъ почему и можемъ мы заключить вмѣстѣ съ Густавомъ Бауромъ: «Индогерманцы съ рѣшительнымъ перевѣсомъ употребляютъ въ дѣло внѣшнія и матеріальныя средства «языкообразованія, а Симиты—средства внутреннія и духовныя, проявляя въ «этомъ, и тѣ и другіе, особенность своего духа. Первые обличаютъ преимущественно пластическое настроеніе, экстенсивное направленіе на предметъ «или объектъ, при чемъ пользуются съ величайшею свободой самыми разнообразными средствами, для того чтобъ сдѣлать рѣчь возможно-совершеннымъ «изображеніемъ предмета; симитскій духъ надѣленъ въ особенности музыкальнымъ смысломъ, онъ крѣпче держится за первичное субъективное созерцанье и старается выразить видоизмѣненія его только разными оттѣнками соотвѣтственнаго ему слова, пользуясь для того тѣми единственно «элементами, которыя представляетъ послѣднее. Индогерманскій народный «духъ отличается разнообразіемъ употребляемыхъ имъ средствъ и организаторскою силою, съ какою онъ ихъ себѣ покоряетъ; симитскій — замысловатостью, тонкостью и послѣдовательностью въ умѣньи обойдтись тѣми не

* Какъ въ прошедшемъ нашихъ русскихъ глаголовъ.

«столь многочисленными средствами которыя допускаются его самоограниче-«ніемъ, но которыя именно поэтому такъ глубоко-задушевны. Индогерма-«нецъ весь обращенъ къ объекту, чтобы передать его какъ можно вѣрнѣе; «Симитъ же крѣпче держится за само словесное выраженіе, въ которомъ «отразилось впечатлѣніе объекта на субъектъ, и если онъ разработываетъ «его далѣе, то не иначе какъ по въ немъ же самомъ лежащимъ условіямъ. «А щепетильное остроуміе, съ какимъ это у него дѣлается, въ сущности вѣдь «та же самая сила, которая такъ тонко отличаетъ форму отъ содержанія и «характерное отъ неважнаго, и изъ-за которой человѣчеству именно и при-«лось ждать Симитовъ, чтобы они первые, геніальнымъ своимъ взглядомъ, «превратили сбивчивую пестроту образнаго письма въ простую и удобную «буквицу, или чтобы они же первые, простымъ изобрѣтеніемъ векселей, по-«ложили начало тому громадному денежному обороту которымъ заправляютъ «и до сего времени».

Строй рѣчи у Симитовъ не знаетъ ни той періодической полноты, ни того искуснаго сплетенія, посредствомъ которыхъ арійскіе языки выражаютъ и сводятъ въ одно расчлененное цѣлое взаимную связь мыслей, съ логическою отчетливостью и ясностью и съ тонкимъ обозначеніемъ всѣхъ мельчайшихъ оттѣнковъ; онъ прямо приставляетъ одно предложеніе къ другому, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ возникаютъ въ душѣ представленія; и здѣсь также непосредственному участію говорящаго приходится намекать въ живомъ словѣ на ближайшія подробности, на дорисовывающія черты. Наконецъ еще одно различіе: какъ, въ противуположность замкнутому въ себѣ симитскому характеру, Арійцы обнаруживаютъ болѣе разнообразія въ постепенностяхъ историческаго развитія своей жизни, такъ точно, въ свою очередь, симитская рѣчь остается при неизмѣнныхъ элементахъ своихъ согласныхъ, тогда какъ напротивъ всѣ арійскіе языки, проявляя въ органической послѣдовательности то обильный формами, цвѣтущій юношескій періодъ, то сдержанную и отчетливую уже зрѣлость мужества, измѣняются въ составѣ своемъ до того, что позднѣйшимъ поколѣніямъ необходимо бываетъ изучать рѣчь предковъ чтобы уразумѣть ее.

Симитство было колыбелью трехъ религій исповѣдывающихъ единаго Бога-духа и представляющихъ себя откровеніемъ его. Религіозная истина пріобрѣла себѣ здѣсь чистѣйшее и обширнѣйшее выраженіе и перешла отсюда къ самимъ Арійцамъ: Моисей — законодатель, Могаммедъ — пророкъ, Христосъ — искупитель не для одного Востока, но и для Запада. Какъ скоро человѣкъ живо чувствуетъ или ясно мыслитъ божественное, онъ тотчасъ же постигаетъ его самосознательнымъ единствомъ; многобожіе противорѣчитъ идеѣ безконечнаго, и одна только самость возможна сама собою и независимо отъ чего бы то ни было; о безсамномъ, чисто-объективномъ приходится сказать, что оно постольку лишь и есть, поскольку составляетъ предметъ для другого, для субъекта (о немъ вѣдающаго). Совѣсть можетъ чувствовать себя обязанной только въ отношеніи къ нравственному законодателю. И если самочувствующая, постигающая себя энергія мысли и воли, то-есть такъ-называемая субъективность, отмѣтила Симита всею своей глубиной, то ему естественно было созерцать въ Богѣ идеалъ своей собствен-

ной сущности, и понятно что онъ прежде всѣхъ другихъ народовъ возвысился надъ многобожіемъ и надъ культомъ частныхъ силъ природы. Подвигъ этотъ со временъ Авраама былъ дѣломъ великихъ личностей, онъ завершился борьбой пророковъ съ идолопоклонствомъ въ школѣ страданія; мысль истины очистилась въ нравственной работѣ духа, и все племя постепенно взошло на высшую ступень. Наклонность къ единобожію встрѣчаемъ мы даже и у языческихъ Симитовъ; Ренанъ только слишкомъ ужь налегъ на эту черту и дошелъ до той болѣе кажущейся, нежели дѣйствительной противоположности, что будто бы Арійцы чисто многобожное, а Симиты единобожное племя; что на симитскій взглядъ природа безжизненна, что онъ совлекаетъ покрывало съ божества и достигаетъ безъ всякихъ умствованій до чистѣйшей религіозной формы; пустыня, по словамъ его, единобожна: высокая въ неизмѣримомъ своемъ однообразіи, открываетъ она человѣку идею безконечнаго, но не чувство безпрерывно творящей жизни, внушаемое другимъ племенамъ плодоносной природою; вотъ почему, говоритъ онъ, Аравія всегда была твердыней монотеизма. Но развѣ (у Симитовъ же) за предѣлами Аравіи не привился къ плодоносію влажно-теплыхъ долинъ совершенно чувственный культъ Милитты, чѣмъ кстати опровергается и другое положеніе Ренана, будто бы Симитъ неспособенъ постигнуть въ Богѣ родоразличіе? Напротивъ, пàрная сопостановка бога съ богинею и есть именно отличительная черта Симитовъ; къ постиженію творческаго и воспріемлющаго, духовнаго и естественнаго начала въ богѣ именно и ведетъ дѣйствующая заодно противоположность неба съ землею; но влеченіе симитскаго духа къ единству обнаруживается, кромѣ признанія духовно-единаго, еще въ томъ, что оба вышеномянутыя начала принимаются лишь за двѣ стороны одного и того же, и единое божество натуралистически возвышается какъ женственно-мужское надъ всякимъ полоразличіемъ, богиня облекается въ мужскія одежды, а богу придается женская грудь. И если чаемый въ божествѣ благодатный и губительный элементъ, который думали созерцать въ огнѣ, въ живительномъ теплѣ весенняго и палящемъ зноѣ лѣтняго солнца, и которому поклонялись иногда подъ двумя разными кумирами, то и здѣсь проявляется опять стремленіе свести ихъ къ единству, признать за двойственную—дѣятельность одного и того же существа, и дѣло творчества, и дѣло изгубленья. Единство, какъ нѣчто первичное, находимъ мы также и у Арійцевъ, — Заратуштра только возстановилъ его въ поклоненіи Агурамасдѣ; въ Ведахъ, какъ и у греческихъ пѣвцовъ, господствуетъ стремленіе обнять въ одномъ божествѣ всѣ остальныя, и какъ, съ одной стороны, браманство и буддизмъ выдвигаютъ единое вѣчное и истинное бытіе передъ множественностью міра и призрачными его явленіями, такъ и мысль греческихъ философовъ тотчасъ приходитъ къ единому коренному началу, на которомъ держатся и небо и вся природа. Если Мёйсъ (Muys) говоритъ что все древнесимитское богослуженіе отнюдь не было обожаніемъ природы, а отличалось чистою духовностью, то взглядъ этотъ основанъ на томъ соображеніи, что верховный богъ зовется тамъ не по какому-либо предмету или стихіи, а прямо господомъ и царемъ; въ немъ высказана та всеобщая истина, что первоначально человѣчество не обожаетъ внѣшнихъ вещей, а только видитъ въ великихъ явленіяхъ природы откровеніе божественной идеи, какъ единаго самосущаго, и чтитъ въ этихъ явлені-

яхъ вовсе не нхъ предметность, а царящую въ нихъ силу и мощь. Но у Симитовъ же произошло и то, что идея божества соединялась съ небеснымъ свѣтомъ, съ солнцемъ, со звѣздами, съ огнемъ, съ жизнью природы; вотъ почему еврейскій законъ и остерегаетъ человѣка засматриваться на звѣзды и на солнце, да не впадетъ онъ во искушеніе служить имъ; вотъ почему Іовъ въ своей скорби задается вопросомъ, развѣ заглядывался онъ на свѣтлое теченіе мѣсяца, развѣ поклонялся ему какъ владыкѣ?

Разность между Симитами и Арійцами можно поэтому обозначить такъ, что среди первыхъ религіозное чувство рѣшительно поднялось отъ язычества къ единобожію, и что въ самомъ даже язычествѣ всегда замѣчалась у нихъ преобладающая наклонность къ единству; чтожь за тѣмъ касается собственно миѳологіи, то въ пластическомъ, устремленномъ на внѣшній міръ духѣ Арійцевъ она нашла себѣ гораздо болѣе обильнаго и свободнаго излагателя нежели у Симитовъ; послѣдніе хотя и признавали Бога въ природѣ, но всегда преимущественно имѣли въ виду отношеніе къ нему человѣка и высказывали символически только то что считали важнымъ въ этомъ смыслѣ; напротивъ того Индійцы, Эллины, Германцы почерпали изъ всей полноты естественныхъ и бытовыхъ явленій матерьялъ для своей религіозной поэзіи; духовной личности боговъ придали они свободное жизнеразвитіе на поприщѣ самостоятельныхъ дѣйствій, а многоразличныя событія природы и исторіи стремились свести къ нхъ идеальному источнику, божественному началу, и тѣмъ самымъ такъ многосторонно и осязательно опредѣлили послѣднее. Великія области и циклы духовной и естественной жизни берутся здѣсь въ ихъ попарномъ соотвѣтствіи, но тѣмъ больше удерживаются врознь, тѣмъ яснѣе различаются, и надъ каждымъ изъ нихъ признается власть того или другого отдѣльнаго божества, хотя конечно болѣе глубокая вдумчивость видитъ во всѣхъ этихъ божествахъ опять-таки только откровенія и частные проблески вѣчно-единаго. Но что́ совершается въ иныя минуты высокихъ душевныхъ порывовъ или что̀ на ряду съ народною религіей творитъ подчасъ философская мысль, — именно возстановленіе нарушеннаго многобожіемъ единства, — то выступаетъ у Симитовъ, даже и среди язычества, гораздо явственнѣе въ формахъ самаго культа, хотя, надобно признаться, иногда и грубо-чувственнымъ образомъ. У нихъ религіозность прямо овладѣваетъ душой поэтовъ и мыслителей, тогда какъ у Арійцевъ порожденія ея служатъ только свободно обдѣлываемымъ, разработываемымъ и даже переиначиваемымъ матерьяломъ; той свѣтлой и ясной вольности, съ какою Гомеръ относится къ своимъ богамъ, не найдемъ мы у Симитовъ точно такъ же какъ не было у нихъ и пластиковъ которые формовали бы боговъ по идеалу красоты: всегда и вездѣ царитъ тамъ по преданью завѣтная символика. Симиты постигаютъ въ природѣ и изображаютъ въ миѳѣ внутреннюю силу и сущность божественнаго, тогда какъ Арійцы не нарадуются вполнѣ сложившимся внѣшнимъ явленіемъ, украшаютъ богатствомъ его свои миѳы и черезъ него даютъ опять соотвѣтственную видимость идеальному въ немъ существу. Какъ у Симитовъ во всемъ больше теплоты, а у Арійцевъ больше свѣта, такъ и въ солнечныхъ богахъ у первыхъ преобладаетъ живительная теплота и пагубная сила зноя, а у вторыхъ — свѣтъ и побѣда его надъ мракомъ. И если обиліе формъ и безконечно расширяющееся сложеніе

былинъ столько же отличаетъ арійскую миѳологію, сколько, съ другой стороны, представляетъ ее какъ бы игрой фантазіи и заслоняетъ глубокую важность религіозной думы граціозностью изображенія; то, совсѣмъ напротивъ, субъективная возбужденность Симита въ религіозномъ культѣ обнаруживается съ крайней силою его тѣснѣйшимъ отношеніемъ къ богу и богамъ, такъ что намъ бываетъ иногда трудно перенестись въ его настроеніе. Страхъ гнѣва Божія доходитъ до усилій примирить его съ собою черезъ пожертвованіе ему наилучшимъ добромъ своимъ, такъ что отецъ отдаетъ на сожженіе собственныхъ дѣтей; желаніе уподобиться двуполому божеству не только облекаетъ жрицу въ мужское вооруженіе, но и побуждаетъ жреца, среди неистовыхъ праздничныхъ оргій, собственноручно лишать себя своего мужества; то же стремленіе приравняться плодучей жизнедатной богинѣ доводитъ непорочныхъ дѣвицъ до жертвы своей чистотой въ ея святилищѣ. Эти ужасы — только вѣдь плотское заблужденіе того же самого религіознаго побуда, который въ духовномъ своемъ направленіи вызываетъ жертвовать своекорыстной волею, уподобляться святостью самому Богу, любить его и не щадить жизни для блага человѣчества. Пламенная ревность, съ какой Илія побиваетъ жрецовъ Баала, или съ какой могаммеданинъ во славу Божію бросается въ пылъ сраженія, та несокрушимая вѣрность, съ какою Еврей, не смотря ни на какія гоненія въ древнее и новое время, крѣпко держится за вѣру своихъ отцовъ, крестная смерть Христа и пламенное одушевленіе учениковъ его, повліявшее на міръ съ такой необоримой силою, — все это доказываетъ преобладаніе религіозной идеи у Симитовъ; ясный, лучезарный свѣтъ лежитъ у нихъ рядомъ съ мрачной тѣнью, но они тѣмъ не менѣе вжигатели и носители религіознаго свѣта для всего человѣчества.

Зато этотъ именно религіозный смыслъ вреденъ въ научномъ отношеніи, увлекая духъ Симитовъ къ тому что помимо всѣхъ посредствующихъ причинъ онъ прямо восходитъ къ первопричинѣ, къ волѣ Божіей, и видитъ перстъ его непосредственно во всемъ. Ему чужда неустанная изыскательность Арійца, который спрашиваетъ не только о томъ чтó такое вещь для насъ, но хочетъ узнать чтó такое она сама въ себѣ и собственно ради ея. Симитъ успокоивается на словѣ: Богъ великъ, Богъ знаетъ! больше ему ни чего не нужно. Онъ слѣдуетъ авторитету своего пророка даже и тамъ, гдѣ Индіецъ, Грекъ, Германецъ философствуютъ, основывая свое міросозерцаніе на самостоятельной работѣ мысли. Остроуміе его услаждается въ тонкомъ до мелочности дробленіи понятій, субъективная фантазія въ ѳеософическихъ грезахъ; нравственное отношеніе духа къ божеству интересуетъ его болѣе природы, которой изученіе цѣнитъ онъ развѣ лишь относительно врачебнаго искусства, а звѣзды наблюдаетъ только для того чтобы предрекать по ихъ положенію судьбу человѣка. Темное чаяніе органической цѣлостности міра не ведетъ его при этомъ далѣе произвольныхъ мнѣній и домысловъ; тогда какъ Аріецъ не успокоится до тѣхъ поръ пока хаосъ передъ пытливымъ его умомъ не просвѣтлѣетъ въ благоустроенный космосъ, пока онъ не изучитъ свойство любой частности и не убѣдится что все видимое имъ разнообразіе дѣйствуетъ въ общемъ гармоническомъ ладу. Помыслы о природѣ и исторіи подаютъ Арійцу первый поводъ къ постановкѣ вопросовъ

опытныхъ и критическихъ, съ тѣмъ чтобъ изъ отвѣтовъ на нихъ добиться объективной истины. Только въ соприкосновеніи съ Арійцами, оплодотворяясь ими и живя въ ихъ атмосферѣ, средневѣковые Арабы, а въ новѣйшую эпоху, со временъ Спинозы, Евреи, могли принять живое участіе въ успѣхахъ научной жизни.

Услаждающійся формами предметовъ, живущій въ созерцаніяхъ духъ Арійцевъ, и въ древности и въ новыя времена создалъ чудеса въ изобразительномъ искусствѣ; божественному и идеальному придавалъ онъ соотвѣтственный, а не намекающій только обликъ; естественное и данное успѣшно приводилъ къ гармоническому завершенію, и воспроизводя міръ, умѣлъ выставить его первообразъ. Архитектура, пластика, живопись развились у него органически вмѣстѣ съ общимъ ходомъ культуры, и цѣлью ихъ была красота. Полнаго и соразмѣрнаго выраженія внутренности совокупнымъ внѣшнимъ проявленьемъ никогда не достигали Симиты, мало того — даже и не стремились къ этому; они довольствуются символизмомъ; художественное сочетаніе духовнаго содержанья съ чувственно-пріятною формой замѣняется для нихъ дорогимъ матерьяломъ и практической цѣлесообразностью. Богъ-духъ остался у нихъ безъ образа, естественнымъ богамъ придавъ видъ грубо-символическихъ кумировъ. Направленные болѣе къ непосредственному ощущенію жизни естества, нежели къ созерцанію бытія въ вѣчныхъ его формахъ, они поражаются отсутствіемъ этой жизни въ изображеніи. При взглядѣ на рисованую рыбу одинъ Симитъ замѣтилъ художнику: «Что «отвѣтишь ты, когда въ судный день она возстанетъ на тебя съ жалобой, «что ты далъ ей тѣло, и не далъ живой души?» Симитская фантазія слѣдитъ рьянымъ полетомъ за быстрой смѣной представленій въ глубинѣ души и передаетъ ее вереницей яркихъ образовъ; у нея нѣтъ на столько спокойствія, чтобы равномѣрно провести каждую подробность; у нея нѣтъ того уваженія къ объекту, той безкорыстной любви къ міру явленій, что готовы самоотверженно углубиться въ дѣйствительность; зато она произвольно смѣшиваетъ разнообразнѣйшія формы вещей для намека или указанія на собственныя свои думы и особенно любитъ вдаваться въ затѣйливую игру линій и фигуръ, одна изъ другой возникающихъ и переплетающихся между собою. Пріемъ этотъ по имени Арабовъ прозванъ арабескомъ, по такимъ же образомъ украшены были утварь и одежды древнихъ Вавилонянъ и Ассирійцевъ, доставившія, въ свою очередь, орнаментные мотивы Эллинамъ. Подъ арійскимъ вліяніемъ основывались по Эвфрату и Тигру государства, сооружались постройки, работались изваянія. Съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Г. Бауръ, даже и строгій запретъ изображеній Кораномъ не помѣшалъ Персіянамъ и Туркамъ слѣдовать врожденной имъ любви къ изображеніямъ и разноцвѣтнымъ узорамъ въ самыхъ рукописяхъ этой священной книги, тогда какъ важно-настроенный Арабъ и донынѣ брезгаетъ такимъ суетнымъ, нечестивымъ украшеніемъ.

Строй и движеніе внутренней жизни выдаютъ себя въ звукѣ и голосѣ, духъ обнаруживаетъ энергію своей мысли и воли въ словѣ; ритмъ и согласіе уряжаютъ потокъ звуковъ и словъ въ выразительное изящество. По природѣ своей Симиты наклонны къ пѣнію и дару слова. Въ лирикѣ, этомъ

искусствѣ субъективной душевной жизни, создали они великолѣпныя, образцовыя произведенія, выливается ли въ нихъ непосредственно ненависть и любовь, мужество и жалоба, скорбь и радость, или раскрываются въ высказываемыхъ ими представленіяхъ борьбы, муки и наслажденія души. Личность здѣсь средоточіе всего сущаго, источникъ всѣхъ возможныхъ ощущеній, весь міръ помысловъ и вещей получаетъ вѣсъ только смотря по тому какъ отзывается онъ въ сердцѣ. Сколь ни разнообразно просвѣчиваетъ жизнь въ пѣснѣ Симитовъ, лирика, при глубокой религіозности ихъ характера, развилась у нихъ всего совершеннѣе и богаче на религіозной почвѣ; здѣсь, въ изліяніи чувствъ и думъ, сдѣлалась она можно-сказать образцовою и пронесла свои торжественные звуки по всѣмъ временамъ и по всѣмъ культурнымъ народамъ. Напротивъ того Арійцы съ весьма раннихъ поръ умѣли вѣрно и вмѣстѣ изящно отражать дѣйствительность въ спокойной глубинѣ своего созерцательнаго духа и скоро вступили на путь объективной поэзіи; врожденная имъ пластическая и архитектоническая художественность повела ихъ къ постройкѣ народнаго эпоса изъ того обильнаго запаса пѣсень, гдѣ богатырскіе облики ихъ юношеской поры изображались каждый въ свойственной ему силѣ и сущности. Зато они и не останавливались на одномъ изліяніи внутренняго чувства, а показывали какъ оно обнаруживается дѣломъ и словомъ, съ какой силою врывается въ дѣйствительность, какъ въ добромъ или худомъ исходѣ своихъ поступковъ уготовляетъ себѣ свою собственную судьбу; такъ пришли они къ развитію драмы, картинѣ взаимнодѣйствія личностей между собою и съ окружающею ихъ общественною обстановкой. У Симитовъ эпическій и драматическій элементъ или вовсе не выдѣлились изъ лирики, или же изъ нихъ развернулась религіозная исторія, имѣющая цѣлію изобразить какъ Богъ ведетъ неисповѣдимыми путями цѣлый народъ или отдѣльную какую-нибудь личность. Симитскому поэту недоставало того самозабвенія, всилу котораго эпикъ и драматикъ вполнѣ отдаются своему дѣлу, переносятся въ чужія положенія, въ чужія мысли и сердца, и выпускаютъ изъ рукъ свое созданіе совершенно самостоятельнымъ и свободнымъ. Онъ всегда остается больше личнымъ его носителемъ; обыкновенно даже самъ герой выступаетъ у него пѣвцомъ своихъ собственныхъ подвиговъ, повѣдываетъ что́ онъ совершилъ и претерпѣлъ, и притомъ всегда съ чувствомъ скорби или радости, не съ тѣмъ безтревожнымъ равнодушіемъ, съ какимъ люди озираютъ прошлое и чужое, услаждаясь больше всестороннею и вездѣ соразмѣрною картиной, а напротивъ съ страстной возбужденностью, быстро перескакивающей отъ одного предмета къ другому и останавливающейся долѣе только на томъ, гдѣ есть мѣсто излиться собственному настроенію. Тамъ же, гдѣ искусство разскащика вызываетъ больше одна словоохотливость, онъ обыкновенно пускается въ міръ фантастическихъ грезъ, не связанный ни временемъ, ни пространствомъ, ни законами дѣйствительности, и даетъ въ немъ полную волю воображенію со всѣми его чарами и чудесами: это уже сказка, арабескъ поэзіи, которая ни гдѣ не развернулась такъ богато и блистательно какъ у Арабовъ.

Всякая первобытная лирика необходимо — пѣніе; возбужденная душа сопровождаетъ быструю смѣну чувствъ соотвѣтственной чередою звуковъ, и даетъ въ мелодіи внутреннему настроенію ритмически развитое и закончен-

ное въ себѣ выраженье. Симиты любятъ пѣніе и сопровождающій его звукъ инструментовъ. Но углубиться въ гармонію и, въ самобытно музыкальныхъ художественныхъ созданіяхъ, воспроизвесть картину природы и духа съ ихъ живымъ развитіемъ, съ борьбой и съ дружнымъ дѣйствіемъ ихъ разнообразныхъ силъ, было дѣломъ Арійцевъ, правда только уже въ зрѣлую пору новаго времени и на основѣ той религіи которая досталась имъ черезъ посредство Симитовъ.

ДРЕВНІЙ ВАВИЛОНЪ.

Источники Эвфрата лежатъ на сѣверъ, источники Тигра на югъ отъ армянскихъ горъ; миль на сто выше устья, рѣки эти сходятся ближе и обтекаютъ промежуточную равнину, оплодотворяемую ежегодными ихъ разливами. Благословенный этотъ край не только что гораздо шире нильской долины, но онъ притомъ и не такъ рѣзко отграниченъ песками пустынь и горнокаменными скалами какъ Египетъ, а потому болѣе открытъ всемірному общенію. И здѣсь какъ будто бы сама напрашивается на воздѣлку роскошнѣйшая почва, а стихіи вызываютъ сообразительность и трудъ, чтобы урядить ихъ; воды напираютъ здѣсь бурливѣй и неправильнѣй, требуя поэтому крѣпчайшихъ плотинъ, обширнѣйшихъ водоемовъ, длиннѣйшихъ каналовъ нежели въ Египтѣ. Земля и народъ не такъ сперты, не такъ замкнуты, да и духъ самъ по себѣ подвижнѣй.

Древнѣйшее изъ западно-азійскихъ царствъ основано при Эвфратѣ, въ Вавилонѣ. Еврейское преданіе называетъ основателемъ его Кушита Немврода (Нимрода), внука Хамова. Это указываетъ на южное какое-нибудь племя и на нить, связывающую такъ или иначе съ Египтомъ. Достовѣрно переселеніе Халдеевъ съ сѣверныхъ высотъ въ богатую низину; замѣтимъ что владыки и жрецы Вавилона называются Халдеями. Культура вообще симитская, хотя выростшая на древнѣйшей основѣ и не избѣгшая потомъ арійскихъ вліяній. Она восходитъ къ 3-му тысячелѣтію до Р. Х.

Бабель (по-гречески Бабилонъ или Вавилонъ) зовется городъ Бела. Въ Белѣ (Баалѣ, Ваалѣ), владыкѣ неба, находимъ мы не только сохраннымъ, но уже и выработаннымъ первичное созерцаніе человѣчества: божество познается здѣсь въ свѣтломъ всеобъемлющемъ небѣ, которое принимается за проявленіе и символъ духовнаго могущества. Ему покланяются на высяхъ, такъ какъ и само оно царитъ превыше облаковъ; свыше даетъ оно законъ и природѣ и людямъ. Ясныя ночи вавилонской равнины навели на наблюденіе свѣтилъ, на различеніе звѣздъ неподвижныхъ и переходныхъ (планетъ), на

подмѣту связи ихъ положенія и солнечнаго хода съ чередою годовыхъ временъ, съ рѣчными разливами, вообще съ событіями на землѣ. Такимъ образомъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды явились главными опорами міропорядка, знаменіями воли божеской, и на вселенную стали уже смотрѣть какъ на организмъ, котораго всѣ части находятся между собой въ тѣснѣйшемъ соотношеніи. Жрецамъ выпала на долю задача узнавать ближе этотъ организмъ, истолковывать по небеснымъ явленіямъ судьбы земныя, и направлять по ихъ указанію всѣ предпріятія. Въ различныхъ планетахъ стали видѣть носителей (если не причинниковъ, то посредниковъ) благотворныхъ или вредныхъ вліяній; такъ же и въ большихъ созвѣздіяхъ. Полагали что солнце испытываетъ на себѣ дѣйствіе тѣхъ изъ нихъ къ которымъ оно ближе подходитъ, и такимъ образомъ уподобляется по очереди то одному, то другому. Вавилоняне изслѣдовали небо не изъ-за него самого, а изъ-за человѣческихъ цѣлей; оттого и не дошли они до научной астрономіи, а сбились на астрологію, въ которой фантазія ихъ сопрягала земныя событія съ небесными, выводила общія правила изъ случайныхъ совпаденій и изъ единичныхъ удачъ, смѣшивая при этомъ одновременность съ причинностью, и думала заранѣе распознать и предопредѣлить судьбу человѣка изъ положенія и хода небесныхъ свѣтилъ. Самъ Белъ представлялся имъ въ солнцѣ, воплощеніи и носителѣ свѣта съ оживляющею его силою; Белу поклонялись они и въ крайней изъ тогдашнихъ планетъ, Сатурнѣ, которая, обтекая всѣ остальныя звѣзды на небѣ, проявляетъ собой всеобъемлющее существо. Нѣкоторыя изъ неподвижныхъ звѣздъ считались совѣтчицами, другія судьями; въ планетахъ преимущественно видѣли провозвѣстниковъ божьей воли. Онѣ боги, какъ особыя силы, которыя соединяетъ въ себѣ Белъ; это единеніе въ божествѣ разнообразнаго высказано и въ еврейскомъ словѣ Элогимъ. *

Вѣрность наблюденій и свойственный Симитамъ острый умъ, при всей фантастичности такихъ зачатковъ, настолько выработали однакожь самую астрономію что Халдеи славились этимъ во всѣ древнія времена, и что отъ нихъ перешли въ Европу знаки зодіака, точно такъ же какъ ихъ практическій и цѣлесообразительный смыслъ впервые учредилъ общую монету, мѣру, вѣсъ, и передалъ ихъ, путемъ торговли, Персамъ, Финикіянамъ и Грекамъ.

Первобытное величіе поэтическаго взгляда на міръ, какъ на всецѣлый организмъ, получаетъ себѣ религіозное освященіе отъ той мысли, которая видитъ въ немъ откровеніе божества и верховной его воли; божество остается въ чистой высотѣ своей, какъ безконечная мощь, властвующая и проявляющаяся въ свѣтѣ и блескѣ звѣздъ и солнца. Вотъ истина, лежащая въ основѣ звѣздослуженія и звѣздочетства. Что духъ и въ богѣ немыслимъ безъ природы, что начало творчества, формаціи, познанія предполагаетъ и ведетъ съ собой начало пріимчивости, вещественности, опредѣлимости, это чуяли и Халдеи и даже прямо высказали тѣмъ, что обруку съ небеснымъ божествомъ поставили богиню земной природы, обруку съ Беломъ Милитту. Она чисто-женскій элементъ, пріимчивая и рождающая богиня, которая проявляетъ себя въ плодоносіи земли и воды. Это природа, прыщущая побѣ-

---

* Множественное отъ Элоа, божество, съ собирательнымъ, объединяющимъ значеніемъ.

гами въ растеніяхъ, кишащая рыбами въ морской пучинѣ, питающая бездну животныхъ и въ воздухѣ и на землѣ; плодучая сама, она и даруетъ плодучесть. Въ небѣ является она луной, свѣтомъ кроткой ночи, настоящей поры любви. Ей поклонялись въ зелени рощъ, надъ прохладными водами. Она сдѣлалась богиней любовной страсти, и не терпѣла безплоднаго цѣломудрія. И какъ Евреи слышали отъ духовнаго своего бога высокій призывъ: «Будьте святы, потому что я святъ!» — такъ тотъ же самый религіозный духъ влекъ почитавшихъ природу Симитовъ уподобляться божеству ихъ, Милиттѣ, а она требовала отъ женщинъ жертвы цѣломудріемъ. И вотъ дщери Вавилона сидятъ по праздникамъ ея длинными рядами въ посвященныхъ ей рощахъ, какъ разсказываютъ пророкъ Варухъ и Геродотъ; на головахъ у нихъ веревочные вѣнки въ знакъ того, что онѣ крѣпки богинѣ; онѣ ждутъ для служенія ей, чтобъ подошелъ мужчина; онъ бросаетъ въ лоно имъ золотой, и отдавшись ему, онѣ тотчасъ же несутъ монету Милиттѣ. Насъ коробитъ отъ этого безнравственнаго богослуженія, но такая крайняя послѣдовательность заблуждающейся мысли развѣ не доказываетъ силы религіозной идеи даже и у Симитовъ язычниковъ? Многобожіе началось у нихъ тѣмъ, что они сопоставили рядомъ два начала божественной жизни, въ качествѣ личностей, выпустивъ при этомъ изъ виду первоначальное единство и понявъ его только уже какъ позднѣйшее за тѣмъ единеніе обоихъ этихъ началъ; природа получила такимъ образомъ ложную и одностороннюю самостоятельность, и вмѣсто сопроникновенія нравственнаго съ чувственнымъ въ истинной любви, слѣдствіемъ была ужаснѣйшая смѣсь священнаго съ плотской похотью, приведшая народъ къ безстыдному разврату.

Племенное сродство Халдеевъ съ Евреями просвѣчиваетъ въ картинѣ мірозданія и великаго потопа. Белъ разсѣкаетъ хаотическій мракъ, отдѣляетъ землю отъ неба, творитъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды и указываетъ имъ пути ихъ. Онъ создаетъ животныхъ, а потомъ самъ отсѣкаетъ себѣ голову; боги смѣшиваютъ текущую кровь съ землею и лѣпятъ человѣка; кровь эта надѣляетъ его жизнію и разумомъ. Еврейскій Богъ вдунулъ въ лицо человѣку свое собственное дыханіе, у Халдеевъ онъ одушевилъ его своею кровью; взглядъ послѣднихъ натуралистичнѣе, и это простирается на всю сплошь идею о существенномъ общеніи бога съ человѣкомъ, на ту мысль что созданіе есть самопожертвованіе со стороны безконечнаго, входящаго такимъ образомъ въ конечные предѣлы. Если при этомъ говорится о другихъ богахъ кромѣ Бела, то они напоминаютъ намъ божественныя свойства, осамобытченныя у Евреевъ подъ видомъ силъ небесныхъ. Белъ источеніемъ своей крови не уничтожился, онъ продолжаетъ царить какъ верховный всему владыка; но живая сила его дѣйствуетъ и живетъ въ человѣкѣ.

О потопѣ Халдеи говорятъ, что Ксизуоръ получилъ во снѣ велѣніе отъ бога построить корабль для себя, своихъ дѣтей и сродниковъ, а также для птицъ и животныхъ. Насталъ потопъ. Когда началъ онъ сбывать, Ксизуоръ выслалъ птицъ на развѣдку. Не нашедши ни гдѣ пищи, ни насѣсти, прилетѣли онѣ обратно. Черезъ нѣсколько дней другія птицы воротились уже съ глиной на ногахъ. Пущенныя въ третій разъ, остались на волѣ. По этому Ксизуоръ узналъ что суша показалась съизнова. Корабль его сталъ на вер-

шинахъ горъ, онъ вышелъ изъ него съ своими спутниками, соорудилъ алтарь и принесъ жертву. Боги взяли его къ себѣ, и голосъ свыше призывалъ оставшихся по немъ къ благочестію.

Если въ Берозовомъ разсказѣ о мірозданіи говорится что праматерь всѣхъ вещей, хаотическая ночь, была полна чудовищныхъ двойственныхъ созданій, крылатыхъ двуспастныхъ людей, существъ состоявшихъ на половину изъ лошади, на половину изъ человѣка, что тутъ были и быки съ человѣчьими лицами, собаки и люди съ рыбьими хвостами, и если онъ прибавляетъ что изображенія ихъ хранятся въ капищѣ Бела, то въ этомъ скорѣе можно видѣть только одно,—какъ позднѣйшій писатель населяетъ неустроенный чреватый еще жизнью матерьяльный міръ тѣми идолами, которые уже стали ему непонятны. Подобно Египту, Вавилонъ обязанъ своимъ плодоносіемъ, богатствомъ, побудомъ къ культурѣ — наводненіямъ; въ водѣ представлялся народу источникъ жизни, и присущія водѣ божественныя силы изображались въ видѣ рыбъ, но съ человѣчьей головой, символомъ духовнаго начала; такъ же точно двуполость указываетъ на преодолѣніе въ богѣ всѣхъ конечныхъ односторонностей, а помѣсь различныхъ формъ наводитъ на мысль о божествѣ, какъ одномъ и томъ же общемъ ихъ основаніи. Человѣчьи головы на рыбьихъ тѣлахъ видимъ мы и въ финикійскихъ кумирахъ, а вавилонское преданіе говоритъ о первобытныхъ рыболюдяхъ, съ какимъ-то Оаннесомъ во главѣ, которые принесли съ собой земледѣліе и добрые нравы, научили законамъ, искусствамъ, всякимъ знаніямъ, между прочимъ землемѣрію: все это миѳически выражаетъ ихъ образованность, связанную съ водною стихіей.

Въ книгѣ Бытія мы читаемъ что потомки Ноевы двинулись на востокъ, пришли въ Сеннарскую равнину и сказали другъ другу: станемъ дѣлать кирпичи и обжигать ихъ. Кирпичи замѣняли имъ камень, а горная смола — известь. Тогда они вздумали: давайте, построимъ городъ и такую башню, чтобы она верхушкой доходила до небесъ; этимъ мы соорудимъ себѣ памятникъ. — Въ развалинахъ Вавилона и теперь еще есть груда щебню, извѣстная подъ именемъ Бирсъ-Нимрода, то-есть Немвродова холма; тамъ открыли обѣтную надпись Небукаднезара (Навуходоносора), который по всей вѣроятности былъ только возстановителемъ древней постройки, равно какъ и древняго царства вавилонскаго. Громада, съ которой связано преданіе о вавилонской башнѣ, была капищемъ или храмомъ Бела; на высотѣ ея долженъ былъ чтиться небесный богъ, какъ чтился онъ на горныхъ вершинахъ прежняго отечества Халдеевъ. Греки повѣствуютъ намъ объ окруженномъ каменною оградой храмовомъ дворѣ, въ 3000 футовъ длиной и въ 4000 шириною; бронзовыя ворота вели внутрь его. Тамъ, на квадратной платформѣ въ 600 футовъ вышиною, поднималось на столько же футовъ осьмиярусное зданіе уступами, такъ что надъ каждымъ изъ квадратовъ былъ возведенъ другой поменѣе и заполненъ кирпичемъ; снаружи шла вокругъ доверху лѣстница съ перилами, на площадкахъ которой устроены были лавки для отдохновенья; все вмѣстѣ походило не столько на башню, какъ на уступчатую пира́миду. Только въ самомъ верхнемъ этажѣ находилась храмина съ золотымъ алтаремъ и богато-изукрашеннымъ ложемъ для бога. Во впадинѣ ниж-

няго этажа сидѣлъ на престолѣ золотой его кумиръ, передъ нимъ былъ жертвенникъ, а передъ впадиной на открытомъ воздухѣ находились еще два жертвенника для закланія животныхъ. Нижній ярусъ башни и теперь еще высится на 260 футовъ изъ-подъ щебня и развалинъ. Это было самое высокое и массивное сооруженіе въ цѣломъ мірѣ. Зданія царскаго дворца занимали пространство въ 12,000 футовъ объемомъ. Ограда, стѣны, башни украшены были изваяніями, представлявшими охоту царя на львовъ и царицы на барсовъ. Вторая ограда съ вѣнцомъ изъ пестро-расписанныхъ рельефныхъ изображеній животныхъ высоко подымалась надъ третьею, наружною оградой. — Древности принадлежали повидимому и водяныя постройки, которыми оплодотворяющіе каналы проводились далеко вглубь страны и которыя доставляли имъ воду изъ рѣки даже подъемными колесами. Когда въ послѣдней половинѣ 2-го тысячелѣтія предъ Р. Х. мы распознаёмъ на египетскихъ изваяніяхъ между несущими дань народами Симитовъ, въ роскошныхъ уборахъ и одеждахъ, которыхъ изготовленіемъ славился Вавилонъ, то можемъ вывести отсюда заключеніе, что вавилонское могущество было впервые сокрушено побѣдоносными походами Рамессидовъ. Тогда столицею того края сдѣлалась Ниневія, и племя Ассирійцевъ стало господствующимъ; туда перенесена была вавилонская культура, не угасшая впрочемъ и на своей родинѣ. Здѣсь не было твердаго камня, какъ на Нилѣ; не было поэтому и основанія для такихъ твердыхъ и строгихъ формъ, какъ тамъ; зато нарождающаяся промышленность принялась за обжигъ кирпича, и вообще болѣе мягкій матерьялъ повелъ къ болѣе мягкимъ, размашистымъ формамъ, къ той игривости линейнаго узора, которой образцы сохранились на утвари, на стѣнахъ вавилонскихъ развалинъ, или на рельефахъ Ниневіи. Вавилоняне носили обыкновенно длинные нарядно завитые волоса, любили долгополыя одежды и носили искусно вырѣзанные жезлы или посохи, украшенные вверху яблокомъ, орломъ, розой или лилеей; то же самое находимъ опять и въ Ниневіи; тамъ стало-быть только разработываются далѣе и религіозныя идеи, и художественныя формы Вавилонянъ. Уже на египетскихъ памятникахъ древняго царства видимъ мы пестрыя одежды съ нарядным вытканымъ узоромъ, а памятники новаго царства представляютъ намъ изображенія вазъ и кубковъ, которыхъ размашистый профиль пускаетъ изъ себя арабесковыя формы животныхъ и людей, или по крайней мѣрѣ членовъ живого организма, тогда какъ въ игривыхъ линейныхъ узорахъ и въ искусномъ употребленіи растительныхъ орнаментовъ мы встрѣчаемъ уже и тѣ образцы, которые черезъ Ниневію и Финикію перешли потомъ даже къ Грекамъ.

НИНЕВІЯ И АССИРІЯ.

Начиная съ 13-го вѣка предъ Р. Х. новое господствующее племя и новый городъ возвысились въ Месопотаміи надъ Вавилономъ. Ассирія была область, простиравшаяся между Вавилоніей и Арменіей, между Тигромъ и хребтомъ Загръ; положеніе Ниневіи, защищенной рѣками и каналами, сдѣлало ее надежнымъ средоточіемъ воинскихъ предпріятій и вмѣстѣ узломъ многовѣтвистыхъ торговыхъ путей. Не только что построенный ими на Тигрѣ городъ Ассирійцы возвели на степень столицы всего междурѣчія и побѣдоносно перешли за предѣлы своего края, но и первые съумѣли надолго поддержать обширную имперію. Сказаніе, правда, приписываетъ уже основателямъ ея все то что̂ по свидѣтельству памятниковъ принадлежитъ цѣлому ряду государей; такъ Сеннахерибъ (около 740 г.) называетъ себя первымъ завоевателемъ Мидіи, которая и осталась повидимому границей этой державы къ востоку, тогда какъ на западъ она простиралась вплоть до Средиземнаго моря. Покоренные народы оставались подъ властію своихъ государей, но дѣлались данниками; частые мятежи постоянно держали верховныхъ владыкъ въ готовности взяться за оружіе. Вплоть до паденія государства (въ 647 г.) царствовало ихъ всего 25 въ теченіе 520 лѣтъ. Языкъ былъ симитскій; но на рубежѣ между Симитами и Арійцами дѣло такъ же не могло обойдтись безъ вліянія послѣднихъ, какъ не льзя, съ другой стороны, не признать и симитскихъ вліяній на Мидію. Небесному божеству, Белу, покланялись, какъ великому богу, какъ богу боговъ, и Ассирійцы; имя Ассаракъ указываетъ въ немъ покровителя Ассиріи; Библія называетъ его въ этомъ смыслѣ Нисрохомъ (въ славянской Месерахъ). Его-то чествуютъ цари на памятникахъ; онъ представляется парящимъ надъ ними, покровительствующимъ и благословляющимъ ихъ во всѣхъ дѣлахъ. Сверху—человѣкъ, внизу одѣтый птичьими перьями, вооруженный лукомъ, съ митрою на бородатой и кудрявой головѣ, выникаетъ онъ изъ окрыленнаго диска. Послѣдній является символомъ парящаго въ небѣ свѣтила дня. Одинъ рельефъ изображаетъ его, согласно Діодорову описанію, въ ходячемъ положеніи, съ четырьмя бычьими рогами на головѣ, съ сѣкирой въ правой рукѣ и съ перуномъ въ лѣвой. Бычачій обликъ Бела (Ваала) извѣстенъ намъ изъ Библіи, перунъ означаетъ небеснаго бога, а движеніе знаменуетъ въ немъ двигателя вселенной.

На ряду съ Беломъ мы видимъ богиню Белту; богиней войны слыветъ небесная дѣва Иштаръ (Астарте); богиня мѣсяца, Ашера, обозначается дискомъ поверхъ двурогой шапки. Дагонъ, водяной богъ, снизу рыба, сверху человѣкъ, изображается и въ видѣ человѣка одѣтаго рыбьей чешуею. Древніе цари назывались Деркетадами; Деркето слыла божественною ихъ матерью; она вѣроятно то же самое, что̂ Белта или что Милитта у Вавилонянъ. По западному преданію, Ассирійцы покланялись еще богу Сардану

или Сандону, котораго Греки называютъ Иракломъ; памятники представляютъ его укротителемъ львовъ. Златогривый левъ, звѣрь жаркаго пояса, въ ярости изображаетъ собой губительный зной солнца, побѣждаемый однакожь благотворнымъ для человѣка солнечнымъ божествомъ, когда наступаетъ опять прохладнѣйшее время года. Богъ преодолѣваетъ зловредность своей собственной силы въ ея символѣ, а иногда и въ самомъ себѣ: онъ самъ гибнетъ отъ солнечнаго зноя, чтобы потомъ возродиться сызнова. Въ Лидіи, въ Киликіи встрѣчается солнечный богъ Сандонъ, которому отправляли большое похоронное торжество и сооружали при этомъ костеръ для сожженія. При обозрѣніи Малоазійцевъ выясняются намъ лучше многія изъ этихъ миеическихъ фигуръ; любопытны относительно ихъ извѣстія древнихъ писателей, изъ которыхъ мы можемъ заключить что подобные же смѣсные образы и у Ассирійцевъ имѣли цѣлію чувственно онаглядить то единство божества, которое въ каждомъ изъ нихъ олицетворялось иначе. Далѣе мы видимъ что человѣкъ, жрецъ, долженъ былъ повозможности уподобляться своему богу. Жрецъ Ассарака на памятникахъ представляется одѣтымъ въ орла, съ головой и крыльями этой птицы; а по письменнымъ извѣстіямъ, служитель богини любви долженъ былъ брить себѣ какъ можно чище все лицо, холить его и носить женскіе уборы. И если бога Сандона облекали въ прозрачную женскую багряницу, то такую же одежду носили и его жрецы. Небесной богинѣ Деркето посвящены были голуби; не голубиными ли перьями окрыленъ солнечный дискъ Бела?

Передаваемое намъ Ктесіемъ сказаніе о началѣ и концѣ ассирійскаго царства представляетъ въ смѣси божескаго съ человѣческимъ то же упраздненіе половой противоположности: въ первомъ случаѣ мы видимъ мужеподобную Семираміду, въ послѣднемъ — женоподобнаго Сарданапала. Имена и Нина и Семирамиды встрѣчаются въ числѣ божескихъ именъ. Сказаніе дѣлаетъ перваго сыномъ Бела, а вторую — дочерью богини Деркето. Ее подкидываютъ еще ребенкомъ, но голуби ея матери охраняютъ ее крыльями и носятъ ей молока въ своихъ клювахъ. Дѣвочку находятъ и воспитываютъ пастухи, а потомъ выдаютъ ее за вельможу. Переодѣтая мужчиной Семирамида сопровождаетъ супруга на войнѣ, съ отрядомъ, обученнымъ взбираться на кручи, она овладѣваетъ бактрійской крѣпостью. Мужъ ея вѣшается съ отчаянья, когда, влюбившись въ нее, царь Нинъ беретъ ее себѣ въ жены. Она царствуетъ по смерти Нина и продолжаетъ его завоеванія, пока не улетаетъ съ стаей голубей: боги превратили ее въ голубя и взяли къ себѣ на небо. Сказаніе приписываетъ ей многія позднѣйшія постройки на Востокѣ. Многочисленные курганы въ Азіи слыли также Семирамидинскими: подъ ними, говоритъ сказаніе, погребены люди, пользовавшіеся ея любовью. Съ неодолимой богатырской силою соединяла она плѣнительную красоту: богиня войны и богиня любви слились въ ней воедино; но любовь ея смертоносна, силы произрожденія соединяются въ ней съ силами пагубы, она женщина способная на мужскія дѣла; въ ней опять-таки отражается то возсоединеніе божества, какое встрѣчаемъ мы въ Малой Азіи и которое, какъ видно изъ Семирамидина сказанія, господствовало также и у Ассирійцевъ. Потомки ея, изъ которыхъ многіе извѣстны намъ теперь за грозныхъ завоевателей, были будто бы, напротивъ, женоподобны, въ особенности Сардана-

налъ, который, по сказанію, проводилъ сластолюбивую жизнь свою въ женской одеждѣ; имя его напоминаетъ бога Сардана. И если, при паденіи своего царства, Сарданапалъ сожигаетъ самъ себя, какъ, по убѣдительному изложенію Дункера, уготовилъ для себя костеръ и Крезъ, то здѣсь онъ подражаетъ только самосожигающемуся и возрождающемуся изъ огня богу.

Изваянія нерѣдко представляютъ намъ поклоненіе древу жизни, которое у Евреевъ перенесено въ рай, и которое отзывается въ священномъ растеніи гомъ у Иранцевъ, въ золотыхъ яблокахъ безсмертія Гесперидъ и наконецъ въ ясени Игдразиль на сѣверѣ. Дерево стилизовано въ орнаментальномъ видѣ, точно какъ будто бы вѣтви его были связаны изъ лентъ.

Пророкъ Іона опредѣляетъ окружность Ниневіи въ три дня пути, а Діодоръ въ 12 миль (около ста верстъ). Какъ видно по грудамъ щебня, это было большое, обнесенное стѣной пространство, гдѣ дома стояли другъ отъ друга ближе или далѣе, и за тѣмъ оставалось еще мѣсто для садовъ и полей, такъ что при продолжительной осадѣ была возможность не только прокормить скотъ, но даже сѣять и собирать жатву. Весною 1843 г. извѣстный орьенталистъ Юлій Моль присовѣтовалъ французскому консулу Ботта начать правильныя раскопки, за которыя, съ другой стороны, принялся вслѣдъ за тѣмъ и Англичанинъ Лейярдъ; они отрыли обширные дворцы, а найденныя ими изваянія и надписи, поступившія въ парижскій и лондонскій музеи и потомъ обнародованныя въ отличныхъ изданіяхъ, вызвали изъ-подъ развалинъ наглядную картину жизни прошлаго за нѣсколько тысячелѣтій.

Сѣверозападный дворецъ въ курганѣ нынѣшняго Нимруда доселѣ слыветъ древнѣйшею изъ открытыхъ построекъ и относится по догадкамъ къ 10-му вѣку предъ Р. Х.; имя строителя прочтено: Ассаракбалъ. Самый Нимрудъ похожъ на укрѣпленный замокъ; это искусственная терраса, отъ 30 до 40 футовъ вышиной, съ которой лѣстницы ведутъ къ рѣкѣ Тигру. Такимъ же образомъ подняты надъ уровнемъ города и всѣ вообще крупныя постройки. Эсаргаддону (около 680 г.) приписываютъ югозападный дворецъ; одному изъ его внуковъ — юговосточный, поменѣе; тамъ существовалъ сверхъ-того дворецъ центральный, который обобранъ еще Эсаргаддономъ для изукрашенія его новаго чертога. Остатки двухъ другихъ чертоговъ найдены въ хорсабадскомъ и куюнджикскомъ курганахъ; первый построенъ Саргономъ, второй Сеннахерибомъ (Санхерибомъ). Въ зданіяхъ позднѣйшаго времени скорѣе виденъ упадокъ нежели прогрессъ искусства; выполнены они тщательнѣе, но замыселъ далеко уже не такъ величавъ какъ въ сѣверозападномъ чертогѣ.

Матерьяломъ служилъ кирпичъ, приготовляемый изъ глинистыхъ залежей той мѣстности и высушенный на солнцѣ; оттого стѣны, не смотря на свою саженную и двухсаженную толщину, большею частію разсыпались въ дребезги; древнѣйшія зданія вообще узки, одна зала напримѣръ всего тридцати футовъ шириной при длинѣ въ полтораста футовъ; потолокъ лежалъ, безъ всякихъ опоръ, на тополевыхъ или пальмовыхъ поперечныхъ балкахъ. Въ югозападномъ дворцѣ покои уже вдвое шире, но зато внутри выведены толстые столпы. Большія кучи мусору указываютъ на обрушившіеся верхніе этажи. Наружныя стѣны не носили ни какихъ украшеній, расчленяясь

только выступавшими впередъ устоями въ родѣ пилястръ и увѣнчиваясь кровельнымъ карнизомъ и треугольными или четыреугольными зубцами; ворота часто сводились вверхъ круглой аркою. Внутри же, стѣны поверху одѣвались пестрыми поливными кирпичами или цвѣтнымъ гипсовымъ наслоемъ, а внизу алебастровыми плитами, которыя шли футовъ на десять въ вышину и украшались росписными рельефами и надписями; послѣднія состояли изъ разнообразно расположенныхъ клиньевъ и крюковъ, означавшихъ здѣсь слоги, а у Персовъ буквы. По одному рельефу должно полагать что для пропуска свѣта и воздуха въ верхостѣньи оставлялись подпертыя колоннами оконныя отверстія. Есть и сводчатые переходы, какъ наприм. въ подстройкѣ подъ уступчатою пирамидой у сѣверозападнаго дворца: тутъ вѣроятно была гробница его строителя. У главныхъ входовъ выступаютъ изъ стѣны фигуры крылатыхъ животныхъ. Крыши были плоскія и часто убирались растеньями. Середину чертога составляетъ дворъ, вокругъ котораго расположены залы, а также большіе и малые жилые покои.

Бо́льшая мягкость матерьяла и бо́льшая живость характера повели Ассирійцевъ къ болѣе пухлымъ и мягкимъ формамъ нежели какія были въ Египтѣ, гдѣ и камень и духъ можно-сказать отвѣчаютъ другъ другу одинаковой строгостью. Вмѣсто чуть-выгнутаго голькеля (гуська), которымъ, какъ будто слегка наклонившимся листомъ, увѣнчаны всѣ нильскія постройки, здѣсь на Тигрѣ выгибъ его уже гораздо глубже, кверху заканчивается онъ маленькою округлостью, а вся размашистая его линія покоится на отвѣсномъ основаньи. На одномъ рельефѣ изображены колонны небольшой храмины, которыхъ капители какъ будто бы состоятъ изъ двухъ настланныхъ одинъ на другой ковровъ съ подвернутыми въ трубку краями; форму эту Греки развили потомъ замысловато и граціозно въ своей іонійской колоннѣ. Кромѣ того находимъ мы здѣсь розетты, вѣерообразно развернутые цвѣты или пальметты и меандрически переплетенныя линіи, также послужившіе Грекамъ образцомъ и мотивомъ. Завитками украшены также и деревянныя распорки, которыми соединены ножки царскихъ престоловъ: «связь и вмѣстѣ порозненіе выражены при этомъ очень удачно и съ большимъ вкусомъ.» Ножки, полныя игры выступныхъ и отступныхъ линій, имѣютъ совершенно видъ точеныхъ и обыкновенно заканчиваются звѣриной лапою. Сидѣнье часто держится на мужскихъ фигурахъ съ поднятыми вверхъ руками. Духъ Симитовъ характерно выразился и здѣсь разсыпанною по утвари и по тканямъ одеждъ пестрою игрою затѣйливыхъ арабесковъ, въ перемѣну съ фантастическими звѣриными и растительными формами.

Благодаря пластическимъ работамъ, дворцы представляются не только жилищами царей, но вмѣстѣ и памятниками ихъ подвиговъ, ихъ могущества, — постройками, возведенными для государственныхъ и религіозныхъ цѣлей. Рельефы алебастровыхъ плитъ внутри залъ служатъ точно такъ же какъ и въ Египтѣ лицевою или образописною исторіей жизни властителей. Библейскія извѣстія о военномъ могуществѣ, великолѣпіи и роскоши быта Ассирійцевъ находятъ себѣ полное подтвержденіе въ культурѣ и нравахъ той эпохи. Ваяніе остается еще въ связи съ архитектурой, но развертывается гораздо свободнѣе, не такъ строго уже подчинено ея закону; можно даже ска-

зать что сама постройка скорѣе является только носителемъ скульптурныхъ работъ; мѣсто строжайшей во всемъ размѣренности заступаетъ радостная самоотдача движенію, обнаруженію всяческой силы; къ простому контурному очерку прибходитъ уже сильная моделлировка, энергически передающая избытокъ плоти въ игрѣ мышцъ, отчего всѣ облики становятся плотнѣе и округлѣй. Тщательнѣй и вѣрнѣе прежняго воспроизводятся и перья крыльевъ, и каймы одеждъ, и конская збруя, даже кожица, обрамливающая ногти на пальцахъ, — всѣ подробности. Уже Куглеръ нашелъ для этого мѣткое выраженіе: въ египетскомъ искусствѣ преобладаетъ чувство стиля, въ ассирійскомъ — чувство жизни. Но оно все еще останавливается только на внѣшности; натянутая торжественность обрядовыхъ, церемоніальныхъ дѣйствій дается ему лучше нежели изображеніе полнаго души подвига, живого дѣла; и здѣсь лицо выражаетъ сплошь только холодную, мертвенную улыбку (ухмыленіе); черты выдаютъ симитскій типъ, явственно порозняя его съ обликомъ другихъ народовъ или безбородыхъ жирныхъ евнуховъ, держащихъ надъ царемъ зонтикъ. Тутъ первое дѣло явственность: всѣ главныя черты должны непремѣнно быть на виду; оттого блестящая кайма одежды пересѣкаетъ иногда висящій поверхъ ея мечь, или же недостаетъ той части натянутой тетивы на лукѣ, которой пришлось бы упасть на черты лица по положенію. У крылатыхъ человѣческихъ фигуръ одно крыло опущено, другое поднято, чтобы оба были ясно видны. Картины большихъ сценъ, битвъ, осадъ, жертвоприношеній, охотъ, пировъ развернуты вольнѣе чѣмъ въ Египтѣ, и если не отличаются еще вообще ни художественною композиціей, ни перспективой, ни единствомъ точки зрѣнія, то все же представляютъ иногда въ частности хорошо расположенныя группы съ явнымъ между собой соотношеніемъ отдѣльныхъ фигуръ. Профильное положеніе ногъ удерживается еще и тамъ, гдѣ туловище повернуто передомъ; наоборотъ, глазъ въ профилѣ лица, представляется въ полномъ, передовомъ его видѣ. Тщательная холя бороды и головныхъ волосъ обнаруживается въ изображеніи то гладкою прической, то плетешками, то нарядно завитыми локонами, обрамливающими лицо или сбѣгающими на плечи. Въ одеждахъ преобладаетъ тонкое воспроизведеніе прикрасъ, пестрыхъ оторочекъ, кистей и затканыхъ узоровъ, обозначающихъ въ то же время званіе и санъ лица; но не видно еще ни какого смысла драпировки. Костюмъ и оружіе, уборы и домашняя утварь, все показываетъ что у Ассирійцевъ, какъ и у Симитовъ вообще, чувство красоты подчинено пользѣ и цѣлесообразности; ремесленныя искусства процвѣтали у нихъ вполнѣ согласно извѣстіямъ древнихъ писателей, такъ что многія ихъ формы донынѣ служатъ образцами и мотивами для нашего Запада. Особенно рукоятки и ножны кинжаловъ и мечей блестятъ оковкою изъ дорогого металла; звѣриныя головы искусно сработаны отруки, оплапившіеся львы смотрятъ въ противоположномъ направленіи, шеи быковъ кажется въ самомъ дѣлѣ несутъ тяжесть, рога въ самомъ дѣлѣ что-то подымаютъ. Животныя, отличающіяся силою, мужествомъ, проворствомъ, стилизуются на геральдическій манеръ, а за тѣмъ примыкаетъ къ нимъ легкая и миловидная игра арабесковъ и линейныхъ орнаментовъ. На изогнутыхъ птичьихъ шеяхъ повѣшенъ за ручку жертвенный сосудъ; кольца, ожерелья и серьги украшены розеттами; иная застежка обвиваетъ руку ни дать-ни взять какъ змѣя.

Царь является въ бою на своей ратной колесницѣ, употребляемой также и военачальниками; то что мы встрѣчаемъ ее равномѣрно въ Египтѣ, въ Индіи и въ Гомеровой Иліадѣ, ясно указываетъ въ ней нѣчто свойственное всей вообще богатырской эпохѣ древности. Выступаютъ всадники съ луками, съ изукрашенными колчанами и копьями; тяжело вооруженные пѣхотинцы, въ шлемахъ, со щитами, со стальными латами на груди и по бедрамъ, становятся на колѣни съ устремленнымъ впередъ копьемъ, чтобы дать возможность стрѣлкамъ и пращникамъ изъ-дали завязать битву имъ черезъ голову. Осаждаются города, при чемъ мы видимъ что непріятель или подкапывается подъ стѣны, или перелѣзаетъ черезъ, или таранами пробиваетъ бреши, которыми вступаетъ туда пѣхота, подъ прикрытіемъ цѣлой массы щитовъ. Тщетно побѣжденные молятъ о пощадѣ; кто не падетъ отъ оружія, того хватаютъ и связаннаго уводятъ въ плѣнъ; царь наступаетъ на выю покореннымъ, и передъ колесницей возвращающагося побѣдителя торжественно несутъ головы убитыхъ. Въ мирное время царь держитъ въ правой рукѣ жезлъ правленія, а лѣвою опирается на мечь; или же сидитъ на тронѣ съ кубкомъ въ рукѣ, а евнухи держатъ надъ нимъ зонтикъ или вѣютъ на него опахалами. Не то, онъ выливаетъ жертвенную влагу, подноситъ кедровую шишку кумиру божества, чествуя его какъ первосвященникъ; на шеѣ у него висятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды; жрецы прислуживаютъ ему въ орлиной маскѣ бога, которому хотятъ этимъ уподобиться.

Важнѣйшими произведеніями ассирійскаго рѣзца были колоссы, отъ 10 до 20 футовъ вышиною, которые ставились стражами у воротъ такимъ образомъ, что входящій видѣлъ прямо передъ собой ихъ голову, грудь и переднія ноги, тогда какъ сбоку они представлялись выступающими изъ стѣны и тутъ ужь четвероногими; этотъ двойственный видъ фигуры требовалъ для полноты желаемаго эффекта пятой еще ноги, которая однако помѣщалась такъ что ни съ какой стороны не выходила лишнею. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ смѣсь формъ животнаго и человѣка; человѣческая шея съ бородатою головой сидитъ на туловищѣ быка или льва, котораго хребетъ осѣненъ орлиными крыльями. Здѣсь къ силѣ, къ мужеству, къ размашестому полету присоединенъ сообразительный умъ; важнѣйшія формы живой природы сомкнулись здѣсь въ одно онагляживающее ихъ цѣлое, примемъ ли мы его за символъ божества, его мудрости, мощи и вездѣприсутствія, или — на что повидимому намекаетъ мѣсто колоссовъ — за выраженіе тѣхъ совокупныхъ силъ природы какія предполагаются въ хранителѣ и оберегателѣ святыни и верховной власти. Въ херувимѣ надъ кивотомъ завѣта у Евреевъ видимъ мы подобное тому изображеніе; такъ же точно и передъ храминами Персеполя; таковы далѣе составные элементы видѣнія пророка Эзекіиля, да наконецъ и символы христіанскихъ апостоловъ тоже вѣдь человѣкообразный ангелъ, быкъ, левъ и орелъ. Формы соединены удачно, контуры такъ же сильны, какъ и рѣзко выступающая, но при этомъ крайне вытянутая мускулатура; перья крыльевъ тонко выработаны, съ той однако условной правильностью, которая не измѣняетъ себѣ даже и въ накрахмаленныхъ колечкахъ локоновъ на головѣ и бородѣ. Въ единеніи разнообразныхъ элементовъ, какое представляютъ намъ эти величавые облики, видимъ мы символы существен-

ной природы Ассирійцевъ, подобно тому какъ сфинксы знаменуютъ сущность всего египетскаго характера.

Крылатые кони и грифы встрѣчаются также и въ меньшихъ размѣрахъ; Ассирія настоящее ихъ отечество. Найденный здѣсь сфинксъ ясно указываетъ на связь съ Египтомъ, съ которымъ Ниневія соприкасалась и въ мирѣ, и въ войнѣ. По одному рельефу можно видѣть, что обтеска колоссовъ вчернѣ начиналась еще въ каменоломнѣ; окончательно же отдѣлывались они по постановкѣ на мѣста. Перевозили ихъ туда на лодкахъ или на большихъ дровняхъ, которыя ставились на катки и тянулись цѣлой толпой народа; десятники или дозорцы подгоняютъ этотъ людъ, воины оберегаютъ все шествіе, самъ царь смотритъ на работу.

Мы къ сожалѣнію ни чего еще не знаемъ объ ассирійской и вавилонской поэзіи; быть-можетъ, чтеніе надписей откроетъ намъ здѣсь современемъ такой же поэтическій талантъ, какъ и въ Египтѣ, и форму, такъ же болѣе или менѣе подходящую къ еврейской. О существованіи тамъ музыки свидѣтельствуютъ монументы. Передъ царями стоятъ арфисты, пѣвцы привѣтствуютъ возвратъ побѣдителя, пѣвицы и дѣти сопровождаютъ игру инструментовъ пѣснями, мѣрнымъ удареніемъ въ ладоши и плясовымъ движеніемъ. И богослуженіе, и бой, какъ впрочемъ говоритъ и Библія, не обходились безъ громозвучнаго хора трубъ и флейтъ; музыкою возвышалась также роскошь мирныхъ праздниковъ. Астрологія прозрѣвала таинственную связь въ соотношеніи звуковъ со звѣздами. Лира, двойная флейта, волынка изобрѣтены здѣшними Симитами, а въ цимбалахъ (кимвалѣ), на которыхъ играетъ музыкантъ одного куюнджикскаго рельефа, Амбросъ призналъ тотъ самый инструментъ, который перешелъ сперва къ Евреямъ и Грекамъ, а потомъ отъ Арабовъ черезъ крестовые походы въ западную Европу, и выработался мало по малу до механизма нашихъ фортепьянъ. Такъ же точно перешли въ греческое и потомъ въ наше новоевропейское декоративное искусство завитки, пальметты, змѣевидныя линіи и разные другіе арабески.

НОВЫЙ ВАВИЛОНЪ.

Вавилонъ устоялъ и подъ ассирійскимъ господствомъ, его религія, образованіе и промышленность уцѣлѣли и продолжали развиваться; только на мѣсто самостоятельнаго владыки управлялъ имъ воевода, насланный изъ Ниневіи. Одинъ изъ такихъ намѣстниковъ, Набопасаръ, вступилъ въ союзъ съ Кіаксаромъ, царемъ Мидіи, которая еще прежде освободилась отъ ассирійскаго господства; они завоевали и разрушили Ниневію въ 606 до Р. Х. И теперь еще звучитъ торжествующій кличъ пророковъ по случаю этого

паденія. Судъ Іеговы нахлынулъ какъ потопъ морской. Ассуръ, взвѣшанный на вѣсахъ, оказался слишкомъ легкимъ, рѣзные кумиры и литыя изваянія, все было истреблено въ храмахъ, серебро и золото расхищено. Логовище льва раззорено, городъ превращенъ въ пустыню, стада разбрелись по улицамъ, поломана вездѣ рѣзная кедровая обшивка и на капителяхъ колоннъ гнѣздятся по почамъ ежи и пеликаны. — Край по лѣвому берегу Тигра отошелъ къ Мидіи, правый берегъ къ Вавилону, который теперь опять на короткое время пышно расцвѣлъ. Навуходоносоръ (Набукудурусуръ 604—561) не только что-расширилъ предѣлы царства войною, но обновилъ и улучшилъ постройками древнюю канализацію, а ратною добычей изукрасилъ великолѣпно возстановленный имъ храмъ Бела. На восточномъ берегу Эвфрата положилъ онъ основаніе новому городу, который соединилъ со старымъ, оградивъ ихъ одной общею шестидесятиверстною стѣной; Вавилонъ не городъ, а цѣлый народъ, по замѣчанію Аристотеля. Стѣна, по толщинѣ своей, была настоящимъ каменнымъ валомъ: по́ верху, между зубцами, могли свободно разъѣхаться двѣ четверни въ рядъ; подпимаясь на нѣсколько сотъ футовъ въ вышину, она еще увѣнчивалась 250-ю башнями. Вокругъ всей ограды шелъ мокрый ровъ, и сто бронзовыхъ воротъ вели во внутренность города. На восточномъ концѣ лежалъ древній царскій за̀мокъ съ тройной оградою. Въ новомъ городѣ, на высокой насыпи, Навуходоносоръ построилъ себѣ кирпичный дворецъ и одѣлъ стѣны его изнутри алебастровыми плитами; окружающіе его деревья и пруды также обнесены были оградой, а надо всѣмъ этимъ возвышались Семирамидины висячіе сады, какъ прозваны были на Западѣ громадныя эти террасы, которыя царь нарочно велѣлъ устроить для жены своей, мидійской царевны Амитиды, съ тѣмъ чтобы она находила здѣсь подобіе родныхъ своихъ садовъ, обыкновенно разбитыхъ по горнымъ скатамъ. Это было уступчатое сооруженіе подымавшееся отъ уровня Эвфрата на 400 футовъ высоты; на разстояніи каждыхъ десяти футовъ выведены были простѣнки въ 22 фута толщиной. Съ одного изъ нихъ на другой вели каменные переходы; надъ переднею стѣной и этими каменными ходами настилались слои тростнику просмоленные горной смолою, потомъ слои гипсу (извести?) и кирпичу; все это накрывалось листовымъ свинцомъ, а поверхъ его насыпалось столько земли что на ней могли рости большія деревья. Задняя стѣна выводилась на одинъ ярусъ выше, куда вели лѣстницы, а она соединялась потомъ съ третьею, третья опять съ четвертою и такъ далѣе, и на всемъ уступчатомъ пространствѣ разбиты были роскошные сады. Вода поднималась изъ Эвфрата кверху насосами. Въ глубинѣ были расположены тѣ прохладные гроты, къ которымъ, томимый горячкою, такъ порывался Александръ; обозрѣвая съ высоты этихъ садовъ весь городъ и его окрестности, Навуходоносоръ могъ дѣйствительно произнесть слова влагаемыя въ уста ему книгой Даніила: «Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ «соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы «моея».

Нововавилоняне употребляли бронзу для украшенія верей и для другихъ архитектоническихъ орнаментовъ, вѣроятно однакожъ только по дереву, такъ какъ у нихъ и кумиры изъ благородныхъ металловъ обыкновенно заключали внутри деревянный болванъ. Этимъ облегчалась для нихъ фантастиче-

ская игра въ арабески. Какъ пророки, такъ и Эллины, говорятъ о деревянныхъ кумирахъ одѣтыхъ въ разныя ткани, украшенныхъ серебромъ и золотомъ или выкованныхъ изъ благороднаго металла. Много такихъ идоловъ поставлено Навуходоносоромъ, и нѣкоторые изъ нихъ были колосальной величины. Въ грудахъ развалинъ отысканы до сихъ поръ только обломки изъ алебастра или поливной глины; стиль ихъ вообще ниневійскій; въ немъ замѣчается тотъ же перевѣсъ мускулатуры и моделлировки, та же, если еще не бо́льшая, тщательность въ передачѣ искусственныхъ локоновъ и богатаго убранства одеждъ. Сюжеты указываютъ на то что и здѣсь любили изображать битвы, охоту, богопочитаніе. Найдены между прочимъ глиняные сосуды, статуэтки изъ обожженой глины, золотыя украшенія, особенно самоцвѣтные камни цилиндрической формы, служившіе для печатей или носимые на шеѣ въ видѣ амулетовъ, съ рѣзными фантастическими фигурами, на ассирійскій манеръ. Баснословныя животныя, стоящія на заднихъ лапахъ, часто изображаются въ борьбѣ съ человѣкомъ который пронзаетъ ихъ своимъ мечемъ; это же, но только въ бо́льшихъ размѣрахъ и въ гораздо лучшемъ еще видѣ, найдемъ мы опять и въ Персеполѣ.

Вавилонъ завоеванъ былъ Киромъ; когда Дарій снова покорилъ отложившіяся области, онъ велѣлъ разрушить стѣны города; Ксерксъ раззорилъ храмъ Бела, который Александръ пытался-было возстановить, но потомъ оставилъ это намѣренье. Позже возникли въ томъ краѣ Селевкія, Багдадъ и Бальсора, но надъ Вавилономъ исполнилось предсказаніе пророка: «И не «внидутъ въ онь чрезъ многіе роды, ниже пройдутъ его Аравляне, ниже пастуси почіютъ въ немъ. И почіютъ тамо звѣріе, и наполнятся домове шума, «и почіютъ ту сирины, и бѣси тамо восплящутъ, и онокентавры тамо вселятся, и возгнѣздятся ежеве въ домѣхъ ихъ». Грудами развалинъ обозначены теперь мѣста, гдѣ стояли прежде царскіе чертоги и храмы Бела. На обожженныхъ кирпичахъ начертано клинообразными письменами имя Навуходоносора.

ФИНИКІЯНЕ И МАЛОАЗІЙСКІЕ СИРІЙЦЫ.

Однообразный край между Эвфратомъ и Тигромъ благопріятствовалъ основанію большой державы съ одинаковымъ быторазвитіемъ; напротивъ, западная Сирія представляетъ быстросмѣнную череду горъ и долинъ, побережій и внутреннихъ участковъ въ такомъ разнообразіи и такомъ рѣзкомъ подѣлѣ, которые вызывали гдѣ пастушескую жизнь, гдѣ полеводство или воздѣлку виноградныхъ и масличныхъ садовъ, а гдѣ городской торговый бытъ соединенный съ мореплаваньемъ, и смотря по природнымъ этимъ условіямъ преимущественно вели къ учрежденію небольшихъ самостоятельныхъ об-

щинъ. Филистимляне, Финикіяне, Гиблиты населяли отъ юга къ сѣверу здѣшнюю окраину Средиземнаго моря, Хетиты, Моавиты, Аммониты, Аммориты и другія племена занимали внутреннія полосы въ то время, когда Евреи водворились въ Ханаанѣ и уже нашли тамъ укрѣпленія, коней, боевые колесницы и винодѣліе. Малоазійскій полуостровъ къ сѣверу и западу отъ Тавра между Средиземнымъ и Чернымъ морями представляетъ подобныя же условія въ разнообразіи горъ и долинъ, береговыхъ и внутреннихъ округовъ, плодоносныхъ и пустыхъ полосъ; а обитатели его Киликійцы, Фригійцы, Каряне, Лидяне и Ликійцы, при всей самостоятельности своей, обнаруживаютъ столько общаго, что не льзя объяснить себѣ это одними только ассирійскими или финикійскими вліяніями: надо полагать что тутъ главную роль играетъ одноплеменность, и что симитство легло въ основаніе той культуры, которая пожалуй еще болѣе дала арійскимъ Эллинамъ нежели сама отъ нихъ получила. Чѣмъ ближе вглядываемся мы въ фантазійную жизнь этихъ племенъ, съ религіозной стороны, какъ въ одно цѣлое, тѣмъ яснѣе становится она намъ въ своихъ подробностяхъ. Тѣ же основныя идеи, съ которыми мы познакомились на берегахъ Эвфрата и Тигра, встрѣчаются намъ опять въ многоразличныхъ формахъ и здѣсь.

Въ приморскомъ городѣ Газѣ стояло союзное святилище Филистимлянъ; почитаемыя въ немъ божества назывались Дагонъ и Деркето. Мы знаемъ ихъ у Ассирійцевъ, знаемъ и черты отвѣчающія описанію ихъ облика: это человѣческія лицо и грудь, оканчивающіяся хвостовою частью рыбы. О богинѣ Деркето въ Аскалонѣ намъ извѣстно, что ей посвящены были голуби и рыбы, точно такъ же какъ и кипрской богинѣ Ашера, которую Эллины считали за свою богиню любви, Афродиту: поэтому Деркето была, подъ другимъ только именемъ, кажется то же самое существо, что̀ и вавилонская Милитта, могучая во влагѣ, жизнеродная сила и всему открытая воспріимчивость, женская сторона мыслимаго въ мужескомъ образѣ, духовно-небеснаго бога, начало женственности и природы въ божествѣ. Поклоненіе Белу, подъ переозвученнымъ именемъ Баала (Ваала), было у всѣхъ Сирійцевъ общимъ: мы находимъ его у Филистимлянъ и Финикіянъ, а равно и въ краяхъ на востокъ отъ Іордана. Это первобытный небесный богъ, чтимый на горныхъ высяхъ, которому посвящены верхи Синая, Кармила и Ливана; Авраамъ, Моисей, пророки выдвигаютъ впередъ его духовность и всеединственность, язычество же ставитъ обокъ съ нимъ частныя развитія его существа особыми богами и вводитъ его такимъ образомъ въ общую жизнь естества. Богиня Баальтисъноcитъ въ западной Сиріи имя Ашера; ей поклоняются по̀ берегу водъ, въ прохладно-тѣнистыхъ рощахъ; деревья, особливо всегда-зеленыя, слывутъ ея дѣтьми, символами ея вѣчно-прозябающей, развертывающейся жизни; многозернистый гранатъ—любимый плодъ ея, какъ живой образъ плодовитой природы. Богинѣ плодородія приносили въ жертву свое дѣвство также Финикіянки и другія ихъ соплеменницы; онѣ отдавались въ честь богинѣ по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ, а не то оставались и на болѣе долгое время посвященными ей блудницами въ притворѣ ея храмовъ.

Здѣсь сохранился самый первобытный видъ кумира: ставили просто кеглеобразные камни и обносили ихъ каменною оградою, или строили надъ ними

храмъ. Камни разрослись мало по малу въ могучія колонны; такъ мы находимъ ихъ обыкновенно передъ храмами, между прочимъ и въ Іерусалимѣ, гдѣ имена ихъ намекаютъ на основывающую и хранительную мощь: боги проображались въ видѣ столповъ, все поддерживающихъ и все на себѣ несущихъ. Кажется что ихъ толковали еще и въ фаллическомъ смыслѣ, а потому обозначали верхній конецъ мужскими частями и женскими: тогда они были образами порожденія. Первоначально же служили они вѣроятно только грубымъ чувственнымъ знакомъ, первою опорой для зрѣнія и сердечнаго настроенья.

Но человѣкъ, да и весь видимый міръ, испытываютъ не одно только благополучіе жизни, они терпятъ также бѣдствіе и смерть, и если не принять противодѣйствующую божескому началу злую и враждебную силу, то пріидется допустить губящую и истребительную мощь въ самомъ же божествѣ. Съ послѣдняго вѣроятно и начали, сперва только выдвинули въ божественной идеѣ эту карательную сторону, сторону гнѣва; но потомъ создали изъ нея особое божество и противопоставили тому другому богу, въ которомъ человѣкъ постигъ и вообразилъ благое творчество. Третьимъ уже дѣломъ было познаніе, что это лишь двѣ стороны, два рода откровенія одного и того же начала. Олицетвореніе зла встрѣчаемъ мы впервые у Иранцевъ, откуда оно перешло къ Симитамъ и на Западъ; три ступени другого, указаннаго сейчасъ, пути находимъ именно въ Сиріи.

Молохъ зовется царемъ и означаетъ въ этомъ смыслѣ предержащаго, верховнаго бога. Но въ немъ видятъ страшную мощь пагубы всегда требующую умилостивленья. Символомъ Молоху служитъ огонь, пожирающая и истребительная, но вмѣстѣ священная и очищающая стихія; знойный жаръ ея горитъ въ лѣтнемъ солнцѣ. Но какъ въ жизненной теплотѣ она же обозначаетъ и жизненную силу, то Молохъ можетъ стать богомъ силы подъ образомъ быка. Въ этомъ видѣ поклонялись ему Сирійцы, да и Іудеи, впадая въ идолопоклонство, обыкновенно прибѣгали къ кумиру быка (тельца); но ревность и гнѣвъ божій въ Іеговѣ Израильтянъ были нравственно обращены на страхъ и пагубу злому всегда дѣлу. Когда придали потомъ Молоху человѣческій обликъ, даже и тогда оказалось невозможнымъ идеально выразить существо его въ чертахъ человѣческаго лица, и пришлось оставить за нимъ бычачью голову; только уже Фидій съумѣлъ воплотить божество въ одинъ человѣческій образъ.

Когда человѣкъ отторгнется волею отъ бога, себялюбиво выйдетъ изъ живого съ нимъ общенія, когда вмѣсто огня любви распалится онъ огнемъ гнѣва, онъ ощущаетъ тогда губительную мощь его и страшится гнѣва божія. Онъ чувствуетъ что не достоинъ жизни данной ему для исполненія божіихъ заповѣдей; преступивъ ихъ, онъ видитъ справедливую кару небесъ въ посылаемой ему бѣдѣ и въ смерти. Добровольно принимая послѣднюю, онъ думаетъ ублажить его. Эта добровольная отдача жизни есть жертвенная смерть. Но если человѣчество, семья, народный союзъ являются живымъ, цѣльнымъ организмомъ, и если сущность человѣческую составляетъ воля, то, исповѣдуя вину свою, считая себя достойнымъ смерти, человѣкъ все таки можетъ надѣяться и уповать, что принесеніемъ въ жертву одного изъ

членовъ этого организма вмѣсто цѣлаго, особенно при добровольномъ согласіи на то замѣняющаго лица, онъ удовлетворитъ бога, тогда какъ всѣ въ совокупности по крайней мѣрѣ выразятъ этимъ откровенно сознаніе своей собственной вины. Идея жертвы, принятая къ сердцу съ полною чувственною энергіей, становится прямо закланіемъ человѣка богу. Вотъ почему мы находимъ это точно также въ Мексикѣ, какъ въ Египтѣ, Греціи и Римѣ. Въ иныхъ краяхъ на мѣсто человѣческой крови проливалась кровь животныхъ, и съ развитіемъ гуманнаго образованія люди стали болѣе и болѣе ощущать что главное дѣло въ исправленіи и въ преданіи богу своей воли, что покорность ему, преодолѣніе себялюбивыхъ позывовъ собственно и есть прямая жертва, и вотъ намѣсто Исаака закалается овенъ, лань заступаетъ мѣсто Ифигеніи, и спартанскій мальчикъ не приносится уже въ жертву Артемидѣ: довольно было посѣчь его такъ крѣпко, чтобы кровь брызнула на богинин алтарь. Но сирійскіе Симиты стояли еще за приношеніе въ жертву человѣка. Какъ благочестивый земледѣлецъ несетъ богу первины отъ споповъ своихъ, въ знакъ того что все ему принадлежитъ, что все отъ него исходитъ, такъ, думали, слѣдуетъ посвящать господу и первенцевъ собственной семьи или по крайней мѣрѣ представлять ему за нихъ выкупъ. Чаяли видѣть божій гнѣвъ въ томъ когда лѣтнее солнце выжигало поля зноемъ и отъ жаровъ распространялись заразы, или когда народъ въ мирѣ или въ войнѣ постигало какое-нибудь бѣдствіе; чтобы умилостивить божество нѣкоторые обрекались въ искупительную за всѣхъ жертву, но имъ непремѣнно надлежало быть того же самаго племени, и притомъ чѣмъ чище и благороднѣе, тѣмъ лучше; а потому обыкновенно выбирали для этого невинныхъ дѣтей или неоскверненныхъ еще юношей. Кого именно излюбитъ богъ, опредѣлялось жребіемъ. Самое дорогое для человѣка почиталось и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ искупленія. Такъ моавитскій царь Іорамъ принесъ въ огненную жертву своего первенца, когда Евреи осадили его твердыню или зáмокъ, и Карѳагеняне клали дѣтей своихъ въ раскаленныя руки бронзовому кумиру Молоха. Жертвы, говоритъ Плутархъ, должны были идти нà смерть охотно и весело, звуки флейтъ и литавръ покрывали жалобные вопли сгарающихъ, и матери должны были стоять и смотрѣть на это безъ слезъ и воздыханій.

Царица неба, въ которой олицетворена отвѣчающая Молоху женственная сторона, или его же идея, взятая только въ женскомъ смыслѣ, называется Астартою. Какъ губительная богиня войны изображается она съ копьемъ, какъ владычицѣ неба придается ей въ символъ мѣсяцъ, котораго серпъ она носитъ на головѣ, а рога коровы сближаютъ ее по виду съ быкоголовымъ Молохомъ. Въ храмахъ ея горѣлъ всегда негасимый огонь. Въ жертву ей приносились дѣвушки. Ея жрицы должны были оставаться въ безбрачіи. И такъ какъ она слыла врагомъ всякой любовной и житейской утѣхи, то жрецы и другіе люди, увлеченные богонеистовствомъ на ея праздникахъ, въ честь и подобіе ей сами себя оскопляли, одѣвались въ женское платье и румянились какъ женщины. Оглушительный громъ флейтъ, литавръ и кимваловъ, раздавался у ея алтарей, и усердные поклонники, кружася въ дикой пляскѣ, безпощадно бичевали другъ друга и даже рѣзались ножами или мечами. Соб-

ственная кровь должна была проливаться въ сласть, и самоискаженіе совершалось радостно.

Какъ царя города, Мелькарта, Тиряне призывали Баала, который точно такъ же какъ и Молохъ соединялъ въ себѣ творческую и губительную силу: «нашъ господь Мелькартъ-Баалъ тирскій» называетъ его одна надпись, открытая на островѣ Мальтѣ. Онъ дѣйствуетъ и властительствуетъ въ солнцѣ. Въ этомъ смыслѣ Илія говоритъ объ немъ, какъ о странствующемъ Баалѣ, такъ какъ теченіе солнца знаменуетъ пути его. Сила его засыпаетъ или замираетъ съ уменьшеніемъ зимою солнечной теплоты; весною же она опять возрождается, и тогда празднуютъ пробужденіе бога. Зной лѣтняго солнца происходилъ, какъ думали, отъ громаднаго костра, на которомъ онъ сожигалъ самъ себя, чтобы преодолѣть въ себѣ яростный пылъ гнѣва и возродиться потомъ кроткимъ и милосердымъ. Мелькартовы столпы, сооруженные Финикіянами на концѣ Средиземнаго моря близъ Кадикса, Греки прозвали столпами Геркулеса; въ солнечномъ богѣ Симитовъ видѣли они своего солнечнаго героя (Иракла) и обогатили свои миоы его подвигами и судьбами, даже его добровольной смертью на огнѣ.

Въ Дидонѣ Кароагенянъ двѣ богини, Ашера и Астарте, слились опять въ образъ благотворной и вмѣстѣ губительной владычицы неба. Въ темномъ сосновомъ бору приносили ей человѣческія жертвы, а за тѣмъ, какъ миловидной богинѣ, Аннѣ, уготовляли веселыя, радостныя празднества. Подобно тому какъ богъ солнца обходитъ всѣ края земные, такъ точно въ теченіи луны видѣли странствія богини, и каждое исчезновеніе ея свѣта сопровождалось печальнымъ, похороннымъ торжествомъ. Въ новолуніи привѣтствовали ея возрожденіе. Мелькартъ искалъ ея, когда она скрывалась; онъ побѣждалъ стыдливую ея дѣвственность, и изъ любовнаго союза ихъ истекали вся жизнь и весь порядокъ видимаго міра.

Послѣднимъ и высшимъ завершеніемъ этого взгляда было однако сознаніе полнаго ихъ единства; вотъ почему старались изобразить и то, что въ обоихъ царитъ одна и та же божественная сущность, которая въ каждомъ изъ нихъ есть вся, но въ каждомъ открывается по преимуществу только одною своей стороною. Въ единствѣ своемъ божество выше всякаго полоразличія, что́ чувственно передавалось въ образѣ полосмѣшенья. Жрецы служили тогда богу въ женскомъ одѣяніи, а жрицы богинѣ, вооруженныя помужски; да и сама Дидона изображалась съ бородой Мелькарта, и чувственное поклоненіе ей вторгалось иногда въ храмы Баала.

Своеобразный видъ получило служеніе господу (Адонаю) въ культѣ Адониса, у Гиблитовъ. Расцвѣтъ и увяданіе природы торжествовали они съ живымъ сочувствіемъ, какъ смерть и возрожденье божества. Въ водахъ рѣки, принимавшихъ багряный оттѣнокъ отъ размыва красной нагорной глины осенними дождями, они видѣли кровь прелестнаго молодого бога, убитаго дикимъ кабаномъ Молоха на ливанскомъ хребтѣ. Остригши волосы и въ разодранныхъ ризахъ жрецы носили кумиръ его въ теченіе семидневнаго по немъ траура, а женщины терзали себѣ грудь и вопили айляну, айлину (т. е. увы! — откуда и у Грековъ плачь по Линѣ), пока не разносилась вѣсть что Адонисъ живъ. Весною шумно праздновалось его воскресеніе.

Адонисъ тотъ же Оамусъ, о которомъ говорятъ пророки. Идея о страждущемъ, умирающемъ и воскресающемъ богѣ повліяла въ этомъ видѣ на сказаніе объ Озирисѣ и Діонизѣ у Египтянъ и у Грековъ; самъ Адонисъ, какъ наперсникъ богини любви, какъ образъ скоро увядающей весны и юности, перешелъ въ западную миоологію.

Если мы обратимся теперь къ племенамъ Малой Азіи, то найдемъ тамъ подъ различными именами тѣ же опять коренныя симитскія идеи. На сѣверъ отъ Таврскихъ горъ, по направленію къ Черному морю, чествовалась богиня Ма; ея странствія праздновались безпутно и съ самоистязаніемъ; а какъ сластолюбіе, страданіе и жестокость стоятъ въ роковой взаимной связи, то она была въ то же время воинственной владычицей битвъ, и многія тысячи жрицъ, готовыхъ въ ея храмахъ на блудодѣяніе, были притомъ вооружены какъ мужчины; прозванныя Амазонками по повелительницѣ своей, Ма, онѣ дали поводъ къ сказанію о бранелюбивомъ женскомъ государствѣ. Въ Киликіи Баалъ города Тарса былъ во всемъ подобенъ тирскому. — Съ именемъ Мидаса во Фригіи миоисточница Эллада успѣла связать множество сказаній; но историченъ во всякомъ случаѣ тотъ оргіастическій мотивъ, который процвѣталъ тамъ, и оттуда распространился далѣе. Великой матерью, царицей, подательницей всѣхъ благъ слыла тамъ Кибела; изъ богини-матери Греки сдѣлали матерь боговъ и ввели ее въ свою оеогонію. Какъ животворную силу природы чтили ее въ зелени лѣсовъ, изображеніемъ ей также служили кеглеобразные камни, и если финикійская богиня стоитъ на львѣ, то отраженіе народнаго этого взгляда очевидно и въ той подробности, что греческіе мастера представляли ее или верхомъ на львѣ, или на везомой львами колесницѣ. При звукѣ флейтъ, бубенъ и барабановъ дикопенстовое радѣніе на ея праздникахъ также доходило до самоискаженія, да и служили ей оскопленные жрецы, хотя сама она была въ то же время богиней произрожденья. Въ связи съ ней стояли Агдистидъ, какъ женомужъ, и Аттидъ, какъ мужежена; къ этому культу присоединялся плачъ по утраченномъ Аттидѣ, съ ликованіемъ по случаю его возрожденья; Фригійцы, говоритъ намъ Плутархъ, думаютъ что божество ихъ спитъ зимой, и пробуждается опять на весну; Пафлагонцы полагали что зимою оно въ заточеніи и въ узахъ, а весной выходитъ на свободу: такъ и здѣсь встрѣчаемъ мы опять идею Адонисова миоа и считаемъ себя въ правѣ заключить вмѣстѣ съ Дункеромъ, что и Фригійцы не чуждались того взгляда который совокуплялъ жизнь и смерть въ одномъ и томъ же божескомъ обликѣ, видѣлъ возрождающуюся изъ смерти новую опять жизнь и даже почиталъ первую вѣрнымъ залогомъ послѣдней. Основу миоа о Ніобѣ Преллеръ также нашелъ въ томъ воззрѣніи на Кибелу, которое представляетъ ее скорбящею: чадообильная мать земли, ежегодно изводящая изъ нѣдръ ея новые ростки и злаки, не можетъ равнодушно видѣть какъ все это блекнетъ и вянетъ отъ лѣтней жары. Сама Кибела слыветъ также и подъ именемъ Ма, а мѣстами, гдѣ получало рѣшительный перевѣсъ мужское начало, божество чтилось подъ именемъ Манеса или Мена. Таковъ между прочимъ былъ богъ воинственныхъ Карянъ. Двойной топоръ его или бердышъ находимъ мы въ рукѣ Бела въ Ниневіи и какъ оружіе у Амазонокъ; быть-можетъ, имъ хотѣли ознаменовать двусторонность этихъ существъ. Главную богиню Сардъ Софоклъ величаетъ бла-

женною, сидящею на быкоборцѣ-львѣ, горной матерью, общей кормилицей-землею; во славу ей лидянскія дѣвушки жертвовали своимъ цѣломудріемъ въ тѣнистыхъ рощахъ, а служили богинѣ также оскопленные жрецы. Кибела вмѣстѣ съ тѣмъ и Омфала; Омфаломъ Греки называютъ вѣдь кеглеобразный камень богини, и въ этомъ именно качествѣ стоитъ рядомъ съ нею побѣдитель львовъ, вооруженный стрѣлами и лукомъ солнечный богъ Сардонъ, въ которомъ Греки видятъ то Аполлона, то Ираклa. Когда же они замѣтили, что этотъ богъ въ женскомъ одѣяніи иногда мирно сидитъ за прялкой, а богиня напротивъ вооружается лукомъ съ палицей и облекается въ львиную кожу, они объяснили себѣ это тѣмъ, что Ираклъ самъ долженъ былъ продаться въ рабство въ наказаніе себѣ за убійство Ифита; дѣйствительно же мы здѣсь снова видимъ передъ собою чувственное изображеніе той идеи, что въ каждомъ божественномъ началѣ царитъ нераздѣльно все божеское существо. Бога, смирителя львовъ, представляютъ намъ часто и ниневійскіе памятники, и въ Сардонѣ мы выше уже признали первообразъ Сарданапала. У Кароагенянъ встрѣчаемъ мы примѣры добровольной смерти на кострѣ, когда герой приноситъ себя въ жертву своему народу и тѣмъ самымъ возносится на чреду боговъ; подобно божеству человѣкъ преодолѣваетъ въ себѣ силу смерти и пагубы и выходитъ изъ очистительнаго пламени обновленнымъ и возрожденнымъ. Орелъ, какъ свидѣтельствуютъ тарскія монеты, былъ символомъ бога, возносящагося отъ костра и чествуемаго обыкновенно великими огневыми торжествами; онъ былъ также символомъ финикійскаго Мелькарта, да и ассирійскіе жрецы носили маску орла.

Если многоразличіе боговъ вышло изъ того, что единое божеское начало въ теченіе вѣковъ понималось и изображалось съ разныхъ сторонъ въ разныхъ мѣстностяхъ, то мыслящій (сознательный) духъ жрецовъ началъ уже сопоставлять и возсоединять эти облики; въ Финикіи насчитывалось семь такихъ божествъ, которыя, какъ сильнѣйшія и главныя, чествовались подъ именемъ Кабировъ; это были коренныя силы жизни, проявлявшіяся также въ семи планетахъ и въ семи недѣльныхъ дняхъ; въ нихъ и надъ ними всѣми царило единое, осьмое божество. Въ видѣ боговъ-покровителей изображали ихъ на корабельныхъ носахъ; карликовыя и гримасническія формы скорѣе обличаютъ въ нихъ малыхъ дѣтей единаго нежели какія-нибудь тайновластныя существа. Геродотъ называетъ ихъ п а т е к а м и и приравниваетъ къ египетскому богу Пта и его дѣтямъ; п а т а к ъ по-симитски значитъ открывать, и богъ-отецъ понимается здѣсь раскрытелемъ яйца вселенной. Яйцо міра — одно изъ самыхъ первобытныхъ представленій младенчествующаго человѣчества. Думы Симитовъ надъ происхожденіемъ вещей были не свободно-философскаго, а религіозно-миоическаго свойства; связанные по рукамъ и по ногамъ вѣропреданіемъ, они старались по возможности соединить разныя созданія своей вѣры и поэтически облекали свои чаянья и представленія въ болѣе или менѣе подходящіе образы. На этомъ и поканчивалась ихъ поэтическая и философская дѣятельность, вслѣдствіе чего Симиты явились первоначальниками разныхъ оеогоній и космогоній, разныхъ изложеній послѣдовательно развивающейся связи между міромъ и богами; новѣйшія разысканія подтверждаютъ изреченіе Филона: «Эллины, превосходящіе природнымъ «умомъ всѣ другія племена, сперва усвоили себѣ бо́льшую часть чужого

«добра, какъ будто бы оно было ихъ собственнымъ измышленіемъ, а по-«томъ великолѣпно разукрасили его и придумали очаровательные миѳы.»

Мы познакомились съ глубокомысленнымъ ученіемъ Вавилонянъ о міроздательствѣ; Эвдемъ передаетъ намъ уже и нѣкоторыя ѳеогоническія ихъ идеи. Изъ темнаго хаоса, первобытнаго вещества, и изъ примкнувшей къ нему матери боговъ, любовной силы, исходитъ единороднымъ чадомъ такое единство, въ которомъ снова возстаетъ опять противоборство рознящихъ и связывающихъ силъ, а отсюда уже возникаетъ Белъ, какъ богъ самосознательный. Это—процессъ раскрытія самого божественнаго начала, самъ богъ доходитъ до самосознающей личности въ поступательномъ развитіѣ своей собственной природы, своихъ присныхъ жизненныхъ стихій. Много подобныхъ попытокъ, какъ говоритъ преданіе, было и у Финикіянъ. Бунзенъ подробно разсмотрѣлъ ихъ въ своей книгѣ о Египтѣ, опираясь на основоположныя изслѣдованія Моверса и Эвальда. Вотъ что́ можно, кажется, принять за существенный изъ нихъ выводъ. Во главѣ всего стоитъ время, за тѣмъ слѣдуютъ туманы и темное влеченіе, безформное, непросвѣтленное вещество и хотѣніе жизни, воля жить; они производятъ воздухъ и движущее имъ вѣяніе духа; они образуютъ яйцо міра, которое сильный богъ, достигшій теперь личности, разнимаетъ на двѣ доли, верхъ и низъ, подѣляя небо съ землею. Подробнѣе и замысловатѣй другой толкъ. Вначалѣ только было одно вѣяніе темнаго воздуха, существовалъ одинъ мутный, бездонный хаосъ. Тогда духъ (носящійся надъ темною бездной и въ библейской исторіи мірозданья) возгорѣлся любовью къ сокрытымъ въ его лонѣ вѣчнымъ зачаткамъ бытія, настало взаимное сплетеніе и сопроникновенье, невольное влеченіе одного къ другому. Изъ этого сплетенія духа, еще до сознанія имъ своего творчества, съ первичнымъ веществомъ произошла общая матерь всѣхъ вещей, плодучая природа; имя ей было Мохъ, она сложилась въ видѣ яйца, въ ней лежали сѣмена созданія, зародышъ вселенной. Изъ нея возникаютъ земля, небо и стражи небесные, ею зиждутся животныя и люди. Жизнехотѣніе само приходитъ въ сознаніе только тѣмъ, что сочетается веществу, вступаетъ въ конечную опредѣленность и образуетъ видимый міръ. Или: отъ животворнаго вѣянія духа и первобытной почи или тьмы исходятъ Эонъ (міровой вѣкъ, время) и Протогонъ (первородный элементъ). Или же еще: первоначаломъ признается господь неба, а единородный и мать жизни — его дѣтьми. Тогда посредниками міроздательства являются свѣтъ, огонь, пламя, херувимы и серафимы; священныя горы возникаютъ первыя; побѣдная сила солнца, одолѣвающая суровость зимы, представляется борьбой двухъ братьевъ, которой отголосокъ слышенъ еще во взаимныхъ отношеніяхъ Исава съ Іаковомъ. Весеннее солнце у Финикіянъ называлось Израиль, то-есть богоборецъ; Евреи признавали истиннаго богоборца въ родоначальникѣ своемъ, Іаковѣ; борьба его съ Господомъ есть лишь молитва о благословеніи свыше. Или, наконецъ: изъ объятій неба съ землею (Бела съ Милиттою) рождается крѣпкій или могучій (Эль), у Грековъ — Кроносъ, который смиряетъ неустанно и необузданно дѣйствующую пластическую силу природы, прогоняетъ небеснаго бога, обезмуживаетъ (оскопляетъ) его и овладѣваетъ верховнымъ господствомъ. Что Эль приноситъ въ жертву первороднаго, объ этомъ упоминается и въ другихъ преданіяхъ: это жертва своимъ собственнымъ сыномъ въ спасеніе міру, точно

также же какъ и миротворенiе первоначально представляется жертвою безконечнаго для конечности, когда напримѣръ Белъ обезглавливаетъ самъ себя, съ тѣмъ чтобы его кровью человѣкъ обрѣлъ себѣ жизнь и разумъ; богъ входитъ въ тяготу и смерть мiра, чтобы преодолѣть ихъ.

Самъ символизующiй, многородный духъ Финикiянъ былъ обоготворенъ подъ именемъ Таавта, египетскаго Тота: онъ-то, говоритъ сказанiе, надѣлилъ боговъ крыльями, и верховному божеству Элю далъ ихъ шесть: два поднятыя кверху, два спущенныя съ плечь, и два головныя, для выраженiя его чувства и помысловъ; онъ же далъ ему и четыре глаза: два открытыхъ и два закрытыхъ. Финикiйское преданiе толкуетъ это такъ: богъ видитъ спящiй и спитъ бодрствуя; онъ летаетъ съ отдыхомъ и отдыхаетъ на лету, подобно тому какъ въ Вавилонѣ изображали его стоящимъ и идущимъ въ одно и то же время, въ неподвижно-шествующемъ положенiи. Символомъ Таавта была извившаяся въ кольцо змѣя, которой глазъ приходится внутри круга: духъ, какъ душа мiра, изображенъ зрячимъ окомъ.

Городъ Харранъ въ Месопотамiи хранилъ симитское язычество даже отчасти и въ Среднiе еще вѣка. Богъ здѣсь единъ и вмѣстѣ все, божества—только олицетворенныя силы единаго, óрганы, которыми онъ дѣйствуетъ, посредники между нимъ и человѣкомъ; видимо являются они въ планетахъ, которыхъ значенiе и влiянье слѣдуетъ поэтому изучать и принимать въ расчетъ. Все земное отвѣчаетъ, сочувствуетъ небесному; посредствомъ земныхъ вещей, носителей и противней соотвѣтственныхъ звѣздъ небесныхъ, вѣдунъ или знахарь можетъ вызвать дѣятельность и со стороны послѣднихъ. Такимъ образомъ возникаетъ вѣдовство, волшебство, магiя, которая хочетъ овладѣть духовной связью соединяющей всѣ вещи между собой, приписываетъ любому существу способность уподоблять себѣ другое, и думаетъ разрѣшить этимъ таинственныя силы вещей отъ узъ необходимости и править ими по своей волѣ. Чары воображенiя овладѣваютъ душой и ведутъ ее къ вѣрѣ въ чародѣйство.

Язычество западныхъ Симитовъ достигло всемiрно-историческаго значенiя благодаря Финикiянамъ. Они первые дотого развили мореходство, что черезъ Гибральтарскiй проливъ пускались изъ Средиземнаго моря въ Океанъ до Британiи и даже до Пруссiи, имъ первымъ удалось однажды обогнуть Африку. Они вели всю перевозную торговлю между Востокомъ и Западомъ, города ихъ служили складами для издѣлiй ассирiйской и вавилонской промышленности. На островахъ Критѣ, Кипрѣ, Мальтѣ, Сардинiи, по берегамъ Грецiи и Африки, гдѣ между прочимъ на полупути Средиземнаго моря возвысился моревластный Карѳагенъ, а на концѣ того же моря достигъ большого значенiя городъ Гадесъ, основали они еще во 2-мъ тысячелѣтiи до Р. Х. свои колонiи, торговые склады и вмѣстѣ святилища. Тиръ и Сидонъ были средоточiемъ всесвѣтной торговли и международныхъ сношенiй. Ихъ пышность и блескъ продолжались до временъ Александра Великаго. Но стремленiе къ красотѣ и истинѣ изъ-за нихъ самихъ не нашло себѣ мѣста въ смыслѣ Финикiянъ, направленномъ на одну только видимую цѣлесообразность и на земные барыши, да не было у нихъ и самобытно-творческаго чувства формы. Торговому народу было всего болѣе сруки распространять и мастерски поддѣлывать ассирiйскiя формы. Но воспроизводя ихъ, они сохраняли кое-что и изъ

первобытной своей старины, напримѣръ каменные столпы, въ видѣ символическихъ кумировъ, которые они ставили и передъ храмами, и внутри ихъ; въ разныхъ мѣстахъ, особенно на островкѣ Гоццо близъ Мальты, существуютъ такія сооруженія, изъ которыхъ видно что сначала Финикіяне возводили не столько храмы, какъ домы божіи, сколько обносили валомъ изъ каменныхъ глыбъ извѣстное пространство, предназначенное для религіозныхъ обрядовъ. Вокругъ средняго прохода идутъ справа и слѣва по два полуциркуля, пятымъ ограничивается конецъ противоположный входу, или: чрезъ два эллипсиса идетъ ходъ, оканчивающійся и расширяющійся полукругомъ. Внутри полукружій устроиваются ниши изъ столповъ, мѣста подвышенныя на нѣсколько ступеней. На финикійскомъ побережьи сохранились еще слѣды изсѣченнаго въ скалѣ храмового двора или притвора съ высокою нишей изъ огромныхъ каменныхъ плитъ и съ двумя тронными сѣдалищами, одно противъ другого. Вблизи также стоятъ еще столпы, въ 20 и въ 40 футовъ вышиною и отъ 15 до 16 футовъ въ поперечникѣ, обвитые лентообразными поясками и кверху закругленные въ полушаръ. Можно ли сюда же отнести и сардинскіе Нурагены, кеглеобразныя постройки съ полымъ эллиптическимъ пространствомъ внутри и съ лѣстницами ведущими на ихъ вершину: не храмы ли это въ честь огню? или не принадлежатъ ли они Этрурцамъ? Храмовые дворы съ купами деревъ, рыбные пруды (сажалки) и голубятни были главными постройками на островѣ Кипрѣ; въ глубинѣ, по свидѣтельству монетъ, стоитъ храмъ съ подвышеннымъ среднимъ пространствомъ, къ которому примыкаютъ на колоннахъ боковыя храмины; здѣсь также видны слѣды вольностоящихъ столповъ, кеглеобразныхъ символическихъ кумировъ.

Въ Сардиніи найдены грубые треглавые идолы, или просто три стоящія на землѣ головы, или двѣ головы, а промежъ нихъ фигура, съ дьявольской гримасою: финикійскаго въ нихъ я ничего не вижу. Монеты, бронзовыя доски и сосуды Финикіянъ представляютъ напротивъ подобіе ассирійскихъ формъ, боговъ съ рыбьимъ туловищемъ, поборателей львовъ, крылатыя мужскія и женскія фигуры, стоящія на львахъ или на рыбовидныхъ женщинахъ. Формы иногда заплетаются въ игривыя арабесковыя линіи. Это тѣ самые типы, съ какими познакомились мы въ Ниневіи. Мелкіе идолы Афродиты позднѣйшаго времени обнаруживаютъ эллинскія уже формы.

И изъ библейскихъ извѣстій видно что Финикіяне гнались больше за блескомъ чѣмъ за красотой, больше за цѣнностью матерьяла чѣмъ за идеальною формаціей и отдѣлкой. Страсть къ пышности самые корабли ихъ превращала въ изукрашенные чертоги. Пророкъ Іезекіиль говоритъ: «Ты, «водворившійся у морскихъ входовъ, торжище народамъ, Тиръ, въ сердцѣ «морей мозгъ твой, строители твои довели красу твою до совершенства. «Изъ кипариса возвели они стѣны тебѣ, кедры ливанскіе взяли они на «мачты; изъ базанскаго дуба вырѣзали они весла, лавки выточили изъ сло- «новой кости и одѣлали въ букъ. Бѣлое полотно и египетская пестрядь «развѣваются у тебя въ вымпелахъ, а синій и красный багрянецъ съ бере- «говъ Аравіи служатъ тебѣ наметомъ.» *

* Іезек. Гл. 7, ст. 3—8. Мы должны были обойдти здѣсь церковнославянскій переводъ въ избѣжаніе многихъ недоразумѣній.

Въ Малой Азіи мы находимъ большіе могильные курганы и изсѣченные въ скала́хъ гробницы. Именно во Фригіи горный утесъ выровненъ по отвѣсу въ гладкую, квадратную плоскость, увѣнчанную щипцомъ; края ея, а иногда и вся она сплошь, украшены прямолинейными фигурами или арабесковымъ узоромъ, напоминающимъ ассирійскіе образцы, тогда какъ завершающій щипецъ представляется какъ бы эллинскимъ. Его же встрѣчаемъ мы и въ Ликіи, какъ тамъ, гдѣ гробничный фасадъ съ дверью между угловыхъ столповъ, даже иногда съ іонійскими колоннами въ промежуткѣ, съ архитравомъ и съ искусственнымъ обозначеніемъ круглыхъ концовъ потолочныхъ балокъ, все изсѣчено прямо въ скалѣ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣлая гробница стоитъ вольно на высокомъ подножіи и гдѣ все это завершается сводчатою крышкою съ щипцеобразными ободками. Въ фасадахъ этихъ видно точное подражаніе древостроительству, но настоящее чувство красоты замѣчается только уже тогда, когда въ цвѣтущую пору греческаго искусства мастера его взялись за разработку азіатскихъ типовъ. Симитизмъ въ идеяхъ и символахъ, и аризмъ въ одѣлкѣ, въ проникнутыхъ стилемъ формахъ *, представляютъ также и произведенія пластики: такъ богиня Эфеса стоитъ наприм. въ іонійскомъ храмѣ Артемидою, но она задумана въ качествѣ матери-природы, подобно Кибелѣ, и потому представлена многогрудой, какъ общая всѣмъ кормилица; такъ геніи, принимающіе души на такъ-называемомъ памятникѣ Гарпій, поднимаются въ видѣ крылатыхъ существъ изъ яйцеобразнаго тѣла, намекая этимъ на выходящую изъ яйца таившуюся въ немъ жизнь, какъ будто бы душа отрѣшалась отъ узъ плоти вольною птицей; такъ, на томъ же памятникѣ, богинѣ жизни подаются яйцо, цвѣтокъ и плодъ, какъ символы разныхъ ступеней жизнеразвитія; исполненіе этихъ мотивовъ вездѣ прямо отзывается греческимъ рѣзцомъ. На памятникѣ Гарпага видимъ мы бой и осаду въ такой же реалистической иллюстраціи, какъ и ассирійская, въ завѣтномъ, искони поведшемся стилѣ и съ точною до сухости передачей всѣхъ мелочей одежды и вооруженія, изъ-за которыхъ почти не видно тѣла; но въ промежуткахъ стоятъ статуи Нереидъ, которыя надобно причислить къ мастерскимъ, даже и въ качествѣ Эллинской работы. На грани двухъ міровъ, на рубежѣ, гдѣ Симиты сходятся и соприкаются съ Арійцами, малоазійское искусство обнаруживаетъ типъ обоихъ племенныхъ началъ, и такимъ именно образомъ, что представленіе тутъ Симитское, а форма принадлежитъ Арійцамъ, что каждое племя даетъ отъ себя то чѣмъ оно особенно сильно; идея съ ея проявленіемъ не сливаются здѣсь въ стройное единство, идея не выражается непосредственно въ ясныхъ обликахъ, передача, изображеніе ея остается символичнымъ, неорганически перемѣшивающимъ между собой формы дѣйствительности; но исполненіе, выработка этихъ представленій совершается съ такимъ чувствомъ красоты, съ такою мѣрою и ясностью, которыя свойственны только Эллинамъ; произведенія эти и получаютъ особенную прелесть оттого, что онагля-

---

* Стиль вѣдь не что иное какъ художественно-выдержанная разработка основного мотива на извѣстный особый ладъ. При этомъ должно различать стиль мѣстности или эпохи и индивидуальный стиль художника, какъ отдѣльнаго свободнодѣйствующаго лица.

живаютъ собой совокупное дѣйствіе двухъ самостоятельныхъ культурныхъ стихій или быторазвитій.

Іезекіиль грозитъ городу Тиру: «Положу конецъ всѣмъ пѣснямъ твоимъ «и звуку арфъ твоихъ, и не услышатся болѣе вовѣки.» Исаія взываетъ къ нему: «Возми гусли (арфу), обыди градъ, блудница забвеная, добрѣ погуди, «много воспой, да память твоя будетъ!» Арфа — храмовой инструментъ богини любви; она была треугольная; по имени ея, Киннoръ, прозваны Кинирады, которымъ миоъ далъ потомъ въ родоначальники прекраснаго пѣвца Кинира, чтимаго на островѣ Кипрѣ въ качествѣ изобрѣтателя шерстоткачества и литья металловъ. Говорятъ, онъ первый воспѣлъ плачъ по Адонисѣ; черта скорби пронизывала всю финикійскую музыку и примѣшивалась къ сластолюбивой возбужденности, къ бѣшеному разгулу ихъ праздниковъ, на которыхъ раздавался звукъ двойныхъ флейтъ, кимваловъ и бубенъ. То же было и у Фригійцевъ. Ихъ мелодіямъ и флейтамъ Греки приписывали силу возбуждать въ высшей степени грусть и радость. Если финикійскій Мелькартъ носилъ лукъ и лиру подобно Аполлону, то послѣдній побѣдилъ фригійскаго флейтщика Марсія, а Мидасъ былъ надѣленъ ослиными ушами за то, что предпочелъ лирѣ дудку или простую свирѣль. Кромѣ флейты, у Лидянъ были и струнные инструменты. Громозвучная музыка сопровождала всѣ торжественные обряды у Малоазійцевъ.

ИЗРАИЛЬ.

Израильскій народъ и въ духовномъ, и во всемірноисторическомъ отношеніи представляетъ вершинную точку симитства. Не даромъ наименовали его народомъ Божіимъ: призваніе его было существенно религіозное, и онъ превосходно выполнилъ его и путемъ дѣлъ, и путемъ страданій; своеобразность свою умѣлъ онъ проявить въ послѣдовательной и примѣрной можно-сказать формѣ; благодаря этому, подобно Грекамъ и Римлянамъ, онъ остался на всѣ времена несокрушимымъ памятникомъ человѣческаго быторазвитія. Мало того что единобожіе, этотъ первоначальный взглядъ нашего рода, удержанъ былъ Евреями вопреки повсемѣстному развитію его въ политеистическую форму, самая духовность божества постигнута ими рѣшительно и прямо наперекоръ распространившемуся вездѣ служенію природѣ; Творецъ и Господь міра чтился у нихъ прежде всего какъ законодатель жизни человѣческой, нравственный міропорядокъ былъ выраженіемъ его владычества, и исполненіе нравственнаго закона — настоящимъ служеніемъ, какого онъ себѣ хотѣлъ. Въ словѣ: «Будьте святы, потому что я святъ» такъ же ясно выражено нравственное существо Божіе, какъ ясно признана свобода чело-

вѣка въ томъ требованіи, чтобы онъ самостоятельно развивалъ въ себѣ существо духа, какъ свой внутренній законъ, и въ этомъ именно сознавалъ единство свое съ Богомъ. Но конечно то, что́ въ полномъ завершеніи своемъ чрезъ Іисуса Христа должно было стать всемірною религіей, у Евреевъ было еще достояніемъ только немногихъ боговдохновенныхъ людей, которые повѣдывали своимъ современникамъ откровенія своего внутренняго опыта и благодаря этому сдѣлались духовными родоначальниками, вождями, пѣстунами и образователями другихъ, и боролись со всякимъ отступничествомъ, со всякимъ паденіемъ своего народа до тѣхъ поръ, пока, очищенный бѣдой и лишась всякаго мірского блеска, онъ не позналъ себя наконецъ самъ въ этомъ духовномъ своемъ призваніи. Вѣра что человѣчество, созданное по образу Божію, должно путемъ нравственной свободы сложиться въ царство Божіе на землѣ, есть великое наслѣдіе Израиля, великій добытокъ его для всего дальнѣйшаго потомства.

Земля Ханаанъ, куда Авраамъ пришелъ съ своими родичами изъ Халдеи, которую потомки его покинули-было для Египта, но впослѣдствіи опять завоевали, совмѣщая въ себѣ разнообразіе чрезвычайно плодоноснаго и теплаго побережья, суровыхъ горныхъ хребтовъ и мертвенныхъ пустынь, представляла своимъ обитателямъ, какъ и Египетъ, много поводовъ къ глубокому раздумью надъ великими противоположностями жизни и смерти, добра и зла, и къ благоговѣйному почитанію того высшаго могущества, которое даровало имъ эту землю, и чья грозная власть внушительно заявляла частыми погромами въ землетрясеніяхъ, наводненіяхъ, буряхъ, моровыхъ язвахъ, налетахъ саранчи свою карающую справедливость и призывала народъ къ покаянію, — все это, разумѣется, всилу того, что онъ постигъ духовность своего Бога.

Народъ, основавшись такимъ образомъ на религіозной истинѣ, почувствовалъ себя какъ бы обреченнымъ Богу. Онъ раздѣлялся на крупныя и мелкія общины, имѣвшія каждая своего старѣйшину, родъ домохозяина; чему надлежало стать закономъ, то предварительно обсуждалось и одобрялось старѣйшинами. Блюсти и толковать святыню было дѣломъ жрецовъ изъ Левіева колѣна; сперва воинственные стражи святилища, дѣлались они потомъ мирными храмо-служителями, судьями, музыкантами, поэтами. Первосвященникъ долженъ былъ всегда отличаться чистотою и ясностію духа и возстановлять правильное отношеніе народа къ Богу, какъ бы ни было оно возмущено.

Возноситься духомъ надъ природою вовсе не то, что презирать ее; напротивъ, могущественно дѣйствуютъ на́ сердце и привѣтно-веселыя, и мрачныя, ужасающія впечатлѣнія внѣшняго міра, природа предстаетъ намъ самодѣятельною, живою, и надо человѣку беречься чтобы ни чѣмъ не порушить таинственный ея ходъ. Первобытное это чувство выясняется у Моисея до того, что природа дѣло рукъ Божіихъ, что у ней свои нерушимыя права и законы. Чувство плотской и духовной чистоты особенно заявляетъ себя въ народѣ отвращеніемъ отъ всякихъ противоестественныхъ помѣсей, и много тонкаго чутья лежитъ напримѣръ въ повѣрьи, чтобы не варить козленка въ томъ самомъ матернемъ молокѣ, которое предназначено питать

его. Но такъ какъ Богъ сталъ для Израильтянъ рѣшительно выше природы, то понятно что изъ стародавняго праздника весны они сдѣлали праздникъ освобожденія отъ неволи, праздникъ основанія религіозной общины. И когда, по общесимитскому обычаю, Авраамъ хотѣлъ принесть въ жертву перворордное дитя, тогда внутреннее самоиспытаніе открыло ему ясно, что Богу нужна только преданность воли и что ею вполнѣ можно удовлетворить его; такъ проповѣдывали потомъ и пророки, что покорность пріятнѣе Господу пролитія овчей крови и приношенія плодовъ земныхъ.

Какъ Богъ, въ качествѣ духа, чувственно невидимъ, а доступенъ только мысли, такъ же точно мысль, содержаніе — въ еврейскомъ искусствѣ первое и главное дѣло, внѣшнее же проявленіе ихъ—нѣчто второстепенное. Еврей смотритъ на природу, какъ на созданіе Божіе и дивится ей не столько изъ-за нея самой, сколько для восхваленія въ ней могущества и мудрости Создателя; поэтому и приглядывается онъ особенно къ цѣлесообразности вещей, и въ исторіи больше слѣдитъ руководительство Божіе нежели самостоятельность и свободу человѣка, чья жизнь должна вѣдь быть служеніемъ закону высшему. Фантазія его видитъ Бога нестолько въ самой природѣ, сколько надъ нею, и потому представляетъ его или вдохновляемыхъ имъ героевъ и пророковъ властвующими безгранично надъ всѣмъ порядкомъ естества; слово духа исполняется здѣсь даже наперекоръ этому порядку, и идея непосредственно осуществляется путемъ чудесъ.

Это возвышеніе надъ природой въ сферу свободы и присности духа́ не дало фантазіи Евреевъ успокоиться на одной внѣшней дѣйствительности, сообщить въ ея формахъ прочную оболочку своимъ мыслямъ; пластическая способность осталась у нихъ неразвитою, а вмѣстѣ съ тѣмъ не развился и смыслъ къ архитектанической постройкѣ и законченности художественнаго произведенія въ полной разработкѣ матерьяла соотвѣтственною формою. Воображеніе жило и дѣйствовало только въ мірѣ задушевнаго, внутренняго чувства, работало для внутренняго созерцанія; духовная религія повела и къ духовному искусству, къ поэзіи повѣдывающей всѣ помыслы души, всѣ сердечныя движенія, и смѣло парящей за полетомъ представленій. Поэтому результатомъ внутренняго настроенія и міросозерцанія Евреевъ выходитъ не пластическій эпосъ, какъ у Арійцевъ, а музыкальная лирика, которая получаетъ свой религіозный характеръ и свое вѣчно-классическое величіе благодаря задушевному отношенію человѣка къ божеству, благодаря освященію всего земного этой тѣсной зависимостью его отъ вѣчнаго и благодаря своему нравственному содержанью. Она гимнична въ хвалахъ своихъ Богу, для которыхъ пускаетъ въ дѣло всю роскошь, весь преизбытокъ естества; она дидактична въ томъ отношеніи, что не столько дорожитъ красотой сколько истиной, спасеніемъ души и назиданьемъ сердца. Дивная въ своей возвышенности и не заботясь въ духовномъ существѣ своемъ о внѣшнемъ проявленіи, она находитъ своеобразную форму себѣ въ томъ, что безъ устали и безъ оглядки стремится къ высшему что́ только мыслимо для человѣка.

Выраженіе мысли въ словѣ становится художественно своей образностью, этой пластикою языка, и музыкальнымъ элементомъ стихосложенія. Еврейская фантазія прилѣпляется къ вещамъ не для того, чтобы изобразить дѣй-

ствительность въ объективной общей ея связи и выставить любое отдѣльное существо въ видимомъ его обликѣ; міръ цѣненъ для нея только по тѣмъ внутреннимъ чувствамъ, какія будитъ онъ въ душѣ, возносящейся надъ нимъ къ Богу, или посколько предметы служатъ къ наглядному выраженію внутренняго настроенія, и вотъ почему фантазія начинаетъ всегда съ сердечныхъ движеній и слѣдитъ всѣ колебанія, весь ходъ ихъ до конца; надо всѣмъ царитъ свобода помысла, и по мѣрѣ того какъ вызываютъ другъ друга представленья, изложеніе спѣшитъ за ними вслѣдъ и быстрымъ полетомъ переносится отъ одного къ другому; вещи озаряются мгновеннымъ, молнійнымъ свѣтомъ, и каждая, предстающая въ тотъ мигъ воображенію, выдвигается вполнѣ ясно, но уступая тутъ же другой, тонетъ опять во мракъ; поэтъ распоряжаетъ природой по своей волѣ, подобно Господу, передъ которымъ горы и холмы скачутъ какъ молодыя ягнята, скалы обращаются въ озера, и камни въ источники, отъ чьего дыханія человѣкъ ростетъ и блекнетъ какъ цвѣтокъ, и цѣлые народы несутся какъ столбы пыли. Возбужденное внутреннее чувство пріобрѣтаетъ этимъ потрясающую выразительность и поэма превращается въ грозовую бурю, внезапно разражающуюся блескомъ молніи и благотворнымъ ливнемъ среди страшныхъ громовыхъ ударовъ. При этомъ еврейская поэзія велика своей напряженной силою: она хватаетъ вещи за сердце, за самое нутро, и умѣетъ рѣзко выдвигать впередъ ту именно черту, которая всего выразительнѣе обозначитъ существо дѣла, умѣетъ найдти то слово, которымъ понятіе его передается сразу мѣтко и сильно. Но ни одинъ образъ не вырабатывается самъ изъ-за себя; напротивъ, внутреннее чувство перескакиваетъ отъ одного къ другому, какъ бы все опасаясь сдѣлать слишкомъ мало, и часто содержащаяся въ глаголѣ метафора совсѣмъ уже не та, какой слѣдовало бы ожидать судя по связи ея съ существительнымъ. Такъ наприм. воды Эвфрата тотчасъ же выходятъ ассирійскимъ царемъ, заливающимъ по горло Іуду. Край сначала уподобленъ женщинѣ, но и это, и наводненіе тутъ же опять забыто, а вслѣдъ за тѣмъ рѣчь идетъ о крыльяхъ наполняющихъ все пространство земли. Въ другомъ мѣстѣ врагъ названъ б и ч е м ъ, и онъ при этомъ н а в о д н я е т ъ землю. Такое умственное совнѣдреніе, чтобъ не сказать смѣшеніе, предмета, образа, мысли, подобія и дѣйствительности, представляется въ высокомъ поэтическомъ изяществѣ у пророка Исаіи. Самарія, краса Ефрема (Ефраима), лежитъ какъ вѣнокъ на горѣ, высящейся среди тучной долины; но вѣнкомъ украшается вѣдь и пьяный, а какъ вельможи ефремскіе всегда пьяны, то мѣстоположеніе города и это пьянство переплетается у пророка отъ начала до конца. Вѣнокъ на головѣ пьянаго колеблется, и цвѣты Ефрема блекнутъ; оба вѣнка легко могутъ быть сорваны, и тотъ, кто это сдѣлаетъ, уже на готовѣ: найдетъ градовая буря и разобьетъ вѣнки въ пухъ; это именно царь ассирійскій, который проглотилъ Самарію, какъ раннюю смокву. Но день пагубы будетъ вмѣстѣ и началомъ спасенія, самъ Богъ явится украшеніемъ и побѣднымъ вѣнкомъ для остальной части своего народа. (Исаіи гл. 28).

И музыкальная форма этой поэзіи, стихъ, отличается по преимуществу хорактеромъ духовности; главное въ немъ ритмъ мысли, а звукопаденіе словъ — вещь второстепенная; умъ поэта, весь устремленный къ помыслу, расчленяетъ стихъ въ угоду послѣднему и ставитъ во взаимномъ соотвѣт-

ствіи положеніе и противоположенье, причину и слѣдствіе; но этотъ параллелизмъ предложеній не связанъ подобнымъ же образомъ и съ правильнымъ возвратомъ одинакихъ стопъ, онъ не передается уху ни тождезвучіемъ словъ въ аллитераціи, ни вторящимъ эхомъ риомы. Если послѣднія здѣсь и встрѣчаются, то предстаютъ какъ бы сами собой, случайно; влеченіе къ нимъ не обусловлено художественнымъ сознаніемъ, онѣ не становятся задачею для формующей силы стихотворца. Движеніе жизни совершается въ духѣ, какъ и въ природѣ, чередою посмѣнныхъ напругъ и растяженій, подъятій и опусковъ, вдыханій и выдыханій; въ ритмѣ ясно обнаруживаются со отношеніе, взаимнодѣйственность и внутреннее соотвѣтствіе каждой возникающей и спадающей потомъ волны, ясно выступаетъ законъ чередующейся смѣны. Еврейскій стихъ представляетъ подъемъ и убыль мысли въ первой и второй своей половинахъ, изъ гармоніи этого двоякаго движенія онъ собственно и состоитъ. Но языкъ уже потерялъ богатство акцентуаціи гласныхъ, настоящаго различія долгихъ и короткихъ въ немъ недостаетъ, для силлабическаго метра онъ не способенъ, а потому обыкновенно только энергіей произношенія въ каждой половинѣ стиха акцентуируются по два слова и тѣмъ самымъ выдвигаются впередъ какъ существенныя, главныя. Такимъ образомъ и здѣсь внутреннее преобладаетъ надъ внѣшнимъ, духовный элементъ надъ звуковымъ, тогда какъ, напротивъ, въ греческой поэзіи художественно оформлена плотская сторона языка, и прекрасная наружность покрываетъ собой внутреннее и духовное его содержанье. Но смыслъ, вылившійся въ первомъ стихѣ, собирается опять снова во второмъ, чтобы одному образу противопоставить соотвѣтственный другой, чтобы въ новомъ оборотѣ съизнова разсмотрѣть сказанное и вполнѣ его исчерпать, или для того чтобы однажды вызванное въ слушателѣ настроеніе подкрѣпить еще болѣе усиленіемъ и расширеніемъ того, что было сказано:

Послушай, сынъ, отцова наставленья,
И матери совѣтъ не вздумай пренебречь.

Иногда значительная какая-нибудь мысль развертывается въ двухъ стихахъ, а два другіе только служатъ ей отголоскомъ:

Я въ бѣдствіи взываю къ Іеговѣ,
Съ мольбой и плачемъ обращаюсь къ Богу:
Въ своемъ чертогѣ внемлетъ онъ мой зовъ
Моя мольба его коснулась уха.

Эвальдъ различаетъ еще гномическій или поговорочный ритмъ, просто и спокойно сопоставляющій два члена рѣчи, въ видѣ подъема и соотвѣтственнаго пониженія, и ритмъ лирическій, который въ бурномъ потокѣ страсти располагаетъ или скорѣе разбрасываетъ члены неправильно; оба ритма употребляются въ одномъ и томъ же стихотвореніи смотря по требованіямъ содержанья. Но во всякомъ случаѣ параллелизмъ заготовь возвѣщаетъ о знаменательности послѣдняго и о томъ, что его слѣдуетъ внѣдрить въ душу слушателя многократно повтореннымъ выраженіемъ; Розенкранцъ справедливо ставитъ торжественность еврейской поэзіи въ тѣсную связь съ тѣмъ,

что небеса должны внимать теченію рѣчи и земля прислушиваться къ звуку словъ.

Но какъ содержаніе поэтической піэсы расчленяется по мыслямъ на нѣсколько звеньевъ или массъ, такъ точно смыкаются воедино и такія группы, изъ которыхъ каждая означаетъ новый поворотъ мысли, новую строфу. Строфическая конструкція господствуетъ въ еврейской лирикѣ, особенно въ пѣсни. Какъ Греки наглядно передавали тезисъ, антитезисъ и посредствующее ихъ заключеніе въ строфѣ, антистрофѣ и эподѣ, такъ и здѣсь встрѣчаемъ мы то подобное же этому расчлененіе, то иное, смотря по смыслу, какой гдѣ предстояло развернуть; но нѣтъ на это ни какого прочнаго закона и нѣтъ правильнаго возврата одинаковаго стиха или даже звукопаденія, а имѣется въ виду только нѣкоторое сходство или подобіе отвѣчающихъ другъ другу частей. Иногда одна и та же основная мысль, какъ цѣль всего стихотворенія, замыкаетъ въ видѣ припѣва каждую строфу. Только искусственною уже забавой явились потомъ алфавитныя пѣсни; упадокъ поэтическаго творчества хватается и здѣсь за чисто внѣшній интересъ многотрудной формы, напрасно ища въ ней опоры своему безсилію: для этого 22 стиха или 22 строфы сряду начинаютъ буквами въ алфавитномъ порядкѣ. Встарину же народныя пѣсни были коротки, и общеинтересность ихъ содержанія вмѣстѣ съ сердечнымъ къ нему участіемъ были таковы, что онѣ обыкновенно пѣлись хоромъ, сопровождаемыя хороводной пляскою, какъ было наприм. съ краткими древнепоэтическими воспоминаніями о переходѣ черезъ Чермное море или о ратныхъ подвигахъ царя Давида, — воспоминаніями, въ которыхъ Эрнстъ Мейеръ указываетъ притомъ и на созвучіе риомъ.

Такимъ образомъ лирика, субъективная поэзія, играетъ главную роль въ художественной дѣятельности Евреевъ; струна эта звучитъ въ еврейскомъ искусствѣ съ самаго его рожденія, и псалмы представляютъ намъ не столько изліянія чувствъ и признанія единичнаго царя-поэта, сколько сердечно-умственную исторію цѣлаго жреческаго народа въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. И надо сказать: что въ могучемъ выраженіи надежды на Бога, скорби о грѣхѣ и жажды примиренія, въ сознаніи вѣчной причины и вѣчной цѣли всего временнаго, — это истинный образецъ религіозной поэзіи, который сохранитъ классическое величіе свое навѣки, никогда не перестанетъ обнаруживать своей потрясающей и вмѣстѣ укрѣпляющей душу силы, и никогда не утратитъ своей дивной красоты.

Во главѣ всего еврейскаго быторазвитія стоитъ Авраамъ. Внутренній опытъ, голосъ совѣсти открылъ ему духовнаго Бога, и послушный этому призыву, онъ отдѣлился отъ другихъ симитскихъ племенъ, отдѣлился отъ служенія природѣ и Молоху, и могъ подлинно предчувствовать въ глубинѣ своей великой души, что въ этомъ его познаніи и въ проникнутой имъ практической жизни должны нѣкогда обрѣсти благодать всѣ народы земные. Духовный Богъ, нравственный законъ признаются всегда и вездѣ; вотъ чѣмъ можно объяснить себѣ слова Христовы: «Авраамъ видѣлъ день мой и «радовался о немъ». «Съ Авраама, говоритъ Бунзенъ, начинается новая «исторія, исторія нравственной личности и ея дѣйствій. Его добросовѣст-

«ная вѣра въ нравственный міропорядокъ и развившееся изъ нея богосознаніе «пересоздали, претворили міръ.» — Ближайшимъ продолжателемъ его былъ Моисей. Онъ избавилъ свой народъ отъ египетской неволи, которой тягота именно и привела его къ самосознанію, побудила его вступить въ борьбу за духовнаго Бога. Всилу этого религіознаго переворота Моисей, возросшій въ египетскомъ образованіи, но тѣмъ не менѣе вѣрный своему народу и преданію, вывелъ Израильтянъ въ пустыню и повѣдалъ имъ законъ духа, какъ божественную заповѣдь. Онъ былъ пророкомъ, какъ и Авраамъ: онъ жилъ въ полномъ упованіи на Бога и чувствовалъ владычество его въ своей собственной груди; въ истинахъ, которыя открывались Моисею въ задушевной глубинѣ его, предававшей твердую волю свою религіи, слышалъ онъ гласъ Божій, который его устами говорилъ народу. Съ непосредственною силою озарилъ душу его тотъ помыслъ, что «спастись отъ египетскаго идолопоклонства можно «только почитаніемъ единаго духовнаго Бога, избавиться отъ неволи — «только покорностью Господу.» Мысль эта воспламеняетъ весь народъ; и когда онъ пускается отыскивать прежнюю свою отчизну, а неожиданное естественное событіе потопляетъ гонителей его въ волнахъ Чермнаго моря, могъ ли онъ не усмотрѣть въ этомъ явной помощи Божіей, не преисполниться радостнаго упованія на всемогущее его водительство; да и мы развѣ не готовы видѣть въ этой встрѣчѣ естественнаго событія съ ходомъ исторіи прямую связь, указанную Промысломъ? По справедливому замѣчанію Эвальда, событіе это оттого и стало такъ знаменательно, что въ самомъ сердцѣ народа заложены были благороднѣйшія и плодовитѣйшія идеальныя сѣмена, которыя вслѣдствіе того прозябли и развернулись. «То именно и составляетъ «высоту, которой быстро достигла здѣсь эта исторія, что цѣлый народъ, «какъ бы подъ вліяніемъ неодолимой внѣшней силы и самыхъ очевидныхъ «доказательствъ, вдругъ признаетъ Бога истиннаго и духовнаго за настоя-«щаго Господа и Спасителя, что у него являются безмѣрная бодрость и му-«жество познавать этого Бога далѣе въ его правдахъ и законахъ, въ немъ «одномъ видѣть своего вождя и отваживаться на труднѣйшія дѣла подъ его «водительствомъ. Такіе свѣтлые проблески очень рѣдки въ исторіи всего «міра вообще, и еще рѣже они въ исторіи отдѣльныхъ народовъ; притомъ «воспоминаніе объ этомъ древнѣйшемъ событіи дошло до насъ въ самомъ «неполномъ видѣ; но конечно, даже дни Мараоона и Саламины не озарили «землю такъ блистательно и не зажгли на ней такого яркаго свѣта, какъ «этотъ, который можно по справедливости назвать настоящимъ днемъ кре-«щенія общины истинно-вѣрныхъ.»

Замѣтимъ здѣсь еще вмѣстѣ съ Штейнталемъ: единобожіе, монотеизмъ состоитъ не въ томъ, чтобы соединять съ идеей Бога представленіе числа одинъ, а именно въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что единый Богъ — Богъ духовный, святой и милосердый, которому мы должны уподобляться своей волею. Не то значитъ монотеизмъ, что Іегова вмѣстѣ Индра и Вритра, что онъ одинъ отправляетъ дѣла всѣхъ другихъ боговъ, вѣдаемыя ими порознь, а главное то, что онъ дѣлаетъ совершенно иное, что наприм. въ грозѣ онъ вовсе не бьется съ огненнымъ змѣемъ, а средь грома и молніи возвѣщаетъ человѣчеству тѣ десять заповѣдей, которыя навсегда останутся столпами всякаго нравственно-человѣческаго общенія. Къ этому монотеизму привели

человѣка не инстинктъ, не игра воображенія; постичь его могли только собравшіяся въ себѣ воедино силы духа и воли, и цѣлый рядъ великихъ пророческихъ личностей вырабатывалъ его въ теченіе многихъ вѣковъ.

Что Богъ, истинное бытіе, живое, вѣчное *Я*, сотворилъ человѣка по своему подобію и ведетъ его карая и любя, что человѣкъ находитъ себѣ спасеніе въ службѣ Богу, въ исполненіи нравственнаго закона, — это выставлено Моисеемъ въ видѣ завѣта, уговора Іеговы съ своимъ народомъ: тѣмъ самымъ онъ внесъ во всемірную исторію одну изъ вселенскихъ истинъ, сдѣлавъ ее въ то же время глубочайшимъ убѣжденіемъ, сильнѣйшимъ духовнымъ побудомъ цѣлаго народа. Этимъ объявилъ онъ открытую войну символизму, который въ поклоненіи знаку и образу совершенно позабываетъ смыслъ, и въ упрежденіе возврата къ идолопоклонству запретилъ творить всякое подобіе Божіе; что́ отъ необходимаго возвышенія этого надъ чувственнымъ бытіемъ утратило на ту пору искусство въ сферѣ пластики и живописи, то сугубо наверстало оно въ поэзіи и въ историческомъ созерцаніи, а такъ же и въ полной увѣренности, что спасаютъ не кони и колесницы, а властенъ спасти и спасетъ одинъ Іегова. Въ противоположность всѣмъ мірскимъ державамъ, царемъ Израиля былъ самъ Богъ, а Моисей явился его орудіемъ, благодаря величію собственной природы и признанію со стороны народа. Установленіе субботы, дня отдыха отъ земныхъ трудовъ и заботъ, въ назиданіе души помыслами о вѣчномъ, было также дѣломъ Моисея, подъятымъ для всѣхъ грядущихъ вѣковъ человѣчества. Мы видимъ какъ сильно и вмѣстѣ увѣтливо борется онъ съ отпадшими, какъ въ скитаніи по пустынѣ онъ воспитываетъ свой народъ и налагаетъ на него печать своего духа, какъ не только самъ онъ созерцаетъ ликъ Божій въ нравственномъ міропорядкѣ и слѣдитъ думою пути Господни въ исторіи, но умѣетъ и на дѣлѣ осуществить данныя ему откровенія, какъ является онъ истымъ гражданиномъ между гражданами и вмѣстѣ ратнымъ героемъ, пророкомъ и законодателемъ: все это въ совокупности дѣлаетъ его одною изъ возвышеннѣйшихъ личностей, когда либо витавшихъ на землѣ, такою личностью, которая въ фантазіи своего народа, окружившей ее чудесными разсказами, нашла себѣ не столько превознесеніе, сколько соотвѣтственное поэтическое выраженье.

Подъ водительствомъ Іисуса На́вина община Божья достигла наконецъ отечества, и въ то самое время какъ высшіе религіозные помыслы развивались въ средѣ новоутвердившейся народности, Израилю пришлось нравственно и физически заявить свою силу въ борьбѣ съ Хананеями и Филистимлянами. Народныя пѣсни этой эпохи, подобно позднѣйшимъ арабскимъ пѣснямъ, исходятъ всегда прямо изъ текущаго событія, держатся на фактахъ дѣйствительности, и въ тонѣ простого реализма изображаютъ настроеніе дѣйствующихъ лицъ или производимое событіемъ впечатлѣнье. Изъ стихотворнаго языка многое перешло потомъ и въ прозаическіе разсказы, такія наприм. черты какъ паденіе стѣнъ, когда Іисусъ Навинъ подаетъ трубами знакъ къ приступу, или когда въ битвѣ, длящейся до вечера, онъ взываетъ: «Да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Элонъ!» И солнце не сѣло, и мѣсяцъ не взошелъ до тѣхъ поръ, пока Израиль не отмстилъ вра-

гамъ своимъ, — бой былъ окончательно порѣшенъ еще до наступленія ночи геройскимъ мужествомъ и религіознымъ одушевленіемъ народа, безо всякой порухи законамъ естества. Въ позднѣйшихъ писаніяхъ приводятся или же только отзываются народныя пѣсни объ охотѣ, о жатвѣ, о винѣ, о любви; уже съ весьма раннихъ поръ на ряду съ красотою тѣла и внѣшней пріятностью восхваляются благородство женской души, цѣломудріе и вѣрность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ есть стихотворцы и стихотворицы отдающіеся и болѣе смѣлому паренію, художественному творчеству въ настоящемъ смыслѣ. Такова въ своей побѣдной пѣсни Деворра, около 1300 г. предъ Р. Х. Народъ идетъ ревностно и отважно въ бой, а Іегова поспѣшаетъ ему на помощь съ грозной бурею. Дѣла въ краѣ шли передъ тѣмъ нехорошо, тогда народъ выбралъ новыхъ Судей, и вотъ они ведутъ его на битву съ врагами. Сраженіе описывается живыми красками, и къ нему присоединяется очень наглядный разсказъ о смерти Сисары, погибшаго отъ женской руки, говорится: какъ напрасно мать поджидаетъ убитаго сына, а царевны утѣшаютъ ее тѣмъ, что онъ должно-быть занятъ дѣлежемъ добычи, тогда какъ онъ самъ уже сталъ добычей непріятеля. Все это пересыпано призывами славить Бога и восхваленіями Всевышнему, такъ что существенно-свѣтскій тонъ пѣсни то и дѣло переходитъ въ религіозный. Проникнутое свѣжимъ чувствомъ, стихотвореніе это художественно выработано въ настоящую побѣдную пѣснь, и представляется однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы и исторіи.

Подвиги Самсона, сказанія о силѣ этого могучаго и удалого богатыря, переданы народною фантазіей съ веселымъ юморомъ въ двѣнадцати связныхъ между собой былинахъ и сведены къ трагически-потрясающему концу. Если они нѣсколько напоминаютъ собой сказаніе объ Иераклѣ, то не надо забывать, что вѣдь и послѣднее коренится бо́льшею своею частью въ финикійскомъ преданіи, что въ немъ стало-быть естественно сквозитъ первобытное племенное сродство и что воспоминаніе общихъ нѣкогда миѳовъ о богѣ-солнцѣ перенесено здѣсь въ изукрашенномъ видѣ на любимаго героя, какъ было потомъ и съ нѣмецкимъ Сигфридомъ. Наклонность къ игрѣ въ загадки встрѣчаемъ мы и тутъ; этому же времени принадлежатъ еще басни и присловья. Самсонъ, смиритель львовъ, одолѣваетъ въ нихъ символъ лѣтняго солнечнаго зноя, точно такъ же какъ съ другой стороны онъ самъ производитъ дѣйствія послѣдняго, пуская въ хлѣбныя поля лисицъ съ зажженными хвостами; послѣ одержанной побѣды онъ удаляется, какъ солнечный богъ зимнею порой; сила у него въ волосахъ, такъ же какъ она въ лучахъ у солнца. Послѣ того какъ Израиль достигъ сознанія что и само солнце создано Іеговой, указавшимъ ему пути его, древнія миѳическія о немъ повѣрья перенесены были на народныхъ богатырей, ни дать ни взять какъ въ Германіи по обращеніи ея къ христіанству. Штейнталь старается выслѣдить отголоски солнечнаго миѳа даже и въ чудесныхъ разсказахъ о Моисеѣ.

Вконцѣ періода Судей стоитъ жреце-пророческая фигура Самуила, а когда между нимъ и Сауломъ порѣшилась борьба духовной власти со свѣтскою, выступаетъ на сцену царь Давидъ, который совмѣстилъ въ себѣ обѣ эти власти и привелъ израильское царство въ цвѣтущее состояніе; великій какъ герой и политикъ, великій въ нравственныхъ борьбахъ своей соб-

ственной души, въ своемъ искупающемъ вину покаяніи, въ своемъ уповаціи на Бога, сынъ народа, сызмала пѣснелюбивый пастухъ, онъ надолго даетъ господствующій тонъ поэзіи, такъ что бо́льшая часть псалмовъ носила потомъ его имя. Его можно уподобить Карлу Великому между прочимъ и въ томъ, что онъ велѣлъ собрать воедино пѣсни въ честь храбрыхъ, пѣвшіяся изстари. Съ трогательной грустью, но вмѣстѣ и съ геройскою энергіей, изливалъ Давидъ скорбь свою о смерти Саула и Іонаѳана. Не слѣдъ, говоритъ онъ, повѣдывать чужимъ о страшномъ побіеніи силы и красы Израиля, чтобы не возвеселились этимъ дочери иноплеменничьи. Да не сойдутъ ни роса, ни дождь на горы Гелвуйскія (Гильбоа), гдѣ брошенъ былъ щитъ царя-героя. Саулъ и Іонаѳанъ какъ при жизни любили всегда другъ друга, такъ и въ смерти остались неразлучными. Они были легки пуще орловъ и крѣпки пуще львовъ. Но всего горче поэту смерть друга его, Іонаѳана, который удивительно любилъ его, больше чѣмъ «женскою любовью». — Другая пѣснь, на внесеніе кивота Божія въ Іерусалимъ, велитъ настежь растворить ворота, да войдетъ въ нихъ царь Славы, Владыка воевъ небесныхъ, Господь силъ, крѣпкій во брани. — Далѣе встрѣчаемъ мы превосходныя картины природы, гдѣ дѣло однакожь вовсе не въ праздныхъ описаніяхъ, но въ томъ чтобы излить преизбытокъ внутреннихъ чувствъ, чтобы вознестися мыслью къ Богу. Голосъ Іеговы раздается въ громахъ бури, и огнемъ сверкаетъ въ молніяхъ; вся пустыня трепещетъ передъ нимъ какъ листъ, кедры ломаются какъ хворостъ и горы скачутъ что молодые буйволы; звукъ его — великолѣпіе и сила, онъ укрѣпляетъ народъ и посылаетъ ему спасеніе. Какъ прекрасно въ другомъ псалмѣ олицетворено солнце, которое какъ герой и женихъ выходитъ изъ своего чертога!

Небеса повѣдываютъ славу Божію,
Созданьемъ рукъ его величается твердь,
День сказываетъ о томъ дню,
И ночь передаетъ ночи.

И бесѣды ихъ не втайнѣ,
Не остаются беззвучными;
Онѣ оглашаютъ собой всю землю,
Слышатся по концамъ вселенной,
Тамъ, гдѣ солнце раскинуло шатеръ свой.

И какъ женихъ выходитъ оно изъ опочивальни,
Какъ богатырь бодро и весело пускается въ путь;
Поднявшись по одинъ край неба,
Идетъ оно склоняясь къ другому,
И ни чему не укрыться отъ зноя лучей его.

Поэтъ, созерцая величіе Божіе въ чудесахъ міра, невольно иногда спрашиваетъ: И что́ же такое человѣкъ, что ты, Господи, о немъ помнишь, что́ такое сынъ человѣческій, что ты о немъ заботишься? Тутъ онъ глубоко скорбитъ о грѣхахъ своихъ, винится Богу въ своемъ недостоинствѣ и сознаетъ въ испытываемыхъ имъ печаляхъ и бѣдствіяхъ достойную себѣ кару. Окруженный волнами смерти, опутанный сѣтями пагубы, взываетъ онъ къ своему Богу, обѣщая ему свято содержать правду его и уповая за тѣмъ на его помощь, надѣясь что онъ будетъ ему щитомъ, прибѣжищемъ и спасителемъ.

Съ своеобразной силою, съ высокимъ вдохновеніемъ, съ истинно творческимъ богатствомъ Давидъ первый придалъ духовной поэзіи тотъ торжественный тонъ, которымъ звучитъ она съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ столѣтій. Впослѣдствіи мѣсто страстной возбужденности болѣе и болѣе заступаетъ вдумчивое размышленье, и на ряду съ тѣми изліяніями чувствъ какія вызываетъ у отдѣльныхъ лицъ грозный напоръ событій, мы видимъ уже и такія стихотворенія, которыя прямо предназначались для общественной службы въ храмѣ.

Давидъ былъ герой и пѣвецъ, а сынъ его, Соломонъ, — царь мирнаго времени, любитель пышности и создатель іерусалимскаго храма. Іудеи стали теперь могущественнымъ народомъ, они вступили въ общій кругъ дѣятельности древняго міра, взглядъ ихъ уже не ограничивался предѣлами одной только ихъ родины, и среди упроченнаго миромъ покоя развернулась у нихъ охота къ познаніямъ и къ изученію всякой премудрости. Духъ не только уже углублялся съ религіозной ревностью въ самого себя, но началъ размышлять и о дѣлахъ внѣшняго міра, объ исторической связи въ событіяхъ и судьбахъ народовъ. Такимъ образомъ возникли у нихъ бытописаніе и философія,—послѣдняя однакожь не въ научной формѣ діалектическаго доказательства, а въ видѣ непосредственнаго выраженія дознанной истины. Она хватается обыкновенно за чувство, облекается въ заманчивую форму стиха и часто, какъ бы въ подтвержденіе внѣшнею дѣйствительностью, онагляживается въ какомъ-нибудь образѣ, подходящемъ къ дѣлу. Тутъ опять впереди всѣхъ сталъ царь. Мудрость его обнаружилась какъ въ замысловатыхъ судебныхъ приговорахъ, которыми умѣлъ онъ добиться сокровенной правды, такъ и въ загадкахъ, предложенныхъ ему для испытанія и потѣхи Савскою царицей. Онъ явился первымъ на свѣтѣ естествословомъ, описывая растенія, отъ Ливанскихъ кедровъ и до исопа, взбѣгающаго вдоль стѣнъ. Онъ придалъ народной поговоркѣ художественную выработку, вслѣдствіе чего пословичная мудрость Евреевъ была связана съ его именемъ, и даже все позднѣйшее въ сборникахъ приписано одному ему. Къ религіозной истинѣ присоединились теперь богатство житейскихъ опытовъ и зоркій взглядъ на дѣйствительность; изъ этого духъ еврейскій создалъ особый родъ умственной поэзіи. Какъ первичную поэзію и философію человѣчества видѣли мы въ отчеканкѣ и образованіи словъ для выраженія мысли, такъ точно и въ пословицѣ предстаетъ намъ непосредственная связь смысла съ образомъ: высказывается какой-нибудь особый фактъ, какъ носитель всеобщей истины, и идея остается связанною съ этимъ фактомъ, который ее возбудилъ. «Дерева съ разу не повалишь» говорится — чтобы выразить что любое сколько-нибудь значительное предпріятіе требуетъ упорнаго и напряженнаго труда. Это-то сліяніе реальнаго съ идеальнымъ усвоиваетъ себѣ пословичный поэтъ, и охотно спизываетъ даже нѣсколько поговорокъ на нить общей поддерживающей ихъ мысли, не заботясь собственно ни о какомъ логическомъ ихъ сопряженіи или развитіи. Евреямъ очень пáруку при этомъ ихъ параллелизмъ, и во второмъ стихѣ они любятъ поналечь на смыслъ образа, выставленнаго въ первомъ; напримѣръ:

Желѣзо острится о желѣзо,
И одинъ умъ изощряется о другой.

Иногда предлагаютъ они сравненіе:

Бранчивая баба —
Что худой кровельный жолобъ въ ненастье.

Или къ положенію придаютъ противоположеніе:

Уста праваго источникъ жизни,
Уста нечестивца скрываютъ насиліе.

Глубокъ родникъ думы въ сердцѣ человѣка,
Но умный зачерпнетъ и изъ глубины.

Отцы ѣли кислый виноградъ,
А у дѣтей оскомина.

Съ именемъ Соломона связано другое изящное произведеніе, благоуханнѣйшій цвѣтокъ мирской лирики въ сѣверной Палестинѣ за все 9-е столѣтіе предъ Р. Х. Мы говоримъ о «Пѣсни пѣсней». Это не сборникъ древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ народныхъ пѣсенъ о любви и вѣрности, какъ думалъ нѣкогда Гердеръ, полагая начало истинному пониманію этой поэмы вопреки всѣмъ тѣмъ кто объяснялъ ее аллегорически, и мѣтко раскрывая своеобразныя красы восточной поэзіи; да она также и не драма, какъ утверждалъ Эвальдъ, вѣрно схвативъ руководящую нить ея единства и поступательнаго развитія: подобно Гитаговиндѣ у Индійцевъ и многимъ такого рода вещамъ новѣйшихъ поэтовъ, она чисто-лирическая картина исторіи любящаго сердца, гдѣ отвѣчающее послѣдовательнымъ положеніямъ внутреннее настроенье высказывается то въ монологическихъ, то въ діалогическихъ пѣсняхъ. Все перенесено здѣсь въ настоящее, все представлено въ видѣ непосредственнаго ощущенія, дѣйствіе намѣчено такимъ образомъ слегка и отрывочно, тонъ народной пѣсни подвергся переработкѣ на художественный ладъ, и изо всего этого вмѣстѣ вышло богатѣйшее цѣлое. Поэма начинается полнымъ томительнаго желанья обращеніемъ Суламиты къ любимому ею пастуху. Съ наступленіемъ весны онъ приглашалъ ее на прогулку, но братья приставили сестру къ уходу за виноградникомъ. Тамъ она расхаживаетъ тоскуя и встрѣчается съ царемъ Соломономъ и его свитою; ее берутъ въ ближайшій потѣшный дворецъ, чтобы присоединить къ гарему. Соломонъ ищетъ любви ея, хвалитъ ея красоту, а хоръ женщинъ воспѣваетъ предстоящее ей счастіе; но сердце ея бьется только для друга, который теперь далеко; она живо представляетъ себѣ, какъ сладко было бы ей подлѣ милаго, и отвергаетъ всѣ искательства царевы. Наконецъ ей даютъ свободу, и возлюбленный приходитъ за ней самъ. Вся поэма — торжественный гимнъ чистой и вѣрной любви. Съ какимъ сладострастнымъ млѣніемъ ни увивается около нея Соломонъ, какъ ни сравниваетъ грудей ея съ четою близнецовъ-газелей, пасущихся между лиліями, — будто грозный звукъ трубы раздается въ отвѣтъ ему прекрасное слово:

Любовь крѣпка какъ смерть,
Жестока какъ адъ ея ревность,
Пылъ ея — пылъ огня,
Божественное пламя.

Ни какому половодью не угасить любви,
Ни какимъ рѣкамъ не смыть ея.
Давай за нее иной хоть все свое богатство,
И тогда онъ встрѣтитъ одно презрѣніе.

То заносчивые и изысканные, то сладострастные образы, какими Соломонъ хочетъ возвеличить красоту Суламиты и снискать себѣ ея расположеніе, стоятъ въ характеристической противоположности съ плѣнительной простотой тѣхъ задушевныхъ звуковъ, въ какихъ сама Суламита или воспоминаемый ею же пастухъ поютъ о наслажденіяхъ и скорбяхъ любовной страсти. Тутъ между прочимъ пускается въ дѣло растительная жизнь съ ея различными цвѣтами и плодами: она должна служить символическимъ языкомъ для изліяній внутренняго чувства. По справедливому замѣчанію Э. Мейера, любви свойственно все относить къ любимому предмету, во всемъ находить только его. Сочиненіе поэмы кажется и ему недовольно яснымъ или слишкомъ ужь обрывчатымъ; въ немъ, какъ и вообще у Евреевъ, ощутителенъ недостатокъ пластики и наглядности объективнаго изложенья, но это возмѣщено такимъ поэтическимъ ароматомъ, такой искренностью и правдивостью чувства, что съ этой стороны наша «Пѣснь» не уступитъ ни одному изъ древнихъ произведеній. Насъ услаждаютъ въ ней глубокіе взгляды на существо любви вмѣстѣ съ тонкимъ чутьемъ къ красѣ природы и прямо живымъ, сочувственнымъ къ ней отношеніемъ. «Но особенно возвышаетъ «ее надъ всѣми подобными созданіями древности дивная гармонія страстной «чувственности съ чистѣйшею нравственностью, — гармонія, которою не-«зримо живетъ и движется вся Пѣснь. Не льзя лучше изобразить душевное «благородство чисто-человѣческой любви. Сколь ни мало введено сюда пря-«мо-религіозныхъ элементовъ, все проникнуто однакожь нравственнымъ ду-«хомъ іудейства, все показываетъ до какой степени онъ просвѣтлялъ и ос-«вящалъ собою даже и мірскую область искусства».

Въ Соломоновъ вѣкъ впервые принялись Евреи и письменно излагать народное преданіе; ихъ взглядъ простерся вмѣстѣ съ тѣмъ за рубежи отечества на иноплеменные народы и на ихъ разнообразныя судьбы; началось бытописаніе (исторіографія) съ твердой вѣрою въ нравственный міропорядокъ и съ неподражаемой рѣшительностью, ясностью и наивностью выраженія, почти за пять сотъ лѣтъ до Геродота, и интересное не менѣе его Музъ, конечно не съ тѣмъ радужно-свѣтлымъ взглядомъ на дѣла міра, но за то глубокомысленное и такъ-сказать полное божества среди излагаемыхъ имъ посмѣнныхъ приливовъ виновности и кары, покаянія и помилованія. Духовный Богъ не давалъ ни какого повода сложиться естественному миоу; въ возвышенныхъ чертахъ изображали его творцомъ міра, вызывающимъ всѣ вещи къ бытію однимъ полносильнымъ словомъ: да будетъ! Человѣка создаетъ онъ по своему подобію и вдыхаетъ ему въ душу жизни свой собственный духъ. Призванный къ нравственности и свободѣ человѣкъ долженъ подвергнуться испытанію, чтобы на дѣлѣ оказать свою состоятельность; но онъ уступилъ соблазну себялюбія; грѣхопаденіе и утрата рая представляютъ въ незатѣйливо-простомъ разсказѣ неподражаемое историческое выраженіе нравственной истины. И здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются отголоски симитской миѳологіи, но всѣ они пере-

работаны въ духовно-нравственномъ смыслѣ. Такъ она оставила свой слѣдъ въ исторіи Ноя и великаго потопа; но древневавилонскому воспоминанію приданъ здѣсь нравоучительный оттѣнокъ: люди истребляются за свои грѣхи, а передъ спасеннымъ праведникомъ блещетъ знаменемъ завѣта радуга примиренія. За тѣмъ содержаніемъ былинъ становится народная жизнь, и въ религіозномъ тонѣ ихъ ясно выступаетъ идеальный характеръ. Складъ вообще такой простой и опредѣленный, что мы какъ будто бы сплошь видимъ передъ собой дѣйствительную быль, исторію, съ тою только разницей, что Божіе могущество, царящее надъ природой, открывается не столько ея путями и средствами, сколько сверхъестественными чудесами. Былины эти точно такъ же не сложились въ эпосъ, какъ и былины древняго Рима. Лирическія пѣсни сопровождали событія, но для объективно-вѣрнаго поэтическаго изображенія послѣднихъ фантазія народа была слишкомъ возбуждена и чувствительна, и религіозное направленье охотнѣе излагало истину въ безприкрасной одеждѣ прозы нежели въ блестящей оболочкѣ поэзіи. Эпосъ и драма не могли расцвѣсть еще и оттого, что человѣкъ самъ по себѣ значилъ слишкомъ мало, что исключительно могучъ былъ одинъ Богъ, онъ одинъ былъ истиннымъ героемъ. Зато прозаическій разсказъ такъ далекъ отъ всякой туманности, а между тѣмъ дѣйствующія лица такъ очаровательно обвѣены ароматомъ первобытной старины, дѣйствительность обрисована въ существенныхъ чертахъ своихъ такъ сердечно и вмѣстѣ такъ идеально, исторія такъ замысловато обращена въ зеркало нравственнаго поведенія человѣка и божескаго міроправительства, младенческій, общедоступный народу элементъ такъ ясно выступаетъ носителемъ идеальнаго, полносильнаго для всѣхъ содержанья, дѣла людскія выставлены такъ свѣжо и первообразно, такъ наивно и вмѣстѣ такъ знаменательно, тожественные, всегда опять повторяющіеся мотивы изложены такъ просто и типично, патріархальная атмосфера вѣетъ на васъ такъ отрадно и освѣжительно, что эти еврейскія лѣтописи, подобно пѣснопѣніямъ Гомера, принадлежатъ къ основнымъ книгамъ человѣчества, и что всѣ дальнѣйшія поколѣнія обращаются къ нимъ какъ къ одному изъ самыхъ первобытныхъ источниковъ правдиваго созерцанія природы и здоровой человѣческой жизни. Фантазія не такъ цвѣтиста, пластическая сила не такъ вольноподвижна и бойка какъ у Грековъ, но здѣсь точно такъ же какъ и тамъ все носитъ на себѣ характеръ пережитаго, не вымышленнаго, а въ самомъ дѣлѣ испытаннаго, и надо всѣмъ разлито истинно-высокое освященіе религіозной правды.

Патріархи оттого сдѣлались такъ важны и для христіанской пластики, что представляютъ собой первообразы жизни, орудія благодати божеской для всѣхъ временъ; библейская исторія уже совлеклась всего случайнаго и преходящаго и выставила въ надлежащемъ свѣтѣ то что̀ полносильно навсегда. Авраамъ — первоначальникъ новаго развитія, побѣдоносный герой и благочестивый слуга Господень, самостоятельный духомъ и силою. Исаакъ—представитель слѣдующаго поколѣнія, хранящаго кротко и вѣрно то что̀ ему дано, и радующагося своей долею; въ немъ и въ Ревеккѣ семейная жизнь возвеличена съ лучшей ея стороны. Іаковъ, надѣленный хитростью, и вмѣстѣ Израиль, богоборецъ, представляетъ въ одномъ лицѣ своемъ двусторонность еврейскаго характера,—его хитрую и цѣпкую стяжательность и вмѣстѣ

силу его вѣры. Граціозная повѣсть объ Іосифѣ звучитъ уже прелюдіей позднѣйшей восточной сказки, а между тѣмъ это вѣчно-истинная исторія о томъ, какъ Провидѣніе обращаетъ ко благу злые умыслы и пагубныя людскія предначертанія: братья продаютъ его, чтобы сбыть съ рукъ сновидца, мечтателя, и тѣмъ открываютъ ему путь къ высшимъ почестямъ, которыхъ онъ достигаетъ мудростью и добродѣтелью, а потомъ становится еще избавителемъ и опорой своимъ единоземцамъ. «Вы умышляли на меня зло, а Богъ все обратилъ во благо», это прекрасное, утѣшительное слово, проливающее такой обильный свѣтъ на судьбы человѣческія, высказано въ заключеніе самой повѣстью, какъ главный смыслъ ея содержанья. — Въ лицѣ нѣкоторыхъ сопротивныхъ или второстепенныхъ героевъ, каковы Измаилъ и Исавъ, представлены родственныя племена Евреевъ. Измаилъ — степной Арабъ, необузданный какъ дикій оселъ; Исавъ теряетъ право первородства, а происшедшіе отъ него Эдомиты, не успѣвъ достигнуть высшаго образованія, побѣждены Израилемъ.

Эти разсказы, содержащіеся въ книгѣ Бытія, и слѣдующая за ними повѣсть объ исходѣ изъ Египта и о законодательствѣ составлены изъ нѣсколькихъ сочиненій: основою служитъ первое и древнѣйшее изъ нихъ, которое Эвальдъ называетъ Книгою Началъ, и къ которому въ видѣ дополненія примыкаетъ другое. Писателя первой книги обыкновенно именуютъ Элогистомъ, такъ какъ въ домоисеевское еще время онъ обозначалъ Бога словомъ Элогимъ, а сочинителя второй называютъ Іеговистомъ, потому что онъ съ самаго начала употребляетъ для этого имя Іегова (правильнѣе Іагве); первый поэтичнѣе и проще, послѣдній чисто прозаиченъ и болѣе созерцателенъ. Къ нимъ примыкаютъ тѣ проповѣди о Законѣ, которыя въ пятой книгѣ Моисея вложены въ уста законодателю и излагаютъ въ его духѣ смыслъ этихъ постановленій, такъ, какъ онъ успѣлъ развиться къ тому времени въ теченіе вѣковъ. Книги эти имѣютъ для литературы то же самое значеніе, какое дѣятельность Моисеева имѣла для всего народа. За Пятикнижіемъ непосредственно идетъ книга Іисуса Навина. Книга Судей въ первоначальномъ своемъ видѣ относилась къ былинамъ и народнымъ пѣснямъ съ такою же вѣрностью давней старинѣ, какъ наприм. ломбардская хроника Павла Діакона относится къ подобнымъ источникамъ; но впослѣдствіи она была переработана въ назидательномъ уже тонѣ.

Раздѣлъ царства послѣ Соломона (въ 975 г. до Р. Х.), утѣсненіе со стороны большихъ сосѣднихъ державъ, упадокъ политической самостоятельности болѣе и болѣе приводили Евреевъ къ сознанію, что они призваны не на мірское только дѣло, но и на духовное,—призваны къ тому, чтобъ указать человѣчеству путь истинной религіи, повернуть его отъ внѣшней стороны ко внутренней. Година народныхъ бѣдствій стала порой духовнаго очищенія. Духовность Божества, при первомъ ея опознаніи, была справедливо превознесена надъ міромъ, но поставлена уже слишкомъ отрѣшенно, и оттого отношеніе человѣка къ Богу вышло не столько тѣснымъ и живымъ, сколько условнымъ, договорнымъ: между Іеговою и народомъ, какъ договаривающимися сторонами, поставленъ былъ завѣтъ, заключенъ союзъ, и огромное большинство Евреевъ думало удовлетворить волѣ Божіей точнымъ

исполненіемъ предписанныхъ внѣшнихъ дѣйствій, думало за соблюденіе закона неотмѣнно получить мірскую мзду, думало приносомъ жертвъ отъ избытка полей и стадъ наверстать свою личную богопреданность. Тогда въ соотвѣтствіе съ истиннымъ призваніемъ Іудейства сложилось мало по малу убѣжденіе, что на мѣсто завѣта справедливости необходимъ новый завѣтъ милосердія, благодати, что воля Божія отнюдь не внѣшній какой-либо законъ, передъ которымъ человѣкъ склонялся бы въ рабскомъ трепетѣ, но то усвоенное имъ съ дѣтскою любовью начало внутренней его жизни, что съ Богомъ можно примириться сердечною только жертвою, что въ общеніи съ нимъ истинное счастіе и лучшая награда добродѣтели, но что эта новая, тѣснѣйшая связь съ Божествомъ должна быть водворена такою личностью, которая представляла бы въ себѣ единство божеской и человѣческой природы и сообщала бы его всѣмъ, кто искренно къ ней примкнетъ. И ожиданіе такого помазанника или Христа Божія, Мессіи, въ которомъ еврейская фантазія прозрѣвала идеалъ свой въ будущемъ, точно такъ же какъ съ другой стороны она созерцала его довѣка предображеннымъ въ Авраамѣ, перешло, постепенно очищаясь, отъ представленія о мірскомъ блескѣ къ упованію, что внутреннею силою одной долготерпѣливой любви онъ обратитъ сердца ожесточенныхъ, преобразуетъ и примиритъ съ Богомъ міръ, водворитъ на землѣ царствіе Божіе.

Носителями этого постепеннаго развитія іудейства въ христіанство были пророки. Они истолковывали и жизнь отдѣльныхъ лицъ и судьбы народа такимъ образомъ, что вездѣ учили познавать руку Господню и, въ упованіи на нравственный міропорядокъ, возвѣщали предуказуемую ею будущность не столько относительно частныхъ событій, сколько вразсужденіи общаго хода дѣлъ. Законы природы, нравственный чинъ міра, тѣ важнѣйшія истины, которыми управляется людская жизнь, все это—великіе Божіи помыслы, которые рожденный въ духѣ Божіемъ человѣкъ носитъ изначала въ самомъ существѣ своемъ и долженъ приводить въ себѣ къ сознанію; этимъ именно путемъ доходитъ онъ до чувства общенія своего съ Богомъ. Откровеніе этихъ истинъ душѣ его освѣщаетъ послѣднюю, и первоначально онѣ являются не плодомъ науки, а во всей непосредственности созерцанія, какъ предстающее душѣ видѣнье, гдѣ тотъ или другой частный образъ всегда повѣдываетъ собой нѣчто общее. Божественное *я*, какъ *я* вселенское, постоянно проникаетъ насквозь рожденное въ немъ *я* отдѣльнаго человѣка; если послѣднее отъ него отрѣшается и часто противустаетъ ему въ заблужденіи и грѣхѣ, то божественное начало все-таки перемогаетъ человѣческое и заявляетъ себя въ немъ голосомъ совѣсти или внезапнымъ уясненіемъ (откровеніемъ) для него вѣчныхъ истинъ. Что это вдохновеніе изъ глубины души вовсе не взятое откуда-нибудь готовое преданье, но прямо возбужденіе къ самодѣятельному ходу помысловъ, что человѣку остается здѣсь только человѣчески оформить свое внутреннее влеченее, — я подробно доказалъ это въ «Эстетикѣ» (см. теорію фантазіи) и прослѣдилъ во всѣхъ сферахъ жизни совмѣстное всегда дѣйствіе личности божественной и человѣческой. Пророчество принадлежитъ сюда же.

Поэтическій и пророческій элементъ близко соприкасаются другъ съ другомъ. Невольно вспыхивающая мысль, неодолимое влеченье выразить свою

идею, взрывъ какой-то сверхчеловѣческой, вышней силы — вотъ форма, которою оба эти элемента отличаются отъ всего обыкновеннаго, отъ дѣйствій самосознательнаго соображенія и произвольной изобрѣтательности, придумки. Тамъ, гдѣ какая-нибудь истина впервые прорывается впередъ, скажемъ мы вмѣстѣ съ Эвальдомъ, тамъ она сильно овладѣваетъ человѣкомъ, въ душѣ котораго проложила себѣ путь; она приходитъ къ нему не изъ вторыхъ рукъ, не въ ослабленномъ, половинчатомъ какъ-бы видѣ, а всецѣло, неодолимо и непосредственно; но гдѣ она приходитъ такимъ образомъ, въ ней и съ нею приходитъ самъ нераздѣльный отъ истины вышній Богъ. Отсюда увѣренность пророка, что онъ преисполненъ овладѣвшаго имъ неодолимо божества; высшіе помыслы сверкаютъ у него какъ молніи, рокочутъ какъ удары грома среди потока обычныхъ думъ и стремленій. Но откровеніе не дѣло какого-нибудь чуждаго могущества, дѣйствующаго со стороны: вѣдь глубочайшее существо наше Богъ, основа жизни всего сущаго; а потому духъ узнаетъ самого себя въ высшей истинѣ, онъ собственно и доходитъ до себя благодаря только ей, и то, что́ созерцаетъ онъ въ моментъ вдохновенія, онъ способенъ потомъ удержать за собою, разъяснить самому себѣ и употребить на пользу другимъ.

Съ этой точки зрѣнія пророки были первоначальниками всякой религіи; къ числу ихъ принадлежатъ и религіозные преобразователи, каковы наприм. Заратуштра и Сократъ; Авраамъ и Моисей были въ свою очередь пророками. Но въ особенности названіе это дается тѣмъ избраннымъ мужамъ, которые блюли и разработывали религію духа среди Іудеевъ. Какъ звенья длинной электрической цѣпи стоятъ они здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, и дѣятельность ихъ высказывается своеобразною литературою въ пророческихъ книгахъ. Каждый изъ нихъ испыталъ на себѣ хоть одинъ разъ наитіе духа Господня; «хоть одинъ разъ долженъ былъ извѣдать боже«ственную мощь истины передъ силами всего свѣта и сознать, что только «ею одной онъ движется и живетъ; хоть одинъ разъ долженъ онъ былъ со«вершенно войдти въ помыслы Божіи и отдавшись имъ беззавѣтно и вполнѣ, «обрѣсти въ этомъ плѣну и новую силу, и свободу»; — вотъ почему онъ и стоитъ на такомъ высокомъ глядкѣ, что прозрѣваетъ законъ вещей и въ прошедшемъ и въ будущемъ; провозвѣстіе его — поэтическая философія исторіи. Онъ не столько изрекаетъ доказательно какія-нибудь общія положенія или поученья, сколько провидитъ всеобщее въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, и сосредоточиваясь на особенности его, дѣлаетъ этотъ случай образомъ и подобіемъ всеобщаго и вѣчнаго, и разъясняетъ темноту, запутанность данныхъ отношеній тѣмъ что водворяетъ въ нихъ владычество идеи. Ветхозавѣтный пророкъ часто прямо начинаетъ съ постановки образа и вызываетъ сперва народъ на самостоятельное его истолкованье, а за тѣмъ уже истолковываетъ и самъ. Или же дѣлаетъ самъ себя этимъ образомъ, возлагаетъ себѣ на плечи иго и ходитъ босой въ знакъ плѣна и бѣдствія, которыя должны выпасть на долю народу; разбиваетъ въ дребезги сосудъ, чтобы изобразить какъ распадется царство, или приставляетъ себѣ рога *,

* По замѣчанію Розенмюллера, рога въ головномъ уборѣ и теперь еще составляютъ на Востокѣ принадлежность особенно знатныхъ лицъ.

какъ неодолимый побѣдитель, въ предчувствіи грядущаго возвышенія и счастія, или даетъ собственнымъ дѣтямъ полносмысленныя имена въ знакъ того, что имена эти исполнятся, коль скоро дѣти съумѣютъ произнести ихъ.

Пророки были блюстителями закона и духа въ виду окружавшаго Израиль обоготворенія природы и Ваалослуженія, а также и противъ тиранніи свѣтскихъ владыкъ; Гердеръ назвалъ ихъ божественными демагогами, а Мейеръ говорящей совѣстью израильскаго народа; они были народными витіями и хотѣли чтобы Израиль сталъ нравственно свободенъ и единодушенъ у себя дома; они дѣйствовали въ виду вдохновлявшей ихъ будущности, которой заранѣе пролагали дорогу, которой отрадная картина бросаетъ примирительный отблескъ на гнѣвныя укоризны, обращаемыя ими къ современникамъ. Первоначально они люди дѣла и люди рѣчи устной, не письменной; таковъ, величайшій въ этой группѣ, Илія: какъ губительный огонь ринулся онъ на отпадшихъ и невѣрующихъ, но самъ дозналъ внутреннимъ опытомъ что Господь приходитъ не въ грозной бурѣ, но въ тихомъ вѣяніи; смѣлую образность рѣчи, въ какой высказывалъ онъ свои созерцанія, высокое впечатлѣніе его личности, народная молвь выработала въ чудесныя былины, которыя въ свою очередь изложены потомъ въ духѣ пророчества. За тѣмъ слѣдовали дивные лики Исаіи и Іереміи, у которыхъ къ слову, къ осуществленію его дѣломъ и страданіемъ, присоединялась еще письменность, художественное изложеніе ихъ боговдохновенныхъ дѣйствій, пока наконецъ пришло и такое время, когда мѣсто живой рѣчи заступила чисто-письменная дѣятельность, породившая однако также нѣсколько превосходныхъ вещей. Языкъ у старѣйшихъ пророковъ сжатъ и поэтиченъ, по формѣ онъ вольнѣе нежели въ лирикѣ и риторски-сильнѣе; онъ любитъ свѣжесть народной поговорки и врѣзывающуюся въ память игру словъ, которая уже въ самомъ звукѣ рѣчи умѣетъ найдти символическое мыслевыраженіе; напримѣръ: я печалуюсь Богу, но не печалюсь. Позднѣйшіе пророки, пророки-писатели, не такъ уже подчиняются силѣ овладѣвающихъ ими чувствъ, и произведенія ихъ болѣе созерцательнаго рода; они излагаютъ свои мысли въ тонѣ поучающей прозы или же аллегорически облекаютъ ихъ въ видѣнія; освященіе истины проливаетъ кроткій свѣтъ свой на лучшія изъ этихъ созданій.

Развившіяся въ средѣ пророчества воззрѣнія Бунзенъ формулируетъ такъ: «Религія духа — религія будущности и должна стать общимъ достоя-«ніемъ человѣчества. Поэтому все внѣшнее, что́ хочетъ заступить ея мѣ-«сто, обречено на гибель судомъ Божіимъ. Спасеніе народу придетъ отъ «владыки, потомка Давидова, который водворитъ на землѣ царство мира и «благодати. Сознательно-благочестивое преданіе собственной жизни за народъ «и человѣчество во славу царства Божія—вотъ истинная побѣда надъ міромъ «и примиреніе человѣчества съ Творцомъ. — За темной тучею настоящаго, «обложившею тогда Сіонъ, они провидѣли свѣтозарный лучъ внутренняго «освященія, который потомъ дѣйствительно просіялъ оттуда для всего міра.»

Древнѣйшею пророческою книгой была Іоилева. Въ лицѣ его поэтъ чуть-ли не преобладаетъ надъ провидцемъ: дотого наглядны его изображенія, какъ тучи саранчи надвигаютъ подобно воинству, какъ каждая изъ нихъ идетъ неуклонно своей дорогой, какъ богатырски лѣзутъ онѣ на стѣны и ни какія

копья не въ силахъ прорвать сомкнутый ихъ строй. Чтобы умилосердить Бога, пусть женихъ выйдетъ изъ опочивальни и невѣста изъ своей храмины, пусть соберутся передъ Господомъ всѣ, старъ и малъ. Но пусть они расторгнутъ сердца свои, а не ризы. И изъ этого общаго покаянія, къ которому привела общая бѣда, взойдетъ наконецъ день Господень, духъ Божій прольется на весь народъ, такъ что всѣ старцы воспророчествуютъ и всѣ юноши узрятъ видѣнія. Но по мысли Іоиля, одни только Іудеи будутъ причастны спасенію; жажда мести врагамъ, племенная ненависть и земныя надежды мутятъ чистую струю его вдохновенія, внушившую пророку возвѣстить какъ высшую благодать то тѣсное общеніе съ Богомъ, котораго онъ ожидалъ въ скоромъ времени, но которое, по заявленію Петра, настало только въ первый день Сошествія Св. Духа.

Когда благочестивое чаяніе въ ту пору не осуществилось, когда Израиль попрежнему страдалъ и отъ напора внѣшнихъ враговъ, и отъ внутренняго разлада, и отъ богозабвенія, и когда Іоилевы пророчества многіе стали уже подымать на смѣхъ, тогда внялъ гласу Божію оекуйскій пастухъ, Амосъ, и смѣло началъ свою громовую проповѣдь:

Левъ взреветъ, и кто не убоится?
Господь Богъ глаголетъ, и кто (слыша его) не прореčетъ?

Начавъ съ иноплеменниковъ и выставивъ грѣхи ихъ причиною суда Божія, онъ все ближе и ближе подходитъ къ Израилю и напоминаетъ народу о томъ, что не льзя безнаказанно нарушать нравственный міропорядокъ, какъ не льзя нарушать законы природы.

Какъ? развѣ пускаютъ коней бѣгать по скаламъ, или пашутъ море быками,
Что вы обращаете судъ во гнѣвъ и плодъ правды въ полынную горечь?

Сынъ природы, онъ рисуетъ въ ужасающихъ чертахъ естественныя явленія того суднаго дня, когда солнце сядетъ вдругъ въ самый полдень, когда потрясется вся земля, всѣ живущіе на ней поблекнутъ, и неправые даже и въ пучинѣ морской не укроются отъ могущества Божія; а потомъ представляетъ въ отраднѣйшей картинѣ день мира и благодати, когда пахарь пойдетъ обруку со жнецомъ, виноградарь съ сѣятелемъ, и горы сами собой источатъ капли сладчайшаго виноградпаго сока. Ассиріянъ Амосъ признаетъ бичемъ въ рукѣ Божіей. И язычники не погубятся вконецъ, а приведутся къ единому истинному Богу и вступятъ въ царствіе его вмѣстѣ съ Израилемъ, когда онъ очистится огнемъ покаянья. Первый изъ пророковъ онъ говоритъ что для дѣла спасенія необходимъ Спаситель, такая человѣческая личность, въ которой Богъ откроетъ всю полноту своей силы и славы.

Какъ въ собственномъ сердцѣ Осіи гнѣвъ прорывается только изъ чувства болѣзной любви, такъ онъ глубже всѣхъ другихъ пророковъ умѣлъ постичь и неисповѣдимую бездну любви Божіей. Богъ прежде всего отецъ, осыпающій дѣтей своихъ благодѣяніями; въ благодарность за то они отпадаютъ отъ него, и тогда онъ караетъ ихъ, но караетъ съ тѣмъ чтобъ исцѣлить; у него и въ мысли нѣтъ о томъ чтобъ ихъ окончательно отвергнуть: онъ хочетъ

спасти ихъ, освободить отъ смерти; они должны называться дѣтьми Бога живого. Потомъ еще знаменательнѣйі проводится черезъ всю книгу картина супружеской любви, въ подобіе отношеній Бога къ человѣчеству. Въ видѣ притчи пророкъ разсказываетъ сначала, какъ онъ взялъ за себя блудницу и долженъ былъ запереть ее чтобы наконецъ исправить. Отпаденіе Израиля и идолопоклонство его описываются какъ рядъ блудодѣяній; казнь за нихъ должна повести къ новому завѣту или союзу, и Іегова говоритъ:

Обручусь тебѣ навѣки,
Обручусь тебѣ въ правдѣ и судѣ, въ любви и милосердіи.
Обручусь тебѣ въ вѣрности,
И увѣдаешь ты Господа. . . .
Хочу любви, а не жертвы,
Богопознанія, а не всесожженій.

И брачнымъ союзомъ этимъ должна возвеселиться вся природа, птицы небесныя и звѣрь лѣсной должны насладиться его благодатью, луки и мечи должны совершенно изгибнуть. — Осія — лирикъ въ полномъ смыслѣ слова, ощущенія поднимаются и падаютъ у него какъ волны, вся рѣчь его — «страстный лепетъ.»

Смѣлые образы остаются неопосредствованными или связываются только прыжками воображенія; все вмѣстѣ носитъ характеръ вѣщаго намека, а не яснаго изложенія; языкъ полонъ чувственнаго колорита и свѣжести, но отрывистъ и самородно суровъ. Мейеръ замѣчаетъ: «Чисто-человѣческая «любовь двухъ половъ, которая при своей неодолимой силѣ заключаетъ въ «себѣ и величайшую вѣрность и вмѣстѣ чистѣйшую нравственность, пре«вознесена всего достойнѣе въ Пѣсни Пѣсней. Чѣмъ была эта Пѣснь въ «области мірской народной поэзіи, то самое и трудъ Осіи въ ряду пророче«скихъ книгъ: любовь и здѣсь выходитъ самою глубокою, всеоживляю«щею пружиной. Правда, обѣ піэсы представляютъ двѣ великія противо«положности, но обѣ онѣ сопринадлежны и знаменуютъ собой вѣчный па«раллелизмъ между небомъ и землею. Для сѣверной же Палестины очень «характеристично то обстоятельство, что именно здѣсь впервые раздалось «благовѣстіе чистой человѣческой и божественной любви.»

Подъ именемъ Захаріи соединены изреченія двухъ можетъ-быть одноплеменныхъ мужей, но и разновременныя, и различныя по стилю, такъ какъ въ нихъ упоминается о событіяхъ, изъ которыхъ одни случились до 700-го, другія около 600-го предъ Р. Х. Здѣсь обѣщанъ возвратъ изъ плѣна, школа бѣдствія очиститъ падшій народъ и подготовитъ его къ царству Мессіи, которому сопричастны будутъ и язычники. Оно водворится не силою; Господь, напротивъ, говоритъ:

Радуйся, дочь моя, Сіонъ, торжествуй, дочь моя, Іерусалимъ!
Вотъ грядетъ къ тебѣ царь твой, праведный и побѣдоносный,
Смиренно сѣвъ на осла, жеребенка ослицы.
Тогда истреблю я колесницы Ефремовы и коней іерусалимскихъ,
Изломается въ куски бранный лукъ, а миръ возвѣстится народамъ,
Миръ водворится отъ моря до моря, отъ рѣки до рѣки, вплоть до крайнихъ земныхъ предѣловъ.

Къ образу пришествія князя міра примѣнился Христосъ вступая въ Іерусалимъ, и тѣмъ самымъ ознаменовалъ себя народу обѣтованнымъ Мессіею.

«Что рѣдко соединяется въ одномъ и томъ же духѣ, — глубочайшій поэ-«тическій порывъ и чистѣйшее чувство, всегда себѣ вѣрная, неутомимая «и успѣшная дѣятельность среди всѣхъ жизненныхъ превратностей и тре-«вогъ, и наконецъ истинно-художническая легкость и прелесть изложенія, «этотъ тройственный союзъ находимъ мы осуществленнымъ у Исаіи (около «700 годовъ до Р. Х.) болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ пророковъ, и изъ очевид-«ныхъ слѣдовъ постоянно-совмѣстнаго дѣйствія этихъ трехъ силъ невольно «заключаемъ о прирожденномъ величіи его генія. Въ немъ дружно сходятся «къ стройному согласію всѣ силы и красоты пророческой рѣчи; отличіе его «не въ какой-либо той или другой особенности, а именно въ соразмѣрности «и совершенствѣ цѣлаго.» Такъ говоритъ Эвальдъ. Дѣло въ томъ, что властительная мощь генія проникаетъ и направляетъ у Исаіи всѣ силы души, всѣ способности чувственнаго созерцанія, и такимъ образомъ ставитъ его полнѣйшимъ повелителемъ надъ формою; онъ не увлекается ни страстнымъ движеніемъ сердца, ни круговоротомъ событій, напротивъ онъ всегда надъ ними хозяинъ и обладаетъ притомъ всѣми оттѣнками выраженія, особенно же дивнымъ искусствомъ сплетенія разныхъ образовъ, гдѣ одно созерцаніе живо вытекаетъ изъ другого, но въ бурливомъ потокѣ ихъ вездѣ сверкаетъ ясной полосою основная мысль, подобно тому какъ и въ самомъ содержаніи онъ мастерски умѣетъ слить и сочетать угрозу, молитву и упованіе. Послѣ предварительнаго нравственнаго очищенія, послѣ того какъ ангелъ (серафимъ) очистилъ горящимъ углемъ уста его, онъ выступилъ народнымъ витіей. Онъ возсталъ на распространяющіяся сластолюбіе и роскошь, онъ ниспровергъ сохранившіеся еще мѣстами остатки идолослуженія, въ которое такъ часто впадалъ опять народъ при постоянныхъ сношеніяхъ своихъ съ сосѣдями; онъ изобразилъ обстоятельства той эпохи, зорко подмѣчая особенности разныхъ народовъ и относительное ихъ могущество, и увѣщевалъ своихъ искать защиты не у иноплеменниковъ, не у Ассирійцевъ, а у Бога. Но сѣверное царство пало передъ Салманасаромъ, и вскорѣ ассирійское войско обложило Іерусалимъ. Тогда моровая язва поразила осаждающихъ, и въ ней именно пришло то спасенье, которое пророкъ обѣщалъ всилу крѣпкаго упованія на Іегову; велико было произведенное этимъ впечатлѣніе, и народъ воочію увидѣлъ живое доказательство тому, что Господь хотя и наказуетъ его за провинности, но нагубы ему не хочетъ, и становится его заступникомъ и спасителемъ, какъ скоро онъ обратится къ покаянію. Тѣмъ ревностнѣе старается теперь Исаія освятить весь свой народъ, осуществить его нравственную свободу. Преобладаніе Ассирійцевъ считалъ онъ порой очищенія: ожесточенныя сердца истребятся, но всѣ прочія обратятся къ Богу и примутся имъ въ милость. Богъ требуетъ не внѣшнихъ жертвъ, а правды, благочестія, смиренія. Дѣло человѣка не наружное ханжество, а чисто-душевное настроеніе; чувствомъ внутренней болѣзни, сознаніемъ грѣховности, сердца приготовляются къ исцѣленью, къ спасенію, которое достигается не заслугой, а благодатью. Духъ Божій хочетъ вселиться въ свой народъ. Отъ одного избраннаго, въ которомъ явится соединеніе божеской природы съ человѣческой, распространится онъ на всѣхъ

прочихъ; изъ рода Давидова произойдетъ Мессія, герой, князь мира, богатый совѣтомъ, прибѣжище закона; онъ вознесетъ страждущихъ и жезломъ устъ своихъ поразитъ насильниковъ; онъ опояшется правдою по чресламъ и обовьется вѣрностью по бедрамъ своимъ. Онъ и язычниковъ приведетъ къ познанію, и царство мира его прострется по всей землѣ. Сама природа явится участницей общаго примиренія: волкъ будетъ пастись вмѣстѣ съ агнцемъ и барсъ отдыхать съ козленкомъ, отрокъ поведетъ за собой льва, и грудной младенецъ станетъ ласкать рукой глаза василиска. Такъ Исаія чудесно превознесъ божественный образъ Мессіи надо всѣмъ человѣческимъ, и для Новаго Завѣта упованіе его осуществилось во Христѣ.

Къ Исаіи по формѣ и по содержанію примыкаетъ Михей. Онъ спрашиваетъ: угодны ли Іеговѣ кровь козлищъ и потоки масла? Богъ требуетъ правды, милости, смиренія; тогда всѣ прегрѣшенія повергнетъ онъ въ морскую бездну. Племена стекаются къ твердынѣ дома его, да научитъ онъ ихъ путямъ своимъ и да пойдутъ они его стезями. Отъ Сіона изыдетъ ученіе и слово Божіе, и миръ водворится на землѣ, раскуются мечи на заступы и копья на ножи виноградарей. *

Израильскій народъ не иначе могъ отстоять за собой всемірноисторическое значеніе и національную самобытность, какъ сознавая свое призваніе въ религіозной идеѣ и въ дальнѣйшей разработкѣ ея; въ противномъ случаѣ ему предстояло играть роль ничтожнаго привѣска къ колосальнымъ сосѣднимъ державамъ. При разстройствѣ, какое еще до плѣненія вавилонскаго настало въ іудейскомъ царствѣ подъ вліяніемъ Ассирійцевъ и Египтянъ, надежда на пришествіе Мессіи утратила мало по малу всѣ чувственные свои элементы, и Евреи начали видѣть свое спасеніе болѣе уже въ новомъ духовномъ завѣтѣ съ Богомъ.

Книга Наума относится къ обложенію Ниневіи Мидянами; для насильственной власти Ассирійцевъ настаетъ теперь справедливое возмездіе. Въ грозѣ и бурѣ—путь Божій, и облака—прахъ ногъ его. Пророкъ созерцаетъ въ духѣ и живописуетъ огненно-ясными чертами паденіе города и торжество угнетенныхъ народовъ. Слабѣе Софонія (Цефанія), ожидающій сперва еще кары для Израиля отъ побѣдоносныхъ Мидянъ, потомъ уже лучшей будущности. Онъ мѣстами почти буквально повторяетъ старшихъ пророковъ. Въ связи съ предчувствіемъ о погибели Іерусалима величавъ свободный взглядъ его на духовныя судьбы всего міра. — Превосходнымъ поэтомъ является опять Аввакумъ (Габакукъ), одинаково великій и мыслію и словомъ, полный художнически-уряжающаго смысла и мѣткой разительной силы рѣчи. Идолопоклонство низвергнуто во прахъ, а между тѣмъ извнѣ новыя бѣды грозятъ народу. Пророкъ видитъ въ этомъ не столько кару, сколько испытаніе; праведникъ живъ будетъ вѣрой и вѣрностью. Съ горькой жалобой ищетъ онъ рѣшить загадку своего времени. Онъ становится на стражу, высматриваетъ съ своего глядня и узнаетъ, что скоро приходитъ конецъ обидчику, а праведный, если и пострадаетъ, тѣмъ надежнѣе можетъ уповать на будущую

* Въ слав. переводѣ заступы названы ралами, а виноградные ножи — серпами.

благость. И онъ молитъ вмѣстѣ съ общиной, да пріидетъ Господь въ грозѣ и бурѣ.

Тогда блескъ славы его покроетъ небеса и могущество его наполнитъ землю,
Свѣтъ его просіяетъ подобно солнцу, лучи вокругъ него явятся одеждой его величія.
Ему предъидетъ жало смерти, и пламя пагубы потечетъ вслѣдъ ногъ его.

Важнѣйшимъ пророкомъ этого времени былъ Іеремія. Мягкосердечный отъ природы, онъ всего чаще изливается въ звукахъ скорби о погибели Іудиной, о плѣненіи народа; душа его постоянно плачетъ въ тиши, крушась о томъ что уведено въ даль стадо Господне; уязвленный язвами своего народа, онъ восклицаетъ:

О, еслибъ голова моя обратилась въ воду, и глаза мои претворились въ родникъ слезъ,
Чтобъ мнѣ плакать день и ночь о побіенныхъ родичахъ!

И мало того что Египтяне, Скиѳы, Халдеи утѣсняли царство іудейское, и Навуходоносоръ овладѣлъ Іерусалимомъ, сами туземные цари платили пророку за энергическое его прямодушіе преслѣдованіемъ, заточеніемъ, грозою смерти. Но и въ тинистомъ рвѣ (куда вергъ его царь Седекія) пребылъ съ нимъ Господь крѣпкій силами, и спасенный отъ явной гибели, онъ сталъ утѣшителемъ своему народу. Изъ такихъ сорокалѣтнихъ подвиговъ и страданій за правду истекли его пѣсни, записанныя ученикомъ его Варухомъ (Барухомъ). Отъ паденія Израиля возводитъ онъ очи къ судьбамъ всего человѣческаго рода и провидитъ въ самомъ разрушеніи будущій расцвѣтъ царства Божія; онъ предвѣщаетъ Израилю его возвратъ и возстановленіе, а человѣчеству — новый завѣтъ съ Богомъ. Вотъ что говоритъ устами его Господь:

Дамъ законъ свой душѣ ихъ и напишу его на сердцахъ ихъ, а не на каменныхъ скрижаляхъ.
Буду богомъ имъ, а они будутъ мнѣ народомъ;
Тогда каждый изъ нихъ станетъ научать другого и братъ брату говорить: познай Господа,
И всѣ они познаютъ меня, отъ мала до велика,
Я же прощу имъ вину ихъ, и грѣховъ ихъ не помяну.

Въ пророческихъ рѣчахъ Іереміи совершается переходъ отъ поэтическаго изложенія къ назидательнымъ размышленіямъ и поученьямъ. Пѣсни такъ называемаго Плача Іереміи отличаются гораздо бо́льшею тщательностью, даже изысканностью въ своей формѣ, и странно, какъ душа, потрясенная скорбію объ ужасахъ іерусалимскаго разгрома, могла излить свои воздыханія какъ-разъ въ 22-хъ строфахъ, начинающихся каждая буквою, какая именно слѣдуетъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Пророкъ Авдій (Обадья) произнесъ громовую рѣчь противъ Эдомитянъ (Идумеевъ), помогавшихъ Халдеямъ въ борьбѣ съ Іудеями; за это онъ грозитъ имъ покореніемъ, какъ скоро возстановится царство Давида.

Между уведенными въ вавилонскій плѣнъ Іудеями находился и Іезекіиль (Эцехіэль), который вышелъ на своихъ легкомысленныхъ соотечественниковъ съ строгой проповѣдью на берегахъ рѣки Ховара (Кобаръ); но у него

нѣтъ уже истинно-творческой силы, и писатель явно перевѣшиваетъ пророка; это въ самомъ началѣ обличается между прочимъ и тѣмъ, что Господь не вдыхаетъ въ него своего духа, а даетъ ему проглотить свитокъ пѣсенъ плача и сѣтованія, съ тѣмъ чтобы онъ сообщилъ ихъ потомъ сынамъ Израилевымъ. Ученымъ образомъ придерживается онъ книгъ Моисея и Іереміи пророка. И онъ пользуется символическими дѣйствіями для изображенія мыслей, но не на дѣлѣ, а только на словахъ, и доходитъ иногда при этомъ до отвратительныхъ подробностей. Недостатокъ живовозбужденной фантазіи старается онъ наверстать тѣмъ, что придаетъ своимъ идеямъ аллегорическую оболочку и излагаетъ ихъ какъ видѣнія; символическія явленія, которыя вслѣдъ за тѣмъ тутъ же и истолковываются, раскрываютъ у Іезекіиля сущность вещей въ настоящемъ и даютъ предчувствовать ее въ будущемъ. Важнѣйшимъ и чисто-поэтическимъ его видѣніемъ должно признать то, когда духъ Господень ставитъ его среди поля полнаго костей человѣческихъ, велитъ ему воззвать ихъ къ жизни, и кости одѣваются сухожильями, обростаютъ плотью, покрываются сверху кожей, а потомъ нисходитъ на нихъ духъ, и онѣ снова оживаютъ: такъ воскреснетъ нѣкогда и Израиль, и вдохновленный Господомъ воротится въ свой край.

Подконецъ плѣна, въ чаяніи освобожденія Іудеевъ Киромъ, жилъ великій неизвѣстный, котораго пророчества присоединены къ писаніямъ Исаіи, начиная съ 40-й главы до 66-й; поэтому его называютъ Лжеисаіею, хотя быть-можетъ онъ также именовался Исаіей. По немъ видно что година страданій была дѣйствительно порой очищенія, что Израиль, оттѣсненный отъ всего міра, глубоко сосредоточился въ самомъ себѣ; религія держится уже безъ всякой внѣшней, искусственной опоры, и духъ народный сознаетъ въ ней свое призваніе. Со всею теплотой и ясностью высказано здѣсь что Израиль борется и страдаетъ изъ-за духовной цѣли, что тяжкое испытаніе — путь къ побѣдѣ истинной; изложеніе краснорѣчиво, языкъ цвѣтистъ. Что сознаніе непреложной любви Божіей должно проникнуть собой сердца, — вотъ мысль, на которую, правда, намекали и прежніе пророки, но которая вполнѣ здѣсь разработана. Соименникъ Исаіи видитъ передъ собой богопреданныхъ людей, съ полной вѣрою уповающихъ на Господа даже и среди бѣдствія, да притомъ еще осмѣиваемыхъ лицемѣрными ханжами; безбожники, дорожащіе однимъ земнымъ благомъ, довели царство до пагубы, и сами же издѣваются надъ благочестивцами, какъ будто бы послѣдніе терпятъ только заслуженное ими горе или какъ будто бы отъ благочестія нечего ждать спасенья. Но, въ чувствѣ своей невинности и упованія на Бога, благородныя души терпѣливо переносятъ скорбь и стыдъ, и эта кротость, эта неизмѣнная любовь даже и подъ бременемъ страданій тронетъ наконецъ ожесточенныя сердца, и благочестивые, невинно бѣдствовавшіе страстотерпцы сдѣлаются потомъ вождями народа, какъ первоначальники его возрожденія, и Господь возвеличитъ ихъ славою. Опираясь на эти помыслы, пророкъ создаетъ теперь новый идеалъ, образъ раба Божія, совершающаго истинное богослуженье; презираемый, безчестимый людьми, онъ тѣмъ не менѣе возлагаетъ на себя ихъ болѣзни, да исцѣлятся они его язвами. Его станутъ мучить не смотря на все его смиреніе, не смотря на то что онъ не раскроетъ устъ, какъ агнецъ ведомый на закланіе, какъ овца, безгласная передъ стригу-

щими. Его даже и схоронят среди злодѣевъ, — его, не повиннаго ни въ чемъ. Такъ передъ провидцемъ ясно взошла мысль, что высшіе умы, благороднѣйшія души часто бываютъ жертвою своего знанія, своей любви, но что именно ихъ страданіе и смерть всего болѣе и служатъ успѣху ихъ дѣла, доказывая неодолимую самой смертью мощь идеи. Въ рабѣ Божіемъ (отрокѣ) олицетворенъ идеальный Израиль, настоящій геній этого народа, пріемлющій на себя муку за истину и за человѣчество; историческою основой подобному идеалу могъ послужить такой человѣкъ какъ Іеремія и такой жребій какъ его; полное, свободное осуществленіе и окончательное себѣ завершенье въ человѣчествѣ нашелъ онъ потомъ во Христѣ; самое духовное изъ пророчествъ всѣхъ вѣрнѣе и исполнилось. Пророкъ посланъ былъ въ утѣшеніе своему народу. Господь принимаетъ жертву очищенія; чашу гнѣва его должны теперь испить враги Израиля: Вавилонъ рушится въ прахъ. Что́ значатъ его боги, изваянные и литые рукою человѣческой, передъ Іеговой, царящимъ надъ всѣмъ кругомъ земли и простершимъ въ выси небо, какъ шатеръ свѣтлый? Въ ничто обратитъ онъ насильниковъ; онъ дохнетъ на нихъ, и они изсохнутъ, буря унесетъ ихъ какъ солому на нивѣ! Онъ взываетъ къ своему народу:

Возстань и сіяй, Іерусалимъ! Идетъ къ тебѣ свѣтъ твой,
И озаряетъ тебя слава Господа.
Тьма покрыла землю, и мгла простерлась надъ народами,
Но народы пойдутъ за свѣтомъ твоимъ и цари за твоимъ блескомъ.
Не закатится для тебя солнце, не ущербнетъ для тебя луна,
Господь будетъ тебѣ свѣтомъ вѣчнымъ, насталъ конецъ днямъ твоего рыданія.

Израиль долженъ быть народомъ священниковъ Божіихъ, храмъ Іеговы — домомъ молитвы для всѣхъ народовъ. Небо — престолъ его, и земля — его подножіе: какой же домъ создать ему, кѣмъ все создано? Онъ исцѣлитъ сокрушенныя сердца, заповѣдуетъ отпустить плѣнниковъ, даруетъ имъ вѣнокъ вмѣсто креста. Какъ сходящій съ неба дождь возвращается туда только напоивъ и оплодотворивъ землю, такъ и Слово Божіе возвратится къ нему только тогда когда вся воля его исполнится.

Киръ отпустилъ изъ плѣна Іудеевъ, но они не пошли далѣе слабаго подражанія тому что́ было у нихъ разрушено, и вотъ почему пророческія писанія повторяли опять прежнія увѣщанья, только примѣняя ихъ къ настоящему. Въ нихъ больше учености чѣмъ живого вдохновенья; картины предшественниковъ сопоставлялись воедино, и чѣмъ менѣе казалось возможнымъ поднять народъ изъ тогдашняго упадка одной человѣческой силою, тѣмъ болѣе образъ Мессіи превозносился надъ человѣчествомъ. Пророки Аггей, Софонія (Цефанія), Малахія (Малеахи) не значительны какъ поэты. Мессія называется у послѣдняго «ангеломъ завѣта», который послѣ страшнаго суда возстановитъ истинное отношеніе между Богомъ и народомъ.

Послѣ довольно спокойнаго промежутка подъ персидскимъ владычествомъ, Іудея, когда умеръ Александръ Великій, стала яблокомъ раздора и поприщемъ войны между сирійскими Селевкидами и Птолемеями, державцами Египта. Бѣдствія ея достигли высшей степени, когда Антіохъ Эпифанъ взялъ Іерусалимъ и потребовалъ служенія богамъ греческимъ. Тогда выступилъ

авторъ книги Даніила, и въ утѣшеніе и въ назиданіе современникамъ написалъ изукрашенныя сказанія о старомъ пророкѣ Даніилѣ. Всѣ они изложены въ тонѣ чудесныхъ видѣній которыя проводятся съ величайшей подробностью; исторія представляется въ формѣ провозвѣстіи будущаго, что̀ конечно было довольно легко вразсужденіи совершившихся событій. Общее бѣдствіе сочинитель считаетъ необходимою подготовкой для мессіанской эпохи, такъ какъ онъ представляетъ себѣ Мессію въ человѣческомъ образѣ, но нисходящимъ отъ престола Божія на небесныхъ облакахъ. Онъ именуетъ его «сыномъ человѣческимъ», — названіе, которое потомъ дѣйствительно прилагалъ себѣ Христосъ.

Взглянувъ теперь снова на лирику въ собственномъ смыслѣ, какою предстаетъ она въ Псалмахъ, мы и въ ней найдемъ отраженіе того умственнаго развитія и тѣхъ настроеній народа, которыя послѣдовательно смѣняли другъ друга въ теченіе столѣтій. Она особенно процвѣтала въ Іудеѣ, гдѣ построеніемъ храма Соломонова утвердилось средоточіе религіозной жизни. Во времена большихъ пророковъ поражаетъ насъ въ ней вопервыхъ духъ мужества и радостнаго упованія на Бога, и потомъ сквозящая вездѣ мысль что Господь существенно всевѣдущъ, что онъ взвѣшиваетъ всѣ поступки и дѣла, сокрушаетъ гордыню, а слабаго препоясываетъ крѣпостью. Какъ всякая истинно-народная поэзія пѣсни эти велики тѣмъ, что поэтъ поддерживается въ нихъ народнымъ смысломъ и чувствомъ, что онъ является мелодическимъ голосомъ цѣлой общины, которая по этой самой причинѣ и можетъ пѣть заодно съ нимъ его псаломъ. Такъ и впослѣдствіи, при конечномъ упадкѣ царства, псалмы глубоко звучатъ напастьми того времени, и самыя благородныя души всего живѣе чувствуютъ общія страданья; но по большой части и здѣсь надъ раздирающей скорбью и отчаяньемъ торжествуетъ непоколебимое упованіе, заявляющее свою силу именно въ тягчайшей душевной борьбѣ.

Тутъ ставится полный горечи вопросъ: отчего во всемъ такъ успѣваетъ нечестивый? Пѣвецъ 72-го псалма, въ противоположность раздолью міра, изображаетъ скорби праведныхъ и углубляется въ думу, пока не проникнетъ въ тайны Божіи и не сознаетъ, на какомъ скользкомъ пути стоятъ нечестивцы, какъ близки они къ паденію. Подобно сну пробуждающагося уничижится образъ ихъ. И вотъ, поэтъ ни чего не хочетъ ни отъ неба, ни отъ земли, лишь бы обладать вовѣки Богомъ; ему сладко прилѣпляться къ Господу и возвѣщать всѣ чудеса его.

Псалмы 41-й и 42-й составляютъ одну изъ прекраснѣйшихъ элегій. Какъ олень жаждетъ свѣжей воды, такъ душа желаетъ Господа; слезы становятся ей пищей день и ночь, когда спросятъ ее: гдѣ же Богъ твой? Тогда сердце истекаетъ кровью; но поэтъ снова ободряетъ самъ себя:

Что́ ты такъ прискорбна, душа моя, что такъ горько тоскуешь?
Возстань и уповай на Господа!
Да, я все еще буду хвалить его,
Моего спасителя и Бога!

И величественнымъ припѣвомъ звучатъ стихи эти вновь и вновь, какъ ни тяжело лежитъ на́ сердцѣ злополучная жизнь въ изгнаньи.

Разрушено святилище, опустошено царство, несчастный народъ уведенъ на чужбину; съ утратою внѣшней бытовой обстановки, болѣе и болѣе выясняется душѣ мысль, что Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ, потому что ему принадлежитъ весь міръ со всѣмъ его наполняющимъ; что онъ не вкушаетъ мяса быковъ и не пьетъ крови козлищъ, а требуетъ послушанія, преданности, любви. Превосходный Плачъ въ изгнаніи оканчивается взрывомъ гнѣва на Эдомитовъ, помогавшихъ раззорить Іерусалимъ.

При водахъ вавилонскихъ, тамъ сидимъ мы и плачемъ,
Воспоминая Сіонъ;
По вербамъ того края развѣшали мы свои арфы,
Потому что плѣнившіе насъ требуютъ отъ насъ пѣсень,
Утѣснители хотятъ веселаго пѣнія:
Спойте-де намъ пѣсень сіонскихъ!

Не станемъ мы пѣть пѣсень Господнихъ въ чужой землѣ.
Если забуду тебя, Іерусалимъ,
Забудь меня правая рука моя!
Прилипни языкъ мой къ гортани,
Если я не помяну тебя,
Если перестану видѣть въ Іерусалимѣ
Вѣнецъ моей радости.

Помяни, Господи, сынамъ Эдома день іерусалимской пагубы!
Когда они говорили: раззоряй его!
Раззоряй до основанія!
Дочь Вавилона, губительница,
Блаженъ кто отомститъ тебѣ за то что́ ты намъ сдѣлала!
Блаженъ кто перехватаетъ дѣтей твоихъ
И всѣхъ разможжитъ о камень!

Съ тѣхъ поръ преобладаетъ въ душахъ мысль о ничтожествѣ земныхъ вещей, о бренности человѣческаго существованія. Человѣкъ, — какъ скоро вянущій цвѣтокъ, какъ трава что зеленѣетъ утромъ и засыхаетъ къ вечеру, трудъ и тлѣнъ его жребій; Господь же несокрушимъ и всегда остается надежнымъ прибѣжищемъ, — онъ, вѣчно бывшій Богомъ, прежде чѣмъ возникли горы и утвердилась земля. Передъ славою его и святостью конечный и грѣшный человѣкъ чувствуетъ себя виновнымъ, но онъ молитъ объ очищеніи и милости, такъ какъ истинная жертва Богу — сердце сокрушенное раскаяніемъ, и истинная молитва — молитва о чистотѣ помысловъ и духовной твердости. Когда же отъ Кира пришло наконецъ освобожденіе изъ плѣна, тогда раздалась трогательная пѣснь:

Мы были какъ во снѣ
Когда Господь воротилъ сіонскихъ плѣнниковъ;
Уста наши исполнились радости
И языкъ нашъ — веселья.

Тогда пошелъ говоръ у язычниковъ:
Господь сотворилъ имъ великое.
Да, великое сотворилъ намъ Господь;
Оттого мы и веселы.

Господи, преложи наши страданія,
Какъ ты пустыни напаяешь потоками.
Сѣющіе слезами радостями пожнутъ.
Съ плачемъ выходитъ человѣкъ сѣять,
Но съ ликованіемъ возвращается собравшій жатву.

Возвратъ изъ чужбины, обновленье храма было знаменемъ возстановленія Іудейства, но именно лишь въ смыслѣ реставраціи. Старина сдѣлалась завѣтною святыней, духъ совершенно прикрѣпился къ буквѣ; законъ былъ изложенъ въ общепризнанномъ писаніи, и книжники обвели его такой оградою, которая должна была оберечь его отъ малѣйшаго нарушенья; бездна вещей была предписана или запрещена только для устраненія всякой даже отдаленной опасности подобныхъ нарушеній. На мѣсто живого откровенія въ совѣсти, стали почитать святыней одну внѣшнюю обстановку религіи, видимое взяло верхъ надъ невидимымъ, наружность надъ внутреннимъ существомъ, святость перешла на извѣстныя мѣста, обряды, утварь и т. д. Тогда исчезла уже естественная свѣжесть поэзіи, зато послѣдняя выиграла въ художественномъ совершенствѣ, и именно въ ней слышится не замершее еще жилобіеніе истинной вѣры; богосознаніе, созрѣвшее благодаря внутреннему и внѣшнему опыту, придавало нѣкоторымъ пѣснямъ чудную ясность и глубину, въ тѣхъ случаяхъ когда благородная душа поэта вдругъ опять отвращалась отъ внѣшностей и устремлялась къ внутреннему существу. Есть уже налицо обильный запасъ помысловъ, и пѣвцы начинаютъ теперь сами владѣть ими (тогда какъ прежде это было наоборотъ). Богъ явно помогъ своему народу, — слѣдуетъ возблагодарить его, воспрославить.

Кто живетъ подъ щитомъ Вышняго
И подъ кровомъ Всемогущаго водворится,
Тотъ взываетъ къ Господу: заступникъ мой и прибѣжище,
Богъ мой, на кого я уповаю.

Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловчей,
Оградитъ плечами своими,
Осѣнитъ своими крыльями,
Охраной и обороной тебѣ будетъ вѣрность его.

Другой псаломъ взываетъ къ Вездѣсущему:

Куда уйду отъ твоего духа,
Куда бѣгу отъ лица твоего?
Взойду ли на небо, ты тамо,
Сойду ли въ адъ, ты опять и тамъ.

Возьму ли крылья утренней зари
И опущусь на конецъ моря,
И тамъ поведетъ меня рука твоя,
И тамъ поддержитъ твоя десница.

Скажу ли: пусть покроетъ меня тьма,
Пусть свѣтъ вокругъ меня станетъ почью;
Но тьма не будетъ передъ тобою тьмой,
Ночь обратится въ день, а мракъ въ свѣтлость

Весь міръ призывается хвалить Творца, Вседержителя. Въ яркихъ чертахъ развертывается картина природы, живо изображаются дѣла и стремленія людскія отъ восхода и до заката солнца, — все въ прославленіе вездѣвластнаго Господа. Свѣтъ — одежда его, небо простираетъ онъ шатромъ, облака — его колесницы, крылья вѣтра несутъ его; бури посылаетъ онъ гонцами, огни небесные обращаетъ въ слугъ. Онъ твердо основалъ землю, воды отступаютъ въ страхѣ передъ громовымъ его голосомъ. Онъ источаетъ изъ горъ ключи и напояетъ дикихъ животныхъ; съ ними рядомъ насыщаются и ростутъ деревья, а птицы гнѣздятся и поютъ на ихъ вѣтвяхъ. Прозябаетъ хлѣбъ на пищу человѣку, на веселье сердцу созрѣваетъ виноградъ. Богъ создалъ мѣсяцъ въ мѣру времени, и солнце знаетъ срокъ своего заката. Тогда начинаютъ гомозиться звѣри дубравные, молодые львы рыкаютъ на добычу. А взойдетъ солнце, — всѣ они уходятъ въ свои логова; человѣкъ же вплоть до вечера принимается за работу. Сколь велики и многообразны дѣла Божіи, какъ премудро они устроены! Море кишитъ рыбами и гадами, онъ открываетъ свою руку чтобы накормить ихъ. Но отвратитъ онъ лицо свое, и они трепещутъ; задержитъ онъ свое дыханіе, и они исчезнутъ. Духомъ своимъ обновляетъ онъ лицо земли. Слава его будетъ вовѣки, и онъ самъ веселится на дѣла свои. Воспоемъ же и взыграемъ же и мы ему, и возвеселимся имъ до конца дней, пока живы. — Александръ Гумбольдтъ приходилъ въ невольное удивленіе, видя въ такой небольшой лирической піэсѣ какъ этотъ 103-й псаломъ живую картину всего космоса, картину земли и неба, въ немногихъ крупныхъ чертахъ. Жизнь природы противопоставлена здѣсь дѣятельности человѣческой, а взглядъ на божіе могущество, незримо царящее надъ той и надъ другой, придаетъ этой поэзіи истинно-высокую торжественность.

Другой псаломъ (предъидущій) воспѣваетъ водительство Божіе въ судьбахъ человѣческихъ, говоритъ какъ Господь явилъ пути свои Моисею и дѣла свои сынамъ Израиля, какъ онъ долготерпѣливъ и милостивъ, какъ онъ объемлетъ благостью своей добрыхъ словно небо объемлетъ землю. Какъ отецъ милосердуетъ онъ къ своимъ дѣтямъ, караетъ неправедныхъ и вѣнчаетъ побѣдою несчастныхъ.

Отрадный цвѣтъ искусства при своенародности содержанія замѣтенъ и въ другихъ вещахъ, принадлежащихъ этой новавилонской эпохѣ. Таковъ, напримѣръ, граціозный разсказъ о сборщицѣ колосьевъ, Руои, раскрывающій намъ всю благочестность еврейской домашней жизни и написанный простымъ, но изящнымъ языкомъ. Авторъ «Германа и Доротеи» называетъ книжку эту милѣйшимъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ созданій эпическо-идиллической поэзіи, а сочинитель «Космоса» превозноситъ въ ней необыкновенно простодушную и вмѣстѣ очаровательную картину природы. — Болѣе поучительнымъ тономъ отзывается книга Іоны, пророческое сказаніе, примкнувшее вѣроятно къ древней пѣснѣ о томъ чудесномъ спасеніи, какъ море, въ видѣ чудовища, само выбросило опять поэта, котораго оно совсѣмъ уже поглотило: это восточный противень къ эллинскому Аріону. Что и у Евреевъ и у язычниковъ удаленіе отъ Бога одинаково приноситъ съ собой напасть, а покорность человѣка вѣчной волѣ снова приводитъ къ спасенію, —

вотъ общая основная мысль, которою проникнута исторія Іоны точно такъ же какъ и исторія Ниневіи. Книга Эсоирь лишена этого освященія коренною религіозною идеей; здѣсь, какъ въ обыкновенной повѣсти, вмѣсто судебъ Божіихъ господствуетъ случай, произволъ, прихоть, страсть; да притомъ весь этотъ разсказъ основанъ не на дѣйствительной были: авторъ хочетъ только исторически обосновать своимъ вымысломъ праздникъ Пуримъ, введенный Іудеями по примѣру персидскаго праздника весны. Вообще къ установившимся прежде образамъ и оборотамъ рѣчи относительно божественныхъ предметовъ входитъ теперь въ іудейское сознаніе и въ іудейскую литературу много обликовъ и чертъ персидской миѳологіи. Вѣдь персидское ученіе о свѣтѣ съ своимъ добрымъ богомъ и нравственнымъ направленіемъ стоитъ ближе всѣхъ языческихъ религій къ іудейству, такъ что тутъ легко сами собой представлялись точки соприкосновенія: злое начало было олицетворено въ видѣ супостата и сатаны, а божескія и дьявольскія силы — въ видѣ ангеловъ и демоновъ. Это вовсе не заимствованіе, а скорѣе воспроизведеніе въ еврейскомъ духѣ.

Въ поалександровскую эпоху греческое образованіе проникло и въ Іерусалимъ, но встрѣтило себѣ фанатическое сопротивленіе со стороны упорныхъ староверовъ. При этомъ случаѣ все новыя и новыя толпы Іудеевъ расходились по всему свѣту, а нерѣдко добровольныя выселенія обусловливались и страстью ихъ къ торговлѣ и между-народнымъ оборотамъ; вскорѣ на всемъ пространствѣ извѣстной тогда земли образовалась идеальная еврейская колонизація, точно такъ же какъ съ другой стороны и греческая. Платонизмъ и стоики соприкоснулись тогда съ еврейской мудростью. Полюбили теперь аллегорическое изложеніе и принялись аллегорически перетолковывать древнія исторіи, чтобы отыскать въ нихъ какъ-нибудь новыя идеи. Въ противность слову Гёте, что «мудрецы всѣхъ временъ киваютъ другъ другу», такъ какъ истина для всѣхъ одна, и потому они неизбѣжно между собою сходятся,—Іудеи думали что Греки позаимствовались у нихъ соотвѣтственными мыслями. Въ законченномъ тогда сборникѣ Притчей Соломоновыхъ Божія премудрость, такъ часто превозносимая и прославляемая уже и прежде въ библейскихъ писаніяхъ, была формально олицетворена, какъ первое созданіе Божіе, какъ художественная образовательница міра, играющая передъ Богомъ, проникающая собой всю природу и веселящаяся человѣчествомъ. Она именно тотъ пай, который внесла отъ себя религіозная фантазія Іудеевъ, чтобы заодно съ эллинскою философіей, съ Гераклитомъ и Платономъ, основать христіанское ученіе о Словѣ. Сборникъ Притчей сопоставляетъ въ нѣсколько большихъ группъ всю древнюю обиходную мудрость, дополненную опытами новѣйшаго времени. Въ Проповѣдникѣ Соломоновомъ или Экклезіастѣ сквозитъ не счастливая пора царствованія этого государя, а скорѣе упадокъ своенародной жизни, грустное пресыщенье свѣтомъ, сомнѣніе въ истинѣ и въ возможности познанія. Все суета! — вотъ послѣднее его слово. Поэтому пользуйся минутой, но такъ какъ вѣдь все на свѣтѣ сомнительно, а съ другой стороны религіозность неизгладима въ Іудействѣ,—то и тутъ не отступайся отъ вѣры въ нравственный міропорядокъ. Все въ мірѣ круговращается, всему свое время и свой чередъ; слѣдуетъ вездѣ брать середину; живой песъ лучше мертваго льва. — Держаться золотой середины

и наслаждаться жизнію веселяся въ Богѣ учитъ также Книга Премудрости Іисуса Сирахова. Какъ и въ позднѣйшихъ псалмахъ мы находимъ въ ней полное любви созерцаніе природы. И здѣсь олицетворяется Премудрость и превозносится какъ даятельница всякой добродѣтели. Заостренные обороты, изысканная цвѣтистость рѣчи, напыщенные образы не даютъ здѣсь правда мѣста чистому наслажденію. Авторъ Премудрости Соломоновой всего лучше успѣлъ сочетать еврейское величіе съ платоновскимъ созерцаніемъ; онъ призываетъ сильныхъ земли постигать премудрость въ вѣрѣ истинной; ибо ничтожны всѣ блага земныя, и только богопознательною жизнію пріобрѣтается безсмертіе и значенье. Премудрость свѣтъ царямъ и защита благочестивымъ. Одно молитвословіе изображаетъ здѣсь правосудіе Божіе въ исторіи. Полновѣсная мѣткость рѣчи и глубокомысліе этого писанія нашли себѣ продолжателей и завершителей въ лицѣ апостоловъ Павла и Іоанна.

О многоподвижности духовной жизни Іудеевъ, оставшихся на берегахъ Эвфрата и Тигра, повѣдываетъ намъ Книга Товита. Ото нея вѣетъ кроткой идилличностью; она въ свою очередь касается глубочайшихъ задачъ, лежащихъ въ основѣ книги Іова, но рѣшаетъ ихъ миролюбиво, помимо тѣхъ сильныхъ трагическихъ столкновеній, какія выводитъ послѣдняя. Новеллистическій, полусказочный ея элементъ проникнутъ струею глубокой религіозности; но религія царитъ здѣсь преимущественно въ кругу домашняго очага и освящаетъ тѣсный союзъ семейной жизни; поучительная сторона еврейской поэзіи очень кстати изложена въ видѣ родительскихъ наставленій дѣтямъ при разлукѣ, а лирическая—въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣснопѣній. Товитъ — типъ добраго, благодѣтельнаго, милосердаго человѣка; его преслѣдуютъ за то что онъ тайно хоронитъ тѣла Іудеевъ, убитыхъ въ Нинев̈іи. Упавшій изъ гнѣзда ласточки теплый калъ неожиданно лишаетъ его зрѣнія. Тогда всѣ издѣваются надъ постигшею его бѣдой и спрашиваютъ съ насмѣшкой, къ чему послужила ему щедрая раздача милостыни? Но онъ попрежнему уповаетъ на Бога и чтитъ его изъ глубины преданной души. Къ сыну его, Товіи, котораго онъ посылаетъ для взысканія одного долга, является въ провожатые добрый ангелъ, Рафаилъ, точно такъ же какъ Паллада Аѳина подъ видомъ Ментора сопутствуетъ молодому Телемаху. Изъ печени рыбы, пойманной Товіею при купаньи, ангелъ приготовляетъ цѣлебную мазь для глазъ его отца, а изъ рыбьяго сердца—курево противъ злого духа, который въ первую же ночь умерщвлялъ всѣхъ прежнихъ молодыхъ мужей прекрасной Товіиной невѣсты, Сары, такъ что юноша могъ благополучно увести ее къ себѣ. Вѣра Товита оправдывается, и все завершается сознаніемъ что именно за любовь его къ Богу было послано ему искушенье, да явится въ полномъ блескѣ вѣра его.

И это естественно приводитъ насъ къ самому художественному созданію еврейскаго генія, къ книгѣ Іова; вмѣстѣ съ Густавомъ Бауромъ я готовъ поставить ее на ряду съ Дантовою «Божественною Комедіей», и назвать ее величайшею религіозной поэмой дохристіанскаго времени, точно такъ же какъ «Божественная Комедія» — величайшая религіозная поэма міра христіанскаго. Обѣ путемъ заблужденія, грѣха и страданій ведутъ человѣка къ истинѣ и высшему блаженству; обѣ основаны на завѣтномъ религіозномъ

воззрѣнiи народа, и обѣ устраняютъ всѣ сомнѣнiя и заблужденья глубокимъ и живымъ постиженiемъ первобытной истины черезъ личное усвоенiе ея стихiй. Iовъ, это первая ѳеодицея, оправданье Бога и его мiроправительства въ виду мiрского бѣдствiя и зла; бѣдствiе — только казнь грѣха, но страданiе предназначено въ то же время дѣйствовать и очистительно, оно можетъ посылаться для одного испытанiя; зло все-таки же во власти Промысла и должно служить его волѣ, добру. «Ходъ рѣшенiя задачи таковъ, что ведетъ «изъ ада сомнѣнiй и отчаянья сквозь очистительный огонь искуса къ живо«творному созерцанiю Бога и вѣчной его истины: книга Iова также Боже«ственная Комедiя въ трехъ актахъ.»

На вопросъ о взаимномъ отношенiи судьбы и свободы, о нравственной дѣятельности человѣка и его бѣдствiи, народное сознанiе Iудеевъ, вѣруя въ нравственный мiропорядокъ и въ его господство даже и надъ природою, отвѣчало такъ: что съ человѣкомъ сбывается по дѣламъ его, что правосудный Богъ караетъ за зло несчастiемъ, а за добро награждаетъ счастьемъ. Если же чувственный смыслъ видѣлъ счастiе и несчастiе только въ обладанiи внѣшними земными благами или въ ихъ утратѣ, то съ другой стороны тотъ горькiй опытъ, что страждутъ однако и неповинные, могъ повести къ распрѣ съ Богомъ, къ сомнѣнiю въ его могуществѣ и благости, не только самого страждущаго, но и вдумчиваго наблюдателя. Содержанiемъ поэмы является именно борьба и рѣшенiе этихъ противорѣчiй, отстаивающихъ свои права и отлагающихъ свои недостатки путемъ вѣрнаго уразумѣнiя первоначальной истины. Сообразно еврейскому генiю, достигающему здѣсь своей вершины, она религiозна, въ особенности полна мысли, и обнаруживаетъ стремленiе не только наставить, но и убѣдить. Основная лирическая струя явственна въ сердечномъ участiи самого автора, который, какъ Гёте въ «Фаустѣ», пользуется старой народною былиной для изложенiя въ ней собственной душевной борьбы, исторiи своего собственнаго духа; она явственна еще и въ томъ способѣ, какъ внутренняя жизнь изображается здѣсь въ своемъ возбужденномъ движенiи. Форма однако — эпическая, повѣствовательная; передъ нами эпическая поэма мысли, гдѣ всѣ собесѣдники — представители различныхъ мiровоззрѣнiй, различныхъ направленiй ума; драматургъ индивидуализировалъ бы ихъ гораздо рѣзче, но книга Iова не драма, точно такъ же какъ не драма и Платоновъ «Пиръ»; разскащикъ не выпускаетъ изъ руки нить повѣствованья и постоянно окаймляетъ разговоры рамкою событiя. Но рѣчь поэтична въ полномъ смыслѣ слова; она вовсе не отвлеченная рефлекцiя, а напротивъ полна непосредственнаго чувства, личной жизни, возбужденности; мысли развиваются изъ положенiй дѣйствующихъ лицъ и прiобрѣтаютъ силу страсти; конечная цѣль всей поэмы — удовлетворяющая душу гармонiя. Истинно эпичны мiрообъемлющая ея ширь и богатство естественныхъ образовъ, картинъ человѣческой жизни, столь же вѣрныхъ, сколько и наглядныхъ. Нѣкоторые очерки Египта и всѣ рѣчи Элiусовы вообще оказались при тщательномъ разборѣ позднѣйшими добавками; если оставить ихъ въ сторонѣ, то поэма разовьется передъ нами въ своей строго-сообразной замкнутости, и мы ясно увидимъ какъ зрѣлый и сознательный художническiй талантъ доводитъ въ ней до совершенства разработку своенароднаго матерьяла, тему древняго сказанiя. Все основано здѣсь на единствѣ мысли съ сердечнымъ

настроеньемъ, разума съ совѣстью; вѣчное, божественное должно усвоиваться не по одной наслышкѣ отъ другихъ, но непремѣнно наживаться собственнымъ опытомъ; страхъ Господень — начало премудрости, разумъ состоитъ въ избѣганіи всякаго зла. — Авторъ жилъ послѣ большихъ пророковъ, и былъ, пожалуй, современникомъ Эсхилу, творцу «Промеѳея».

Іовъ столько же отличался счастіемъ, сколько благочестьемъ, и самъ Богъ радовался имъ. Но вотъ приходитъ къ Господу дьяволъ и говоритъ: «Не даромъ чтитъ тебя Іовъ: ты оградилъ его и извнѣ, и внутри дома, бла«гословилъ дѣла рукъ его, размножилъ его скотъ; но простри только руку «свою, коснись его достоянія, и онъ отъ тебя отвернется.» Господь предаетъ во власть дьяволу все имущество Іова, гибнутъ и богатства его, и дѣти. Онъ же раздираетъ на себѣ одежду и говоритъ: «Господь далъ, Господь и «отнялъ; буди благословенно имя его.» Тогда сатана испросилъ себѣ власть коснуться тѣла и костей праведнаго Іова и поразилъ его гнойными язвами отъ головы до пятъ. Страдалецъ сидитъ на пепелищѣ и говоритъ: «Мы принимали отъ руки Божіей добро: какъ же не принять напасти?» Сатана представитель отрицательнаго начала, которое необходимо для того чтобъ положительное могло заявить себя на самомъ дѣлѣ; безъ противоборства нѣтъ вѣдь и побѣды. Тѣмъ самымъ противоборство входитъ существенною частью въ строй цѣлаго; оно должно существовать для того чтобы быть преодолѣннымъ и послужить такимъ образомъ къ прославленію истиннаго бытія. Вотъ отчего дьяволъ является среди силъ небесныхъ, и — что воспроизвелъ и Гёте въ прологѣ къ своему «Фаусту» — духъ отрицанія, какъ орудіе въ рукѣ Промысла, получаетъ власть не только погубить все достойное уничтоженья, но испытать бѣдствіемъ и самое добро, да выйдетъ оно съ заслуженнымъ торжествомъ изъ пламени искуса.

Къ несчастному приходятъ теперь трое друзей, и сидятъ у него въ безмолвной грусти семь дней сряду. Когда въ чрезмѣрности страданій онъ начинаетъ проклинать день своего рожденія, они указываютъ ему на правосудіе Божіе; конечно, говорятъ они, бѣдствіе послано Іову за тяжкую вину, онъ заслужилъ его своей грѣховностью. Они правы въ томъ что дѣла человѣка и судьба его взаимно обусловливаютъ другъ друга, что въ мірѣ господсвуетъ нравственный порядокъ; они неправы въ предположеніи, что богопреданность и земныя блага находятся между собой въ неразрывной связи, что лишеніе этихъ благъ всегда бываетъ слѣдствіемъ неправоты самого обездоленнаго человѣка. Іовъ утверждаетъ напротивъ, что бываютъ и безвинныя страданія, что тотъ кто подвергается такимъ напастямъ какъ онъ имѣетъ право взывать къ Богу о правосудіи; но онъ конечно переступаетъ мѣру, доходя до сомнѣній въ Промыслѣ и до явнаго съ нимъ раздора. Друзья напоминаютъ ему что вѣдь ни кто вполнѣ не безгрѣшенъ, что поэтому ни кто не долженъ презирать наказанія Божія, которое разитъ, но и исцѣляетъ. Когда же Іовъ болѣе и болѣе омрачаетъ душу сомнѣніемъ, они находятъ что онъ грѣшитъ уже тѣмъ упорствомъ, съ какимъ отвергаетъ всякое утѣшеніе и увѣщанье, грѣшитъ продерзостью своихъ рѣчей. Вдумываясь въ безмѣрность своихъ страданій, онъ желаетъ по крайней мѣрѣ оправданія по смерти; со слезами взывая къ Богу, обрѣтаетъ онъ надежду на спасеніе:

О, еслибъ написались слова мои, и навѣки занеслись въ книгу?
О, еслибъ врѣзались они въ камень желѣзнымъ писаломъ и выложились свинцомъ!
Вѣдь я знаю, живъ мой искупитель и явится же онъ наконецъ спасти меня;
Выбившись изъ разрушенной кожи, съ однимъ тѣломъ на костяхъ, увижу я, Бога,
Увижу милосердымъ, да! увидятъ его глаза мои, и увидятъ ужъ не врагомъ.

За тѣмъ обращается онъ съ безпощадной силою противъ обычнаго хода дѣлъ на свѣтѣ, противъ раздольной жизни, могущества, счастія цѣлой толпы неправедныхъ, которыхъ свѣтильникъ однако не угасаетъ, которыхъ самая кончина окружается почестьми; тогда какъ безвинные гонимы отъ злыхъ насильниковъ, и бѣда и горе тяготѣютъ надъ ними. Онъ признаетъ премудрость и правосудіе Божіи, но пути ихъ для него таинственны и темны. Этимъ овинословливаетъ онъ прямое Божеское откровеніе; Богъ выступаетъ теперь самолично и вызываетъ Іова «препоясать чресла» на состязаніе. Тутъ восхваляется слава Божія въ природѣ, владычество его въ совѣсти человѣческой и въ ходѣ всѣхъ людскихъ судебъ; ему съ полнымъ вѣры упованіемъ должны мы предоставить свой жребій. Страданія Іова были только очистительнымъ искусомъ; онъ снова получаетъ все утраченное, и живетъ потомъ счастливо, окруженный своей семьею.

Еврейская лирика исполнялась съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ; музыка развилась въ храмослуженіи. При случаѣ упоминается о чистомъ, громозвучномъ, потрясающемъ тонѣ инструментовъ; особенно были въ ходу арфы и рога. Гармонія еще не развилась, преобладали ритмъ и мелодія. Колоритъ и разнообразіе музыкѣ придавало то, что въ ней слышались то отдѣльные голоса, одинъ послѣ другого, то многіе вмѣстѣ стройнымъ ликомъ, лики потомъ перекликались между собою, а иногда все сливалось въ одинъ общій хоръ; параллелизму мыслей отвѣчали антифоніи пѣсней.

«Какъ рубинъ блещетъ въ золотѣ, такъ пѣніе украшаетъ пиръ; какъ «смарагдъ хорошъ въ золотой оправѣ, такъ хороши и пѣсни при добромъ «винѣ», говоритъ Сирахъ и показываетъ этимъ ясно, что пѣніе у Израильтянъ бывало иногда и выраженіемъ житейскаго разгула. Онъ въ то же время предостерегаетъ; «Берегись пѣвицы, чтобъ не попасть въ сѣти ея чаръ». И Исаія гнѣвно укоряетъ современниковъ: «На пирахъ у васъ арфы, лиры, «бубны, флейты и вино, а маніямъ Господнимъ вы не внемлете, не вникаете «въ дѣла рукъ его.»

Но музыка, какъ и всякое вообще художество, имѣла у Евреевъ существенно-богослужебный характеръ, и ея нравственно-очищающая сила явна между прочимъ изъ того, что игрой на арфѣ Давидъ прогонялъ омрачавшаго душу Саула злого демона. Какъ музыкою сопровождалось чувственное неистовство въ богослуженіи Симитовъ-язычниковъ, такъ напротивъ у Іудеевъ была она орудіемъ пророческаго вдохновенья. Амбросъ указываетъ на то обстоятельство, что ученики пророческихъ школъ выходили на встрѣчу Саулу съ музыкой. Ни кого, конечно, не льзя было обучить пророчеству и обусловливающему его вдохновенью, но можно было обучить закону и формамъ, способнымъ воспринять и живо передать божественное содержаніе,— формамъ поэтической рѣчи и музыки. О Давидѣ говорится что на богослужебныя должности онъ избралъ пророковъ съ арфами и кимвалами. О пророкѣ

Елисеѣ сказано что музыка возбудила его къ пророчеству передъ царемъ Іосафатомъ; въ то время какъ арфистъ ударялъ по струнамъ, нисходила на пророка рука Господня.

Шнаазе впрочемъ достаточно уже показалъ что и помимо поклоненія духовному Богу, помимо строгаго запрета всякихъ его изображеній, сама фантазія Іудеевъ, при крайней своей подвижности, не была способна къ тому спокойствію, какое необходимо для произведенія законченнаго въ себѣ пластическаго облика. Въ выборѣ и послѣдовательной чередѣ образовъ даже и въ поэзіи главное вниманіе обращено на цѣль и дѣйствіе, а вовсе не на наружный видъ предметовъ. Въ отношеніи къ быстрой смѣнѣ одного образа другимъ Шнаазе разбираетъ пророчество Ахіи въ третьей книгѣ Царствъ: «И поразитъ «Іегова Израиля, такъ что заколеблется онъ какъ тростникъ надъ водою, и «вырветъ Израиля изъ благодатной этой земли, которою онъ надѣлилъ его «праотцевъ, и разсѣетъ его далеко за́ рѣку.» Итакъ Іегова поразитъ Израиля;—послѣдній олицетворенъ здѣсь какъ существо, чувствительное къ удару; дѣйствіе же удара то, что Израиль «заколеблется». Досюда олицетвореніе еще выдержано: кто получитъ сильный ударъ, дѣйствительно можетъ заколебаться; но колебаніе напоминаетъ вмѣстѣ и движеніе растеній, зыблемыхъ вѣтромъ,—особенно же, при немощи всего земного передъ божественнымъ, такихъ растеній какъ слабый тростникъ. И тутъ возникаетъ уже новый образъ. Ударъ съ тростникомъ не вяжется, поэтому онъ и забытъ; теперь осталось ужь одно колебаніе. Израиль колеблется какъ тростникъ, и притомъ надъ водою, потому что тростникъ ростетъ вѣдь именно у водъ; дополненіе это само собою дается живостью представленія. Израиль уподобленъ сталобыть растенію; это даетъ новый образъ для грозящей ему кары: Господь вырветъ его изъ земли. Земля напоминаетъ дарованную отъ Бога Іудеямъ Палестину; съ мыслію о карѣ, невольно предстаетъ мысль о благодѣяніи, о плодоносной, милой сердцу странѣ. Съ образомъ растенія не имѣетъ это опять ни чего общаго: оно вѣдь просто ростетъ на родной почвѣ, не получая себѣ въ даръ ни какой обѣтованной земли. Но такъ быстро летитъ впередъ фантазія, что она не замѣчаетъ и этой подмѣны; весь преемственный рядъ представленій стягивается подконецъ въ одно: Господь вырветъ Израиля изъ благодатной земли, которою онъ надѣлилъ его предковъ. Но тутъ мы ужь совершено удалились отъ первоначальнаго образа: забыты представленія народа въ видѣ поражаемаго лица, въ видѣ колеблющагося растенія; Палестина съ ея жителями и сами они лично,—вотъ что предстаетъ теперь нашей фантазіи, и наказаніе обозначается теперь уже совершенно иначе; это именно—удаленіе изъ края, гдѣ имъ такъ привольно и хорошо, разсѣяніе ихъ куда-то за́ рѣку. Совсѣмъ иное дѣло Гомеръ: онъ крѣпко держится за каждый свой образъ, каждое подобіе обрисовываетъ замкнутымъ, округленнымъ въ себѣ клочкомъ видимаго міра съ полною и вѣрною наглядностью! Его можетъ воспроизводить пластикъ, тогда какъ за еврейскимъ поэтомъ услѣдитъ развѣ только живописецъ арабескъ: дотого все у него сливается, мутится.

И въ Ханаанѣ было исконнымъ обычаемъ освящать монументальнымъ камнемъ то мѣсто, гдѣ человѣкъ ощутилъ близость Божества; для этого всего чаще выбирали камни страннаго вида или цвѣта и помазывали ихъ масломъ.

За подобный камень въ Бетелѣ бились Евреи съ Хананеями, какъ впослѣдствіи Арабы за Каабу. Горныя выси или сѣни старыхъ развѣсистыхъ деревъ почитались священными. Въ глазахъ Еврея священна была всякая мѣстность, гдѣ открывался ему его Богъ. Во времена патріарховъ существовали маленькіе домашніе божки, такъ-называемые терафимы, деревянныя или каменныя изображенія, окованныя благороднымъ металломъ. Чествовать бога-заступника въ видѣ быка (тельца) было такою глубоко укоренившеюся наклонностью, съ которой усильно боролись еще и пророки. На мѣсто всякихъ лицеизображеній божества Моисей далъ народу каменныя скрижали закона, хартію завѣта его съ Богомъ. Онѣ лежали въ ковчегѣ. Послѣдній былъ въ $2\frac{1}{2}$ локтя длиной и въ $1\frac{1}{2}$ вышиной, изъ акаційнаго дерева, съ обшивкой изъ золота внутри и снаружи. Въ видѣ второй крышки лежала поверхъ ковчега золотая плита; на ней, символами сходящаго съ неба Божества, стояли два обращенные другъ къ другу херувима, осѣняя святыню распростертыми крыльями, что̀ отчасти напоминаетъ колосальныя формы крылатыхъ быкообразныхъ львовъ съ человѣчьей головою, какихъ видѣли мы въ Нинëвіи.

Ковчегъ завѣта стоялъ въ шатрѣ или скиніи, переносномъ святилищѣ кочевниковъ; форма ея сохранялась еще и при Давидѣ. Она была 30-ти локтей въ длину, 10-ти въ ширину и въ вышину, состояла изъ акаційныхъ досокъ, сплоченныхъ на шипахъ и скрѣпленныхъ распорками, и была обшита листовымъ золотомъ; со входной стороны стояло пять колоннъ на бронзовыхъ подножіяхъ, съ золотыми капителями, а между нихъ, вмѣсто дверей, развѣшаны были ковры. Ковры же замѣняли и кровлю: завѣса подѣляла внутренность на святилище съ алтаремъ и на святая святыхъ съ ковчегомъ завѣта. Деревянные столбы, въ 5 локтей вышиной, соединенные между собой коврами, окружали дворъ во 100 локтей длиннику и въ 50 локтей ширины.

Эта скинія завѣта послужила образцомъ для храма Соломонова. Давидъ началъ подготовительныя работы, а выполненіе постройки предоставилъ сыну. Уже и Давидъ употреблялъ финикійскихъ рабочихъ для возведенія своего крѣпкаго дворца; Соломону же царь тирскій прислалъ мастера Хирамъ-Абифа, «мужа мудра и свѣдунца разумомъ, иже вѣсть дѣлати въ златѣ, и сребрѣ, «и въ желѣзѣ, и въ каменіихъ, и въ древахъ, и ткати въ порфирѣ, и въ си-«нетѣ, и въ виссонѣ и въ червленицѣ, и ваяти всякую рѣзь»,—однимъ словомъ, способнаго выполнить все что̀ царь укажетъ по совѣту съ мудрецами своей земли. Храмъ стоялъ на горѣ Моріи, къ западу отъ Іерусалима; горная плоскость была расширена на̀сыпью, и позади ея возведены высокія стѣны. Самый храмъ простирался на 70 локтей въ длину и на 20 въ ширину тремя отдѣленіями,—притворомъ въ 10 локтей глубиною, святилищемъ и конечною частью, именуемою святая святыхъ; послѣдняя имѣла 20 локтей равно въ длину, въ ширину и въ вышину, тогда какъ святилище пущено было на 10 локтей выше. По тремъ наружнымъ сторонамъ святилища и святая святыхъ тянулись боковые придѣлы или обходы о трехъ ярусахъ, каждый въ 5 футовъ вышиной, и надъ ними высилась уже середняя стѣна, снабженная окнами. Стѣны были сложены изъ тщательно обтесаннаго плитняку. Но ни самый матерьялъ, ни способъ конструкціи не выступали наружу; все, начиная съ полу до стѣнъ и потолка, обшито было кедромъ и кипарисомъ, укра-

шеннымъ снутри рѣзьбой,—ликами херувимовъ, распускающимися цвѣтами, пальмами, колоквинтами, и всѣ эти декораціи, равно какъ и площадь стѣнъ, одѣты опять листовымъ золотомъ. Очевидно, цѣнность матерьяла ставилась выше красоты формъ. Неизгладимая память о шатрѣ и о корабельной постройкѣ, отзывающаяся въ коврахъ, въ деревянныхъ и металлическихъ украшеніяхъ, не допустила ни у Финикіянъ, ни у Евреевъ полной архитектонической выработки каменнаго дѣла. Храмъ былъ нутренымъ сооруженіемъ, но внутренность его не такъ расчленена, чтобы все разнообразіе ея представлялось глазу въ своемъ единствѣ и совокупности; ее сплошь подѣляли досчатыя перегородки и завѣсы. Въ святая святыхъ стоялъ ковчегъ завѣта между двумя херувимами, каждый въ 10 локтей вышины; ихъ крылья были распростерты такъ, что въ серединѣ они соприкасались между собою, а съ правой и лѣвой стороны доходили вплоть до стѣны; туловище фигуръ кажется было здѣсь человѣческое, но на шеѣ стояло въ направленіи къ четыремъ странамъ свѣта по четыре головы, — львиная и бычачья, орлиная и человѣчья. Херувимы были вырѣзаны изъ дикой маслины и также одѣты листовымъ золотомъ съ головы до ногъ. Въ святилищѣ стоялъ кадильный алтарь, десять трапезъ для хлѣбовъ приношенія и десять семивѣтвенныхъ свѣщниковъ. Въ боковыхъ придѣлахъ помѣщалась конечно разная другая утварь. Какъ наружный видъ зданія, такъ и внутреннюю его отдѣлку, мы повидимому должны представлять себѣ чѣмъ-нибудь въ родѣ другихъ симитскихъ построекъ въ Финикіи и Ниневіи. Поэтому и двѣ особо поименованныя колонны мы примемъ не за опоры антаблемента въ предсѣніи, но признáемъ въ нихъ такіе же вольностоящіе столпы, какіе наприм. были воздвигнуты передъ паосскимъ храмомъ, или каковы обелиски у Египтянъ. Онѣ стояли на каменныхъ подножіяхъ, и различныя показанья насчетъ ихъ вышины, 23 локтя и 35 локтей, кажется отъ того именно и происходятъ, что въ одномъ мѣстѣ включено въ счетъ и подножіе, а въ другомъ нѣтъ. Діаметръ ихъ 4 локтя, стержень—18, капитель—5 локтей. Онѣ были полыя, литыя изъ металла, со стѣнками въ четыре пальца толщины. Капитель имѣла видъ котлообразной подушки, украшенной листами лиліи («на главахъ столповъ дѣло криново»), съ рядами гранатныхъ яблокъ и цѣпеобразными вязями или плетешками. Высокія изукрашенныя капители такого рода сохранились донынѣ въ Персеполѣ. Одна изъ этихъ колоннъ названа Іахинъ (онъ ставитъ твердо), другая—Боасъ (въ немъ крѣпость) *.

Храмъ, какъ и у Финикіянъ, былъ окруженъ священными пространствами, особымъ дворомъ для жрецовъ и преддворіемъ для народа. Оба были обведены одною общею оградой и раздѣлялись между собой тремя рядами камней, сложенными однѣ на другомъ. Во внѣшнемъ дворѣ расположены были жилья левитовъ, совершавшихъ храмовыя службы; внутри стоялъ большой алтарь для всесожженій, одѣтый бронзою, въ 20 локтей длины и ширины, и въ 10 вышины; тамъ же помѣщалась разная жертвенная утварь и большая омывальница, называемая мѣдянымъ моремъ, въ видѣ кубка или распустившейся лиліи, имѣвшая 5 локтей въ вышину и 30 въ объемѣ, съ рѣпьями вокругъ на-

* Въ церковнославянскомъ переводѣ Библіи имена эти переданы: Іахунъ и Воосъ.

подобіе колоквинтъ, и поддерживаемая 12-ю бронзовыми волами, которые всѣ были обращены, лицомъ впередъ, на четыре страны свѣта, по три на каждую. И алтарь, и утварь украшались изображеніями животныхъ и растеній. Работы эти произведены подъ руководствомъ финикійскихъ мастеровъ; вещи, вырытыя въ Ниневіи, и отголоски симитическихъ формъ въ этрурскихъ древностяхъ могутъ дать приблизительное понятіе объ ихъ стилѣ. Въ такомъ же отношеніи стоялъ и дворецъ Соломоновъ съ его чертогами къ остаткамъ Персеполя, хотя послѣдніе и моложе перваго почти на 500 лѣтъ.

Храмъ Соломона простоялъ съ 997-го до 586-го года предъ Р. Х. Онъ разрушенъ Навуходоносоромъ. Возстановленіе его, предпринятое послѣ семидесятилѣтняго плѣна, держалось вообще прежнихъ формъ, но не гналось уже конечно за прежнимъ великолѣпіемъ и за драгоцѣнностью матерьяла. Иродъ Великій перестроилъ храмъ въ стилѣ греко-римской архитектуры; въ этомъ видѣ и разрушилъ его потомъ Титъ.

Самыя описанія пластическихъ работъ, дошедшія до насъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта, доказываютъ что онѣ были чужды и новы для Іудеевъ; этому народу свойственна не пластика, а преимущественно только слово.

АЗІАТСКІЕ АРІЙЦЫ.

АРІЙЦЫ ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ ОБЩЕНІИ.

Изъ цѣлаго ряда корней, равномѣрно встрѣчающихся въ словахъ индійскихъ, персидскихъ, греческихъ, латинскихъ, кельтскихъ, славянскихъ и германскихъ, сравнительное языкознаніе доказало первоначальную общность всѣхъ этихъ племенъ. Такое соотвѣствіе видно не столько въ выраженіяхъ заимствуемыхъ однимъ народомъ у другого, когда вмѣстѣ съ новымъ предметомъ онъ усвоиваетъ себѣ и его обозначеніе, какъ наприм. въ словахъ φανος, φανάριον и фонарь, или такихъ, какъ философія, или алгебра, сколько въ относящихся къ первѣйшимъ и необходимѣйшимъ понятіямъ и условіямъ жизни, которыя вездѣ предстаютъ пробуждаюшемуся сознанію и неотложно хотятъ высказаться, такъ что одно племя не ждетъ себѣ здѣсь примѣра или образца со стороны другихъ. Да сверхъ-того и грамматическія формы указываютъ на одинъ общій источникъ и обличаютъ въ вышеназванныхъ языкахъ болѣе или менѣе расходящіяся нарѣчія одного и того же первично-кореннаго языка, къ которому они относятся почти какъ наприм. испанскій, итальянскій и французскій къ латинскому. Есмь, еси, есть—по санскритски: а с м и, а с т и, а с и, по-зендски: а г м и, а г и *, а с т и, по-литовски: э с м и, э с с и, э с т и, по-гречески въ дорійскомъ нарѣчіи: э м м и, э с с и, э с т и, по древнеславянски: е с м е, е с и, е с т о, по-латини: с у м, э с, э с т, по-готски: и м, и с, и с т, по-нѣмецки: б и н, б и с, и с т ъ (съ предпостановкою здѣсь соотвѣтственнаго каждому лицу личнаго мѣстоименія). Присоединяемыя къ корню словъ въ склоненіи

* Нашъ *г* не передаетъ того легкаго придыханія, какое едва слышится въ Санскритѣ и Зендѣ, но мы употребляемъ эту букву за неимѣніемъ другого ближайшаго звукоозначенія

и спряженіи формовыя окончанія первоначально были самостоятельными выраженьями, которыя впослѣдствіи постепенно срослись съ корнемъ, и первобытный арійскій народъ долженъ былъ долго просуществовать одной общей жизнію, пока языкъ его успѣлъ развиться въ столь законченный организмъ, удивительно богатый формами и необыкновенно стройный и складный, а эта выработка указываетъ въ свою очередь на то, что истинно великая духовная дѣятельность тогда уже положила основаніе для всего что прогрессивно развилось въ государственности и нравообычаѣ, въ искусствѣ, религіи и познаніи вещей вообще, послѣ того какъ различные народы выдѣлились особыми вѣтвями изъ одного общаго ствола и начали каждый многосторонно развертывать свою особность. Только языкъ тянется неразрывной цѣпью отъ настоящаго и до той глубокой старины, куда далеко не дохватываетъ ни одинъ уцѣлѣвшій памятникъ, только языкъ возводитъ насъ къ первоначаламъ человѣческаго существованія; онъ одинъ даетъ крайнія опорныя точки для религіи и для жизни, для мысли и для поэзіи, и лишь благодаря ему изъ однородныхъ у многихъ племенъ явленій выдѣляемъ мы все несходное для того, чтобы, не смотря на разнообразіе ихъ свойствъ, получить за тѣмъ общіе имъ одинаковые элементы, то старозавѣтное наслѣдіе, которое племена эти вынесли съ собой изъ первородины и которое потомъ каждымъ изъ нихъ примѣнялось къ дѣлу и развивалось далѣе на свой особый ладъ.

Въ большей части индоевропейскихъ языковъ находимъ мы одинакія выраженія для понятій отецъ, мать, братъ, сестра, дочь; если въ томъ либо другомъ изъ нихъ и забудется иногда какое-нибудь древнее слово, а зато самостоятельно возникнетъ новое, то по крайней мѣрѣ у всѣхъ прочихъ народовъ и для всѣхъ остальныхъ словъ общность ни мало этимъ не порушается. Корень па въ индогерманскихъ названіяхъ отца по смыслу указываетъ на защиту и поддержку жизни, корень ма въ словѣ мать—на зиждительство, урядъ, формацію; можно было бы образовать названіе отца и изъ другого корня, наприм. изъ джан (=ган), откуда генитор (genitor, родитель), изъ так, откуда токёйс (τοκεύς, породитель), изъ пар, откуда паренс (parens, производитель); но что именно питар, патар, πατήρ, pater, fadar одинаково встрѣчаются въ Санскритѣ и въ Зендѣ, въ греческомъ, латинскомъ и готскомъ языкахъ, это доказываетъ не одну только общность корня, но вмѣстѣ и то что народы эти, еще до своего раздѣла, изъ цѣлаго ряда возможныхъ обозначеній выбрали одно, и какъ общее достояніе унесли его съ собой въ путь-дорогу при переселеніи. Понятія, лежащія въ словѣ отецъ *, сопоставлены въ одномъ стихѣ Ригведы; подставивъ къ нимъ латинскія и греческія выраженія, мы ясно увидимъ что три эти языка разнятся только какъ нарѣчія. Стихъ: «Богъ мой защитникъ породитель» звучитъ на нихъ такъ:

---

* Славянское отецъ чуть ли не сохранило въ себѣ слѣдъ той первобытнѣйшей еще старины, которая предшествовала раздѣленію Туранцевъ, Симитовъ и Арійцевъ. Корневую его тему ат находимъ мы въ эстонскомъ ат (въ смыслѣ папа, тятя), въ татарскомъ и турецкомъ атà, въ венгерскомъ и черемисскомъ атья, атіа, въ древнегреческомъ, древнелатинскомъ и готскомъ атта, въ старонѣмецкомъ атте. Это одинъ изъ тѣхъ естественныхъ первоначальныхъ звуковъ, которыхъ племенная принадлежность неопредѣлима.

Діаус ме пита джанита (по-санскритски)
Деус меи патер генитор (по-латини)
Зеўс эму патер генетер (по-гречески)

Братъ (бгратар, φρατήρ, frater) значитъ — несущій, помогающій; сестра (свасар, Schwester, sister) — утѣшающая, радующая, свасти по-санскритски счастіе и радость. Выходитъ, что отношенія къ брату и сестрѣ также почтены были прекрасными названьями еще до раздѣла между собой Арійцевъ. Дочь (дочерь, дщерь, tochter) точно такъ же какъ и греческое θυγατήρ указываетъ на санскритское дугитар, доилица, въ чемъ явственна пастушеская жизнь общихъ нашихъ предковъ. Если впослѣдствіи и Римляне производятъ еще слово pecunia, деньги, отъ pecus, скотъ, то какъ же не заключить отсюда что въ первобытныя времена корова и быкъ дѣйствительно составляли самоважнѣйшую собственность? Чтожь мудренаго, если изъ го-па, собственно — коровій пастухъ, вышелъ тогда вожакъ всякаго вообще стада, и вожакъ народа, царь! Го-тра сперва загонъ, охраняющій скотину отъ покражи и мѣшающій ей разбрестись, прилагается потомъ ко всему живущему за подобными оградами, къ семьѣ и къ родственному союзу. Названіе человѣка, бьющагося за коровъ, переносится впослѣдствіи на всякаго, кто изъ-за чего-нибудь бьется, все равно, въ рукопашномъ ли бою, или въ философскомъ розыскаціи и спорѣ. Такъ изъ особенностей языка выясняются намъ черты первоначально-кочевой пастушеской жизни.

Связи кровнаго родства, законы природы господсвуютъ въ отношеніяхъ отца и матери, сына и дочери, брата и сестры; но намъ предстаетъ здѣсь уже и болѣе развитое, болѣе свободное человѣческое сообщество, хотя существуютъ налицо особыя названія для различныхъ степеней свойства, а также для отношеній племянниковъ и внуковъ. Господиномъ и госпожой, вообще властителями (potens, πόσις, πότνια, pati), именуются супруги стоящіе во главѣ домохозяйства. При этомъ жена стоитъ обруку съ мужемъ какъ подруга, а не какъ прислужница; и если богатырскія времена Индіи и Греціи отличаются такимъ же уваженіемъ къ женщинѣ, какъ и германская древность, то мы распознаемъ въ этомъ первобытную черту, отъ которой иные народы только болѣе или менѣе отошли впослѣдствіи. Видага, vidua, вдова, означаетъ безмужную; жены переживали стало-быть мужей, если существовало для нихъ особое названіе; что нѣкоторыя изъ нихъ, въ богатырскую эпоху, изъ свободнаго чувства любви умирали вслѣдъ за мужемъ, это случалось и въ Греціи и у Германцевъ, но только уже въ позднѣйшее время стало въ Индіи правиломъ, и какъ правило — конечно недостойнымъ дѣломъ. У разныхъ арійскихъ племенъ въ богатырскій вѣкъ дѣвицы добывались удальствомъ въ военныхъ играхъ; такъ было съ Брунгильдой, съ Драупади, съ Пенелопой; царица Итаки даже задаетъ женихамъ ту же самую задачу — натянуть лукъ и стрѣлять сквозь ушки цѣлой вереницы сѣкиръ, разрѣшеніемъ которой индійскій удалецъ добылъ себѣ туземную царевну. Къ общей первобытной порѣ относимъ мы и общій исконный обычай какъ гомеровскихъ Грековъ такъ и тацитовскихъ Германцевъ, какъ Римлянъ такъ равно и Индійцевъ, что дочь семьи, доилица, пріобрѣталась женихомъ за вѣно, что онъ предлагалъ за нее пару говядъ, вообще сватался на ней черезъ

подарки. За взаимнымъ объясненіемъ и куплею слѣдовали религіозные свадебные обряды, жертвоприношеніе, соединеніе рукъ, обходъ вкругъ домашняго очага, перескокъ черезъ очистительный огонь; невѣста крѣпко держалась за родной очагъ, упираясь противъ стараній жениха оторвать ее, такъ что уводъ походилъ на умычку, на похищеніе, и въ этомъ именно видѣ совершался въ позднѣйшее даже время.

Силу и надежную защиту, какою въ домѣ былъ хозяинъ-мужъ, представлялъ въ общинѣ старѣйшина, а въ племени царь, владыка. Вис (viç, vicus, οἶκος, по-готски veihs, англійское окончаніе wich) было названіемъ членовъ племени, виспати — названіемъ царя. Семейный бытъ основа зарождающагося государства. Общественный урядъ былъ повидимому свободный, опиравшійся на самоуправленіе: семья или домъ, родовой союзъ и наконецъ племя, — вотъ три степени, имѣвшія каждая своего главу, такъ что владыка всего народа заправлялъ дѣлами общими, а вопросы касавшіеся родовыхъ союзовъ и семей рѣшались ихъ собственными главами. Организація, какъ видно еще и въ Иранѣ и въ Германіи, развилась снизу: свободныя семьи или роды сходятся въ общину, общины въ волость; заправленіе цѣлымъ вовсе не деспотическое господство, а преобладаніе первенствующихъ личностей и родовъ. Раг въ Ведахъ, латинское рекс (rex), готское рейкс (reiks), нѣмецкое рейх (Reich), является общимъ названіемъ для цѣлаго и для руководящей имъ власти; въ словѣ этомъ лежитъ понятіе суда и наставленія на истинный путь, на правую, прямую дорогу. Для царя и царицы сравненіе языковъ указываетъ одинъ общій корень въ именахъ отца и матери: джан по-санскритски—порождать, джанака въ Ведахъ отецъ и царь, это старонѣмецкое хуниниг (chunning), англійское кинг (king) *; мать по-санскритски — джани, тотъ же корень встрѣчается опять въ греческомъ гюнè (γυνή), женщина, жена, въ готскомъ квино (quino), въ англійскомъ квійн (queen). ** Такъ-то выраженія изъ семейной жизни переходятъ въ бытъ государственный, кровное братство семьи становится патріархальной народною общиной.

Домъ, ворота и дверь, совмѣстныя жилыя постройки, общій домъ-родина или свояси, проѣзжія дороги и проходныя тропы, получили уже свое названіе; это явно указываетъ на зачатокъ осѣдлости; но то обстоятельство, что домъ одноименепъ еще съ телѣгой, напоминаетъ двухколесную пастушью кибитку, въ которой первоначально и живутъ кочевники. Арійцы отнюдь не были тогда дикими охотничьими ордами; это видно изъ того что выраженія для войны и охоты сложились уже своеобразно въ отдѣльныхъ языкахъ, тогда какъ для первоначальныхъ мирныхъ занятій во всѣхъ имѣются одинаковые корни. Слова nemus, νέμος (роща, лѣсъ), νόμος (пастбище, храмъ, законъ), обличаютъ своимъ близкимъ сродствомъ, что Арійцы пасли скотъ не на голыхъ степяхъ, а на лѣсистыхъ хребтахъ горной Азіи, что роща была ихъ храмомъ. Конечно, пробуждающаяся охота къ странствіямъ, неразлучнымъ тогда съ битвами и побѣдой, заставила отдѣльныя племена разойтись въ разныя стороны; вмѣстѣ съ жизнію, полною приключеній и удалыхъ

---

* Кин (Kin) по-англійски родъ, родня, родство. ** Въ славянскомъ жена.

богатырскихъ подвиговъ, сложились для нея, у каждаго народа особенно, своеобразныя слова. Такъ точно для домашнихъ животныхъ въ Индіи и въ Европѣ существуютъ у Арійцевъ одинаковыя имена, тогда какъ изъ числа всѣхъ выраженій для дикихъ звѣрей слѣдъ сходства замѣтенъ только въ названіяхъ змѣи, волка и медвѣдя. Собака и овца, корова и быкъ, лошадь, свинья, коза, гусь и мышь предстаютъ всегдашними спутниками человѣка.

Коренной слогъ нѣмецкаго выраженія для работы (Arbeit) — ar *; ars и arare въ латинскомъ, ἀροῦν въ греческомъ, ar въ гельскомъ и орать въ славянскомъ указываютъ на земледѣліе, и плугъ именуется aratrum, ἄροτρον, въ древнесѣверныхъ нарѣчіяхъ ardhr, по-славянски орадло, орало, рало; слова ἄρουρα, arvum, означающія пажить, того же корня; пада было первоначальнымъ выраженіемъ для поля. Такимъ образомъ на ряду съ пастушеской жизнью идетъ земледѣліе; ява (yava) въ Санскритѣ и Зендѣ звучитъ также въ литовскомъ яйвас (jaivas) и слышно въ греческомъ зеа (ζέα, полба); вначалѣ значило это родъ полбы или ячменя, а потомъ всякій вообще хлѣбъ, какъ наоборотъ въ нѣмецкомъ языкѣ общее выраженіе Korn (зерно) идетъ теперь за самый обыкновенный видъ хлѣба, рожь. Света по-санскритски — бѣлый и отвѣчаетъ готскому хвейт (hveit), по-старонѣмецки виц (wiz), пшеница; сюда же пріурочиваютъ греческое ситос (σῖτος, жито, хлѣбъ). Можно также указать общее выраженіе и для мельницы. Тогда существовало уже различіе между сырымъ и вареньмъ мясомъ, и сыроѣдцы считались за варваровъ. Была извѣстна соль. Люди услаждались въ тѣ времена какимъ-то охмѣляющимъ напиткомъ, въ родѣ меда, который дѣлали изъ растительныхъ соковъ; по своей животворной силѣ онъ слылъ даромъ боговъ и приносился имъ въ видѣ жертвеннаго напитка. Въ первобытную эпоху умѣли ткать, шить и приготовлять одежды, знали также бронзу и желѣзо, и ковали изъ нихъ такія орудія какъ топоръ и мечь; сохранились слѣды общаго характера въ названіяхъ золота и серебра. Но море было еще неизвѣстно: слова для него въ разныхъ языкахъ представляютъ корневыя разности; напротивъ, ладья или челнъ и рѣчное плаваніе были очень обыкновенны. Числа, съ единицы до ста, сплошной своей одинаковостью также доказываютъ продолжительное бытообщеніе и вынесенное изъ первородины общеродовое наслѣдство; сюда же должно отнести луну и употребленіе ея какъ времемѣръ для мѣсячнаго періода.

Любое слово было еще въ ту пору поэтическимъ обозначеніемъ предмета, выраженіемъ какого-нибудь выдающагося въ немъ свойства или качества, въ которомъ видѣли его сущность, а потому назвали по немъ и самый предметъ; живой этотъ смыслъ чувствовался еще въ выраженіяхъ. Изъ названья дочь не льзя образовать ни какого мужескаго слова, сынъ не былъ доильцемъ; такъ точно греческое даэр (δαήρ), дѣверь, не имѣетъ женскаго окончанія, какое наприм. придаетъ ему нѣмецкій языкъ (Schwägerin, невѣстка, отъ Schwager, дѣверь, зять), потому что древнее слово означало именно только сверстника, товарища, меньшого мужнина брата, остававшагося дома при женѣ, когда старшій бывалъ по дѣламъ въ отлучкѣ; и товарищъ

---

* Отъ этого же корня идетъ быть можетъ и наше: работа.

этотъ былъ всегда холостъ (дѣварь). Каждое слово представлялось тогда существомъ, и если нынѣ лѣто и зима, день и ночь, или наконецъ время, означаютъ только всеобщія состоянія, то первоначально они были не присущими вещамъ свойствами или процессами, но самобытно дѣйственными и страдательными существами. День брезжетъ, ночь находитъ или улетаетъ прочь, лѣто съ зимой борются, — вотъ выраженія употребляемыя нами и теперь, но древніе ощущали здѣсь самый образъ, олицетвореніе было для нихъ чѣмъ-то непосредственно живымъ; гдѣ они видѣли какія нибудь явленія и дѣйствія, тамъ представляли себѣ и производившее ихъ дѣятельное существо. Мысль облекается вездѣ въ образъ, чувственными впечатлѣніями возбуждается душа къ представленіямъ и идеямъ, а эт', порожденныя ея внутреннею силой и сущностью, способна она выразить только обозначеніями естественныхъ же опять явленій, которыя ихъ вызвали: обѣ стороны изначала неразрывно связаны между собою или совнѣдрены воедино. У всѣхъ рѣшительно Арійцевъ находимъ мы общія имъ выраженія для понятій духовныхъ и нравственныхъ, для вѣдѣнія, любви, ненависти, жизни и смерти; есть у нихъ общее слово и для Бога.

Въ идеѣ божества видѣли мы идеалъ разума: наша мысль удовлетворяется только признаніемъ перваго и высшаго начала, единой причины всякой множественности и дѣйствительности; и человѣкъ не могъ бы назвать ни себя, ни вещи конечными и несовершенными, не имѣй онъ внутренно присущаго ему созерцанія безконечнаго и совершеннаго и не различай онъ отъ него все то, что представляетъ ему внѣшній опытъ. Мы задавались вопросомъ, что́ же могло возбудить въ душѣ юнаго человѣчества этотъ идеалъ божества, какъ безконечнаго и вмѣстѣ какъ благотворной и вѣщей силы? къ какому видимому предмету могла прилѣпиться эта мысль какъ къ своему носителю? и мы тогда нашли что предметъ этотъ былъ всеобъемлющее небо, которое свѣтомъ своимъ озаряетъ все, всему даетъ жизненную теплоту и преуспѣянье. Если мы станемъ теперь искать, что́ же у великой индоевропейской семьи было общимъ ей словомъ для обозначенія божескаго начала, то и это приведетъ насъ опять къ свѣтозарному небу. Корень див, свѣтить, лежитъ въ основаніи индійскаго девас, божество; этому отвѣчаетъ персидское дева (daeva), греческое θεός и θεῖος, латинское deus и divus, литовское діэвас, ирландское діа; тивар называются въ Эддѣ и боги и герои. Первоначально-общее имя божества перешло на верховныхъ боговъ Грековъ и Римлянъ и на германскаго бога битвъ, который по-скандинавски зовется Тюр, по старо-нѣмецки Ціу; t или d звукоизмѣняется усиленнымъ придыханіемъ въ ds = z, или въ dj; Deus въ эолійскомъ нарѣчіи звучитъ еще точно такъ же Δεῦς, а въ другихъ уже Ζεῦς; изъ Dju pater (Богъ отецъ) возникло Jupiter, котораго родительный падежъ Jovis указываетъ на умбрійское названіе божества, Diovis. Jupiter = Diespiter = Ζεῦ πατήρ, у Индійцевъ Діупати, Диваспати, — такъ зовется небесный отецъ. Небо означаетъ вездѣ бога, какъ и донынѣ еще мы говоримъ: уповать на небо, или: небу угодно; sub dio (по́дъ-богомъ) значитъ у Латинянъ — подъ открытомъ небомъ.

Такимъ образомъ оказывается что вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ общею. Но впрочемъ и миѳологическій процессъ съ за-

висящимъ отъ него появленіемъ разнообразныхъ божественныхъ обликовъ начался еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою; это видно изъ соотвѣтственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ встрѣчающихся у разныхъ народностей. Замѣчаемое здѣсь сходство основано вовсе не на позаимствованіи; напротивъ, многое что съ историческимъ своимъ развитіемъ затмилось для самихъ Эллиновъ или Германцевъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, то снова прояснилось теперь для насъ вслѣдствіе разысканій надъ Ведами, или же наоборотъ иной обычай нынѣшнихъ нѣмецкихъ крестьянъ истолковываетъ то либо другое трудное мѣсто древнеиндійскихъ гимновъ. И если еще и въ Ведахъ передъ нами явно возникаютъ, исчезаютъ или отверждаются миѳологическіе образы, если они предстаютъ намъ въ видѣ дѣтски-глубокихъ, загадочныхъ игръ поэтическаго духа, то не должны ли мы допустить эту текучесть, прозрачность, зыбкость полнаго фантазіи творчества въ гораздо бо́льшей еще степени для первобытной эпохи? Тутъ нѣтъ отчетливо распредѣленной или закоченѣвшей въ своихъ положеніяхъ богословской системы, но есть глубоко-религіозный и вмѣстѣ поэтическій взглядъ на міръ; чаемое или постигаемое вѣрой могущество Божіе онагляживается здѣсь тѣми же опять явленіями, въ которыхъ благочестивый смыслъ успѣлъ подмѣтить его власть. Противоположность мужского начала съ женскимъ, формодатнаго съ дающимъ матерьялъ, духовнаго съ физически-природнымъ, — эта общая противоположность побудила напередъ всего поставить обруку съ мужемыслимымъ творцомъ и господомъ всего сущаго женственную богиню. Древніе мудрецы чествовали небо и землю, говорится въ одной пѣснѣ Ведъ; точно также Греки называютъ Урана и Гею, Зевса и Діону древнѣйшими божествами, чьи супружескія объятія породили всѣ на свѣтѣ существа. Противоположность свѣта съ темнотой и нѣкоторыя явленія борьбы ихъ между собою, нѣкоторые ихъ дѣятели или носители, — вотъ что напередъ всего овладѣло душой, и на чемъ она прежде всего развила свои нравственныя чувства, свои идеальныя предчаянія. На ряду съ свѣтозарнымъ небомъ выступило вопервыхъ Солнце, какъ сынъ его, какъ самое яркое откровеніе или видообразованіе всеобщей его силы, какъ носитель и ядро свѣта, взятаго самъ по себѣ. Но богу-солнцу каждодневно предшествовала утренняя заря, именуемая то матерью его, то дочерью, то возлюбленной, смотря по отношенію какое кто хотѣлъ выдвинуть впередъ. Она распространяется по́ небу предвозвѣстницею дня, но исчезаетъ передъ солнцемъ, бѣжитъ его, умираетъ отъ его поцалуя, въ объятіяхъ милаго, и богъ-солнце ищетъ ея пока они встрѣтятся опять въ вечернемъ небѣ. Геліосъ у Грековъ и Сурьясъ у Индійцевъ, Уша у Индійцевъ и Эосъ у Грековъ, Аврора у Латинянъ, Остера, германская богиня востока, солнечнаго всхода и весны, * указываютъ на свое общее происхожденіе не однимъ только названьемъ; отсюда объясняются поэтическіе вымыслы объ Аполлонѣ и Дафнѣ, о Кефалѣ и Прокридѣ, о богинѣ Эосъ и Тиѳонѣ: это лишь дальнѣйшіе видоизводы первоначальнаго поэтическаго взгляда на отношенія Солнца и

---

* Слѣдъ ея сохранился и до сихъ поръ въ нѣмецкомъ названіи праздника пасхи, Остерн (Ostern), то есть Остерьнь день.

Зари. Солнце является также и окомъ верховнаго бога который все имъ озираетъ; и одинокій глазъ во лбу Полифема и одинокій также глазъ Водана находятъ себѣ въ этомъ объясненіе; у Грековъ слыветъ оно Зевсовымъ все-видящимъ окомъ, а въ Ведахъ называется лицомъ боговъ, окомъ міра. Асвины и Аспины у Индійцевъ и Персовъ, Діоскуры у Грековъ и Римлянъ, Альцы у Германцевъ — первые лучи свѣта, проглядывающіе послѣ ночи или темной бури какъ благопривѣтные, спасительные геніи, какъ блестящіе молодцы. Солнце — въ особенности представитель дня (какъ Митра у Персовъ и Индійцевъ), а въ качествѣ кроющаго элемента, на ряду съ нимъ ставится небесный сводъ, звѣздное небо, Уранъ или Варуна; въ немъ преимущественно видятъ всеобъемлющую, вседержительную, всему мѣроположную божескую мощь, тогда какъ благотворная, живительная, формодатная сила вышняго созерцается именно въ солнцѣ.

Всевышній, господь неба, открываетъ все величіе, всю побѣдоносную мощь свою въ грозѣ. Онъ молніеносецъ и громникъ, онъ очищаетъ міръ погодою, счастливитъ его плодотворнымъ, освѣжительнымъ дождемъ. Темныя силы похитили съ неба воды и хотятъ удержать ихъ, зáночь овладѣли онѣ солнцемъ съ золотой казной его лучей или спрятали его въ облака и тучи; но свѣтобогъ является спасителемъ, помощникомъ и мстителемъ, и гроза, это просто борьба въ которой одолѣваетъ онъ супостатовъ. Тутъ вѣтры вѣрные ему товарищи. Въ нихъ же вѣютъ на человѣка и духи предковъ, и онъ видитъ въ нихъ то пагубную, то благотворную мощь, смотря по тому, врываются они опустошительными бурями, или несутъ съ собой желанный дождь, а за тѣмъ прогоняютъ мрачныя тучи, смѣняя ихъ ясными опять небесами. Битвы Зевса съ Титанами, Дóнара съ Исполинами, Индры съ Ракшасами находятъ въ этомъ общее себѣ основаніе; онѣ показываютъ какъ въ борьбѣ съ сопротивными силами богъ учреждаетъ и поддерживаетъ естественный порядокъ. А противоположность свѣта и тьмы — образъ того великаго противоборства, среди котораго видитъ себя человѣкъ, и все благотворное, урядное, доброе, истинное связываетъ онъ со свѣтомъ, все враждебное, безпутное, злое, обманчивое, жуткое — съ темнотой; здѣсь первоначальная точка опоры для того дальнѣйшаго развитія нравственныхъ понятій, какое въ особенности представляетъ Парсизмъ.

Разнообразный видъ облаковъ искони возбуждалъ фантазію. Пастухамъ всего ближе было распознать въ дождевыхъ облакахъ молочныхъ коровъ неба, и какъ простонародіе и теперь еще зоветъ «барашками» перистыя облака, напоминающія стадо бѣлошерстыхъ ягнятъ, такъ мимолетное облако могло показаться конемъ либо козой, и такимъ образомъ грозовая туча стала Эгидой или козой Зевса, и козлы везутъ громовую колесницу бога Тора. Облака олицетворялись впрочемъ и въ видѣ водяныхъ женъ, то льющихъ широкія струи дождя цѣлыми кувшинами, то чуть пропускающихъ мельчайшіе его брызги сквозь сито. Представленіе воздушнаго моря придавало облакамъ видъ волнъ, потоковъ или кораблей, а иногда казалось опять что они какъ будто отвердѣли и сгромоздились на небосклонѣ цѣлыми хребтами горъ. Эти созерцанія встрѣчаются въ былинахъ и пѣсняхъ самыхъ различныхъ племенъ, но всѣ имѣютъ одну общую основу.

У Индійцевъ Индра, какъ дождевой и грозовой богъ, пробиваетъ горы своими перунами, заставляя ихъ снова источать ключи, или умерщвляетъ демона похитившаго облака и тучи, темнаго облачнаго змѣя который хотѣлъ лишить землю необходимаго ей дождя; вольноподвижная фантазія хватается то за тотъ, то за другой образъ. Въ этой борьбѣ пособникомъ ему Трита, или онъ-то собственно и повершаетъ бой. Трита призывается еще какъ вѣющій, да дохнетъ онъ свыше на разводимый человѣкомъ огонь; въ этомъ видѣ это уже вѣтеръ, сынъ и повелитель водъ, обложившихъ небо парами. Разноцвѣтныя облака ходятъ по небесному лугу какъ пасущіяся коровы, предназначенныя подобно имъ питать весь людской родъ; враждебный злой духъ куда-то угналъ ихъ, или самъ гнѣздясь въ глуби горныхъ тѣснинъ, держитъ всѣ ключи и источники въ каменномъ затворѣ. Молнія разбиваетъ скалы и прорываетъ темную пелену которою могучее чудище задернуло все небо, и вотъ—земля становится опять плодоносною, а небо опять яснымъ и голубымъ. О персидскомъ свѣтобогѣ Митрѣ и о похищеніи имъ стадъ рогатаго скота говорятъ позднѣйшія римскія извѣстія, не понимая взаимной между ними связи; первоначально это конечно означало выручку изъ плѣна облаковъ, въ видѣ стадъ небесныхъ. И то что̀ гимны Ведъ поютъ объ Индрѣ и Тритѣ, то самое Авеста разсказываетъ о Ѳраэтонѣ, Феридунѣ (Фредунѣ) Фирдуси: онъ убиваетъ страшнаго тризевнаго, трехвостаго, шестиглазаго и трехтысячесильнаго змѣя. Отецъ Ѳраэтоны, Аптвья, встрѣчается намъ въ отцѣ Триты, по имени Аптья; змѣй по-парсійски зовется азги, по-индійски аги, и въ Ведахъ мы читаемъ стихи:

Посланный Индрою, вступилъ Трита въ битву,
И сокрушивъ семихвостаго триглава,
Освободилъ стадо изъ рукъ Тваштры.

Борьба между свѣтомъ и тьмою, между плодородіемъ и засухой, и благотворное могущество божіе видимое человѣкомъ въ побѣдѣ надъ темными силами, которыя лишаютъ его дождя, — вотъ затаенная основа всего миѳа. Триту въ Индіи заслонилъ Индра, котораго совсѣмъ не знаютъ Персы; у нихъ сохранилось сказаніе о боѣ со змѣемъ, но они придали ему существенно моральное содержаніе. Этотъ бой, скажемъ мы вмѣстѣ съ Ротомъ, сходитъ теперь съ неба на землю, или пожалуй возносится изъ царства физическихъ явленій въ область моральную; боецъ Ѳраэтона становится человѣческимъ героемъ, который рожденъ своимъ отцомъ и данъ людямъ на спасеніе, да научитъ ихъ благочестиво исполнять религіозные уставы Гома *; убиваемый имъ змѣй — созданіе лукаваго, надѣленное демонскою силой для того чтобы потребить чистоту міра; герой играетъ роль вождя въ непрерывной борьбѣ добра съ злымъ началомъ. Наконецъ въ персидской былинѣ Фирдуси Феридунъ является уже царемъ, который ратуетъ противъ гнетущаго народъ тирана, онъ отвоевываетъ у него свободу и довольство подданныхъ. Но если онъ не убиваетъ Зогака, а только запираетъ его въ горное ущелье, то это опять лишь отголосокъ той всегда возобновляющейся физической борьбы, въ

* Первоучителя Парсизма.

которой змѣй вѣдь также не умираетъ, но всегда съизнова побѣждается. Индра слыветъ убійцей Вритры, укрывателя; то же самое имя (Вереораянъ, Вритраганъ) носитъ и Ѳраэтона; слово это на древнеперсидскомъ значитъ побѣдоносный. Что змѣй Авесты есть именно облачный змѣй, видно изъ того что онъ проситъ силы у воды и вѣтра; что тиранъ Зогакъ тотъ же опять древній змѣй, слѣдъ этого явенъ у Фирдуси въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда злой духъ цалуетъ его въ плечи, у него тотчасъ же выростаютъ изъ нихъ двѣ черныя змѣи, и не даютъ ему покоя, чтобы онъ ежедневно кормилъ ихъ человѣчьимъ мозгомъ.

И въ Египтѣ свѣтобогъ Пта сражается со змѣемъ ночи, — что можетъ служить указаніемъ на первобытнѣйшую еще старину. Но слѣды коренного миѳа просвѣчиваютъ также у Эллиновъ, у Италійцевъ, у Германцевъ, въ многоразличныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ, которыя всѣ только имъ однимъ и объясняются. Солнобогъ Аполлонъ низлагаетъ Пиѳона, а солнечный герой Ираклъ одолѣваетъ многоглавую лернейскую гидру, отбиваетъ у Кака похищенныхъ имъ быковъ и умерщвляетъ самого хищника; даже въ укрощаемой Иракломъ собакѣ Орорѣ (Оророс) Максъ Мюллеръ лингвистически распознаетъ Вритру. Солнечный герой Беллерофонъ осиливаетъ огнедышащую, львогривую козу, опять-таки олицетвореніе грозового облака; къ этому прямо подходитъ и его имя «Беллероубійца», если согласно съ Поттомъ принять Беллеросъ (Веллерос) за переиначенную Эллинами форму Веретры. Солнечный герой Персей освобождаетъ изъ рукъ морского чудища дѣвственную Андромеду; да и битвы со змѣями или драконами индійскаго Карны, кельтскаго Тристана, германскаго Зигфрида, всѣ находятъ свой общій источникъ въ этомъ миѳѣ. Въ сѣверной (скандинавской) миѳологіи свѣтобогъ и солнобогъ Фрейръ побиваетъ демоновъ, драконовъ и исполиновъ, омрачающихъ дневное свѣтило облаками и зимнею ночью; божественныхъ женъ освобождаетъ онъ изъ плѣна у разныхъ чудовищъ. Молнія, какъ оружіе боговъ, слыветъ сверкающимъ копьемъ или млатовидною громовой стрѣлою. Она вьется по небу змѣей, да и извергается грозовою тучей, которая въ свою очередь опять-таки огнеметъ драконъ. Этотъ драконъ, темная туча, застенила солнце, похитила золотой его кладъ; герой отвоевываетъ кладъ снова, а не то — выручаетъ водяную дѣву изъ-подъ власти чудища, какъ наприм. Персей Андромеду, Зигфридъ въ изборникѣ германскихъ былинъ Хримгильду, и даже еще у Готфрида Страсбургскаго (въ 13-мъ стол.) наградою за бой съ дракономъ выставлена Изольда, которую и добываетъ себѣ побѣдою Тристанъ. Первоначальный божескій миѳъ сталъ такимъ образомъ общею основой для позднѣйшаго героическаго сказанія, а послѣднее, подъ вліяніемъ всего пережитого въ богатырскій вѣкъ, выработалось у разныхъ народовъ въ многоразличныя былины.

Я назвалъ тѣхъ солнечныхъ героевъ, которые первоначально были богами, но которыхъ мѣстный культъ уступилъ затѣмъ почитанію одного общаго солнобога, подлѣ котораго они стали уже только героями, какъ Иракль, Беллерофонъ, Персей подлѣ Аполлона; сродственный элементъ ихъ исторіи — очевидно древнеарійское наслѣдіе. Всѣ они, въ томъ числѣ Карна, Зигфридъ и Тристанъ, подвластны другому, и притомъ всегда слабѣйшему, но въ

этой именно подслужности своей они и раскрываются въ полномъ величіи и тѣмъ высшей достигаютъ славы: это—солнце по волѣ міродержца совершающее въ небѣ путь свой, изливая свѣтъ и теплоту, разгоняя или истребляя ночныхъ чудищъ, все на службу слабѣйшему его человѣку. Какъ солнце сплошь представляется сыномъ бога небеснаго, такъ и солнечные герои ведутъ родъ свой отъ небеснаго свѣта: Зигфридъ въ Вилькинасагѣ, Карна въ индійскомъ эпосѣ, Персей въ греческомъ миѳѣ — сыновья земной дѣвы и свѣтобога; свѣтъ небесный льется золотымъ дождемъ и проникаетъ въ глубь мрака, объемлющаго Данаю въ подземной темницѣ. И если всѣ трое новорожденныхъ отдаются въ стеклянномъ ларцѣ или въ плетеной корзинѣ на волю рѣчныхъ или морскихъ волнъ, то это вопервыхъ напоминаетъ Геліоса, котораго струи Океана несутъ спящаго въ золотой чашѣ отъ заката къ востоку, а съ другой стороны явно выступаетъ здѣсь общая основа этихъ сказаній,—естественный образъ утренняго солнца, колышимаго и отражаемаго въ зыби волнъ. Какъ Персея принимаютъ на воспитанье серифскіе корабельщики, такъ точно Карну беретъ къ себѣ возчикъ Адгирата, а Зигфрида кузнецъ Мимеръ, и каждый изъ нихъ высылается потомъ на бой со змѣемъ-чудищемъ.

Если Бальдуръ, Зигфридъ, Ахиллъ, Мелеагръ, Кефалъ и персидскій Сіявушъ умираютъ во цвѣтѣ лѣтъ какъ чистые, свѣтлые юноши, то первоначально это опять вѣдь солнце, которое нисходитъ ежедневно въ полной силѣ или, послѣ краткаго лѣтняго пути, уязвляется жаломъ смерти, зимою. Но солнце покидаетъ свою возлюбленную, денницу, или же весной пробуждаетъ землю отъ зимняго усыпленія, даритъ ей любовную усладу лѣтней поры, а середь лѣта или заполдень повертываетъ въ другую сторону, идетъ уже къ низу и наконецъ преодолѣвается силой ночи или зимы. Такъ и Зигфридъ покидаетъ Брунгильду которую пробудилъ къ жизни поцалуями, которой броню разсѣкъ лучезарнымъ своимъ мечемъ, и вотъ самъ онъ обреченъ теперь гибели. Солнце склоняется на западъ, къ страшной области смерти и тьмы; вечерняя заря блещетъ ему навстрѣчу новою возлюбленной и принимаетъ его въ свои объятія, но поцалуй ея смертеленъ: новые друзья, что прежде были врагами, ненадежные союзники; злая природа ея прорывается какъ-разъ, и сонце становится жертвой ея вѣроломной измѣны. Такъ Зигфридъ склонился къ Нибелунгамъ, къ туманникамъ, къ сынамъ мрака, чтобы добыть себѣ Хримгильду; такъ Сіявушъ домогается туранской царевны, Ахиллъ — дочери враждебнаго царя Тоевъ: предательствомъ погибаютъ всѣ трое, вмѣстѣ съ индійскимъ царевичемъ Карною. Они были неуязвимы въ чистотѣ, а теперь вѣроломное убійство поражаетъ ихъ, кого въ пяту, кого въ подколѣнную чашку, кого въ спину. Въ самыхъ именахъ Арджуны и Хагена кроется губительный шипъ, жало смерти; Исфендіара у Фирдуси можно уязвить только роковой вѣткою, сломленною Рустемомъ, Бальдура въ Эддѣ — однимъ только кустомъ омелы, съ котораго не взято клятвы щадить любимца боговъ: стало-быть и это отзывается еще первобытной стариною. Когда богатырскій вѣкъ насталъ для раздѣлившихся уже народовъ, когда каждый изъ нихъ пережилъ свою долю исторіи, тогда необыкновенная сила, блестящая судьба, ранняя смерть иныхъ прекрасныхъ юношескихъ личностей напомнила собою древній естественный миѳъ; то и другое слилось вмѣстѣ, въ человѣческомъ выдвинулось при этомъ впередъ нравствен-

ное, и вотъ отчего въ эпосѣ Индійцевъ, Персовъ, Грековъ и Германцевъ видимъ мы сложившееся подъ вліяніемъ разныхъ житейскихъ опытовъ и различныхъ конечно воззрѣній, но въ основѣ своей одинаковое поэтическое представленіе юношески-чистаго героя, который вступаетъ въ извѣстное отношенье къ враждебному, низкому или нечистому, и какъ бы въ возмездіе за то вѣроломно умерщвляется во цвѣтѣ лѣтъ представителями злого начала, но самъ приноситъ имъ пагубу тою отместною борьбой какая завязывается изъ-за его смерти.

Борьба лѣта съ зимой, хранящаяся еще въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ, есть лишь таже, только далѣе развитая, растянутая борьба дня съ ночью. Это, видите, отецъ и сынъ, но поживши врозь они не узнаютъ другъ друга и вступаютъ въ бой не на животъ, а на́ смерть, пока одинъ не падетъ отъ руки противника. Какъ еще Шекспиръ въ картинѣ междоусобной войны выводитъ намъ отца съ трупомъ сына и сына съ трупомъ отца, такъ къ опытамъ того же рода подавала и полная приключеній перекочевка цѣлыхъ народовъ; въ Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ германской былины, въ Рустемѣ и Зорабѣ—персидской, давно уже признали близкое соотвѣтствіе; къ нимъ у Грековъ присоединяется Одиссей, который, какъ говоритъ Эвгаммонова Телегонія, послѣ долгаго отсутствія возвращается изъ Өеспротіи въ Итаку; сынъ его, Телегонъ, искалъ между тѣмъ великаго отца, но узналъ его только тогда, когда Одиссей палъ передъ нимъ отъ смертельной раны. Основаніемъ и здѣсь былъ вѣроятно тотъ же естественный миѳъ первобытной древности.

Солнце приносило съ собой жизнь, приводило день и вёсну; но въ теченіе семимѣсячной зимы попадало оно во власть демоновъ тьмы и стужи, или же заточалось въ тучевую гору, съ тѣмъ чтобы потомъ выйдти оттуда и снова одѣть древо міра свѣжей зеленью; спустившись прежде въ преисподнюю, оно подпималось теперь опять и овладѣвало своимъ царствомъ. Весна является спачала непохожею на саму себя, невзрачною, оборванною какъ нищій, но она раскрывается потомъ въ царственномъ величіи и освобождаетъ супругу свою, природу, отъ злостныхъ жениховъ, тѣхъ зимнихъ насильниковъ, которые хотѣли втѣсниться на ея мѣсто; тогда всѣ они падаютъ подъ стрѣлами ея лучей. У племенъ двинувшихся въ теплые края, на Гангъ и въ Іонію, поэтическій этотъ вымыселъ естественно отступилъ на задній планъ, тогда какъ занявшіе сѣверъ Германцы развивали его далѣе. Однакожь въ Делосѣ и въ Милетѣ каждую весну и осень праздновали отбытіе и возвратъ Аполлона, и дельфійское сказаніе заставляетъ его, вслѣдъ за убійствомъ змѣя Пиѳона, служить царю Адмету въ искупленіе своей кровавой вины. Сохранилось также и индійское сказаніе что Индра, умертвивъ Вритру, бѣжалъ и, ради покаянія, спрятался въ одинъ прудъ на крайнемъ концѣ свѣта; тогда высохла и исчезла вся жизнь въ природѣ, а между тѣмъ дерзкій и надменный женихъ потребовалъ за себя Индрину супругу; возвратившійся богъ умерщвляетъ хищника престола и соперника и снова осчастливливаетъ міръ своимъ владычествомъ. Какъ Водановo удаленіе на гору и сонъ его въ каменной пещерѣ перешли на Карла Великаго и Фридриха-Рыжая Борода, какъ его семимѣсячное отсутствіе и потомъ возвратъ для удержанія за собой жены и царства перенесены были на Генриха Льва, такъ древнее миѳо-

логическое воспоминаніе отозвалось и въ богатырскомъ сказаніи Эллиновъ: Одиссей изъ подземнаго міра, изъ пещеры скрывавшей его у Калипсо, возвращается домой въ видѣ нищаго чтобы отстоять свою Пенелопу противъ неотвязныхъ жениховъ. Высохшее дерево, снова покрывающееся листвой, когда императоръ, выйдя изъ горы, повѣситъ на него щитъ свой, это — дерево міра всегда готовое ожить съ возвращеніемъ бога весны. Въ немъ также сохранился прекрасный образъ изъ первоарійской эпохи. Мы знаемъ въ Эддѣ ясень Игдразиль, которой корни проникаютъ въ бездонную глубь, которой вѣтви упираютъ въ небо и носятъ вмѣсто плодовъ золотыя звѣзды, у которой вкругъ ствола сидитъ вереница Норвы; мы найдемъ и въ Ведахъ не крушимую смоковницу небесную, которой корни идутъ вверхъ, а вѣтви внизъ, въ которой утверждены всѣ міры, изъ которой боги состроили небо и землю, которая носитъ всякій плодъ, которой листва сочитъ изъ себя каплями божескій напитокъ. Оставляю въ сторонѣ разысканіе, не лежитъ ли тутъ первоначальною основой «воздушное дерево», то-есть своеобразнаго вида облака которыя тянутся длинновѣтвистыми полосами; но думаю, можно принять за древнеарійскій тотъ взглядъ, что вся природа есть лишь укорененное въ глубину и высящееся къ небу всепитательное растеніе, и напоминаю при этомъ про «дерево жизни» у Симитовъ.

Греки допускаютъ человѣкообразныхъ боговъ превращаться въ животныхъ, а людей въ растенія; часто встрѣчается этотъ обратный переходъ въ тѣ самыя опять формы, какія первоначально придавались силамъ царящимъ въ естественныхъ явленіяхъ: гдѣ подмѣчали какое-нибудь дѣйствіе, тамъ причиною его полагали самостоятельное, одушевленное начало, и если подмѣта явленій обнаруживала въ нихъ что-либо подходящее къ формамъ и жизнеотправленіямъ животнаго, то ихъ и готовы уже были принять за животнообразное существо. Вспомните про облачныхъ коровъ, про свѣтлыхъ, лучезарныхъ коней, везущихъ колесницу солнца. У Грековъ Посейдонъ преслѣдуетъ Деметру, и когда она превратилась въ кобылицу, онъ овладѣваетъ ею какъ жеребецъ; въ Ведахъ грозовая туча, Саранья, несется по небу въ видѣ дикаго коня, и свѣтлый богъ неба соединяется съ ней для порожденія бога преисподней — Ямы. У патріархальнаго пастуха собака — первый сторожъ дома, первый слуга на пастбищѣ; вотъ отчего въ Ведахъ сами боги посылаютъ Сараму, то-есть вѣтеръ, отыскать куда дѣвались небесныя коровы, облака, наслѣдить ихъ и пригнать обратно. Отъ Сарамы происходитъ буропѣгій песъ Сарамейясъ, котораго призываютъ чтобы нагнать на людей сонъ, оберечь домъ въ ночное время, лаемъ отпугать разбойниковъ, пріумножить конскіе табуны и стада рогатой скотины. Другой Сарамейясъ въ распоряженіи у преисподняго бога Ямы и сноситъ ему въ бездну души покойниковъ. Съ Сарамейясомъ Кунъ сопоставилъ эллинскаго Гермейяса или Гермеса, который гонитъ передъ собой коровъ Аполлона, свѣтозарныя облака, и потому есть существо воздушное точно такъ же какъ и Сарамейясъ, такъ же охраняетъ людскіе дома и достоянья, такъ же усыпляетъ людей, такъ же препровождаетъ души на тотъ свѣтъ. Псы бога Ямы знаютъ и стерегутъ дорогу мертвыхъ, подобно греческому Церберу (правильнѣе Керберу), чье названіе Веберъ объясняетъ изъ прилагательнаго карбура, савала, темный, буропѣгій, придаваемаго въ Ведахъ Сарамейясу.

Небесный путь, которымъ ходятъ боги и блаженные, мостъ на́ небо — радуга. Взглядъ на́ душу какъ на дыханіе жизни, которое вѣтромъ уносится опять съ облаками въ небеса, судовщикъ перевозящій мертвыхъ черезъ облачное море, олицетвореніе царящей въ вѣтрѣ воли божіей въ видѣ божескаго пса, который гонитъ тучи, сторожитъ и провожаетъ человѣка заживо и по смерти, все это — первоарійскія воззрѣнія; относительно послѣдней черты напомнимъ здѣсь о египетскомъ Анубисѣ съ шакальей головою.

Молнія — огненный змѣй, но мы зовемъ ее также и перуномъ (то-есть крылатой); птица подымающаяся и опускающаяся на крыльяхъ становится образомъ для всего парящаго, всего рѣющаго между небомъ и землей. Такъ первоначально молнія и дождь сами птицей вырывались изъ тучи, а впослѣдствіи птица уже только сносила ихъ къ землѣ. Также и солнце слыло птицей, лебедемъ или же орломъ. Это часто отзывается въ позднѣйшихъ миѳахъ: орелъ носитъ Зевсову молнію и подымаетъ къ нему на́ небо божескаго крайчаго, Ганимеда, или самъ Зевсъ, въ видѣ орла, похищаетъ этого прекраснаго юношу; Индра, обратившись въ сокола, а Одинъ — въ орла, уносятъ изъ тучевой горы заключенный въ ней мёдъ, чудесный напитокъ вдохновляющій безсмертіемъ. На́ душу, на это жизненное начало человѣка, взглянули какъ на искру небесную, какъ на молнійный перунъ изъ тучи; и теперь еще есть народное повѣрье (въ Германіи) что аистъ приноситъ новорожденныхъ изъ облачнаго родника; по народному же повѣрью душа выпархиваетъ изъ тѣла птицей или бабочкой. Огнедавецъ Промеѳей вмѣстѣ и образователь человѣка, а Яма, съ которымъ мы сейчасъ ближе ознакомимся, — дитя свѣта и грозовой тучи. И теперь еще въ Германіи * при взгнетѣ «живого огня», черезъ который переводятъ чумный скотъ для очищенія, а въ Индіи такъ сплошь и рядомъ, употребителенъ тотъ же самый способъ къ какому прибѣгали Арійцы въ древности: на углубленную въ серединѣ чурку мягкаго дерева ставятъ брусокъ потверже и вертятъ его быстро руками или посредствомъ навитой веревки, или же наконецъ вращаютъ какъ можно скорѣе колъ въ ступицѣ колеса, до тѣхъ поръ пока брызнетъ изъ него искра, которую и стараются поймать въ паклю, сѣно или мохъ. Такъ точно представляли себѣ и взгнетъ небеснаго огня въ солнечномъ колесѣ или въ грозовой тучѣ; изъ солнца, огневого колеса, вышла потомъ колесница солнобога. Вращательнымъ движеніемъ любой палочки или мутовки въ какомъ-нибудь узкомъ сосудѣ съ незапамятныхъ временъ выдѣлялось масло изъ молока; въ такомъ же видѣ, подходящемъ стало-быть близко ко взгнету огня, представляли себѣ изготовленіе божескаго напитка, всеоживляющаго небеснаго дождя: молнія и ливень появлялись вѣдь обыкновенно вмѣстѣ. Но нагнетательное треніе припоминаетъ и способъ зарожденья человѣка; отсюда душа становится загорающейся жизненною искрою. Душа, огонь и дождь стояли такимъ образомъ въ тѣсной связи по своему источнику, и Кунъ, въ книгѣ «О нисхожденіи съ неба огня и божественнаго напитка», ясно указалъ въ вышеизложенномъ общую основу многоразлично выработавшихся сказаній разныхъ арійскихъ племенъ. Огонь и донынѣ служитъ для насъ

* Да и въ другихъ краяхъ.

лингвистически образомъ живости, жизненнаго пыла, а тогда онъ горѣлъ на очагѣ, какъ средоточіе дома, какъ символъ семейной жизни; входящая въ домъ новобрачная, а равно и вновь пріобрѣтенныя домашнія животныя, должны были троекратно обойдти его кругомъ: только тогда вступали они въ святыню общенія. Въ греческомъ словѣ πῦρ, какъ и въ древнескандинавскомъ fyr, въ древнегерманскомъ fiur, еще видно что огонь считался первоначально вообще стихіей очищенія (purus, чистый); и въ этомъ именно смыслѣ выступаетъ онъ довольно ясно у Индійцевъ и у Персіянъ, а также у Грековъ, Римлянъ и Германцевъ. Огонь по-индійски агни, полатыни игнис (ignis); корневое значеніе этого слова легко распознать въ греческомъ агнос (ἁγνός), чистый. Связанное съ огнемъ искусство обработки металловъ также началось еще до подѣла арійскихъ племенъ. Въ ней видѣли дѣло упавшаго съ неба огня, который охромѣвъ отъ паденія пріютился у очага, у огнища; онъ, правда, ковылялъ какъ Гефестъ или какъ ковачь Виландъ, но сохранилъ въ то же время способность взвиваться птичьимъ полетомъ къ небу, какъ опять-таки Виландъ или какъ Дедалъ; въ этихъ сказаніяхъ нѣтъ позаимствованія, тутъ также слѣдуетъ допустить только одну общую имъ основу. Даже взглядъ на грозу какъ на небесную кузницу, гдѣ одноглазые солнечные великаны куютъ молніи на гремучей наковальнѣ, принадлежитъ первобытной старинѣ и доказываетъ раннюю обработку бронзы. На томъ представленіи что во время грозы боги тянутъ за оба конца, то въ ту, то въ другую сторону, веревку приводящую въ движеніе огнеродное веретено, индійская фантазія создала чудовищный образъ горы Мандары, которая стоитъ громадною мутовкой божественнаго питья среди океана-моря, а вкругъ нея змѣя Сеша обвилась веревкою; змѣя пышетъ огнемъ и вѣтромъ, а гора гудитъ громовымъ рокотомъ, когда боги примутся тянуть канатъ. Въ германской былинѣ дикій охотникъ Воданъ бросаетъ мужику веревку чтобъ попытать силы, кто изъ нихъ кого перетянетъ; а Гомеръ даетъ намъ въ Иліадѣ прекрасную картину того же представленія, когда вначалѣ осьмой пѣсни Зевсъ возвѣщаетъ богамъ свое верховное могущество:

Цѣпь * золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,
Съ самой землею и съ самимъ моремъ ее повлеку я,
И моею десницею окрестъ вершины Олимпа
Цѣпь привяжу, и вселенная вся на высокихъ повиснетъ!

Однакожь если теперь мы воротимся опять къ міру животныхъ, то найдемъ что онъ представлялъ образы не только для живописи естественныхъ явленій, но и для передачи отношеній человѣческихъ. Охотникъ, пастухъ, земледѣлецъ постоянно водятся съ животными, стоятъ къ нимъ близко и смотрятъ

* Такъ въ переводѣ Гнѣдича, а въ подлинникѣ: вервь. Пышный языкъ этого перевода, хотя и знакомящаго съ содержаніемъ подлинника, не даетъ ни какого понятія объ его поэтической простотѣ.

на собаку, на быка, на волка какъ на товарища или на врага, въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ на себѣ подобнаго; они чутко приглядываются ко всѣмъ особенностямъ животныхъ, тѣшатся ихъ хитростью и силой, красотой ихъ формъ, ихъ свѣтлыми, сверкающими глазами; съ нѣкоторыми изъ нихъ ведутъ они войну, другихъ воспитываютъ и приручаютъ; и все переживаемое, испытываемое такимъ образомъ въ сообществѣ животныхъ фантазія пускаетъ въ ходъ въ звѣросказаніи, въ животной былинѣ, повѣствуя про нихъ то либо другое и надѣляя ихъ при этомъ человѣческимъ разсудкомъ и языкомъ, или же приравнивая вынесенные изъ ихъ среды опыты къ отношеніямъ людского быта и высказывая это коротк въ пословицѣ, а подробнѣе въ баснѣ. Въ индійскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ разсказахъ находимъ мы односмысленныя такого рода повѣсти; тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свои особыя черты, такъ что часто смыслъ одного какого-нибудь изложенія разъясняется вполнѣ только знакомствомъ съ другимъ или другими. И здѣсь предстаетъ намъ первоначально-общій запасъ былевого матерьяла, который въ теченіе тысячелѣтій преобразовывался конечно уже и при устной передачѣ, а впослѣдствіи смотря по характеру различныхъ народовъ получилъ свои особыя черты и свою особую художественную форму.

Отъ природы перейдемъ теперь къ человѣку. Давно уже дознано что Яма Ведъ и Джима (Jima) Авесты тожественны между собою; въ персидской богатырской былинѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Джемшида (Джим, Джем въ соединеніи съ шид, владыка, господинъ). Ведійскій разсказъ говоритъ что міроздатель устроиваетъ бракъ своей дочери, носящейся надъ пространствомъ бурной, темной тучи или мглы, со свѣтозарнымъ началомъ, Вивасватомъ; свѣтъ и тучевая мгла порождаютъ первую человѣческую чету, близнецовъ, что́ и высказывается въ ихъ имени, Яма и Ями. Яма перворожденный изъ смертныхъ, онъ же и первоумершій: «онъ первый проло-«жилъ путь изъ глубины въ горняя, онъ первый отыскалъ мѣсто куда ото-«шли всѣ наши отцы, въ неотъемлемую нашу обитель». Вотъ почему онъ сталъ главою всѣхъ за нимъ послѣдовавшихъ; первенецъ умершихъ, князь ихъ, Яма, — владыка въ царствѣ блаженныхъ.

Зендская же былина переноситъ рай въ періодъ жизни перваго человѣка, Джимы. Отецъ его и тутъ именуется почти такъ же — Вивангватъ. Ему прежде всѣхъ открылся творческій духъ Агурамасды, но онъ не захотѣлъ быть носителемъ святого слова, не будучи довольно для того искусенъ и ученъ. Тогда богъ вручилъ ему золотую вѣялку и золотое жало, символы земледѣлія и скотоводства, знаменующіе князя мира. Джима дѣлаетъ землю плодородною, и она наполняется обиліемъ живыхъ тварей; его молитвою расширяется земля, чтобы всѣмъ былъ просторъ для привольнаго движенія. Если земля, кормилица людей, рогатаго скота и коней, разверзаетъ свое лоно когда Джима прикоснется къ ней золотою вѣялкой и золотымъ жаломъ, и если она становится потомъ вдвое обширнѣе, то это считаю я за поэтическое изображеніе того что благодаря хорошей обработкѣ она дѣлается способною носить и прокармливать гораздо бо́льшее число живыхъ тварей. Джима — самый свѣтлый, самый счастливый изо всѣхъ рожденныхъ; онъ подобенъ солнцу между смертными; подъ владычествомъ его

нѣтъ ни стужи, ни зноя, ни смерти, ни старости. Такъ рисуетъ это сказаніе золотой вѣкъ на землѣ, и полна смысла та черта его что младенческое счастіе невинности не знаетъ еще и божественнаго слова, самосознательнаго разума, а живетъ однимъ лишь нравственнымъ инстинктомъ, не вѣдая что́ добро и что́ зло, какъ Адамъ въ райской обители. И если потомъ Джима разводитъ садъ правильнымъ четыреугольникомъ и собираетъ туда наилучшихъ животныхъ, если нѣтъ тамъ ни грѣха, ни тѣлеснаго недуга, а напротивъ кротко сіяетъ вѣчный свѣтъ, то это опять-таки напоминаетъ намъ библейскій Эдемъ, и мы находимъ здѣсь преданіе человѣчества идущее отъ той далекой поры когда Симиты и Арійцы жили еще вмѣстѣ,—преданіе уцѣлѣвшее также въ Греціи и въ Римѣ въ видѣ миѳа про золотой вѣкъ, которымъ у Германцевъ наслаждались уже только одни боги. Міръ и самъ человѣкъ созданы добрыми, но они пали; раздоръ заступилъ мѣсто согласія, порча—мѣсто совершенства; міру предстоитъ гибель, но за нимъ послѣдуетъ другой, лучшій міръ: вотъ что легло общею идеей въ основу ученія объ эпохахъ міра, которое выработано потомъ Индійцами и Греками самостоятельно и каждымъ народомъ на свой ладъ, догматичнѣе у первыхъ, миѳичнѣе у вторыхъ. О продолжающемся еще земномъ раѣ говоритъ и средневѣковая былина про Александра Великаго; герой въ дальнихъ своихъ походахъ достигаетъ ограды рая и хочетъ овладѣть имъ какъ любой мірской державою, но извѣщается свыше что рай доступенъ лишь тому, кто преодолѣетъ свою собственную алчность. Также и романъ о Св. Чашѣ (Saint Greal, Graal) указываетъ на земной рай посреди всѣхъ мытарствъ и суетъ міра; и, какъ вѣрно замѣтилъ Вестергардъ, Джима выражаетъ собой счастливое состояніе всякаго вообще человѣка: когда день своимъ яснымъ свѣтомъ открываетъ все великолѣпіе, всю роскошь естества, когда теплое время года вызываетъ вездѣ радость и обиліе, когда человѣкъ въ полнотѣ силъ живетъ въ мирѣ съ самимъ собою и въ любви со всѣмъ окружающимъ, — тогда властвуетъ на землѣ Джима, — какъ и мы въ подобномъ случаѣ говоримъ, что мы словно въ раю.

Тацитъ называетъ миѳическаго прадѣда Германцевъ на берегу Океана — Ингу, а родоначальника Шведовъ именуютъ Ингви; въ обоихъ случаяхъ народъ является представителемъ человѣчества; Ингви вмѣстѣ и прозвище солнобога Фрейра; Маннгардъ, соображая весь кругъ этихъ сказаній, выводитъ что онъ первый человѣкъ и первый царь на землѣ, первый покойникъ и властитель въ царствѣ свѣтлыхъ духовъ, Альфовъ; поэтому въ немъ чуть ли не предстаетъ намъ опять сынъ Солнца, Джима или Яма, и пожалуй вначалѣ онъ самъ былъ солнце, которое, спускаясь на западъ впервые отыскало путь за предѣлъ земного міра, и свѣтя тамъ во время ночи блаженнымъ усопшимъ, надъ ними властвовало.

На вопросъ, было ли у Эллиновъ преданіе въ родѣ миѳа о царствѣ Ямы, можно отвѣтить что уже Виндишманъ указывалъ по этому поводу на Радаманта. Къ нему, царю блаженнаго острова, какъ говорятъ Гомеръ и Гезіодъ, переносились по добру и здорову богоугодные люди: не умереть долженъ былъ Менелай, а просто перейдти въ Элизіонъ.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Элизейскія будешь
Посланъ богами, — туда гдѣ живетъ Радамантъ златовласый,
Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло́ безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ
Гдѣ сладкошумно летающій вѣеть Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ.
(Одиссея, IV, 561—567. Перев. Жуковскаго.)

Если это напоминаетъ болѣе персидскій взглядъ, то напротивъ у Пиндара ближе отзывается индійскій; для него Радамантъ судья мертвымъ и владыка тѣхъ, кто сохранилъ чистоту сердца и шелъ по смерти Зевсовымъ путемъ прямо къ высокой твердынѣ Кроноса,

Гдѣ кротко дышатъ морскіе вѣтерки, обвѣвая юдоль блаженныхъ,
Гдѣ благоуханные золотые цвѣты по всему берегу
Сіяютъ съ высоты блестящихъ деревьевъ,
Гдѣ ростутъ они по теченію ключевыхъ водъ,
И блаженные увиваютъ себѣ ими руки и голову.

Сравните съ этимъ одну молитву къ Ямѣ въ Ведахъ:

Тамъ, подъ трехнебнымъ сводомъ, гдѣ такое привольное житье,
Гдѣ такія свѣтлыя пространства, о, дай мнѣ тамъ быть безсмертнымъ!
Тамъ гдѣ неизмѣнно живо сердечное влеченіе, гдѣ всегда стоитъ лучезарное солнце,
Гдѣ разлиты блаженство и удовольствіе, дай мнѣ тамъ быть безсмертнымъ!
Тамъ гдѣ живутъ веселье и радость, гдѣ царятъ восторгъ и ликованіе,
Гдѣ исполняются всѣ желанья, о, дай мнѣ тамъ быть безсмертнымъ!

Радамантъ — сынъ свѣтобога Зевса, братъ Миносу. Въ послѣднемъ давно уже признали индійскаго Мануса, и Маннуса Германцевъ, какъ называются родоначальники обоихъ этихъ племенъ. Имя это значитъ «мыслящій», откуда произведено мануша, менш (Mensch) человѣкъ; *а* перешло въ *и*, какъ и въ нѣмецкомъ словѣ минне (Minne), значащемъ также мысль о чемъ-нибудь, воспоминаніе. Миносъ, Манусъ, Маннусъ — представители первоустройства гражданской жизни, народнаго общежительства; они урядители государства, законодатели, судьи; подобно Ямѣ и Миносъ становится судьей усопшихъ.

Такимъ образомъ, рай вначалѣ исторіи и какъ послѣдняя цѣль человѣчества въ вѣчной жизни блаженныхъ выходитъ поэтическою вѣрою первобытной эпохи Арійцевъ; она была зерномъ, изъ котораго у различныхъ народовъ произросли столь близко-сродственные цвѣты что въ нихъ явственно просвѣчиваетъ первоначальная общность не только идеи, но и выраженія. Фирдуси передаетъ еще о Джемшидѣ что, въ своей гордынѣ человѣческой, онъ замыслилъ уподобиться богу, и тѣмъ самымъ утратилъ рай: зло втѣснилось въ страну его, и народъ отпалъ отъ него къ Зогаку. Въ одной изъ религіозныхъ книгъ персидскихъ счастіе покидаетъ Джиму съ тѣхъ поръ какъ онъ допускаетъ ложь въ свои помыслы. Если это писано не подъ еврейскимъ уже вліяніемъ, то можно бы было видѣть здѣсь явный намекъ на грѣхопаденіе у Арійцевъ.

Также и сказаніе о потопѣ обще не только всѣмъ арійскимъ племенамъ, но равномѣрно и Симитамъ. Вавилонскій разсказъ про Ксизуора подходитъ къ еврейскому про Ноя чуть не до мельчайшихъ подробностей. По сказанію Индійцевъ отъ всего рода человѣческаго остался одинъ Ману; древнѣйшій изводъ этой былины въ Катапатга-Брамапѣ хранитъ воспоминаніе о томъ что Ману родомъ изъ-за Гималайи, сѣвернаго отъ Индіи хребта: вытѣсненные изъ первородины потопомъ, Арійцы приходятъ въ Индію съ сѣвера. Въ руки къ Ману, когда онъ творилъ омовеніе, попалась рыба и взмолилась ему защитить ее и уберечь, за что обѣщала въ свою очередь спасти благодѣтеля при великомъ потопѣ. Ману вскормилъ рыбу и затѣмъ пустилъ ее въ море, а къ назначенному ею времени построилъ для себя корабль. Когда насталъ потопъ, приплыла она къ Ману, за рогъ ея прикрѣпилъ онъ свой корабельный канатъ, рыба переправила его черезъ сѣверныя горы и велѣла привязать канатъ къ дереву. Подобно Греку Девкаліону, подобно Ною и Ксизуѳру, Ману совершилъ жертвоприношеніе; изъ очищеннаго коровьяго масла, густого молока (сметаны?) и творогу, брошенныхъ имъ въ воды потопа, черезъ годъ вышла женщина, въ которую влюбились было боги Митра и Варуна, но которая сама себя заявила дочерью Ману. Имя ея, Ида, пишется черезъ головное (глоточное) *д*, переходящее въ *л* и *р*; она олицетворенное богохваленіе (Ила) и та возникающая отъ него благодать, которую для Грековъ знаменуетъ Ирида (собственно Ирис), радуга. Солнце и небесный сводъ, Митра и Варуна, хотятъ присвоить себѣ радугу; такъ-какъ она и здѣсь, какъ у Ноя, служитъ знаменіемъ союза и благословенія божія, то отъ нея происходитъ новое поколѣнье. И по литовскому сказанію, единственной уцѣлѣвшей отъ потопа четѣ людской богъ послалъ утѣшительницей радугу, которая и посовѣтовала этой четѣ прыгать черезъ земныя кости или ребра; съ девяти прыжковъ произошло девять новыхъ паръ. О горѣ Фрауэнбергъ (т. е. Бабья гора), близъ Зондерсгаузена, народъ говоритъ что она внутри полая; въ ней заключено огромное озеро, по которому сначала міра плаваетъ лебедь держа въ клювѣ кольцо. Уронитъ онъ кольцо, и тогда конецъ свѣту. Въ этомъ прекрасномъ образѣ вижу я, вмѣстѣ съ Шварцемъ, тучу-лебедя, держащаго радугу, которая бережетъ міръ отъ потопленія небесной водою, точно такъ, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ Іегова ставитъ радугу знаменіемъ того что новый потопъ не истребитъ уже земли.

Наконецъ еще одно слово о томъ божествѣ, въ чьемъ имени содержится повидимому имя Арійцевъ. Извѣстенъ такъ-называемый Ирминовскій столпъ, истребленный Карломъ Великимъ въ войну съ Виттекиндомъ. Ихъ было нѣсколько, всѣ они слыли народною святыней и состояли изъ пня или древеснаго комля, водруженнаго подъ открытымъ небомъ въ честь національному богу войны, Ирмину; по-старому назывался онъ, говорятъ, Ирмо или Армо, откуда съ добавочнымъ окончаніемъ произошли формы Арминъ, Ирминъ. Готское слово аирман (airman) употребляется въ смыслѣ всеобщій, слово ирминсуль (Irminsul) толкуется однимъ старымъ саксонскимъ лѣтописцемъ въ значеніи всеобщаго или всемірнаго столпа, на которомъ все держится. Ирминъ выходилъ бы поэтому всеобщимъ божествомъ, божествомъ цѣлаго народа. Кельты чествуютъ племенного бога Эримона, по которому Ирландія слыветъ Эриномъ, да и самъ народъ Ировъ получилъ свое

названіе. Иранцами именовались древніе Персы по первобытному прозвищу Арья, Аріи, и Аріама въ Ведахъ — божество, которое часто призываютъ на ряду съ Митрою и Варуной, съ солнцемъ и небесами. Аристой, то-есть «самыми арійскими», именуются у Грековъ благородные. Айрья, честными, почтенными, называли сами себя Индійцы.

Если мы огланемъ теперь общій добытокъ нашего изслѣдованія, то увидимъ что вся жизнь природы представлялась фантазіи Арійцевъ твореніемъ духовной силы и дѣятельности. Въ эѳирѣ царили благодатные духи свѣта и сіяли въ блескѣ звѣздъ убранствомъ свода небеснаго, небо было видимымъ проявленіемъ всеобъемлющаго божества, которое порождало, лелѣяло и двигало свѣтила; онѣ были неусыпными его стражами, все зорко высматривающими и оберегающими все благое; въ ночномъ сумракѣ, въ зимней стужѣ, въ лѣтней засухѣ властвовали темные, злые демоны, жадные волки, драконы и иныя чудища, похищавшія солнечный свѣтъ или освѣжительный дождь, страшныя и вредоносныя людямъ; но всемогущая помощь божія всегда заявляла себя борьбой и побѣдой, что́ особенно ясно обнаруживалось въ грозѣ. Духи вѣтровъ бушевали въ бурѣ и готовы были всколебать весь міръ; это — полчища буребога, ревъ и вой бури — это ихъ пѣснь, отъ нея дрожатъ деревья и скалы, — что́ ясно отзывается еще въ сказаніяхъ объ Орфеѣ и Горантѣ. * Въ геніяхъ и манахъ Римлянъ, въ демонахъ Грековъ, въ альбахъ Германцевъ и эльфахъ Кельтовъ, въ рибгусахъ и марутахъ Индійцевъ народное чувство сохранило этотъ міръ духовъ, обвитающій, обрѣтающій человѣка даже и среди видимой природы. Къ этому примыкала или пріурочивалась вѣра въ безсмертіе. Душа, какъ молнія, какъ искра жизни, птицею спускалась съ высоты, а потомъ воспаряла туда опять въ дуновеніи вѣтра и, смотря по дѣламъ своимъ и помысламъ, вступала въ область силъ свѣта или тьмы. Опираясь на природу съ боязнію и вмѣстѣ съ надеждой, постепенно развивались нравственныя идеи; въ людскомъ сознаніи возникаетъ уже противоположность между добромъ и зломъ, равно какъ и помыслъ о той вѣчной долѣ какую уготовляетъ себѣ самъ человѣкъ, а также и о тѣсномъ общеніи всѣхъ жившихъ и живущихъ, потому что духи предковъ по смерти ихъ пожинаютъ плодъ своего земного бытія и въ то же время постоянно обвитаютъ живущее поколѣніе, постоянно на него дѣйствуютъ.

И ка́къ новѣйшее естествознаніе усматриваетъ въ эѳирѣ настоящее творило или материнское лоно всѣхъ вещей, такъ точно первобытные Арійцы видѣли въ свѣтѣ источникъ всякаго возникновенія, преуспѣянія и движенья; они признавали въ немъ благодатную духовную мощь, онъ былъ для нихъ естественнымъ символомъ всякаго добра, всякой истины; ихъ религія была прямо свѣтослуженіе, на которомъ и развернулись сѣмена всѣхъ нравственныхъ идей. Человѣкъ долженъ быть подобенъ свѣтлымъ божествамъ. Они, всевидящія, дѣлаютъ все видимымъ. На судъ ихъ отдаются въ томъ случаѣ когда человѣкъ самъ по себѣ не можетъ проникнуть сокровенное или вполнѣ доказать правду. Всѣ убѣждены что божества дѣлаютъ легкимъ и безвред-

* Древнедатскій баянъ, все обаявшій своими пѣснями.

нымъ даже окунаніе въ кипятокъ, несеніе въ рукѣ раскаленнаго металла, хожденіе сквозь пылающій огонь, когда чистый человѣкъ призоветъ ихъ въ свидѣтели своей невинности; когда же къ ихъ суду прибѣгнетъ сознательно виновный, то вызоветъ этимъ приговоръ себѣ же на пагубу. Эти такъ-называемые божіи суды продолжаются непрерывно у всѣхъ народовъ и должны поэтому быть наслѣдіемъ, идущимъ изъ эпохи первоначальнаго общенья.

Но если въ явленіяхъ природы видѣли дѣло божьей воли и духовнаго могущества, то при этомъ возможна была и надежда подѣйствовать на нихъ молитвою и собственною волей: отсюда упованіе на силу слова въ проклятіи и благословеніи. Подмѣтили какъ распространяются броженіе и зараза, и сообразно этому приписывали каждой вещи стремленіе или способность уподоблять себѣ то на что она дѣйствуетъ. Здѣсь основа магіи, заговоровъ, волшебныхъ средствъ. Римская пастушка ставитъ воскъ на огонь, съ тѣмъ чтобы подобно воску растаяло сердце отсутствующаго милаго; нѣмецкій кузнецъ куетъ желѣзо и хотѣлъ бы чтобъ такъ точно и его ландграфъ ожесточился на утѣснителей народа: Веды представляютъ намъ подобныя же формулы. Словесныя выраженія для врачевства у арійскихъ племенъ указываютъ на связь съ заговорами и магическими средствами. Рану слѣдуетъ затянуть, а недугъ связать, или же выгнать возбудившаго его демона; цѣлитьба соприкасается съ нравственно-религіознымъ очищеніемъ, слово въ тѣсной связи съ искупительною жертвой. Сличая сродственныя выраженія, Адольфъ Пиктѐ пріурочилъ къ первобытной эпохѣ такія болѣзни какъ умопомѣшательство, эпилепсія, лихорадка, накожныя сыпи и кашель.

Всякій домохозяинъ былъ жрецъ; это мы находимъ еще въ Ведахъ, и вообще въ первоначальномъ развитіи всѣхъ осамобытившихся племенъ. Къ богамъ приближались только съ молитвою и жертвами. Какъ они распространяли свѣтъ свыше, такъ и имъ зажигали жертвенный огонь и приносили жертву всесожженія; какъ они ниспосылали небесную влагу дождя, такъ и имъ подносили жертвенный напитокъ. Люди рано научились приготовлять его изъ перебродившаго растительнаго сока и, сами почерпая въ его подкрѣпляющемъ и охмѣляющемъ употребленіи отраду, вдохновеніе и бодрую дѣятельность, хотѣли то же самое доставить на утѣху богамъ. Боговъ чествовали на высяхъ горъ или въ священныхъ рощахъ. Такъ дѣлали еще Персы, древніе Индійцы, Эллины пеласгійской эпохи, когда у Зевса былъ въ Додонѣ свой дубовый лѣсъ, и на вершинахъ горъ воздвигались ему жертвенники; слово Тацита о Германцахъ распространяется на всю сплошь первобытную эпоху: «Заключать боговъ въ стѣны храма или изображать ихъ въ видѣ человѣческомъ почитаютъ они несообразнымъ съ величіемъ небожителей; они «посвящаютъ имъ лѣса и рощи, и именемъ божества означаютъ таинство, «созерцаемое только очами вѣры.» Философски-развитое и первобытное богопознаніе близко граничатъ между собою; первое не удовлетворяется ни какою конечною формою, для второго божественное не получило еще ни какого опредѣленнаго облика. Возвратъ къ знаку или знаменію, какъ Маккіавелли называетъ всякое вообще обращеніе къ первоначальному на высшей уже ступени развитія, заявляетъ силу свою и здѣсь. У древнихъ Арійцевъ чередою смѣняются образы, посредствомъ которыхъ они старались пред-

ставить себѣ и высказать незримую, но между тѣмъ явственную въ природѣ высшую силу: такъ солнце является то огненнымъ колесомъ, то лебедемъ въ воздушномъ океанѣ, то орломъ въ эфирѣ, то окомъ свѣтобога, то человѣкоподобнымъ свѣтозарнымъ божествомъ, которое несется въ огненной колесницѣ на блестящихъ бѣлизной коняхъ. Символизмъ не закоченѣлъ еще дотого, чтобы образъ или внѣшній предметъ шли вполнѣ за внутреннюю сущность; идея свободно паритъ надъ подвластными ей явленіями и выражается то однимъ изъ нихъ, то другимъ; образъ остается прозрачнымъ, процессъ сложенія его текучъ. Религія носитъ форму не догматики, а поэзіи; вдохновенные люди даютъ религіознымъ чаяніямъ и чувствамъ наглядное выраженіе. Миѳъ какъ и сложеніе языка — первобытная поэзія человѣчества. Греческое слово для хвалебной богамъ пѣсни («гимнъ») находимъ мы и въ Ведахъ, hymnus = sumnas; слова для пѣвцовъ и пѣнія имѣютъ у различныхъ арійскихъ народовъ одинаковые корни. Зачало божескихъ былинъ и óбразныя созерцанія божественнаго жили въ пѣснопѣніи.

ИНДІЯ.

Общая характеристика.

Гималайя, исполинскою, громадными зубцами льдовъ вѣнчанною стѣной, Индъ и синдская степь съ сѣвера и запада, а поясъ Океана съ юга и востока, охватываютъ дивный полуостровъ верхней Индіи и замыкаютъ ее въ цѣлый отдѣльный міръ, обильный и разнообразный внутри какъ ни какой другой край земнаго шара. Гатскій хребетъ идетъ съ сѣвера на югъ и проноситъ съ собой черезъ весь полуостровъ противоположность и чередовую смѣну суровой горной природы, свѣжихъ альпійскихъ долинъ и тропическихъ низинъ поморья, подобно тому какъ на сѣверѣ бѣлоснѣжная Гималайя высится изъ зелени пальмовыхъ лѣсовъ. Главное ядро края составляетъ прилежащая къ ней область рѣки Ганга; вмѣстѣ съ своими притоками далеко распространяетъ онъ богатѣйшую растительную жизнь, которой плодовитость и обиліе спорятъ о первенствѣ съ разнообразіемъ и роскошью, и привѣтствуетъ такое множество людныхъ городовъ въ теченіе трехъ уже тысячелѣтій. Болѣе на югъ течетъ рѣка Нербеда, также окруженная роскошной природою и развалинами древней культуры. Въ этихъ широко-раскинутыхъ долинахъ человѣку не нужно было много труда для добычи себѣ содержанія: одно дикоростущее дерево даетъ ему въ сочныхъ плодахъ своихъ и пищу и питье, изъ волоконъ его коры онъ изготовляетъ ткани для одежды, а подъ тѣнью его листвы находитъ себѣ пріютъ отъ солнца и дождя. Море предлагаетъ ему свой жемчугъ, земля — зо-

лото, деревья — свои пряности и превосходные плоды; вотъ почему Индія становится для другихъ племенъ страной обѣтованіи или диковинокъ, тогда какъ моря и горы надолго обезпечиваютъ извнѣ ея самодовольное существованіе. Теплота воздуха и обиліе растительной жизни не столько вызываютъ дѣятельность и рабочую силу человѣка, сколько поддерживаютъ въ немъ любовь къ покою, къ созерцательности; а природа своей роскошью, преизбыточнымъ разнообразіемъ своихъ формъ возбуждаетъ фантазію къ соревнованію, чтобъ и она такъ же осѣтила дѣйствительность своими грезами и мечтами, какъ пестрѣющія цвѣтами ползучія растенія опутываютъ сначала весь стволъ деревъ и перекидываются потомъ плетеницами съ вѣтки на вѣтку.

Въ столь же могучемъ, подавляющемъ разнообразіи какъ и природа, предстаютъ намъ духъ индійскаго племени и его созданія, въ полнѣйшую противоположность разсудительной трезвости Китая, однообразной архитектонической твердости и окоченѣлому величію Египта. Веселое сладострастное упоеніе мірскими благами и мрачное самоистязательное отреченіе отъ міра, полный удали героизмъ и любовь къ праздному покою, жестокое самовластіе и готовая на жертвы мягкая сострадательность ко всѣмъ въ мірѣ существамъ, глубочайшая раздумчивость и преизбыточная фантастика, все это представляется въ созданіяхъ индійскаго искусства и науки рука-объ-руку и въ перепутанной смѣси; судя по нимъ можно принять индійскій міръ за какой-то полный броженія хаосъ, въ которомъ облики и формы всплываютъ наверхъ и тотчасъ же идутъ ко дну, не успѣвъ ни отвердиться, ни пріобрѣсть надлежащей ясности, такъ что существеннымъ характеромъ индійства выходитъ отсутствіе мѣры вообще. Изо всѣхъ народовъ арійскаго племени у Индійцевъ наименѣе историческаго смысла: имъ и въ голову не приходитъ, на новой ступени развитія сохранять вѣрно память о той, которую они только-что прошли; они, напротивъ, въ позднѣйшей своей жизни стараются и настоящее выставить за первобытное, всегда сохраняющее свою силу, и въ этомъ смыслѣ передѣлываютъ даже памятники прошлаго; какъ вбиваемыя въ землю стойки человѣческаго жилья пускаютъ тамъ отъ себя корни и отпрыски, такъ настоящее, сильное своимъ правомъ на жизнь, преодолѣваетъ прошлое, дозволяя ему играть только роль одного изъ элементовъ наличнаго бытія, и тогда понятно что съ сегодняшней точки зрѣнія передѣлывается даже и образъ минувшей эпохи. Исторія становится въ такомъ случаѣ былиной: опираясь на ту истину, что существеннымъ и прочнымъ во всѣхъ личностяхъ и событіяхъ остается одна осуществляемая ими идея, которая придаетъ имъ и цѣну, и освященіе, Индійцы только и держатся за этотъ идеальный элементъ и облекаютъ его съ свободною фантазіей въ тѣ формы которыя кажутся имъ выразительнѣйшими; реальность земной жизни вообще немного для нихъ значитъ, она ничтожная мелочь исчезающая какъ сонъ передъ божественнымъ и вѣчнымъ, это потѣха играющая передъ духомъ, который охотно удаляется отъ такой пестрой блазни съ ея одуряющей множественностью въ миръ и покой единаго, какъ неизмѣнной души всяческаго бытія. Только мало по малу удалось европейской критикѣ разобрать и распредѣлить элементы индійской культуры и ея созданій, обозначить по крайней мѣрѣ главнѣйшія ея направленія и опорныя точки. Утвердившееся прежде мнѣніе о вос-

точной неподвижности исправилось благодаря этому въ томъ смыслѣ, что здѣсь дозпано было богатое противоположностями развитіе, представляющее столько же поучительныхъ сходствъ, сколько и разностей, съ исторіей европейскихъ Арійцевъ.

Послѣдній стволъ, оставшійся на мѣстѣ еще и за тѣмъ какъ оторвались и пошли на западъ прочія вѣтви, положившія начало Кельтамъ, Грекамъ и Италійцамъ, Славянамъ и Германцамъ, раздѣлился опять на двѣ отрасли, бактро-персидскую и индійскую. Индійцы также покинули древнія свои обиталища, потянулись черезъ горные проходы Гиндукуша или Гималайи, и по теченію сѣвероиндійскихъ рѣкъ достигли новой, болѣе благодатной палестины; воля Провидѣнія, царящая въ народномъ инстинктѣ и правящая массами далеко свыше ихъ разумѣнія, привела странниковъ въ тотъ именно край, который наиболѣе соотвѣтствовалъ раскрытію природнаго ихъ свойства. Не въ трудно объясняемыхъ постройкахъ и изваяніяхъ предстаютъ намъ памятники ихъ развитія, а прямо въ словахъ, въ пѣсняхъ и мудрыхъ изреченіяхъ. Сначала, во 2-мъ тысячелѣтіи предъ Р. Х., видимъ мы у нихъ патріархальный бытъ; кочующій пастухъ, водворяющійся осѣдло земледѣлецъ похожи на Авраамовыхъ спутниковъ; они миролюбивы, но вмѣстѣ полны ратной бодрости, богобоязненны и уже углублены въ думу о конечныхъ причинахъ всѣхъ вещей. Въ гимнахъ Ведъ поэтически выражена эта именно духовная ступень, и выражена притомъ съ удивительнымъ богатствомъ, которое дѣлаетъ для насъ болѣе понятнымъ и нагляднымъ то что́ осталось отъ подобной же старины греческаго или германскаго образованія только въ загадочныхъ отрывкахъ. Исторія патріарховъ въ симитской Книгѣ Бытія, Веды Индіи и Тацитова «Германія», взаимно дополняя другъ друга, представляютъ намъ картину патріархальнаго человѣчества.

За тѣмъ слѣдуетъ борьба исторіи, богатырскій вѣкъ разселеній, молодеческая удаль, которая хочетъ выбѣситься и завоевать себѣ свое мѣсто въ жизненномъ быту. Въ эпоху съ 14-го по 10-й вѣкъ до Р. Х. Индійцы овладѣваютъ пригангскимъ краемъ и проникаютъ на югъ до Цейлона. Народный эпосъ воспѣваетъ битвы съ туземцами, битвы арійскихъ племенъ и разныхъ союзовъ ихъ между собою. Намъ мнится видѣть передъ собой давно знакомые облики, слышать какъ бы родственные звуки, намъ вспоминаются тутъ гомеровскіе Ахейцы, германскіе воители, великое переселеніе народовъ, какъ изображаетъ его пѣснь про Нибелунговъ и поэма Кудрунъ; рядомъ съ храбростью и жаждой славы стоятъ, смягчая ихъ, искренность чувства и беззавѣтная женская любовь.

Далѣе настаетъ расчлененіе народа; въ средѣ его выдѣляются сословія кормильцевъ, боронильцевъ и учителей; съ успѣхами культуры развивается наклонность къ умственному созерцанію и любовь къ покою. Духовный элементъ, мысль, дѣйствуетъ какъ нѣчто своеобразное уже и въ первобытную эпоху Индійцевъ, баяны ихъ — вѣщіе мудрецы и становятся потомъ жрецами; жрецы углубляются въ существо духа и съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтаютъ духовную власть надъ народомъ. Расчлененіе сословій выдается за божественный уставъ, борьба ихъ не ведетъ къ водворенію общественной свободы какъ въ Греціи, Римѣ и новоевропейскихъ странахъ, а напро-

тивъ—къ утвержденію брамаиства; преобразованіе самого Будды имѣетъ въ виду однимъ только отреченіемъ отъ міра устранить мірскія страданія, и начинаетъ подѣломъ міряпъ отъ монашествующаго священства. Энергія народа угасла въ жаждѣ покоя и праздности, глубина чувства и страсть къ умствованію навели на безпредметное, самозабывчивое раздумье; безсильный побороть жреческій и свѣтскій деспотизмъ, духъ устремился въ горняя, къ божественному, и взамѣнъ безотрадной для него дѣйствительности населилъ міръ грезами своего воображенья. Такъ-какъ весь чувственный міръ не что иное какъ явленіе духа для духа же, то отчего и не играть уму этимъ явленіемъ по собственному произволу, отчего не выглянуть за предѣлъ его и не погрузиться въ идеальное и вѣчное?

Грекъ, Римлянинъ защищаютъ свою землю отъ внѣшнихъ враговъ, и борьбой добываютъ себѣ внутри гражданскую свободу; благодаря этому вся жизнь становится для нихъ богоисполненной дѣйствительностью, трудъ выходитъ отрадой, и охотно посвящаютъ они всѣ силы отечеству, находя въ его славѣ и величіи—и счастіе свое, и честь. Пригангскому Индійцу, въ самую пору его развитія до государственной зрѣлости, не понадобилась борьба за родной край, а съ другой стороны и природа не вызывала силъ его на дѣятельность; не пользуясь законною свободой въ государствѣ, онъ направляетъ всѣ способности свои внутрь, дѣятельная твердость воли превращается у него болѣе и болѣе въ страдательное самоотданіе, въ исключительную жажду покоя, и онъ наполняетъ душевную свою тишину образами грезящей наяву фантазіи, пока впадетъ, какъ мы сказали, въ безпредметное раздумье, и его-то именно признаетъ за высшую ступень духовности, за сліяніе себя съ сущностью всѣхъ вещей, съ божествомъ. Эта внутренняя жизнь души поглощаетъ всю практическую способность народа; воля, самосознающая дѣятельность и дѣльность отступаютъ передъ размышленіемъ, углубленнымъ только само въ себя. Здравое равновѣсіе духовныхъ силъ естественно этимъ нарушается. Такъ-какъ вся жизнь Индійцевъ превратилась въ стремленіе къ вѣчности, и какъ возврата къ Богу и успокоенія въ его существѣ они искали путемъ отрѣшенія отъ всякой самостоятельности воли, то дѣйствительный міръ сталъ для нихъ просто лишь какимъ-то маревомъ, а потому они и не дошли до дѣльнаго изслѣдованія ни природы съ ея законами, ни исторіи съ господствующимъ въ ней нравственнымъ міропорядкомъ; отдавшись познанію единаго жизнеисточника вещей, какъ души міра, какъ верховнаго божества, они смотрѣли на все прочее какъ на чистую игру воображенья, которою поэтому и ихъ собственная фантазія могла распоряжаться по прихоти. Главную роль играло желаніе собрать, сосредоточить духъ изъ разброда его въ безконечной множественности явленій, отъ временнаго и земного подняться къ вѣчному; но изнеможенная, подавленная сила собственной воли даже и въ верховномъ началѣ міровой души дозволяла искать и находить опять таки одну лишь самосозерцательность умствующей мысли, тихую мірную череду то возникающихъ, то исчезающихъ образовъ фантазіи; въ противоположность опредѣленному и частичному бытію міра, Богъ представлялся единымъ неопредѣленнымъ, а не самоопредѣляющеюся и стало-быть всеразличительною энергіею духа, которая открываетъ свою волю и мысль въ міровомъ законѣ и въ живой развивчивости каждаго отдѣльно существа, которая по-

этому и отъ человѣка требуетъ не одной страдательной самоотдачи, но вмѣстѣ и того духовнаго геройства, того рыцарства, которыя должны основать и водворить на землѣ ея власть. Недостатокъ чувства реальности, чувства мѣры всѣхъ вещей и явнаго въ нихъ богозданнаго порядка давалъ и самой фантазіи болѣе и болѣе расплываться въ неопредѣленность и впадать въ идеалистическую фантастику, которая ищетъ славы не въ просвѣтленіи дѣйствительности, а въ изображеніи какихъ-то сказочныхъ, сонныхъ видѣній и обликовъ, вполнѣ отрѣшенныхъ отъ узъ пространства и времени или произвольно играющихъ всѣми формами и законами природы; такіе облики и картины, при всей затѣйливости содержанія, при всей глубинѣ мысли или трогательныхъ чувствъ, тѣмъ не менѣе часто лишены пластически-ясной наглядности и ни чѣмъ не замѣнимой жизненной правды. Фантазія преобладаетъ во всемъ индійскомъ быту, — даже и научный взглядъ требуетъ здѣсь поэтической оболочки, даже и нравственное изреченіе не обходится безъ сравненія съ природою; но такъ-какъ, вмѣсто трезваго поиска за истиною міра, она тотчасъ же принимается безоглядно создавать свои миѳы, то въ ней царитъ отсутствіе сдерживающаго разсудка и всякаго самообладанія.

Одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ индійства, Максъ Мюллеръ, въ Исторіи древней санскритской литературы говоритъ: «Индійцы сомнѣвались «въ земномъ своемъ существованіи и были совершенно убѣждены въ жизни «вѣчной. Вполнѣ вѣруя въ божественное, истинно-дѣйствительное бытіе, «они не смогли вѣрить въ дѣйствительность преходящаго міра. Поэты, ска-«зано уже въ одной пѣсни Ведъ, размышленіемъ открыли ту связь, какою «сущее на видъ соединяется съ подлинно-сущимъ. Высшею цѣлью ихъ ре-«лигіи было возстановить связь нашей собственной самости съ самостію «вѣчной и всеобщей, достичь опять того единства которое было отуманено «и омрачено волшебнымъ маревомъ міра, — Маіею всего творенія. Самъ «посанскритски — а т м а н; это означаетъ и индивидуальное, личное *я*, и «вмѣстѣ *я*, вселенское, всеобщее; Индіецъ, говоря о самомъ себѣ, говоритъ «тутъ же безсознательно и о душѣ міра, о вселенной; самосознаніе есть «познаніе собственнаго и вмѣстѣ всеобщаго духа, познаніе самого себя въ «божеской самости. Вотъ отчего Индійцы стали народомъ (записныхъ) «мыслителей, а не людьми дѣла. Ихъ прошлымъ была задача творенія, ихъ «будущимъ — тайна вѣчной жизни; настоящее, это дѣйствительное и жи-«вое разрѣшеніе вопросовъ прошлаго и будущаго, кажется н и к о г д а не при-«влекало къ себѣ ни мысли ихъ, ни энергіи. Идеи ихъ, смотря по разнымъ «классамъ общества и по разнымъ эпохамъ міра, носятъ на себѣ печать или «жалкаго суевѣрія, или высокаго спиритуализма».

Тутъ желалъ бы я только поумѣрить (подчеркнутое) слово «никогда». Патріархальная и богатырская древность, предстающая намъ въ Ведахъ и въ эпосѣ, обнаруживаетъ ясный взглядъ на дѣйствительность и охоту къ дѣлу рядомъ съ созерцательной думою; но для тысячелѣтіи браманской культуры можно допустить отзывъ М. Мюллера и съ свѣтлой, и съ тѣневой его стороны. Индіи нѣтъ мѣста въ политической исторіи міра, но за то есть въ духовной. Ни одинъ азіатскій народъ не имѣетъ такого значенія для хода философской мысли, ни одинъ — такой важности для жизни фантазіей.

Въ подѣлѣ и наслѣдственности кастъ Индійцы не вышли за черту родового быта, не доработались до свободнаго гражданства; но при свойственныхъ имъ искренности и душевной глубинѣ, они сохранили во всей чистотѣ семейное чувство въ бракѣ, въ любви къ дѣтямъ, и идеалъ его высказали во многихъ свѣтлыхъ обликахъ древней и сравнительно-новой эпохи. Искренность и пылкая мечтательность предбрачной любви, одушевленіе и вѣрность любви супружеской, родительское сердце, видящее въ дѣтяхъ все благо и счастіе, восчувствованы и переданы поэтически съ такою какъ у нихъ чистотой, нѣжностью и полнотой впервые опять развѣ только въ христіанско-германскомъ мірѣ. Предварительную эту характеристику заключу я рѣчью Сакунталы въ эпосѣ, которую она произноситъ представъ съ сыномъ къ царю Душмантѣ, и безо всякихъ чаръ, однимъ очарованіемъ нравственной истины, открываетъ ему глаза и убѣждаетъ его сердце:

Меня ты знаешь, Государь; зачѣмъ же
Притворствовать и говорить: не знаю?
Спроси ты собственное сердце, оно скажетъ
Сейчасъ тебѣ, что́ правда и что́ ложь.
Не измѣняй добру, себя тѣмъ унижая.
Всякъ кто въ душѣ отъ правды отрѣшится,
Какой виной себя онъ отягчитъ!
Онъ самъ себѣ становится вѣдь воромъ.
Ты думаешь что ты наединѣ;
Но ты забылъ свидѣтеля святого,
Премудраго провидца нашихъ дѣлъ;
Вѣдь онъ въ твоей душѣ, и близко видитъ
То зло, которое ты втайнѣ совершишь.
Злодѣй себя напрасно обольщаетъ
Мечтою: не подстережетъ меня ни кто:
Нѣтъ, боги видятъ, да и самъ себя онъ видитъ
Прозрѣньемъ внутреннимъ. Повѣрь мнѣ, Государь,
Луна и солнце, море, суша, небо,
Всѣ знаютъ наши скрытныя дѣла;
Богъ правды, наше собственное сердце,
Заря, и день, и ночь, огонь, и воздухъ
Все видятъ; поступающій нечестно,
Не такъ, чтобъ внутренній судья одобрить могъ,
Не жди себѣ и благодати вышнихъ.

Жена — честь дому; душа мужа, правды корень,
Источникъ рода и семейныхъ всякихъ благъ,
Съ супругомъ обруку она приноситъ жертвы,
Ея стараніемъ спорится цѣлый домъ.
Она тебѣ отрадой служитъ въ горѣ,
Бесѣдуетъ съ тобой наединѣ,
И даже въ странствіи, среди пустыни дикой,
Тебѣ даритъ усладу и покой.
Да, ў кого жена, тотъ радостенъ душою,
Тотъ полонъ упованья и надеждъ;
Она подруга здѣсь, и въ вѣкъ грядущій.
А сынъ, въ немъ видимъ мы самихъ себя,
Отъ насъ же, нашей плотью порожденныхъ;
И съ наслажденіемъ въ лицѣ его отецъ,
Какъ въ родникѣ, черты свои встрѣчаетъ.
Его объятіе намъ лучше всѣхъ убранствъ,
Вода такъ не свѣжитъ ласкающей волною.
Какъ пламя, съ очага несомое для жертвы,
Есть часть всего домашняго огня,

Такъ сынъ — твой кровный, собственный участокъ,
Ты самъ себѣ въ немъ предстаешь опять.
Какъ озеро и ста ключей цѣннѣе,
Какъ жертва всякая цѣннѣе ста озеръ,
Такъ сынъ одинъ намъ сотни жертвъ дороже;
Но знай, что истина дороже ста сыновъ,
Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ долга выше правды,
Она всему что́ есть основа и законъ,
Она — самъ вѣчный богъ: вотъ что такое правда!

Веды.

Индійцы, оставшіеся послѣдними въ древней родинѣ, а потомъ двинувшіеся къ югу, водворились прежде всего въ Пенджабѣ. Тамъ прожили они около пяти вѣковъ и всѣхъ вѣрнѣе сохранили родовое наслѣдіе общеарійской культуры; по крайней мѣрѣ благодаря имъ дошли до насъ первыя и подробнѣйшія извѣстія объ эпохѣ послѣ раздѣла и вмѣстѣ древнѣйшіе ея памятники въ пѣсняхъ Ведъ. Здѣсь находимъ мы пѣсни того доэпическаго времени, для котораго у Грековъ приводятся только миѳическія имена въ родѣ Орфея и Музея; это не развалины построекъ или скульптуръ, а прямо живыя слова, въ которыхъ съ дивной свѣжестью и съ глубокомысленной ясностью открываются намъ древнѣйшіе помыслы, надежды и желанія юнаго человѣчества; нашъ собственный умъ, наше собственное поэтическое чувство возбуждаются къ уразумѣнію смысла этихъ словъ, только когда мы перенесемся въ то дѣтское созерцаніе, которому чудеса міра представали въ столь же отрадномъ и усладительномъ, сколько и загадочномъ видѣ. Веда и Авеста, религіозныя книги Индійцевъ и Персовъ, это — двѣ рѣки, которыя изъ одного и того же ключа текутъ въ разныхъ направленіяхъ, увлекая или принимая въ себя разныя другія струи; только Веды первобытнѣе, поэтичнѣй.

Веда значитъ вѣденіе, знаніе. Имя это идетъ уже только изъ жреческой эпохи, когда къ древнимъ пѣснямъ присоединили богословскія толкованія, литургическія (богослужебныя) поясненья, и сдѣлали ихъ браманскою религіозною книгой. Общій и пространный сборникъ называется Ригведа; въ немъ 1017 пѣсенъ и 10580 стиховъ (риг), раздѣленныхъ на 10 круговъ, мандала, и на 35 отдѣловъ, ану̊ака, по родамъ пѣвцовъ которымъ ихъ приписываютъ. Изъ двухъ другихъ Ведъ, Самаведа содержитъ въ себѣ пѣсни, пѣвшіяся при жертвоприношеніи, а въ Яжурведѣ собраны всѣ изреченія которыя при этомъ произносились. Гораздо позднѣйшая Атарваведа заключаетъ въ себѣ заклинанія, за́говоры противъ болѣзней, волшебныя формулы, проклятія, мольбы о заступленіи и счастіи, а также присловія по поводу разныхъ житейскихъ случаевъ и встрѣчъ. Но здѣсь свѣжесть духа очевидно уже сгнетена многообряднымъ жречествомъ: мѣсто радованія природой заступаетъ мелочная боязнь чудесъ и знаменій и стремленіе какъ-нибудь управиться съ величественными явленіями на́ небѣ и на землѣ къ выгодѣ конечнаго человѣка. Поэтому въ Ригведѣ видимъ такой сборникъ, который, сравнительно съ составленными для однѣхъ богослужебныхъ цѣ-

лей, Сама-и Яжурведой, можно принять въ болѣе историческомъ смыслѣ за памятникъ той отдаленной эпохи; его и будемъ мы придерживаться. Изводъ многихъ пѣсней обнаруживаетъ ясно, что онѣ видоизмѣнялись еще при живомъ переходѣ изъ устъ въ уста, утрачивая или сглаживая то ту, то другую форму; тогда какъ въ литургическихъ сборникахъ редакція ихъ является уже неизмѣнно установившеюся.

Индійцы чувствуютъ себя уже единымъ народомъ по языку и вѣрѣ, у нихъ начинаетъ уже пробуждаться богатырскій духъ въ борьбѣ съ окружающими ихъ инородцами, а также и въ столкновеніяхъ ихъ собственныхъ союзовъ и колѣнъ между собою. Они уже осѣдлы, патріархально-пастушій бытъ соединяется у нихъ съ любовью къ домашнему очагу. Домохозяинъ въ то же время и жрецъ. Но жертва не приносится безъ пѣнія, молитва должна излагаться благозвучной рѣчью. Поэтому искусные и способные (вѣщіе) пѣвцы приглашаются родоначальниками къ дѣйствію при торжественныхъ жертвоприношеньяхъ, приглашаются на совѣтъ о мирѣ и войнѣ, и такимъ образомъ съ весьма раннихъ поръ возникаютъ особенно видные жреццо-пѣвческіе роды. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и вѣщія пѣвицы, стихотворицы. Въ ряду пѣсень позднѣйшія указываютъ на предшествующіе образцы, и многія носятъ уже печать той обдуманности, которая свойственна только порѣ соображенія, сопостановки, когда передъ глазами поэта есть уже готовый наличный запасъ, который онъ по своему воспроизводитъ или истолковываетъ. Древніе пѣвцы (баяны стараго времени) пользуются уже великимъ почетомъ, имена ихъ въ позднѣйшихъ гимнахъ окружены легендами. Будучи тогда духовными вождями своихъ колѣнъ, вскорѣ прослыли они святыми Риши (мудрецами), къ которымъ позднѣйшее сказаніе возводитъ начала вѣры и первые общественные порядки. Что̀ при извѣстномъ жертвоприношеніи по поводу какого-нибудь наступающаго событія было безотчетно вызвано въ словѣ или священнодѣйствіи вдохновеніемъ минуты или положеніемъ вещей, то крѣпко удерживалось въ памяти, если исходъ дѣла былъ благополученъ, и впослѣдствіи точь-въ-точь повторялось ужь съ умысломъ, въ-надеждѣ на стольже удовлетворительный успѣхъ. Такъ сложились и выработались богослужебные обряды, удержавшіеся въ Индіи даже и послѣ того какъ въ поклоненіе Брамѣ, Вишну и Шивѣ вошли новыя религіозныя идеи, и отдавшійся полусонной грезѣ народъ преспокойно повторялъ пѣсни и обрядовые пріемы своей богатырской юности.

Древнѣйшія пѣсни знаютъ, правда, не одного, а многихъ боговъ, но каждый призываетъ того, чью власть чувствуетъ надъ собой въ ту минуту, и въ немъ видитъ онъ тогда все божество совокупно и цѣлостно; на слѣдующей ступени духовнаго развитія поэтъ старается уже возсоединить между собой различныхъ боговъ, связывая съ однимъ извѣстнымъ божествомъ свойства и названія другихъ; тутъ возникаетъ даже дума о божественномъ въ общемъ смыслѣ, и къ религіозному паренію духа присоединяются такія умонастроенія, изъ которыхъ выходятъ первые ростки вдумывающейся, размышляющей поэзіи или поэтической философіи. Уже и въ самодревнѣйшихъ гимнахъ имена и свойства бога вообще превращаются въ боговъ частныхъ; но мы ясно еще подмѣчаемъ какъ именно это дѣлается, мы видимъ какъ поэтъ вноситъ новыя слова для обозначенія божественныхъ качествъ, приводитъ новые факты

въ доказательство могущества божія, новые образы для опаглядки идей; они то всплываютъ у него на верхъ, то снова исчезаютъ; но не одно такъ другое слово западаетъ же въ сердце слушателя, оно кажется особенно мѣткимъ, оно выяснило то что всѣ предощущали, предчаяли, оно повторяется другими, удерживается въ памяти и становится основаніемъ на которомъ строятъ потомъ дальше. Одинъ величаетъ солнце небеснымъ лебедемъ, въ слѣдующемъ стихѣ оно у него лучегривый бѣлый конь, выпускаемый небеснымъ богомъ; другой поэтъ воспѣваетъ въ солнцѣ этого коня Дасикру, а третій уже впрягаетъ его въ колесницу Солнобога, естественно представляемаго тутъ въ человѣческомъ образѣ. Одинъ поэтъ олицетворяетъ дѣйствіе пущенной стрѣлы въ битвѣ, и поетъ: «Стрѣла-богиня, заостренная «молитвой, летя изъ лука минуй насъ, бей прямо во враговъ, вонзайся въ «нихъ поглубже, чтобъ не ушелъ отъ тебя ни одинъ!»

А за тѣмъ нѣтъ больше нигдѣ и рѣчи объ этой богинѣ, очевидно созданной на тотъ лишь случай воображеніемъ пѣвца. * Мы не видимъ еще ни какой системы ученій; радушно встрѣчаютъ всякаго кто умѣетъ спѣть и сказать про боговъ что-нибудь правдоподобное. Отношенія послѣднихъ другъ къ другу, связь ихъ между собой — вопросъ открытый. Одна пѣсня называетъ сестрою то самое лицо, въ которомъ другая видитъ мать, а третья—дочь или, пожалуй, супругу; такъ разсматриваются, напримѣръ, родственныя отношенія солнца съ утренней зарей. Ночь зовутъ дочерью дня, а день сыномъ ночи.

Тонъ древнихъ пѣсень — простое сердечное изліяніе. Пѣвцы хотятъ только сами себѣ уясниться, они не ищутъ угодить другимъ, а гонятся только за правдою мысли, стараются вѣрно отразить въ духѣ дѣйствительность и высказать мѣткимъ словомъ впечатлѣніе вещей на́ душу. Слова еще живы, не угасло сознаніе корней, вполнѣ чувствуютъ еще глубокія понятія, смѣлые образы, лежащіе въ основѣ унаслѣдованныхъ реченій, и соревнуютъ имъ при отчеканкѣ новыхъ словъ для выраженія любой новой мысли. Слова скорѣе еще можно назвать символомъ нежели простымъ только знакомъ понятій; образъ созерцается еще непосредственно, онъ не полинялъ, не стерся, значеніе ощущается въ полной свѣжести. Мысль проста, выраженіе искренно и беззатѣйно. Впослѣдствіи образы являются уже въ видѣ подобій на ряду съ тѣмъ что́ они должны собою онаглядить. Такъ-какъ ко́ни и рогатый скотъ составляютъ богатство народное, то поэзія готова вездѣ пустить ихъ въ дѣло. Какъ волъ спѣшитъ Индра къ жертвенному пойлу, какъ телята за матками бѣгутъ ручьи къ морю. Облака разбрелись по́ небу какъ коровы безъ пастуха; но вотъ скликаетъ ихъ Индра, и стремглавъ собираются онѣ пестрыми кучками, торопясь на помощь богу. Всего чаще дожденосныя облака именуются дойными коровами, но также иногда и плодотворные лучи солнца. Не рѣдко встрѣтить и болѣе отдаленные образы. Какъ кипящій котелъ выбрасываетъ изъ себя пѣну, такъ и богъ извергаетъ своихъ

* Божественность приписывалась въ тѣ отдаленныя времена всякому живому, особенно усиленному дѣйствію, подобно тому какъ и въ нашей старинѣ дѣйствующіе такимъ образомъ предметы сплошь назывались „вѣщими". Прим. Пер.

враговъ; побѣжденные, они должны оставить ему на побоищѣ въ приносный даръ головы своихъ коней. Ткань молитвы не разорвется, и никогда не сломится игла, которою боги шьютъ почетную одежду для молящихся. Такъ какъ обликъ боговъ не установился еще для сознанія, не достигъ пластически-твердой опредѣленности, то понятно что очертанія образовъ расплываются, мутятся и исчезаютъ. Нѣсколько разныхъ образовъ, найденныхъ порознь двумя отдѣльными лицами, третье лицо сопоставляетъ врядъ: «Глазъ «Митры заблисталъ, поднялось большое знамя Сурьи, взошло солнце» — такъ начинается одинъ гимнъ, выражая всѣми тремя предложеньями одинъ и тотъ же помыслъ. Фантазія далеко не такъ пластична какъ у Эллиновъ, и напоминаетъ своей подвижностью восточныхъ Симитовъ, преимущественно Евреевъ. Не по тому, какъ являются они глазамъ, а по своему дѣйствію, облака и солнечные лучи становятся коровами; тогда какъ тѣ же самыя облака въ другихъ случаяхъ то кормятъ грудью землю, то громоздятся въ горные хребты, то въ видѣ чудовищныхъ степей похищаютъ лучи солнца или бьются съ свѣтобогомъ огнедышащими драконами. Приходитъ небесная корова, денница, запрягаетъ коней своихъ, и какъ вѣтви развѣсистаго дерева простираются лучи ея свѣта. Агни живетъ въ каждомъ зажженномъ огнѣ, вспышки пламени ткутъ его обликъ, и въ то же время онѣ — руки, языки, которыми онъ хватаетъ жертву; а между тѣмъ, и на ряду съ этимъ, Агни — человѣковидный богъ. Такъ-то одинъ образъ смѣняется другимъ въ неудержномъ лирическомъ движеніи вслѣдъ полету представленья, и ни одинъ не вырисовывается эпически-спокойно для яснаго созерцанія; какъ будто бы каждымъ изъ нихъ хотѣли сразу охватить совокупность цѣлаго и передать многоизмѣнчивую жизнь во всѣхъ разнообразныхъ ея отношеніяхъ; чувственное и духовное, образъ и внутренній смыслъ безпрестанно переходятъ другъ въ друга и безпрестанно смѣняются, взаимно чередуясь. До понятія властныхъ вездѣ законовъ, неизмѣннаго и непреложнаго порядка вещей люди еще не дошли, и всѣ сплошь явленія слыли у нихъ дѣйствіями личныхъ силъ воли, которыя по своему желанію могли бы пожалуй дѣйствовать и иначе. Теперь мы вычисляемъ преломленіе лучей свѣта въ воздухѣ и измѣряемъ возможную продолжительность денницы для каждаго пояса; восходъ солнца уже не дивитъ насъ, мы знаемъ что онъ наступаетъ съ математической необходимостью. Но будь для насъ солнце такимъ же какъ мы сами существомъ, живи для насъ въ денницѣ такая же полная сочувствія душа, представляйся намъ эти силы личными, достойными обожанья, самостоятельно-свободными: развѣ ощущенія наши при разсвѣтѣ дня не были бы совсѣмъ иными? Вотъ почему Максъ Мюллеръ предостерегалъ не находить ребячествомъ такихъ напримѣръ восклицаній въ Ведахъ: «Ахъ, прійдетъ ли, взойдетъ ли «нынче солнышко? Воротится ли другъ нашъ, денница? Богъ свѣта одолѣ«етъ ли и на этотъ разъ чудищь тьмы?» Надо перенестись въ дѣтское настроеніе первобытной старины, чтобы вполнѣ постичь ея радостное удивленье, ея душевную благодарность властительнымъ богамъ, по чьей милости всегда снова ниспосылается людямъ благодать дневнаго свѣта.

Изъ такого радостнаго, гармоническаго настроенія вытекаетъ и гармонія стиха. Когда основное чувство, главная мысль стихотворенія постоянно напрашиваются поэту, естественно что онъ вконцѣ каждой строфы высказыва-

етъ опять то предложеніе, въ которомъ сосредоточивается коренной смыслъ пѣсни, и отсюда зачастую выходитъ правильный припѣвъ. Иногда встрѣчается уже и лирическая бесѣда (перекличка), выражающая въ то же время ходъ дѣла, представляющая самое событіе; это уже зачатокъ драмы въ балладообразномъ народномъ пѣснопѣніи. Очарованіе мѣрности впервые даетъ ощутить себя въ стихѣ, отчего впослѣдствіи можетъ возникнуть мнѣніе, что весь міръ уряженъ по стихотворнымъ мѣрамъ и всилу ихъ стройности, что слѣдовательно черезъ ихъ посредство можно производить магическія дѣйствія. Сначала высчитываются слоги, и для каждой отдѣльной строки или для всѣхъ взаимно соотвѣтственныхъ стиховъ одной и той же строфы, при строфическомъ расчлененіи, требуется одинакое число слоговъ; длиннѣйшіе стихи распадаются на двѣ половины, и каждая изъ нихъ подлежитъ тому же порядку, чтó и цѣлый стихъ: только вторая часть имѣетъ опредѣленную правильность въ чередованіи долгихъ и короткихъ, состоя сплошь и рядомъ изъ двухъ ямбовъ, а также и изъ трохеевъ; первая же часть предоставляетъ полную свободу вразсужденіи долготъ и краткостей, возвышающихся и понижающихся тоновъ. Такимъ образомъ изъ того, чтó сначала опредѣлено только числомъ, а въ другихъ отношеніяхъ оставалось еще безправильнымъ, безряднымъ, возникаетъ уже строгозаконный и правильно возвратный порядокъ; свобода и порядокъ, эти элементы всякаго изящества, взаимно сопроникающіеся въ законченномъ, совершенномъ стихѣ, здѣсь пока только стоятъ еще рядомъ, но порядокъ и гармонія водворяются уже благодаря тому, что составляютъ цѣль всего разнообразнаго и произвольнаго, которое находитъ въ нихъ свое (удовлетворительное для духа) успокоенье. Какъ соколъ, сказано въ Ведахъ, стихъ уноситъ въ воздухѣ мольбу и жертву къ самому богу. Пророки спасенія, мы, какъ птица, предвѣстница дождя и дальней бури, привѣтствуемъ нисходящіе изъ тучъ ручьи, — такъ хвалятъ пѣвцы дождебога.

Тотъ богъ, къ которому именно взываютъ, не ограничивается въ своемъ могуществѣ ни какимъ уже другимъ, онъ на ту пору одинъ царь міра. Еслиже перечисляется нѣсколько боговъ сряду, Индра и Агни, Варуна и Митра, то они выходятъ разными только олицетвореніями единой богодѣйственной силы, какъ небесный и земной огонь, какъ звѣздное небо ночи и свѣтлый, благопривѣтный день. Съ вѣрою въ бога неразрывно связана мысль что онъ благъ, любитъ и награждаетъ добро, ненавидитъ и караетъ зло. Сообразно дѣтскимъ своимъ понятіямъ, человѣкъ мнитъ видѣть залогъ благоволенія божія въ своемъ благоденствіи, а при несчастіи старается умилостивить и преклонить къ себѣ боговъ жертвами и молитвой. Очень простодушно слѣдующее воззваніе въ одной пѣсни къ Индрѣ: «Ахъ, будь я Господомъ дародавцемъ на «твоемъ мѣстѣ, никогда бы у меня не страдалъ безпомощно пѣвецъ!» — или еще, когда бога молятъ ниспосылать дары за дарами, такъ чтобъ наконецъ и человѣкъ по колѣно ходилъ въ изобиліи; или когда богу обѣщаютъ что если онъ пошлетъ коней и рогатаго скота, долгоденствія и здоровья, то и ему будетъ вдоволь жертвъ, замѣчая при этомъ что со стороны могучихъ небожителей просто не честно принимать отъ людей дары, а просьбы ихъ оставлять безъ исполненія. Вѣдь и между древнѣйшими пѣвцами были разные умы, одни поверхностнѣе, другіе глубже; не даромъ въ одномъ мѣстѣ

сказано, что Индра отбрасываетъ отъ себя нечестивца какъ раздавленный ногой грибъ, и не псалмомъ ли звучитъ слѣдующая молитва къ Варунѣ:

Премудры и велики творческія дѣла твои,
Ты, распершій врознь небо и землю;
Ты высоко раскинулъ вверхъ широкую и ясную обитель свѣта,
Ты раздѣлилъ и разостлалъ земную твердь и звѣздное небо.

Не своей же собственной плоти говорю я это?
Но какъ бы мнѣ дойдти до Варуны?
Да и приметъ ли онъ безъ гнѣва дары мои?
Какъ мнѣ чистою душой взглянуть на милостивца?

Усильно и ревностно разыскиваю грѣхи свои,
О Варуна, спрашиваю о томъ людей свѣдущихъ,
Всѣ одно говорятъ мнѣ провидцы:
Гнѣвенъ на тебя всеобъемлющій.

О Варуна, скажи за какой именно грѣхъ
Гонишь ты теперь стараго благочестиваго друга?
Ты, непобѣдимый, могучій, повѣдай мнѣ это,
И я обезгрѣшась подойду къ тебѣ съ приношеніемъ

Отпусти намъ отчія прегрѣшенія,
А равно и содѣянныя нашей собственной рукою;
Отпусти, о царь, милосердо этого пѣвца,
Какъ отпускаютъ вора, какъ теленка спускаютъ съ привязи.

Тутъ вѣдь не своя вина, тутъ была только ненависть,
Неосторожный глотокъ, взрывъ гнѣва, бросокъ зерни, забытье, —
Иногда, бываетъ, и старшій соблазнитъ младшаго, —
Самый сонъ приноситъ намъ подчасъ худо.

Не мѣшайте мнѣ рабски служить богу,
Безгрѣшно служить щедродавцу, хранителю; —
Вышній богъ просвѣтилъ безумцевъ,
Премудрый шлетъ благочестивыхъ пѣвцовъ во спасеніе.

Богъ установилъ нравственный законъ, но грѣшникъ можетъ обращаться и къ его милости, какъ объясняетъ другая пѣсня:

Не дай мнѣ, о Варуна,
Вступить въ домъ тли и праха;
Помилуй. всемогущій, помилуй!

Крѣпкій, свѣтлый богъ, изъ одной слабости
Пошелъ я ложною дорогой;
Помилуй, всемогущій, помилуй!

Хотя я и сталъ середь воды,
А доняла меня жажда неутолимая;
Помилуй, всемогущій, помилуй!

Если мы когда нарушимъ законъ твой,
Запутавшись въ сѣть грѣха неумышленно,
Помилуй, всемогущій, помилуй!

Древніе Индійцы молятъ, правда, объ охранѣ стадъ своихъ, о ниспосланіи имъ самимъ здоровья, достатка, побѣды на непріятеля; но молятъ также о мудрости, о чистотѣ сердца, о помощи противъ искушеній на всякое зло. Боговъ, правда, зовутъ пріидти какъ можно скорѣе, какъ дикая птица летитъ къ людскимъ жильямъ, когда истомится голодомъ; правда что одинъ пѣвецъ говоритъ Индрѣ:

Побѣдитель Вритры, мы съ тобой связаны вѣдь дарами;
Молніеносный герой, кто ни чего не даетъ тебѣ, тотъ тебя должнъ-быть не знаетъ.

Но точно также молятъ и о прощеніи грѣховъ, объ избавленіи отъ напасти, — «какъ телѣгу вытаскиваютъ изъ пропасти». Просятъ боговъ ниспослать жертвоприносцамъ то, что сами небожители сочтутъ за лучшее. Они въ своей милости щедрѣе жениха или брата къ невѣстѣ; поэтому и голосъ человѣка имъ пожалуй такъ же пріятенъ какъ юношамъ голосъ молодыхъ дѣвушекъ. Между прочимъ молятъ о выигрышѣ и бога метальныхъ костей, но въ томъ же самомъ стихотвореніи встрѣчается слѣдующее мѣсто:

Не прикасайся, о человѣкъ, къ костямъ метальнымъ (въ зерни)!
Воздѣлывай лучше землю,
И наслаждайся тѣмъ счастіемъ, которое есть плодъ мудрости.
Я спокойно остаюсь при своей женѣ и при своемъ очагѣ, —
Вотъ у меня сокровище, хранимое богомъ солнца.

Кто чествуетъ вѣчныхъ боговъ, тому приращается и счастье, «тотъ, бо-«гатый достаткомъ и славою, катитъ на своей колесницѣ, разсыпая вокругъ «себя дары»; — здѣсь, какъ и у Евреевъ, естественно обнаруживается чувство, связывающее добро со счастіемъ неразрывными узами; здѣсь признана та истина что на долю праведному выпадаетъ благо, но послѣднее поставляется прямо и во внѣшнихъ преимуществахъ. «Ты грабишь зажиточ-«ный домъ безбожника и его добромъ надѣляешь благочестивца» — такъ наивно выражена мысль объ уравнивающей справедливости. Да не правъ ли былъ и Иммануилъ Кантъ, требуя союза добродѣтели съ благоденствіемъ? Боги всегда на сторонѣ прямодушнаго, они знаютъ человѣка въ его сердечной глубинѣ. Богатству благодѣтельнаго нѣтъ конца, а злой обладаетъ безобильнымъ избыткомъ себѣ же на гибель. Какъ бы ни согрѣшили мы, сказано въ одной пѣсни Индрѣ, не посылай на насъ долгой тьмы, надѣли насъ широкимъ и надежнымъ дневнымъ свѣтомъ. Кто нападетъ на человѣка, богатаго въ тебѣ и тобой? Вѣруя въ тебя, крѣпкій силами обрѣтаетъ въ день битвы добычу. Нѣтъ у насъ иного друга, иного счастія, кромѣ тебя, урядчикъ всего движимаго и недвижимаго. — Пѣвецъ взываетъ къ богу какъ сынъ къ отцу, на него возлагаетъ онъ упованіе «какъ ногу на колесницу, «которая вѣрно доставитъ его куда надо», или: милость божія — тотъ корабль, на которомъ плыветъ онъ по волнамъ времени, на которомъ нѣкогда и душа переправится черезъ рѣку текущую между небомъ и землей. Одна краткая молитва говоритъ:

Боги, дайте намъ слышать благое ушами нашими,
Дайте, вѣчные, видѣть благое нашими глазами;
Да проживемъ мы богодарованную жизнь свою,
Славословя васъ крѣпкими членами и тѣлами.

Боговъ очевидно принимаютъ за верховныя естественныя силы, но почитаніе ихъ переходитъ предѣлъ чувственности и возвышается до того духовнаго начала, изъ котораго онѣ произошли. Духъ царитъ въ природной стихіи, она его органъ или воплощеніе; мало того, — божественная личность стоитъ рядомъ со стихіею или же надъ нею: Савитри сидитъ на солнцѣ какъ на тронѣ и разливаетъ имъ свѣтъ и жизнь по вселенной. Приведенныя нами мѣста показываютъ ясно что и нравственныя идеи, безъ которыхъ миѳологія не была бы вѣдь религіей, начинаютъ пробуждаться въ человѣческомъ сознаніи и тутъ же сливаются съ вѣрою въ боговъ.

Единый богъ первобытныхъ Арійцевъ, Діаусъ (небо, свѣтъ), сохранился еще въ памяти подъ именемъ Диваспати, Діупати (Юпитеръ, т. е. небесный отецъ), но сталъ уже только прозвищемъ новаго божества, Индры, которое при постепенно возростающемъ богатырскомъ духѣ народа, высоко поднялось въ его сознаніи. Старобытнѣе и всегда въ связи съ глубочайшими идеями было почитаніе Варуны, «объемлющаго», какъ гласитъ его имя, и встрѣчающагося намъ опять въ греческомъ Уранѣ; онъ указываетъ на всеобъемлющій ясный сводъ небесъ и тѣмъ самымъ выдаетъ въ себѣ первоначальнаго носителя богочувствія. Діаусъ, свѣтозарный, и Варуна, объемлющій, — вотъ первыя обозначенія одного и того же существа, Бога. Варуна всего рѣже олицетворяется въ Ведахъ подъ видомъ человѣка; съ благоговѣйнымъ страхомъ передъ его величіемъ чтится онъ обыкновенно въ таинственномъ своемъ могуществѣ, въ своемъ откровеніи посредствомъ цѣлой тверди небесной. Такъ, напримѣръ, Васишта поетъ:

Когда погружусь въ его созерцанье,
Вижу его предо мной, какъ жаръ огненный;
Тамъ, на небѣ, Господь свѣта и тьмы
Являетъ на показъ мнѣ прекрасное свое тѣло.

День и ночь — это двуличневая пелена съ свѣтлой и темной стороною: мракъ или свѣтъ распространяются во вселенной смотря по тому какъ повернетъ ее всевластитель. Варуна подобенъ неизмѣримому морю, котораго не наполнить всѣмъ на свѣтѣ рѣкамъ; лучи его льются свыше, источникъ ихъ остается въ горней обители. Благоговѣйный трепетъ передъ безконечнымъ, неразлучный съ упованіемъ на милосердіе небесъ, особенно охватываетъ человѣка въ виду звѣзднаго неба, и вотъ отчего по преимуществу оно является областью Варуны, а рядомъ съ нимъ стоитъ Митра, ведущій человѣка къ радостямъ и трудамъ житейскимъ, — солнечный свѣтъ дня. Митра сидитъ съ Варуной на золотой колесницѣ, и оба созерцаютъ оттуда все преходящее и непреходящее. Вѣтеръ—дыханіе Варуны, солнце—его глазъ, и, что̀ видно изъ приведенныхъ гимновъ, къ нему особенно взываютъ какъ къ Господу естественнаго порядка, какъ къ творцу вселенной, который надѣляетъ всякое существо особой силою и видомъ, каждому указываетъ путь его, ста-

витъ опредѣленную цѣль; древніе пѣвцы славятъ непреложность его уставовъ, какъ и вообще мысль о всемірномъ законѣ развивается у человѣчества на звѣздномъ небѣ по преимуществу. У Варуны есть путы и веревки для вязанія законопрестунниковъ, для того чтобъ каждаго держать въ назначенныхъ предѣлахъ; онъ владыка надъ жизнью и смертію. А это ведетъ къ нравственному міропорядку; Варуна учредилъ его и поддерживаетъ; онъ караетъ неправду, награждаетъ правоту; человѣкъ винится передъ нимъ въ грѣхѣ и взываетъ къ его милосердію. Весь міръ заключенъ въ Варунѣ, все проникающемъ, и вѣдающемъ каждый шагъ, каждый помыслъ. Залети кто даже за̀ небо, и тотъ отъ него не уйдетъ. Обширный домъ его о тысячѣ воротахъ, онъ стражъ и блюститель безсмертія. Безъ него не властны мы ни въ одной минутѣ. Онъ помощникъ и утѣшитель во всякой скорби и бѣдѣ.

Вкругъ Варуны собраны духи свѣта, Адитьи, вѣчные, нѣчто въ родѣ парсійскихъ Амшаспандовъ, — Митра другъ, Арьяманъ досточтимый, благодѣтельный, Б'ага благословитель, Дашка прозорливый, и другіе; они совершенно ясны и чисты, это—духовная сущность, открывающаяся въ источникѣ жизни, свѣтѣ, это—личныя начала всѣхъ нравственныхъ понятій и отношеній какъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и для людского сожительства вообще. Поэтому ихъ называютъ не только вѣчными, но и Асурами, духовными. И если у Гомера боги именуются иногда Ураніонами, у Германцевъ Тиварами и Ванами, свѣтлыми и блестящими, если Персы преданы идеальному свѣтослуженію, то этотъ общій вездѣ элементъ очевидно выходитъ чѣмъ-то первобытнымъ; а потому въ Варунѣ и окружающихъ его міроблюстителяхъ, какъ отблескахъ его могущества и славы, мы можемъ признать древнѣйшее богосозерцаніе Ведъ и ихъ времени.

По мѣрѣ нисхожденія въ болѣе матерьяльные предѣлы и когда приступимъ къ разсмотрѣнію того какъ божественное подмѣчалось въ сферѣ ближайшихъ земныхъ явленій, встрѣтимъ мы и въ миѳѣ болѣе чувственную стихію, болѣе человѣкоподобное (антропоморфическое) видообразованіе боговъ. Средоточіе и ядро свѣта — солнце, излучающее отъ себя свѣтъ и пробуждающее этимъ жизнь на всемъ земномъ пространствѣ; вотъ отчего къ солнцу взываютъ какъ къ породителю, Савитаръ, какъ къ образователю, Тваштаръ, дарующему всѣмъ вещамъ видъ и силу, — взываютъ какъ къ свѣтоносному, Сурья — Геліосъ, простирающему раннимъ утромъ золотую руку свою изъ тьмы и разгоняющему ночные призраки, катящему по небу на огненной колесницѣ, лучезарноволосому, всевидящему и всевѣдущему. Славящій его пѣвецъ превозноситъ его главнымъ изъ боговъ по могуществу, царящимъ въ безущербномъ свѣтѣ. Его величаютъ очистителемъ, заступникомъ, царемъ вселенной; одежда его — золотой панцырь. Какъ колесница на оси, такъ на солнцѣ держится все безсмертное. Въ другихъ мѣстахъ именуется оно свѣточью боговъ, бѣлымъ конемъ или оленемъ, а правитъ имъ властительное божество. Если солнце и гаснетъ на закатѣ, если ночь и успѣваетъ соткать свою завѣсу, разумный человѣкъ знаетъ что не угасло могущество божіе, что свѣтило его явится опять утромъ.

Вѣстники этого возврата — первые лучи брезжащіе на зарѣ или иногда пробивающіеся изъ-за тучи; оттого въ нихъ видѣли духовъ-спасителей отъ

ужасовъ ночи и бѣды, — Асвиновъ; поэты представляютъ ихъ выручающими изъ бѣдъ удалыми молодцами, верхомъ на бѣлыхъ коняхъ, или въ золотой колесницѣ на соколахъ, при чемъ одно колесо чертитъ вершины горъ, другое катится по̀ небу; летятъ они быстро какъ помыслы, какъ два крыла птицы, какъ пара коней колесничныхъ. Къ нимъ взываетъ человѣкъ въ нуждѣ-горѣ, и гимны разсказываютъ о ниспосылаемой ими помощи. Когда воины собираются на поле битвы, колесница Асвиновъ сходитъ съ неба къ тому вождю которому они благопріятствуютъ. Они одно и то же съ Діоскурами, съ Касторомъ и Поллуксомъ у Грековъ и Римлянъ; —эти ими и объясняются. Они приносятъ свѣтъ, даръ небесный; въ нихъ проявляется также и искони-нравственный элементъ свѣтослуженія Арійцевъ, такъ-какъ ихъ величаютъ праведными, владыками чистоты, думаютъ что благодаря имъ молитва становится убѣдительнѣй, какъ топоръ острится о камень, надѣются отъ нихъ здоровья, счастія и оставленія грѣховъ; въ одномъ гимнѣ поется: Побудьте съ нами, оплодотворите наше слово и помышленіе!

За Асвинами слѣдуетъ Денница. Ее именуютъ сестрою Ночи. Обѣ близкія солнцу, какъ дочь и мать, обѣ безсмертныя, идутъ онѣ одна за другою; единомысленныя, хотя и не одноцвѣтныя тѣломъ сестры, покрытыя легкою росой, онѣ совершаютъ всегда одинъ и тотъ же путь, никогда не переча, не мѣшая другъ другу. Денницу представляютъ себѣ свѣтозарною дѣвой, имя ея Уша; предшествующія ей розовыя облака — рыжія коровы или кони, везущіе ея колесницу, въ збруѣ изъ солнечныхъ лучей или изъ молитвъ человѣческихъ *. Всѣ боги ее любятъ, но Асвины побѣдили въ состязаніи на этомъ поприщѣ, или, какъ говоритъ другой толкъ, освободили ее изъ пасти волка тьмы. Она прерываетъ полетъ ночныхъ призраковъ и, врагъ лѣни, будитъ и бѣдныхъ и богатыхъ къ труду, а птицъ—къ утреннему пѣнію; всегда возрождаясь съ прежнимъ блескомъ, становится она жизнедыханіемъ вселенной. Она улыбается и, какъ невѣста, какъ бойкая плясунья, обнажаетъ всѣ формы, раскрываетъ всѣ свои прелести. Она приноситъ всѣ дары которые даются въ удѣлъ человѣку съ разсвѣтомъ дня, съ наступленіемъ видимости.

Лучезарная идетъ она молодицею
И будитъ на древной трудъ всѣхъ живущихъ;
Зажжетъ огни на алтарѣ,
И свѣтъ ихъ прогонитъ тьму ночную.
Какъ ростетъ она въ красотѣ, одѣтая блескомъ,
Счастливица! Она несетъ съ собой глазъ божій,
Ведетъ солнцесвѣтлаго коня,
Расточая вездѣ свои сокровища.
Отворила она двери дня,
И учитъ насъ опять словамъ молитвы.

Съ какихъ поръ приходишь ты навѣстить насъ?
Въ своемъ нынѣшнемъ явленіи похожа ты на Денницы,
Что озаряли насъ прежде,
Да и послѣдующія такъ же благотворно будутъ озарять насъ.

---

* Не любопытно ли это колебаніе первобытной мысли между возвышенно-матерьяльнымъ и нравственно-идеальнымъ представленіемъ одного и того же предмета?

Люди, видѣвшіе блескъ прежнихъ Денницъ,
Уже померли, помрутъ и видѣвшіе нынѣшнюю,
Но сами Денницы вѣчны! Богиня вѣдь не знаетъ лѣтъ
И всегда приходитъ опять въ свѣжей юности,
Неся золотое лучезарное знамя солнца.
Приноси намъ все прекрасное, другъ человѣкамъ,
Мать боговъ, око подсолнечной,
Жертвовѣстница, услада всѣхъ созданій,
Подай намъ всякое добро, — и вы благословите насъ, вѣчные!

Подъ именемъ трехъ міровъ, древніе Индійцы разумѣли области свѣта, воздушнаго моря и земли. Воздухъ искони былъ царствомъ Индры; имя это значитъ либо синій, либо дождепосный; я предпочитаю послѣднее изъ двухъ словопроизводствъ, такъ-какъ Индра собственно — открывающаяся въ грозѣ божеская сила; въ такомъ именно смыслѣ и выросъ онъ въ царя боговъ. Какъ Римляне говорили Jupiter pluvius, Юпитеръ дождепосецъ, такъ и древніе Индійцы могли употреблять имя Индры въ видѣ прозвища или прилагательнаго къ богу небесному (Діупати Индра); изъ имени дождепосца возникъ потомъ самостоятельный богъ дождя и грозы. Тогда-то были перенесены на Индру арійскія первобытныя сказанія о борьбѣ съ демонами, похитившими небесныхъ коровъ или облачныхъ женъ, которыхъ онъ отбиваетъ у нихъ снова, или о боѣ съ тучевымъ змѣемъ, Аги, котораго онъ умерщвляетъ, и тогда задержанная змѣемъ дождевая влага нисходитъ опять на землю освѣжительными потоками. Битвы эти представляются не законченнымъ дѣломъ прошлаго; изъ воззваній къ Индрѣ видно что онъ все продолжаетъ выдерживать ихъ побѣдоносно. Какъ скоро зной и засуха тяжело пригнетутъ край, дождебогъ возвращаетъ жизнь истощенной природѣ. Когда появится онъ въ своемъ блескѣ, затрепещутъ волны неба и спрашиваютъ другъ друга: что это за диво дивное? Съ шумомъ вырываются онѣ изъ замыкавшей ихъ горы. Впослѣдствіи, когда народъ вступилъ на ратное поприще, побѣдоносный богъ грозы и бури становится прямо богомъ битвъ, къ которому люди взываютъ въ сраженіяхъ. Въ себѣ самомъ обрѣтаетъ силу славный владыка, покрывая народъ свой надежнымъ щитомъ. Вооруженный тысячью доблестей стоитъ онъ твердо какъ каменная гора средь морского прибоя. Мѣдяный перунъ въ рукѣ его—молнія, и сколько онъ ни бросай ея, она все возвращается къ нему опять. Онъ Господь силы, и когда потрясаетъ своей златорыжей бородой (молнійнымъ блескомъ), вся земля трепещетъ и съ горами. Прорвавъ ворота тучъ, онъ снова добываетъ похищенный у него кладъ солнечнаго золота, и тутъ уже является источникомъ всякаго богатства, подателемъ въ дождѣ и солнцѣ всѣхъ возможныхъ благъ. Такъ-какъ свѣтила небесныя становятся видимы, когда Индра раздѣлитъ тучи, то гимны приписываютъ ему самое порожденіе солнца и зари, называютъ его прикрѣпителемъ звѣздъ къ небесной тверди.

Индру часто именуютъ быкомъ. Быкъ—символъ крѣпости, оплодотворяющей, животворной силы. Пѣвецъ говоритъ даже въ одномъ случаѣ: Нынѣ призову Индру подъ видомъ плодучей коровы небесной, дающей намъ питательное молоко и уготовляющей красу природы. Обыкновенно же онъ боецъ и побѣдоносный герой въ человѣческомъ образѣ. Онъ всему владыка,

утверждающій хребты горъ и подпирающій небо, онъ все собой объемлетъ, все въ себѣ носитъ, какъ спицы въ колесѣ; объ немъ говорится:

Будь у тебя, Индра, сто небесъ и сто земель,
Даже тысячѣ солнцъ не обнять тебя, молніевержецъ,
Не обнять тебя всему созданію, всѣмъ вмѣстѣ мірамъ.

Рука его обхватываетъ небо и землю; могущество его ширится надъ нами какъ сводъ небесный, намъ же въ сѣнь и защиту, а землю дѣлаетъ онъ образомъ своего величія. Онъ одинъ создалъ все что̀ ни есть. Чудны и неисчислимы дѣла его, и не разрушить ихъ всѣмъ богамъ вмѣстѣ. Всѣ силы собраны въ немъ воедино, онъ такой источникъ благъ, котораго струи никто задержать не сможетъ. Какъ изъ неизсякающаго родника текутъ на насъ изъ всѣхъ членовъ его тѣла дѣла спасенія и благотворенья. Солнце и мѣсяцъ являются поочередно, да видимъ мы всегда Индру и уповаемъ на него. Какъ хоругвь развертываетъ онъ на землѣ огонь, а на небѣ солнечное сіяніе. Множитель коней, хранитель рогатыхъ стадъ, онъ прибѣжище всѣмъ бѣднымъ, нуждающимся. Мужественно устрашаетъ онъ враговъ, и даже не смигнетъ глазомъ. Онъ платитъ любовью за любовь и не разбиваетъ чашъ надежды нашей. Онъ разитъ злого человѣка, который подобно ослу дерзаетъ возвысить свой гнусный голосъ, но истиннымъ пѣвцамъ своимъ завоевываетъ онъ славу вѣчную. Онъ сынъ правды, Господь добра. Благодѣяній его не исчислить точно такъ же какъ не сосчитать и всѣхъ прежнихъ денницъ. «Людей, подобныхъ львамъ, поражалъ онъ рукою слабыхъ, иглой сокрушалъ «Индра копья крѣпкія. Сколь бы сильно ни разливались воды, онъ для дру«зей своихъ вездѣ пролагалъ бродъ» — говорится въ одной военной пѣснѣ.

Твои мы, Индра, твои, о многохвальный!
Тебя, прибѣжище людей, богатаго, достойнаго пѣснопѣній,
Славятъ отовсюда высокіе гимны;
Хвалите его въ сласть, многозваннаго,
Крѣпнущаго въ силахъ чистымъ пѣніемъ,
Человѣколюбца, чьи небеса не прейдутъ вовѣкъ;
Хвалите мудраго, щедродавца.
Возносятъ пѣснь къ Индрѣ въ небеса
Всѣ соединенные любовью помыслы;
Они ластятся къ нему какъ жены къ мужу,
Къ новобрачному, чистому, могучему.

Но если Индра крѣпнетъ въ силахъ отъ хвалебныхъ пѣснопѣній, то онъ же и внушаетъ ихъ поэтамъ, онъ же и надѣляетъ живыми красками. Что такое былъ бы міръ безъ Индры? Въ немъ успокоиваются всѣ силы, къ нему восходятъ всѣ приношенія. Все созданіе — только вѣдь обликъ Индры.

Перворожденный богъ,
Дѣломъ рукъ своихъ украшающій всѣхъ другихъ боговъ,
Богъ силы, передъ которою дрожатъ и земля и небо,
О народы, — это Индра.

Крѣпко утвердившій землю въ основаніяхъ,
Поразившій молніей темнаго тучезмѣя,
Распростершій воздухъ и твердь небесную,
О народы, — это Индра.

Посылающій героямъ побѣду въ бояхъ,
Все слагающій и творящій по своему образу,
Дарующій существамъ жизнь и движеніе,
О народы, — это Индра.

Въ воздухѣ вѣютъ вѣтры, товарищи Индрѣ въ битвахъ, его подручники; они Маруты, сыновья Рудры, блестящаго небеснаго вепря, который несетъ пасмы за клубомъ темныхъ, перепутываемыхъ имъ тучъ; онъ же бросаетъ перунъ молніи или хлещетъ имъ какъ бичемъ по тучевымъ конямъ дожделивцамъ и окликаетъ ихъ при этомъ громовымъ голосомъ; его же именуютъ мудрымъ, благотворнымъ, крѣпкимъ, и понимаютъ иногда духомъ жизни, міродвижущимъ владыкою. Маруты — это властвующія и воплощенныя въ атмосферѣ духовныя силы, которыя способны принять всякій видъ. Они порождаются и размножаются сами собою, какъ волны воздушнаго океана-моря; ни кто не знаетъ откуда они идутъ и куда. То отряхаютъ они съ своихъ крыльевъ дождевые брызги, то доятъ тучевыхъ коровъ, то колеблютъ облачныя деревья, то пускаютъ дождевыя стрѣлы изъ лука; иногда же дождь является богатымъ плодомъ, который они добываютъ изъ нѣдръ тучевыхъ горъ и высыпаютъ потомъ на землю. Они гнѣвно-рыкающіе львы, слоны бороломцы. Начиная бой, они ободряютъ себя пѣснями. Руки у нихъ убраны золотомъ; въ блестящемъ панцырѣ, съ лукомъ и стрѣлами, разъѣзжаютъ они на быстрокатныхъ колесницахъ; деревья передъ ними гнутся и склоняются, горы трясутся, небо и земля приходятъ въ движеніе. Они страшны силою, но въ то же время благотворны и щедродательны: они не только разгоняютъ темныя, свѣтохищныя тучи, но въ случаѣ нужды приносятъ и желанный дождь. Ревъ бури — ихъ пѣніе, хвалебный гимнъ, возносимый ими Индрѣ побѣдителю.

Кротче бурныхъ Марутовъ такъ-называемые Рибгу, стихійные геніи подобно тѣмъ, или же властвующія въ природѣ дýши почившихъпредковъ. Напоминая собой эльфовъ и карликовъ, они болѣе эфирнаго, огненнаго свойства; это многохитрые художники, изготовляющіе богамъ колесницы и оружіе, это милѣйшіе пѣвцы и вообще друзья музыкальнаго искусства. Бригу, Ангирасы — также товарищи вѣтровъ и облачныхъ женъ; въ нихъ признаютъ духовъ молніи. Апсарасы, плавающіе въ воздушномъ морѣ богатырскими невѣстами или дѣвственными лебедьми, это — сами свѣтлыя облака.

Какъ блаженные входятъ по смерти въ царство Ямы, гдѣ утоляется всякій позывъ, удовлетворяется всякое желаніе, такъ злые люди идутъ въ Нирукти; какъ тѣ присоединяются къ добрымъ геніямъ природы, такъ напротивъ эти — къ бѣсáмъ тьмы. Видъ послѣднихъ остается темнымъ, мглистымъ, неопредѣленнымъ. Они называются Ракшасами, и часто ихъ представляютъ въ видѣ зловѣщихъ ночныхъ птицъ или жадныхъ псовъ и волковъ. Далѣе они выростаютъ въ исполинскихъ чудищъ — Вритра наполняетъ собой воздухъ какъ громадный хребетъ горъ; — они прожорливыя чудовища, и едва почуютъ человѣчье мясо, подплываютъ какъ туча ощеря зубы и ища кого бы поглотить. Они способны измѣнять свой видъ, какъ и дѣйствительно формы облаковъ часто видоизмѣняются на глазъ возбужден-

ной фантазіи, или какъ иногда снуютъ быстрой чередой неопредѣленныя ночныя впечатлѣнья; сила ихъ возростаетъ въ темнотѣ.

На Землю смотрѣли сперва какъ на супругу небеснаго бога, какъ на мать всѣхъ земныхъ существъ. Въ пѣсняхъ Ведъ говорится что ее чествовали пѣвцы стараго времени; и если впослѣдствіи выдвинулись болѣе впередъ другія божественныя силы, то все же осталось еще воспоминаніе что Небу и Землѣ поклонялись какъ отцу и матери, какъ первопричинамъ всего въ мірѣ, точно такъ же какъ Зевсу и Діонѣ или Урану и Геѣ въ Греціи. Вмѣстѣ и порознь, въ дали и въ близи, сохраняютъ они подобающее имъ мѣсто. Сочетавшись въ молодости, они произвели боговъ; тогда зашевелились полевые звѣри и птицы воздушныя, говоритъ одинъ пѣвецъ, и тутъ же прибавляетъ: Пою это древнее, всегда длящееся творенье. Другой гимнъ начинается такъ:

Кто старшій изъ нихъ, кто младшій?
Какъ они родились? Пѣвцы, кто изъ васъ знаетъ это?
Они назначены поддерживать собой всѣ существа,
Пока день и ночь катятся другъ за другомъ какъ телѣжныя колеса.

Оба они спокойны, оба неподвижны,
И все движущееся держится на нихъ однихъ
Какъ чадолюбивые родители берегутъ дѣтей своихъ,
Берегите и вы насъ отъ зла, Земля и Небо!

На землѣ главная честь подобаетъ огню. Имя его Агни (ignis). Смотря по способамъ огнепроизводства, Агни родится у людей въ домахъ, и въ то же время колыбель его — лоно неба. Возникнувъ изъ тучи, онъ является безъ рукъ, безъ ногъ и закутываетъ свои члены въ темные клубы дыма, пока не выскочитъ изъ влажнаго ложа сверкающей молніей. Онъ спитъ скрытый въ деревянной двойчаткѣ, онъ сынъ двухъ матерей, — брусковъ, изъ которыхъ взгнетаютъ его треніемъ; поэтому жрецы слывутъ ему отцами, а онъ опять сыномъ или внукомъ той силы, которая третъ одинъ о другой бруски. Трескучее пламя обновляетъ и поддерживаетъ его молодость. Свѣтлымъ, неприступнымъ великаномъ блеститъ онъ какъ солнце среди тучъ или какъ золотая колесница среди боя. Дымъ—то броня его, то поднимаемое имъ знамя. Онъ пожираетъ ѣству золотымъ зубомъ, облизываясь огненнымъ языкомъ, и оставляетъ по себѣ черный слѣдъ своего шествія. Пламя, это—его лавровый вѣнокъ, онъ разбрасываетъ его вокругъ себя бурною волною. Златобородый Агни пускаетъ отъ себя лучи какъ стрѣлы изъ лука, а солнце въ свою очередь свѣтитъ тутъ же; едва онъ подымется, тотчасъ бѣжитъ отъ него врагъ, темень ночная, но богъ посылаетъ ей вслѣдъ сверкающую стрѣлу, и свѣтъ его, какъ копье, взлетаетъ къ его дочери, Денницѣ. Какъ могучая въ земной природѣ сила свѣта и тепла, Агни именуется головою неба и пупомъ матери земли; вселенная признаетъ въ немъ поддерживающаго ее владыку. Какъ лучи въ солнцѣ, такъ лежатъ въ немъ всѣ сокровища заключенныя въ горахъ и растеніяхъ, въ водахъ и въ самихъ людяхъ. Тучу обращаетъ онъ въ увлажающую воздухъ струю, и орошаетъ землю водяными каплями; въ груди своей онъ носитъ всѣ сѣмена избытка и безпрерывно входитъ въ

новыя растенія. Агни первоисточникъ всѣхъ дѣлъ, совершаемыхъ съ помощью огня, онъ держитъ въ рукѣ своей всѣ людскія блага. Дѣти его, огненные лучи, — пастыри народовъ, направляющіе и человѣка и животныхъ. Заблудившихся выводитъ онъ на прямой путь. Онъ вѣчно-юный источникъ радости для человѣческаго рода, онъ стволъ, отъ котораго какъ вѣтви идутъ всѣ блага земныя.

Агни, какъ огонь домашняго очага, дальнозоркій хозяинъ, собиратель семьи, другъ людей, гость, которому любо въ нашемъ домѣ, готовящій снѣдь товарищъ или помощникъ, сильный и пригожій молодецъ. Его молятъ оберечь домъ отъ воровъ и отъ злыхъ духовъ, молятъ и о богатствѣ. Огонь — чистая и очищающая, свѣтлая и освѣщающая стихія; къ этому тутъ же прививается нравственный элементъ: огонь становится символомъ чистоты, средствомъ очищенія. Агни призываютъ озарить душу знаніемъ, оборонить ее отъ грѣха или же очистить, укрѣпить на какое-нибудь дѣло, устрашить враговъ своимъ мерцающимъ пламенемъ. Его хвалятъ какъ Господа чистоты; говорятъ что онъ навѣваетъ людямъ сердечное счастіе, крѣпость и разумъ.

Огонь сходитъ съ неба на землю солнечнымъ лучемъ или молніей, и въ этомъ случаѣ Агни — посылаемый людямъ божій вѣстникъ; а зажечь его на землѣ, — онъ стремится опять къ небу: потому и горитъ онъ на алтаряхъ, что Агни точно также гонецъ, посылаемый отъ людей небожителямъ, возносящій къ нимъ и жертвы и молитвы. Агни такимъ образомъ — настоящій жрецъ, посредникъ между людьми и богами. Бросаютъ въ огонь чистаго коровьяго масла, и когда пламя вспыхнетъ вверхъ, — значитъ Агни несетъ жертву благочестивца къ небу. Агни зовется также еще кубокъ которымъ боги принимаютъ въ себя жертвенную снѣдь.

Такъ-какъ къ жертвѣ всесожженія присоединяется и возліятельная жертва, то на ряду съ Агни достигаетъ божескихъ почестей равномѣрно и Сома. Растеніе Сома стирается между камней — камнями трутъ его жрецы, — а потомъ десятью сестрами въ золотыхъ перстняхъ, то-есть пальцами, пропускается оно сквозь сито; по хвосту барана стекаетъ сокъ его каплями въ чашу съ молокомъ, — «какъ быкъ бросается онъ къ коровамъ». Златожелтая его капля плаваетъ въ молокѣ какъ мѣсяцъ въ вечернемъ небѣ. Звучное паденіе ея въ металлическую чашу, это — ржаніе коня, ревъ быка, славословіе сливающееся съ гимномъ пѣвца-поэта. Наивный взглядъ той эпохи видитъ въ жертвѣ богамъ не одинъ только знакъ благодарной преданности, но вмѣстѣ и дѣйствительную пищу небожителямъ, которою они услаждаются, отъ которой ростутъ и крѣпнутъ въ силахъ. Индра, напримѣръ, долженъ быть на́веселѣ отъ Сомы, чтобы въ восторженномъ упоеніи ринуться въ бой съ Вритрой или помочь людямъ въ битвѣ и надѣлить ихъ побѣдою. Сома, услаждающій и подкрѣпляющій боговъ, самъ становится оттого божественною силой и сущностью; ему приписываютъ все то что́ дѣлаетъ охмѣленный имъ небожитель. Много пѣсень поется въ честь ему. Тамъ мы читаемъ: Побѣдитель враговъ, Вритроубійца, въ тебѣ крѣпость соединяется съ сладостью; ты возвышаешь наше счастіе, ты сила героевъ и смерть недругамъ; пріиди въ наши обители, рости для напитка безсмертія, содѣлайся для насъ на небѣ источникомъ безподобной пищи. Роса Сомы очищаетъ все, въ

ней радость, слава и величіе. Она окрыляетъ духъ на одолѣніе всякаго препятствія, она одѣваетъ обнаженныхъ, она врачуетъ больныхъ, такъ что слѣпой отъ нея прозрѣваетъ и хромой начинаетъ опять ходить. Упоеніе высоко-настроенной души, это — Сома, это — его дѣйствіе. Да будетъ любо ему въ нашей груди какъ рогатому скоту на паствѣ, какъ домохозяину въ лонѣ семьѣ. Славословія текутъ къ нему струями, полныя благоговѣнія, и любовно вливаются въ любящаго.

Ты жрецъ, ты премудръ,
Въ сладкомъ соку своемъ несешь ты все;
За тобою сходятся всѣ боги
Для веселой попойки.
Богатырь, даруй намъ богатырскую силу!

Такимъ образомъ уже и въ Ведахъ подготовлялось представленіе что жертвою можно повліять и подѣйствовать на боговъ, что жрецъ, умѣющій какъ должно принести ее, спѣть подходящую къ тому пѣсню, располагаетъ этимъ небожителей дружить и служить человѣку. Молитва, священнодѣйствіе получаетъ первое имя свое отъ ревностной борьбы *; это — сильное возбужденіе, внутреннее напряженье человѣка, когда настойчивымъ выраженіемъ своей воли онъ силится настроить въ свою пользу божество. Ротъ вполнѣ выяснилъ это производствомъ слова брама (святое и молитва) отъ бри, бороть; въ Ведахъ есть явное тому доказательство: господь молитвы, браманаспати, зовется также и бригаспати, господь борьбы. Пѣніе, молитва слыветъ тою силою, которая возбуждаетъ Индру на великія дѣла. Божество Браманаспати, олицетворенная мощь молитвы, принадлежитъ позднѣйшему періоду Ведъ, когда были точно также обоготворены щедрость и благочестіе; въ основѣ его нѣтъ ни какого естественнаго (физическаго) созерцанія, это — порожденіе развивающагося уже жречества, въ немъ чествуется сила и достоинство набожнаго настроенья, и брама считается вообще за святое, священное. Браманаспати помогаетъ богамъ совершать то о чемъ ихъ просятъ. Молитва проторгается къ искомому предмету и овладѣваетъ имъ какъ бы въ насилъ. Браманаспати отвѣчаетъ молящемуся, браману, громовымъ голосомъ, когда Индру призываютъ на борьбу съ бѣсами. Браманаспати душа жертвоприношенія, владыка его и краса; славословіе, молитва, священная мѣра стиховъ для него то же что лучи для солнца. Кто признаётъ своимъ другомъ Господа святыни, тотъ обладаетъ силой непреодолимою, тотъ увѣренъ въ торжествѣ. О Браманаспати наконецъ говорится что онъ отыскалъ утреннюю зарю и сіянье неба, что онъ поочередно восходитъ въ солнцѣ и въ мѣсяцѣ; а о набожности предковъ поется такъ, что лишь благодаря ей небо убралось звѣздами какъ вороной конь убирается бляхами, что она ночь надѣлила тьмою и озарила яркимъ свѣтомъ день.

Идущая отъ сердца молитва возносится, украшенная фантазіей, къ Индрѣ и взываетъ: Внемли, о богъ, что́ внушено тобою же! Молитва порождается небомъ вмѣстѣ съ утренней зарей; она одѣвается въ серебряную ризу, и

* Только впослѣдствіи молитва приняла смыслъ покорнаго, униженнаго прошенія.

впрягаетъ богамъ коней въ колесницу, или же сама она колесница на которой боги подкатываютъ къ жертвѣ чтобы принять ее. Какъ корова отбившаяся отъ пастуха, обращается она къ богу, и указываетъ ключь страннику заблудившемуся въ лѣсу.

Встрѣчаются между тѣмъ и пѣсни въ тонѣ насмѣшливаго юмора. Какъ мухи вокру́гъ горшка съ медомъ сидятъ жрецы вокругъ жертвы. Когда воды небесныя упадутъ въ пересохшій прудъ, лягушки подымаютъ кваканье, словно мыкъ коровъ пополамъ съ телячьими ревка́ми. Лягушка подскакиваетъ къ лягушкѣ, и желтая заводитъ рѣчь съ зеленою. А отвѣтитъ одна другой какъ ученикъ учителю, тутъ подымается у нихъ общій крикъ, и всѣ вмѣстѣ говорятъ за́разъ. Та реветъ коровою, эта кричитъ оленемъ, одна желтая, другая зеленая. Розны онѣ видомъ, а всѣ одного званія. Исходя отовсюда, голоса ихъ составляютъ сплошной хоръ. Сыны жрецовъ, разливающіе Сому и бормочащіе молитвы вокругъ жертвенной чаши, — вѣдь того же опять пруда, — похожи на васъ, лягушки, будь они желтые или зеленые, кричи оленемъ или реви коровой, съ тѣмъ чтобъ испросить намъ тучныхъ паствъ и долговѣчности.

Это не мѣшаетъ однакожь съ глубокодумной важностью прославлять «священное слово», въ которомъ открываетъ себя духъ. Не предвѣстниками ли Іоанновскаго ученія о Словѣ, какъ высказывающемся разумѣ Божіемъ, звучатъ наприм. такія рѣчи: слово всему на́большее, всему первое, его имя благодатнѣе всего. Какъ пшеница очищается въ рѣшетѣ, такъ слагается оно въ душѣ мудраго. Оно получило видъ и обликъ у пѣвцовъ стародавнихъ, и жрецы стали его носителями. Или само слово говоритъ о себѣ: Я иду съ духами свѣта и вѣтровъ, несу небо ночное и солнце ясное; я царица, владычица богатствъ; кого полюблю, того сдѣлаю мудрымъ, благочестивымъ и великимъ. Я досягаю до небесъ и далѣе, я пребываю во всѣхъ мірахъ, и дышу во всемъ живущемъ, проникаю собой всѣ существа.

Могущество слова, въ чувственномъ его смыслѣ, обнаруживается въ за́говорахъ и заклятіяхъ; они понятны тому кто вмѣстѣ съ Индійцами признаетъ за существо вещей внутреннюю духовную силу, которая поэтому не только внемлетъ слово, но и можетъ подлежать его вліянію; тутъ же дѣйствуетъ еще и вѣрованіе что вещи обладаютъ способностью пріуподобляться другъ другу, притягивать къ себѣ подобное, переносить свое собственное свойство на другія вещи. При посвященіи царя говорятъ: небо твердо, земля тверда, горы тверды, да будетъ твердъ и царь. Противъ желтухи есть въ Атарваведѣ слѣдующій за́говоръ:

По солнцу снимется съ тебя желтый блескъ, желтый цвѣтъ,
Мы зато покроемъ всего тебя цвѣтомъ красно-рыжей коровы,
Краснымъ цвѣтомъ покроемъ тебя сплошь, чтобы прожить тебѣ долгіе годы.
А желтизну твою отдадимъ попугаямъ,
Желтизну твою вгонимъ въ корень желтый инбирь.

Молодой человѣкъ, чтобы приворотить къ себѣ дѣвицу, обращается сперва къ выкапываемому имъ растенію, къ стеблю сахарнаго тростника, а потомъ уже къ возлюбленной.

Трава ты медоростовая, съ медомъ мы тебя и выкапываемъ.
Сама отъ меду родилась, и насъ теперь усласти какъ медомъ.
У меня по языку течетъ сотовый медъ, отъ корня и до кончика,
Чтобы быть тебѣ въ моей волѣ, чтобы приладилась ты къ душѣ моей.
Чтобы входъ мой тебѣ былъ сладкій медъ, сладкій медъ мое приближеніе.
Сладкій медъ словцо мое, чтобы меня одного ты любила.
Обогну тебя сахарной тростинкою на подневольную любовь,
Чтобы одного меня любила, никогда не покинула.

Замысловатѣе, духовнѣй, поэтичнѣе выступаетъ часто въ Ригведѣ вѣра въ силу пѣсни и фантазіи. Пробуждается сознаніе что человѣкъ-то именно и даетъ своей фантазіей опредѣленную форму идеѣ божества. Содержаніе готово, это — та объективная истина, о которой говорится что она основала землю; но поэтъ оформливаетъ содержаніе, какъ топоръ, обтесывая дерево, превращаетъ его въ колесницу. Подобно великимъ нашимъ предкамъ, говоритъ одинъ позднѣйшій пѣвецъ, будемъ трудиться надъ святымъ дѣломъ жертвоприношенія. Они взялись отыскать свѣтъ въ самомъ его источникѣ; силою своихъ гимновъ подѣлили они небо отъ земли и отперли ворота утреннихъ лучей солнца. Прилежные художники въ дѣлѣ чествованія боговъ они образовали формы ихъ, какъ видообразуютъ металлы; Агни они придали лучезарный блескъ, Индрѣ сообщили крѣпость. — Духовными очами пѣвецъ видитъ боговъ нисходящихъ принять жертву, онъ въ пѣснѣ изображаетъ ихъ народу, и пѣснь его — краса небожителей. Небо и земля, воды и горы множатъ силу Индры любя его; но онъ крѣпнетъ и отъ однихъ словъ, славословіе остритъ ему перуны. Хвалебныя пѣсни — пища божествамъ, онѣ даютъ имъ силу и бодрость, онѣ расширяютъ власть безсмертныхъ. Въ одномъ гимнѣ къ Агни говорится:

Какъ во́ды изъ хребта горъ,
Благодаря пѣнію истекли отъ тебя боги, о Агни;
Хвалебныя пѣсни такъ и рвутся къ тебѣ безъ удержу,
Какъ битву выигрываютъ тебя пѣсноносные кони.

Если мы такимъ образомъ признали въ Ведахъ мнооробный духъ за главнѣйшую стихію, и видѣли потомъ что онъ дошелъ въ нихъ даже до самосознанія, то намъ остается теперь разсмотрѣть еще три вещи: зачатокъ богатырской пѣсни, погребальный обрядъ и первое пробужденіе философіи.

Частые призывы Индры передъ началомъ битвъ упоминаютъ объ одержанныхъ съ его помощью побѣдахъ; тутъ видно что арійскія племена ссорятся какъ между собой, такъ и съ сосѣдними народами обыкновенно изъ-за стадъ и пастбищъ; храбрые и опытные въ войнѣ люди собираются при этомъ вкругъ родоначальниковъ и снискиваютъ себѣ вліяніе и почетъ наравнѣ съ пѣвцами и жертвоприносцами, о которыхъ говорено выше. Бранный духъ и молодечество побуждаютъ пріумножившійся людъ идти дальше на востокъ, по направленію къ рѣкѣ Джамунѣ (Джемнѣ); для оттѣсненія и покоренія туземныхъ жителей Индійцамъ необходимо было соединяться въ многочисленнѣйшія дружины, и среди завоеваній возростало разумѣется могущество предводившихъ владыкъ. Отъ эпохи первоначальныхъ переселеній сохрани-

лось намъ въ Ригведѣ нѣсколько военныхъ и побѣдныхъ пѣсень, которыя въ то же время знакомятъ насъ съ именами двухъ жреческихъ пѣвцовъ; они имѣли политическое вліяніе, и впослѣдствіи къ нимъ именно привилась знаменитая легенда о покаянникахъ; уже и здѣсь поставлены они въ противоположность одинъ другому, и прославляются сказаніемъ каждый у своихъ родичей: Висмамитра предводительствуетъ десятью колѣнами, изъ которыхъ особенно отличается родъ Бгарата; они соединились для борьбы съ царемъ Судасомъ, владыкой племени Тритсу, осоюзившимся съ жреческимъ родомъ Васиштасъ. Висмамитра подходитъ къ двумъ рѣкамъ, которыя надо перейдти для нападенія на Тритсу. Пѣсня начинается описательно:

Випаса и Сатадру своими струями
Рьяно бѣгутъ съ горныхъ покатей,
Какъ кони выпущенные на волю,
Какъ свѣтлошерстыя коровы-матки къ телятамъ.

Тутъ Висмамитра обращается къ рѣкамъ:

Движимыя Индрой, требуя себѣ выхода,
Катитесь вы къ морю какъ воины въ ратной колесницѣ;
Соединеннымъ потокомъ, крупными волнами,
Слились вы обѣ вмѣстѣ, свѣтлыя и ясныя.

Рѣки отвѣчаютъ:

Этими крупными волнами
Катимся мы къ цѣли, какую опредѣлилъ Богъ;
Не измѣнится прирожденное намъ теченіе:
Чего хочетъ отъ рѣкъ премудрый?

Мудрецъ:

Послушайте радушно ласковой рѣчи,
Постойте, сдержите хоть на минуту
Шаги свои къ морю; я, сынъ Куцики,
Усильно и благоговѣйно прошу васъ объ этомъ.

Рѣки:

Индра, молніеносецъ, проложилъ намъ дорогу,
Онъ умертвилъ Аги, облегавшаго рѣки;
Насъ образовалъ прекраснорукій богъ Савитри:
По его заповѣди катимся мы такимъ широкимъ потокомъ.

Мудрецъ:

Достохваленъ навѣки тотъ геройскій подвигъ,
То дѣло Индры, что растерзалъ онъ Аги;
Когда молнія его ударила въ облежавшаго,
Тотчасъ потекли рѣки, жаждавшія теченья.

Рѣки:

Не позабудь вовѣкъ этого слова, пѣвецъ,
Чѣмъ ни отзовется тебѣ будущность;
Останься всегда пріязненъ намъ въ своихъ звучныхъ пѣсняхъ,
Не позорь ты насъ, и да будетъ тебѣ почетъ у людей и слава.

Мудрецъ:

А и вы сестры, послушайте пѣвца въ свою очередь
Пришелъ онъ съ конемъ и съ колесницей;
Опуститесь, чтобы переѣхать васъ,
Чтобы волны не доходили до ступицы.

Рѣки:

Мы слушаемъ твоего слова, пѣвецъ!
Пришелъ ты издалека съ конемъ и съ колесницей;
Я спущусь для тебя какъ женщина, что даетъ грудь младенцу,
Я обниму тебя какъ дѣвушка обнимаетъ мужчину.

Мудрецъ:

А лишь перейдетъ тебя Бгарата,
Проворная, удалая дружина, ободраемая Индрою.
Тогда катись себѣ опять природнымъ своимъ теченьемъ.
О вы, достойныя жертвъ, хочу вашей благосклонности.

Такъ развивается пѣснь въ оживленной бесѣдѣ, драматично перенося давнюю историческую быль въ настоящее. Но Бгараты претерпѣли пораженіе, и Васишта воспѣваетъ побѣду:

Двѣ сотни коровъ, двѣ колесницы женщинъ,
Достались въ добычу царю Судасу;
Я обхожу ихъ кругомъ и славлю, какъ жрецъ славословя обходитъ жертвище.
Индра выдалъ Судасу племя враговъ его,
Тщеславныхъ болтуновъ, краснобаевъ.
Малымъ Индра совершилъ великое,
Льву подобнаго поразилъ онъ слабымъ,
Копья поломалъ иголкою;
Всѣ блага даровалъ Судасу.
Десятеро царей считали себя непобѣдимыми,
Но не устояли противъ Судаса, Индры и Варуны;
Подѣйствовало славословіе, воспѣтое нами жертвоприносцами.
Тамъ гдѣ люди сходятся, распустивши знамя,
Гдѣ царитъ пагуба, гдѣ трепещетъ жизнь,
На полѣ битвы ободрили вы насъ словомъ,
Насъ, смотрѣвшихъ на васъ, Индра и Варуна.
Шестьдесятъ сотъ великановъ Ану и Дгруджу уснули навѣкъ,
Шестьдесятъ богатырей да шесть пали передъ благочестивымъ Судасомъ.
Индра раззорилъ твердыни враговъ
И роздалъ въ битвѣ добро племени Ану воинамъ Тритсу.
Четыре Судасовы коня, украшенные добычей, бьющіе оземь копытомъ,
Повезутъ теперь прямо къ славѣ одинъ родъ передъ другимъ.
О вы, вѣтры сильные, будьте къ нему милостивы,
Дайте благочестивцу никогда не старѣющую власть!

Другая пѣснь повѣствуетъ какъ десять царей окружили и держали въ тѣснотѣ Судаса съ его вѣрною дружиной, но тутъ Индра услышалъ славословіе Васишты и, призванный напиткомъ Сомы и молитвенною силой, сокрушилъ всю Бгарату какъ ломкое батожье вологоновъ; такъ племени Тритсу очищенъ былъ просторъ, чтобы родамъ его разойдтись привольно.

Здѣсь нѣтъ еще того душевнаго спокойствія, съ какимъ оглядывается на свершенные прежде подвиги настоящій эпикъ, выводя ихъ по порядку въ

прославляющемъ пересказѣ; здѣсь возбужденная душа еще пламенѣетъ и кипитъ непосредственнымъ чувствомъ жажды боя и побѣднаго торжества, а слово несется за полетомъ его съ такимъ лирическимъ увлеченіемъ, какого едва можно было ожидать отъ предковъ полугрезящихъ Индійцевъ и которое больше напоминаетъ Арабовъ пустыни или сѣверныхъ, скандинавскихъ Германцевъ.

Гораздо болѣе мягкости, соединенной однакожь съ тѣмъ же мужественнымъ благородствомъ, находимъ мы въ пѣсняхъ относящихся къ смерти и къ вѣчной жизни. Тѣло возвращается природнымъ стихіямъ, земля принимаетъ въ себя пепелъ, но при сожженіи образуется другое тѣло, эѳирное, которое «какъ колесница» возноситъ душу къ небесамъ. Пускай себѣ глазъ идетъ къ солнцу, дыханіе къ вѣтрамъ воздушнымъ, пусть водѣ и растеніямъ отдается то что принадлежитъ имъ въ тѣлѣ; пусть общая мать земля опеленаетъ прахъ, какъ настоящая мать завертываетъ дитя въ свою одежду, пусть будетъ она мягкою какъ пуховикъ дѣвой для благочестиваго; духъ же, одѣтый въ пламя, въ броню Агни, да вознесется къ Ямѣ, къ Варунѣ; да сопровождаютъ душу солнце, обтекающее вселенную, знающее всѣ небесныя тропы, и пастырь-мѣсяцъ, сохраняющій въ цѣлости все свое стадо. Путь туда стерегутъ псы Ямы, страшные злымъ, но ведущіе добрыхъ прямо къ нему въ обитель. Тамъ послѣдніе наслаждаются вѣчнымъ довольствомъ и счастіемъ, какъ Германцы въ Вальгаллѣ, какъ Эллины на блаженныхъ островахъ.

Вдову клали на костеръ вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ, но передъ сожженіемъ его тѣла подымали ее, говоря:

Встань, жена, воротись къ міру жизни!
Ты спишь вѣдь съ мертвецомъ: сойди къ намъ!
Довольно уже ты была ему супругою, —
Ему, тебя избравшему и сдѣлавшему матерью.

Съ костра снимали также и лукъ:

Возьму лукъ изъ руки усопшаго,
Намъ во славу, въ защиту и въ нападеніе;
Ты себѣ оставайся тамъ, а мы останемся здѣсь богатырями,
Во всѣхъ битвахъ будемъ мы разить супостатовъ.

Послѣ похоронъ главный жертвоприносецъ призываетъ живыхъ попомнить о жизни. Но близкіе люди, домочадцы покойника, еще и на слѣдующій день садятся опять около огня и поютъ вплоть дó ночи про подвиги предковъ. Нáбольшій желаетъ потомъ роднымъ умершаго пребыть чистыми и благочестивыми, да продлится ихъ вѣкъ и да умножится благоденствіе. Онъ совершаетъ возліянія на камень, и говоритъ:

Какъ дни слѣдуютъ за днями,
Какъ смѣняютъ другъ друга времена года,
Такъ подай, о творецъ, долю жизни всѣмъ здѣсь предстоящимъ,
Да не покинутъ младшіе старшихъ одинокими.

Неовдовѣвшія еще жены, гордясь благородными мужьями, поднимаются первыя; тогда на̀большій обращается къ мужьямъ:

Ручей потекъ, и вамъ пора всѣмъ съ мѣста,
Товарищи; вставайте жь и пойдемъ.
Оставимъ здѣсь скорбящую семью,
А сами бодро новыхъ битвъ поищемъ.

Обряды похоронныхъ жертвъ, гдѣ на первомъ планѣ почитаніе предковъ, представляютъ собой непрерывное жизнеобщеніе рода, какъ продолжающейся семьи; Максъ Мюллеръ замѣчаетъ: «Жертвоприношеніе считается сплош-«ной цѣпью дѣйствій, соединяющею наличныхъ людей съ предками и поддер-«живающею связь между людьми и божествомъ». Одинъ стихъ Ригведы прямо говоритъ: Мнѣ кажется, я вижу духовнымъ окомъ всѣхъ тѣхъ, кто приносилъ жертвы когда-либо прежде.

Переходя теперь къ изложенію философскихъ зачатковъ въ Ведахъ, я нахожу нужнымъ представить въ извлеченіи нѣкоторыя мѣста изъ «Исторіи санскритской литературы», изданной Максомъ Мюллеромъ по-англійски. Разнымъ гимнамъ десятой Мандалы приписывалось позднѣйшее происхожденіе, такъ какъ не только нѣкоторыя изреченія ихъ перешли въ Упанишады, но они и вообще напоминаютъ ихъ своимъ тономъ; тѣмъ не менѣе сами Упанишады, о которыхъ поговоримъ мы далѣе, выросли вѣдь только постепенно, и первые зародыши ихъ очевидно лежатъ въ книгахъ Ведъ. Если мы находимъ въ нихъ идеи или выраженія, которыя, встрѣться они намъ у Грековъ, Римлянъ, Іудеевъ, мы сочтемъ за сравнительно новѣйшія, то это еще не даетъ намъ ни какого права отрицать ихъ древность въ индійскомъ духоразвитіи. Веды открываютъ намъ такой укромъ въ лабиринтѣ человѣческаго духа, который давно уже прошли другіе арійскіе народы прежде чѣмъ выступить для насъ ясно на свѣтъ исторіи. И будь сборникъ древнеиндійскихъ пѣсень написанъ хоть только за пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ какомъ-нибудь краѣ свѣта, до котораго не коснулся еще потокъ цивилизаціи, онъ все-таки былъ-бы старобытнѣе гомеровскихъ пѣснопѣній, продставляя собой болѣе ранній фазисъ человѣческаго чувствованія и мышленія: здѣсь еще текуче и органически-живо то, что у Гомера предстаетъ уже окоснѣлымъ, непонятнымъ, разбитымъ на куски, какъ въ языкѣ, такъ и въ миѳологіи. Вѣру въ единаго Бога считаемъ мы обыкновенно за одну изъ послѣднихъ ступеней, на которую Греки поднялись изъ многобожія; единый невѣдомый Богъ, — вотъ результатъ къ какому пришли ученики Платона и Аристотеля, слушая въ Аѳинахъ проповѣдь апостола Павла. Какъ можемъ мы предположить подобный же ходъ мысли и въ Индіи? Въ правѣ ли мы признать новыми такія пѣсни, въ которыхъ идея единаго Бога просвѣчиваетъ сквозь облака политеистической фразеологіи. Пусть какой-нибудь поэтъ хоть одинъ разъ сознаетъ въ душѣ своей, что онъ влечется къ божественному началу тѣмъ же чувствомъ что и къ отцу, пусть тогда хоть одинъ разъ онъ выскажетъ въ своей молитвѣ слова̀ «отецъ мой», и онъ перескочитъ однимъ прыжкомъ черезъ ту томительно-сухую пустыню, которою философское размышленіе проходитъ медленно, обдумывая каждый свой шагъ. Если Іудеи часто впадали въ многобожіе, то Арійцы напротивъ какъ будто бы склонны впадать въ монотеизмъ; и то

и другое совершалось не постепеннымъ, правильнымъ ходомъ, а по личнымъ побужденіямъ и порывистымъ, внезапнымъ увлеченьямъ. Потому что въ Ведахъ единобожіе предшествовало многобожію, и при воззваніяхъ къ многоразличнымъ ихъ богамъ сквозь миѳологическій туманъ всегда проглядываетъ воспоминаніе о единомъ, безконечномъ Богѣ, какъ голубое небо между мимолетныхъ облаковъ.

Думу о таинствахъ созданія обыкновенно считаютъ за такую роскошь, которую общество дозволяло будто бы только по обильномъ удовлетвореніи всѣхъ нижнихъ потребностей человѣческой природы. Но потребности эти легко обезпечивались на равнинахъ Индіи, и простой бытъ той древней поры вовсе не захватывалъ на службу себѣ отборныхъ дарованій; ни государственность, ни искусство не открывали тогда генію поприща для упражненія его способностей, не удовлетворяли его самолюбія. Да и есть ли въ самомъ дѣлѣ что-нибудь высшее, что-нибудь болѣе способное вызвать силу духа, нежели вопросъ о нашемъ существованіи, прямо жизненный вопросъ о нашемъ началѣ и концѣ, о нашей зависимости отъ верховнаго надъ нами могущества, о нашей жаждѣ лучшаго бытія? У насъ эти ключевыя ноты мыслей потонули въ шумѣ дѣловой хлопотливости, житейской суеты, искусственные интересы подавляютъ своимъ разростомъ природную жажду духа, или же съ малолѣтства внушаются намъ условныя рѣшенія этихъ вопросовъ въ видѣ готовой религіозной истины. Въ Индіи оно было иначе. Задолго прежде всѣхъ другихъ научныхъ разысканій, мысли были направлены на одну постоянно опять возвращавшуюся загадку: Что́ я такое? Что̀ значитъ окружающій меня міръ? Есть ли какая-нибудь всему причина, создатель, Богъ, или все это лишь одинъ обманъ, дѣло слѣпого рока, случайности? Снова и снова душа вѣщихъ мудрецовъ, Риши, добивается одного этого познанія. Я вовсе не стою за мнѣніе, что будто въ религіозныхъ мистеріяхъ и миѳологическихъ преданіяхъ Востока содержится глубочайшая и чистѣйшая мудрость, что вплоть до самой сѣдой старины восходитъ школа жрецовъ и философовъ непрерывной чередою; но нахожу черезчуръ смѣлымъ утверждать, что всякая мысль относящаяся къ философскимъ задачамъ есть непремѣнно какой-нибудь новѣйшій подлогъ, что каждое слово въ индійскихъ книгахъ, напоминающее Моисея, Платона или апостоловъ, и было необходимо взято изъ іудейскихъ, греческихъ или христіанскихъ источниковъ. Исканіе истины, та непрерывно развивающаяся философія о которой говоритъ Лейбницъ, не замкнута вѣдь непремѣнно въ школахъ. Языкъ ея не отличается такой строгой опредѣленностью какъ философія Аристотеля, понятія ея шатки, и свѣтъ ея похо́жъ скорѣе на вечернюю зарницу нежели на ясный солнечный восходъ. И не смотря на то многому могутъ здѣсь научиться и философъ, и историкъ, — напередъ всего уже тому, какъ народъ, одаренный способностью къ тихому раздумью о вѣчномъ, ищетъ удовлетворить этому влеченію съ ребяческихъ еще своихъ лѣтъ.

Я указывалъ съ самаго начала на то важное обстоятельство, что въ любомъ особомъ богѣ чествуется все-таки божественное вообще; это входитъ мало по малу въ сознаніе, и тогда единому богу приписываются дѣла всѣхъ боговъ въ совокупности, даже придаются ему ихъ названья. Такъ объ Индрѣ го-

ворятъ что онъ Агни, что онъ является подъ разными видами, что вся природа — его обликъ, что все видимое нами — онъ. Всѣ жертвы идутъ къ Индрѣ, идутъ къ Агни. Сравнительная шаткость, неэластичность, неопредѣленность формъ у индійскихъ божескихъ обликовъ еще болѣе облегчали сліяніе ихъ одного съ другимъ. Агни призываютъ въ качествѣ Вритроубійцы, и къ этому присовокупляютъ: Родился ты Варуною, разгорѣлся Митрою; сынъ силы, всѣ боги въ тебѣ одномъ. Свѣтъ — Агни, свѣтъ — Индра, свѣтъ — и Сома. «Я говорю самъ про себя: все заключено въ Варунѣ» — такъ выражается одинъ пѣвецъ, а большой гимнъ, извѣстный подъ именемъ Дирггатамаса и мѣстами напоминающій иные учено-миѳологическіе выводы Эдды, высказываетъ очень ясно: божественный духъ, проницающій все небо, именуется Индра, Митра, Варуна, Агни; это одно и то же существо, которое мудрецы называютъ только разными именами. Другая пѣснь придаетъ верховному и единому богу имя Висвакармы (то-есть заключающаго въ себѣ всѣ возможныя дѣйствія) и начинается въ тонѣ слѣдующаго размышленья:

Какъ построилось прекрасное зданіе?
Когда положена ему основа?
Создавая землю, Висвакарма
Раскинулъ въ то же время и небесный сводъ.

Вездѣ видите вы головы,
Глаза, руки, ноги бога.
Единый сотворилъ рукою небо,
А ногой — землю.

Изъ какого лѣсу взялъ онъ дерево
Для построй ки неба и земли?
Мудрецы скажите, собравшись со всѣмъ своимъ знаніемъ,
Кто на́большій надъ мірами, кто всѣмъ имъ вождь?

Господь святаго слова, Висвакарма,
Быстрый какъ полетъ мысли!
Да внемлетъ онъ благосклонно этой мольбѣ.
Да подастъ онъ намъ защиту и счастіе.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ о Висвакармѣ что онъ подымается въ блескѣ и сіяніи, и даетъ всѣмъ вещамъ силу и красу. Семеро Риши, великіе мудрецы и баяны стараго времени, всѣ слились въ немъ въ единое нераздѣльное существо. Онъ — творецъ все въ себѣ содержащій и все знающій, порождающій боговъ, чествуемый всѣмъ что ни есть за Господа. На лонѣ несотвореннаго покоилось то, въ чемъ всѣ міры были заключены отвѣка (вселенское яйцо). Вы знаете его все создавшаго, онъ тотъ же что и въ васъ самихъ. Но для нашихъ глазъ все подернуто какъ бы туманной фатою, сужденіе наше затемнено, люди проходятъ мимо словно странники съ пѣснями.

Этотъ же тонъ, не столько поэтичный какъ философски-раздумчивый, находимъ мы и въ многоразличныхъ изреченіяхъ, напримѣръ: Великъ въ самомъ дѣлѣ художникъ, удивителенъ мастеръ, создавшій небо и землю обширными и прекрасными, блестящими и глубокими, и надѣлившій ихъ въ своей премудрости однимъ общимъ движеньемъ. — Кто здѣсь на землѣ знаетъ и можетъ указать пути боговъ? Мы правда видимъ нижнія ступени ихъ

дѣйствія, но вѣдь оно простирается еще и въ высшія, таинственныя области. — Въ преждеупомянутомъ гимнѣ Дирггатамаса отрывочныя прорицанья звучатъ такъ: Безсмертное лежитъ въ колыбели смертнаго. Человѣкъ дѣйствуетъ и, самъ того не зная, ни чего не дѣлаетъ помимо Бога; не видя его самъ, онъ видитъ только имъ однимъ. Небо — отецъ мой, оно меня породило; небесные вои — семья моя. Не знаю, кому я подобенъ; живу обращенный внутрь себя, связанный въ своемъ собственномъ сердцѣ. Когда приблизится ко мнѣ перворо́дный сынъ времени, тогда получаю я свою долю въ Словѣ. У кого есть глаза, тотъ его видитъ; слѣпому его не понять. Поэтъ, дитя, постигъ его; уразумѣвшій Слово становится отцемъ своему отцу.

Уже одно мѣсто въ Самаведѣ постигаетъ духъ молитвы, святыню, Браму, какъ первопричину вселенной:

Брама (то-есть святое) зародилось отвѣка напередъ всего
Изъ Брамы развернулась краса усладительнаго блеска.
Ему принадлежатъ и выси, и глубина бездны,
Однимъ Брамою раскрывается причина бытія и небытія.

Трогательная и возвышенная пѣснь «невѣдомому Богу», изъ 10-й книги Ригведы, прекрасно переведена Максомъ Мюллеромъ и помѣщена въ сочиненіи Бунзена «Богъ въ исторіи»; здѣсь равно достойны удивленія и глубина мысли и поэтическая величавость языка; любопытно что изъ повторяющагося припѣва ея брамины ухитрились вычитать особаго бога *Кто!*

Вначалѣ вышелъ золотой ростокъ свѣта;
Онъ одинъ былъ урожденнымъ владыкою вселенной;
Онъ поддерживалъ землю, онъ поддерживалъ небо въ вышинѣ:
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Онъ даруетъ жизнь и силу, его благодать
Молитвенно испрашиваютъ себѣ всѣ боги;
Безсмертіе и смерть только тѣни его —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Онъ одинъ сталъ всемогущимъ царемъ міра,
Всего что дышетъ, что пробуждается отъ сна;
Онъ владыка и надъ человѣкомъ, и надъ животными —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Силу его возвѣщаютъ снѣговерхія горы
И море съ далекимъ своимъ теченіемъ;
Руки его обымисты какъ пространства небесныя —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Имъ только ясно воздушное пространство,
Имъ тверды земля и небо, даже и небо высшее,
Онъ измѣрилъ свѣтъ въ густомъ слоѣ облаковъ —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Утвержденныя его волею земля и небо
Взираютъ на него съ благоговѣйнымъ трепетомъ,
Надъ главой его сіяетъ утреннее солнце —
Кто тотъ богъ, кому мы приноситъ жертву?

Куда быстро ушли въ бездну цѣлаго могучія воды,
Сѣменоносицы, свѣтородицы,
Оттуда и пришло дыханіе боговъ —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Онъ властительно озиралъ тѣ воды,
Силоносицы, породительницы всѣхъ благъ,
Онъ единый богъ надъ богами —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Да не поразитъ онъ насъ, создавшій землю,
Создавшій также небо, блюститель истины,
Создавшій еще и воды свѣтло-могучія —
Кто тотъ богъ, кому мы приносимъ жертву?

Но всего далѣе идетъ собственно философскій элементъ въ одномъ стихотвореніи, котораго самое уже начало напоминаетъ элеатскихъ философовъ Греціи, нѣмецкихъ средневѣковыхъ мистиковъ, даже, если хотите, Гегеля; съ изумительной смѣлостью упраздняетъ оно все опредѣленное и данное бытіе съ тѣмъ чтобы достичь основы всего сущаго; оно называетъ ее единою, живою, но дышащею только въ себѣ самой, а не внѣшнимъ воздухомъ, какъ дышимъ напримѣръ мы; океанъ въ темной ночи — вотъ ея образъ. Но это единое, движимое любовью, становится источникомъ всякаго свѣта, всякой жизни; любовь выходитъ живой связью между всѣмъ сотвореннымъ, и дѣло созданія уподобляется сіянію свѣта, льющемуся въ темноту. И вдругъ у вѣщаго пѣвца возникаетъ чаяніе, что единое, эта причина благоустроеннаго міра есть всевидящее, самосознающее существо, что это долженъ быть духъ всевѣдущій. Но какъ тогда разъяснить загадочный вопросъ вконцѣ піэсы? Я вижу въ немъ нѣчто въ родѣ подтвердительнаго вызова, то-есть: да какъ же бы ему и не знать? это просто невозможное дѣло!

То было не бытіе, да и не ничтожество, — не воздушное море,
Да и не небесный шатеръ сотканый въ горнихъ высяхъ —
Что служило первою оболочкой? гдѣ скрывалось сокровенное?
Въ пучинѣ ли водъ, въ безднѣ ли неизмѣримой?

То была не смерть, да не было нигдѣ и безсмертнаго, —
Темная ночь ничѣмъ не отдѣлялась отъ дневнаго свѣта.
Единое бездыханно дышало въ самомъ себѣ;
Ни чего другого тогда не было.

Вездѣ стлался мракъ, вездѣ океанъ безсвѣтный;
Такъ все лежало первоначально скрытымъ въ темной глубинѣ;
Только единое, въ своей жесткой оболочкѣ,
Пошло въ ростъ силой своей собственной теплоты.

И любовь впервые охватила единое,
Въ немъ прозябло первое творческое сѣмя духовнаго пожеланья.
Задушевною, глубокою думой вѣщіе провидцы постигли
Изначальную связь, единящую бытіе съ небытіемъ.

Тотъ лучъ, который они вездѣ провидѣли,
Былъ онъ въ безднѣ? былъ онъ въ горнихъ высяхъ?
Посѣялось сѣмя, возникли могучіе позывы,
Природа легла внизъ, наверхъ всплыли сила и воля.

Кто жь знаетъ, кто жь когда-нибудь повѣдалъ,
Откуда взялось все обширное твореніе?
Боги пришли позже,
Но кто же знаетъ откуда пришли они?

Одинъ тотъ, отъ кого истекло созданіе,
Самъ ли онъ сотворилъ его, или нѣтъ,
Онъ, все озирающій съ высокаго неба,
Онъ вѣрно это знаетъ! Или ужь не знаетъ и онъ?

Богатырство и народный эпосъ.

Въ странѣ пятирѣчья пробудилась у Индійцевъ воинственность, и началась для нихъ та пора, которую можно приравнять къ переселенію народовъ у Германцевъ; они двинулись на юговостокъ и завоевали пригангскій край, овладѣли Деканомъ и Цейлономъ. Внѣшняя война смѣнялась усобицами ихъ собственныхъ предводителей и борьбою между свѣтской и духовной властью. Сначала каждый свободный человѣкъ былъ вмѣстѣ и рабочій, то-есть земледѣлецъ или пастухъ, вмѣстѣ воинъ и жрецъ въ своемъ собственномъ домѣ; теперь же развилось сословное различіе. Явилась вопервыхъ противоположность между покоренными или оттѣсненными туземцами и побѣдителями Арійцами; тѣ обращены были въ слугъ, а послѣдніе стали господами; они разнились между собой самымъ цвѣтомъ кожи, и отъ послѣдняго-то заимствовано индійское названіе касты — Варна *. Покоренные были Судры; имъ противополагался союзъ господствующаго племени, Вайсья; но имя это осталось потомъ только за свободнымъ простонародіемъ, за земледѣльческимъ и промышленнымъ людомъ, тогда какъ благородный воинскій классъ сталъ ужь выше подъ названіемъ Кшатрія, и еще выше — жрецы, подъ именемъ браманъ или брахмановъ. Воинскіе походы должны были сосредоточить власть въ рукахъ главныхъ предводителей, и когда Арійцы осѣлись въ новопокоренной странѣ, большинство народа, предпочитая заботы о домашнемъ очагѣ и мирныя занятія, постепенно и добровольно предоставило ратное дѣло тѣмъ, кого влекла къ тому особенная воинственность и кто успѣлъ настолько нажиться что могъ обойдтись безъ личнаго труда. Тѣсно соединились между собою также и роды мудрецовъ и баяновъ (пѣвцовъ), изстари окружавшіе племеначальниковъ для подачи совѣта и приноса жертвъ; и они тѣмъ болѣе овладѣли умами, что всю свѣтскую власть расчетливо предоставили руководимымъ ими же царямъ. Общенародный бытъ много напоминаетъ средневѣковой германскій.

Зеркаломъ богатырской эпохи служатъ народныя богатырскія пѣсни, изъ которыхъ выросъ послѣ эпосъ Индійцевъ. Правда, онъ рано получилъ свое художественное завершеніе, подобно тому какъ греческія богатырскія былины завершились Гомеромъ; но тогда какъ пѣсни этого поэта передавались въ чистотѣ и становились первообразомъ послѣдующей жизни и ея развитія,

* Каста, какъ извѣстно, слово испанское, означающее родъ, племя, наслѣдственное сословіе.

позднѣйшіе Индійцы вплоть до христіанской эры и даже послѣ не только распространяли свой эпосъ чужеродными вставками, но и многоразлично перерабoтывали его стараясь поддѣлаться къ новымъ религіознымъ воззрѣніямъ, къ новымъ условіямъ быта, вспду господствовавшаго у нихъ стремленія выдавать послѣднія за нѣчто исконное, первобытное, полносильное отвѣка и навсегда. Между тѣмъ легко распознать въ цѣльныхъ разсказахъ то что дѣйствительно старозавѣтно, и отличить въ нихъ позднѣйшія прибавки и дополненія. Рама наприм. во второй пѣснѣ Рамаяны остается человѣкомъ, тогда какъ первая, очевидно позднѣйшій привѣсокъ, дѣлаетъ его прямо божествомъ, да и впослѣдствіи божескій и человѣческій элементъ идутъ въ поэмѣ обокъ, вездѣ однакожь порозняясь между собой явственнымъ образомъ. Гольцману принадлежитъ та неоспоримая заслуга, что въ своихъ «Индійскихъ былинахъ» онъ попытался вылужжить и возстановить первобытное зерно изъ-подъ загромоздившихъ его позднѣйшихъ наростовъ.

Лиризмъ боевыхъ и побѣдныхъ пѣсень, непосредственно слѣдовавшихъ за подвигами, переходилъ потомъ мало по малу въ тонъ эпическаго разсказа: въ воспоминаніи остались только самыя крупныя и важныя личности и дѣла, и только подобные герои и событія сдѣлались впослѣдствіи ядромъ, къ которому приставало богатое обиліе пѣснопѣній; фантазіи сама собою выпала задача поставить такихъ именно людей и такіе подвиги идеальнымъ типомъ цѣлой эпохи. Пѣсни жили въ устномъ преданіи: даже и гораздо позднѣйшая еще былина, выдающая поэта Вальмики за современника Рамѣ, не говоритъ чтобъ Рамаяна была имъ записана, но что онъ произвелъ ее въ молчаливой думѣ по высшему вдохновенью божества, научилъ ей потомъ двухъ близнецовъ Рамы, а тѣ пѣли ее сначала въ лѣсной пу́стыни, впослѣдствіи же при царскомъ дворѣ, и что будто бы по имени двухъ юношей, Кузы и Лавы, пѣвцы прозваны были Кузилава. При торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, въ промежуткахъ священнодѣйствія, народъ слушалъ пѣсни о дѣяніяхъ боговъ и стародавнихъ героевъ; при похоронныхъ обрядахъ и тризнахъ дѣло также не обходилось безъ сказаній о прадѣдахъ. Пѣвецъ не столько изобрѣтатель, сколько блюститель былевого клада; стоя въ сферѣ духа народнаго, онъ самъ подвластенъ его настроенію; онъ хранитъ въ памяти только то что сообразно съ послѣднимъ, онъ только развиваетъ далѣе ростки, коренящіеся въ душѣ народа. Онъ — Віаса, то-есть урядчикъ и собиратель, или же — Самаса, который уже вольнѣе озираетъ всю наличность былинъ и художественно ее обработываетъ, совчиняетъ и излагаетъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ эпическихъ сборниковъ дошло до насъ и то, и другое, — простые, чисто народные, краткіе сравнительно разсказы, и рядомъ съ ними — богатѣйшая и художественнѣйшая обработка былинъ, гдѣ поэтическое искусство сознаётъ уже и силу свою, и задачу, очевидно стремясь произвесть впечатлѣніе прекраснаго, какъ обдуманнымъ расчлененіемъ въ цѣломъ, такъ и изяществомъ рѣчи въ отдѣльныхъ частяхъ.

Многое напоминаетъ здѣсь гомеровскія пѣснопѣнія, и прежде всего боги. Они пріобрѣли теперь человѣческій обликъ и, въ своемъ участіи къ человѣческимъ событіямъ, сами наживаютъ себѣ собственную исторію. Образъ человѣка не загроможденъ еще множествомъ головъ и рукъ или прибо-

ромъ слоновьихъ хоботовъ и символическихъ аттрибутовъ позднѣйшаго времени, но полонъ величія и граціи, въ блескѣ вѣчной юности, которая не даетъ даже и вѣнкамъ блекнуть на головѣ боговъ, тогда какъ свѣтлая природа небожителей не дозволяетъ тѣламъ ихъ даже бросать отъ себя тѣни; глаза ихъ не мигаютъ, но всегда ясно и открыто смотрятъ на весь міръ, и ноги не нуждаются въ твердой почвѣ, такъ-какъ не подлежа закону тяжести, божества вольноподвижно парятъ и рѣютъ съ быстротою мысли. Они вступаютъ въ общеніе съ людьми; герои, богатыри — сыновья ихъ и прямо восходятъ къ нимъ на небо. Преимущественно упоминаются четыре міроблюстителя, Индра—господь неба, Агни—первый огневладыка на землѣ, потомъ Варуна, который однако со всеобъемлющаго небеснаго свода теперь низошелъ уже къ землеобъемлющему морю и сталъ его властителемъ, и наконецъ Яма, царь преисподней и усопшихъ. Рядомъ съ ними особенно выступаетъ богъ солнца, а за тѣмъ священная рѣка, Ганга (Гангъ), олицетворяется въ образѣ дѣвы и вмѣстѣ матери разселившагося по ней народа. Дружинниками и слугами Индры являются Гандгарвы и Апсарасы; они помогаютъ ему въ бою, они же его пѣвцы и музыканты; вѣтры и свѣтлыя облака Ведъ, — вотъ естественная основа на которой они построились.

Но и человѣческій міръ напоминаетъ собой гомеровское богатырство. Юношеская свѣжесть ощущенія, правда общечеловѣческаго существа, сердцебіеніе здоровой природы обвѣваютъ насъ сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, и не смотря на многое, что намъ въ нихъ чуждо, находятъ себѣ и теперь еще отголосокъ въ каждой чистой, поэтически настроенной душѣ. Самосильная личность обыкновенно рѣшаетъ здѣсь все дѣло; она заявляетъ себя въ борьбѣ, она пользуется честью и славою; страсти могучи, и гдѣ не сдерживаются онѣ волею, тамъ приводитъ ихъ къ сознанію нравственнаго міропорядка слѣдующая за ними по пятамъ напасть. Благочестивое чувство признаётъ что небожители любятъ и чествуютъ того, кто самъ ихъ любитъ и чествуетъ. Жена—многочтимая подруга мужа, въ ней похваляется преданная кротость и чистота души. Жизнь мужчины — слава, и кто смѣло идетъ навстрѣчу ей въ войнѣ, тотъ соединяется по смерти съ богомъ браней. Когда вступаютъ въ бой богатыри, отличные по силѣ и умѣнью владѣть оружіемъ, тогда другіе только смотрятъ на нихъ, предоставляя имъ развѣдываться однимъ; законъ чести требуетъ чтобы ни на одного изъ сражающихся не нападалъ сзади третій, чтобы ни кто не убивалъ безоружнаго, чтобы ни кто палицей не ударялъ ниже пупка; но другъ старается выручить друга въ опасности, воинъ, подмятый врагомъ, силится лишить жизни свидѣтеля своей неудачи и когда дѣло дойдетъ до крайности одинъ готовъ даже раздробить другому ноги. Подобно тому какъ въ Иліадѣ или на египетскихъ и ассирійскихъ рельефахъ, воеводы и здѣсь пускаются въ бой на ратныхъ колесницахъ, какъ скоро поданъ знакъ къ нападенію игрой въ раковинные рога и барабаннымъ боемъ. Они напередъ пускаютъ стрѣлы и оказываются при этомъ мѣткими до такой степени, что попадаютъ налету въ брошенное въ нихъ копье и расщепляютъ его на части. Потомъ спрыгиваютъ они съ колесницъ и обнажаютъ мечи, а когда изрубятъ другъ другу щиты въ дребезги, то бросаются въ рукопашную или дерутся кованными мѣдью палицами. Отъ духовнаго или тѣлеснаго превосходства какого-

нибудь Кришны, Бгишмы или Карны зависитъ окончательный исходъ войны, точно такъ же какъ отъ Одиссея, Аякса или Ахилла у Грековъ.

За историческую основу Магабгараты можно по всей вѣроятности принять слѣдующее. По Джамунѣ (Джемнѣ) и верховью Ганга Бгарата основалъ большую монархію. Впослѣдствіи на тронъ ея восходитъ въ лицѣ Куру новая династія; съ потомками его родъ Панду начинаетъ борьбу за господство, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастіемъ до паденія Куруевцевъ. Но въ историческое это событіе вплетены и древнѣйшія еще воспоминанья, и тутъ выходитъ повидимому отношеніе въ родѣ того, какое замѣчается между нижненѣмецкимъ Дитрекомъ и Теодорихомъ, или же каково сліяніе этого короля Готовъ съ Аттилой. Въ Индіи шла тогда усобица, стало-быть братоубійственная борьба. Поэтому эпосъ говоритъ что у Сантану было двое сыновей, Дритараштра и Панду. Старшій былъ слѣпъ, оттого царство досталось младшему. У Дритараштры родится сынъ, Дурьіодгана, который по смерти дяди, Панду, захватываетъ власть, тогда какъ сынъ послѣдняго, Юдгиштгира, съ братьями подростаетъ между тѣмъ въ лѣсу; возмужавъ, онъ добываетъ себѣ въ жены Драупади, дочь Панчальскаго владыки, а за тѣмъ требуетъ и получаетъ свою долю царства. Дурьіодгана удерживаетъ за собой царскую столицу въ Гастинапурѣ на верхнемъ Гангѣ, тогда какъ дѣти Панду основываютъ Индинапрасту при Джамунѣ. Роковая игра въ зернь ведетъ соперниковъ къ борьбѣ за единовластіе, и родъ Панду восходитъ наконецъ на гастинапурскій престолъ. Древнѣйшія части поэмы очевидно еще на сторонѣ Куруевцевъ, а другія, писанныя по утвержденіи власти Пандуевцевъ, стоятъ уже за послѣднихъ. Быть-можетъ, благодаря этому, въ первобытной формѣ поэмы высказывалась та равномѣрная любовь къ великому и прекрасному въ обѣихъ ратяхъ, которою такъ удивляетъ насъ Гомеръ въ отношеніи къ Ахейцамъ и Троянцамъ.

Повѣствованіе стало эпосомъ, слившись съ сказаніями о богахъ. Карна, эта Ахиллесовская или Зигфридовская фигура, не что иное какъ сынъ бога-солнца, въ чьей судьбѣ явно отзывается солнечный миѳъ. Имя Арджуны было вѣдь сначала прозвищемъ Индры; о тѣхъ самыхъ битвахъ съ бѣсами, которыя эпосъ приписываетъ этому богатырю, одинъ браманъ повѣствуетъ какъ о подвигахъ упомянутаго сейчасъ бога. Дѣдомъ обоихъ враждующихъ царей выводится очеловѣчившійся богъ, Бишма, который ищетъ руки прекрасной Сатьявати для Сантану, а когда по кончинѣ послѣдняго умираютъ и оба его сына, то Бишма вызываетъ чадородіе у молодыхъ ихъ вдовъ. Былина о рожденіи Бишмы повѣствуетъ что къ Пратину-князю, когда онъ стоялъ на молитвѣ, вышла вдругъ изъ струй Ганга очаровательная дѣвушка, которую онъ и выбралъ въ жены сыну своему, Сантану; она отдалась ему съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ никогда не спрашивалъ объ ея имени и ни въ чемъ ей не перечилъ. Они живутъ въ небесномъ блаженствѣ; только однимъ глубоко возмущается супругъ: какъ скоро красавица родитъ ребенка, она тотчасъ же несетъ его къ водѣ, и съ словами: «Люблю тебя» бросаетъ его въ рѣку. Когда родился осьмой сынъ, царь не вытерпѣлъ, и говоритъ: «Этого не убивай! Кто ты такое, что можешь губить собственныхъ дѣтей?» Жена на это отвѣчаетъ: «Ребенокъ этотъ при тебѣ и останется, но зато

«меня ты лишишься. Я богиня Ганга.» По одному заклятію Васишты, сына Варуны, геніи свѣта, Вазу, должны были родиться людьми; для этого-то рѣчная богиня и обручилась царю Сантану, принявъ на себя человѣческій образъ; каждый ребенокъ ея былъ Вазу, она бросала всѣхъ въ рѣку, чтобы не отлучать ихъ надолго отъ божескаго міра; но осьмой, которому каждый изъ его братьевъ предоставилъ часть своего существа, былъ сохранившійся, Бгишму, воплощеніе Діу или Дью, уже знакомаго намъ свѣтлаго бога неба первобытной эпохи (подобно германскому Ціу, подобно Зевсу и Юпитеру). Онъ хотѣлъ остаться безбрачнымъ, но сыновья, которыхъ онъ несмотря на то породилъ, привязывали его къ земному міру до тѣхъ поръ пока наконецъ весь родъ его не погибъ вмѣстѣ съ нимъ въ кровавой брани; какъ для него, такъ и для нихъ смерть была только желаннымъ возвратомъ, освобожденіемъ божественнаго духа отъ земныхъ узъ. Вся поэма опирается на эту миѳологическую основу, въ которой впервые величаво высказалась свойственная Индійству глубокомысленная идея: божественное начало, духъ, обреченъ здѣсь на землѣ томиться въ оковахъ плоти, конечности, выдерживать борьбу и страдать; смерть есть освобожденіе, вступленіе въ область настоящей жизни. Арджуна, Юдгиштгира, Бгима именуются еще сыновьями Индры, Дгармы, бога справедливости, Ваюса, бога вѣтровъ. Кришна, сынъ пастуха, такъ же представлялъ хитрость и скрытность у Индійцевъ, какъ Іаковъ у Израильтянъ: онъ не столько гонится за честью и правдою; но чѣмъ болѣе привыкали впослѣдствіи ставить умственную силу выше тѣлесной, тѣмъ болѣе возростало его значеніе, пока онъ не переработался въ воплощеніе Вишну и не сталъ наконецъ народнымъ героемъ позднѣйшаго времени.

Поэма начинается тѣмъ что Юдгиштгиру съ братьями Арджуной и Бгимой торжественно угощаетъ у себя Дурьюдгана; между ними заводится игра въ зернь, и, увлеченный ею, Юдгиштгира проигрываетъ свою долю въ царствѣ, своихъ братьевъ, самого себя, и, не смотря ни на какіе отговоры, ставитъ наконецъ общую ему съ братьями жену, Драупади, съ тѣмъ чтобы и она сдѣлалась рабой выигравшаго. Братъ Дурьюдганы, Духсасана, извѣщаетъ жертву о постигшемъ ее жребіи, и когда она въ томъ сомнѣвается, онъ хватаетъ ее за черныя кудри и втаскиваетъ въ гостиную. Тутъ старикъ Бишма подымаетъ вопль и говоритъ, что близко уже паденіе ихъ дома, когда Куруевецъ тащитъ за волосы женщину. Пандуевцамъ же видъ плачущей былъ тяжеле утраты царства и своей собственной свободы. Драупади спрашиваетъ Бишму, почтеннаго старшину рода, умѣющаго отличить правду отъ неправды, и никогда не дозволяющаго себѣ лжи, въ правѣ ли былъ Юдгиштгира, самъ сдѣлавшись уже рабомъ, считать что-нибудь своей собственностью и проставить ее въ зернь; старикъ отрицаетъ это, но объявляетъ положительно что жена во всякомъ случаѣ обязана слѣдовать за мужемъ. Однакожь царь Дурьюдгана отпускаетъ ее и обѣщаетъ исполнить одну ея просьбу, а она молитъ объ освобожденіи Пандуевцевъ. Царь соглашается, съ тѣмъ только условіемъ чтобъ Юдгиштгира, посягавшій на его тронъ, провелъ съ братьями тринадцать лѣтъ въ лѣсной пустыни. Вотъ какимъ драматически-живымъ вступленіемъ начинается поэма, подобно Иліадѣ.

Къ ссыльнымъ приходятъ подстрекать ихъ на борьбу сосѣдніе владѣтели, и рѣчь за всѣхъ прочихъ ведетъ тутъ Кришна. Но Юдгиштгира поклялся не возвращаться домой тринадцать лѣтъ, а ложь, клятвопреступничество именуется въ Ведахъ тягчайшимъ изъ прегрѣшеній. Но софистъ приводитъ другое изреченіе священныхъ книгъ, гдѣ сказано: «Одинъ день нужды и печали идетъ за цѣлый годъ»; стало-быть положенный срокъ давно уже вышелъ. Притомъ Дурьіодгана выигрывалъ сплошь каждый разъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности онъ игралъ нечисто. Да Юдгиштгира и долженъ овладѣть принадлежащимъ ему престоломъ, такъ-какъ вѣдь отецъ его, Панду, былъ царемъ. Кришну посылаютъ объявить Куруевцамъ размирье. Тамъ Бишма, одинаково заботясь о благѣ всѣхъ своихъ внуковъ, увѣщеваетъ ихъ не враждовать, чтобы не вышла для всѣхъ пагубная усобица; но отважный Карна видитъ старческую слабость въ этомъ мнѣніи, совѣтовавшемъ смягчить вызовъ уступкою. Въ сильной перебранкѣ, какъ Ахиллъ съ Агамемнономъ, Карна и Бишма хвалятся другъ передъ другомъ своими дѣлами; старшій находитъ неблагороднымъ, достойнымъ «кучерского сына», что молокососъ хвастаетъ своими будущими еще подвигами, а Карна отвѣчаетъ на это что онъ никогда болѣе не пойдетъ на бой вмѣстѣ съ Бишмою, да увѣдаютъ народы, на что каждый изъ двухъ способенъ самъ по себѣ.

Я буду спокойно сидѣть въ шатрѣ своемъ, когда врагъ нагрянетъ на васъ въ полѣ,
Пока ко мнѣ, кучерскому сыну, не прійдетъ молить о помощи сынъ царей,
Самъ Дурьіодгана, во всемъ своемъ царскомъ убранствѣ, Куруевецъ!

Начинается бой и длится десять дней все еще нерѣшительно. Ни одинъ изъ бьющихся князей еще не палъ, сколько ни совершили они подвиговъ, какими ни покрылись кровавыми ранами, какъ розовые кусты цвѣтомъ лѣтнею порой. Картины сраженій очень живы, видно что поэты отъ души сочувствуютъ боевой схваткѣ. Своеобразно здѣсь участіе слоновъ, то затаптывающихъ непріятельскія дружины, то въ остервенѣніи нападающихъ другъ на друга. Есть потрясающіе эпизоды; такова напримѣръ смерть сына Арджуны, прекраснаго юноши Асиманью, который прорвалъ-было строй Куруевцевъ, но потомъ, когда ряды ихъ сомкнулись снова, былъ отрѣзанъ отъ своихъ и одинъ среди непріятельскаго войска палъ передъ натискомъ несмѣтной толпы, къ общему сожалѣнію друзей и нѣдруговъ. Въ ночь десятаго дня Юдгиштгира отчаевается въ возможности побѣды надъ могучимъ Бишмою. Тогда Кришна совѣтуетъ прибѣгнуть къ хитрости. Пусть Бишма уклонится отъ боя съ Сихандиномъ, котораго онъ будто бы считаетъ за женщину. Дѣло въ томъ что прежде онъ похитилъ для младшихъ своихъ братьевъ двухъ казійскихъ царевенъ, но отпустилъ потомъ старшую, Амбу, помолвленную съ княземъ Сальвы. А женихъ отвергъ ее, и напрасно бился за нее Рама цѣлые дни съ виновникомъ горькой ея доли, Бишмою; тогда она сожгла сама себя и возродилась опять дочерью царя Друпада, которому, напротивъ, очень хотѣлось имѣть сына, такъ что мать и кормилица выдали новорожденную за мальчика и назвали Сихандиномъ. Царь Хирандьяварма просваталъ за мнимаго юношу свою дочь; но молодая узнала послѣ брака что мужъ ея женщина, и въ отмщеніе за то Хирандьяварма пошелъ съ сильнымъ войскомъ на Сихандинова

отца. Она хотѣла уже лишить себя жизни, какъ вдругъ повстрѣчалась съ слугою бога богатствъ, Куверы, который обмѣнялся съ ней навремя пóлами, но обреченъ былъ за это своимъ богомъ оставаться женщиной до тѣхъ поръ пока Сихандинъ не падетъ въ битвѣ. Вотъ отчего Бишма и не хочетъ сразиться съ Сихандиномъ. Поэтому Кришна совѣтовалъ Арджунѣ взять Сихандиново знамя и оружіе и пронзить своими мѣткими стрѣлами старика, который ни мало не будетъ опасаться ударовъ Сихандина, почитая ихъ безвредными.

Между тѣмъ въ станѣ Куруевцевъ Дурьюдгана идетъ къ Карнѣ и проситъ его принять участіе въ бою, такъ-какъ Бишма не пойдетъ вѣдь на вражескихъ князей, также кровныхъ ему внуковъ. Карна согласенъ. Но и старый богатырь, съ своей стороны, не хочетъ оставаться дома; долго сидитъ онъ молча, и наконецъ говоритъ:

Иди себѣ царь, и спи спокойно; завтра дамъ я такую битву,
О которой люди будутъ пѣть и разсказывать пока стоитъ земля;
И ни кого не пощажу я завтра, кто ни попадись мнѣ пòдъ руку,
Обойду только Сихандина, если онъ встрѣтится мнѣ въ сраженіи.

Цѣлую ночь раздумываетъ герой о тяжкой обязанности избивать своихъ собственныхъ внуковъ, о томъ что ему, божественному, предстоитъ сражаться и умерщвлять, не встрѣчая себѣ ровнаго противника; что онъ побѣждаетъ и отцовъ и сыновей, а между тѣмъ эта жизнь томитъ его, и онъ жаждетъ отъ нея освободиться.

Когда на утро онъ протрубилъ въ свой златоукрашенный бранный рогъ, закаркали вòроны и радостно завыли волки, чуя себѣ обильную поживу мертвечиной. Старикъ кликнулъ потомъ громовымъ голосомъ:

Нынѣ вамъ храбрымъ опять отверзты ворота небесныя;
Идите тѣмъ же путемъ, которымъ шли ваши отцы и предки,
Идите въ блаженный міръ Индры и оставьте по себѣ вѣчную славу на землѣ.
Или хотите горемычно кончить жизнь дома на одрѣ болѣзни?
Истинному воину сродно умереть только въ полѣ.

И вражья рать всколебалась передъ нимъ какъ морскія волны передъ бурею. Но на другомъ крылѣ побѣдоносно бьются Пандуевцы, благодаря силѣ Бгимы и стрѣламъ Арджуны, несущаго теперь знамя и оружіе Сихандиновы. Юдгиштгира бѣжитъ передъ Бишмою, но Сихандинъ на Арджуниной колесницѣ хочетъ противустать ему и падаетъ пораженный прямо въ сердце. Съ ужасомъ видятъ Пандуевцы паденіе того, кого они принимали за своего князя. Старый богатырь находитъ вблизи себя одного только мнимаго Сихандина, и кричитъ ему съ усмѣшкою: Цѣль въ меня какъ хочешь, ни за что не стану биться съ урожденной женщиной. При этомъ онъ отложилъ въ сторону и лукъ и стрѣлы. Но вотъ начинаетъ стрѣлять Арджуна:

Тутъ съ изумленіемъ поднялъ глаза непобѣдимый старецъ и воскликнулъ:
„Какъ рой перелетныхъ пчелъ, непрерывно снуютъ одна за другой
Шипящія стрѣлы: это стрѣлы не Сихандиновы.
Какъ изъ грозовой тучи быстро летитъ на землю молнія Индры,

Такъ мчатся и эти стрѣлы: это стрѣлы не Сихандиновы.
Какъ неудержные перуны грома вонзаются онѣ въ броню мою и въ щить,
Входятъ мнѣ прямо въ члены тѣла: это стрѣлы не Сихандиновы.
Какъ гнѣвножальныя, ядовитыя змѣи язвятъ меня эти стрѣлы
И пьютъ изъ сердца у меня кровь: это стрѣлы не Сихандиновы.
Посланные Ямою гонцы, несутъ онѣ мнѣ желанную кончину:
Это стрѣлы не Сихандиновы, это стрѣлы Арджуны».

И когда неодолимый богатырь упалъ съ высокой колесницы, выпало и оружіе изъ рукъ Куруевцевъ, и ни кто ни въ томъ, ни въ другомъ войскѣ не думалъ уже о боѣ, одни не помня себя отъ страха, другіе отъ радости. Вокругъ дѣдова трупа собирались всѣ дѣти сыновей его, Дритараштры и Панду, и онъ еще разъ вскинулъ на нихъ глазами, привѣтствовалъ ихъ и радовался что опять ихъ всѣхъ увидѣлъ. Послѣднимъ словомъ его было:

Заключите миръ, будетъ съ васъ моей смерти; прежде чѣмъ лишиться друзей,
Братьевъ, сыновей, заключите миръ; не дайте своей усобицей
Погибнуть всему племени Куру, всему высокому его роду.

Молча смотрѣли внуки на усопшаго. Дурьіодгана предложилъ Юдгиштгирѣ половину царства; тотъ отвергъ ее съ презрительной насмѣшкой, полагая что теперь достанется ему все, когда за соперниковъ не стоитъ уже ихъ щитъ и оберегатель. Сжавъ руки на груди, Дурьіодгана обходитъ трижды вправо великаго покойника и призываетъ его въ свидѣтели что не по винѣ сыновей Дритараштры изгибнетъ теперь высокій родъ.

Тутъ на первый планъ выдвигается Карна. Къ нему приходитъ Кунту, мать сыновей Панду, и проситъ чтобъ онъ наутро пощадилъ ихъ. Онъ обѣщаетъ это, исключивъ одного Арджуну. Потому-что, когда, при выборѣ Драупади мужа, Карна натянулъ тетиву на лукѣ Зерштадьюмны и хотѣлъ выстрѣлить, уже навѣрно считая невѣсту своею, она вдругъ закричала ему что не выберетъ кучерского сына, и возложила побѣдный вѣнокъ Арджунѣ на голову; тутъ Карна испросилъ у бога-солнца одной милости, чтобы пришлось ему когда-нибудь противостать сопернику въ битвѣ. Тогда Кунту объявила ему, что онъ братъ Арджунѣ, что онъ сынъ ея, что однажды богъ солнца любовно обнялъ ее еще дѣвою, что у нея родилось дитя съ его серьгами и золотымъ панцыремъ, но что она пустила его въ вощаной плетушкѣ по рѣкѣ Асвѣ, а та снесла младенца въ рѣку Гангъ, гдѣ и принялъ его къ себѣ кучеръ Азиратъ. Ребенокъ этотъ Карна. Но Карна считаетъ рѣчи ея за пустой вымыселъ. Мать отвѣчаетъ на это:

Правосудны всесильные боги, и каждому воздается по заслугамъ.
Какъ я безъ материнскаго чувства и жалости оттолкнула отъ себя ребенка,
Словно чужого, на жертву боязни и горю,
Такъ и меня теперь безъ дѣтскаго чувства и жалости
Отталкиваетъ отъ себя, какъ чужую, родной сынъ на жертву такому же бѣдствію.
Я отравила жизнь своему дѣтищу: кучерскимъ сыномъ
Никогда не добыть ему того счастія, той чести, какихъ стоитъ онъ по мужеству.
Зато и онъ теперь отравляетъ мою жизнь, и мнѣ приходится видѣть
Какъ милѣйшіе мои дѣти губятъ другъ друга словно враги въ лютомъ побоищѣ.

Карнѣ является потомъ во снѣ богъ солнца и совѣтуетъ отнюдь не уступать своего панцыря и своихъ серегъ, дѣлающихъ его неуязвимымъ, — не

уступать даже и въ томъ случаѣ, попроси его объ этомъ Индра. Карна говоритъ что никогда ни въ чемъ не откажетъ богу, и хотя бы изъ-за этого пришлось ему идти на смерть, она конечно обратится только ему въ славу. Слава дороже вѣдь жизни. Онъ всегда побѣждалъ враговъ оружіемъ и щадилъ просящихъ пощады; съ оружіемъ въ рукахъ будетъ онъ биться, хотя бы и суждено ему было пасть. Богъ солнца увѣщеваетъ его подумать о женѣ и сынѣ, и говоритъ что какъ отрадна слава живущему, такъ мертвому пріятны только цвѣты и вѣнки, которыми убираютъ его тѣло. Но если не смотря на то онъ хочетъ отдать Индрѣ лучевую броню и серьги, то пусть потребуетъ у него по крайней мѣрѣ его всегда мѣткое копье. Такъ дѣло и сдѣлалось. Индра при этомъ замѣчаетъ что копье его, молнія, тотчасъ же возвращается опять къ нему въ руку, а потому Карна можетъ бросить его всего только одинъ разъ.

Карна пробивается впередъ такъ побѣдоносно, что Юдгиштгира подымаетъ безнадежные вопли, пока наконецъ Бгима невыступилъ на поединокъ съ Карною. Какъ орелъ на змѣю бросается онъ на его колесницу, но тотъ спокойно смотритъ ему въ упоръ, схватываетъ его за шею, ломаетъ мечь его, бьетъ его лукомъ въ лицо: «Комолый волъ, застольный богатырь, «убирайся во-свояси, къ чему ты тутъ гдѣ бьются храбрые?» Помня данное матери обѣщаніе, Карна, послѣ этихъ насмѣшливыхъ словъ, отпускаетъ Бгиму живымъ на волю. Тогда Арджуна требуетъ отъ возницы своего, Кришны, чтобы онъ правилъ коней прямо на Карну. Но Кришна не соглашается пока Карна не броситъ во враговъ копья Индры, и высылаетъ на него великана Гатоткача уже подвечеръ, когда именно у гиганта начинаетъ прибывать силъ. Какъ буря съ корнемъ вырываетъ деревья, какъ слонъ затаптываетъ пажити, такъ свирѣпствуетъ силачъ противъ Куруевцевъ и готовъ ужь разможжить Асваттгамана, друга Карнина, когда послѣдній бросилъ наконецъ въ исполина страшное Индрино копье. Сверкнувъ какъ метеоръ, со свистомъ пронеслось оно по воздуху, и какъ громомъ пораженный утесъ рухнулъ великанъ на́земь, а молнія тотчасъ воротилась опять въ руку Индры. Кришна ликуетъ. Карна, въ надеждѣ на другой день сразиться съ Арджуной равнымъ оружіемъ, проситъ себѣ такого же искуснаго возницу, каковъ Кришна. Царь Дурьіодгана обращается за этимъ къ Салію, князю Мадры, который сначала оскорбился было щекотливымъ предложеніемъ, но потомъ однако согласился, съ тѣмъ чтобы ему дали полную волю говорить съ Карною. Начинается битва. Но люди и боги разступились и стали — одни справа, другіе слѣва, когда увидѣли что Кришна везетъ Арджуну, а Салія Карну. Пусть сынъ мой Арджуна побѣдитъ Карну, молвилъ Индра; нѣтъ, пусть сынъ мой Карна выйдетъ побѣдитѐлемъ, воскликнулъ богъ солнца. Но заносчивый Салія раздражилъ Карну насмѣшливыми рѣчами, такъ что вызвалъ наконецъ и у того жесткій отвѣтъ; горя местью, возница врѣзался однимъ колесомъ въ болото, и оно глубоко завязло въ то самое время какъ подъѣзжалъ къ нимъ Арджуна. Кришна замѣтилъ бѣду противника. Горячія слезы брызнули у Карны съ досады, что колесница его стала неподвижно въ самый мигъ давно-желанной встрѣчи. Онъ соскочилъ на́земь и закричалъ: Перестань стрѣлять, пока я вытащу колесо изъ тины! Но Арджуна не переставалъ. Тогда хватается за лукъ и Карна, ранитъ Арджуну въ руку, и

тотъ падаетъ безъ чувствъ. Карна не желалъ умертвить оглушеннаго и безоружнаго въ ту минуту противника; онъ хотѣлъ только высвободить колесницу, пока тотъ прійдетъ въ себя. Но Кришна вынулъ стрѣлу изъ руки Арджуны, заговорилъ рану, и въ безоружнаго теперь Карну, который обѣими руками вытаскивалъ колесо, Арджуна, по совѣту Кришны, пустилъ мѣткую стрѣлу, которая змѣинымъ жаломъ впилась въ спину противнику, такъ что герой упалъ бездыханный лицомъ на колесницу. Дурьіодгану какое-то благодѣтельное божество удалило на ту пору въ прохладныя прудовыя воды, тогда какъ весь остатокъ храброй его дружины погибъ за исключеніемъ лишь трехъ вождей. Пандуевцы подняли «львиный крикъ» и грянули побѣдныя пѣсни. Но Юдгиштгира не хотѣлъ принимать ни какихъ поздравленій, пока не отыщутъ Дурьіодгану. И когда увидѣли его въ прудѣ, то всѣ подняли на́ смѣхъ. Царь воспрянулъ тутъ отъ полусна, размахивая желѣзною палицей и готовый на битву, хотя власть уже и потеряла для него цѣну съ тѣхъ поръ какъ всѣ друзья и братья его изгибли. Онъ громко закричалъ сопернику:

Дарю тебѣ царство земли, котораго ты всегда такъ жаждалъ,
Но вызываю васъ на бой только для того чтобы остаться вѣрнымъ чести и долгу.
Одинъ одинешенекъ, безъ коней и колесницы,
Стою я противъ всѣхъ васъ, вполнѣ вооруженныхъ.
Идите жь на меня какъ недѣли идутъ на́ годъ,
А онъ поглотитъ всѣ ихъ до одной, какъ звѣзды ночи идутъ на звѣзду денную,
И всѣ передъ ней блѣднѣютъ, когда явится она, солнце, и прольетъ свой утренній свѣтъ.
А вы, славные богатыри, что пошли за меня на́ смерть,
Всѣ вы друзья и сродники, вы, вѣрные воины, которымъ нѣтъ числа,
Я отмщу за васъ; падетъ теперь отъ руки моей вся дружина Пандуевцевъ.

Но Юдгиштгира возражаетъ: Нѣтъ, бой долженъ быть равный. Ты одинъ, пусть одинъ же и выйдетъ биться съ тобой на палицахъ. А царство пусть достанется побѣдителю. Изъ Пандуевцевъ вышелъ съ палицею Бгима. Какъ рогатые быки ринулись другъ на друга герои, земля стонетъ отъ ихъ ударовъ, искры сыплются въ воздухѣ. Они отскакиваютъ вправо и влѣво чтобы избѣжать удара или поймать противника врасплохъ, сами удивляясь другъ другу, какъ будто бы они только для потѣхи хотѣли испытать свою удаль. Наконецъ палица Дурьіодганы попала мѣтко, но Бгима не колеблется; когда же самъ онъ хочетъ нанести ударъ, царь отскакиваетъ въ сторону, и глухо звеня палица ударяетъ оземь. Прежде чѣмъ Бгима вновь успѣлъ собраться съ силою, Дурьіодгана страшно поражаетъ его въ грудь; на минуту лишается онъ памяти, но съ сугубой яростью, какъ левъ на слона, бросается тотчасъ же опять на противника. Свистящій вѣтеръ поднялся отъ быстро вращаемой имъ палицы; царь опять отскочилъ и вторично угодилъ Бгимѣ въ грудь, такъ что тотъ въ крови упалъ на колѣни. Тогда Арджуна подалъ ему знакъ, ударивъ себя по бедрамъ; страшнымъ размахомъ палицы Бгима перешибъ Куруевцу обѣ бедряныя кости, и этотъ тигръ-человѣкъ какъ дубъ повалился на́земь. Съ радостнымъ блескомъ въ глазахъ Бгима наступилъ ногой на львиную голову. Пусть теперь Юдгиштгира благополучно правитъ землею, пускай царство достанется ему! воскликнулъ побѣдитель, а Дурьіодгана укорялъ слабымъ голосомъ противниковъ какъ нечестно они бились, какъ коварно и не по богатырскому обычаю одо-

лѣли Бгишму, Карну и теперь вотъ его. Онъ же умираетъ, какъ подобаетъ богатырю, на службѣ своему долгу, и отходитъ въ сопровожденіи дружины вѣрныхъ къ небожителямъ. Яркое сіяніе и громъ съ неба подтвердили его рѣчь божественнымъ знаменіемъ. Тутъ одинъ только Кришна хвалился лукавствомъ своихъ козней. Но когда и другіе вошли въ станъ непріятеля и увидѣли тамъ множество сокровищъ, то также принялись славить хитреца.

Между тѣмъ отмщеніе было уже близко. Трое уцѣлѣвшихъ богатырей Дурьіодганиной рати—Критаварманъ, Крипа и Асваттгаманъ, застали царя еще въ живыхъ. Онъ обрадовался увидѣвъ друзей невредимыми, и указалъ имъ на переходчивость всего земного, на то какъ, вмѣсто подобострастныхъ ему слугъ, онъ окруженъ теперь голодными волками, у которыхъ глаза горятъ отъ алчности. Но онъ увѣщевалъ ихъ не тужить объ немъ: онъ бился храбро и честно, и найдетъ блаженство на небѣ. Асваттгамана благословилъ онъ быть вождемъ; богатыри обняли еще разъ простертаго на землѣ Дурьіодгану и спрятались потомъ въ лѣсу. Жаждущій мести Асваттгаманъ не заснулъ ни на минуту; онъ видитъ какъ филинъ тихо опустился на дремлющую стаю воронъ и перебилъ всѣхъ одну за другою. Ночная сова указала ему путь, научила уму-разуму. Онъ разбудилъ товарищей, тайно проникли они въ станъ Пандуевцевъ и перебили сонныхъ враговъ или же побѣдоносно одолѣли очнувшихся, такъ что все пало передъ ними, и наутро въ станѣ было такъ же тихо какъ и свечера. Дурьіодгана дышалъ еще когда дошла до него вѣсть объ этомъ; онъ привѣтствовалъ храбрыхъ и заявилъ надежду съ ними свидѣться.

Такъ, подобно «Бѣдѣ-горю Нибелунговъ», и индійская пѣснь про борьбу народовъ оканчивается народной гибелью. И какъ въ германской «Кудрунѣ», находимъ мы и у Индійцевъ чудную пѣснь вѣрной любви, полную такой искренности и нѣжности чувства, такой тонкой и ясной живописи души и въ спокойномъ и въ возбужденномъ ея состояніи, полную наконецъ такого нравственнаго благородства, которыя дѣлаютъ ее настоящею жемчужиной поэзіи: это — Наль и Дамаянти. По счастію позднѣйшая переработка не хватила ея глубоко: древнія божества остались въ цѣлости, а нѣкоторыя раціоналистическія, фантастичныя и духовныя прибавки можно легко выдѣлить. Златокрылые гуси, подобно лебедямъ и лебедь-дѣвицамъ нѣмецкихъ былинъ, поютъ видарфской царевнѣ Дамаянти про царя Наля, прекраснаго какъ любой изъ Асвиновъ: единственной для ея полнаго благополучія суждено совокупиться бракомъ съ единственнымъ. Сердцемъ дѣвушки овладѣло томительное желанье, и отецъ созываетъ князей ѝзблизи и издалёка, чтобы дочь выбрала себѣ жениха. Тогда собрались въ путь и міроблюстители, то-есть четыре главныхъ божества; дорогой попадаютъ они на Наля и, дивясь блеску его красоты, поручаютъ ему, правдивому и вѣрному, справить отъ нихъ посольство къ Дамаянти и возвѣстить что на ней сватаются Индра, Агни, Варуна, Яма: пусть выберетъ она любого. Такъ-какъ онъ заранѣе обѣщалъ сослужить имъ службу, то они берутъ его за̀ слово, и хотя въ трудной борьбѣ съ самимъ собою, онъ все-таки однако исполняетъ порученіе: пусть милая, стройночленная красавица дѣлаетъ теперь какъ знаетъ. Она высказывается въ пользу Наля. И когда боги являются въ смотринную палату подъ его видомъ, она

молитъ ихъ открыть ей глаза, чтобы она вѣрно узнала своего возлюбленнаго Боги дарятъ ее свадебными подарками, а Наль обѣщаетъ дорогой супругѣ всегда высоко чтить ея слово и не отступаться отъ нея никогда. Но демонъ зависти, Кали, умышляетъ зло на счастливца. Древней пѣснѣ достаточно одной опасности счастія, чтобъ объяснить себѣ какъ въ подобныхъ случаяхъ страсть демонически овладѣваетъ человѣкомъ; только позднѣйшее уже браманство подвернуло тутъ нелѣпый мотивъ изъ обрядовыхъ правилъ внѣшней опрятности: по его словамъ Кали пріобрѣлъ надъ Налемъ силу оттого, что послѣдній однажды ступилъ на оскверненную мочею землю. Наль предается страстной игрѣ; тщетно остерегаютъ его друзья, государственные думцы, его собственный возница; тщетно Дамаянти напоминаетъ ему обѣтъ высоко чтить слова ея. Онъ по прежнему ведетъ игру. Тогда она отсылаетъ дѣтей съ возницей къ своимъ родителямъ. Проигравъ свое царство, Наль не хочетъ однакожь пустить на ставку и жену; онъ снимаетъ съ себя царское убранство и покидаетъ чертоги. Молча слѣдуетъ за нимъ Дамаянти въ дикую пустыню, и дѣлится съ нимъ своей одеждою, такъ что они идутъ подъ однимъ плащемъ. Онъ указываетъ ей путь къ чертогамъ ея родителей; а она съ трепещущимъ сердцемъ и задыхаясь отъ слезъ говоритъ:

О царь, когда ты утомленъ, о мужъ, когда ты голодаешь
И тужишь здѣсь въ лѣсу о счастіи быломъ,
Дозволь мнѣ быть тебѣ помощницей, утѣхой.
Для скорбнаго нѣтъ у врачей лѣкарства лучше
Какъ крѣпко вѣрная, любимая жена *.

Дамаянти какъ-то разъ уснула въ лѣсу, и Налю пришло въ голову, что оставаясь при немъ долѣе она непремѣнно погибнетъ, а когда увидитъ себя вполнѣ одинокою, то конечно воротится къ матери и къ отцу; онъ и покидаетъ ее съ половиной платья. Глубоко трогателенъ плачъ покинутой, когда она проснулась, — плачъ не о себѣ, а по мужѣ, который обѣщалъ никогда съ ней не разставаться. Змѣя обвиваетъ ее своими кольцами; охотникъ, умертвивъ чудовище, воспламеняется къ ней сильной страстью, но пораженный какъ молніей словомъ чистой жены падаетъ безъ чувствъ наземь. Она распрашиваетъ о Налѣ у тигра, у высокой, дальнозоркой горы, и пристаетъ потомъ къ проходящему каравану. Ночью ворвалось въ него опустошительно дикое стадо слоновъ, и караванный людъ прогоняетъ Дамаянти какъ грѣшницу, виновницу этого несчастья. Пустынники предсказываютъ ей возвратъ утраченнаго счастья, и дерево Асока — имя это значитъ «безпечальное» — тотчасъ зацвѣтаетъ лишь только она къ нему прикоснулась и попросила его подать знакъ что оно освободитъ ее отъ печали. Она нанимается въ служанки къ царицѣ Джедійской, не переставая раздумывать въ тиши о Налѣ, внушая къ себѣ полное довѣріе и сіяя прелестью въ плохой своей одеждѣ какъ полный мѣсяцъ свѣтитъ изъ-за тучъ.

---

* Напомнимъ читателю прекрасный вольный переводъ Жуковскаго; мы не воспользовались имъ только потому, что онъ представляетъ нѣкоторыя отступленія. Прим. Перев.

Между тѣмъ Наль блуждаетъ какъ помѣшанный и приходитъ къ огненному валу, откуда кто-то зоветъ его по имени. Безстрашно проникаетъ онъ въ этотъ валъ и спасаетъ змѣинаго князя Каркотаку; ужалъ послѣдняго обращается въ муку демону овладѣвшему Налемъ, и придаетъ такой гнусный видъ самому Налю что нѣтъ возможности узнать его. Наль, говоритъ онъ, долженъ наняться въ возницы къ царю Ритупарну; тотъ надѣлитъ его искусствомъ чиселъ, посредствомъ котораго онъ добудетъ опять и царство, и жену. Въ прохожденіи сквозь огонь вижу я символъ внутренняго очищенія, все многоскорбное странствіе Наля имѣетъ прямо этотъ смыслъ; онъ теряетъ внѣшнюю красоту, потому что утратилъ внутреннюю; не съумѣвъ совладѣть самъ съ собою, онъ долженъ слушаться другихъ; самоуниженіемъ и добровольной службой онъ достигаетъ самовозвышенія. Въ видѣ кучера Вагуки думаетъ онъ о вѣрной женѣ своей, и когда все стихнетъ въ ночную пору, онъ поетъ:

Гдѣ-то она, благодушная, терпитъ голодъ, жажду, истому?
Помнитъ ли мужа безумнаго, иль преклонилась къ другому?

Тѣмъ временемъ отецъ Дамаянти разсылаетъ гонцовъ за ней и за Налемъ. Одинъ изъ нихъ узнаетъ ее блѣдную и худую въ свитѣ Джедійской царицы и раздумываетъ самъ съ собой:

Я нѣкогда видѣлъ красавицу круглолицею какъ полный мѣсяцъ,
Она все освѣщала своей прелестью, какъ Сри, богиня счастья;
Теперь она не то; она свѣтитъ какъ тонкій серпъ молодого мѣсяца
Изъ-за гряды темныхъ облаковъ, — какъ нѣжная, бѣлая лилія,
На которую въ чистомъ прудѣ незапно упадетъ лучъ солнца.

Такъ Дамаянти пришла наконецъ къ родителямъ. И все помышляя о Налѣ, разослала она гонцовъ пѣть по дорогамъ пѣсню объ игрокѣ, покинувшемъ жену полуодѣтою, чтобъ попытать, не сжалится ли онъ надъ ея слезами. При дворѣ Ритупарна возница со вздохомъ говоритъ одному изъ такихъ посланцевъ:

Да, благородныя жены, какая ни дайся имъ доля,
Добрыя, неба достойныя, сами себя охранятъ.
Не ропщутъ онѣ и тогда, когда мужъ ихъ внезапно покинетъ,
Доблести свѣтлымъ щитомъ боронятся отъ жизненныхъ бѣдъ.
А эта, что спящей въ лѣсу горемыка бездольный оставилъ,
Попрежнему любитъ его, не помня ни зла, ни обидъ.
Помня одно: что онъ мужъ, лишенъ царства, и бѣдствуетъ тяжко.

Со слезами узнала объ этомъ Дамаянти, и задумала прибѣгнуть къ хитрости, велѣвъ доложить царю Ритупарну, что такъ-какъ Наль безвѣсти пропалъ, то она на слѣдующій же день намѣрена избрать себѣ другого мужа. Наль обѣщалъ непремѣнно поспѣть въ однѣ сутки. Прибѣгаютъ къ помощи бывшаго Налева возницы, Варшнейи, который изъ-дали узнаетъ барина по ѣздѣ. Кони мчатся какъ вихрь, такъ что приводятъ въ удивленіе царя Ритупарна; за то чтобъ Наль обучилъ его колесничному ристанію, онъ обѣщаетъ сообщить ему свое счетное искусство, благодаря которому всякъ тотчасъ же можетъ сказать, сколько плодовъ на каждомъ деревѣ. Какъ скоро

Налю далось искусство числъ, злой духъ трепеща уходитъ изъ его тѣла: сила мѣры изгоняетъ страсть или по крайней мѣрѣ сдерживаетъ ее въ предѣлахъ. Кали при этомъ говоритъ, что самъ онъ выстрадалъ все то что претерпѣла Дамаянти, что проклятіе ея легло на него тяжкой карою: злой человѣкъ во вредъ самому себѣ дѣлаетъ все худо, причиняемое имъ другимъ.

Ввечеру заржали кони Наля, тѣ самые, на которыхъ Варшнейя привезъ нѣкогда Дамаянтиныхъ дѣтей къ ея родителямъ; самой Дамаянти послышался стукъ колесъ, отдаленный гулъ колесницы, и сердце у ней запрыгало отъ радости: это онъ, царь мужей, ея Наль! Она вовѣкъ не видала отъ него ни какой обиды, онъ ни чѣмъ ея не оскорблялъ, онъ всегда былъ такъ добръ и благороденъ! Но когда подъѣхалъ Ритупарнъ, она озабоченно смотритъ съ крыши дома, видитъ мужа и не узнаетъ. Но развѣ можетъ кто-нибудь другой ѣхать такъ быстро? Не ужели онъ и есть тотъ невзрачный возница, котораго она сейчасъ видѣла? Она велитъ повторить Налю слова посыланнаго ей гонца, тогда и Наль повторяетъ сквозь слезъ отвѣтъ свой. Дамаянти приказываетъ слѣдить за всѣмъ что онъ дѣлаетъ. Тѣсныя и низкія ворота раздаются передъ нимъ въ ширину и въ вышину; взглянетъ онъ на горшки, — они сами наполняются водою, лишь только броситъ соломы на дрова, — пламя такъ отъ нихъ и пышетъ. Все это міроблюстители ниспослали Налю въ видѣ свадебныхъ даровъ. Жена отвѣдываетъ зажареннаго имъ мяса, и по вкусу узнаетъ здѣсь опять его. Она велитъ свести къ нему дѣтей своихъ. Онъ обнимаетъ ихъ съ громкимъ рыданіемъ, но все еще старается скрыть настоящее свое имя. Тогда Дамаянти послала за нимъ самимъ и предстала ему въ половинѣ плаща, такъ именно, какъ онъ ее покинулъ. Тутъ ужь онъ не выдержалъ, сознался въ своей одуряющей страсти, въ своей непростительной винѣ, но въ тотъ же мигъ почувствовалъ себя чистымъ, обезгрѣшеннымъ, свободнымъ отъ всякаго страданія, и полный любви бросился къ супругѣ. Въ ея объятіяхъ воротилась къ нему прежняя краса, и не помня себя отъ радости прижалъ онъ Дамаянти къ сердцу. Обладая искусствомъ чиселъ (и сталобыть чудеснымъ мастерствомъ въ игрѣ), онъ отъигралъ опять свое царство, и оба, искушенные бѣдствіемъ, зажили съ тѣхъ поръ блаженно какъ боги.

Мы готовы согласиться съ А. В. Шлегелемъ что поэма эта несравненна по своему паѳосу и нравственному характеру, по неодолимой силѣ страсти, по высотѣ и нѣжности сердечныхъ чувствъ. Настоящая природная поэзія соединена здѣсь съ художественною выработкой какъ въ подробностяхъ, такъ и въ цѣломъ. Здѣсь встрѣчаемъ мы ту чистую, благородную трогательность, которая возбуждается однимъ лишь вполнѣ изящнымъ; здѣсь разрѣшаются всѣ противоположности, и любовь выходитъ основою и связью всего въ мірѣ, торжествомъ гармоніи въ торжествѣ нравственнаго духа. Даже въ сказочно-наивномъ элементѣ лежитъ истинно-высокій смыслъ, фантастически чудесное сразу выдаетъ въ себѣ поэтическую оболочку глубокой думы, и поэтъ, нигдѣ не выдвигаясь впередъ, съумѣлъ однако пропитать все свое созданіе теплой искренностью личнаго чувства, такъ что задушевная прелесть поэмы невольно увлекаетъ всѣ сердца.

Милую картину могущества любви представляетъ еще и небольшой разсказъ о Ришіасрнгѣ. Это благочестивый мальчикъ, ученикъ одного покаян-

ника; удастся выманить его изъ лѣсного скита въ городъ, тогда небо ниспошлетъ странѣ желанный дождь. Но ни одна дѣвочка не рѣшается идти туда, кромѣ самой царской дочки. Милому дитятѣ снарядили корабликъ изъ цвѣтовъ и древесныхъ вѣтвей, и оно пустилось на немъ въ темный лѣсъ къ отшельнику. Ришіасринга встрѣтилъ дѣвочку благоговѣйнымъ поклономъ и хотѣлъ-было молиться ей какъ небесной гостьѣ; но Санта ухватила робкаго мальчика за шею, обняла и поцаловала его отъ души. А потомъ ушла опять на свой корабликъ. Мальчикъ разсказываетъ возвратившемуся отцу:

Былъ здѣсь безъ тебя школьникъ съ заплетенными волосками и такой бѣлолицый,
Глазки черные, ротикъ улыбается, а самъ тоненькій и крутогрудый;
Онъ говорилъ такимъ милымъ голоскомъ, словно птичка Кокила поетъ въ маѣ,
И отъ него пахло такъ чудесно, какъ будто бы вѣялъ весенній вѣтерокъ;
Онъ не ѣлъ нашихъ плодовъ и не хотѣлъ пить изъ нашего источника,
Онъ далъ мнѣ другихъ плодовъ, удивительно вкусныхъ, и своего питья,
Такого чудеснаго, что лишь только я его хлебнулъ, земля заходила у меня подъ ногами.
Потомъ мальчикъ взялъ меня за волосы, притянулъ къ себѣ мою голову,
Приложилъ свой ротикъ къ моему и какъ-то тихонько чмокнулъ:
Повѣришь, у меня отъ этого пробѣжала дрожь по всему тѣлу.
Теперь такъ и тянетъ меня къ этому школьнику; гдѣ онъ, тамъ бы быть и мнѣ;
И тяжело у меня на сердцѣ съ тѣхъ поръ что я его не вижу.
Вотъ то покаяніе, какому выучился этотъ мальчикъ, ужь подлинно пришлось мнѣ по нраву;
Оно гораздо лучше того, какому ты училъ меня, батюшка.

Отецъ предостерегаетъ сына отъ злыхъ духовъ въ соблазнительномъ образѣ, и раздраженный пускается отыскивать непрошенную гостью. Въ это самое время маленькая царевна явилась опять, Ришіасринга сѣлъ съ ней на корабликъ и уплылъ; а какъ только ступилъ онъ на берегъ, полился желанный дождь, и царь отдалъ за него дочку. Между тѣмъ, внѣ себя отъ гнѣва, спѣшитъ къ нимъ старый отшельникъ. Но, встрѣчая вездѣ веселыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ, благословляющихъ Ришіасрингу за свое счастіе, онъ не безъ удовольствія прислушивается къ ихъ хвалебнымъ кликамъ, гнѣвъ его понемногу стихаетъ; а когда онъ наконецъ увидѣлъ сына и красу-дѣвицу въ полномъ блаженствѣ, то ему было уже не до проклятій, и онъ только поднялъ руки на благословеніе счастливой четѣ.

Содержаніемъ Рамаяны являются уже не ссоры Индійцевъ между собою, но распространеніе ихъ среди первобытныхъ туземцевъ далѣе на югъ и борьбы съ послѣдними. Подвиги Рамы отнесены къ эпохѣ предшествующей великимъ междоусобіямъ, но изложеніе носитъ на себѣ не столь древній отпечатокъ, какимъ отличается первоначальная поэма — Магабгарата. Предметъ пѣснопѣнія лежитъ гораздо дальше; фантазія поэта изъ всѣхъ неарійскихъ племенъ подѣлала ужь просто обезьянъ и великановъ; подвиги совершаются чудесными оружіемъ, удальство и молодечество въ бою являются не изъ-за самихъ себя, а явно уже на службу религіозному долгу: преданность, послушаніе, готовность на жертвы значатъ болѣе нежели богатырская отвага и самонадѣянность. Пробудились уже кротость и созерцательность настоящаго Индійства, древнія были излагаются уже въ духѣ миролюбиваго настроенія, и обѣ эпопеи чуть ли не на столько же между собою разнятся, какъ Парсиваль и былина о св. Чашѣ отъ пѣсни про Нибелунговъ. Мало этого: А. Веберъ видитъ въСитѣ прямое обоготвореніе полевой борозды, а въ Рамѣ — плуго-

посца, въ обоихъ стало-быть — олицетвореніе событій и состояній, связанныхъ съ усильнымъ разносомъ индійскаго земледѣлія и съ обороною его отъ набѣговъ туземныхъ дикарей.

Рамаяна задумана и выполнена по предначертанному плану опытнымъ въ искусствѣ поэтомъ, Вальмики, а позднѣйшія за тѣмъ приставки довольно легко въ ней распознать; такова напримѣръ вся первая пѣснь, представляющая Раму воплощеніемъ Вишну. Древняя поэма начинается съ того, что отецъ Рамы, Дасарата, хочетъ назначить его своимъ наслѣдникомъ на престолѣ Айоды (Ауда). У царя было три жены, — Каусалья, Сумитра, Кейкея, и отъ каждой по одному сыну, — Рама, Лакшмана, Бгарата. Однажды Кейкея выручила его изъ страшной боевой схватки и исцѣлила отъ ранъ; за это онъ далъ обѣтъ выполнить двѣ ея просьбы. Горбунья невольница подстрекаетъ Кейкею воспользоваться этимъ обѣщаніемъ и требовать чтобы на царство поставленъ былъ ея сынъ, а Рама изгнанъ. И здѣсь уже удачно переданы живописью внутреннихъ чувствъ — вначалѣ сопротивленіе царицы, потомъ проникающее въ душу ея убѣжденіе, и наконецъ совершенная перемѣна ея мыслей. Картина становится еще ярче, когда царь находитъ Кейкею лежащею безъ всякаго убранства какъ вырванный цвѣтокъ на голой землѣ, спрашиваетъ о причинѣ ея скорби, снова обѣщаетъ ей исполненіе всѣхъ желаній, клянясь при этомъ головою Рамы, безъ котораго вѣдь не прожить ему и одного дня, и тогда только узнаетъ предметъ роковой ея просьбы. Какъ срубленое дерево, какъ заговоренная змѣя царь повалился наземь и сталъ умолять жену сжалиться надъ нимъ несчастнымъ. Чтò сдѣлалъ ей Рама, этотъ чистый, столько же кроткій какъ и храбрый, покорный, благочестивый юноша? Скорѣе свѣтъ можетъ жить безъ солнца и рисъ рости безъ воды, чѣмъ ему обойдтись безъ Рамы; да притомъ назначеніе его уже объявлено. Холодно отвѣчаетъ она ему, что онъ все-таки обязанъ сдержать слово.

На другое утро все готово для предположеннаго торжества, нѣтъ только самого государя. Возница подходитъ къ его ложу и говоритъ неподвижному:

Какъ океанъ радуется восходящему свѣтилу дня,
Такъ и ты царь, самъ радостный, порадуй насъ своимъ лицезрѣньемъ.
Какъ лучезарный богъ солнца будитъ рано утромъ
Высокую носительницу существъ, землю, такъ и я бужу тебя, о царь.

Тутъ узнаётъ онъ о случившемся и призываетъ Раму. Когда тотъ идетъ въ чертогъ къ отцу, народъ бросаетъ ему цвѣты по дорогѣ, заранѣе поздравляя себя съ доблестнымъ владыкой. Онъ находитъ отца въ безмолвной горести, и на вопросъ Кейкеи, исполнитъ ли онъ то чтó обѣщалъ ей Дасарата, говоритъ что готовъ идти за него въ огонь, и узнавъ что ему предназначается не тронъ, а изгнаніе, почитаетъ священнѣйшею обязанностью исполнить родительскую волю; онъ желаетъ подражать древнимъ мудрецамъ, и за земными благами не гонится. Онъ утѣшаетъ родную мать свою, которая пришла-было съ радостною надеждой поздравить его царемъ. Но братъ Лакшмана не хочетъ и слышать, чтобъ Рама покорился судьбѣ своей. Можетъ ли быть волею боговъ, говоритъ онъ, чтобы владычествовалъ худ-

шій, а лучшій скитался по лѣсамъ? Это одно лишь хитро́ задуманное предательство, которому необходимо положить преграду.

Кто боязливъ и безсиленъ, пусть тотъ и покоряется своему жребію;
Кто же чувствуетъ въ себѣ довольно силъ преодолѣть судьбу,
Того ни какіе удары рока не лишатъ подобающаго ему счастія.
Свѣтъ увидитъ какъ я совладаю съ могуществомъ судьбы своею собственною силой.

Онъ хочетъ вѣнчать на царство Раму, а изгнать вмѣсто его отца и мать. На этотъ порывъ отважной строптивости Рама возражаетъ что ему извѣстны мужество и преданность брата, но что здѣсь главное дѣло — долгъ.

Конечно, долгу слѣдовало бы всегда идти обруку со счастіемъ и довольствомъ,
Какъ вѣрной женѣ, окруженной своими дѣтьми.
Но если уже они идутъ порознь, то поступай такъ, какъ велятъ долгъ.
Можетъ ли человѣкъ снискать благоволеніе далекихъ отъ него боговъ,
Когда не уважитъ слово отца, къ нему близкаго?

Онъ не хочетъ утратить славы и вѣчнаго блаженства, погнавшись за земною властью на короткій жизненный срокъ. Съ благословеніемъ отпускаетъ его мать въ изгнаніе. Онъ идетъ къ возлюбленной женѣ своей, Ситѣ. Увидавъ ее, онъ блѣднѣетъ, и всѣ черты его выражаютъ скорбь. Въ испугѣ спрашиваетъ жена, отчего лобъ у него не смоченъ молокомъ и медомъ, отчего не идутъ передъ нимъ ни бирючъ, ни пѣвецъ, отчего нѣтъ за нимъ толпы народа, отчего самъ онъ такъ нерадостенъ. Онъ говоритъ что пришелъ съ ней проститься. Пусть живетъ она благочестиво и богобоязненно при дворѣ, пока черезъ 14-ть лѣтъ онъ воротится. Но Сита не согласна остаться, она хочетъ дѣлить съ мужемъ и радость и горе.

Жена должна слѣдовать за мужемъ и на жизнь и на̀ смерть.
О Рама, если тебѣ пришлось теперь скитаться по дикому лѣсу,
Я буду ломать передъ тобой колючую траву, чтобы она тебя не поранила.
Вѣка̀ пролетаютъ для меня какъ день когда я съ тобою,
Безъ тебя же не знаю я счастія, безъ тебя нѣтъ для меня неба.

Онъ напоминаетъ, какая нужда, какія лишенія ждутъ ее въ лѣсу; тамъ дикіе звѣри, тамъ рѣки и болота, эхидны и всякая гадина. Она отвѣчаетъ со всей гордостью любви:

О, мнѣ ничего, я не устану! Съ тобою я пойду какъ по коврамъ.
Тернія покажутся мнѣ шелкомъ и колючки бархатомъ,
А пыль, вздымаемая вокругъ меня вихрями,
Будетъ для меня краше толченаго сандала.
Какое блаженство отдохнуть на магко-мшистомъ холмѣ, на зеленой лужайкѣ.
Корни и плоды, которые ты самъ сорвешь и самъ подашь мнѣ,
Много ли ихъ мало ли, будутъ мнѣ слаще всякой амврозіи.

Тогда и Рама не прочь отъ счастія, доставляемаго ея сообществомъ. Братъ Лакшмана также не хочетъ покинуть его. Супруги раздаютъ все свое имущество бѣднымъ и жрецамъ, и приходятъ проститься съ старымъ государемъ. Тотъ готовъ снарядить имъ большую свиту; но Рама не желаетъ ни вла-

сти, ни счастія, желаетъ одного, — остаться невиннымъ и помочь отцу сдержать данное имъ слово. Онъ отрекся отъ свѣта, зачѣмъ ему многочисленные прислужники? Что за радость въ уздѣ, когда благородный конь отданъ въ чужія руки, кто тужитъ по подпругѣ, уступивъ слона? Онъ возьметъ съ собой только лукъ и мечъ. Когда они распростились, старъ и малъ изъ народа встосковались по Рамѣ какъ жаждущіе по источникѣ. Они наказываютъ возницѣ ѣхать шагомъ, чтобы еще насмотрѣться на милыя его черты. Но Рама велитъ ему погонять лошадей скорѣе. Старикъ-царь такъ и грянулся оземь, когда ликъ любимаго имъ сына исчезъ за облаками пыли въ дали. Каусалья утѣшала осиротѣлаго.

Хотя Рама и изъявляетъ на минуту сожалѣніе что уже не охотиться ему болѣе на берегахъ Сарайю, но онъ льститъ себя надеждой на возвратъ, когда можно ему будетъ жить при родителяхъ безъ тяжкой отвѣтственности для кого бы то ни было. Въ дикой пустынѣ Сита распрашиваетъ его про деревья и цвѣты, и вмѣстѣ не нарадуются они великолѣпіемъ уединеннаго первобытнаго лѣса въ его весеннемъ убранствѣ, съ пѣніемъ звонкоголосыхъ птицъ, съ благоуханными повѣвами теплаго вѣтерка, съ шумящими свѣтлыми водàми; они строятъ себѣ хижину, и изъ усладительныхъ объятій природы даже и не тянетъ ихъ больше въ городскую жизнь.

Вскорѣ царь Дасарата умеръ съ печали, —такъ сокрушалъ его отсутствующій сынъ; можно перетерпѣть рану, нанесенную вражеской рукой, но не язву сердца, причиненную собственной виною. Среди горя вспомнилъ онъ о томъ, что ему приходится искупить одинъ грѣхъ юности: на охотѣ онъ неосторожно застрѣлилъ когда-то единственнаго сына одного слѣпца, и теперь долженъ зато самъ почувствовать всю скорбь подобнаго лишенья. Каусалья взошла на погребальный костеръ вмѣстѣ съ тѣломъ царственнаго супруга. Бгарату призвали издалёка занять царскій престолъ. Онъ проживалъ у тестя и тещи на сѣверѣ, и не вѣдая того чтó между тѣмъ произошло, очень удивился что теперь такъ тихо и пусто во всей Айодьѣ; не слышно звука ни одной лютни, пестрые вѣнки не украшаютъ ни храмовъ, ни рыночныхъ площадей. Узнавъ про изгнанье Рамы, онъ назвалъ родную мать свою, Кейкею, убійцею, которая должна сама себѣ надѣть петлю на шею, такъ какъ нигдѣ уже не найдти ей прибѣжища. Не ему слѣдуетъ быть царемъ, а старшему и лучшему изъ братьевъ, Рамѣ. Онъ отыщетъ его благороднаго и возвратитъ городу, какъ жертвенный огонь возвращаютъ очагу; онъ вымолитъ у него прощеніе самóй Кейкеѣ.

Въ лѣсу, гдѣ трое изгнанниковъ мирно поѣдаютъ свой скромный обѣдъ; вдругъ распространился такой шумъ, что птицы запорхали, олени забѣгали въ смятеніи, буйволы начали оглядываться и даже львы вышли изъ логòвъ; Лакшмана взлѣзъ на дерево и закричалъ оттуда чтобы Сита спряталась скорѣй въ хижину, а Рама потушилъ огонь и хваталъ свой лукъ и стрѣлы: подходитъ войско, это непріятель; какъ отрадно будетъ избить тѣхъ кто повергъ ихъ въ несчастіе! Но Рама уговариваетъ брата. Конечно, Бгарата идетъ не съ злымъ умысломъ; что жь касается до него, то онъ и небеснаго престола не захочетъ достичь неправдой. И дѣйствительно, Бгарата поклонился въ ноги Рамѣ, а тотъ поднялъ его зà руку, поцаловалъ и спросилъ о здоровьѣ отца.

Со слезами возвѣстилъ Бгарата смерть его. Рама утѣшаетъ всѣхъ близкихъ напоминаніемъ о добромъ житіи покойнаго и тѣми мыслями, которыя сдѣлались послѣ столь обиходны у Индійцевъ.

Какъ любой плодъ, по мѣрѣ своего созрѣва, идетъ къ вѣрному паденію,
Такъ и человѣкъ съ самаго рожденія ежедневно близится къ смерти,
И какъ даже й крѣпко-подпертый домъ все-таки наконецъ ветшаетъ и рушится,
Подобно тому исчезаетъ и человѣкъ, подвластный могуществу лѣтъ и смерти.
Однажды истекшая ночь никогда ужь болѣе не воротится,
Она проходитъ мимо какъ рѣка, теряющаяся въ морѣ-океанѣ.
Незамѣтно летятъ наши дни, и жизнь всѣхъ вообще существъ
Словно лѣтній туманъ, увлекаемый вверхъ лучами солнца.
Что̀ тужить о другихъ? Потужи о себѣ самомъ:
Время и жизнь, въ которыхъ ты стоишь и движешься, сами безпрерывно уходятъ.
Всюду вѣдь сопровождаетъ тебя смерть, она вездѣ садится съ тобою обокъ.

И какъ далеко ты ни уйди, смерть непремѣнно воротится съ тобой на̀ домъ.
Мы привѣтствуемъ восходъ солнца, благодаримъ когда оно зайдетъ,
А не думаемъ что вмѣстѣ съ тѣмъ сокращается и предѣлъ нашей жизни.
Мы рады, когда весна приходитъ опять съ новымъ блескомъ,
А между тѣмъ смѣна годовыхъ временъ незамѣтно приближаетъ живыхъ къ смерти.
Какъ на листѣ лотоса чуть держится дрожащая капля росы,
Такъ всегда близко къ паденію и зыбкое земное счастье человѣка.
Середь моря широкаго повстрѣчаются иногда двѣ щепки, —
Какъ не надолго сошлись онѣ, и вотъ ужь разогнаны теченіемъ!
Такъ-то вотъ и мужья съ женами, дѣти съ отцомъ-матерью, такъ-то и все наше добро;
Сегодня они вмѣстѣ, а завтра, глядишь, уже всѣ врознь.

Поэтому Рама призываетъ искать вѣчнаго спасенія и дѣлать добро. А Бгарата удивляется этому образу мыслей, преодолѣвающему скорбь и злополучіе.

Герой, кого мнѣ сравнить съ тобой на этомъ свѣтѣ?
Тебя не сильно сразить ни какое бѣдствіе, не сильна охмѣлить ни какая радость.
Ты юноша, а тебя высоко чтутъ и охотно слушаютъ старики;
Ты живешь, какъ будто бы ужь умеръ, и быть или не быть для тебя все равно.

Рама не принимаетъ братнина предложенія; для него главное сдержать слово, данное отцу.

Только вѣрность слову и милосердіе — вотъ отнынѣ царскій обычай.
На вѣрности стоитъ власть царская, на вѣрности стоитъ весь свѣтъ.
Одна вѣрность воистину правитъ міромъ, на ней основано всякое благоденствіе;
Сердце человѣческое жаждетъ земли, славы, счастія и почести;
Но вѣдь все это слѣдуетъ за вѣрностью: поэтому всегда старайся быть вѣрнымъ.
. . . .
Поживай себѣ благополучно въ городѣ, а я живу весело и въ зеленóмъ лѣсу;
Пусть распаленное чело твое прохлаждается тѣнью желтаго зонтика,
Еще болѣе свѣжею тѣнью обвѣваетъ меня густая листва дубовъ.
Пусть мѣсяцъ лишится своей прелести, пусть Химаватъ обнажится отъ своихъ льдовъ,
Пусть Океанъ выступитъ изъ береговъ своихъ, а я крѣпко останусь при своемъ словѣ.

Такъ въ Рамѣ предстаетъ намъ идеалъ богопреданнаго, кроткаго героя, скорѣе готоваго вытерпѣть неправду нежели совершить ее, на ряду съ идеаломъ удалóй и мужественной богатырской силы въ лицѣ Бишмы и Карны.

По верховной волѣ боговъ онъ идетъ однакожь биться съ великанами, вооруженный лукомъ и мечемъ самого́ Индры. Странствія по́ лѣсу заводятъ его въ разные скиты покаянниковъ, и здѣсь-то поэма даетъ полный просторъ позднѣйшимъ вставочнымъ легендамъ, превозносящимъ силу отреченія отъ міра и добровольнаго самоистязанія. Ни о чемъ подобномъ самъ Рама еще и не помышлялъ; онъ напротивъ восхищался красотою лѣса и счастливо проживалъ тамъ съ своей Ситою. На поприще битвъ вызываетъ его тотъ внезапный случай, что царь великановъ, Равана Ланкскій (Ланка—островъ Цейлонъ), похитилъ у него жену. Онъ вступаетъ въ союзъ съ царемъ обезьянъ, Ганумановъ; подданные этого царя строятъ черезъ море мостъ, ведущій прямо на островъ, и послѣ семидневной битвы съ Рамою, великанъ погибаетъ. Сита доказываетъ свою чистоту и вѣрность испытаніемъ на огнѣ, и черезъ четырнадцать лѣтъ Рама возвращается на родину, чтобы вступить на престолъ своихъ предковъ.

Пока высятся вершины горъ и рѣки шумятъ по долинѣ,
Не погибнетъ и пѣснь Вальмики о славѣ Рамы.

Этими словами пѣвецъ самъ себѣ сулитъ безсмертіе. Сказаніе дѣлаетъ его также изобрѣтателемъ эпическаго стиха, слоки. Однажды, говоритъ оно, пристрѣлилъ онъ самца цаплю и вдругъ услышалъ жалобный вопль самки, которая высказала проклятіе охотнику въ этомъ именно размѣрѣ, такъ-какъ прямо изъ чувства скорби (сока) вышло особое соединеніе стопъ (слока), изъ страданія вылилась пѣсня. Метръ вѣренъ существующему уже и въ Ведахъ коренному правилу, что стихъ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ каждая въ первой своей части даетъ полную свободу долготамъ и краткостямъ, исключительно лишь считая слоги, во второй же соблюдаетъ послѣдовательный ритмъ. Вотъ схема шестнадцатисложнаго стиха, слоки:

⏓ ⏓ ⏓ ⏓ ⏑— —⏑, ⏓ ⏓ ⏓ ⏓ ⏑—⏑—

Стало-быть, послѣ произвольнаго начала, въ стихѣ слѣдуетъ разъ антиспастическій, а въ другой разъ — ямбическій исходъ; первая половина заключается неразрѣшенной противоположностью, которая только уже вконцѣ второй мѣрно достигаетъ своей цѣли. Свобода и порядокъ не содѣйствуютъ здѣсь другъ другу, не соопредѣляются взаимнымъ вліяніемъ какъ наприм. въ гекзаметрѣ, а просто лежатъ рядомъ; и дисгармоническій, тяжелый, терпкій элементъ выступаетъ опять съизнова въ каждомъ стихѣ, чтобы только лишь подконецъ покориться гармоніи. Размѣръ этотъ для нашего уха неблагозвученъ.

Индійскій эпосъ вообще многословнѣе и греческаго, и германскаго; онъ охотно скучиваетъ о́бразы, и въ смѣлыхъ соединеніяхъ многихъ словъ въ одно цѣлое языкъ его поспоритъ съ роскошнымъ обиліемъ сплетающихся и перепутывающихся растеній юга. Благозвучные прилоги скорѣе можно сказать даютъ вѣсъ и цѣну предметамъ нежели точно ихъ рисуютъ, какъ дѣлаетъ своими живописными прилагательными Гомеръ; и здѣсь очевидно недостаетъ строгомѣрной ясности Эллиновъ, хотя разныя многословія и повторенья конечно можно отнести на счетъ передѣлывателей, или же оправдать ихъ тѣмъ, что для слушателя многое теряется при устной передачѣ, а потому и

повторительныя описанія не такъ его утомляютъ какъ читателя, у котораго все цѣлое передъ глазами. Обруку съ дѣйствіемъ, идетъ здѣсь впрочемъ не только описаніе, но еще и размышленіе на его счетъ, что безспорно придаетъ индійской поэмѣ своеобразное преимущество глубины и обилія мыслей. Въ приведенныхъ мною отрывкахъ старался я выказать вмѣстѣ и эти характеристическія черты, предоставляя говорить за себя самой индійской фантазіи.

Браманство.

Однимъ изъ слѣдствій покоренія пригангской страны было то, что у Индійцевъ образовалось военное сословіе и укрѣпилась царская власть; собственно народъ мало по малу отвыкъ отъ оружія, и сдѣлавшись осѣдлымъ, занялся мирными искусствами. Онъ поддалъ тѣмъ вліяніямъ окружающей природы, которыя вызвали теперь полное и преобладающее развитіе одной коренной духовной стороны Индійцевъ,—именно ихъ любви къ спокойствію, къ созерцательному размышленію, которое готово совсѣмъ затеряться въ безпредметномъ раздумьѣ, такъ что человѣкъ утрачиваетъ наконецъ всякую опредѣленную мысль и погружается весь какъ капля въ море безконечнаго. Зной солнца, прохладная тѣнь лѣсовъ обильныхъ дикорастущими плодами, естественно манили къ праздности; роскошь и великолѣпіе растительности, разнообразіе животнаго міра, прелесть мѣстоположеній, непрерывная смѣна прозябенія, цвѣтенія и увяданья возбуждали фантазію къ соперничеству съ нами въ избыткѣ создаваемыхъ ею образовъ, вызывали умъ къ размышленію о единой причинѣ такого дивнаго многоразличія и о томъ, что есть постояннаго въ этомъ неудержномъ разгулѣ безпрерывнаго возникновенія и уничтоженья. Но глубокое чувство природы было во всѣ времена коренною чертой индійскаго характера; а потому и вліянія природы конечно нигдѣ не оказывались столь сильными. Священство, которое какъ сословіе возникло и сплотилось мало по малу изъ ведійскихъ родовъ, богатыхъ пѣвцами, вѣдунами и жертвоприносцами, выступило вожакомъ новой этой культуры. Чѣмъ болѣе потянулся за нею весь народъ, тѣмъ скорѣе жрецы могли достичь верховнаго значенія и получить перевѣсъ даже надъ благородною военною дружиной. Это обошлось не безъ борьбы, и покончилось на томъ, что браманы, не гонясь за мірскимъ блескомъ и внѣшнимъ могуществомъ, удовольствовались первенствомъ сана и духовнымъ водительствомъ, тогда какъ наоборотъ они возложили на себя обязанность отреченія отъ свѣта и единенія съ вѣчнымъ черезъ всегдашніе помыслы объ немъ въ одиночествѣ. Воззрѣніемъ Ведъ, что мольба и жертва, приносимыя какъ слѣдуетъ, даютъ волѣ человѣка вліяніе на самихъ боговъ, — этимъ исконивѣчнымъ воззрѣніемъ браманы воспользовались для себя въ томъ смыслѣ, что будто главное тутъ — знаніе извѣстныхъ обрядовъ и формулъ, какимъ именно и обладаютъ ихъ роды, что отъ нихъ поэтому зависитъ успѣхъ всякаго предпріятія. Благочестивое настроеніе народа, любовь его къ тихому раздумью, и потомъ фантазія крѣпко державшаяся за чувственное какъ за символъ духовнаго, все это вмѣстѣ шло какъ бы само собой навстрѣчу ихъ стремленіямъ; общій уставъ связывалъ въ одно цѣлое отдѣльные ихъ роды, и замыкаясь

болѣе и болѣе въ совершенный особнякъ, они выставили наконецъ возросшія постепенно кастовыя различія въ видѣ изначальнаго божескаго закона, такъ-какъ-де изъ главы верховнаго божества вышли брамaны, изъ рукъ его — воины, изъ бедръ — промышленники, а изъ ногъ — судры. Въ какой же именно кастѣ родится человѣкъ, это зависитъ отъ дѣлъ его прежней жизни; выпавшій ему жребій долженъ онъ нести, и покорностью судьбѣ своей, благочестіемъ и послушаньемъ заслужить себѣ при новомъ возрожденіи высшую ступень бытія. Потому что человѣкъ тѣмъ именно и становится, чему себя уподобитъ, — животнымъ, если дастъ поблажку чувственности, — воиномъ, если мужественно исполняетъ свою обязанность, — браманомъ, если весь предастся мудрости и божественному духу. Ни кто не долженъ колебать этого свыше уряженнаго расчлененія сословій, каждый долженъ смирно жить въ своемъ урочномъ кругу, и каждому сословію дана особая обязанность: *судрѣ* положено служить высшимъ классамъ, *ваисьѣ* — прилежно заниматься земледѣліемъ и торговлей, *кшатріи* — защищать народъ, *браману* — совершать жертвоприношенія, изучать Веды, размышлять о божественномъ. Жизнь самого брамана сначала и до конца вся обставлена была обрядами, съ тѣмъ чтобъ сохранить его въ чистотѣ и въ близости къ божественному началу; на немъ не лежало иного труда кромѣ духовнаго, зато другія сословія были обязаны содержать его приношеніями, дарами. Живя въ духѣ, онъ долженъ былъ преодолѣвать въ себѣ земное и чувственное, совлечься міра и стремиться только къ вѣчному. Онъ долженъ быть полнымъ господиномъ своихъ пожеланій, и состарѣвшись, дождавшись внуковъ, покинуть домъ свой и жить отшельникомъ въ лѣсу, питаясь плодами, истязая тѣло и погружаясь тихой думою въ общую причину всѣхъ вещей.

Мы видѣли уже изъ Ведъ что духъ молитвы, Браманаспати, и пресвятое, Брама, чествуются какъ нѣчто властное надъ самими божествами, призываются какъ вышнее божеское существо; мы нашли тамъ стремленіе воротиться отъ многобожія къ единству и къ изысканію въ единомъ первопричины всякаго многоразличія. При этомъ переходчивость естественныхъ формъ представляла весь внѣшній міръ не иначе какъ лишь чѣмъ-то безпрерывно возникающимъ и исчезающимъ опять снова; прочнаго въ этой быстросмѣнной чередѣ, закона въ этой игрѣ силъ искали въ глубочайшемъ нутрѣ вещей, въ сокровенной душѣ ихъ, такъ какъ и въ человѣкѣ; при всемъ многоразличіи его членовъ и при непрерывной перемѣнѣ тѣла его вообще, душа оказывалась всегда единою и постоянною. Во всеобщей душѣ міра находили причину всѣхъ вещей,—то существо, которое не будучи само ни какимъ особымъ явленіемъ, порождало всѣ ихъ до одного, властвовало, царило надъ ними и опять ихъ къ себѣ возвращало. Душу міра отождествили съ Брамою (верховною святыней) и постигли ее какъ вѣчное духовное единство, какъ таинственную первопричину всякой жизни вообще. Древнія божества стали теперь только главными излученіями Брамы, отъ него же поставленными міроблюстителями; все сознаніе явилось прямымъ его истеченьемъ, которое чѣмъ болѣе удаляется отъ первичнаго родника, тѣмъ болѣе грубѣетъ, овеществляется, матерѣетъ; но та же самая лѣствица камней, растеній, животныхъ, людей, духовъ должна опять и возводить, возвращать къ единому; жизнь должна быть вѣчнымъ исхожденіемъ и вхожденьемъ. Предавшись чувственному міру, человѣкъ погрязаетъ

все глубже и глубже, пока, очищенный въ огнѣ преисподней, не обратится опять въ горния; кто же напротивъ умретъ для плоти, кто заморитъ въ себѣ чувственность, и всѣ свои помыслы и думы направитъ къ единому, божественному, тотъ и вступитъ въ его нѣдра.

Къ исконисвященнымъ гимнамъ Ведъ примкнула теперь религіозная литература брамановъ. Записаны были обряды, какими надлежало сопровождать жертвенныя пѣснопѣнія, и къ этому присоединены разныя другія достопамятныя свѣдѣнья; появилось стремленіе втолковать въ древніе гимны или же истолковать изъ нихъ новодобытые взгляды на бога и на міръ. Вслѣдъ за эпическими пѣснями и обокъ съ ними появилась научная проза въ дополнительныхъ къ Ведамъ книгахъ, которыя называютъ Браманами и Сутрами; Сутра собственно снурокъ; но тутъ разумѣется подборъ или понизь краткихъ извлеченій, представляющихъ какъ бы остовъ знанія, — разныя полновѣсныя слова и поговорки. Въ Браманахъ мы находимъ цѣлое сокровище мыслей о Богѣ и мірѣ, накопленное въ теченіе вѣковъ, множество легендъ, отчасти очень старобытныхъ, каковы напримѣръ разсказы о потопѣ и о Сунасефѣ, который, какъ любимѣйшій во всемъ своемъ племени, обреченъ былъ на жертву подобно Исааку и Ифигеніи; а люди между тѣмъ пришли уже къ сознанію, что Богъ удовлетворяется однимъ преданіемъ воли въ его власть, что главное дѣло въ этомъ, а не въ пролитіи жертвенной крови. Другіе за тѣмъ разсказы были просто вымышлены потому, что первобытная поэзія священныхъ пѣсень стала уже отчасти непонятною. Какъ Гомеръ говоритъ о розовыхъ перстахъ зари, такъ довольно яснымъ для насъ образомъ и ведійскій пѣвецъ говоритъ о золотой рукѣ солнца; а браманы придумываютъ тутъ для объясненія, будто Солнце, потерявъ одну руку въ бою, замѣнило ее себѣ золотою. Истинное понятіе о жертвѣ почти совсѣмъ уже помрачено тѣмъ чрезмѣрнымъ вѣсомъ, какой придается несущественнымъ подробностямъ. Важнѣйшая для насъ отрасль этой литературы называется Араньяка, то-есть «лѣсныя думы», предназначенныя для чтенія отшельникамъ въ скитахъ. Часть ихъ составляютъ Упанишады. Слово это значитъ сидѣніе ученика у ногъ поучающаго наставника. Это — размышленія о существѣ Божіемъ, о міроздательствѣ, о назначеніи человѣка, не въ видѣ научнаго изслѣдованія, но въ фантастически затѣйливой передачѣ личныхъ убѣжденій и внутренняго откровенія. Здѣсь первоначальные корни философскихъ системъ; не говоря о новыхъ Упанишадахъ, поддѣланныхъ позднѣйшими сектами, древнія и подлинныя отличаются такимъ богатствомъ разнообразныхъ мыслей, что къ нимъ могла бы примкнуть и пріурочиться любая изъ позднѣйшихъ философскихъ школъ.

Все въ новыхъ и новыхъ подобіяхъ представляется здѣсь вселенная раскрытіемъ міровой души или Брамы: міръ выходитъ изъ него какъ рѣка изъ источника, какъ дерево изъ зерна, какъ волна изъ моря, какъ огонь изъ угля, какъ нить изъ шелковаго червя. Какъ одинъ и тотъ же мѣсяцъ отражается въ безчисленныхъ струяхъ, такъ и Брама въ предметахъ земного міра. Какъ благоуханіе заключено въ цвѣтахъ, золото въ камнѣ, масло въ сезамѣ, такъ и всѣ вещи кроются жемчужной понизью въ душѣ міра. Вотъ отчего всѣ онѣ сродни между собой; одна и та же сущность во всѣхъ, и оттого всѣ ихъ можно провести передъ человѣкомъ и молвить, указывая на каждую: это ты. Душа

міра — жизнедыханіе всего живущаго. Истинное бытіе, неопредѣленное чистое существо, пребывало отвѣка и стало наконецъ яйцомъ, которое распалось надвое: верхняя золотая чашка его — небо, серебряная нижняя — земля. Какъ самыя разношерстыя коровы даютъ одно и то же бѣлое молоко, такъ и многоразличнѣйшія знанія всѣ приходятъ къ единому (одному и тому же). Единая истина содержится въ вещахъ какъ масло въ молокѣ, умѣй только его выдѣлить, а глубокое размышленіе служитъ при этомъ мутовкой; (настоящее) познаніе есть познаніе сущности, въ которой живутъ всѣ вещи и которая сама въ нихъ живетъ; и кто пойметъ это, тотъ почувствуетъ и скажетъ: это и моя сущность, я вѣдь Брама и самъ. Но для этого необходимо отвернуться отъ многоразличія и погрузиться въ самого себя. Заключивъ въ сердце вышняго Господа, собравши весь духъ свой воедино, глядя на кончикъ своего носа, и задерживая дыханіе, произнося Омъ (Аумъ),

Какъ звукъ кимвала и звонъ колокола замираютъ въ тихой гармоніи,
Такъ и Омъ успокоиваетъ душу каждаго, изслѣдующаго всебытіе.
И когда вполнѣ исчезнетъ святой звукъ, онъ, значитъ, разрѣшился въ Брамѣ;
А кто непрестанно мыслитъ о Брамѣ, тотъ достигнетъ безсмертія.

Море чувственныхъ явленій съ ихъ рожденіемъ и смертію исчезаетъ какъ фантасмагорія, какъ сонъ, передъ очами духа познающаго единое божественное начало, находящаго послѣднее въ себѣ и себя въ немъ, постигающаго начало это какъ единое воистину сущее. На высшей ступени созерцательности пусть браманъ отступится отъ всего на свѣтѣ, — даже отъ горшка, отъ посоха, отъ пояса, этихъ обычныхъ принадлежностей пустынника: всесвятое, Брама, должно быть единственной его собственностью, единственнымъ мѣстомъ его отдыха, единственнымъ его помышленіемъ. Созерцая Бога и собственную душу въ нераздѣльной совокупности, упраздняетъ онъ всякую разность между ними, и въ этомъ блаженномъ чувствѣ единенія съ безконечнымъ самъ становится Брамою. Кто до этого не дойдетъ, кто не приложитъ къ тому знанія, терпѣнія, покоя, а ограничится только нищенствомъ, тотъ поступитъ дурно и себѣ же самому во вредъ. Душа всегда должна помнить свое высокое достоинство, свое единство со вселенскимъ духомъ и совершать только то, что ему сродно. Изъ-дали вѣетъ благоуханіемъ чистаго дѣла какъ отъ цвѣтущаго дерева; истина — опора всего что ни есть, и свѣтъ самого солнца. — Одинъ мудрецъ просилъ смерть разрѣшить его сомнѣніе, существуетъ ли или не существуетъ человѣкъ по кончинѣ. Долго упирается смерть, стараясь отговорить вопрошателя; наконецъ таки-открываетъ ему тайну: смерть и жизнь — только двѣ особыя фазы развитія; истинный мудрецъ познаетъ себя въ единствѣ со вселенскимъ духомъ, и тѣмъ самымъ возносится надъ измѣнчивостью вещей, становится выше смерти и жизни.

Философія, поскольку она старалась доказать и прослѣдить подобныя мысли въ Ведахъ, получила названіе Веданты, то-есть конца Веды. Для этого она съ умысломъ подымала противорѣчія и опровергала ихъ потомъ доводами. При этомъ дошли и до вопроса о самомъ познаніи, и подъ именемъ Ньяйи выработали утонченно и остроумно цѣлую систему логики. Но философія старалась сверхъ-того самостоятельно изслѣдовать существо вещей и шла при этомъ

двумя разными путями, какъ въ Греціи элеаты и атомисты, а въ новое время Спиноза и Лейбницъ, Гегель и Гербартъ. Одни исходили отъ идеи и всеобщаго, другіе брали за первоначало индивидуальность и ея множественность; отсюда тотчасъ же сама собой является противоположность идеалистическаго и реалистическаго направленія. Зачатки индійской философіи древнѣе всѣхъ намъ извѣстныхъ: они восходятъ къ 7-му вѣку до Р. Х., а дальнѣйшая ея разработка простирается вплоть до Среднихъ Вѣковъ; но по общему у Индійцевъ обычаю и тутъ преемники совсѣмъ поглотили предшественниковъ, и добытое позже выдавали за первоначальное. Свободное изслѣдованіе, такъ-называемая Миманса, признаетъ въ Брамѣ душу міра и вмѣстѣ съ тѣмъ чистое и единое дѣйствительное существо; міръ со всей его множественностью и измѣнчивостью не болѣе какъ явленіе, а потому человѣкъ долженъ отвернуться отъ преходящаго и обратиться къ неизмѣнному; предавшись влеченіямъ чувственности и похотямъ, онъ подпадаетъ силѣ ихъ мытарствъ; кто же напротивъ возвысится надъ ними къ познанію единаго, тотъ совокупится съ нимъ и освободится до его истины. Но если природа представлялась здѣсь только раскрытіемъ, истеченіемъ, сгущеніемъ чисто-духовнаго бытія, и разнообразіе ея считалось не подлиннымъ, не реальнымъ, такъ-какъ вѣдь безпрерывно разлагаясь оно опять возвращалось къ своему источнику, лишенное всякой устойчивости и постоянства, то, съ другой стороны, самъ собою возникалъ вопросъ, какъ же единое доходитъ до множественности и развертывается въ вещественный разнообразный міръ? Это, говорятъ намъ, только игра со стороны Брамы:

Есть несмѣтное число міроразвитій, созиданій и разрушеній;
Какъ бы играя творитъ все это вышній зиждитель безъ перерыва и отдыха.

Умы болѣе смѣлые отвѣчали на это прямо отрицаніемъ дѣйствительности чувственнаго міра, говоря что онъ — только марево, одна блазнь воображенія, которая тотчасъ же и исчезаетъ передъ свѣтомъ познанья. Желаніе міровой души открыться, заявить себя, проводитъ передъ ней кажущуюся картину міра, какъ бы отраженіе его въ водѣ; это чародѣйство Майи околдовываетъ наши чувства, но мысль проникаетъ обаяніе. Есть одинъ только духъ, Брама; души не самостоятельныя существа, а лишь искры его огня, лучи его свѣта, истинно-сущее въ нихъ — онъ одинъ; только благодаря Майѣ, обману фантазіи, человѣкъ мнитъ видѣть внѣ себя то что собственно находится въ немъ самомъ, считаетъ себя въ скорби и радости подвластнымъ внѣшнему міру, тогда какъ воистину живетъ нераздѣльно съ Брамой, съ единымъ сущимъ во всѣхъ и во всемъ. Кто такимъ образомъ пойметъ свое *я*, какъ всеобщее, познаетъ въ Богѣ самого себя, для того перестаютъ существовать всѣ кажущіяся (ощутительныя только) вещи, тотъ становится выше рожденія и смерти, и видитъ только само себѣ равное безконечное бытіе и единую жизнь его во всемъ сущемъ. Покоясь въ его лонѣ, въ полномъ съ нимъ единеніи, онъ свободенъ отъ земныхъ страданій и отъ плотскихъ узъ; онъ знаетъ, что нѣтъ въ нихъ ничего вѣчнаго и существеннаго, и погружаясь въ единое истинное бытіе, ощущая исключительно лишь его, чувствуя только его одно и въ себѣ самомъ, онъ говоритъ: я Брамъ.

Сколько ни дивимся мы смѣлости, съ какою эти индійскіе мудрецы ставили выше всѣхъ чувственныхъ показаній свидѣтельство мысли, стремящейся къ единству и вѣчности бытія, и прямо объявляли ничтожнымъ маревомъ весь этотъ міръ, обыкновенно принимаемый человѣкомъ въ его осязательной вещественности за реальный, для нихъ все же оставалось необъясненнымъ, откуда въ безмятежномъ спокойствіи единаго эта кажущаяся множественность, откуда входитъ въ душу міра эта — положимъ хоть и мнимая — матерьяльность. Вѣдь природа съ ея разнообразіемъ всегда вновь и вновь тѣснится въ сознаніе; и вотъ другое философское направленье, называемое Санкхія, и во главѣ его Капила, задалось именно вопросомъ о причинѣ міра явленій и нашло ее въ изначальной множественности самодѣятельныхъ душъ и въ изначальной ктому природѣ. Изъ послѣдней возникаетъ все вещественное, по свѣтъ не можетъ выходить изъ тьмы, умъ долженъ имѣть свое собственное начало, и это начало — души. Дѣйствіе ума на природу состоитъ въ томъ, что онъ подѣляетъ стихіи, орудуетъ образованіемъ вещей. Вѣчная въ себѣ душа облекается въ вещество плоти, но не съ тѣмъ чтобы быть у нея въ плѣну, а чтобъ оставаться свободною; развитіе и освобожденіе человѣка есть отрѣшеніе его отъ узъ чувственности, возвышеніе въ духовное существо, хотя бы плотская его природа и продолжала себѣ жить и дѣйствовать, какъ колесо въ силу разъ даннаго ему толчка продолжаетъ вращаться. Такимъ образомъ и тутъ человѣкъ доходитъ до своей самости, возвышаясь надъ матеріей, и главная цѣль та, чтобъ каждый уклонялся отъ мірскихъ мытарствъ, не давалъ внутреннему своему настроенію нарушаться ни внѣшнимъ благополучіемъ, ни внѣшнимъ горемъ, и достигалъ твердаго въ себѣ самомъ, самодовлѣющаго вѣчнаго бытія. Временныя средства, жертвы и обряды, отнюдь не приводятъ къ этому, приводитъ одно лишь умѣнье владѣть похотями и страстями, приводятъ чистота мысли и спокойствіе души.

Слѣдовательно оба направленія идутъ къ одной и той же цѣли, къ преодолѣнію блазни міра, къ внутреннему покою, достигаемому путемъ самоуглубленія въ чистую духовность человѣческаго существа; но какъ оба они становятся въ прямой противоположности, и одно не доходитъ отъ единства къ множеству, а другое — отъ множества къ единству, то оба и остаются при дуализмѣ: ученіе Санкхіи сопоставляетъ рядомъ (какъ равнозначительныя) душу съ природою, а Мимапса не рѣшается понять блазнь міра какъ реальное явленіе, какъ самораскрытіе существеннаго бытія.

Причина и того и другого лежитъ въ индійскомъ характерѣ, въ его всегдашнемъ стремленіи къ покою. Покой — главная для него цѣль; собраться въ самомъ себѣ, углубиться въ собственную душу, отвращаясь отъ мірскихъ мытарствъ, отъ треволненій внѣшней жизни, — вотъ что необходимо и спасительно; и конечно Индійцамъ приноситъ честь, что они познали эту долю истины. Но они сдѣлали ее единственнымъ своимъ идеаломъ и вслѣдствіе того связали понятіе бытія не съ понятіемъ самоопредѣляющейся дѣятельности, а лишь съ понятіемъ неопредѣленнаго покоя. Міру—думали они—съ его розные и подвижностью не надлежало-бы совсѣмъ и быть; если же онъ не смотря на то существуетъ, то это или несчастіе, или просто заблужденье, которое надобно осилить. Всякое истинное бытіе самостоятельно, — это они чувство-

вали; но что самость необходимо *я* и духъ, и что она можетъ быть такою только какъ постигающая себя, самоставная дѣятельность, что дѣло духа, мышленіе, есть съ перваго же шага различеніе, что всякая опредѣленность, всякій фактъ, какъ самоопредѣленіе и дѣло изначальнаго бытія, столь же необходимо пребываетъ въ немъ самомъ, какъ и разнится отъ всеобщей его сущности, — этого дальнѣйшаго слѣдствія вывесть имъ не далось; міръ разрѣшали они въ Богѣ, а Богъ былъ у нихъ не дѣятельнымъ, а спокойно-созерцательнымъ духомъ, бездѣйственнымъ поэтому въ себѣ самомъ, и такимъ образомъ цѣлью индійскихъ мудрецовъ только вѣдь и могли понастоящему сдѣлаться что отрицаніе воли да мирная спокойная страдательность. Миманса представляла имъ истину пантеизма, единую сущность во всѣхъ рѣшительно вещахъ, ту истину что самобытенъ Богъ одинъ, а все прочее существуетъ въ немъ и чрезъ него; находить его во всемъ да и не искать ни чего другого, возноситься надъ міромъ и погружаться въ Бога, въ немъ лишь обрѣтать спокойствіе, — это неразлучное со всякой настоящей мистикой стремленье было свойственно въ особенности имъ; оно составило ихъ всемірно-историческое величіе, но и обратилось у нихъ въ явную односторонность. Они уничтожались въ Богѣ вмѣсто того чтобъ возрождаться въ немъ и самодѣятельно созидать его царство. Для нихъ верховнымъ благомъ были не творческая дѣятельность въ духѣ Божіемъ, не единеніе съ нимъ путемъ личной любви, но успокоеніе въ его покоѣ или, какъ сами они выражались, угашеніе въ немъ самого себя. Поэтому кореннымъ закономъ ихъ нравственности вышло не преодолѣніе міра силой человѣческихъ подвиговъ, а лишь страдательное отъ него отреченіе.

Чувственность, по ихъ мысли, вовсе не должна существовать; надлежитъ признать ее вполнѣ ничтожною, заморить ее въ себѣ совершенно. Поэтому браманы не только удалялись въ лѣсныя пустыни чтобы погружаться тихой думой въ божество, но сверхъ-того умерщвляли плоть, истязая себя и отказываясь отъ всякаго удовольствія. Имъ недостаточно было отрѣшиться отъ міра мысленно и направить умъ только къ божеству; надлежало по возможности сокрушить всѣ узы плоти, постепенно маять тѣло зноемъ и ливнями, томить его въ добровольно измышляемыхъ мукахъ. Вмѣсто овладѣнія имъ для того, чтобы сдѣлать его послушнымъ органомъ духа, орудіемъ идеальной дѣятельности, они старались только извести его, какъ преграду отдѣляющую душу плотскаго человѣка отъ души міра. Уснулъ прежній богатырскій духъ народа, всегда готовый на подвиги; теперь проповѣдывали только покорность и самоотреченіе, но отсюда съ другой стороны возникло страстотерпное мужество, возникъ героизмъ въ перенесеніи страданій и доходившій до самоуничтоженія аскетизмъ. И къ этому привилось опять одно чисто-индійское соображенье. Во всякомъ грѣхѣ видѣли страданіе, причиняемое грѣшникомъ другому существу; справедливость требовала чтобы онъ самъ претерпѣвалъ за то нѣчто подобное. Но кто принималъ на себя болѣе страданій нежели самъ ихъ причинилъ, тотъ, думали они, снискивалъ себѣ этимъ излишекъ добродѣтели и заслуги, и тѣмъ самымъ возвышался въ духовномъ своемъ могуществѣ, пріобрѣталъ болѣе значенія у божества. Вѣрная сторона этой мысли лежитъ въ сознаніи важности страданія для нравственнаго роста души, въ сознаніи воспитательной его пользы; если

поэтъ говоритъ объ нашихъ дѣлахъ, что они часто мѣшаютъ правильному ходу нашей жизни, то отсюда наоборотъ само собой выходитъ что страданія, если только они принимаются нами какъ слѣдуетъ, должны оказывать пользу, то укрѣпляя, то смягчая внутреннюю силу нашу, и возводя духъ отъ преходящаго къ вѣчному. Но какъ Индійцы уже и въ эпоху Ведъ были вполнѣ убѣждены что молитвою и жертвой можно снискать вліяніе на небожителей, то и аскетическій взглядъ развился у нихъ теперь до фантастическихъ размѣровъ: они думали что всилу излишне претерпѣнныхъ и добровольно принятыхъ страданій самоистязатель пріобрѣтаетъ право требовать зато чего-нибудь особеннаго и для себя лично, что божество обязано исполнить его волю, что покаянникъ всилу своего покаянія самъ становится властнымъ надъ богами.

Если самый міръ въ непрерывной чередѣ рожденій и уничтоженій былъ только одной игрою Брамы, грезою, мечтой фантазіи, то воображеніе не встрѣчало себѣ ни какихъ уже предѣловъ въ законахъ дѣйствительности и чудесило на полной своей волѣ, не стѣсняясь ни пространствомъ, ни временемъ, ни какимъ вообще естественнымъ порядкомъ. Ясный взглядъ на жизнь, радованіе природою, прежняя охота къ подвигамъ, — все уступило теперь мѣсто отреченію отъ міра, тихой покорности, мечтательному идеализму даже и въ поэзіи. Уже въ Рамѣ видѣли мы образецъ смиренія, уступчивой добродѣтели; а теперь покаянники рѣшительно становятся на мѣсто героевъ, и поэзія всего выше цѣнитъ искренность чувства, глубину и вдумчивость внутренняго созерцанія. Представимъ нѣсколько примѣровъ изъ Магабгараты.

Когда Индра по убіеніи Вритры скрылся, и престоломъ овладѣлъ Нагуша, тогда послѣдній, чтобы заявить себя сильнѣйшимъ изъ всѣхъ соискателей руки царицы боговъ, не придумываетъ ни чего лучшаго, какъ запречь въ свою колесницу самихъ Ришей, священныхъ мудрецовъ стараго времени. Но этого мало: для ускоренія ихъ хода, онъ дерзаетъ толкнуть ихъ ногой, и обращенный въ змѣю низвергается наземь за свою гордыню.

Въ борьбѣ боговъ со злыми духами, Усанасъ, браманъ-жертвоприносецъ послѣднихъ, постоянно возвращаетъ къ жизни всѣхъ надшихъ въ бою; чтобы дойдти до того же самаго искусства, Катша, по желанію боговъ, поступаетъ въ ученики къ Усанасу. Бѣсы замѣчаютъ это, крошатъ его въ мелкіе куски и бросаютъ волкамъ на съѣденье. Но дочь Усанаса, Деваяни, не можетъ жить безъ Катши, и когда отецъ ея вызываетъ съѣденнаго, тотъ изъ утробы волковъ приходитъ домой цѣлымъ и невредимымъ. Бѣсы кидаютъ его въ море, оно выбрасываетъ его назадъ. Они сожигаютъ его въ пепелъ и подмѣшиваютъ Усанасу въ вино, но какъ скоро онъ вошелъ въ тѣло Усанаса, то и самъ сталъ мастеромъ оживлять трупы. Отецъ умираетъ, вызывая его, но ученикъ оживляетъ его опять. Впослѣдствіи царевна среди шутокъ оскорбляетъ Деваяни, и должна за это пойдти къ ней въ служанки, хотя браманъ и говоритъ: Кто переноситъ обиды отъ другихъ терпѣливо и кротко, тотъ уже преодолѣлъ весь міръ. Деваяни хватаетъ за руку царя Яяти, когда онъ хочетъ вытащить ее изъ колодца, съ тѣмъ чтобы онъ взялъ ее за себя; но царь желаетъ получить ее не иначе какъ только отъ отца, потому что опасна ядовитая змѣя, еще опаснѣе ярость пламени, но ужь всего

опаснѣе гнѣвъ брамана. Отецъ даетъ ему въ супруги дочь, но съ тѣмъ чтобы онъ не связывался съ ея служанкой. Когда же, не смотря на то, послѣдняя родитъ ему троихъ сыновей, тогда какъ отъ жены у него ихъ только двое, — браманъ пожелалъ ему тотчасъ же утратить силу юности. Онъ проситъ чтобы кто-нибудь изъ сыновей снялъ съ него на тысячу лѣтъ старость; по прошествіи же этого времени онъ добровольно сдѣлается старикомъ, а сынъ тогда пусть помолодѣетъ. Но одинъ терпѣть не можетъ старости оттого, что ни ѣда, ни питье тогда не въ сладость, другой — оттого что она безсильна наслаждаться любовью, третій — оттого что тогда ужь не до ѣзды ни верхомъ, ни на колесницѣ, четвертый — оттого что человѣкъ на старости заговаривается; одинъ только меньшой приноситъ себя въ жертву для отца. Тотъ, проживъ тысячу лѣтъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, сознаетъ наконецъ что похоть не удовлетворяется наслажденіемъ, что напротивъ человѣкъ, какъ рабъ ея, мятется въ постоянной тревогѣ; онъ возвращаетъ сыну молодость, ставитъ его царемъ на свое мѣсто, а самъ посвящаетъ себя размышленію о Брамѣ въ одиночествѣ. Онъ преодолѣваетъ свои страсти, кормится одними кореньями въ лѣсу, постоянно безмолвствуетъ, живетъ 30 лѣтъ сряду только водой, да еще одно лѣто питается воздухомъ, стоитъ цѣлый годъ на одной ногѣ среди пяти огней, заслуживаетъ себѣ этимъ небо и наконецъ переходитъ къ небожителямъ. Индра спрашиваетъ у Яяти, кому онъ подобится благочестіемъ; покаянникъ тѣхъ мыслей, что другого такого и не найдти. Индра на это говоритъ: Ты надменно превозносишься надъ равными и лучшими; этимъ ты уничтожилъ всѣ заслуги свои въ глазахъ неба. Правда, покаяніе и добродѣтель прямые пути, ведущіе къ вратамъ небеснымъ, но врата эти не отворяются тому, кто идетъ къ нимъ изъ честолюбія или смотритъ на нихъ съ гордыней. И Яяти падаетъ опять внизъ на землю. По счастію, въ то самое время четверо его внуковъ совершаютъ жертвоприношеніе, и онъ тихо спускается по струѣ благоуханнаго дыма, соединяющей небо съ землей. Внуки спрашиваютъ его, есть ли для нихъ мѣсто на небѣ; онъ отвѣчалъ утвердительно: одинъ заслужилъ себѣ небо щедростью, другой — благочестіемъ, третій — мужествомъ, четвертый — вѣрностью и правдивостью. Тогда каждый изъ нихъ даритъ предку свое мѣсто на небѣ, и по ихъ слову Яяти вознесся туда опять; но въ то же время явились за благочестивыми внуками четыре огненныя колесницы, чтобы и ихъ ввести въ славу вѣчную.

Чуть ли не изящнѣйшимъ поэтическимъ произведеніемъ этого времени было сказаніе про Савитри, которое можно сравнить съ пѣснью о Налѣ и Дамаянти изъ богатырскаго періода. У благочестиваго царя Мадры настарости родилась прелестная дочь. Когда она взросла красною дѣвицей, съ тонкимъ станомъ, съ широкими бедрами, съ глазами какъ цвѣтъ лотоса, съ пламеннымъ пыломъ красоты, — никто не смѣлъ за нее посвататься, такъ ослѣпителенъ былъ блескъ ея вида. Съ безмолвной жаждою любви приноситъ она однажды къ ногамъ отца цвѣты, оставшіеся у ней отъ жертвы, складываетъ жалобно руки и молча становится возлѣ него. Онъ (домекнувшись въ чемъ дѣло) велитъ ей сѣсть въ колесницу и разъѣзжать съ мѣста на мѣсто, изъ рощи въ рощу, дотѣхъ поръ пока она не найдетъ человѣка, за котораго бы захотѣла выйдти за мужъ. Воротясь, она сказываетъ что повстрѣчала въ

лѣсу Сатьявата, который послѣдовалъ въ пустыню за ослѣпшимъ и лишеннымъ престола отцомъ: его то и хочетъ она себѣ въ супруги. Вѣщій Нарада хвалитъ юношу за добродѣтель и за красоту, но сожалѣетъ при этомъ что черезъ годъ ему не миновать смерти. А Савитри не смотря на то говоритъ, что какъ рѣшило ея сердце, какъ молвили ея уста, такъ пускай и будетъ. Царь самъ ѣдетъ съ нею въ лѣсъ, бракъ торжественно совершается, и Савитри не только вполнѣ очаровываетъ супруга, но становится и общею любимицей за добродѣтель, привѣтливость и чинность. Однако тяжкое слово святого тѣмъ не менѣе запало въ глубь ея души, и вотъ она облекается въ мочальную одежду покаянниковъ. Когда осталось только ужь четыре дня до смерти Сатьяваты, красавица объявляетъ что по данному обѣту хочетъ три дня и три ночи простоять неподвижно и въ постѣ. На разсвѣтѣ четвертаго утра она со вздохами приноситъ жертву. Брамины привѣтствуютъ ее желаніемъ, чтобъ ей никогда не овдовѣть; она принимаетъ это съ глубокой грустью. Сатьяватъ хочетъ идти съ топоромъ въ лѣсъ за дровами. И она съ нимъ. Онъ расхваливаетъ ей прелести цвѣтущей рощи, а она такъ на него и смотритъ, помня какъ ужь близокъ страшный часъ. Вдругъ Сатьяватъ утомился, почувствовалъ головную боль, прилегъ къ Савитри на колѣни и умеръ. Тогда, блистая ужасной красотою, предстаетъ съ веревкою въ рукѣ богъ смерти, Яма, вытаскиваетъ изъ Сатьяватова тѣла душу въ видѣ человѣчка съ большой перстъ, связываетъ ее своей веревкою и уходитъ. Въ нѣмой горести идетъ за нимъ вѣрная Савитри. Воротись, сказалъ онъ ей, будетъ тебѣ провожать мужа, справляй теперь похороны. А она ему: Мой долгъ всюду слѣдовать за мужемъ. Говорятъ, съ кѣмъ пройдешь пять шаговъ, тотъ ужь и другъ намъ; такъ выслушай дружелюбно, что́ я скажу тебѣ:

Не безразсудно жить въ лѣсу,
Когда живешь въ немъ для добродѣтели;
Мудрецы называютъ же добродѣтель своимъ щитомъ и жилищемъ:
Вотъ почему у добрыхъ людей добродѣтель первое дѣло.

По ихъ вѣрѣ, добродѣтелью одного человѣка
Всѣ мы пришли на путь спасенія,
И не ищемъ уже за тѣмъ ни другого, ни третьяго.
Вотъ почему у добрыхъ людей первое дѣло добродѣтель.

Яма въ восторгѣ отъ этихъ словъ, и позволяетъ ей выбрать себѣ за то любую милость, только не жизнь Сатьяваты. Она желаетъ чтобы снова прозрѣлъ ослѣпшій ея тесть. Пусть будетъ по твоему, сказалъ богъ. Но теперь воротись же, ты устанешь. — Гдѣ мой мужъ, тамъ я никогда не устану, возразила Савитри. Пойду за тобой слѣдомъ, куда ты его ни понесешь. Послушай-ка еще моей рѣчи:

Добрымъ людямъ разъ лишь повстрѣчаться,
И съ тѣхъ поръ навѣкъ они друзья;
Дружба, ладъ, — великое вѣдь дѣло:
Сладко жить межъ добрыми людьми.

Яма говоритъ что слова ея освѣжаютъ сердце, просвѣтляютъ умъ, и обѣщаетъ ей за нихъ всякую новую милость, только не жизнь Сатьяваты. Она

пожелала чтобъ тестю ея опять отдано было царство. Послѣ этого Яма снова велитъ ей воротиться, а она продолжаетъ:

Быть доброжелательнымъ, щедрымъ, помогать дѣломъ и совѣтомъ
От всей души и безъ устали — вотъ всегдашняя обязанность добраго человѣка.
Свѣтъ дѣлаетъ это иногда изъ угожденія или изъ боязни передъ сильными,
Но добрый человѣкъ готовъ при всякомъ случаѣ полюбить даже и врага.

Слова эти пріятны богу какъ вода жаждущему; онъ дозволяетъ ей пожелать чего-нибудь еще, только не жизни Сатьяваты. Она проситъ даровать сына ея отцу. Хорошо, говоритъ богъ, но воротись теперь, ты зашла уже далеко. — Гдѣ мужъ, для меня не далеко, отвѣчаетъ она все идучи далѣе, и проситъ выслушать ее еще:

Не понадѣешься такъ и на самого себя, какъ на добрыхъ людей;
Оттого всякій и расположенъ къ нимъ душою.
Да, легко вѣрится тому, въ комъ нѣтъ ни лжи, ни враждебности.
Тамъ только и можетъ быть довѣріе, гдѣ есть добрые люди.

Яма обѣщаетъ ей четвертую милость, только опять не жизнь Сатьяваты. Она пожелала потомства для Сатьяваты и для себя. Богъ на это согласенъ. Она продолжаетъ:

Добрые люди всегда дѣятельны для другихъ,
И не съ тѣмъ чтобы вызвать этимъ отплатную услугу,
Они руководятся въ дѣлахъ своихъ сознаніемъ,
Что такова именно воля досточтимаго (божества).

И не напрасно они такъ поступаютъ,
Плодъ этой дѣятельности не пропадаетъ даромъ;
Добрый своей правдою ведетъ и самое солнце,
Добрый своимъ благочестіемъ поддерживаетъ землю.

Тогда богъ замѣчаетъ:

Чѣмъ долѣе ты говоришь такъ правдиво и нравственно, такъ сердечно, замысловато и мило,
Тѣмъ больше я уважаю тебя, благочестивая; а потому желай, чего хочешь.

Савитри:

На этотъ разъ ты расщедрился не попрежнему.
Возврати мнѣ жизнь Сатьявата, отдай мнѣ жизнь мужа!
Возврати мнѣ жизнь мою, дай мнѣ небо, счастіе и блаженство.
Я лишній разъ желаю опять того самаго, что понастоящему ты ужь даровалъ мнѣ:
Вѣдь обѣщавъ мнѣ съ Сатьяватомъ потомство,
Развѣ ты не возвратилъ мнѣ мужа? Отдай же теперь Сатьяватову жизнь!

Яма отдалъ ей съ пожеланіемъ всѣхъ возможныхъ благъ душу мужа, а Савитри пошла опять туда гдѣ лежало бездыханное тѣло, и положила голову

его себѣ на колѣни. Сатьяватъ словно очнулся отъ глубокаго сна, и спросилъ зачѣмъ она не разбудила его раньше; вѣдь на дворѣ ужъ ночь, и отецъ съ матерью будутъ объ нихъ безпокоиться. Онъ срубилъ сухой сукъ и зажегъ его вмѣсто факела:

Въ правой рукѣ Сатьяватъ несъ топоръ для обороны,
А лѣвою обхватилъ лѣвое плечо Савитри.
Она же въ лѣвой рукѣ держала свѣточь, а правою обняла
Сатьявата. Такъ шли они вдвоемъ по темному лѣсу.

Слѣпой Думатьясенъ сидѣлъ между тѣмъ посреди брамановъ, которые старались умѣрить тревогу его о дѣтяхъ благочестивыми изреченіями и разсказами. И вдругъ онъ *самъ* видитъ что вошли Сатьяватъ съ Савитри. Послѣдняя передала удивленному старику, какъ горе ея обратилось въ радость,и съ тѣхъ поръ гдѣ бы ни славили женскую добродѣтель, вездѣ прежде всѣхъ поминаютъ Савитри.

Припомнимъ теперь что по древнеарійскому миѳу Яма былъ перворожденнымъ въ раю человѣкомъ, а потомъ, какъ первый изъ умершихъ, — и царемъ блаженныхъ душъ на томъ свѣтѣ, господомъ правды и истины; тогда станетъ для насъ ясно что вышеприведенныя слова объ одномъ праведномъ, который всѣмъ намъ указалъ путь спасенья, намекаютъ именно на него. Сама Савитри говоритъ потомъ, что она послѣдовала за богомъ, восхваляя его по справедливости, и что наконецъ онъ умилосердился надъ нею. Что касается до требуемой ею любви къ врагамъ, то съ этимъ согласны и два другія индійскія изреченія, которыя говорятъ: ни кого не должно презирать, потому что мѣсяцъ освѣщаетъ и самую низменную хижину, даже избушку отверженца-чандалы; надо за зло платить добромъ, подобно тому какъ сандальное дерево обдаетъ благоуханіемъ даже и топоръ, которымъ нещадно его рубятъ.

Нѣтъ ни въ одной литературѣ поэтическаго созданія, гдѣ преданная и дѣятельная любовь одерживала бы такую побѣду словомъ нравственной истины и цѣнилась бы такъ высоко, кромѣ развѣ Гётевской Ифигеніи, при всемъ несходствѣ двухъ этихъ вещей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Буддизмъ.

«Чудный поистинѣ міръ создала фантазія брамановъ. Земля была населена бродячими душами, преодолѣніе и умерщвленіе плоти освобождало отъ «узъ индивидуальной жизни, подвиги святыхъ перехватывали за предѣлы «земные, ихъ чары произвольно распоряжались и законами тяготѣнія и всѣми условіями физическаго бытія. Тѣ пестрыя картины, которыя природа «края первоначально возбудила и вызвала въ душѣ Индійца, отражались потомъ все страннѣе и вычурнѣй въ легендахъ о чудотвореніяхъ великихъ «покаянниковъ и святыхъ. Надъ этими сказками, надъ этими чудесами, ко«торыя совершались и на небѣ и на землѣ, народъ позабывалъ гнетущее

«его иго. Чѣмъ долѣе Индійцы оставались въ этомъ заколдованномъ мірѣ «боговъ и угодниковъ, тѣмъ равнодушнѣе становились они къ дѣйствительному, прозаическому порядку вещей, тѣмъ болѣе притуплялся у нихъ «смыслъ ко всему происходившему въ реальномъ мірѣ. Такъ-какъ по легендамъ брамановъ боги и духи безпрерывно вступались въ человѣческую «жизнь, а святые, въ свою очередь, непрестанно колебали и тревожили небо, то мало по малу совершенно слились между собой рубежи двухъ разныхъ міровъ, небо и земля перемѣшались въ одинъ безформный хаосъ. Потребность чудеснаго росла по мѣрѣ ея удовлетворенія. И для того чтобы «перещеголять то что имѣлось уже въ наличности, приходилось накладывать день ото дня все сильнѣйшія краски, все болѣе и болѣе напрягать «фантазію, лишь бы хоть какъ-нибудь снова раздражить утомленное отъ возбужденій чувство. Дошло наконецъ до того что пригангскіе Индійцы знали «болѣе про міръ боговъ нежели про земныя вещи, что никогда ни одинъ народъ не отчуждался до такой степени отъ дѣйствительной и дѣятельной «жизни, что царство фантазіи стало для нихъ отечествомъ, и небо — роднымъ домомъ.»

Къ этимъ мѣткимъ словамъ, которыми Максъ Дункеръ характеризуетъ ходъ индійской исторіи подъ вліяніемъ вполнѣ развившагося браманства, мы прибавимъ только что мѣсто живой вѣры, мѣсто внутренняго богопочитанія заступила цѣлая бездна разныхъ обыкновеній и обрядностей, что каждое нарушеніе своихъ правилъ іерархія преслѣдовала цѣлою системой каръ въ настоящемъ, грозя за него страшными муками въ будущемъ, что въ гражданскомъ быту сословныя различія выданы были священствомъ за божественные уставы, а жребій низшихъ кастъ истолкованъ въ смыслѣ наказанія за прежнюю ихъ жизнь, что имъ проповѣдывали обязанность безусловно покоряться гнету свыше, что народъ совсѣмъ утратилъ самодѣятельное направленіе своими собственными дѣлами, и владыки многихъ царствъ, существовавшихъ тогда рядомъ, готовы были отнять у земледѣльца и у горожанина весь плодъ его труда за слабую охрану, доставляемую ихъ владычествомъ. Законодательство Ману выставило всѣ эти уставы подъ видомъ божескихъ заповѣдей и искониввѣчныхъ откровеній. Такимъ образомъ жизнь дѣйствительно обратилась народу въ муку, въ наказаніе, и глубочайшія стремленія души направились къ тому, какъ бы наконецъ достигнуть покоя, вырваться изъ плотскаго заточенія и никогда не попасть въ него опять. Философія, учившая отрѣшаться отъ узъ природы, погружаться мысленно въ чистое неподвижное бытіе души міра, была прямымъ слѣдствіемъ этого настроенія и служила ему единственной отрадой; если вся сплошь дѣйствительность была лишь какою-то смутной грезою, отъ которой очнуться предстояло только въ лонѣ Брамы, то въ глазахъ просвѣтленнаго разумѣнія даже и кастовое устройство и весь внѣшній богослужебный обрядъ должны были казаться ничтожными, сравнительно съ самоуглубленіемъ духа въ божественность и съ самораствореніемъ его въ ея нѣдрахъ.

При такомъ-то положеніи вещей, около 600-го года предъ Р. Х., на южныхъ склонахъ Гималаии, въ Капилавасту, родился царевичъ племени Сакья. Онъ былъ воспитанъ повоенному, и смолоду вдоволь насладился жизнью, но

на 20-мъ году попалъ въ одно село, гдѣ собственными глазами увидѣлъ тяжкую долю народа; разъ, выѣхавъ на прогулку, повстрѣчалъ онъ сперва больного, потомъ дряхлаго старика, наконецъ покойника; это заставило его пораздуматься о мірскихъ бѣдствіяхъ, и мало по малу онъ пришелъ къ великодушному рѣшенію отречься отъ престола, познать причину людскихъ золъ и вникнуть въ способы ихъ смягченія. Сначала онъ отправился въ браманскую пустынь, но не нашелъ здѣсь ни настоящаго объясненія человѣческихъ страданій, ни средствъ пособить имъ. Тогда онъ наложилъ на себя строгій и многолѣтній покаяннической искусъ, и удалясь отъ міра въ безстрастный покой, обрѣлъ среди глубокаго раздумья и внутреннее просвѣщеніе, и вмѣстѣ успокоеніе. Двадцать лѣтъ странствовалъ онъ нищимъ по средней Индіи. Онъ проповѣдовалъ что не въ горахъ и лѣсахъ, подъ священными деревьями, можно найдти вѣрное убѣжище отъ скорби, а единственно лишь въ познаніи четырехъ истинъ: зла, его происхожденія, его уничтоженья, и пути который къ тому ведетъ.

Будда, то-есть «пробужденный», какъ называется съ тѣхъ поръ отшельникъ изъ рода Сакья (Сакьямуни), видѣлъ въ этомъ мірѣ не истинное, завершенное въ себѣ бытіе, а одно лишь безпрестанное возникновеніе и исчезновенье, никогда не достигающее покоя, но всегда обуреваемое всякими мытарствами и доказывающее этой измѣнчивостью свою полную тщету. Душа однакожь поставлена въ измѣнчивый ходъ природы, и терпитъ истинныя муки, когда увлечетъ ее мірской круговоротъ. Мы заперты въ этой толчеѣ, которая ударами колесъ своихъ причиняетъ намъ страданья; даже тамъ гдѣ она повидимому доставляетъ удовольствія, и тутъ рядомъ съ ними готово горе, потому что предметъ ихъ слишкомъ скоро у насъ отнимается. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ намъ ни какого надежнаго счастія, блаженство манитъ насъ съ другой совсѣмъ стороны; оно не въ мірѣ дробнаго, едва возникающаго и тутъ же преходящаго существованія, а въ области чистаго и единаго, вѣчно въ себѣ твердаго бытія. Высшая для насъ цѣль та, чтобы слиться съ нимъ нераздѣльно, уничтоженіемъ въ себѣ своеволія, похоти и себялюбія снискать спокойствіе и миръ. Къ этому ведетъ одна дорога: надо оторвать сердце отъ всего земного, равнодушно смотрѣть на переходчивость міра не ощущая ни какихъ потребностей; за самыя причины удовольствія, которыя своей измѣнчивостью навлекаютъ намъ страданья, должно держаться не крѣпче дождевой капли на листѣ лотоса; надо стать владыкой своихъ чувствъ, господиномъ самому себѣ и, освобожденіемъ себя отъ всякихъ пожеланій, достичь той душевной тишины, которая отрѣшилась отъ всего что̀ не она сама, даже отъ мимолетныхъ ощущеній и представленій. Путь къ спасенію — отреченіе отъ міра, нищета, цѣломудріе. Вотъ чего требуетъ мудрецъ отъ своихъ учениковъ, считая за тѣмъ всякое самоистязаніе только глупостью, напрасно умножающей страданіе, и уча что зло можно побороть въ себѣ чистосердечной исповѣдью и раскаяньемъ. Обузданіемъ чувствъ, самоотверженіемъ должны мы убѣгать всего преходящаго и обрѣтать покой только въ вѣчномъ и неизмѣнномъ.

Конечную цѣль духа, Нирвану, образный языкъ называетъ угашеніемъ, чѣмъ-то вродѣ того какъ потухаетъ свѣтильникъ. Въ ней напрасно ви-

дятъ уничтоженіе. Будизмъ учитъ, совсѣмъ наоборотъ, полной неудовлетворительности и ничтожности земного міра, который никогда дѣйствительно не есть, а всегда лишь только преходитъ; бѣжать его значитъ возвращаться къ истинному бытію. Тамъ царитъ единеніе, здѣсь же властвуютъ напротивъ разладъ и рознь; тамъ — миръ, спокойствіе, блаженство, здѣсь — борьба, скорбь, всегдашнее треволненіе. Будда говоритъ тѣмъ же самымъ языкомъ, что и христіанскіе мистики: мы должны умереть для самихъ себя, должны окончательно разстаться съ себялюбіемъ и самовольствомъ, но не съ тѣмъ чтобъ истребить духъ, а съ тѣмъ чтобъ освободить его, съ тѣмъ чтобъ изъ временнаго перейдти въ вѣчное. И онъ также держался мысли о душескитаніи: человѣкъ долженъ пройдти всю череду тварей, нынѣшнее его положеніе обусловлено его прежнимъ бытіемъ, оно — прямое слѣдствіе прежнихъ его поступковъ; смерть сама по себѣ не есть еще путь къ Нирванѣ, блаженному успокоенію; напротивъ, умирающій плотью возрождается опять смотря по своей жизни, и жребій или доля вовсе не какой-либо слѣпой рокъ, а собственное дѣло самихъ созданій, необходимо продолжающееся слѣдствіе того какъ онѣ дѣйствуютъ и живутъ; новое рожденіе — плодъ предшествующей жизни и ознаменовавшихъ ее поступковъ. Вселенная и порядокъ природы, въ глазахъ буддизма, не только что существуютъ исключительно для недѣлимыхъ, для индивидуальностей, но, какъ доказалъ Кёппенъ, самый круговоротъ вещей въ ихъ возникновеніи и исчезновеньи считается послѣдствіемъ заслуги или же вины живыхъ существъ, и весь ходъ міра — только результатомъ нравственныхъ состояній души и ея дѣйствій. Вотъ отъ этихъ-то прискорбныхъ мытарствъ и желательно избавиться духу, освободиться отъ всегдашняго ихъ треволненія. Будда вѣрно и глубокомысленно созналъ весь гнетъ, все несовершенство, всю неудовлетворительность здѣшней жизни; онъ близокъ къ постиженію коренной причины этому въ отпаденіи духа, твари отъ своей сущности, отъ Бога, въ самообольщеніи себялюбивою мечтой. И если единственный путь отъ здѣшнихъ скорбей къ спокойствію иной жизни онъ видитъ для всѣхъ рѣшительно существъ въ обузданіи чувственности, въ самоотверженіи, въ преданной любви, то это вовсе не путь въ пустое, безсодержательное ничтожество, что было бы вѣдь просто самоубійствомъ, но именно возвратъ изъ міра призрачности и мелкой розни въ область совершеннаго бытія и божественнаго блаженства. Только Будда вовсе не опредѣлилъ истинную сущность, онъ не достаточно понялъ духъ какъ именно энергію осуществляющую то что быть должно, онъ слишкомъ односторонно видѣлъ въ немъ только спокойную созерцательность, безмятежное затишье, а потому проповѣдывалъ и людямъ только отреченіе отъ міра, а не одолѣніе его въ постоянной борьбѣ, не завершеніе его тѣмъ чтобъ водворить въ немъ царство Божіе. Какъ Индійцы вообще слишкомъ мало разумѣютъ и вырабатываютъ волю, эту ось всей духовной области, а зато односторонне предаются раздумчивымъ мудрованіямъ празднаго ума и своенравной игрѣ фантазіи, то естественно что и у Будды выдвинулись впередъ безволіе и страдательность и стали на первомъ планѣ; подобно всѣмъ Индійцамъ вообще, видя въ мірѣ одинъ только призракъ, а не явленіе сущности, онъ не нашелъ водительства Божія ни въ природѣ, ни въ исторіи, не призналъ его откровенія ни въ естественномъ, ни въ нравственномъ міропорядкѣ. Вотъ отчего въ уче-

піи Будды загробная жизнь осталась совершенно безсодержательной, и побѣда надъ себялюбіемъ сведена его послѣдователями на уничтоженіе всякой самости. Это не должно однакожь мѣшать высокой оцѣнкѣ того зерна правды, какое заключаютъ въ себѣ его стремленіе и его дѣятельность.

Что касается душескитанія, то, какъ замѣчено уже Бунзеномъ, философски-послѣдовательное принятіе этой вѣры довело еще и древнихъ Египтянъ до того, что за конечную цѣль всякаго бытія признавали они истинное блаженство, то-есть прекращеніе той переходчивости видовъ и формъ, какая неразлучна съ земнымъ существованіемъ. Этой цѣлью было для нихъ соединеніе съ верховнымъ богомъ, Озирисомъ, а вовсе не конецъ самосознанія. Прекращается только порозненіе душп съ божествомъ. Прекращается особная или, какъ выразился Таулеръ, тварческая жизнь ея,—жизнь не настоящая; та, напротивъ, остается для насъ здѣсь скрытою, но къ ней ближе подходитъ человѣкъ, уразумѣвшій ничтожество всего земного, того чья сущность не въ немъ самомъ, а единственно лишь въ одномъ Богѣ. Такой человѣкъ не хочетъ уже и существовать самъ по себѣ, отдѣльно; онъ стремится жить въ Богѣ, въ своей сущности. Бунзенъ указываетъ при этомъ на древнее повѣствованіе о кончинѣ Будды, гдѣ мудрецъ, очнувшись отъ глубокой думы, говоритъ: «Пустынникъ отрекся отъ всякаго разнокачественнаго бытія, отъ всѣхъ составныхъ частей земной жизни; ища только духа, углубленный въ самого себя, онъ пробилъ свою раковину и вылетѣлъ оттуда какъ птица выпархиваетъ изъ яйца. Я былъ рабомъ ненависти, страсти, я обманывался, зависѣлъ отъ плотскаго рожденія, отъ заботы, отъ страданій; теперь же достигъ высшей мудрости и забылъ себялюбіе, похоти, вражду. Да живутъ и возрождаются многія тысячи въ качествѣ святыхъ, сопричастниковъ мірамъ Брамы, и да наполняютъ они эти міры своими несмѣтными ликами!» Очевидно, въ выраженіи покоя, мира и блаженнаго общенія съ Богомъ, личность не утрачиваетъ здѣсь сама себя, но сохраняя права свои, вступаетъ въ бытіе истинное и совершенное. Такимъ образомъ блаженство для просвѣтленнаго начинается уже и здѣсь; ему заготовь открытъ прямой «чистый» путь къ небу; Будда перешелъ ужь на тотъ берегъ, онъ вступилъ уже на путь Нирваны; онъ можетъ сказать въ одномъ пѣснопѣніи:

Мнѣ предстояла бы череда безчисленныхъ рожденій,
Не найди я наконецъ того зодчаго, котораго искалъ;
Да, рождаться до безконечности истинно прискорбно.
Но ты усмотрѣнъ мной, о зодчій!
Теперь не прійдется тебѣ снова опять строить зданіе!
Подломились балки, упалъ гордый щипецъ его:
Духъ мой, вступивъ въ Нирвану,
Совершенно угасилъ во мнѣ жажду пожеланій.

Ученіе Будды теоретически примыкаетъ къ философіи Капилы и его догматъ о разрѣшеніи самости въ чистомъ и вѣчномъ бытіи немногимъ разнится отъ глубокой думы брамана, который, погрузясь въ самого себя, повѣдываетъ о своемъ единствѣ съ душой міра, съ Брамою. Но истинная религіозность, живое сочувствіе къ людскимъ страданіямъ, глубоко коренилось въ немъ изначала, и освобожденія отъ горя и бѣдъ училъ онъ искать не въ

самоистязаніи и не въ умозрительныхъ подвигахъ, а только въ очищеніи отъ грѣховъ, въ самообладаніи и спокойствіи духа. Но конечно и это не вывело бы его изъ круга обычной дѣятельности любого основателя секты, любого расколоначальника, тѣмъ болѣе, что наперекоръ человѣческой природѣ онъ требовалъ безбрачія и воздержанія отъ половыхъ удовольствій, что̀ должно̀ или положить конецъ людскому существованію, или само ограничиться тѣснымъ сравнительно кругомъ. Этотъ тѣсный кругъ составляли самоотверженцы и посвященные, тѣ служители Будды, которые слѣдовали за нимъ безусловно, и по смерти его, живя на монастырскій ладъ, распространяли его ученіе, какъ настоящіе священники. Но величайшимъ его шагомъ было то, что онъ обратился съ своей проповѣдью не къ одной какой-либо кастѣ, а къ цѣлому народу, что утѣшительное его слово имѣло въ виду именно бѣдныхъ и угнетенныхъ, что законъ свой называлъ онъ закономъ благодати для всѣхъ. Кто и не достигнетъ здѣсь полнаго освобожденія отъ соблазновъ міра, тотъ по крайней мѣрѣ подготовится къ этому и тѣмъ уже облегчитъ себѣ тяжкое свое состоянье. Онъ всѣмъ велитъ жить въ мирѣ и тишинѣ. Каждый да вноситъ спокойствіе въ свое чувство. Люди должны считать себя за одну великую общину по бѣдѣ и горю; они не только не должны причинять другъ другу еще больше вреда, но обязаны напротивъ взаимно оказывать любовь и состраданіе. Ни жертвоприношенія, ни обряды не ведутъ къ истинному добру; спасительно только одно выполненіе этихъ нравственныхъ законовъ, которые имѣютъ одинаковый вѣсъ для всѣхъ; къ какой кто принадлежитъ кастѣ, все равно; это конечно дѣло того жребія, какой уготовилъ себѣ человѣкъ прежними поступками, но во всякомъ сословіи, во всякомъ общественномъ положеніи можетъ онъ достигнуть высшаго блаженства обузданіемъ своихъ похотей, покаяніемъ и любовью. Знаменательное это слово было бы способно освободить всю Индію, не позабудь тамъ народъ здѣшней жизни изъ-за будущей, поставь онъ себѣ на землѣ практическія цѣли. Но при подобной обстановкѣ ученіе Будды вызвало отпоръ со стороны брамановъ, которымъ послѣ многовѣковой борьбы удалось даже одержать побѣду, хотя конечно только для того чтобы подпасть чужевластію могаммеданъ, а впослѣдствіи — Европейцевъ. Могаммедане приняли элементы индійской культуры и разнесли ихъ далѣе, Европейцы положили начало изученію индійской древности; но мы ждемъ еще той поры, когда благодаря образованію въ связи съ христіанствомъ, взойдетъ новый день свободы для восточнаго быторазвитія.

Какъ Христосъ къ Самаритянкѣ, такъ и любимый ученикъ Будды, Ананда, подошелъ къ черпавшей воду дѣвушкѣ, изъ помѣсной касты, чандала *, и попросилъ у ней напиться; та возразила на это, что она вѣдь отверженница, которой одно прикосновеніе дѣлаетъ человѣка нечистымъ. А онъ съ своей стороны замѣтилъ: Сестра, я не спрашиваю тебя о кастѣ, а просто говорю: дай мнѣ пить. И Будда принялъ эту дѣвушку въ число посвященныхъ. Подобно Христу не смотрѣлъ онъ на національности и хотѣлъ повѣ-

* Помѣси различныхъ кастъ, нося каждая особое имя, всѣ считаются болѣе или менѣе нечистыми. Чандала — дитя, рожденное отъ судры и браманки или отъ кшатріи и судрянки. Изъ чандалъ выбираютъ обыкновенно палачей.

дать законъ свой всѣмъ народамъ. Подобно Христу говорилъ и онъ, что богачамъ и счастливцамъ труднѣе достигнуть спасенія, нежели труждающимся и угнетеннымъ. Точно такъ же какъ и Христосъ полагалъ онъ любовь средоточіемъ своего нравоученья. Ядромъ всѣхъ нравственныхъ его требованій были милосердіе, готовность жертвовать собой для брата; онъ утверждалъ что благорасположеніе и состраданіе должно простирать не только на людей, но и на животныхъ. Если у Будды есть недостатокъ въ нравственномъ отношеніи, то онъ заключается въ той сторонѣ его проповѣди, которая болѣе учитъ терпѣнію, преданности и состраданію нежели дѣйствію и борьбѣ, нежели любви положительно творящей и зиждущей,—что конечно скорѣе ведетъ къ квіетизму нежели къ великимъ подвигамъ. Но среди грубыхъ народовъ, принявшихъ его религію, она этимъ именно и оказала благотворное свое вліяніе, смягчая и исправляя нравы.

Приведемъ еще нѣсколько изреченій изъ его закона.

Чѣмъ нанизывать тысячу словъ въ цѣломъ потокѣ пустозвонныхъ изреченій,
Лучше высказать одно, полное смысла и способное успокоить человѣка.

Преодолѣть самого себя выше всѣхъ побѣдъ на ратномъ полѣ;
Такова побѣда того, кто обуздаетъ собственныя пожеланія, кто совладаетъ самъ съ собою.

Иной проживетъ сто лѣтъ всегда слабосердымъ и слабоумнымъ;
Лучше прожить одинъ только день, да показать твердую силу воли.

Лучшая набожность — всегда кроткое терпѣніе;
Кто совсѣмъ отдѣлается отъ зла, тотъ пускай и зовется брамaной.

Нѣтъ темницы пуще ненависти, нѣтъ огня пуще похоти,
Нѣтъ силка пуще страсти, нѣтъ потока пуще желанія.

Кто среди міра побораетъ чувственныя наслажденія,
Для того только множится число непріятностей;
Но кто преодолѣетъ въ себѣ пожеланіе и страсть,
Съ того всѣ непріятности скатываются какъ капли съ древеснаго листочка.

Гнѣвъ никогда не укрощается гнѣвомъ, онъ уступаетъ только миролюбію.
Лѣнь — путь смерти, бдительность — дорога жизни.

Кто, оставивъ за собой горе и радость, живетъ спокойно и безпечально,
Кто одолѣлъ этотъ враждебно противуставшій ему міръ,
Кто, свободный отъ пожеланій, безпрепятственно достигъ другого берега,
Кто ни чего не хочотъ себѣ въ собственность, - вотъ того назову я брамaной.

Собственная жизнь Будды служила для его послѣдователей первообразомъ, которому они должны были подражать, отличаясь самообладаніемъ и преданной любовью. Подобно жизни другихъ основателей религіи, и она въ скоромъ времени тѣмъ болѣе изукрасилась чудесами, чѣмъ щедрѣе была уже и передъ тѣмъ индійская фантазія на легенды о покаянникахъ. Теперь, возсѣдая на небѣ съ богами, онъ, говорятъ намъ, порѣшилъ для спасенія всѣхъ дышащихъ существъ сдѣлаться человѣкомъ; въ видѣ пятицвѣтнаго луча онъ зачатъ дѣвственною матерью безъ всякаго мужского содѣйствія; при рожде-

ніи его останавливаются неподвижно солнце и мѣсяцъ, а слѣпые прозрѣваютъ и глухимъ отверзается слухъ. Изъ чашечки лотоса младенецъ озираетъ вселенную. Боги служатъ ему на пути его, и бѣгутъ отъ него только тогда, когда искуситель Мара, царь этого міра похоти, вооружается на него злобой; но Будда тотчасъ же распознаетъ обманчивый призракъ въ тѣхъ страшныхъ явленіяхъ природы, которыми злой духъ хочетъ напугать его, вызывая бурю и огненный дождь. Искуситель такъ же точно побѣждается имъ и въ словопреніи, и напрасно ищетъ соблазнить Будду прелестями своихъ дочерей. Выдержавшій всѣ эти испытанія превосходитъ брамановъ и мудростью и чудотвореніемъ; но всѣ чудеса его носятъ на себѣ печать милосердой любви, спасительной помощи.

«Человѣчное и религіозное вмѣстѣ дѣло — чтить и славить память усопшихъ родителей, друзей, благодѣтелей, а въ обширнѣйшемъ кругу—память «великихъ и заслуженныхъ людей, наставниковъ, пастырей народныхъ, вы«соко цѣнить и уважать ихъ изображеніе, всякій видимый остатокъ земного «ихъ бытія, вообще все то что живо объ нихъ напоминаетъ. Священны тѣ «мѣста, по которымъ витали они при жизни, священны ихъ усыпальницы, «священны останки, служащіе какъ бы залогомъ ихъ воспоминанія. Это че«ловѣческое чувство благочестія свойственно всѣмъ временамъ и народамъ, «ему готовъ отдаться всякій добрый, неочерствѣлый человѣкъ; оно соста«вляетъ существенный элементъ всѣхъ религій. Чистое въ своемъ источ«никѣ, и оно переходитъ однакожь въ суевѣріе и фетишизмъ, когда съ одной «стороны грубость и тупоуміе вздумаютъ воспользоваться имъ для достиже«нія чувственныхъ своихъ цѣлей, а съ другой стороны лицемѣрная ложь «овладѣетъ имъ для того чтобы вполнѣ подчинять себѣ и оскотинивать на«родныя массы. Когда священнослужитель учитъ, а толпа вѣруетъ, что «образъ или остатокъ не только лишь средство воспоминанія или углубленія «внутренняго чувства, но нѣчто еще бо́льшее, что ему будто бы присущи «какія-то сверхъестественныя силы, тогда религіи настаетъ конецъ, и начи«нается ужь прямое служеніе фетишу.» Мы вполнѣ усвоиваемъ себѣ эти слова К. Ф. Кёппена. Впослѣдствіи мы увидимъ какъ изображеніе Будды сдѣлалось исходною точкой для развитія пластическаго искуства, какъ сооруженіе построекъ для храненія останковъ его положило начало свободному зодчеству. Ему, считавшему все земное за водяной пузырь, конечно и въ умъ не приходило дѣлать предметами поклоненія свои зубы, свои волосы, части своей одежды, но священство воспользовалось подобными вещами для того чтобы выставить передъ падкою на внѣшность толпой какіе-нибудь видимые знаки, изъ-за которыхъ, какъ часто случается, совершенно позабывалась сущность дѣла. Вѣдь и въ буддійствѣ дошло наконецъ до того, что начали опускать въ колесо писанныя молитвы и вертѣть эту молитвенную машину цѣлые часы, въ убѣжденіи что боги сами выберутъ тѣ прошенія, которыя прійдутся имъ больше по сердцу! Правда, простое изустное бормотаніе молитвъ точно такое же механическое дѣло, и одинаково безполезное, такъ-какъ оно вовсе не достигаетъ той цѣли молитвы, чтобы возноситься сердцемъ ко Всевышнему и предаваться волею въ верховную волю божества.

Точно такъ же какъ поклонники Брамы и души вселенной, точно такъ же какъ впослѣдствіи Сократъ, Будда отнюдь не возставалъ противъ боговъ народной вѣры; онъ только говорилъ, что жертвы и обряды не достаточны для спасенія и что настоящій къ нему путь—обузданіе своекорыстныхъ похотей и любовь ко всякой сотвари. Буддисты признавали боговъ высшими духами, небожителями; какъ предсѣніе чистаго блаженства и истиннаго бытія, небо восходитъ къ послѣднему въ безчисленныхъ ступеняхъ, занятыхъ святыми и благочестивцами, которые постепенно освобождаются здѣсь отъ всякаго помраченія, болѣе и болѣе обращаясь къ чистому свѣту. Небу въ вышинѣ отвѣчаетъ адъ въ глубинѣ преисподней, гдѣ наказуются нечестивцы. Такъ-какъ вѣдь душа смотря по своимъ заслугамъ, если не вошла въ Нирвану, должна непремѣнно возродиться на землѣ, на небѣ или въ аду. При предлежащемъ всегда каждому разрѣшеніи нравственныхъ задачъ жизни возможно какъ нисхожденіе съ неба на землю, такъ и восхожденіе изъ ада къ лучшему бытію. Въ аду, точно такъ же какъ и въ небѣ, есть извѣстныя сферы или отдѣльные круги, знаменующіе различныя состоянія блаженства и гибели. Картина казней, какимъ обречены убійцы, невѣрующіе и презорцы святыни, достойна кисти самого Данта. Всѣ они возродились тамъ въ холодной мглѣ подъ видомъ ужаснѣйшихъ чудовищъ. Какъ нетопыри сплятся они уцѣпиться за стѣны, но, движимые взаимной злобой и завистью, грызутъ, терзаютъ другъ друга и падаютъ въ бездонную хлябь ѣдкихъ водъ, разлагающихъ гнусныя ихъ лохмотья; однакожь и уничтоженіе не даетъ имъ покоя, они тотчасъ же встаютъ на новую опять борьбу и на новое за тѣмъ низверженіе въ страшныхъ какъ и прежде мукахъ. Иная доля суждена алчнымъ корыстолюбцамъ: они постоянно одержимы голодомъ и жаждою, но въ удовлетвореніе себѣ находятъ только самую отвратительную пищу, и притомъ рты у нихъ не болѣе ушка швейной иглы.

Если Будда выступилъ какъ одинъ трезвый среди цѣлой ватаги пьяныхъ съ простымъ благородствомъ и ясностью своихъ нравственныхъ началъ, зато ученіе его вскорѣ испытало на себѣ, какъ сказано, неудержный напоръ вліяніи индійской фантазіи, не смотря на то что почти вслѣдъ за смертію учителя приверженцы Будды старались установить и сохранить въ первобытной чистотѣ основныя положенія его закона. И самъ онъ, и ближайшіе его послѣдователи, требовали и предоставляли во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ такую благородную терпимость, какой можно бы было ожидать развѣ только отъ нашего времени. Онъ умеръ за 540 лѣтъ до Р. Х.; вскорѣ по его кончинѣ составлена первая письменная редакція его заповѣдей. Сто двадцать лѣтъ спустя состоялось собраніе изъ 700 значительнѣйшихъ лицъ, для того чтобы опять установить правильный текстъ «благого закона», такъ какъ на дѣлѣ обнаружились уже разныя отступленія и расколы. Третіе большое собраніе для подобной же цѣли созвано за 250 лѣтъ до Р. Х. магхадскимъ царемъ Асокою; здѣсь, какъ на христіанскихъ соборахъ, догматы вѣроученія подъ вліяніемъ того времени приведены были въ прочно-отвержденную форму; и не даромъ нѣкоторые писатели сравнивали этого царя съ Константиномъ. Проповѣдь буддійства сначала безъ шуму распространялась по Индіи. Въ главномъ гнѣздѣ своемъ, Магхадѣ, оно одержало рѣшительный перевѣсъ только благодаря царю Асокѣ. Отсюда провозвѣстники новой вѣры перешли

въ Загангскую Индію и проникли на островъ Цейлонъ, а съ другой стороны къ сѣвернымъ народамъ. Ко времени христіанской эры браманство усилилось опять до такой степени, что смогло уже вступить въ борьбу съ буддистами и вытѣснить ихъ изъ областей лежащихъ по сю сторону Ганга. Зато религія ихъ разнеслась по Китаю и Тибету; ее принялъ великій монгольскій ханъ Хубилай. Она считаетъ и донынѣ около 300 милліоновъ исповѣдниковъ.

Однимъ изъ существенныхъ ея недостатковъ должно признать то, что дуализмъ или раздвой между земной и загробной жизнью, между духомъ и природою, между безконечно-единымъ и множественностью конечнаго повторяется опять въ раздвоѣ священства съ мірянами. Будда вовсе не началъ съ учрежденія такой общины, которая бы породила потомъ изъ себя священниковъ и настоятелей или старѣйшинъ; онъ просто основалъ родъ монашескаго чина изъ строгихъ приверженцевъ, которые, въ качествѣ посвященныхъ и избранныхъ, представляли собой духовенство и приняли на себя роль посредниковъ между небомъ и народомъ, не желавшимъ нести тяжкій обѣтъ безбрачнаго цѣломудрія и нищеты, который считался необходимымъ для полнаго совершенства. Поэтому народъ не достигъ духовнаго освобожденія, не былъ призванъ къ прямому, кровному участію въ царствѣ Божіемъ, но навсегда обреченъ былъ стоять подъ руководительствомъ и опекой іерархіи. Буддійство чаетъ себѣ еще новаго и истиннаго спасителя, котораго названіе Маитрейя значитъ милосердый, исполненный любви. Ему суждено возстановить чистое ученіе и водворить справедливость на землѣ. Тѣмъ самымъ буддійство указываетъ уже за предѣлъ своей отрицательной, квіэтистической, страдательной лишь морали: ожидаемый въ будущемъ князь мира долженъ дать полную побѣду правотѣ. Но торжество справедливости есть вѣдь и торжество свободы, добросовѣстное проведеніе силой воли всего того, что признано за истину. Тутъ земная жизнь перестаетъ уже быть богопротивнымъ мытарствомъ, юдолью плача и заблужденія, если по божественному чину она строится ко благу всѣхъ людей; тогда духъ можетъ неблазно радоваться землею и вмѣстѣ считать небо настоящей своей родиной.

Въ великомъ и цѣломъ составѣ всемірной исторіи, скажемъ мы вмѣстѣ съ Бунзеномъ, буддизмъ представляется какъ бы роздыхомъ людского рода отъ гнетущаго ига браманства у Индійцевъ или отъ неистовствъ дикаго шаманства у Монголовъ. Это роздыхъ крайне утомленнаго путника, котораго ни что такъ не удерживаетъ отъ положительнаго участія въ божественномъ дѣлѣ на землѣ, какъ полное отчаяніе въ правотѣ и истинѣ всей дѣйствительной жизни, и особенно жизни государственной. Полусонъ буддистскихъ народовъ длится долго, но онъ все-таки успокоительно-тихъ; и кто знаетъ, далеко ли имъ теперь до пробужденія? Во времена Будды, на развалинахъ Іерусалима, пророкъ Іеремія возвѣщалъ новое царство Божіе, царство внутренней справедливости, возвѣщалъ упованіе на Спасителя человѣческаго рода; въ то же время Солонъ давалъ въ Аѳинахъ человѣческій уставъ свободной народной общины и открылъ собою рядъ тѣхъ мудрецовъ, которые стремились познать въ видимомъ мірѣ вѣчное и божественное, представить бо-

жественный разумъ, какъ вездѣприсущее начало вселенной, и снискать полную силу и владычество ясному убѣжденію самосознательнаго духа. *

---

* Даже и Бюрнуфъ въ своей можно-сказать основоположной книгѣ о Буддизмѣ, даже и Кёппенъ въ своемъ ясномъ историческомъ обзорѣ этого міросозерцанія, оба принимаютъ за цѣль и противоположность земной жизни чистое ничто; Нирвана, по ихъ мысли, сводится къ совершенному ничтожеству, и буддизмъ называютъ они проповѣдью самоуничтоженія. Кёппенъ и Максъ Дункеръ напоминаютъ при этомъ что сильные, энергическіе народы всегда отстаиваютъ вѣру въ вѣчную жизнь, всегда стремятся къ личному безсмертію; празднолюбивые же отъ природы Индійцы гнетомъ свѣтской и духовной тиранніи и боязнью постояннаго обновленія мучительной этой жизни въ душескитаніи доведены были до того, что стали искать спасенія только въ ничтожествѣ, въ окончательной смерти. Кёппенъ ссылается здѣсь на Шопенгауэра, который дѣйствительно смотритъ на міръ такъ же безотрадно какъ и Будда, и видитъ истинное спасеніе только въ самоотреченіи воли отъ жизни. Шопенгауэръ указываетъ въ свою очередь на аскетизмъ святыхъ и находитъ истинно-человѣческое величіе не въ завоевателѣ міра, а въ томъ, кто преодолѣетъ соблазнъ его въ самомъ себѣ. Въ заключеніе своего справедливо-знаменитаго труда, онъ говоритъ слѣдующее: „Если отвернувшись отъ нашей собственной ограниченности и скудости мы обратимъ взоръ на людей, „поборовшихъ міръ въ самихъ себѣ, которыхъ воля, достигнувъ полнаго самопознанія, нашла „опять себя же самоё во всемъ и свободно отъ себя отреклася, и которые за тѣмъ ждутъ „лишь исчезновенія малѣйшаго слѣда ея въ оживляемомъ ею тѣлѣ, то, вмѣсто непрерывной гоньбы и тревоги, вмѣсто ежечасныхъ переходовъ отъ желанія къ боязни и отъ горя „къ радости, вмѣсто никогда не удовлетворенныхъ и всегда возрождающихся опять надеждъ, „изъ которыхъ состоитъ жизненное сновидѣніе всегда чего-нибудь хотящаго человѣка,—вмѣсто всего этого мы увидимъ тотъ миръ, что выше всякаго разума, то совершенное затишье „души, то глубокое спокойствіе, ту непоколебимую увѣренность и ясность, которыхъ одинъ „отблескъ въ чертахъ лица, переданный кистью Рафаэля и Корреджіо, предстаетъ намъ цѣлымъ „и надежнымъ благовѣстіемъ: тутъ осталось уже одно только познаніе, воля исчезла безслѣдно „и вполнѣ. Съ глубокою по немъ тоской смотримъ мы на блаженное это состоянье, передъ „которымъ жалкое бездолье нашей собственной души выступаетъ для насъ въ тѣмъ болѣе яркомъ свѣтѣ..... А что, и за совершеннымъ упраздненіемъ воли, остается въ человѣкѣ „налицо, то естественно должно казаться „ничѣмъ“ для всѣхъ, кто преисполненъ еще волею. „Въ комъ напротивъ совершился уже поворотъ воли къ самоотрицанію, для тѣхъ этотъ реальный намъ міръ со всѣми его солнцами и млечными путями—также въ свою очередь ничто.“

Заключительныя эти слова давно уже послужили мнѣ намекомъ къ разгадкѣ буддизма, и кажется, ихъ достаточно для того чтобъ объяснить настоящій его смыслъ. „Ничто“ само вѣдь относительно. Еслибъ Будда считалъ міръ за истинное бытіе, тогда противоположное послѣднему, бытіе внѣмірное, выходило бы дѣйствительно чистымъ ничто. Но міръ для него не истинно сущее, а нѣчто только еще хотящее быть, становящееся, безпрерывно измѣняющееся и преходящее, что слѣдовательно само собой доказываетъ свою несостоятельность и тщету; противоположностью этому внѣшнему, кажущемуся только существованію предстаетъ самосущій міръ единаго истиннаго бытія и вѣчная его нерушимость. Угашеніе конечности—прямой переходъ въ безконечность. Нирвана, вѣдь и по словамъ Кёппена, есть совершенное уничтоженіе всякой скорби и боли, всѣхъ составныхъ частей и принадлежностей земного существованія и всего того, что не входитъ въ коренную суть души, всего отъ чего послѣдняя можетъ и обязана отрѣшиться еще въ теченіе здѣшней своей жизни. Нирвана — это крайняя противоположность Сансары, быстросмѣнной череды рожденій и смертей, полнаго господства условій времени; Нирвану величаютъ блаженнымъ покоемъ, величайшимъ изъ всѣхъ благъ, и Обри справедливо выводитъ отсюда заключеніе что мыслящій принципъ (познаніе) остается тутъ неприкосновеннымъ (упразднена одна лишь тревожная воля). Самъ Будда говоритъ о себѣ, какъ о достигшемъ другого берега, гдѣ поэтому должно полагать не только его личность, но и все внѣмірное бытіе. Вопросъ окончательно рѣшается тѣмъ соображеньемъ, что Будда самъ вѣдь слѣдовалъ философскому ученію Капилы, принимавшаго души въ ихъ индивидуальной множественности за вѣчныя начала и ставившаго послѣднею цѣлью жизни выходъ изъ мытарствъ земного существованія въ сферу чисто-духовнаго бытія. Такимъ образомъ черезъ Нирвану душа приходитъ сама къ себѣ. Если Юлій Моль выдаетъ Нирвану—хоть положимъ и бездоказательно—за сліяніе души съ божествомъ, онъ конечно тутъ не ошибся. Это—тоже опять возсоединеніе съ Брамой, подъ другимъ только именемъ. Съ Молемъ согласенъ и Бунзенъ, когда онъ говоритъ: Ученіе Будды основано на тѣхъ же самыхъ этическихъ началахъ, которыя проповѣдыва-

Вишну и Сива. Завершеніе эпоса. Бгагавадгита и Пураны.

Въ то время какъ брамaны и буддисты возвеличивали духъ надъ природою и изъ міра преходящаго множества погружались въ тихое лоно единой сущности, природа все-таки оказывала свое могучее дѣйствіе на сердце народа, и идея божества все-таки облекалась въ ея формы, примыкая конечно

лись такъ-называемыми „боголюбцами" (Gottesfreunde) въ Страсбургѣ и Кёльнѣ,—Экардомъ, Таулеромъ, Сузо: первое условіе всякой жизни въ Богѣ то, чтобъ обезсамиться; кто освободился отъ пожеланій, кто умеръ для самого себя, тотъ и живетъ въ истинѣ. — Приведу здѣсь нѣкоторыя изреченія христіанскихъ мистиковъ. Мейстеръ Экардъ учитъ признавать въ Богѣ единую истинную сущность: отсюда томительная жажда всякой твари воротиться къ своему источнику, отрѣшиться отъ конечности и вступить въ мирное лоно божескаго единства. Для этого необходимы кротость, терпѣливое спокойствіе. Бѣгучая тѣнь временнаго не способна утѣшить человѣка въ скорби распаденія, раздвоя; онъ вынужденъ стремиться къ единству, отрекшись отъ міра, отъ пожеланій, отъ своего собственнаго *я*; когда онъ уничтожитъ въ себѣ свою самость, упразднитъ въ сердцѣ все что только не Богъ, въ немъ останется живо одно лишь существо Божіе, гдѣ все раздѣльное выходитъ уже объединеннымъ. Къ этому приравнивалъ я индійскій догматъ о раствореніи души въ Богѣ еще въ давнишнемъ своемъ трудѣ: „Философское міросозерцаніе реформаціонной эпохи", а теперь добавлю къ тому одно совершенно подходящее сюда изреченіе Фихте: „Пока человѣку еще хо„чется быть чѣмъ нибудь самому, Богъ тогда къ нему не подходитъ; но когда онъ уничто„житъ себя рѣшительно, вполнѣ и начисто, тогда остается одинъ Богъ, и нѣтъ больше ничего „другого." Дѣло въ томъ что себялюбіе, самовольство или своенравность должны напередъ быть преодолѣны; тогда только соединяемся мы со всеобщей волею, съ Богомъ, и становимся причастны блаженной его жизни. Насчетъ кротости прекрасно выразился однажды Гёто: Когда ты спокоенъ и тихъ, тутъ-то и прійдетъ къ тебѣ помощь. Совершенно на одинъ ладъ съ Буддой говоритъ авторъ превосходной „Книжки о нѣмецкомъ богословіи". Міръ для него—сборникъ несовершенствъ, совершенство—въ одномъ Богѣ; пока конечное льнетъ въ конечному, совершенство остается для него недознаннымъ, недоступнымъ; конечное должно упраздниться въ собственномъ существѣ своемъ для того чтобъ обрѣсти себя въ Богѣ. Человѣку надо выйдти изъ пристрастныхъ отношеній своихъ къ твари, и всецѣло войдти въ Творца. Чтобы душѣ стать блаженной, необходимо водворить въ ней исключительное господство единаго. Соединиться съ Богомъ значитъ въ простотѣ и чистотѣ души совершенно отдаться вѣчной его волѣ, уничтожить свою собственную или слить сотворенную эту волю съ творческой такъ тѣсно, чтобы послѣдняя хотѣла, дѣйствовала и попускала за нее одна. Самовольство, себялюбіе прямо именуются здѣсь адомъ. Когда же всѣ воли въ совокупности составятъ одну совершенную волю, тогда каждый возлюбитъ все въ единомъ и единое во всемъ; эта обожествившаяся воля есть вмѣстѣ и высшее блаженство. Здѣсь такимъ образомъ призвана въ своей истинѣ и та дѣятельная сторона бытія, которую намъ пришлось отстаивать противъ пренебрегшаго ею Будды.

Вотъ въ заключеніе слова персидскаго могаммеданина Джелаледдина Руми:

Смерть хоть и снимаетъ тяжкій гнетъ жизни,
Жизнь всегда ея ужасается:
Она видитъ темную ея руку,
Но не видитъ свѣтлой чаши, которую та поднесла.
Такъ сердце страшится подступающей любви,
Какъ будто бы и она грозила ему смертью:
Это оттого, что гдѣ пробудится любовь,
Тамъ умираетъ мрачный деспотъ,—себялюбіе.
Дай же умереть ему вполнѣ за́ночь,
И тогда вздохнешь свободно на зарѣ.

къ поэзіи древнихъ Ведъ. Индра становился все болѣе и болѣе богомъ браней и воиновъ. Припомнимъ что подручникомъ у него былъ Рудра, господь вѣтровъ, что Рудра бросалъ также и молнію, что ему молились какъ сильному и грозному, но вмѣстѣ и какъ подателю благъ. Прозвище, знаменовавшее его милостивцемъ, множителемъ всякаго роста, было Сива, и оно стало потомъ главнымъ его именемъ. Въ видахъ смягчить грозовую бурю до безвредности, и въ сознаніи благотворныхъ дѣйствій бога вѣтровъ, его стали называть не воющимъ или ревущимъ (рудра), а милостивымъ (сива). Надо взять въ расчетъ великое значеніе правильныхъ тропическихъ вѣтровъ въ Индіи, гдѣ отъ нихъ зависитъ наступленіе дождливой поры и вёдра, чтобы постичь какъ могли тамъ возвести на ступень верховнаго могущества царящую въ нихъ божественную силу; буребогъ сталъ двигателемъ вселенной и, при близкомъ сродствѣ воздуха съ дыханіемъ и наконецъ съ духомъ, онъ превратился во всемірной духъ. Такимъ онъ и изображается въ одной Упанишадѣ.

Народу нужны живыя, наглядныя божества, и что ни толковали мыслители о тщетѣ природы, онъ тѣмъ не меньше ощущалъ на себѣ ея вліяніе; въ долинахъ Гималайи и по Деканскимъ горамъ, гдѣ плодоносіе зависѣло отъ тропическихъ ливней, расточавшихъ свою благодать съ истинно-ужасающею силою, естественно было занять первое мѣсто божеству, которое возвѣщало свою власть опустошительными бурями, но изъ страшнаго опустошенія порождало преизбытокъ новой жизни. Чѣмъ ужаснѣе проявлялось оно въ молніи и громахъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность умилостивить его молитвами и жертвами, тѣмъ съ большимъ трепетомъ люди ощущали свою полную отъ него зависимость. Для всѣхъ почитателей своихъ Сива былъ богомъ по преимуществу; онъ царилъ на вершинахъ горъ. Фантазія сначала приравниваетъ бурю къ воющему хищному звѣрю и олицетворяетъ ея въ видѣ тигра; а потомъ, когда стали представлять бога въ человѣческомъ образѣ, ему придали ближайшимъ аттрибутомъ — тигровую кожу. Его жизнеродная, оплодотворяющая сила повела съ другой стороны къ тому, что Сиву, какъ нѣкогда Индру, призывали также подъ видомъ быка, а впослѣдствіи представляли ѣдущимъ на этомъ животномъ; ему посвящались также стоячіе камни, символическіе знаки фаллуса.

Иное видимъ въ долинѣ Ганга. Тамъ народу не пришлось бороться съ дикими горцами, да и самыя блага природы не обрушивались на него такимъ насильственнымъ образомъ; напротивъ роскошное ея обиліе развертывалось передъ его взоромъ съ удивительной кротостью. Ведійскій свѣтовоздушный духъ Вишну, возсѣдавшій на самомъ верху неба и привѣтно озиравшій оттуда землю, сталъ здѣсь богомъ горней синевы, глядящимся въ чистыя, прозрачныя воды, вызывающимъ цвѣтущую жизнь и изъ небесной выси, и изъ кодземной глубины, при помощи благотворной теплоты и влаги. Символъ его — голубой цвѣтъ лотоса; въ дождливую пору онъ тихо спитъ на пловучемъ лотосномъ листкѣ, пока подымается вода въ Гангѣ и ясное небо закрыто облачной пеленою; онъ перевертывается во снѣ, какъ скоро рѣка пойдетъ на убыль, а когда выяснѣетъ и небесный сводъ, богъ пробуждается вмѣстѣ съ зеленѣющею вновь природой. Или же онъ ѣдетъ на чудесной птицѣ Гарудѣ, которая, какъ и лебеди разныхъ другихъ миѳовъ, есть олицетвореніе быстролетныхъ

облаковъ. Или наконецъ онъ лежитъ на безконечной змѣѣ Анантѣ, символѣ замкнутаго въ себѣ кругооборота природы, точно такъ же обновляющагося каждый годъ, какъ и змѣя перемѣняетъ кожу. Вишну являлъ такимъ образомъ царящее въ жизни природы верховное могущество, и миролюбивый, вдумчивый народъ чествовалъ въ немъ самый вѣрный образъ своего собственнаго характера.

Это развитіе древнеиндійской народной вѣры обокъ съ жреческими умозрѣніями браманства совершалось около той самой поры, когда выступилъ на сцену Будда, или, точнѣе сказать, оно вошло въ силу вскорѣ послѣ этого, и притомъ такъ, что у Гималайи и въ Деканѣ главною религіей сдѣлался культъ Сивы, а по берегу Ганга — служеніе Вишну. Браманы тѣмъ именно и старались противодѣйствовать распространенію буддійства, что приняли въ свою идеалистическую систему этихъ двухъ собственно реалистическихъ боговъ. Они не объявили ихъ ложными, а напротивъ присовокупили къ своему Брамѣ. Послѣдній былъ вѣдь первоначально-единной и чистой сущностью, а съ этихъ поръ въ немъ стали боготворить таинственный источникъ всѣхъ вещей, мірозиждущую силу, тогда какъ блюстительство и дальнѣйшее строеніе міра предоставлены были Вишну. Онъ властвовалъ надъ жизнью естества и благотворно споспѣшествовалъ ей своимъ дѣятельнымъ участіемъ, онъ въ особенности былъ милосердый помощникъ, и дѣйствія его простирались не только на природу, но и на исторію; гдѣ ослабѣвало право и явно усиливалась неправота, тамъ къ нему взывали какъ къ возмезднику и спасителю; прогрессъ и судъ исторіи признавались его дѣломъ. Онъ поэтому былъ главнымъ носителемъ нравственнаго міропорядка, и владычество Божіе въ земныхъ дѣлахъ, которое браманы и Будда совсѣмъ уже позабыли, отрекшись отъ міра и жаждя лишь блаженнаго покоя «по ту сторону», въ лонѣ вѣчности,—это владычество опять вошло теперь въ кругъ вѣрованій; раздвоеніе Бога съ міромъ, то-есть духа съ природою, было главнымъ образомъ преодолѣно въ культѣ Вишну, и черезъ это уготованы народу утѣшеніе и надежда не въ будущей только жизни, но и въ настоящей. Стали обращаться къ прошлому, и гдѣ оказывалось что оно запечатлѣло въ памяти народа или въ пѣсняхъ и сказаніяхъ великія дѣла, благотворныя для человѣчества своей мудростью или нравственною силой и потому достойныя назваться божескими,—ихъ обыкновенно приписывали Вишну. Такъ сложилась въ Индіи идея и о вочеловѣченіи божества: для совершенія этихъ дѣлъ, для споспѣшествованія торжеству нравственнаго порядка въ мірѣ, Вишну долженъ былъ дѣйствовать не однимъ только божескимъ своимъ существомъ, но являться на землѣ и въ видимомъ образѣ. Мало по малу браманы допустили восемь такихъ боговоплощеній или аватаръ, и признавали Вишну между прочимъ въ образѣ тѣхъ царственныхъ героевъ, которые своей преданностью іерархіи возвеличили ея власть даже и надъ кастой воиновъ.

Жизнь—безпрерывная смѣна возникновенія и исчезновенья. Если въ Вишну божество чтилось преимущественно съ той стороны, что оно руководитъ поступательнымъ, прогрессивнымъ движеніемъ, то наоборотъ въ Сивѣ браманы выдвинули другую сторону, пагубную и опустошительную, влекущую все конечное на судъ, но изъ смерти выводящую ростки новой жизни.

Онъ слился воедино съ Агни, символомъ его сдѣлался огонь, какъ пожирающая своимъ пыломъ стихія. Его называютъ «мужегубцемъ», на шеѣ у него цѣпь изъ человѣческихъ череповъ, онъ помазанъ пепломъ мертвыхъ. Если уже Рудра назывался «пасмоносцемъ» по свертываемымъ въ клубы облакамъ, и если браманскіе покаянники только поэтому заплетали волоса въ пасмы или косички, то Сива сдѣлался теперь богомъ всякаго добровольнаго самоистязанія; онъ будто бы самоистязаніемъ же и достигъ великой своей мощи.

Брамѣ, Вишну, Сивѣ, какъ творящимъ, блюдущимъ, разрушающимъ и изъ разрушенія возсоздающимъ богамъ, приданы были и женственныя половины,—Сарасвати, богиня мудрости, соразмѣрности и благозвучія,—Лакшма, богиня любви и плодородія, — Бгавани или Перватп, источники слезъ, а также и веселья. Сыновьями Сивы и Перватп были покровитель дома и семьи, миролюбивый Ганеса, и воинственный Картикейя. Постоянно призывали еще и Индру, какъ бога небеснаго. Богомъ любви былъ Кама.

Въ этомъ же самомъ смыслѣ переработывался теперь и эпосъ. Кришна, хитрый совѣтникъ Пандуевцевъ въ Магабгаратѣ, былъ представленъ воплощеніемъ Вишну, который будто бы самъ очеловѣчился для того чтобы доставить торжество младшему роду, и обокъ съ прежними хитростями, которыя далеко не изгладились еще вполнѣ, мы видимъ тутъ божественную премудрость и ея откровенія. Кришна остается въ живыхъ вмѣстѣ съ Арджуною и съ Юдгиштгирой; они овладѣваютъ царствомъ, плачутъ по убитыхъ и пускаются въ длинныя размышленія. Юдгиштгира — теперь сынъ олицетвореннаго закона, Дгармы; Арджуна — сынъ Индры, которому онъ впрочемъ и первоначально служилъ прозвищемъ. Проигравшіеся въ зернь ведутъ теперь въ лѣсу жизнь покаянниковъ. Благодаря этому Арджуна добываетъ себѣ Индрино оружіе, и колесница этого бога, везомая уже не парой, а 10,000 буланыхъ коней, уноситъ его на небо. Тамъ Индру окружаютъ блаженные герои и мудрецы, и всѣ они съ почетомъ встрѣчаютъ новоприбывшаго. Ему назначена прекраснѣйшая изъ облачныхъ дѣвъ, или Апсарасъ, Индры. Въ прохладѣ вечера убираетъ она свои длинноволнистыя кудри цвѣтами, и глазомъ, мѣсяцомъ своего лица, вызываетъ на споръ въ блескѣ — глазъ неба, настоящій мѣсяцъ. Только-что развернувшійся цвѣтъ ея грудей украшенъ милѣйшими розовыми почками; онѣ дрожатъ отъ напруги, когда она идетъ, и сама нимфа изгибается на каждомъ шагу подъ безцѣнною этой тягостью. Изъ-подъ пестраго пояса выступаютъ бёдра, два полные, округлые холма, пріюты бога любви, чуть одѣтые легкой пеленою. Такимъ образомъ чувственная прелесть мѣшается здѣсь съ аскетизмомъ. Арджуна противится соблазну ея чаръ и этимъ окончательно пріобрѣтаетъ себѣ право владѣть божескимъ оружіемъ. Но поднявъ его, онъ долженъ напередъ, вмѣсто Индры, одолѣть въ борьбѣ злыхъ духовъ мрака и засухи. Послѣдніе сыплютъ на него градомъ камней и стрѣлъ и одѣваютъ все вокругъ кромѣшной тьмою, они сами превращаются въ горы и низвергаются на смѣлаго бойца, но тотъ все-таки ихъ побѣждаетъ Тогда выѣзжаютъ противъ него другіе бѣсы на 60,000 колесницъ и борются съ нимъ разными волшебствами; онъ одолѣваетъ и ихъ, такъ что превосходитъ этимъ даже самого Индру. Ясно, что древнія простыя естественныя сказанія безъ мѣры преувеличиваются теперь самыми несбыточными примыслами.

Теперь ужь и Рама возведенъ въ боги, и для этого началу Рамаяны предпослана вся первая пѣснь, очевидная приставка. Царь Дасарата, бездѣтный въ теченіе нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, совершаетъ одно изъ великихъ конскихъ жертвоприношеній, которыя надо было подготовлять цѣлыми годами и весьма трудно было привести къ желанному концу, такъ-какъ они сопровождались необозримой чередой самыхъ безтолковыхъ церемоній и поэтому именно составляли гордость одряхлѣвшаго брамапства. Боги обѣщаютъ ему потомковъ. Потомъ они жалуются Брамѣ на царя гигантовъ, Равану, котораго Брама надѣлилъ той исключительною льготой, что его не могъ умертвить ни одинъ демонъ, ни одинъ богъ, и который, въ надеждѣ на это правоизъятіе, опустошаетъ и мутитъ весь міръ, такъ что, гдѣ онъ появится, солнце уже не свѣтитъ, и вѣтры отказываются дуть. Брама замѣчаетъ что этотъ извергъ должно-быть не подумалъ о людяхъ, обращаясь къ нему съ просьбою о такой неприкосновенности; а боги умоляютъ Вишну, чтобы онъ соизволилъ родиться человѣкомъ и одолѣлъ исполинскаго царя. Свѣтлое существо, вышиною съ гору, покрытое львиной гривой, входитъ поступью тигра къ Дасаратѣ и подаетъ ему чашу, изъ которой онъ долженъ напоить своихъ женъ. Онъ даетъ Каусальѣ выпить половину, Сумитрѣ — три четверти остальнаго питья, а Кейкеѣ—послѣдки; отъ этого зачинаютъ онѣ сыновей; въ каждомъ живетъ Вишну, но особенно живъ онъ въ сынѣ Каусальи, въ Рамѣ. Царь Висвамитра впослѣдствіи добываетъ себѣ помощь Рамы противъ исполина; древняя богатырская пѣснь овиноословила борьбу съ нимъ тѣмъ, что онъ похитилъ жену у Рамы; это осталось и въ позднѣйшей обработкѣ, да и вообще первоначальный человѣкъ постоянно идетъ здѣсь обруку съ богомъ.

По мѣсто богатырей-героевъ заступаютъ покаянники; житія ихъ вносятся теперь въ эпосъ и излагаются съ тѣмъ крайнимъ преувеличеніемъ, которое прослыло съ тѣхъ поръ отличительною чертой Индійства. Таково сказаніе о нисшествіи Ганги. Священная рѣка текла прежде только по́ небу. Послѣ того какъ царь Сагарасъ въ Айодьѣ сто лѣтъ предавался подвигамъ покаянія, чтобы имѣть наконецъ дѣтей, ему было предсказано что одна изъ женъ его родитъ сына, а другая, сестра царь-птицы Гаруды, произведетъ на свѣтъ шесть темъ (60,000). Послѣдняя разрѣшилась большою тыквой, и когда вскрыли ея кору, то внутри вмѣсто сѣмечекъ кишѣли 60,000 маленькихъ существъ, которыхъ и выкормили въ кувшинахъ, налитыхъ очищеннымъ масломъ. Другая жена родила дикаго Асаманью, котораго отецъ выслалъ однакожь въ чужіе края, а наслѣдникомъ престола назначилъ сына его, Асумана. Онъ-то именно и велъ на жертву того коня, котораго хотѣлъ принести дѣдъ его, Сагарасъ; но вдругъ приползла змѣя, стащила коня въ пропасть, и жертвоприношеніе было прервано. Сагарасъ посылаетъ 60,000 сыновей отыскивать исчезнувшую лошадь, а самъ намѣренъ остаться въ священнодѣйственномъ положеніи. Они прорыли насквозь всю землю и дошли наконецъ до слона, который держитъ ее на хребтѣ, самъ стоя на черепахѣ; какъ только слонъ встряхнется, происходитъ землетрясеніе. Оттуда стали они прокапываться въ сторону, нашли коня у Вишну и накинулись было на бога, но онъ чхнулъ, и всѣ 60,000 обратились въ пепелъ. Тогда отправили за ними Асумана. Онъ хотѣлъ совершить возліяніе, чтобы души ихъ взошли на небо, но въ глубинѣ не оказалось воды. Онъ обратился къ Гару-

дину дядѣ, на которомъ Вишну обыкновенно ѣздитъ верхомъ, и узналъ отъ него, что для очищенія этихъ душъ можетъ служить не земная вода, а только царица небесъ, Ганга. Ансуманъ прежде всего отвелъ коня къ дѣду, который и совершилъ тогда жертвоприношеніе, но потомъ во всѣ 30,000 лѣтъ остальной своей жизни не успѣлъ дознаться, какъ Гангу спустить на землю. По немъ воцарился Ансуманъ; хотя онъ самъ подвергалъ себя 32,000 лѣтъ разнымъ истязаніямъ и хотя то же потомъ дѣлалъ сынъ и наслѣдникъ его Двимпасъ, однако только уже преемнику этого, Багиратасу, даровано было исполненіе мольбы о спускѣ небесной рѣки на землю. Но землѣ не выдержать бы ея паденія; для этого новыми самоистязаніями ублажили Сиву стать на гребнѣ Гималайи и призвать туда божественную рѣку. Гнѣвно повиновалась богиня. Струи ея упали Сивѣ на маковку и блуждали нѣсколько тысячь лѣтъ въ насмахъ его волосъ, пока наконецъ низринулись оттуда тѣ семь рѣкъ, которыя и сливаются потомъ въ одну священную рѣку Ганга. Сами боги удивились этому чуду свѣта, и на комъ былъ какой либо грѣхъ всѣ спѣшили омыть его въ струяхъ ниспадавшихъ съ Сивы. Багиратасъ ѣхалъ впереди, за нимъ слѣдовали послушныя теперь волны. Однажды ихъ проглотилъ-было покаянникъ Ягнусъ, но тотчасъ же и выпустилъ опять изъ уха. Такъ дошли онѣ до моря и до нѣдръ земли, гдѣ очистился ими пепелъ 60,000 погибшихъ, и души ихъ вознеслись тогда на небо. А Ганга съ тѣхъ самыхъ поръ чтится у людей священною на землѣ рѣкою.

Не одни герои народнаго эпоса, въ фантастическія эти бредни попали и вѣщіе баяны Ведъ. Висвамитра былъ жертвоприносецъ и совѣтникъ племени Багарата въ ратномъ дѣлѣ; онъ извѣстенъ намъ по своимъ пѣснямъ; теперь же превратили его въ царя, обходящаго весь міръ съ большимъ воинствомъ. Васишта, который противопоставленъ ему въ Ведахъ какъ священникъ (молитвотворецъ), сдѣлался теперь брамановскимъ отшельникомъ и живетъ въ цвѣтистомъ лѣсу среди 60,000 мудрецовъ, возникшихъ изъ волосъ и ногтей Брамы и постоянно напѣвающихъ сквозь зубы священное слово о м ъ. Къ нему приходитъ Висвамитра, и Васишта угощаетъ его какъ нельзя лучше съ помощью волшебной коровы, Сабалы, которая даетъ всякое ѣство по его желанію. Висвамитрѣ хотѣлось бы добыть эту корову, онъ предлагаетъ за нее золото и драгоцѣнныя вещи, 800 колесницъ, 14,000 слоновъ, 11,000 коней, милліонъ коровъ. Все напрасно. Тогда царь похищаетъ ее. Но она приходитъ въ бѣшенство, убиваетъ тысячу воиновъ, а за тѣмъ спокойно ложится къ ногамъ Васишты. Ревъ ея порождаетъ цѣлое войско, и такъ-какъ ему споспѣшествуетъ еще пламенная набожность Васишты, то въ скоромъ времени дружина Висвамитры истреблена вся, и онъ въ отчаяніи остается одинъ одинёшенекъ, какъ море безъ прибоя, какъ змѣя безъ зуба, какъ обезсвѣченное солнце, какъ птица безъ крылъ. Тогда онъ идетъ къ хребту Гималайѣ, чтобы самоистязаніемъ снискать себѣ тамъ милость Сивы. На цыпочкахъ двухъ большихъ пальцевъ, съ поднятыми вверхъ руками, стоитъ онъ цѣлыя сто лѣтъ, какъ змѣя питаясь только воздухомъ; этимъ онъ добываетъ себѣ искусство стрѣлять изъ лука, и опустошаетъ весь лѣсъ Васишты. Но если и сами боги страшатся его оружія, то не боится его однако святой: передъ посохомъ отшельника оно оказалось безсильнымъ. Тогда царь рѣшается домучить себя до браманства. Черезъ тысячу лѣтъ признанъ онъ

только еще за царственнаго мудреца, не болѣе, и опечаленный своей неудачей, снова принимается за самоистязаніе. Между тѣмъ князю Трисанку вздумалось заживо подняться на небо и въ плотскомъ своемъ образѣ попасть въ среду боговъ. Онъ обращается съ этимъ къ Васиштѣ, который проклинаетъ подобное желаніе; но Висвамитра вызывается помочь ему, приступаетъ къ жертвоприношенію, поднимаетъ священную ложку и велитъ Трисанку восходить на небо. Тотъ дѣйствительно идетъ, но Индра низвергаетъ его оттуда. Висвамитра видитъ его паденіе, слышитъ крикъ и приказываетъ ему остановиться. Трисанку повисъ между небомъ и землей. Тогда Висвамитра создаетъ новое небо съ новыми богами, а старые боги и мудрецы умоляютъ его не нарушать такимъ образомъ прежняго благочинія. Они сходятся на томъ чтобы все оставалось постарому, а Трисанку получилъ мѣсто на небѣ. Висвамитра продолжалъ за тѣмъ свое самоистязаніе, только однажды прерванное нимфою Менакой, которая и родила отъ него Сакунталу. Пробудясь отъ чувственной этой грезы, онъ возложилъ на себя еще тысячу лѣтъ строжайшаго покаянія. Ни что уже не возбуждаетъ въ немъ любви, ни что не вызываетъ его гнѣва; онъ стоитъ нѣмой, сдерживая дыханіе. Тогда перепугались боги, задрожали отъ страха всѣ міры, солнечный свѣтъ померкъ передъ его блескомъ, вѣтеръ пересталъ дуть, горы заколебались; Висвамитра своимъ покаяніемъ пріобрѣлъ такую силу, что все рѣшительно пришло въ полную его власть, и онъ все бы могъ предать разрушенію, еслибъ снова получилъ отказъ въ браманскомъ санѣ, котораго такъ давно добивался. Вотъ почему всѣ боги просятъ за него Браму, и тотъ исполняетъ его желаніе. Но покаяніе извело въ Висвамитрѣ всѣ мірскія похоти, всякое чувство мести, и онъ вполнѣ примиряется съ Васиштой, который учитъ его разумѣнію Ведъ, и оба сіяютъ съ тѣхъ поръ въ браманствѣ нераздѣльнымъ блескомъ.

Доблесть, память, настойчивость, мудрость, кротость, терпѣніе, разсудительность,
Покаяніе, свободу, всезнаніе, доброту, умѣренность, благодарность,
Спокойствіе духа,—вотъ что разумѣетъ подъ Брамой тотъ, кто знаетъ Браму.

Эпосъ, такимъ образомъ переработанный, начиненный и загроможденный эпизодами дотого, что онъ наконецъ служитъ для нихъ какъ бы только рамкою, дѣйствительно похожъ на дерево Асватту, котораго вѣтви, наклонясь къ самой землѣ, пускаютъ опять корни и даютъ новые ростки, такъ что отъ одного дерева размножается цѣлый лѣсъ, увитый и обвѣшанный со всѣхъ сторонъ ползучими и цвѣтущими растеньями. Къ такимъ стихотворнымъ произведеніямъ, разроставшимся иногда цѣлое тысячелѣтіе, дѣйствительно можно примѣнить слова Фортлаге, что они заводятъ насъ въ необозримые лѣса, гдѣ живутъ благочестивые отшельники, витаютъ полубоги, исполины, страшные людоѣды и прелестныя, очаровательныя нимфы. Мы какъ-бы перенесены въ жаркую, парниковую атмосферу, гдѣ духъ волшебно дѣйствуетъ на тѣлесный міръ и гдѣ всѣ явственныя очертанія вещей сливаются въ чарующемъ, отводящемъ глаза туманѣ. Здѣсь люди истязаютъ себя до божескаго достоинства, боги нисходятъ на землю въ образѣ животныхъ и людей, безжизненное вдругъ является оживленнымъ, и живое, наоборотъ, безжизненнымъ; мы въ какой-то странѣ чудесъ, гдѣ изъ мельчайшаго выростаетъ громадное, и изъ громаднѣйшаго выходитъ сущая мелочь, гдѣ духъ рѣшительно

всемогущъ, и какой-нибудь отшельникъ всилу покаянія создаетъ новыя небесныя тверди. Всѣ предметы являются мягкими какъ воскъ, всѣ преобразимы другъ въ друга какъ органы растеній.

Свое ученіе о душѣ міра или Брамѣ, которой частичками предстаютъ всѣ отдѣльныя души и передъ которой природа — только ничтожная мечта, браманы и въ философіи старались согласить какъ съ воззрѣніемъ Капилы, стоявшимъ за дѣйствительность и единичныхъ душъ, и природы, такъ и съ буддизмомъ, стремившимся побороть силу міра безстрастіемъ и освободиться изъ круговорота конечныхъ мытарствъ вступленіемъ въ область вѣчнаго. Ученіе Іоги, самоуглубленіе благочестиваго духа, беззавѣтное погруженіе души въ чистую мысль, именно и выражаетъ собой мировую эту сдѣлку; оно также вошло въ составъ эпоса: Кришна, въ образѣ Вишну, передаетъ его Арджунѣ какъ откровеніе жизненныхъ тайнъ. Вѣчно-спокойная основа міра, Брама, какъ будто бы весь вылился здѣсь въ лицѣ Вишну, господа вседержителя и владыки міровой жизни. Онъ самъ въ себѣ единъ, онъ душа вселенной, присущая въ то же время и всѣмъ многоразличнымъ вещамъ; онъ — то, что составляетъ истинную ихъ сущность, — блескъ въ металлѣ, сіяніе въ огнѣ, умъ здравосуднаго и сила сильнаго. Природа, вещество существуютъ лишь какъ нѣчто безпрерывно-измѣнчивое, переходное; души уготовляютъ себѣ изъ вещественнаго матерьяла все новыя и новыя тѣла, точно — смѣняющія другъ друга формы или одежды, пока не возвысятся опять до души міра, до безконечнаго, и не войдутъ въ первопричину, откуда онѣ произошли. Вездѣсущій, все порождающій, все лелѣющій въ своемъ лонѣ, надъ всѣмъ властвующій и объемлющій себя въ единствѣ своемъ Богъ, какъ присущее, совнѣдренное міру и вмѣстѣ правящее имъ духовное начало, — эта верховная идея всей философіи высказана здѣсь за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и вложена въ уста самому вочеловѣчившемуся божеству. Кришна даетъ Арджунѣ взглянуть на Всевышняго своимъ божескимъ окомъ, и тотъ видитъ какъ Богъ соединяетъ въ себѣ одномъ всѣ существа, какъ самъ Брама, чье тѣло вѣдь — вселенная, покоится въ лотосной чашечкѣ бога Вишну. Сопоставимъ здѣсь нѣсколько изреченій Бгагавадгиты (то-есть «пѣсни о Бгагавадѣ», а Бгагавадъ — одно изъ прозвищъ Вишну); Авг. Шлегель издалъ, какъ извѣстно, этотъ эпизодъ Магабгараты съ латинскимъ переводомъ, а Вильгельмъ Гумбольдтъ написалъ объ немъ превосходное разсужденіе.

Я первопричина всѣхъ міровъ, и во мнѣ же всѣ они исчезаютъ;
Какъ на нити жемчугу снизаны всѣ его зерна, такъ точно и на мнѣ держится все.

Я теку во всѣхъ морскихъ пучинахъ, я свѣчу въ солнечномъ и лунномъ сіяніи.
Я духъ мужей, я тѣнь воздуха, я благоуханіе земли.

И отнюдь не теряюсь я въ дѣлѣ моего творчества;
Я живу въ немъ и тихо властвую, неподвижный, какъ оно ни волнуйся.

Какъ одно лучезарное солнце освѣщаетъ весь міръ изъ края въ край,
Такъ и моимъ изначальнымъ свѣтомъ освѣщается всякій духъ человѣческій.

Начало всѣхъ существъ мірскихъ, средина и конецъ ихъ, — это я;
Возьми мое божеское око, твоего человѣческаго тутъ недостаточно.

Все что радостно движется и все что остается неподвижнымъ,
Все увидишь ты въ моемъ тѣлѣ, потому-что все живетъ и есть во мнѣ.

Ты увидишь меня съ разными лицами, въ небесныхъ убранствахъ,
Сіяющимъ въ небесныхъ вѣнцахъ, въ небесноблагоуханныхъ одеждахъ.

Изъ тысячи сверкающихъ глазъ всюду проникаетъ огненный взглядъ мой,
Съ дивной силою умѣю я владѣть безконечнымъ множествомъ всякихъ оружій.

Ты увидишь многочастный міръ соединеннымъ въ божественномъ моемъ тѣлѣ,
Всѣ боги, всѣ земныя существа кишатъ во мнѣ, то поднимаясь, то спускаясь внизъ.

Я самъ недѣлимъ, и однакожь всеобразенъ;
Я всегдашній щитъ правды, я добрый духъ искони ввѣкъ.

Я Господь, я все, все наполнено существомъ моимъ;
Пребывая во мнѣ и служа мнѣ, все радуется однако собственной своей славѣ.

Нравственныя ученія приближаются къ буддизму или усвоиваютъ его себѣ напрямикъ. Человѣкъ ужь разъ поставленъ въ кругъ условнаго и частичнаго бытія, онъ обремененъ, обуженъ тѣломъ, а потому, удовлетворяя его потребности и вообще дѣйствуя, онъ долженъ нести службу дня. Это его обязанность. Но онъ долженъ стоять выше плоти, и среди сцѣпленія конечныхъ вещей все-таки оставаться свободнымъ; онъ поэтому долженъ поступать безстрастно, съ покойнымъ духомъ, не прилѣпляясь сердцемъ ни къ чему мірскому, и выполнять свою обязанность, безъ расчета на успѣхъ и что́ бы ни ожидало его въ будущемъ, изъ одной чистой преданности Богу. Надо одинаково цѣнить и камни, и золото, но при этомъ одинаково благоволить и ко всѣмъ тварямъ, ища для каждой изъ нихъ всякаго добра.

Кто съ искренней вѣрою чествуетъ какого бы то ни было бога, тотъ угодный слуга Всевышняго и Единаго, которому вѣдь одному идутъ и подобаютъ всѣ жертвы, въ чью бы честь ни были онѣ принесены; онъ охотно принимаетъ цвѣты и плоды, когда ихъ подносятъ со смиреніемъ. Вѣрующій таковъ же какъ и существо, въ которое онъ вѣритъ; по смерти онъ неизбѣжно пріидетъ къ тому, кому себя посвятилъ заживо; содержаніе вѣры—настоящій противень вѣрующаго сердца (человѣкъ самъ себя рисуетъ въ своихъ богахъ). Настоящее покаяніе не самоистязанье, а самообладаніе, терпѣніе и всевозможная охрана сердца отъ дальнѣйшей за тѣмъ вины. Выше всякой жертвы и внѣшняго обряда стоитъ искренность душевнаго настроенія, свободнаго отъ сѣтей страсти, спокойно и тихо углубленнаго само въ себя и въ вѣчную также самость; этимъ именно путемъ духъ восходитъ отъ конечности къ единому и вѣчному Богу. Посвящающій себя самоуглубленію, долженъ опуститься на жертвенную мураву, неподвижно втянуть въ себя дыханіе, не озираясь ни куда въ сторону устремить глаза на кончикъ носа и тихонько напѣвать таинственное имя божества, — Омъ. Тутъ очевидно проглядываютъ опять внѣшнія браманскія обрядности. Но выше ихъ стоитъ требованіе внутренняго спокойствія и душевной чистоты. Углубленный внутрь себя долженъ такъ же беречь и прятать чувства отъ всѣхъ возбуждающихъ предметовъ, какъ черепаха прячетъ свои члены отъ внѣшняго прикосновенія, долженъ дер-

жаться такъ же тихо и смирно какъ свѣтецъ, не колышимый ни малѣйшимъ вѣтромъ, и погрузить всѣ мысли въ единую сущность, въ душу вселенной. Такимъ образомъ своею собственной самостью онъ войдетъ въ самость божества.

Такъ-какъ и эта умозрительная поэзія была вплетена въ Магабгарату, то ясно что Индійцы съ умысломъ сдѣлали послѣднюю сборникомъ всѣхъ важнѣйшихъ своихъ познаній; поэма эта, какъ замѣтилъ Лассенъ, и сама себя называетъ большимъ учебникомъ всего полезнаго, учебникомъ права, учебникомъ «пріятнаго», въ томъ видѣ какъ изложилъ все это необъятный умъ Віасы. Дидактическое направленіе присоединилось здѣсь къ первоначальной утѣхѣ, доставляемой вольно-поэтическимъ разгуломъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ жрецы взялись за переработку древнебылевого содержанія и внесли въ него свои позднѣйшіе взгляды. Въ связи съ этимъ было и то, что они устранили различіе между поэзіей и прозой, выработанное добуддійскимъ періодомъ въ лирикѣ гимновъ и въ эпосѣ съ одной стороны, въ браманскихъ книгахъ и въ философіи — съ другой, и приняли строгомѣрную метрическую форму также и для научной литературы.

Соприкоснувшись съ Греками, браманство оказывало потомъ свое вліяніе и на западъ черезъ Александрію; извѣстно, что восточныя идеи содѣйствовали образованію христіанской гнозы.

Въ свою очередь христіанская идея о вочеловѣченіи и о тріединствѣ божества дошла до свѣдѣнія брамановъ, и они совокупили тогда трехъ великихъ боговъ, — Браму, Вишну и Сиву, въ одну троицу, въ такъ-называемую Тримурти: это одно и то же божественное существо, трояко открывающееся какъ творецъ, какъ вседержитель, какъ разрушитель и разлагатель конечнаго, но разлагающій однако такъ что смерть становится колыбелью новой жизни. Такъ-какъ первыхъ и многочисленнѣйшихъ своихъ поклонниковъ Сива имѣлъ въ горахъ, а Вишну — на берегахъ Ганга, браманы же попрежнему въ особенности держались Брамы, то отсюда возникли многія секты, почитавшія каждая которое-нибудь одно изъ этихъ божествъ за единаго истиннаго бога, а въ другихъ видѣвшія только особыя названія разныхъ его свойствъ или дѣятельностей. Ученія ихъ поэтически изложены въ Пуранахъ, которыя стоятъ къ Магабгаратѣ въ томъ же отношеніи, въ какомъ Гезіодъ къ Гомеру.

Пураны говорятъ о происхожденіи міра, сообщаютъ родословія боговъ и древнихъ царей, и присоединяютъ къ этому новыя пѣснопѣнія о томъ божествѣ, которое онѣ чествуютъ, или же передѣлываютъ древніе миоы въ духѣ новосложившихся сектъ. Тутъ еще болѣе ни съ чѣмъ несообразныхъ преувеличеній нежели въ позднѣйшихъ частяхъ эпоса, и многое просто уже совсѣмъ нелѣпо; но мѣстами слышатся еще звуки глубокой задушевной вдумчивости, и сквозь фантастическій міръ чудесъ, просвѣчиваютъ высокіе или нравственно-прекрасные помыслы, лежащіе иногда въ самой его основѣ. Такъ Казиву, царь великановъ, борется съ богомъ Вишну, покоряетъ землю, строитъ себѣ, какъ тиранъ міра, крѣпкій дворецъ на Гималаѣ, и даже забираетъ въ услуженіе самихъ боговъ; только Брама, Сива и Вишну незримо ускользаютъ отъ этой службы. Но въ малолѣтномъ сынѣ Казиву, Працрадѣ,

спозаранку зрѣло глубочайшее уваженіе къ Вишну, наружныя вещи представлялись ему тщетными тѣнями, только въ чувствѣ единенія съ вѣчнымъ духомъ находилъ онъ удовольствіе. Такъ повѣдалъ онъ разъ отцу что успѣлъ научиться одному, что́ знать дѣйствительно необходимо, научился чтить ту первопричину, которая одна во всемъ, и въ которой все заключается. Мальчика посадили пазаноръ и сѣкли, чтобы заставить его отречься отъ дерзкихъ помысловъ; но онъ все-таки продолжалъ исповѣдовать что въ этомъ призрачномъ мірѣ истиненъ и дѣйствителенъ одинъ Вишну. Казипу повелѣваетъ своимъ гигантамъ бить отрока тяжелымъ и острымъ оружіемъ, — они били, но не нанесли ему ни какихъ ранъ; онъ кидаетъ его слону на растоптаніе, — мальчикъ опять остался невредимымъ; онъ велитъ спустить его въ змѣиный ровъ, зубы эхиднъ оказались на него тупы и ядъ ихъ превращается для него въ бальзамъ; пламя костра только сіяетъ вокругъ него свѣжими благовонными цвѣтами. Когда онъ былъ сброшенъ со скалы, легкіе вѣтерки бережно снесли его на́земь. Оставь слѣпую свою ярость, говоритъ онъ тогда отцу, и познай всемогущество вездѣсущаго; солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и лѣса — члены его тѣла; кто уповаетъ на него, тому вѣрный щитъ благодать божія; кто строптиво противится ему, тотъ попадетъ въ огонь его гнѣва, какъ мошка попадаетъ въ пламя свѣтильника. Тогда благочестиваго отрока погрузили въ море; но и въ безднѣ океана звучало оглашая волны славословіе его въ честь Вишну:

Хвала тебѣ, душа вселенныя,
Ты, бо́льшій всего великаго, и ме́ньшій
Всего что ни есть меньше; ты вѣчно одинъ и тотъ же,
И всегда однакожь безконечно различенъ,
Какъ одинъ и тотъ же свѣтъ преломляетъ въ тысячѣ цвѣтовъ
И самъ себя, и каждый лучъ свой. Во всѣхъ пространствахъ
Царишь ты и бьешься во всѣхъ жилахъ,
Мыслишь во всѣхъ душахъ, Господь и Владыко.
Всѣ жертвы тебѣ только сожигаются,
Всѣ голоса сливаются хоромъ въ хвалу тебѣ.
Какъ сосудъ твоего духа, и я
Подобно тебѣ безсмертенъ; живя въ тебѣ,
Я одно съ тобой, о истинная душа вселенной.

Тогда разорвались путы, которыми онъ былъ связанъ, и волна вынесла его на́ берегъ. Великанъ разбранилъ за это своихъ приставовъ, но сынъ оправдывалъ ихъ тѣмъ что его освободилъ вездѣсущій богъ. Великанъ возразилъ на это съ насмѣшкою: Если богъ, про котораго ты бредишь, есть подлинно во всемъ, скажи не сидитъ ли ужь онъ пожалуй и въ этой колоннѣ? И, сжавъ кулакъ, онъ ударилъ имъ по одной изъ яшмовыхъ колоннъ своего дворца. Она распалась, и внутри ея стоялъ богъ, полульвомъ и получеловѣкомъ; выступивъ впередъ, онъ сразу убилъ великана могучей лапою. Тутъ вздохнулъ опять свободно міръ, и богъ снова явился въ своей кротости, съ голубымъ лотоснымъ вѣнкомъ на головѣ; въ природу воротилось спокойствіе и воздухъ просвѣтлѣлъ розовымъ сіяніемъ, когда онъ возвелъ въ цари Праграду.

Менѣе можетъ понравиться намъ разсказъ про Бгарату, какъ, поборовъ въ себѣ напередъ все мірское умерщвленіемъ своихъ внѣшнихъ чувствъ, онъ

стоялъ однажды на молитвѣ, но вдругъ сжалился надъ серною, бросившеюся въ воду отъ льва, и своей заботливостью о бѣдномъ животномъ утратилъ весь плодъ своихъ прежнихъ покаяній: серна опять навела его мысли на мірскую суету; вотъ приходитъ ему часъ смерти, а погасающій взоръ его все еще прикованъ къ сернѣ; зато и возрождается онъ къ жизни серною, вмѣсто того чтобъ влиться въ душу міра. Или еще разсказъ про отшельника Са́упари, который, увидавъ какъ рыба играетъ съ своей мелюзгою, также пожелалъ имѣть дѣтей и внучатъ, и дѣйствительно надѣляется ими въ изобиліи; сила покаянія его была такова, что онъ всѣмъ царевнамъ казался прекраснѣйшимъ юношей; по впослѣдствіи ко внукамъ онъ желаетъ еще правнуковъ, и тутъ только замѣчаетъ что желаніямъ и надеждамъ нѣтъ конца, что злыя чары въ соблазнившей его рыбѣ свели его съ пути спокойствія и спасенья. Дуализмъ не одолѣнъ вполнѣ и чтителями Вишну; сколько ни славятъ они бога какъ вездѣприсущаго и во всемъ живого, онъ въ своей истинной сущности и самости, въ своемъ неопредѣленно-чистомъ единствѣ, остается вполнѣ чуждъ многоразличному и вконецъ изопредѣленному міру. Безпрестанно повторяется съ глубоко-религіознымъ чувствомъ одинъ и тотъ же увѣтъ:

Ахъ вѣрь, все чувственное,
Къ чему льнешь ты сердцемъ, такъ же мимолетно
И такъ же точно пусто какъ легкій утренній туманъ;
Это — безсодержательное созданіе
Твоего же собственнаго духа, еще скорѣе исчезающее
Нежели оно возникло. Итакъ брось мечту,
Будто бы міръ видимости, этотъ источникъ
Печалей и радостей, можетъ быть проченъ:
Направь неуклонно всю силу зрѣнія души своей
На единое вѣчно-неизмѣнное!
Прибѣгни къ великому изначальному духу!
Въ немъ одномъ обрѣтешь ты спокойствіе,
Въ немъ одномъ найдешь надежный миръ.

Продолженіемъ или дополненіемъ къ Магабгаратѣ служилъ эпосъ, передающій исторію Кришны съ его семьею, и по прозвищу его, Гари, именуемый Гаривансамъ. Одинъ изъ эпизодовъ этой поэмы составляетъ прелестный разсказъ о любви Прадьюмны и Прадгабати, — разсказъ восторженный, благоуханный, полусказочный. Да и во всей вообще позднѣйшей эпической поэзіи средоточіемъ становится любовь, тонъ ея подходитъ къ лирикѣ, а поэты стараются выказать свою виртуозность въ искусственномъ подборѣ размѣровъ и въ мастерскомъ преодолѣніи формальныхъ трудностей. Такимъ образомъ Бгатти написалъ исторію Рамы съ ясно высказанною цѣлью истолковать грамматику и изложить самыя трудныя риомы и размѣры стиховъ. Дошло даже до того, что писали стихотворенія, представлявшія различный смыслъ, смотря по тому какъ разобьешь ихъ на слоги, и такимъ образомъ изъ однихъ и тѣхъ же слоговъ составишь совсѣмъ другія реченія; есть одно произведенье Кавираги, изъ котораго по этому способу можно вычитать Магабгарату или Рамаяну, такъ-какъ оно повѣствуетъ и о великой народной усобицѣ, и о подвигахъ Рамы: все зависитъ отъ читателя, какъ именно онъ распорядится хаосомъ отдѣльныхъ слоговъ. Такая игра одной внѣшней формою знаменуетъ и въ

Индіи упадокъ подлиннаго искусства, гдѣ форма первоначально всегда выходитъ изъ величія и прелести содержанія и изъ высокаго гармоническаго настроенія художника, являясь естественнымъ выраженіемъ идеи; впослѣдствіи она становится слугою пустой внѣшней подражательности и совсѣмъ теряется въ затѣйливыхъ вычурахъ, при чемъ суетное тщеславіе ищетъ блеснуть безцѣльнымъ преодолѣваніемъ такихъ же безцѣльныхъ трудностей. Струей спасенія и обновленья бѣжитъ обокъ съ этимъ и въ Индіи свѣтлый потокъ народной пѣсни, но онъ донынѣ тщетно ждетъ того, чтобы примкнулъ къ нему геній художника, какимъ послѣ приторныхъ «пегницкихъ пастушковъ» явился напримѣръ Гёте въ Германіи, или какимъ выступилъ въ Англіи Шекспиръ наперекоръ господствовавшему тогда манерному стилю.

Нравоучительная поэзія. Басни и Сказки.

Если уже въ древнѣйшей индійской литературѣ выступаетъ на первомъ планѣ мысль и характеризуетъ собой ея поэзію, то естественно что послѣдняя принимала потомъ болѣе и болѣе поучительное направленіе, и изобрѣтательность фантазіи стала наконецъ подслужна цѣли внушить то или другое правило нравственности или житейскаго благоразумія. И въ буддистскомъ кругу встрѣчаемся мы съ тѣмъ способомъ или пріемомъ Христова учительства, который состоитъ въ изложеніи народу идеи подъ видомъ разсказа или повѣствованія, съ тѣмъ чтобы въ то же время возбудить собственную его душу къ уразумѣнію смысла лежащаго въ основѣ разсказа. Религіозныя истины и тамъ облекались въ притчи и легенды. Былина о звѣряхъ является всеобщимъ достояніемъ первобытной эпохи; въ Германіи удержалась она всего чище и выработалась всего эпичнѣе, но и реальный духъ Грековъ умѣлъ передать природу и характеръ животныхъ въ баснѣ; у Индійцевъ же, съ одной стороны, такъ сильно проступала вездѣ поучительная цѣль, а съ другой — вѣра въ душескитаніе до такой степени заставляла видѣть во всѣхъ живыхъ существахъ однѣ и тѣ же души, что животныя сдѣлались просто одной маскою людей, а на ихъ своеобразный характеръ обращалось только самое поверхностное вниманіе. Если А. Веберъ и доказалъ, что цѣлый рядъ эзоповскихъ басенъ дошелъ черезъ Грековъ въ Индію только уже послѣ Александра Великаго, тѣмъ не менѣе справедливо что обокъ съ ними находился тамъ богатый запасъ чисто оригинальныхъ произведеній. Что и слабый можетъ иногда пособить сильному, этой истинѣ очень рано научилъ опытъ. Въ Индіи мыши наполняютъ яму, въ которую упалъ слонъ; въ Греціи мышь перегрызаетъ веревку львиной сѣти; слонъ и левъ — такія животныя, которыхъ въ первобытную эпоху еще не знали, но которыя послѣ раздѣла народовъ оказались сильнѣйшими одно въ Индіи, другое въ Греціи; мышь можно почесть общимъ достояніемъ всего древняго міра. Ей свойственнѣе перегрызать веревку; оттого позднѣйшая индійская редакція оказываетъ черезъ нее эту именно услугу и слону. Благодаря многоразличнымъ переходамъ такихъ повѣстей изъ устъ въ уста, онѣ обтачиваются какъ кругляки изъ обломковъ неправильной формы, и находятъ себѣ при этомъ самое мѣткое выраженіе.

Но какъ бы много Индійцы ни заняли у Запада, они съ лихвою отплатили ему обиліемъ собственныхъ повѣстей и сказокъ. Источникомъ ихъ, такъ же какъ и источникомъ эпоса, были отчасти миѳологія, отчасти житейскій опытъ; всегдашняя прелесть глубокаго внутренняго смысла, раскрывающагося въ игрѣ формъ богатыхъ фантазіей, основана на сліяніи обоихъ этихъ элементовъ. Судьбу Индіи и ея литературы надолго опредѣлило появленіе буддійства и продолженіе на ряду съ нимъ, даже и въ послѣдующіе вѣка, древней браманской вѣры и образованности. Естественная поэзія Ведъ, которая въ сущности была чистымъ богосказаніемъ, тѣсно соединилась еще въ эпосѣ съ исторіей человѣческаго рода; хотя миѳологическія идеи и исчезли для сознанія при наступившихъ затѣмъ религіозныхъ новшествахъ, однакожь народъ удержалъ за собой множество поэтическихъ выраженій, множество полюбившихся ему чертъ первобытной старины; онъ приложилъ ихъ къ новымъ событіямъ, онъ овинословилъ ихъ на иной ладъ, примѣняясь къ потребностямъ времени, къ новымъ обычаямъ и нравамъ. Обломки и мотивы древняго сказанія поросли теперь цѣлымъ лѣсомъ легендъ, житій святыхъ, въ которыхъ фантазія буддистовъ старалась онаглядить ихъ ученія, тѣмъ болѣе что образцовой, прототипической жизни основателя этой вѣры придавали они такой необыкновенный вѣсъ. Небуддисты откинули, конечно, характеръ священной личности, но удержали за собой и чудесную, и замысловато-пріятную сторону повѣствованія, подставивъ только другихъ дѣятелей или же превративъ легенду въ басню, съ животными вмѣсто дѣйствующихъ лицъ. Въ 6-мъ уже вѣкѣ находимъ мы въ Индіи собраніе подобныхъ разсказовъ, со многими вплетенными въ нихъ нравственными изреченіями, — собраніе, котораго слава распространилась дотого, что персидскій царь Хозру Ануширванъ приказалъ перевести его; сборникъ этотъ былъ составленъ въ видѣ «зеркала государей» и распредѣленъ на 12 книгъ; онъ послужилъ основой для того извлеченія (изборника), которое мы знаемъ подъ именемъ Гитопадеши, то-есть «добраго или дружескаго наставленія», равно какъ и для позднѣйшей индійской переработки, называемой Панчатантра, то-есть «пять книгъ» и преимущественно слѣдующей первымъ пяти книгамъ древняго сборника, съ дополненіемъ ихъ только нѣкоторыми вносными разсказами изъ остальныхъ. Такъ же точно какъ и въ окончательной редакціи эпоса здѣсь преобладаетъ обычай брать рамкою одинъ какой-нибудь разсказъ и за тѣмъ вставлять въ него другіе, поступая такимъ же образомъ и съ вносными, точь въ точь какъ вкладываются одна въ другую вѣсовыя чашки. Важныя поученія онаглядиваются не однимъ, а всегда нѣсколькими происшествіями, и за тѣмъ настойчиво внушаются цѣлымъ подборомъ изреченій. Такіе нравоучительные разсказы особенно приходились Индійцамъ по душѣ. Фантазія свободно играетъ здѣсь и временемъ, и пространствомъ, и всѣми внѣшними формами, а тѣ образы, въ которыхъ воплощались нѣкогда религіозныя идеи, переноситъ она подъ видомъ чудесъ въ непосредственную, наличную жизнь; всѣ рѣшительно предметы являются живыми и одушевленными; они при случаѣ измѣняютъ свои формы, сбрасываютъ съ себя свое обличіе какъ змѣи кожу, и превращаются въ новыя совсѣмъ явленія; какъ бы ни казался намъ страненъ весь ихъ побытъ, въ немъ все-таки раскрывается какая-нибудь высшая житейская истина, изъ него все-таки

выходитъ для слушателя по крайней мѣрѣ хоть какое-нибудь правило благоразумія и здраваго смысла. Сказка съ тѣхъ поръ какъ она родилась всегда очаровывала простую, ребяческую душу. Изъ народныхъ устъ переходила она въ книги, въ сборники, книги переводились на разные языки, изъ переводовъ разсказы попадали опять въ уста народовъ, путешественники разносили ихъ съ собою, какъ сѣмена разносятся птицами; при этомъ все то, что̀ было непонятно или не такъ нравилось, естественно оставляли въ сторонѣ; удерживали часто одинъ смыслъ, а разсказу придавали пошибъ туземнаго обычая, дополняли, а не то и прямо замѣняли его подобными же происшествіями изъ собственнаго опыта; даже иногда совсѣмъ отступались отъ цѣлаго въ полномъ его составѣ, но особенно запоминали какіе-нибудь отдѣльные мотивы или черты, которыя то становились самостоятельнымъ зерномъ для новыхъ опять разсказовъ, то прививались къ существующимъ и служили имъ къ дальнѣйшему разросту. Все это дѣлается постепенно, неумышленно; но какъ скоро что-нибудь достигнетъ настоящей своей формы, оно крѣпко залегаетъ въ душу народа, въ его память, или же снова воспринимается литературой. Индійскія сказки черезъ буддизмъ перешли къ Монголамъ, господствовавшимъ два вѣка надъ восточной Европою и ознакомившимъ съ ними Славянъ. Съ другой стороны исламитскіе народы вторгнулись въ Индію; Іудеи и Арабы усвоили себѣ тогда индійскія сказки не только путемъ устной передачи, но и по переводамъ ихъ сборниковъ. Отъ тѣхъ и отъ другихъ перешли онѣ благодаря международнымъ сношеніямъ на Востокѣ со времени Крестовыхъ походовъ, или же западнымъ путемъ черезъ испанскихъ Мавровъ, къ племенамъ романскимъ и германскимъ. Такіе отличные разсказчики какъ Боккаччіо въ своемъ Декамеронѣ, какъ Донъ Мануэль въ своемъ «Графѣ Луканорѣ», какъ Страпарола въ своихъ «Пріятныхъ ночахъ», завладѣли ихъ содержаніемъ, и благодаря таланту этихъ писателей онѣ какъ бы снова возродились на европейской почвѣ, перешли опять и въ народныя уста, и въ поэтическія созданія Аріоста и Шекспира.

Въ своемъ столько же ученомъ какъ и изящномъ введеніи къ нѣмецкому переводу Панчатантры Теодоръ Бенфей доказалъ, что индійскія сказки, по внутреннему ихъ превосходству, совмѣстили въ себѣ почти все то, что существовало уже въ подобномъ родѣ у Европейцевъ; часто передѣлка эта ограничивалась только калейдоскопнымъ смѣшеніемъ первоначально разрозненныхъ чертъ и мотивовъ, вслѣдствіе чего вся столь огромная на видъ масса европейскихъ сказокъ сводится на небольшое сравнительно число основныхъ формъ, отъ которыхъ онѣ расплодились потомъ болѣе или менѣе удачно, благодаря отчасти народной, отчасти личной дѣятельности. Сказка затрогиваетъ вѣдь многія сердечныя струны разомъ, и вотъ — одна обработка держится особенно за одинъ звукъ, другая — за другой, но всѣ сплошь, при здравомъ состояніи общенародной совѣсти, дорожатъ торжествомъ нравственнаго міропорядка, который долженъ остаться нерушимымъ не смотря на всю шаловливость забавнаго, шуточнаго изложенія. Основныя эти формы именно и составляютъ тотъ неистощимый, вѣчно біющій родникъ, изъ котораго никогда не перестаетъ освѣжаться масса народа, и большой человѣкъ, и маленькій, въ особенности же всѣ тѣ, кому обыкновенно наименѣе открыто источниковъ духовнаго наслажденья.

Вотъ отчего для фантазійной жизни человѣчества разсказы эти имѣютъ чрезвычайно высокое значенье, а потому не излишне будетъ подкрѣпить наши слова нѣсколькими пояснительными примѣрами.

Въ индійскомъ эпосѣ есть между прочимъ слѣдующій разсказъ: Къ царю Усинарѣ подъ защиту прилетаетъ гонимый ястребомъ голубокъ. Хищникъ отстаиваетъ свое право на необходимое прокормленье, но царь лучше готовъ уступить кусокъ собственнаго мяса вѣсомъ съ голубя, лишь бы не выдать бѣдняка, который довѣрчиво искалъ у него пріюта. Голубь на вѣсахъ постоянно тянетъ тяжеле вырѣзаннаго мяса, пока наконецъ и онъ и ястребъ оказываются богами Индрой и Агни, которые хотѣли только испытать цареву доброту, и тутъ же берутъ его съ собой на́ небо, оставивъ за нимъ на землѣ вѣчную славу. Въ основаніе легла здѣсь одна изъ легендъ буддизма, очень любившаго подобные разсказы при извѣстномъ своемъ милосердіи ко всѣмъ живымъ существамъ, тогда какъ для небуддистовъ вырѣзка мяса и взвѣшиваніе его передъ безотвязнымъ и ненасытнымъ взыскателемъ должны были представлять нѣчто ужасное; отъ самоотверженнаго страдальца, котораго прославленіе имѣлось первоначально въ виду, взоръ ихъ невольно переходилъ на жестокосердаго притѣснителя, чью неумолимость должно же было наконецъ постичь достойное возмездіе. И вотъ въ одной монгольской сказкѣ, а, за ней, въ русскомъ «Шемякиномъ судѣ», мы находимъ цѣлый рядъ остроумныхъ приговоровъ по тяжбамъ, гдѣ подсудимый провиняется обыкновенно безъ умысла и оправдывается благодаря какому-нибудь затѣйливому извороту; въ могаммеданской редакціи этого разсказа дѣло начинается съ солдата, обязавшагося выдать ростовщику Еврею фунтъ собственнаго мяса въ уплату за денежный заемъ, и судья разрѣшаетъ заимодавцу собственноручно вырѣзать этотъ фунтъ, но съ тѣмъ чтобы не пролить ни капли крови. Въ приключеніяхъ Гагена * это разсказывается объ одномъ купецкомъ сынѣ, и когда Жидъ сталъ преслѣдовать его при императорскомъ дворѣ, ростовщика постигаетъ та же участь что въ монгольскомъ и могаммеданскомъ изложеніяхъ: ѣдучи верхомъ, онъ задавилъ мальчика, и паденіемъ съ высоты убилъ до́смерти старика; а судья приговариваетъ его за это снабдить осиротѣлую мать другимъ ребенкомъ и дать старикову сыну въ свою очередь сброситься на него съ высоты. Шекспиръ, отстранивъ всѣ прочія соображенія, взялъ здѣсь только діалектику понятія о строгомъ правѣ и показалъ что, доведенное до односторонней крайности, оно переходитъ въ вопіющую несправедливость, что буква умерщвляетъ, животворитъ одинъ духъ, что жизнь держится не на строгомъ правѣ, а на свободной нравственности и на милосердіи, что главное вездѣ — образъ мыслей и чувствъ; для пополненія же основной этой идеи разсказъ о вырѣзкѣ мяса обставилъ онъ забавными подробностями, — выборомъ ларцовъ и ссорою изъ-за колецъ.

Если здѣсь уцѣлѣлъ уже одинъ только мотивъ, и побѣда досталась не на долю самоотверженности и терпѣнія, какъ мы видѣли у буддистовъ, а на долю умственной силы и энергической любви, то напротивъ въ другой притчѣ

* Извѣстнаго героя германскихъ былинъ.

представляется намъ прогрессивное развитіе той же самой коренной основы. Путникъ, соснувъ въ лѣсу на деревѣ, вдругъ видитъ что внизу поджидаетъ его тигръ, а змѣя сторожитъ сверху; въ боязни онъ не знаетъ что начать; но когда съ верхнихъ вѣтвей дерева случайно упало нѣсколько капель меду, онъ спѣшитъ полакомиться ими, позабывъ на минуту всѣ опасности. Таковъ во всей простотѣ индійскій разсказъ. Могаммеданская редакція распространяетъ его въ цѣлую картину, показывающую какъ вообще легко смотритъ человѣкъ на жизнь. Прохожій, бросившись отъ слона, падаетъ въ глубокій колодезь; онъ удержался однакожь за двѣ слабыя вѣтви и уперся ногами въ двѣ змѣиныя головы, тогда какъ на днѣ колодца разинута на него пасть страшнаго дракона; къ пущему своему ужасу онъ видитъ что двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызаютъ вѣтви, на которыхъ онъ повисъ; но онъ позабылъ все это, когда вблизи подмѣтилъ улей, и ему досмерти захотѣлось отвѣдать сотоваго медку. Родникъ — это міръ, грозный слонъ — житейскія бѣды и опасности, змѣи — соки человѣческаго тѣла, превращающіеся въ ядъ, коль скоро нарушено ихъ равновѣсіе, двѣ мыши — день и ночь, драконъ — смерть, медъ — чувственное наслажденіе. Рюкертъ въ прекрасной своей передѣлкѣ опускаетъ змѣй, а вмѣсто меду зрѣетъ у него соблазнительная ягода на тѣхъ самыхъ вѣтвяхъ, за которыя держится несчастный; въ такомъ видѣ, притча эта, которая была уже обработана поэтической рукой Джелаледдина-Руми, кажется получила окончательную свою форму.

Кто бы подумалъ, что крынка съ молокомъ, которую Геллертова Мароа несетъ въ городъ и отъ которой она обѣщаетъ себѣ сперва нѣсколько яицъ, потомъ цыплятъ, потомъ теленка и т. д., висѣла уже горшкомъ рису надъ постелью брамана, а тотъ въ пылу своего прожектёрства уронилъ ее на полъ и разбилъ? Этотъ разсказъ, благодаря «Тысячѣ одной ночи», благодаря Графу Луканору и потомъ Лафонтеновымъ баснямъ вошелъ наконецъ и въ кругъ нѣмецкихъ правоученій. Часто встрѣчается въ различныхъ видахъ еще одна подобная же индійская исторія: Охотникъ продаетъ медовый сотъ, при этомъ капля меду упала на полъ; кошка покупщика слизнула каплю, собака охотника загрызла кошку, купецъ убиваетъ собаку, охотникъ и купецъ ссорятся, зовутъ на помощь друзей, и всѣ дерутся на̀ смерть — изъ-за капли меду!

Разсказы о благодарности животныхъ и о неблагодарности людей очевидно идутъ отъ буддизма. Если легенда между прочимъ говоритъ, что Будда въ прежнемъ своемъ существованіи былъ нѣкогда оленемъ и увѣщевалъ царя бенаресскаго отказаться отъ охоты, съ тѣмъ чтобъ и безъ нея ежедневно получать по штукѣ свѣжей дичи; то совершенно уже въ духѣ буддизма разсказываемый ею фактъ, что святой самъ предложилъ себя на службу въ видѣ сносной лани; царь же былъ дотого тронутъ этимъ, что рѣшительно пересталъ охотиться и вполнѣ предоставилъ лѣсъ оленямъ. Въ другой похожей на эту баснѣ корова, чтобы спасти своего хозяина, готова отдаться за него тигру на съѣденіе, только проситъ дозволить ей покормить еще разъ теленка, что̀ даже и въ тигрѣ возбуждаетъ жалость. Вышеприведенная легенда обращена у небуддистовъ прямо въ басню: льву ежедневно дается штука дичи на продовольствіе, съ условіемъ чтобъ онъ больше не гонялъ

звѣрей; одинъ обреченный ему зайчикъ страшно боится смерти, онъ приползаетъ какъ можно позже, увѣряя что на пути былъ задержанъ другимъ львомъ, и ведетъ своего льва къ одному колодцу чтобы показать ему соперника; увидавъ въ водѣ свой собственный образъ, остервенившійся левъ кидается въ нее стремглавъ и тонетъ. Здѣсь слабый избавился отъ бѣды хитростью, а тиранъ обманомъ вовлеченъ въ гибель; обманъ собственнымъ отраженіемъ въ водѣ вѣроятно идетъ изъ какого-нибудь очень древняго источника, такъ-какъ онъ встрѣчается и у Эзопа, и въ поэмѣ Рейнеке Лисъ.

Излеченіе нарыва въ горлѣ смѣхомъ, которое Эразмъ приводитъ по случаю «Писемъ темныхъ людей», также пришло къ намъ изъ Индіи. Напротивъ, сказка о Змѣиномъ царѣ и о дровосѣковой дочери кажется происходитъ изъ миөа объ Эротѣ и Психеѣ или по крайней мѣрѣ имѣетъ одно общее съ нимъ основаніе. Психея теряетъ Эрота, лишь только она осмотрѣла его со свѣтильникомъ, но потомъ обрѣтаетъ его снова подвигами покаянія,—это исторія души, которая собственной виной утрачиваетъ данное ей въ удѣлъ блаженство, а впослѣдствіи возвращаетъ его себѣ съ божіей помощью путемъ раскаянья и тяжкаго труда; исторія эта находитъ себѣ противень въ одной индійской сказкѣ, гдѣ неугомонная старуха внушаетъ дровосѣковой дочери подозрительность и учитъ ее непремѣнно доспроситься у мужа объ его имени, тогда какъ онъ доставилъ ей счастливѣйшую жизнь въ своемъ дворцѣ съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобъ она не старалась узнать его имя. Лишь только онъ назвалъ себя, тотчасъ же исчезла вся пышная обстановка. Какъ Психея служила Эротовой матери, такъ съ тѣхъ поръ и дровосѣчиха должна была служить матери Змѣинаго царя, собирала въ сосудъ при помощи пчелъ благовонія съ тысячи цвѣтистыхъ растеній, составляла съ помощью бѣлки хитростный уборъ изъ сѣменныхъ зернышекъ, пока-то наконецъ выслужила себѣ опять любезнаго друга. И въ былинѣ про Рыцарей Лебедя жена теряетъ мужа, какъ скоро спрашиваетъ объ его имени. Денница также не должна видѣть нагимъ своего возлюбленнаго, Солнце; не то — конецъ ихъ ночному благополучію, и женихъ покинетъ ее въ тотъ же мигъ. Это общая черта всей первобытной древности, проглядывающая какъ въ разсказѣ объ Эротѣ и Психеѣ, такъ и въ легендѣ объ Урваси. — Первобытной же старинѣ принадлежатъ такъ-называемые «Суды Божьи»; но чуть ли не позднѣйшимъ уже путемъ изъ Индіи вышла та именно подробность, что Изольда у Готфрида Страсбургскаго дозволяетъ похитить себя съ корабля переодѣтому странникомъ Тристану и даже рѣшается прилечь съ нимъ, а затѣмъ выдерживаетъ испытаніе огнемъ въ доказательство что никогда не лежала въ объятіяхъ другого мужчины, кромѣ своего супруга и того странника; по крайней мѣрѣ при такой же точно обстановкѣ встрѣчается это не одинъ разъ и въ индійскихъ разсказахъ.

При всемъ уваженіи Индійцевъ къ женщинамъ, у нихъ не мало повѣстей о злыхъ женахъ. Одному странствующему браману встрѣчный демонъ не хочетъ причинить ни какого вреда потому, что бѣднякъ и безъ того уже слишкомъ много терпитъ отъ своей половины; онъ, напротивъ, готовъ еще услужить ему. Демонъ изв҄ѣдалъ всю сварливость этой женщины въ то время, когда жилъ на деревѣ близъ браманова дома, откуда отъ нея и бѣжалъ. Онъ

намѣренъ теперь вселиться въ одну царевну; браманъ долженъ тогда заклясть его, и онъ тотчасъ ее покинетъ. Однакожь демонъ противится заклятію, и выходитъ изъ царевны только тогда, когда браманъ пригрозилъ ему женою. Исторія эта разработана далѣе въ «Книгѣ сорока визирей». У одного молодого дровосѣка жена — ходячая злоба; онъ хочетъ купить веревку чтобъ отъ нея избавиться, а она, думая что онъ пошелъ отнести денегъ любовницѣ, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ въ лѣсъ. Чтобы какъ-нибудь съ ней развязаться, онъ заводитъ рѣчь объ одномъ колодезѣ, въ которомъ будто-бы лежитъ кладъ; жена проситъ чтобъ онъ опустилъ ее туда на веревкѣ, онъ исполняетъ ея желаніе, но вытащивъ за тѣмъ веревку, тотчасъ же уходитъ прочь. Черезъ нѣсколько дней взяли его однако жалость и раскаянье; онъ идетъ къ колодцу, спускаетъ опять веревку и кричитъ: Ну, хватайся за нее крѣпче! Но вытащилъ онъ оттуда не жену, а бѣса, и тотъ не знаетъ какъ благодарить его за избавленіе отъ злой бабы, которая ужь нѣсколько дней не даетъ ему тамъ житья. Бѣсъ за то вселяется въ одну царевну, съ тѣмъ чтобъ дровосѣкъ вызвалъ его изъ нея заклятіемъ; послѣ этого заклинатель становится царскимъ зятемъ. Бѣсъ входитъ потомъ въ дочь другого царя, который, узнавъ о чудесномъ исцѣленіи въ сосѣднемъ краѣ, проситъ прислать ему бывшаго дровосѣка. Когда послѣдній пришелъ туда, бѣсъ фыркнулъ на него гнѣвно и сказалъ: развѣ это признательность за добро — отнимать у добродѣя любовницу? Дровосѣкъ сначала оторопѣлъ, но потомъ спохватился и говоритъ, что онъ тутъ вовсе не ради царевны, а просто бѣжитъ отъ злой жены, которая вылѣзла опять изъ колодца и всюду его преслѣдуетъ. Тутъ въ свою очередь струхнулъ и бѣсъ, выскочилъ изъ царь-дѣвицы, и былъ таковъ.

Обходя другія европейскія редакціи, напомню только о повѣсти Маккіавелли «Бельфагоръ». Когда цѣлая толпа душъ въ аду жаловалась что все ихъ несчастіе произошло отъ женитьбы, діаволъ Бельфагоръ былъ посланъ подъ видомъ человѣка для испытанія, дѣйствительно ли такъ худо на свѣтѣ отъ злыхъ женъ. Онъ женится на гордой, властолюбивой Флорентинкѣ, которая проматываетъ все имѣніе и дотого отравляетъ ему жизнь, что онъ радехонекъ, когда ему приходится бѣжать отъ заимодавцевъ. Его прячетъ у себя одинъ мужикъ, и въ благодарность за это чортъ предлагаетъ обогатить его тѣмъ, что онъ будетъ вселяться въ женщинъ и выходить изъ нихъ только по слову своего гостепріимнаго хозяина. Такъ онъ дѣлалъ нѣсколько разъ, и мужикъ нажилъ кучу денегъ. Тогда Бельфагоръ объявилъ, что обѣщаніе его исполнено, и предостерегъ мужика больше ему не попадаться. Но въ качествѣ лекаря поневолѣ (обыкновенный также мотивъ и въ другихъ индійскихъ сказкахъ) мужикъ однако вынужденъ былъ посѣтить дочь французскаго короля. Увидѣвъ его случайно, Бельфагоръ такъ на него и накинулся, но догадливый мужикъ тотчасъ осадилъ его отвѣтомъ: Я вѣдь только хотѣлъ сказать тебѣ, что жена твоя сюда ѣдетъ. Тогда чортъ выскочилъ изъ принцесы съ ужасомъ и предпочелъ пуститься прямо въ адъ, лишь бы не попасть въ руки Флорентинкѣ.

Наконецъ, объ одной чешской народной сказкѣ, которую г-жа Б. Немецъ мастерски передала въ собраніи «Западнославянскихъ сказокъ» Венцига, Бенфей справедливо замѣчаетъ, что изъ нея видно какъ отлично можетъ

воспользоваться поэтически одаренный народъ чужимъ, но только вполнѣ усвоеннымъ, матерьяломъ. Такъ много привзошло сюда новыхъ мотивовъ, дотого все пропиталось индивидуальностью усвоителей, дотого слилось съ ней въ одно цѣлое, что не сохранись тутъ во всей чистотѣ нѣкоторыхъ существенныхъ нитей утка и основы разсказа, едва можно бы уже было и распознать историческую связь его съ индійскимъ источникомъ. Но этимъ именно онъ такъ и поучителенъ для исторіи сказочной литературы.

Злая Катька стала уже старой дѣвкою, а все еще шляется по танцамъ, и никогда не найдетъ себѣ кавалера. Вотъ пошла она еще разъ на трактирный балъ, а сама думаетъ: Ну, если и теперь не подцѣплю ни какого молодца, такъ право готова плясать хоть съ самимъ чортомъ. Сидитъ она одна одинёшенька у печки; вдругъ подходитъ къ ней нарядный охотникъ изъ пріѣзжихъ и предлагаетъ чего-нибудь выпить; потомъ взялъ ее подруку и танцуетъ съ ней цѣлый вечеръ напролетъ. Когда онъ пошелъ проводить ее, она не вытерпѣла, сказала: «Какъ бы хорошо протанцовать съ вами всю жизнь, какъ танцовала я этотъ вечеръ.» — «Чтожь, это можно», отвѣчаетъ онъ, «идемъ со мной, повѣсься мнѣ на шею.» — Какъ только она это сдѣлала, онъ обернулся чортомъ и полетѣлъ съ ней прямо въ адъ. Но на бѣду она уцѣпилась за него крѣпко словно щипцами, такъ что всѣ черти не смогли ее отнять, и ихъ нáбольшій сказалъ наконецъ новопришельцу: «Убирайся, и самъ какъ знаешь отдѣлывайся отъ своей Катьки.» Чортъ возвращается съ ней на землю и напрасно сулитъ ей золотыя горы, только бы она его выпустила. Приходятъ они къ одному пастуху. Чортъ, который опять смотритъ теперь охотникомъ, отвѣчаетъ пастуху на вопросъ объ его ношѣ, что это баба, которая отнюдь не хочетъ отъ него отстать, а онъ думаетъ какъ бы снести ее въ ближайшую деревню, и уговаривается съ пастухомъ чтобы тотъ понесъ ее хоть немного ему на смѣну. На пастухѣ большая шуба, Катька вцѣпилась въ нее обѣими руками, но у одного пруда пастухъ вдругъ выскользнулъ изъ шубы и пустилъ ее въ воду вмѣстѣ съ злой бабою. Чортъ внѣ себя отъ радости, онъ вполнѣ открывается пастуху и обѣщаетъ ему современемъ богатѣйшую награду. Пастухъ сначала остолбенѣлъ, но потомъ самъ въ себѣ подумалъ: Хорошо, если всѣ они такіе же дураки какъ этотъ. — Край, гдѣ живетъ пастухъ, принадлежитъ молодому государю, который самъ кутитъ и гуляетъ, предоставивъ двумъ любимцамъ все управленіе. Однажды спрашиваетъ онъ у астролога о своемъ будущемъ и слышитъ отъ него страшную вѣсть: Еще до полнолунія пріидетъ чортъ за двумя его намѣстниками, а въ самое полнолуніе возьметъ и самого государя. Тогда заговорила въ царѣ совѣсть, онъ вступаетъ на истинный путь, живетъ съ тѣхъ поръ богобоязненно и самъ правитъ землей мудро и справедливо. Намѣстники же накрѣпко заперлись въ своихъ зáмкахъ, чтобы ни какъ не добрался до нихъ чортъ. А онъ между тѣмъ заходитъ къ пастуху и говоритъ, что непремѣнно возьметъ ихъ; пастухъ же, когда увидитъ, какъ онъ тащитъ одного и потомъ другого, долженъ тотчасъ зачурать его; чортъ тогда исчезнетъ, а пастухъ получитъ съ каждаго изъ освобожденныхъ по два мѣшка золота. Но онъ отнюдь не долженъ выручать царя, иначе поплатится за это собственною шкурой. Пастухъ идетъ сперва къ одному зáмку, потомъ къ другому, слышитъ каждый разъ страшный крикъ, видитъ что чортъ тащитъ одного изъ намѣстниковъ, чурается, и

чортъ исчезаетъ. Прослышалъ объ этомъ царь и посылаетъ за пастухомъ благодѣтелемъ; такъ-какъ онъ все это время управлялъ какъ слѣдуетъ, пастухъ соглашается на попытку спасти его, хотя бы это стоило самому ему жизни. Царь, среди горюющаго народа, ожидаетъ спокойно и бодро, когда настанетъ послѣдній его часъ; чортъ является, царь слѣдуетъ за нимъ во дворъ; тутъ пастухъ протѣснился сквозь толпу весь запыхавшись и закричалъ чорту: «Бѣги скорѣй, не то плохо тебѣ будетъ!» — «Какъ смѣешь ты мѣшать мнѣ?» спрашиваетъ чортъ; а пастухъ въ отвѣтъ ему: «Дуракъ, дѣло не о царѣ, а о тебѣ самомъ! Я для тебя только и спѣшилъ. Катька жива и вездѣ тебя ищетъ!» Чорта вмигъ какъ не бывало; царь жалуетъ пастуха въ свои совѣтники, а пастухъ возвращаетъ мѣшки золота тѣмъ бѣднякамъ, у кого ихъ высосали вельможи, и съ той поры живетъ при царѣ въ благополучіи.

Въ одной буддистской легендѣ, о которой упомяну я въ заключеніе, Будда, подобно ребенку св. Августина, хочетъ исчерпать раковинкой весь дóчиста океанъ; боги смѣются его затѣѣ, а мальчикъ возражаетъ: «Когда человѣкъ примется за дѣло отъ души, нѣтъ такой вещи, которой бы онъ не выполнилъ.» Тогда сами боги пришли ему на помощь. По другой редакціи, Будда въ прежнемъ своемъ существованіи былъ бѣлкою, у которой буря сорвала съ дерева бѣльчатъ въ рѣку, а рѣка снесла ихъ прямо въ море; бѣлка окунаетъ хвостикъ въ морскія волны и разбрызгиваетъ воду по берегу въ надеждѣ осушить весь океанъ. Индра сперва смѣется надъ этимъ, но убѣдившись въ настойчивомъ ея чадолюбіи, самъ велитъ дѣтямъ выйдти на сушу. Подъ рукой брамановъ легенда эта превратилась въ басню о птицѣ тиркушкѣ (куликѣ-ласточкѣ), которая ночью во снѣ уморительно протягиваетъ вверхъ ножки, воображая что небо непремѣнно рухнетъ, если она его не подопретъ. Самка этой птицы опасается класть яйца близко къ морю, а самецъ говоритъ: Чтó намъ за указъ море? Море думаетъ само себѣ: Ну, погляжу, чтó онъ сдѣлаетъ, когда я смою всѣ яйца, — и приливомъ дѣйствительно снесло ихъ. Когда самка замѣтила самцу, что онъ навлекъ бѣду пустой надменностью, тиркушка задумалъ осушить море своимъ крошечнымъ клювомъ. У кого-де есть настойчивость, тѣ, хоть они и малы, а одолѣютъ сильнаго. Да можно призвать на помощь и другихъ еще птицъ: вѣдь единодушіе многихъ вмѣстѣ даетъ силу, какъ ни слабы они врозницу; развѣ изъ травъ не вьется канатъ, который и слона держитъ въ путахъ? Они обратились къ царь-птицѣ Гарудѣ, на которой ѣздитъ Вишну; та попросила своего хозяина, а онъ велѣлъ морю возвратить яйца. Такъ твердая воля слабыхъ все-таки вѣнчается наконецъ побѣдою.

Отъ эпохи преобладанія буддизма идутъ потомъ и насмѣшливые разсказы про глупость брамановъ, точно такъ же какъ въ реформаціонное время шутили и издѣвались надъ монахами. Что брамины и въ драмѣ играли часто комическую роль, это тоже указываетъ на буддистское происхожденіе піэсъ такого рода; въ раннихъ драматическихъ сочиненіяхъ брамины напротивъ превозносятся, и насмѣшка падаетъ тогда на буддистскихъ монаховъ. Среди борьбы и соперничества партій развилась комика и въ Индіи, также возвышаясь иногда до свѣтлаго юмора.

Разные повѣствовательные сборники возникли сверхъ-того на народныхъ

нарѣчіяхъ. Знаменитое собраніе индійскихъ сказокъ и повѣстей, обрамленныхъ романической исторіей и изложенныхъ въ слокахъ, составлено Сомадевой на потѣху бабушкѣ царя Герша-Девы кашмирскаго, въ 11-мъ вѣкѣ. Простой повѣствовательный тонъ соединенъ здѣсь съ эпиграмматической колкостью мыслей. Заглавіе книги — Вригатъ Ката, то-есть «Море сказочныхъ ручьевъ или потоковъ.»

Поговорочная поэзія и искусственная лирика.

Если уже въ Ведахъ и въ эпосѣ элементъ мысли выдвигался самостоятельно впередъ и вдумчивое созерцаніе нерѣдко становилось обокъ съ порывомъ чувства или съ прославленіемъ великихъ подвиговъ, то съ другой стороны неоспоримо, что философскій умъ Индійцевъ весьма рано началъ высказывать плоды своей думы въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, а преобладавшая въ характерѣ этого народа фантазія всего охотнѣе придавала имъ форму образа, какъ въ тѣхъ случаяхъ когда частное явленіе выражаетъ общую идею непосредственно и метафорически, такъ и въ тѣхъ, когда оно стоитъ съ нею рядомъ въ видѣ болѣе или менѣе близкаго подобія и нагляднаго уясненья. Стопосложеніе помогаетъ точнѣйшему выбору словъ, удержанію въ памяти ихъ опредѣленнаго порядка и наконецъ бережи этихъ изреченій, какъ дорогихъ вышлифованныхъ камней, въ живой сокровищницѣ души. Есть однакожь много такихъ эпиграмматическихъ поговорокъ и безъ стихотворнаго убранства, вѣскихъ однимъ внутреннимъ содержаніемъ. Какъ любили этого рода поэзію, видно уже изъ сборниковъ вышеприведенныхъ разсказовъ: послѣдніе стоятъ обыкновенно въ связи съ присловьями, а не то — при каждомъ удобномъ случаѣ самъ разскащикъ или кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ всегда готовы излиться въ такихъ поговоркахъ, столь же иногда неистощимо какъ Санчо Панса въ пословицахъ; еще до Панчатантры встрѣчаемъ мы сборникъ изреченій Бгатригари, и на сродственную поэзію другихъ восточныхъ народовъ повліяли они чуть ли не такъ же сильно, какъ и знаменитыя индійскія сказки. Уже Гердеръ въ своей «Мудрости нѣкоторыхъ браминовъ» познакомилъ Германію съ этимъ Бгатригари. Стихотвореніе Санкары Ахарьи, «Могамудгара», то-есть «Молотъ глупости», излагаетъ въ 12-ти строфахъ ученіе о страдѣ и тщетѣ міра, о сродствѣ или тождествѣ всѣхъ живыхъ душъ и о единой истинной сущности Божіей. Одна лишь добродѣтель доставляетъ безмятежное спокойствіе; все земное проходитъ какъ обманчивая мечта:

Какъ дрожащая капля на лотосѣ,
Исчезаетъ и жизнь человѣка.

Нѣсколько примѣровъ изъ Бгатригари покажутъ намъ и высшій уровень нравственнаго образованія Индійцевъ и вмѣстѣ превосходство ихъ стихотворныхъ изреченій:

Дружбу со злыми людьми,
Съ посредственными и съ добрыми,
Отнюдь не считай за одно и то же.

Капля дождевой воды
Упала на раскаленное желѣзо, —
И исчезла безъ малѣйшаго слѣда.

Она упала на цвѣтокъ,
Повисла на немъ росинкой,
И заблистала какъ жемчужина.

Она попала прямо въ раковинку,
И, видно, — въ добрый ча́съ,
Потому что сама стала жемчужиной.

Дружба со злыми людьми
Утренней тѣни подобна,
Видимо съ часу на часъ все убываетъ она;
Дружба же съ добрымъ ростетъ
Подобно тѣни вечерней,
Все прибывая, пока солнце жизни зайдетъ.

Чѣмъ отъ природы суждено быть человѣку,
Никогда не стать ему ни болѣе, ни менѣе того;
И на верху горы, и въ глубинѣ долины
Онъ будетъ все тѣмъ же, отнюдь не больше;
Станетъ ли онъ брать воду изъ колодца или изъ океана,
Онъ и тамъ, и здѣсь зачерпнетъ все лишь только полный кувшинъ.

Непрошеное восходитъ солнце и раскрываетъ цвѣточныя чашечки,
Непрошеный встаетъ мѣсяцъ и освѣжаетъ ихъ вечернею росой,
Непрошеный падаетъ на землю всеживительный дождикъ;
Такъ непрошеный же дѣлаетъ и добро истинно-добрый человѣкъ.

„Этотъ изъ нашихъ, а тотъ-вонъ гляди чужой", такъ говорятъ
Только низкія души. Весь міръ одинъ общій намъ домъ.
Кто дѣло человѣчества считаетъ своимъ собственнымъ,
Тотъ причастенъ долѣ боговъ, причастенъ верховному надъ всѣмъ року.

Какъ пламя идетъ вверхъ, хоть совершенно опрокинь свѣточь,
Такъ всегда подымется благородный человѣкъ, сколько онъ ни пригнетенъ судьбою.

Нравъ благородныхъ людей въ счастіи мягокъ какъ ло́тосъ,
Въ злой же судьбинѣ онъ твердъ, крѣпокъ какъ горный утесъ.

Земля, мать моя, и ты отецъ мой, воздухъ,
И ты другъ мой, огонь, и ты рѣка, моя сродница,
И ты братъ мой, небо, всѣмъ вамъ благоговѣйное
И дружеское спасибо! Пожилъ я съ вами на землѣ,
А теперь иду въ иной міръ, охотно васъ покидая:
Прощайте же, братъ и другъ! мать и отецъ, прощайте!

Прежде, говоритъ мудрецъ, всѣ вещи казались мнѣ женщинами, а съ тѣхъ поръ какъ мазь познанія укрѣпила глаза мои, я во всемъ вижу только Бога. Сборникъ раздѣленъ на три части: книгу любви, книгу обязанностей и книгу покаянья. Такъ и въ поэтическихъ поговоркахъ вездѣ проведенъ дуализмъ чувственнаго наслажденія обокъ съ строгимъ отреченіемъ отъ всего мірского: «или каяться въ лѣсу, или покоиться у женской груди»; А. В Шлегель удачно перевелъ по-нѣмецки одну такую слоку, сохранивъ притомъ даже и удвоеніе ея риомъ:

Wohn' an der Ganga Stromfluten, sündentrückenden, quellenden,
Oder an zarter Brust Hügeln, sinnentzückenden, schwellenden. *

Въ противоположность буддистско-отшельническому воздержанію и забвенію міра выступаетъ здѣсь лирика чистаго сладострастія и вполнѣ чувственной любви. Гдѣ ни сколько не заботятся объ одухотвореніи, облагороженіи грубыхъ позывовъ, о примиреніи ихъ съ нравственнымъ закономъ, тамъ изъ-подъ давящаго ихъ гнета всегда готовы они прорваться во всей своей скотской наготѣ. Такъ мы видимъ, что безотвязныя нимфы мѣшаютъ даже подвигу покаянія самоистязающихся отшельниковъ. Въ «Вѣстовомъ облакѣ» Калидасы и въ «Разбитомъ кувшинѣ» Гатакарпуры есть по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторая замысловатость. Въ первомъ влюбленный повѣряетъ мимоидущему облаку свою страстную тоску и посылаетъ съ нимъ поклоны милой; во второмъ жена плачется, что должна жить съ мужемъ врознь какъ нарочно въ дождливую пору года: въ обоихъ стихотвореніяхъ природа является то зеркаломъ, то контрастомъ душевныхъ состояній. Но и здѣсь преобладаетъ уже больше желаніе плотскаго нежели духовнаго общенья. Калидаса во «Временахъ года» изображаетъ природу съ ея переходами отъ полнаго расцвѣта къ увяданью и отъ яснаго вёдра къ ненастью только для того, чтобы во всѣхъ этихъ явленіяхъ уловить мотивъ для удовольствій чувственной страсти. Пятидесяти строфамъ другого стихотворенія одного молодого брамана, Тсгауры, приданъ такой видъ, какъ будто бы онѣ были сочинены во время шествія поэта на казнь, за то что онъ слюбился втайнѣ съ царской дочерью; каждая строфа начинается словами: «И теперь еще», — потому что и въ тѣ роковыя минуты, не смотря на предстоящую смерть, онъ все-таки помышляетъ о возлюбленной и тоскуетъ объ ея ласкахъ. Онъ и теперь еще занятъ думой о царской лебеди, которая проведя съ нимъ ночь въ морѣ упоенія, полномъ свѣжихъ лотосовъ, на утро уходила блѣдная отъ сладкой безсон-

---

* Передаемъ только смыслъ ея, не гонясь за точностью размѣра:

Живи ты у Ганга рѣки, скверну грѣховъ омывающей,
Или у нѣжной груди, красотою тебя обающей.

ницы и любовной истомы; онъ и тутъ еще помышляетъ о томъ, какъ они сплетались руками, какъ впивались другъ въ друга кровавыми поцалуями, какъ на грудяхъ красавицы оставался слѣдъ ногтей пылкаго, изступленнаго обожателя. Крайній предѣлъ, вершину этой лирики представляетъ Гитаговинда Ядевы, — пѣснь о пастухѣ Кришнѣ, котораго считали, какъ извѣстно, воплощеніемъ Вишну, и отсюда выводили то мистическое толкованіе, что въ восторгахъ сладострастныхъ чувствъ празднуется любовная связь бога съ природою, а потому въ самую среду нѣжнаго лепета, въ оргію взаимныхъ ласкъ, томленій и неистовствъ дозволяли себѣ вносить звуки религіозныхъ гимновъ, какъ принадлежность этого священнодѣйствія. Тутъ нечего искать сходства съ Пѣснью пѣсней, кромѣ развѣ только внѣшняго. Въ еврейской поэмѣ нравственное содержаніе, искренняя вѣрность любви и глубокая, задушевная правдивость слова стоятъ безконечно выше той грубой чувственности, той натянутой игривости формъ и того пустозвонства риомы, какими отличается индійская. Пастушка Радга ищетъ Кришны, который между тѣмъ заигрался съ другими дѣвицами, и жаждетъ его объятій; потомъ онъ, въ свою очередь, начинаетъ къ ней сладострастно увиваться; наконецъ они поладили, и это сближеніе изображается въ такихъ стихахъ, которые всякій европейскій переводчикъ поневолѣ долженъ измѣнить или совсѣмъ выпустить.

При возростающей безсодержательности, индійская лирика терялась болѣе и болѣе въ изысканныхъ словосозвучіяхъ, въ вычурахъ перехитренной формы; тогда какъ съ другой стороны народный духъ создавалъ иногда вплоть до новѣйшаго времени простыя, глубоко прочувствованныя пѣсни. Уже стихотвореніе «Разбитый кувшинъ» прозвано такъ оттого, что авторъ, приплетая вконцѣ свое имя, Гатакарпура, и пользуясь игрою словъ, обѣщаетъ принести, въ разбитомъ кувшинѣ, воды каждому, кто побѣдитъ его въ замысловатости размѣра и въ затѣйливости риомъ. Даже и Розенкранцъ, который вообще расположенъ еще видѣть у Индійцевъ какую-то нѣжную застѣнчивость сладострастья, выражается о Гитаговиндѣ такъ: Всѣ прихоти и затѣи страстной любви, всѣ ея пожеланія и боязни, всѣ восторги и досады, всѣ ласки и нѣжности, описаны здѣсь съ такимъ оргіастическимъ сластолюбіемъ, которое отражается и въ преемственныхъ смѣнахъ вычурнаго метра и въ роскошной музыкѣ стиховъ, и самая похотливая чувственность перемѣшана съ такими припадками пантеистическаго изступленія, какіе въ одной только Индіи развѣ и возможны. Фортлаге, съ своей стороны, говоритъ что любовь въ индійской лирикѣ нельзя сравнить ни съ освѣжающею розой, ни съ благородной лиліей, указывающей прямо въ небеса, ни съ нѣжно-благоухающей фіалкой, а развѣ только съ ароматнымъ жасминомъ, который чуть не одуряетъ своимъ крѣпкимъ запахомъ. * Я нахожу, что наше слово любовь слишкомъ высоко для этого утонченнаго безпутства, которое своимъ тяжелымъ отъ образной начинки языкомъ знаменуетъ только вырожденіе племени и его искусства.

* Вѣрнѣе было бы сказать — съ тропической орхидеей, которой запахъ въ самомъ дѣлѣ такъ сладостенъ и вмѣстѣ такъ тяжелъ.

Индійская драма.

Зачатки драмы и у Индійцевъ лежатъ въ колыбели религіи. Праздники богамъ отправлялись съ музыкой, пѣснями и пляской; послѣдняя развилась въ пантомимное представленіе, а этому стоило лишь соединиться съ словомъ, чтобы породить сценическое зрѣлище, театръ. Эпосъ часто уже допускаетъ форму бесѣды; даже еще въ Ведахъ, какъ послѣ и въ позднѣйшей лирикѣ, встрѣчаемъ мы чередовое пѣніе, на подобіе балладъ. Тѣмъ не менѣе драма и драматическое искусство кажется развились только уже по образцу греческихъ представленій, хотя надобно сказать что индійскія произведенія въ этомъ родѣ, пестротой смѣняющихся сценъ, обиліемъ происшествій и своими любовными интригами, скорѣе напоминаютъ романтическій театръ Англичанъ и Испанцевъ. Быть-можетъ буддизмъ отчасти содѣйствовалъ тому, что индійскій театръ лишился богослужебнаго характера и пріобрѣлъ свѣтскій отпечатокъ. Въ торжественныхъ случаяхъ, каковы вѣнчанія на царство, браки, рожденія царевичей, при дворахъ давались представленія; постоянной сцены не было, для театра устроивались нарочно большіе хоромы или дворы. Декораціи должны были замѣняться силой воображенія, и самое дѣйствіе часто представлялось такимъ образомъ, что какое-нибудь лицо на сценѣ только разсказывало, что́ оно видитъ, какъ и у насъ обыкновенно не иначе передаются сраженія.

При всемъ томъ чувственное присутствіе представленія и его наглядная дѣйствительность налагали уже до нѣкоторой степени узду на своевольство фантазіи и вели къ бо́льшей все-таки опредѣленности и жизненной правдѣ, нежели какія могла обнаружить позднѣйшая индійская эпика. Драма явилась зеркаломъ человѣческихъ отношеній, времени и нравовъ. Ей надлежало быть общепонятною, а потому обокъ съ письменнымъ языкомъ, Санскритомъ, на которомъ говорятъ главные герои, въ нее втѣснились и живыя нарѣчія, болѣе мягкій Пракритъ, раздѣляющійся на разные народные говоры, которыми въ то же время и яснѣе обозначается характеръ или общественное положеніе дѣйствующихъ лицъ: діалектъ Суразены принадлежитъ женщинамъ, діалектъ Ардаги — прислугѣ и купцамъ, дехинскій — пролазамъ или интригантамъ; низшія касты и демоны говорятъ особымъ тарабарскимъ языкомъ. Не будь всѣ діалекты эти близки одинъ къ другому, изъ нихъ вышло бы неудобопонятное смѣшеніе; одною изъ главныхъ задачъ писателя была обработка ихъ для цѣлей искусства, такъ чтобы основной общепонятный кряжъ только отливалъ характерными оттѣнками разныхъ нарѣчій. При этомъ, смотря по содержанію, стихъ чередуется съ прозой, и діалогъ то представляетъ обыкновенную, общеупотребительную рѣчь, то изливаетъ свои чувства въ затруднительнѣйшихъ стихоразмѣрахъ.

Въ индійской драмѣ эпическій и лирическій элементъ не дошли до полнаго сопроникновенія. Она слишкомъ мало выходитъ представленіемъ совершающагося дѣла, то-есть самоосуществленія воли и обдуманныхъ ея рѣшеній

для достиженія той цѣли или другой; но зато является ужъ черезчуръ только описаніемъ происходящихъ событій, которыя именно и ставятъ людей (какъ шашки) въ разнообразныя отношенія. Этими положеніями пользуются за тѣмъ для того, чтобы лирически выразить возбуждаемыя ими чувства, высказать господствующія при томъ настроенія: такъ что вмѣсто саморазвивающагося дѣйствія передъ вами только вдумчивое созерцаніе того что́ совершилось. Духъ слишкомъ мало смотритъ въ будущность, а въ діалогѣ — чувствованія и помыслы бесѣдующихъ скорѣе сопоставляются только рядомъ, нежели вызываются взаимнодѣйствіемъ и обоюднымъ вліяніемъ или выходятъ изъ прогрессивнаго развитія самаго дѣла. Рѣдко энергически противостаютъ другъ другу двѣ борющіяся стороны, еще рѣже видимъ внутреннюю борьбу, этотъ настоящій нервъ драматичности, когда антагонизмъ противоположныхъ началъ переносится въ душу самого героя. Оттого и нѣтъ здѣсь той сосредоточенности, той напряженности, какихъ мы справедливо требуемъ отъ драмы; индійская фантазія услаждается вмѣсто этого обиліемъ и прелестью разнообразныхъ положеній и благозвучнымъ изліяніемъ нѣжнѣйшихъ чувствъ. Но многоразличныя и измѣнчивыя встрѣчи жизни — черезчуръ ужь внѣшняя судьба, играющая человѣкомъ и играючи ведущая его къ цѣли; онѣ слишкомъ мало выводятся изъ характеровъ, и мотивировка ихъ нигдѣ не основательна: довольно если есть на нее хоть слабый намекъ, если не все зависитъ отъ случая, колдовства и чуда, и если при этомъ только умѣренно пускается въ дѣло пошлая и избитая пружина подслушиванья. Поверхностна также и обрисовка характеровъ; она не даетъ идеальныхъ типовъ человѣчества въ пластически-выработанной полнотѣ, да не развиваетъ и личности изъ первоначальнаго, существеннаго ядра ея до степени индивидуальной жизни, какъ напримѣръ дѣлаютъ первое Софоклъ и Шиллеръ, а послѣднее — Гёте и Шекспиръ. Осью драмы у Индійцевъ является не энергія самосознательной свободной воли, потому что ея не было и въ жизни этого племени; но то что наиболѣе имъ свойственно,—вдумчивая созерцательность, искренность чувства, богатство фантазіи, услажденіе красотой словеснаго изложенія въ стихахъ и притчахъ, — все это найдемъ мы полной мѣрою и въ замѣчательнѣйшихъ изъ ихъ драмъ.

У нихъ есть своя драматургическая литература, и въ ихъ поэтикѣ подобраны вмѣстѣ правила и формы искусства, хотя, надо сказать, довольно внѣшнимъ образомъ. Пролóгъ знакомитъ зрителя съ авторомъ и съ содержаніемъ піэсы; руководитель представленія и вмѣстѣ строитель сцены бесѣдуетъ объ этомъ съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ общества, призвавъ напередъ съ молитвою помощь и благоволеніе боговъ. Піэса раздѣляется на значительное число дѣйствій или актовъ, иногда свыше десяти. Актъ заключается не встрѣчею на сценѣ всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, а напротивъ общимъ ихъ удаленіемъ. Въ піэсѣ всегда различаютъ пріуготовительныя обстоятельства или такъ-называемое изложенье, потомъ какой-нибудь побочный случай, препятствующій или споспѣшествующій ходу дѣла, замедленіе, которое однакожь скрытно приближаетъ его къ цѣли, далѣе — поворотъ въ противоположную совсѣмъ сторону и наконецъ цѣль, достигнутую окончательно; или, говоря по индійски,—различаютъ сѣмя, какъ настоящее зерно событія, отъ капли, какъ случайно привходящей встрѣчи, отъ верх-

няго лепестка въ вѣнчикѣ или эпизодическаго украшенія, и отъ послѣдняго конца, которымъ вполнѣ завершается все цѣлое.

Опять-таки по совершенно-внѣшнимъ признакамъ Индійцы насчитываютъ 18 разныхъ видовъ такъ-называемой низшей комедіи, которая обращается къ толпѣ съ пѣніемъ и пляской, представляя нѣчто вродѣ водевиля, и потѣшая народъ грубыми выходками, чудесами и волшебствами. Они различаютъ ее отъ высшей комедіи, которая всегда мѣшаетъ важность съ шуткою, доставляя своимъ нравственнымъ направленіемъ серьёзную основу и для сатиры, а съ другой стороны сводя къ благополучному, веселому исходу даже и мрачные иногда зачатки, даже и тревожныя затрудненія. Комическую фигуру вездѣ играетъ повѣренный героя, — обыкновенно столько же трусливый сколько и прожорливый браманъ. У Индійцевъ нѣтъ настоящей трагедіи; мѣсто ея заступаетъ примирительная драма. Въ трагедіи можетъ властвовать какъ судьба только вѣдь одна нравственная необходимость, а отнюдь ужь не прихоть случая; гибель героя, если онъ самъ не уготовилъ ее себѣ своимъ характеромъ и поступками, если она просто явилась ударомъ слѣпого рока, была бы тутъ поистинѣ невыносимою; но когда игра судьбы сводится подконецъ къ благополучному исходу, можно все-таки радоваться этому, а предшествовавшія замѣшательства принять за данный ему урокъ или за посланное на него испытаніе. Въ бо́льшей части піэсъ средоточіемъ выходитъ какая нибудь любовная интрига, и при этомъ сила всякаго столкновенія (конфликта) много ослабляется уже тѣмъ, что мужчинамъ изъ высшихъ классовъ дозволительно многоженство, и что герои, по обряду Гандарвы, всегда могутъ вступить въ новый бракъ, ни сколько не нарушая этимъ прежнихъ супружескихъ отношеній; жена брамана не считаетъ себя оскорбленною въ правахъ, если напримѣръ какая-нибудь гетера страстно полюбитъ ея мужа и найдетъ себѣ у него взаимность.

Высшую драму индійскіе теоретики дѣлятъ опять на 10 разныхъ видовъ, приноровляясь къ наличной совокупности піэсъ. Они различаютъ представленіе событій изъ круга боговъ, героевъ и государей, отъ житейской драмы, гдѣ являются высшія сословія; различаютъ такъ-называемыя интрижныя піэсы отъ зрѣлищъ богатырскаго величія и пышной обстановки или наконецъ отъ представленій, наводящихъ ужасъ, одноактныя отъ многоактныхъ, и къ высшей же драмѣ относятъ еще и забавную сатиру, если только героемъ ея — царь или браманъ.

Исторіи развитія драмы у нихъ собственно не существуетъ: они и здѣсь принимаютъ заднимъ числомъ готовую наличность за нѣчто ископное, первобытное, увѣряя что оно изобрѣтено древнимъ мудрецомъ Бгаратой, который и представлялъ все это на зрѣлище богамъ. Высшимъ драматическимъ дѣятелемъ явился Калидаса, о которомъ одно индійское изреченіе говоритъ такъ: «Поэзія была веселою дочерью Вальмики, воспитана она «Вьясой, а женихомъ себѣ выбрала Калидасу; теперь же она состарѣлась «и не знаетъ куда приклонить голову (буквально: въ чью хижину ступить «ногою)». На основаніи одного стиха, который называетъ его вмѣстѣ съ осемью другими «девять драгоцѣнныхъ камней при дворѣ Викрамы», послѣдняго приняли за Викрамадитью, а время его отнесли къ 56-му году

предъ Р. Х. единственно лишь потому, что тутъ именно начинается его эра, донынѣ еще употребительная въ Индіи. Но было нѣсколько царей, носившихъ это имя, а близкое сродство произведеній Калидасы съ піэсами Бгавабгути, принадлежащими къ 8-му вѣку нашего лѣтосчисленія, послужило поводомъ перенести и перваго въ эту же эпоху, которая вслѣдствіе того признана за самый цвѣтущій періодъ индійской драмы. Сакунтала Калидасы была первымъ изъ поэтическихъ созданій Индіи, пересаженнымъ на европейскую почву. Вилльямъ Джонзъ перевелъ его поанглійски, а Георгъ Форстеръ съ англійскаго понѣмецки. Оно произвело огромный эффектъ. Гёте привѣтствовалъ драму четверостишіемъ (которое мы, къ сожалѣнію, умѣемъ передать только въ прозѣ):

Хочешь подъ однимъ именемъ совокупить ранніе цвѣты съ поздними плодами,
То что чаруетъ и восхищаетъ и что въ то же время напитываетъ до́сыта,
Хочешь соединить вмѣстѣ небо и землю?
Я назову тебѣ Сакунталу,—и этимъ скажу все.

Гердеръ написалъ введеніе къ новому изданію Форстерова перевода и замѣтилъ въ немъ между прочимъ: «Всѣ сцены точно перевиты вязями цвѣтовъ, и «каждая возникаетъ изъ самаго дѣла, свободно и естественно какъ милое ра«стеніе. Здѣсь бездна высокихъ и вмѣстѣ утонченныхъ представленій, какихъ «тщетно стали бы мы искать у какого ни есть Грека: потому что соб«ственно индійскій духъ міра, индійскій духъ человѣчества, навѣялъ ихъ и «странѣ, и народу, и поэту....... Въ индійской природѣ все вѣдь одушевлено «жизнію, здѣсь говорятъ и чувствуютъ растенія, деревья, вся тварь —прояв«леніе одного и того же божества, издалека́ и и́зблизи дѣйствуютъ другъ на «друга только духи, а всѣ облекающія, представляющія ихъ формы — одинъ «лишь плѣнительный обманъ. При такомъ способѣ представленія, гдѣ все такъ «тихо и нѣжно соприкасается одно другому, все можетъ произойдти изо «всего, ни мало не нарушая вѣчныхъ формъ первобытнаго. Измѣнчивою «игрой для внѣшнихъ чувствъ предстаетъ вся великая драма міра; а внут«реннее чувство, которое всего глубже, всего искреннѣй наслаждается «ею,—это спокойствіе души, блаженный міръ боговъ». Въ подобномъ же смыслѣ выразился и Фридрихъ Шлегель: «Сакунтала такая вещь, кото«рая даетъ наилучшее понятіе о поэзіи Индійцевъ и представляетъ живой «образецъ красоты, свойственной индійскому духу въ его поэтическихъ со«зданіяхъ. Здѣсь нѣтъ того высокаго художественнаго строя какъ у Гре«ковъ, нѣтъ серьёзно-строгаго стиля ихъ трагедій. Но чувствомъ милѣй«шей, глубокой деликатности одушевлено все, все обвѣяно дыханіемъ безъ«искусственной красоты и граціи, и если склонность къ праздному одино«честву, любовь къ новымъ всегда красамъ природы, особенно къ расти«тельному міру, порождаютъ иногда нѣкоторый преизбытокъ картинъ, нѣ«которую преувеличенную цвѣтистость, то все же это очевидно только «убранство невинности». Очень своеобразно еще замѣтилъ Шеллингъ, что Сакунтала одно изъ тѣхъ произведеній о которомъ можно сказать что его создала сама собой одна душа, безъ всякой помощи со стороны какого бы то ни было человѣка; источникъ очаровательнаго ея впечатлѣнія находитъ

онъ именно въ преобладаніи необыкновенной чувствительности души, какъ бы пробивающей или даже совсѣмъ скрадывающей свою оболочку, что́ видно и въ болѣзненно-мечтательномъ настроеніи цѣлой драмы.

Я готовъ присоединить свой голосъ ко всѣмъ этимъ похваламъ, только съ оговорочною ссылкой на мою общую характеристику индійской драмы,— характеристику, которая все же не даетъ ей мѣста на ряду съ мастерскими произведеніями Греціи, Англіи, Испаніи и Германіи. Очень мило идиллическое начало піэсы: царская охота, священный лѣсъ покаянниковъ, Сакунтала среди своихъ цвѣтовъ, любовь Душманты къ этой красавицѣ; но вѣдь все это образы, вызывающіе мимолетное настроеніе, которые такъ и проходятъ у васъ передъ глазами (какъ въ волшебномъ фонарѣ). По удаленіи царя, грозный рокъ является въ видѣ заклятія, изрекаемаго покаянникомъ, котораго Сакунтала не замѣтила себѣ на горе; Душманта ни чего не знаетъ о наложенной на него безвинно чарѣ забытья, да и Сакунталѣ не извѣстны ни ея проступокъ, ни посланная за него карэ. Случайно потеряла она кольцо, случайно (можетъ быть, по слѣдамъ греческой былины о Поликратѣ) находятъ его въ чревѣ рыбы и приносятъ къ царю, который при взглядѣ на него вдругъ снова вспоминаетъ про любовь свою. Можно видѣть здѣсь по крайней мѣрѣ хоть легкій намекъ на ту вину Сакунталы, что во дни счастливой любви, равно какъ и во время горькой разлуки она позабываетъ сама себя и весь міръ, не замѣчаетъ даже присутствія святыни, и зато именно позабывается Душмантою. Но ужь совершенно сказочнымъ выходитъ за тѣмъ взаимодѣйствіе божескаго міра съ человѣческимъ, вознесеніе Сакунталы въ кругъ сродственныхъ ей небесныхъ нимфъ, выѣздъ Душманты на Индриной колесницѣ противъ демоновъ, и наконецъ обрѣтеніе имъ возлюбленной жены и дорогаго сына.

Къ древнему же сказанію примыкаетъ и другая драма Калидасы, Викраморваси, или Богатырь и Нимфа, изображающая любовь Парураваса къ Урваси, — поздній отголосокъ миѳа о Солнцѣ съ Денницею; она еще музыкальнѣе въ исполненіи, еще полнѣе страстной тревоги, еще мелодраматичнѣе. Прелестная нимфа влюбляется въ царя-богатыря и за то ссылается къ нему съ своего неба; царица сперва ревнуетъ, потомъ ублажается; очаровательны тѣ сцены, гдѣ Урваси видимо обвитаетъ милаго, даетъ ему знать про любовь свою и удостовѣряется во взаимности. Блистательнѣйшею точкой драмы можно назвать четвертый актъ, происходящій въ уединенномъ затишьѣ хребта Меру. Влюбленные удалились въ этотъ пріютъ; царь какъ-то неосторожно взглянулъ на одну купающуюся красавицу, а раздраженная этимъ нимфа вдругъ стала ногой на такую полосу, куда, по заклятію какого-то покаянника, не должна ступать ни одна изъ женщинъ. За это она тотчасъ же превращена въ виноградную лозу. Тогда Паруравасъ, вмѣсто драгоцѣннаго убора, надѣваетъ на себя вѣнокъ изъ дикихъ полевыхъ цвѣтовъ и блуждаетъ по лѣсу ища своей милой. Онъ распрашиваетъ объ ней у облаковъ, у горъ, у растеній и животныхъ. Все напрасно. Онъ видитъ какъ надменно выступаетъ теперь павлинъ, ужь не опасаясь болѣе что блестящія его перья померкнутъ передъ заплетенными косами Урваси; онъ видитъ какъ воровски бѣжитъ лебедь, похитившій прекрасную осанку его возлюбленной. Онъ видитъ слона лежащаго подъ тѣнью съ слонихой, и не хочетъ

его спрашивать, чтобы не огорчить мыслью о возможной утратѣ подруги. Онъ обращается къ лотосу и затѣмъ къ потоку:

О, какъ прекрасенъ цвѣтъ лотоса!
Онъ увлекаетъ меня съ дороги и неволей притягиваетъ къ себѣ мой взоръ.
Пчелы жужжатъ въ его чашечкахъ.
Онъ рдѣетъ какъ губки моей милой,
Когда я нажму ихъ своими устами,
Такъ что онѣ долго горятъ отъ жгучаго поцалуя.
Дай, подружусь съ медосборщикомъ.

Скажи ты, хищникъ медвяной росы, не видалъ ли ты
Нимфы съ большими, томными глазами,
Плавающими въ сладострастіи какъ въ чашѣ свѣтлаго вина?
Но кажется, я попусту и спрашиваю:
Отвѣдай когда-нибудь пчела ея дыханія,
Она навѣкъ пренебрегла бы послѣ этого лотосъ.

Дай остановлюсь у горнаго потока
И наберусь силы отъ воздуха,
Освѣжаемаго прохладой этихъ струй;
А самъ полюбуюсь на́ рѣку,
Какъ она течетъ, только-что располнѣвъ отъ новаго прилива.
Какія чудныя картины мгновенно охватываютъ мнѣ душу!
Струи изгибаются какъ брови,
Аисты порхаютъ какъ языкъ моей милочки;
А волнистая поверхность рѣки,
Развѣ это не станъ ея, не ея осанка!
Все напоминаетъ мнѣ раздраженную:
Надо воротить ее, во что бы ни стало.

Голосъ съ неба велитъ ему поднять у ногъ камень самоцвѣтный, и вдругъ онъ видитъ передъ собой виноградную лозу; нѣтъ на ней ни одного цвѣтика, почки всѣ засохли, и въ одинокой своей грусти кажется она ему живымъ образомъ возлюбленной, которая ужь и сама жалѣетъ о напрасномъ своемъ гнѣвѣ. Онъ прижимаетъ къ сердцу грустное подобіе и чувствуетъ какъ въ его объятіяхъ и подъ его пѣсню лоза понемногу согрѣвается, оживаетъ и становится прежнею Урваси. Самоцвѣтный камень вставляютъ въ налобникъ красавицѣ. Однажды похитилъ его воронъ, но мальчикъ, подстрѣливъ птицу, приноситъ его ко двору; открывается что это сынъ Паруруваса и Урваси, котораго мать тайно родила и нарочно ростила отъ отца подальше, потому что какъ скоро онъ увидитъ мальчика, ей должно воротиться на небо. Отецъ ставитъ сына по себѣ наслѣдникомъ, а самъ вмѣстѣ съ Урваси уносится въ горнія пространства. Въ заключеніе она какъ обыкновенно высказываетъ въ стихахъ прощальное благожелательство:

Счастіе и мудрость, оба эти дара,
Да не расходятся враждебно никогда;
Пусть они, напротивъ, сомкнутся прочнымъ союзомъ
И водворятъ истинное благо человѣчества.

Драма Мриххакати, «Глиняные вѣски», приписывается въ про́логѣ какому-то царю Судракѣ. Все дѣйствіе — чисто человѣческое, происходитъ въ высшемъ кругу общества и развертываетъ оживленную картину индійскихъ

нравовъ. Главныя лица браманъ и знатная куртизанка, дарящая своимъ расположеніемъ только по склонности. Названіе піэсы происходитъ отъ того, что маленькому сыну брамана вмѣсто глиняныхъ игрушечныхъ вѣсковъ хочется имѣть золотые, какіе онъ видѣлъ у ребенка богатаго ихъ сосѣда, и влюбленная въ отца гетера старается добыть мальчику желаемую вещь. Въ исторію любви очень искусно вплетена другая, политическая, — побѣгъ одного узника, который низвергаетъ потомъ царя и вступаетъ на престолъ правосуднымъ государемъ. Браманъ Чарудатта выдержанъ въ очень благородномъ характерѣ; онъ былъ богатъ, и обѣднялъ отъ щедрости. Онъ между прочимъ говоритъ:

Мнѣ не жаль утраченнаго добра,
Но, признаюсь, глубоко огорчаетъ меня то,
Что ни кто не хочетъ навѣстить меня
Съ тѣхъ поръ какъ улетѣло мое богатство.
Какъ неблагодарныя пчелы строптиво
Избѣгаютъ сѣсть на широкій лобъ слона,
Какъ скоро влага медвяной росы на немъ высохла и исчезла,
Такъ точно и мои прежніе гости не жалуютъ больше ко мнѣ въ домъ.

Одинъ близкій человѣкъ, Майтрейясъ, хоть и остался ему вѣренъ, однако тужитъ и онъ, что не можетъ уже дотого начиняться пахучими блюдами, чтобы наконецъ самому насквозь пропахнуть, что онъ не лежитъ уже подъ входной аркою какъ волъ, спокойно пережевывая жвачку. Тутъ-то именно и даритъ мудрецу свое сердце Везантасена. Они хотятъ превзойти другъ друга въ благородствѣ чувствъ. Тщетно ищетъ ея расположенія зять Раджи, Санстанака, самонадѣянный, пресыщенный безпутникъ, который моритъ со смѣху своими неумѣстными цитатами изъ эпическихъ поэмъ. Посѣщеніе Везантасеной Чарудатты не только даетъ поводъ къ великолѣпному описанію тропическаго ненастья, но сверхъ-того и къ роковой путаницѣ: только-что освободившійся изъ заточенія государственный узникъ садится въ назначенную для нея колесницу и благодаря этому ускользаетъ отъ дозорцевъ, а она попала въ колесницу Санстанаки, и ее отвозятъ къ нему въ загородный домъ. Отвергнутый ею хозяинъ рѣшается ее удавить, но она спасена счастливымъ появленіемъ одного буддистскаго священника. Убійца между тѣмъ обвиняетъ Чарудатту въ своемъ собственномъ злодѣйствѣ; внѣшнія улики говорятъ противъ невиннаго, и надъ нимъ состоялся уже приговоръ. Окруженный чливо щадящими его чандалами *, онъ спокойно идетъ на мѣсто казни, тогда какъ жена его складываетъ для себя костеръ. Тутъ является Везантасена съ благополучнымъ разрѣшеніемъ вопроса, и въ то же время торжественно вступаетъ побѣдителемъ недавній узникъ; надменный зять прежняго Раджи падаетъ въ свойственное ему ничтожество и получаетъ прощеніе отъ влюбленной четы, которая соединилась теперь неразрывно. Бездна эпизодовъ и побочныхъ лицъ, — игроки, воры, кучера́, привратники, — выведены здѣсь не даромъ: хорошо очеркнутые сами по себѣ, они еще болѣе перепутываютъ завязку драмы

* Изъ чандалъ, какъ уже замѣчено, выбирались обыкновенно палачи.

и даютъ лучше обнаружиться характерамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Піэса напоминаетъ Шекспировыхъ современниковъ, Грина, или Гейвуда и Декера.

Южноиндійскій браманъ Бгавабгути написалъ въ 8-мъ вѣкѣ по Р. Х. двѣ большія драмы, примыкающія къ Рамаянѣ: одна просто держится эпоса и передаетъ главныя его сцены; другая представляетъ дальнѣйшую исторію героя, который изъ-за одного божескаго слова и въ угоду своему народу посылаетъ беременную Ситу въ изгнаніе, а потомъ среди разныхъ приключеній и любовныхъ жалобъ старается отыскать ее, и наконецъ соединяется съ милою подругой, которая родила ему между тѣмъ двухъ близнецовъ; на сценѣ устроиваютъ между прочимъ театръ, гдѣ представляютъ передъ Рамою рожденіе двухъ мальчиковъ и особенную милость къ нимъ боговъ; актёры этого театра — сами дѣйствующія лица піэсы, и все оканчивается ликованіемъ и блаженствомъ. Картины красотъ природы въ этихъ піэсахъ такъ же превосходны, какъ и въ сантиментальной любовной драмѣ: «Тайный бракъ министерскаго сына Мадгавы съ министерской дочерью Малати»; герой увидѣлъ свою суженую на весеннемъ праздникѣ въ рощѣ бога любви и, при помощи жены одного буддистскаго священника, тутъ же взялъ себѣ въ супруги, тогда какъ отецъ передъ этимъ окончательно сговорилъ ее за другого жениха. Разлука влюбленной четы, блужданіе въ живописныхъ горныхъ дебряхъ, приводятъ молодую дѣвушку во власть жрецовъ подобнаго Сивѣ бога, Чамунды, гдѣ она обречена жертвоприношенію. Тутъ встосковалась она по Мадгавѣ, и одно ея желаніе — жить и по смерти въ его памяти: никогда вѣдь собственно не умираютъ тѣ, кого любовь набальзамируетъ воспоминаніемъ. Но Мадгава ужь близко, и готовъ спасти ее. Піэса отличается страстной силою чувства и потрясающими душу положеніями. Какъ въ «Ромео и Юліи» у Шекспира блаженство тайной любви приравнивается къ молніи, а подконецъ драмы, когда влюбленные готовы уже соединиться, мы находимъ слѣдующую тираду, очень характеристичную для цѣлаго:

Какая странная череда событій въ одинъ и тотъ же день!
Падаетъ ливень, и въ немъ вмѣстѣ съ острыми мечами
Смѣшаны благоуханныя капли сандала;
Съ безоблачнаго неба нисходитъ пожирающій огонь
И вмѣстѣ усладительный, чудный нектаръ;
Въ живительномъ напиткѣ дремлетъ горькій ядъ,
Перунъ грома игриво окруженъ мѣсячными лучами.

Какъ образчикъ собственно - интрижной піэсы, Вильсонъ перевелъ одну драму 10-го или 11-го вѣка, подъ названіемъ: Мудра Ракшаса, или печать министра при царѣ Висакадгаттасѣ. Ванда, царь Палиботры, свергнутъ съ престола браманомъ Чанакіей, и на мѣсто его возведенъ Чандрагупта, котораго Греки зовутъ Сандракоттосъ; Чанакія, вліятельный вождь новаго правительства, старается привлечь на сторону своего владыки главную опору противной партіи, бывшаго министра Ванды, Ракшасу; для этого онъ разсылаетъ подложныя письма за его печатью, окружаетъ его вѣроломными друзьями, ссоритъ съ тѣми государями, которыхъ тотъ поднималъ на Чандрагупту, беретъ подъ стражу того пріятеля Ракшасы, который пріютилъ у себя его семью, и велитъ даже вести его на казнь, все только для виду.

Тогда Ракшаса является самъ на мѣсто друга, съ тѣмъ чтобы спасти его, узнаетъ что все это дѣлалось для того, чтобы сдѣлать его министромъ новаго государя, отдаетъ справедливость дипломатическому искусству Чанакіи и заступаетъ его мѣсто, не смотря на то что передъ этимъ онъ подкупалъ на Чандрагупту отравителей. Чанакія достигъ своей цѣли: добылъ своему питомцу тронъ и привлекъ на службу къ нему министра его противника; теперь онъ отрекается отъ міра, чтобы посвятить себя созерцательной жизни въ дремучемъ лѣсу. Піэса выставляетъ на сцену всѣ хитрости и козни, которыми пробавляется и которымъ учитъ индійская политика; ложь и обманъ, заточеніе и убійство пускаются въ ходъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ какъ нѣчто вполнѣ правомѣрное для достиженія государственныхъ цѣлей, то-есть для захвата власти или для ея обезпеченья; при этомъ политическіе интриганты — въ частной жизни тѣмъ не менѣе вѣрные друзья, люди преданные душой и тѣломъ и вполнѣ достолюбезные.

Изъ цѣлаго ряда другихъ піэсъ напротивъ очевидно, что даже и въ позднюю средневѣковую пору богатырское сказаніе было обильнымъ народнымъ источникомъ самыхъ любимыхъ сюжетовъ для индійской драмы. Драматизированы также многія событія изъ Магабгараты, и одно семиактное представленіе Мурари, гдѣ выведена исторія Рамы, хотя ровно ни чего не сто́итъ по обрисовкѣ характеровъ и по композиціи, однако высоко цѣнится въ Индіи за свой правильный риторическій стиль; въ другой, четырнадцатиактной піэсѣ, главнымъ героемъ является обезьяна Ганумамъ, съ положительнымъ притомъ завѣреніемъ, что она же первоначально сама сочинила и вырѣзала на камняхъ всю драму; но поэтъ Рамаяны, Вальмики, изъ ревности побросалъ камни въ море; что ихъ впослѣдствіи однакожь вытащили, и піэса возстановлена изъ обломковъ Дамодарой Мисрой. Южные Индійцы и донынѣ потѣшаются шутовски-забавнымъ представленіемъ многоразличныхъ воплощеній Вишну.

Въ заключеніе упомяну объ одной драмѣ умозрительнаго содержанія, напоминающей аллегоріи средневѣковыхъ «правоученій» и высшую ступень ихъ развитія въ Autos sacramentales (духовныхъ дѣйствахъ) Кальдерона. Она сочинена Кришной Мисрою около 1100 г. нашей эры и имѣетъ цѣлью и сюжетомъ примиреніе философіи съ откровеніемъ, вѣры съ познаньемъ. Заглавіе ея — Прабодга Чандродайя, то-есть Лунный восходъ знанія. Умъ развелся съ своей законной женою, откровеніемъ; отсюда, дитей себялюбія, рождается заблужденье; оно ростетъ въ силахъ и соединяется съ сладострастіемъ, лицемѣріемъ, еретичествомъ; тогда какъ съ другой стороны притѣсненная вѣра находитъ себѣ утѣшеніе только въ спокойствіи и состраданьи. Но къ ней примыкаетъ еще познаніе, и беретъ на себя борьбу съ противной стороной. При этомъ обокъ съ олицетвореніями понятій, добродѣтелей, пороковъ, на сцену выводятся приверженцы разныхъ религіозныхъ и философскихъ сектъ, представляемые иногда въ чрезвычайно комическомъ видѣ. Наконецъ умъ мирится съ откровеніемъ, и изначальный духъ узнаетъ себя въ обоихъ, какъ насущныхъ формахъ своей собственной жизни и дѣятельности.

Музыка.

Музыка не воздѣлывалась еще Индійцами въ видѣ самостоятельнаго искусства, но оставалась у нихъ въ связи съ поэзіей, мимикой и пляскою: къ этой-то совокупности и слѣдуетъ отнести сказанья о чудесныхъ ея дѣйствіяхъ. Поэзія читалась или, точнѣе, произносилась съ музыкальною декламаціей, а пѣніе было при томъ свободнымъ изліяніемъ переполняющаго сердце чувства, нѣчто вродѣ речитатива нашихъ оперъ. * Такъ любой жертвоприносецъ пѣлъ при священнодѣйствіи гимны Ведъ, и любой богатырскій возница былъ вмѣстѣ и пѣвцомъ везомыхъ имъ витязей. Музыкальная сторона дѣла не имѣла тогда самобытнаго значенія; не было еще ни раздѣленія на такты, ни замкнутой въ себѣ мелодіи, — по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сознательно-искусственнаго пріема. Высказывавшаяся въ словѣ внутренняя жизнь чувства слѣдовала ритму и метру языка, а выдержанная пѣвучесть оживляла поэзію и передавала приливъ и отливъ разнообразныхъ чувствъ чередовой смѣною высокихъ и низкихъ тоновъ, быстрыми или медленными тактами. Тоны для этого употреблялись самые разносильные, начиная отъ глухого урчанія до зычнѣйшаго крика. Какъ, съ одной стороны, вовсе не имѣлась еще въ виду музыкально-архитектоническая постройка піэсы и отсутствіе такта вообще, говоря не чувствовалось, такъ точно, съ другой стороны, не развился еще смыслъ многоголосности и гармоніи; инструменты сопровождали пѣніе всегда въ одинаковой съ послѣднимъ высотѣ тона; мужскіе и женскіе голоса просто держали одни низшую, другіе высшую октаву, не давая при этомъ чувствовать ни квинты, ни терціи, и разумѣется тутъ не было уже и рѣчи о томъ чтобы нѣсколько голосовъ шли каждый своей особой дорогою и тѣмъ не менѣе однако стройно сочетались между собою. Инструменты только усиливаютъ звукъ пѣвчихъ голосовъ и, вступая въ общій хоръ поочереди, оттѣняютъ и оцвѣчаютъ пѣніе каждый своимъ особымъ тембромъ. Человѣка цѣликомъ захватываетъ и какъ-говорится подмываетъ прежде всего ритмъ; ведущіе и выдвигающіе его впередъ ударные инструменты, побуждаютъ въ то же время руки къ такимъ движеніямъ, въ которыхъ наглядно обнаруживается внутреннее настроеніе, и которыя неудержимо переходятъ на ноги и на остальныя части тѣла; распѣвая, ударяя въ инструментъ, баядера вмѣстѣ съ тѣмъ покачивается и перегибается въ живописномъ своемъ танцѣ. Слова, тѣмъ именно что они поются, сильно выдвигаютъ впередъ метръ, этотъ настоящій ритмъ поэзіи, и слѣдятъ въ мелодическомъ изліяніи съ большою сравнительно свободой и безъ точно-опредѣленнаго такта за измѣнчивымъ потокомъ мгновенныхъ чувствъ; но при всей восторженности, при всей возбужденности выражаемаго ею на-

---

* Мы сказали бы — вродѣ арій, но должны оставить неприкосновенною мысль автора.
Пр. Пер.

строенія, мелодія эта, повинуясь чувству красоты, часто доходитъ до симметричнаго расчлененія и даже до замкнутаго въ себѣ единства.

Шумъ и завыванія вѣтра представляются Арійцу пѣніемъ; геніи чистаго воздуха, дружинники небеснаго бога, такъ-называемые Гандарвы, — это его музыканты и пѣвцы. Волшебную, магическую силу приписывали музыкѣ даже надъ природою и надъ самими богами, основываясь на томъ необоримомъ вліяніи, какое звуки ея производятъ на движенія человѣческой души. Къ ударнымъ и духовымъ инструментамъ, къ глухозвучнымъ трубамъ или рогамъ и къ рѣзкимъ сравнительно дудкамъ и флейтамъ, присоединяется своеобразная струнная игра на в и н ѣ. Кузовъ вины состоитъ изъ трубы въ 4 фута длиной и въ 3 дюйма шириной; къ нему въ качествѣ резонансныхъ декъ подвѣшены двѣ пустыя, книзу полыя тыквы; поверхъ трубы натянуты черезъ кобылку семь металлическихъ струнъ, и для четырехъ середнихъ устроены кромѣ того подвижныя скобки, которыми длина ихъ отъ 30-ти дюймовъ можетъ укорачиваться до 6-ти. Звукъ полонъ и вмѣстѣ нѣженъ. Другіе струнные инструменты Загангской Индіи отличаются чудною, каррикатурною наружностью.

Семь тоновъ, повторяющихся въ трехъ октавахъ, составляютъ основной регистръ индійской музыки; каждый цѣльный тонъ дѣлится затѣмъ на четыре четверти. Фантазія Индійцевъ теряется въ тысячѣ умозрительныхъ комбинацій этихъ тоновъ, никогда не умѣя схватить того, что́ тутъ въ самомъ дѣлѣ существенно и подчинено естественнымъ законамъ; но тѣмъ не менѣе слухъ и врожденное чувство красоты все-таки не даютъ характеру этой музыки въ исполненіи слишкомъ удаляться отъ новоевропейской системы, съ ея дурными и мольными ладами. Замѣчательно, что слово ладъ, р а г а, означаетъ вмѣстѣ и душевное движеніе, страсть. Фантастичность чередуется въ мелодіяхъ съ простотою и заунывной искренностью настоящей народной пѣсни. Амбросъ въ своей «Исторіи музыки» представляетъ собраніе этихъ мелодій и приравниваетъ ихъ характеръ къ по́шибу индійскихъ картинъ, гдѣ, особенно въ изображеніи молодыхъ дѣвушекъ, обнаруживается то же недоразвитое чувство красоты и та же точно милая, граціозная стыдливость рисунка. Онъ замѣчаетъ, что врожденный музыкальный смыслъ Индійцевъ безотчетно руководится тѣми естественными основами гармоніи, которыя вліяютъ на образованіе мелодій, но вовсе не сознаетъ господствующихъ при этомъ законовъ. Индійцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о гармоніи и отнюдь не ощущаютъ въ ней потребности. Но основной тонъ, отъ котораго именно исходитъ мелодія, возвращается зачастую опять, и вообще предпочитается въ видѣ окончательнаго заключенья, между тѣмъ какъ нѣкоторые ея ходы удовлетворительно завершаются квинтою, да и вся мелодія въ цѣломъ получаетъ иногда правильное построеніе благодаря тому, что разныя части ея безсознательно расчленены съ музыкальнымъ смысломъ. Только живость чувствъ трудно подчинима здѣсь строгому тактовому порядку; тоны и послѣдованія ихъ протягиваются и ускоряются подъ вліяніемъ неудержимаго внутренняго настроенья.

Изобразительное искусство.

Древняя Индія не знала ни храмовъ, ни кумировъ; для богослуженія довольно было одного жертвенника подъ открытымъ небомъ; брамаизмъ поощрялъ не столько общественность культа, сколь пустынножительство въ лѣсахъ, и если у ведійскихъ пѣвцовъ самые очерки божескихъ ликовъ были до такой степени неопредѣленны и сбивчивы, то вѣдь не надо забывать что и чистая духовность Брамы противостояла вполнѣ безобразно яснымъ и осязательнымъ формамъ міра явленій. Но чуть ли не первоарійскимъ обычаемъ было окружать священное пространство нѣсколькими рядами камней, которые разставлялись какъ столпы, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи; обычай этотъ развился какъ нельзя величавѣе у Кельтовъ, но слѣды его находимъ мы также и въ Индіи. Эпосъ и потомъ греческія извѣстія говорятъ намъ о блистательныхъ гражданскихъ постройкахъ по царскимъ городамъ; прямыя, людныя улицы пересѣкались просторными площадями и гостепріимной тѣнью цвѣтистыхъ садовъ; вода текла по каналамъ, мѣстами расширявшимся въ пруды; дома̀ высились часто въ пять и болѣе этажей съ галереями и верандами; ко дворцамъ всходили обыкновенно по великолѣпнымъ террасамъ; стѣны украшались разноцвѣтными камнями.

Монументальный вкусъ пробудился съ водвореніемъ буддизма; къ важной трезвости послѣдняго примыкаетъ вообще та небольшая доля выдержанно-историческаго смысла, какую находимъ мы въ Индіи. Царь Асока, рѣшительно ставшій за буддизмъ въ половинѣ 3-го вѣка предъ Р. Х. и содѣйствовавшій догматической установкѣ его ученій, основалъ первые памятники восиреобладавшей съ тѣхъ поръ религіи. Они были первобытнаго еще вида, но вѣдь и зачатки этого искусства совпали съ той эпохою, которая уже испытала на себѣ вліянія запада благодаря Александру и его преемникамъ, то-есть приняла формы выработавшіяся въ Вавилонѣ, Персіи и Греціи. Мы находимъ здѣсь памятныя колонны и гробницы, какъ у Египтянъ обелиски и пирамиды; но вмѣсто прямыхъ, рѣзкихъ очертаній сравнительная мягкость индійскаго смысла тотчасъ вноситъ преобладаніе округлыхъ и волнистыхъ линій и нарядной отдѣлки. Асока соорудилъ внизъ по теченію Ганга памятные столпы въ ознаменованіе торжества новой вѣры; кромѣ нравоучительныхъ изреченій, снискавшихъ имъ прозвище «столповъ добродѣтели», они были снабжены надписями, въ которыхъ значились ихъ цѣль и имя создателя. Они вообще стройны, футовъ въ 40 вышиной; трехфутовый нижній поперечникъ стончается кверху на два фута не болѣе; капитель имѣетъ видъ колокола или опрокинутой цвѣточной чашечки, — ни дать ни взять какъ база персепольскихъ колоннъ, а подъ капителью идетъ шейка, украшенная зерничатымъ штабикомъ и вѣнкомъ пальметтъ и лотосныхъ цвѣтовъ, такимъ же, какой впервые находимъ у Ассирійцевъ и который потомъ такъ изящно стилизованъ былъ Греками. На верху столба сидитъ левъ; Сакья-

синга, то-есть львомъ рода Сакья, называли Будду, который потому и изображался этимъ символомъ.

Приверженцы Будды воздавали религіозное почитаніе образцовой его личности; по словамъ преданія останки его тѣла были погребены въ осьми могильныхъ курганахъ; Асока велѣлъ отрыть ихъ, и все что въ нихъ содержалось роздалъ и разослалъ вѣрующимъ, а тѣ хранили эти драгоцѣнности въ большихъ сооруженіяхъ, которые первобытную форму кургана замѣнили полушарнымъ куполомъ на цилиндрическомъ основаніи, сначала довольно низкомъ, а впослѣдствіи возвысившемся дотого, что весь памятникъ представлялъ уже видъ башни. Названіе ступа или, въ просторѣчіи, топа означаетъ просто могильный курганъ; употребительное также имя дагопъ собственно выражаетъ назначеніе постройки, какъ тѣлохранилища. Это совершенно сплошная, компактная толща; полымъ остается только маленькій склепъ, обложенный шестью каменными плитами и находящійся въ оси купола, подъ самою крышкой; въ немъ-то и хранятся останки. Форма полушарія знаменуетъ тотъ водяной пузырь, къ которому Будда приравнивалъ весь міръ преходящаго. Верхушка увѣнчана навѣсомъ, въ видѣ нѣсколькихъ зонтиковъ поставленныхъ рядомъ или же одинъ надъ другимъ, — знакъ царскаго сана; высящаяся посерединѣ стойка поддерживаетъ пестрò изукрашенную кровлю, часто металлическую. Ступы разсѣяны по всей Остъ-Индіи; въ трехъ мѣстностяхъ стоятъ онѣ особенно значительными группами, которыя Куглеръ, благодаря опытному своему взгляду, вѣрно приурочиваетъ къ тремъ разнымъ періодамъ зодчества. Древнѣйшая относится ко временамъ Асоки и его преемниковъ: сюда принадлежатъ дагопы Мальвы въ центральной Индіи; самый большой имѣетъ болѣе 50-ти футовъ въ вышину, и 120 ф. въ поперечникѣ; онъ окруженъ на нѣкоторомъ разстояніи каменными перилами, въ которыхъ продѣланы четыре портала съ вѣнцомъ, опирающимся на слоновъ и состоящимъ изъ трехъ выгнутыхъ архитравовъ, которые подѣлены между собой богато убранными подставками. Другая группа принадлежитъ Цейлону, гдѣ владычество буддизма утвердилось въ половинѣ 2-го вѣка предъ Р. Х. Тамъ цилиндрическая база повыше и снабжена нѣсколькими поясками, а куполъ подымается на ней очень размашисто и заканчивается конусомъ вверху; вокругъ нѣкоторыхъ дагоповъ идутъ на четыреугольныхъ основаніяхъ тонкіе гранитные столбы съ развалистою и потомъ сведенною почкообразно капителью, и идутъ притомъ то въ одинъ, то въ нѣсколько рядовъ, — явный отголосокъ древнеарійскаго обычая огораживать священную мѣстность. Третія группа дагоповъ простирается на востокъ отъ Инда черезъ Афганистанъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены монеты, пріурочивающія постройку ихъ ко времени отъ 2-го до 5-го столѣтія нашей эры; куполъ здѣсь немного приниженъ, за то основаніе подъ нимъ башнеобразнѣе.

Буддистскіе священники были настоящіе монахи; они собирались въ дождливую пору года, учреждали общежительные скиты, вигары, и строили большія храмины для общественнаго богослуженія, въ глубинѣ которыхъ находился всегда, въ видѣ святилища, небольшой дагопъ. И подобно тому какъ истинный буддистъ удаляется отъ суетной блазни свѣта и углубляется

въ самого себя, такъ точно и въ зодчествѣ это направленіе архитектонически выразилось тѣмъ, что вмѣсто вольныхъ сооруженій начали устроивать подземныя пещеры, удаляясь такимъ образомъ отъ свѣта въ таинственную глубь. А какъ все находится въ безпрерывномъ вращеніи, и колесо — ближайшій символъ измѣнчиваго круговорота жизни, то потолокъ пещеръ сводился въ круглый сводъ, а конецъ ихъ замыкался полукружіемъ, такъ что текучіе изгибы дуговыхъ линій постоянно находили себѣ приложеніе и здѣсь. Болѣе тысячи лѣтъ буддисты производили эти пещерныя постройки, и обокъ съ маленькими кельями для священниковъ высѣкали обширнѣйшіе храмы какъ въ гористыхъ мѣстностяхъ центральной Индіи и въ хребтахъ западныхъ Гатовъ, такъ и на Коромандельскомъ берегу. Пещерные эти храмы называются обыкновенно хаитьями, по навѣсной кровлѣ дагопа, стоящаго въ самой глубинѣ передъ полукруглой нишей или впадиной, которою замыкается среднее пространство храма; послѣднее слишкомъ вдвое шире и выше примыкающихъ къ нему боковыхъ пространствъ и отдѣлено отъ нихъ рядомъ столповъ, надъ которыми высится коробовой сводъ полукружіемъ или подковой. Все вмѣстѣ напоминаетъ христіанскую базилику. Въ Карлійской пещерѣ, близъ Бомбея, которой пошибъ старобытно простъ, и которая принадлежитъ еще кажется дохристіанскому времени, толстые столпы отесаны и выдорожены широкими лòжками; круглою и сильно распученной базою опираются они на четыреугольныя плиты; капитель все та же опрокинутая, только шире раздавшаяся, цвѣточная чашечка, а на абакѣ ея стоитъ слонъ, подпирающій потолокъ, какъ міровые слоны индійской миѳологіи подпираютъ землю. Пещера эта болѣе ста футовъ въ длину. Надъ входной дверью совнутри устроена трибуна (теремокъ), а надъ нею большое окно, которымъ однимъ освѣщается все зданіе. Во всѣхъ остальныхъ подробностяхъ и въ декоротивныхъ частяхъ древостроительныя формы взяты съ образца прежнихъ надземныхъ сооруженій и только перенесены здѣсь на горный кряжъ; по немъ высѣчены переводины и вся обрѣшетка, безъ всякой конструктивной въ этомъ надобности, да и безъ всякой пользы для эстетическаго эффекта. Впрочемъ арки свода, какъ бы перекинутыя съ одного столпа на другой по сводчатому покрытію, живѣе онагляживаютъ размахъ послѣдняго нежели могла бы это сдѣлать простая, ровная площадь; въ вигарахъ, гдѣ потолокъ безъ сводовъ, столпы связываются съ нимъ посредствомъ консолей приличнымъ и гармоническимъ переходомъ. Круглое, выпученное, развалистое встрѣчается здѣсь и тамъ обокъ съ мотивами позднегреческаго стиля; простое перемѣшано съ причудливымъ, которое начинаетъ уже игриво охватывать его со всѣхъ сторонъ. Столпы и въ вигарахъ очень коренасты и притомъ четыреугольны, но въ серединѣ кажутся нѣсколько сжатѣе, оттого что грани вытесаны легкой и пріятной дугою. Въ пещерныхъ вигарахъ Аюнты и Бáуга, принадлежащихъ къ похристіанскому времени, есть круглыя колонны, — въ Аюнтѣ съ высокими четыреугольными подножіями и капителями, такъ что стержень составляетъ только треть всей высоты, — въ Баугѣ съ базою пониже, съ широкою консольною капителью и съ винтовыми извивами, нарѣзанными по стержню колоннъ.

Всего роскошнѣе цвѣли эти пещерныя постройки въ средневѣковую эпоху, съ 6-го по 11-е столѣтіе. Буддизмъ и стремившееся подняться опять браманство торжественно соперничали тогда между собою; послѣднее усвоило

себѣ добытки перваго, но выработало ихъ гораздо фантастичнѣе и тѣмъ въ свою очередь новліяло на буддизмъ, пока наконецъ въ 9-мъ вѣкѣ брамапы усилились до такой степени, что смогли вытѣснить соперниковъ изъ Индіи, возстановить попрежнему свою власть и пользоваться ею безъ удержу. Въ промежуткѣ двухъ этихъ партій стояла секта Джайнъ, скорѣе смѣшивавшая нежели сближавшая своимъ посредствомъ идеи и художественныя формы той и другой стороны. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ горнокаменныя постройки на островѣ Элефантѣ близъ Бомбея и въ эллорскомъ хребтѣ,— истинныя чудеса человѣческой работы. Въ Эллорѣ полукружіе горныхъ утесовъ на пространствѣ цѣлаго часа ѣзды обращено въ 30-ть разныхъ пещеръ которыхъ наружная сторона обдѣлана въ видѣ фасадовъ; мѣстами даже цѣлые вольностоящіе храмы прямо высѣчены изъ кряжа горы. Одна буддистская пещера х а и т ь я, слывущая теперь храмомъ Висвакармы, выходитъ наружу колончатымъ предсѣніемъ, а внутренніе столпы ея соединяютъ въ своихъ формахъ массивную силу съ пухлой мягкостью, отличаясь въ то же время богатѣйшимъ противъ прежняго убранствомъ. Брамапы въ постройкѣ своихъ храмовъ держались образца пещерныхъ вигаръ, но устранивъ рядъ иноческихъ келлій вокругъ всего средняго пространства, они замѣнили ихъ нишами для помѣщенія кумировъ. Горнокаменная колонна—какъ назовемъ мы ее вслѣдъ за Куглеромъ—получаетъ здѣсь выразительный свой складъ. Она все еще остается массивною; подножіе, колонна и ея навершье всѣ одинаковой почти вышины: на круто-подъемной кубической шашкѣ стоитъ сравнительно-короткій стержень, раскидываясь вверхъ какъ цвѣтокъ лотоса, а надъ нимъ пузатою подушкой лежитъ капитель подъ гнетомъ кубовидной опять шашки, которая на половинѣ своей высоты расходится въ подпотолочныя консоли; ясно, что архитектоническія черты, изстари встрѣчавшіяся порознь, совокупились теперь въ одно цѣлое, которымъ вполнѣ выражено назначеніе колонны поддерживать массивную тяжесть горы, и выраженіе это совершенно подходитъ къ той пухлости и развалистости формъ, которая вообще такъ нравится Индійцамъ. Все вмѣстѣ представляетъ однако довольно странное навидъ сооруженіе, и конечно есть нѣкоторая несообразность въ томъ, что именно подпирающій всю тяжесть стержень колонны отнюдь не выступаетъ здѣсь на первый планъ, какъ главное. Великолѣпнѣйшимъ созданіемъ браманства былъ такъ-называемый Кайласа. Порталомъ, изсѣченнымъ въ скалѣ, входите вы въ пространство, идущее на 250 футовъ въ глубину и на полтораста въ ширину, которое кверху остается отчасти вовсе не покрытымъ, отчасти же противолежащимъ входу концомъ своимъ проходитъ и подъ гору; охватывающія его горнокаменныя стѣны обдѣланы въ видѣ галерей, за которыми расположены пещеры побольше и поменьше. Посереди свободнаго какъ дворъ пространства оставлена громадная скала, которая вся кругомъ обтесана въ видѣ храма; она простирается на 100 футовъ въ длину, на 60 въ ширину и на 90 въ вышину; внутри ея высѣчена храмина въ 17 футовъ вышиною, все прочее оставлено сплошнымъ кряжемъ. Подлѣ храма — небольшая часовня, а потомъ огромные горнокаменные слоны и столпы, похожіе на обелиски. Часовня подымается въ два яруса съ сильно выступающими карнизами; стѣны ея расчленены столпами съ фигурами подпирающихъ людей. Главный храмъ — одноэтажный; основаніемъ ему служитъ цѣ-

лый рядъ слоновъ, какъ будто бы держащихъ его на себѣ или несущихъ. Разнообразно подѣленныя и расчлененныя массы высятся здѣсь одна надъ другой. Стѣны украшены изображеніями боговъ и животныхъ, пилястры, карнизы и другія выступныя части покрыты пестрымъ орнаментомъ, похожимъ на ювелирную работу и рѣзко отдающимъ своей тонкою передъ дикою массивностью горныхъ скалъ. Все расчитано на живописно-фантастическую эффектность. Нѣсколько позднѣйшая пещера Индры, неподалеку оттуда, принадлежащая началу 2-го тысячелѣтія, также заключаетъ въ себѣ небольшой однокряжный (монолитный) храмъ, обдѣланный въ два яруса; карнизъ перваго этажа поддерживается полугреческими колоннами, а второй ярусъ съуживается кверху вычурными уступами, такъ что все зданіе въ цѣломъ напоминаетъ позднѣйшее западное рококо.

Небольшіе индійскіе храмы, уцѣлѣвшіе въ Кашмирѣ съ перваго тысячелѣтія по Р. Х., проще и прямолинейнѣе навидъ; они относятся къ преждеупомянутымъ точно такъ же какъ напримѣръ постройки Палладіо къ преизукрашенному блеску іезуитскихъ церквей той эпохи. На круто-подъемномъ основаніи возвышаются двѣ колонны, обрамливающія порталъ, который своимъ острымъ щипцомъ прорѣзываетъ основную линію кровли, тогда какъ боковыя ея линіи, идя въ параллель съ боками щипца, сходятся потомъ въ одной общей вершинѣ.

Наконецъ, на Коромандельскомъ берегу постройки въ Магамалайпурѣ принадлежатъ позднебраманскому періоду: пирамидныя скалы въ самомъ морѣ обдѣланы въ видѣ вольностоящихъ храмовъ, а въ кряжѣ горнокаменнаго берега изсѣчены пещеры съ лицевыми фасадами, гдѣ видна такая же причудливая смѣсь архитектоническихъ элементовъ съ пластическими, какъ и въ гротахъ Эллоры, хотя колонны здѣсь посвободнѣе и постройнѣе.

Мрачная пещера, углубляющаяся далеко въ нѣдра горъ, отвѣчаетъ безусловному погруженію духа въ таинственное единство Брамы, тогда какъ пестрая лицевая сторона ея измѣнчивостью своихъ формъ представляетъ міръ, — эту мимолетную грезу бога: внутри мы видимъ всю отвлеченность индійскаго ума, снаружи — всю его фантастичность. Обдѣлка неподвижной горы не связываетъ зодчаго ни какимъ закономъ искусства, она только вызываетъ его на состязаніе съ естественными формами, на передачу того, чѣмъ могутъ представиться воображенію эти скалы положимъ хоть при лунномъ свѣтѣ. Вотъ отчего производимый ими эффектъ уподобляютъ впечатлѣнію отъ вида какой-то заколдованной каменоломни, гдѣ природа и искусство, погруженныя еще въ чреватый будущимъ хаосъ, вдругъ остановились въ процессѣ начатаго зарожденія и внезапно оцѣпенѣли.

Послѣ 12-го вѣка въ Индіи начинается постройка пàгодъ. Священный домъ собственно зовутъ багувати. Пàгода — обширное огражденное стѣной пространство, заключающее въ себѣ нѣсколько дворовъ, прудовъ, крытыхъ галерей, храмовъ и гостиницъ для богомольцевъ; своеобразны въ нихъ именно большія хоромы для помѣщенія странниковъ и башнеобразныя пирамиды у воротъ, поднимающіяся въ нѣсколько этажей и представляющія такую же вычурную смѣсь и такой же безсмысленный преизбытокъ формъ, какъ и внутреннія стѣны залъ и храмовъ, которые безобразно-роскошнымъ

обиліемъ всѣхъ возможныхъ прикрасъ далеко превосходятъ западное рококо въ самыхъ преувеличенныхъ его затѣяхъ. Пресловутыми образцами этого стиля назовемъ здѣсь пагоды въ Джагерпотѣ и въ Рамиссерамѣ, а въ заключеніе, изъ числа яванскихъ построекъ возникшихъ подъ индійскимъ же вліяніемъ и представляющихъ смѣсь буддистскихъ элементовъ съ браманскими, приведемъ главный храмъ въ Боро-Будорѣ, который высится какъ гора шестью большими уступами и котораго стѣны всѣ покрыты множествомъ нишъ съ изображеніями Будды; на верхней площадкѣ стоитъ двойной кругъ дагопныхъ куполовъ или главъ, изъ числа которыхъ нутреные выше наружныхъ, а завершеніемъ цѣлому служитъ большой дагопъ, 50-ти футовъ въ поперечникѣ. Какъ ни кудрява здѣсь орнаментика, въ ней все-таки замѣтно больше мѣры, больше періодической возвратности одинаковыхъ или подобныхъ формъ и стало-быть больше сдержаннаго спокойствія нежели въ позднѣйшихъ за тѣмъ постройкахъ.

Буддизмъ же вызвалъ опять къ жизни индійскую пластику и живопись, и притомъ именно тѣмъ что возбудилъ у всѣхъ желаніе имѣть передъ собой образъ многочтимаго учителя, котораго личность слыла идеаломъ истинно-человѣческой жизни. Въ немъ старались изобразить человѣка безстрастно-покойнаго, кроткаго и тѣмъ самымъ блаженнаго, старались придать всевозможную красоту многолюбивому лику этого совершеннѣйшаго изъ смертныхъ. Большіе прямо смотрящіе глаза обыкновенно полузакрыты въ созерцаніи, чело высоко и выпукло, подбородокъ и щеки полны, носъ на выступѣ; въ Индіи ясно запечатлѣлся индоевропейскій типъ, а въ Китаѣ и Тибетѣ онъ естественно оттѣсненъ монгольскими чертами. Члены тѣла, округлые. мясистые и мягкіе, болѣе сдаютъ на женскій складъ. Будда сидитъ въ глубокомъ размышленіи съ поджатыми накрестъ ногами, или стоитъ, какъ проповѣдникъ и учитель, съ поднятою вверхъ правою рукой и съ оживленнымъ взоромъ, или наконецъ лежитъ въ блаженномъ успокоеніи, позабывъ всѣ мірскія суеты.

Дагопы и пещеры дохристіанскаго времени украшены иногда рельефными сценами боевой и мирной жизни, выполненными съ какою-то простодушною трезвостью, въ небольшомъ размѣрѣ. За тѣмъ слѣдуютъ у стѣнъ горнокаменныхъ утесовъ колоссальныя изображенія Будды (къ сожалѣнію крайне поврежденныя). Далѣе идутъ въ меньшемъ опять размѣрѣ эллорскія изваянія, спокойнаго вообще характера, мѣстами съ примѣсью древнемиологическихъ фигуръ, благоговѣйно окружающихъ Будду. Главное богатство индійской пластики принадлежитъ горнокаменнымъ храмамъ брамановъ, ею заполнены наружныя стѣны, да не менѣе и внутренность пещеръ. Предметы заимствованы изъ жизни боговъ и изъ богатырскаго сказанія. — Фигуры по большой части нагія, или не столько прикрытыя одеждой, сколько украшенныя нарядными ожерельями, поручнями и поножами. Тѣла отличаются соразмѣрностью и мягкой полнотою формъ, болѣе женственной чѣмъ мужскою. Во всемъ складѣ ихъ, равно какъ и въ линіяхъ движенья, выражается — говоритъ Куглеръ — спокойное довольство существованіемъ. Основной характеръ мужскихъ фигуръ — какая-то особенная юношеская кротость, доходящая нерѣдко до застѣнчиваго почти выраженія. Такого рода художе-

ственная концепція выводитъ иногда женскія фигуры съ дивной можно сказать граціозностью; полныя въ груди и бедрахъ, упругія въ členoсоставахъ, мягко-плавныя въ линіяхъ движенья, являются онѣ образами сладчайшаго погруженія въ раздолъ естественнаго бытія, особенно когда предстаютъ намъ въ бесѣдующихъ группахъ, — по обыкновенію съ поджатыми подъ себя ногами. Но конечно все это выходитъ какъ бы только воплощеніемъ полусоннаго, чуть не растительнаго существованія. Въ большинствѣ этихъ фигуръ не только нѣтъ даже и слѣда хотя сколько-нибудь значительной мышечной силы и основаннаго на ней бойкаго тѣлодвиженія, какимъ всегда отличается народъ, призванный дѣлать дѣло; въ нихъ нѣтъ и той болѣе глубокой возбужденности, которая выдаетъ въ тѣлѣ живой органъ духовной воли, которая дѣлаетъ форму и движеніе выразителями нравственнаго бытія или внутреннихъ его столкновеній, и которою всегда обусловленъ характеръ истинно-художественной идеальности.

Безсильная высказать вполнѣ ясно духовныя свойства боговъ во внѣшнихъ формахъ, и преимущественно въ чертахъ лица, индійская фантазія хватается за чувственную символику и придаетъ могучему великану много рукъ, а мудрое божество представляетъ многоголовымъ. Брама, какъ зрящій во всѣ стороны, надѣляется четырьмя лицами, а взнакъ всемогущества — четырьмя руками: въ одной держитъ онъ скиптръ или жертвенную лжицу, въ другой — кольцо вѣчности, въ третьей — Веды, четвертая остается открытою взнакъ всегдашней готовности его на помощь. Или насаживаются звѣриныя головы на человѣческое туловище, и такимъ образомъ Ганеса, взнакъ своего остроумія, долженъ таскать передъ собой слоновый хоботъ вмѣсто тонкаго носа. У многочленныхъ фигуръ всегда сохраняется посереди, какъ главный, обликъ человѣка и рѣжется горельефомъ и впрямь, тогда какъ справа и слѣва присовокупляются лица, обращенныя въ сторону; или же руки, которыхъ начала не видно на спинѣ, простираются обокъ съ двумя настоящими, которыя однѣ только и дѣйствуютъ. Здѣсь ни въ чемъ не даютъ себѣ разумнаго отчета, и рѣзецъ воплощаетъ какія-то сонныя видѣнія. Именно на подобныя вещи Гёте и наложилъ свое заклятіе, сказавъ:

> Для людей всего на свѣтѣ ужаснѣе —
> Видѣть передъ собой воплощенную чистую нелѣпость.

Въ рѣчи глупая вещь пройдетъ и забудется, но въ изображеніи она остается навсегда, овладѣваетъ чувствами и порабощаетъ душу. Вмѣстѣ со всей «безумной кутерьмой прикрасъ» въ пещерныхъ раскопкахъ, въ храмахъ, полныхъ слонами и образинами, «гдѣ все священное превращено въ посмѣшище, «гдѣ не чувствуется ни природа, ни Богъ», Гёте точно такъ же отвергалъ многоголовыхъ боговъ индійскихъ, какъ и псоголовыхъ египетскихъ. Шнаазе, съ своей стороны, не находитъ въ этихъ горнокаменныхъ рельефахъ той архитектонически-строгой постановки, какая была бы необходима для фигуръ втрое превышающихъ человѣческій ростъ, тогда какъ слишкомъ мягко обдѣланные члены, безъ яснаго обозначенія костяка и мышцъ и при своихъ какъ-бы змѣеобразныхъ изгибахъ, производятъ впечатлѣніе противной разсла-

бленности, чувственной немощи или какого-то призрачно-жуткаго существованія. Напротивъ, при меньшихъ размѣрахъ, выраженіе полусоннаго довольства часто бываетъ привлекательно, когда подъ вліяніемъ его верхняя часть тѣла небрежно наклоняется въ одну сторону, а выдвинутая впередъ противоположная лядвея придаетъ очертанію цѣлаго необыкновенную мягкость изгиба, и въ то же время голова опускается какъ вполнѣ развернувшійся цвѣтокъ на тонкомъ стеблѣ, слишкомъ слабомъ для прямоотвѣсной его поддержки.

При сочиненіи небольшихъ группъ здѣсь болѣе нежели у Египтянъ и Вавилонянъ выступаетъ чутье живописнаго въ композиціи, хотя, положимъ, еще слишкомъ слабое для обширнѣйшихъ изображеній, и хотя въ добавокъ къ нему очевидно недостаетъ уряжающаго смысла, художественнаго пониманія; но тѣмъ не менѣе оно есть, оно ставитъ отдѣльныя фигуры въ тѣсное соотношеніе и тѣмъ самымъ придаетъ сценамъ спокойнаго общежитія какую-то исполненную души прелесть.

Мало того что мы находимъ остатки красокъ на изваяніяхъ; совмѣстно съ пластикой живописный позывъ, въ дохристіанское еще время, украсилъ стѣнописью даже и постройки буддистовъ; но слѣды ея почти совершенно уже изгладились. Уцѣлѣла она только въ пещерахъ Аюнты и Ба́уга и заслужила себѣ большія похвалы. Картины одной процессіи, охоты, нѣсколькихъ сраженій и наконецъ фигура Будды отличаются, по словамъ путешественниковъ, такою смѣлостью рисунка, свободою кисти и живостью красокъ, которыя ставятъ ихъ гораздо выше всего того, что̀ даетъ современное индійское искусство. Въ драмѣ «Рама Харитра» вся предшествующая пiэсѣ исторія сообщается зрителю тѣмъ способомъ, что Рама и Сита разсматриваютъ изображенія, сочиненныя живописцемъ по воспѣтымъ въ эпосѣ сценамъ и подвигамъ, и при этомъ въ сладкой бесѣдѣ вспоминаютъ пережитое. Новѣйшія произведенія живописи принадлежатъ къ разряду миніатюръ и выполнены на бумагѣ или на слюдѣ. Рядомъ съ натянутыми миѳологическими сценами и съ разными фантастическими фокусами представляютъ они случаи изъ общественной жизни, бытъ покаянниковъ и взаимныя отношенія влюбленныхъ паръ; особливо подробности дѣвической жизни, какъ дѣвушки наряжаются, какъ подстерегаютъ ихъ въ купальнѣ, какъ онѣ болтаютъ съ газелями, какъ говорятъ съ цвѣтами, — все это передано со смысломъ и съ граціей, и ото всего вѣетъ тонкимъ чувствомъ, не смотря на старобытность формъ и на легкіе оттѣнки колорита, которыми едва подживлены нѣжныя абрисныя линіи. Въ другихъ картинкахъ явно преобладаетъ желаніе только потѣшить пестротой раскраски. Вообще замѣтно болѣе нарядности нежели выраженія и естественной правды.

Изъ поэзіи мы знаемъ какъ глубоко было чувство природы у Индійцевъ, и кажется имъ первымъ удалось постичь красу мѣстности, изящество пейзажа, какъ вѣрный отголосокъ душевныхъ настроеній самого зрителя. Эпосъ любитъ приравнивать женскую прелесть и ея дѣйствіе на сердца свѣтовымъ небеснымъ явленіямъ: Дамаянти прекрасна какъ полнолунная ночь, а въ печали похожа на тонкій серпъ молодого мѣсяца, выглядывающаго изъ за облакъ; такъ точно и въ Пѣсни о Нибелунгахъ говорится про Хримгильду:

Какъ полный мѣсяцъ плыветъ передъ звѣздами,
Поднявшись изъ-за облакъ въ чистомъ, лучезарномъ блескѣ,
Такъ подлинно блистала и она передъ другими женами;
При взглядѣ на нее не у одного богатыря подымалось въ сердцѣ молодечество.

Или въ другомъ еще мѣстѣ:

Вотъ вошла она миловидная; такъ изъ-за свѣтлыхъ облаковъ
Восходитъ денница.

Въ драмѣ, женщины всего чаще приравниваются растеніямъ. Близкое сродство тѣхъ и другихъ ни одинъ народъ не ощущалъ такъ тонко, ни одинъ не высказывалъ такъ граціозно, какъ Индійцы. Уста Сакунталы рдѣютъ какъ нѣжный цвѣточный листикъ, ноги у ней словно водяныя лиліи, руки опустились гибкими стеблями, пальцы украшаютъ ихъ будто цвѣтъ, только что раскрывшійся на растеніи. Цвѣтокъ мадгави, говоритъ она,—сестра моя: еще бы мнѣ за нимъ не ухаживать? Дерево амру дѣвицы величаютъ женихомъ; оно какъ-будто киваетъ Сакунталѣ кончиками своихъ листьевъ, чтобы шопотомъ сообщить ей на ухо усладительную тайну. Душманта уподобляетъ свою дѣвственную красавицу молодому листку, еще не отломленному отъ стебля ни чьей дерзкою рукою; онъ называетъ ее цвѣткомъ, еще не излившимъ своего благоуханія; а она, рѣшась слѣдовать за мужемъ, трогательно прощается съ лѣсною обителью, и плачась говоритъ: Оторванная отъ груди отца, какъ молодой побѣгъ сандальнаго дерева отрываютъ отъ хребта Малайи, какъ-то буду я рости теперь на чужой, невѣдомой почвѣ? Гомеръ, напротивъ, сравниваетъ Пенелопу съ жалобно-стонущимъ соловьемъ, а своихъ героевъ въ битвѣ всего чаще — со львами, точно такъ же какъ и индійскій эпосъ величаетъ своихъ богатырей людьми-тиграми, а не то—быками.

Въ драмахъ Индійцевъ не только упоминаются, но и описываются пейзажныя картины, и какъ въ описаніи должно просвѣчивать настроеніе души, то исполнительницами являются обыкновенно женщины, которыя нѣжнѣе передаютъ это сантиментально-мягкое чувство природы. Царь Душманта пожелалъ чтобы изображеніе Сакунталы было обставлено слѣдующимъ пейзажемъ: на переднемъ планѣ тѣнистое дерево, по вѣтвистымъ его сучьямъ развѣшено для просушки на солнцѣ нѣсколько плащей, изъ тонкой рогожки, а подъ нимъ лежитъ пара черныхъ сайгъ, и самка слегка почесывается лбомъ о рога своего супруга; по середнему плану извивается рѣка Малини съ влюбленными краснокрылами на зеленомъ берегу, и наконецъ пригорки съ пасущимися на нихъ стадами козъ тянутся къ заднему плану, который замыкаетъ въ дали снѣговерхая Гималайя. Въ драмѣ «Тайный бракъ» также встрѣчаются поэтическіе ландшафты. Напримѣръ:

Какъ далеко стелется передо мною видъ! Горы и долины,
Города, селенія, лѣса, свѣтлые потоки!
Тамъ, гдѣ извиваются рѣки Пара и Синду,
Башни Паднаватиса, его храмы, палаты и ворота
Глядятся опрокинутые въ ихъ струяхъ,
Словно цѣлый городъ сброшенъ съ неба
Въ серебристыя волны.

Какъ въ четвертомъ актѣ драмы Викраморваси царь Пуруравасъ во всѣхъ явленіяхъ природы видитъ образъ утраченной имъ милой, такъ точно говоритъ и Мадгава:

Краса моей возлюбленной сквозитъ въ назрѣвающихъ почкахъ цвѣтовъ,
Глазами ея обладаетъ сайга,
Мотылекъ колышется въ воздухѣ съ ея грацiей.
Она для меня умерла, и прелести ея
Розданы поодиночкѣ всему міру!

Подобныя выходки индійской лирики обличаютъ вмѣстѣ и то глубокое чутье живописной стороны природы, которое одно даетъ художнику возможность выразить душевное настроеніе въ образѣ какой-нибудь горы или долины, какой-нибудь рощи или рѣки. Мы видимъ, что именно въ Индіи былъ впервые заключенъ тотъ союзъ человѣческой души съ душою міра, на которомъ основана всякая пейзажная живопись, достойная назваться художественной.

Изобразительное искусство не сопровожлало и не руководило развитіе индійскаго духа въ той мѣрѣ какъ поэзія; оно появилось только тогда, когда этотъ духъ попытался преобразоваться и освободиться въ буддизмѣ, когда вслѣдъ за тѣмъ браманство праздновало свое возстановленіе не прогрессивнымъ, а какимъ-то зыбкимъ, расшатаннымъ движеніемъ, и успѣло однако снова привязать къ себѣ умы. Оттого изобразительное искусство почти и не имѣло здѣсь исторіи. * Художники не успѣли выработать характеръ боговъ или героевъ въ сотвѣтственныхъ имъ формахъ; они отдались фантастической символикѣ. При этомъ не могло возникнуть ни опредѣленныхъ разностей въ концепціи, ни усильнаго стремленія къ совершенству, не могла также заявить себя на дѣлѣ своеобразность и индивидуальность мастеровъ; тонъ давали преданіе и исконный обычай; чувство красоты не шло далѣе самыхъ общихъ отношеній между единичными фигурами, далѣе старанья выразить какое-то полусонное довольство. Личная свобода была совсѣмъ задавлена роковымъ подѣломъ кастъ, духовнымъ и свѣтскимъ гнетомъ, неотразимо упадавшимъ на народъ свыше; а между тѣмъ и зодчество, и скульптура были вѣдь работой, которую несъ именно подслужный народъ,—совсѣмъ не то что умствованіе и поэзія, доставшіяся въ удѣлъ браманамъ. Оттого духъ огромнаго большинства жилъ можно-сказать растительной только жизнію, что и донынѣ обличаютъ намъ съ глубокою тоской какъ нѣкоторыя изъ народныхъ пѣсень, такъ и нѣкоторыя грустно-выразительныя картины.

* Для того чтобъ у даннаго народа или племени дѣйствительно преуспѣла какая либо существенная отрасль быта, необходимо ей развиваться исторически или точнѣе сказать прогрессивно; шатаніе же изъ стороны въ сторону отнюдь не можетъ почесться историческимъ, потому что оно такъ же мало ведетъ къ цѣли, какъ и колобродство безумца или пьянаго. Терпимое въ младенчествѣ народовъ и оправдываемое тогда свойственною дѣтямъ слабостью, оно становится однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ показаній, продолжая характеризовать народъ и въ позднѣйшемъ его возрастѣ. Прим. Перев.

Иранъ.

Нагорный край Иранъ граничитъ къ востоку областью рѣки Инда, къ западу Эвфратомъ и Тигромъ; на сѣверъ лежатъ Аму-Дарьинскія степи и Каспійское море, а на югѣ побережье его омывается Океаномъ. Страна обильна противоположностями физическихъ условій. Зимніе бураны смѣняются безоблачнымъ лѣтомъ со знойными днями и съ ясными, звѣздными ночами; плоскогорья благодатной Мидіи своей всегдашней весною призываютъ къ земледѣлію, тогда какъ сосѣднія горы воспитываютъ суровое племя дюжихъ охотниковъ и пастуховъ; долины Шираса на югѣ точно такъ же какъ и долины Эльбурса на сѣверѣ блещутъ убранствомъ роскошныхъ лѣсовъ, цвѣтистыми лугами; виноградники, померанцевыя и лимонныя рощи предлагаютъ тамъ вкуснѣйшіе плоды. Трудъ человѣка вызывается, да зато и вознаграждается природою. Почва какъ нарочно создана для дѣятельнаго народа, съ тѣмъ чтобы онъ радовался жизнію и основалъ здѣсь мощно и умно особую, своеобразную культуру. Тутъ именно водворилась часть оставшихся еще на первородинѣ Арійцевъ, тогда какъ другая часть разошлась по рѣкамъ Инду и Гангу.

Въ Иранѣ сохранилось служеніе свѣтлому богу неба, но противоположность тьмы и зимнихъ бурь выдвинулась здѣсь гораздо сильнѣе, и коренное настроеніе народа обнаружилось тѣмъ, что онъ не столько погружался въ фантастичную мыслительность, какъ напримѣръ Индійцы, сколько былъ наклóненъ къ жизни дѣятельной и къ нравственнымъ идеямъ. Къ противоположности свѣта и тьмы привилась здѣсь противоположность добра и зла, благотворнаго и вреднаго начала; правдивость души должна была отвѣчать ясности въ природѣ, человѣкъ долженъ былъ мужественно участвовать въ великой міровой борьбѣ дня съ ночью, стройнаго порядка съ страшною безрядицей среди неудержнаго разгула дикихъ силъ. Идеаломъ его было служеніе свѣту и истинѣ не въ полугрезящемъ раздумьѣ, а въ бодрой готовности на новыя всегда дѣла; вмѣсто того чтобъ уничтожать и совершенно упразднять волю въ безконечномъ, здѣсь стремились напротивъ отстоять ее, водворить царство добраго духа чистотою мысли, словомъ и дѣломъ, не щадя никакихъ трудовъ и силъ.

Въ восточномъ Иранѣ культура начинается религіозною реформой и богатырскимъ сказаніемъ; на западѣ развивается она въ побѣдоносной борьбѣ съ симитскими сосѣдями, въ соприкосновеніи съ Египтянами и Эллинами, и Персы заимствуютъ у нихъ съ яснымъ здравомысліемъ подходящія для себя формы зодчества и пластики, чтобы при помощи ихъ воздвигнуть памятникъ своему собственному духу. Такъ-какъ сама мірская дѣятельность человѣка должна быть богослуженіемъ, священствомъ добраго духа, котораго чтятъ они выше всего, то и предметомъ изобразительнаго искусства является у нихъ не столько религіозное, сколько мірское, какъ выразилось оно въ

государствѣ и въ царскомъ санѣ по преимуществу. Фантазія дѣйствуетъ не по произволу и прихоти, а находитъ себѣ надлежащую мѣру, опираясь съ одной стороны на дѣйствительность, съ другой — на нравственную идею.

Если въ богатыхъ фантазіей Индійцахъ нѣкоторые хотѣли видѣть азіатскихъ Грековъ, то Иранцевъ можно было бы сравнить съ Германцами; смыслъ у нихъ трезвѣе, не столько направленъ къ наружной формѣ, сколько къ внутреннему содержанію, и во всемъ преобладаетъ нравственный моментъ; развитіе идетъ отъ самобытно-народныхъ зачатковъ съ готовностью усвоить себѣ чуждое, всегда однакожь воспроизводя его въ собственномъ своемъ духѣ.

Заратуштра.

Мы видѣли какъ изъ идеи Бога, примкнувшей къ всеобъемлющему ясному небу уже и въ общія первоарійскія времена миѳологія стала развиваться тѣмъ именно путемъ, что различныя стороны божескаго существа и верховной его дѣятельности созерцались въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ природы и въ сліяніи съ ними пріобрѣтали отдѣльную самостоятельность. Такъ бранелюбивый свѣтобогъ выступилъ въ борьбѣ грозы на ряду со всеобъемлющимъ богомъ неба; такъ въ солнцѣ и въ утренней зарѣ, въ огнѣ, въ бурѣ и въ облакахъ-дожденосцахъ стали мало по малу чествовать особыя личныя божественныя силы. Въ глубинѣ оставалась болѣе или менѣе ясная мысль, что все это лишь различныя откровенія Единаго; но однажды разнуздавшаяся фантазія продолжала славить все на новые лады исперва обоженныя ею силы и присоединяла къ нимъ все новые и новые облики. Этимъ именно путемъ пошли Индійцы, и Веды представляютъ намъ свидѣтельства ихъ мышленія и творческой мощи. Тутъ грозила духу опасность совершенно растеряться въ обожаніи природы, уйдти въ нее самому, грозила опасность чтобы природа не стала первою, а нравственная идея чѣмъ-то при ней второстепеннымъ, отъ нея зависящимъ, чтобы образъ въ символѣ не заслонилъ собой его смысла. Другимъ путемъ былъ конечно возвратъ къ первоединому,—познаніе его духовности и съ тѣмъ вмѣстѣ возвышеніе надъ природой, подъемъ нравственнаго начала и съ тѣмъ вмѣстѣ уразумѣніе борьбы добра со зломъ, такъ-какъ вѣдь добро можетъ завершиться только одолѣніемъ своей противоположности. Этотъ-то путь выбралъ Заратуштра, и преобразованіемъ своимъ основалъ парсизмъ.

Въ Ведахъ, и еще болѣе въ иранской религіозной книгѣ, Авестѣ (Авеста значитъ откровеніе, Зендъ — толкованье, стало-быть Зендъ - Авеста — толкованіе откровенья), обнаруживается религіозная противоположность, на которую мы указывали: Индра, вознесенный тамъ во главу лика боговъ, низведенъ здѣсь на степень злого и проклятаго демона, и первоначальное имя духовъ свѣта, Дева, которое Индійцы берегутъ для своихъ боговъ, становится у Заратуштры и учениковъ его прозвищемъ лукавыхъ и лживыхъ демоновъ тьмы, такъ-какъ всѣ порожденные фантазіей естественные боги считаются у нихъ ложными передъ единымъ духомъ добра и истины. Арійцы, водворившіеся въ Бактріи, пристали къ Заратуштрѣ; онъ училъ заниматься

земледѣліемъ, съ которымъ соединялся степенный, нравственно-трезвый образъ мыслей и чувствъ, тогда какъ преобладавшая еще фантазія не давала покоя другой части этого народа, которая и откочевала далѣе, въ поискахъ за другимъ краемъ, болѣе соотвѣтственнымъ духовной ея особенности. Общимъ достояніемъ двухъ этихъ вѣтвей остался обычай возжигать священный огонь при жертвоприношеніяхъ, какъ символъ очищенія духовнаго, возвышенія отъ земли къ небу, обычай возливать на жертвенникъ Сому или Гому и чтить властвующую въ священномъ напиткѣ силу вдохновенія и подкрѣпленья, какъ божественное существо, и наконецъ обычай оцѣплять веревкою взнакъ пріема въ религіозную общину. Но у Индійцевъ господствовала фантазія, а у Иранцевъ добрая нравственность поставлялась всего выше; поэтому тамъ и все міровоззрѣніе вышло больше поэтическимъ нежели моральнымъ, здѣсь — болѣе моральнымъ чѣмъ поэтическимъ. Индійцы все богаче и цвѣтистѣе развивали свои миѳологическіе задатки, а Иранцы сводили ихъ напротивъ къ простѣйшимъ основнымъ понятіямъ и очищали духомъ нравственности.

Первоначально-общее почетное имя священныхъ жреческихъ пѣвцовъ, Кави, измѣнилось въ Кава, откуда вышло потомъ Ка́и (Каи Хозру); а названіе Кави придали теперь въ Авестѣ жрецамъ ложныхъ боговъ, да и въ Ведахъ подъ именемъ Кавари извѣстны враги божіи. Веды называютъ ихъ также Магхава, какъ именно звались Заратуштрины приверженцы, а отсюда впослѣдствіи вышло прозвище Маговъ. Въ одной пѣснѣ Ригведы, Гаугъ призналъ самого Заратуштру подъ именемъ изгоя Джарадашти. Противоположность между оргіастическимъ культомъ Индры, котораго держатся воинственные кочевники, и служеніемъ огню, развившимся у земледѣльцевъ, а въ связи съ этимъ и окончательный раздвой Арійцевъ на Индійцевъ и Иранцевъ, засвидѣтельствованы показаніемъ самихъ религіозныхъ книгъ, чѣмъ подтверждается выраженное нами мнѣніе, что первоначальный подѣлъ народовъ наступилъ вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ идей, съ образованіемъ миѳологіи и особыхъ языковъ или складовъ рѣчи.

Заратуштра выходитъ стало-быть межевымъ камнемъ послѣдняго раздѣла арійскаго племени; въ отрывкахъ древнихъ пѣсень сохранились отзывы той жестокой борьбы, среди которой совершилось отпаденіе индропоклонниковъ Индійцевъ и переходъ ихъ на Индъ, а съ другой стороны — возникновеніе самостоятельныхъ Иранцевъ. Поэтому Заратуштра принадлежитъ къ первой половинѣ 2-го тысячелѣтія предъ Р. Х.

Въ самой Авестѣ говорится о древнихъ мудрецахъ, называемыхъ Саосьянто, то-есть огнежогами, которые чествовали добрыхъ духовъ или геніевъ зажиганіемъ священныхъ огней; духи же именовались Агура, живыми, или Масда, вѣщими, дарующими мудрость. Въ силахъ свѣта и яснаго воздуха, которыя, по народной вѣрѣ, оберегали жизнь земли, борясь съ демонами тьмы и безплодія, выдвигалось здѣсь на первый планъ идеальное, духовное, нравственное начало. Противоположность плодоносныхъ долинъ съ суровыми горами, съ туманными степями и пустынями, противоположность кроткаго и яснаго солнца съ суровою и мглистою зимой, противоположность зачатковъ мирной земледѣльческой культуры съ перекочевками хищныхъ ордъ

по степямъ и горнымъ ущельямъ, борьба и трудъ, какія потребовались теперь отъ человѣка для охраны и поддержки его благосостоянія, — все это дало сознанію возможность опредѣленнѣе различить истинное бытіе отъ ложнаго и вообще добро отъ зла. Заратуштра первый умѣлъ свести къ единству началъ противоборствующія эти силы: какъ истый Аріецъ, онъ не подѣлилъ знанія отъ совѣсти, а напротивъ духъ истины понялъ вмѣстѣ и какъ духъ добра, уча что онъ одинъ — источникъ и причина жизни, что онъ — творецъ и господь всѣхъ существъ. Онъ назвалъ его Агура-Масда, живовѣщимъ, живомудрымъ. Добру противостоитъ зло, истинѣ—ложь, но отнюдь не въ равноправномъ отношеніи, а такъ, какъ истинно сущему противостоитъ ничтожное, то чего совсѣмъ не должно́ быть, что́ обречено лишь одолѣнію, что существуетъ только за тѣмъ чтобы побѣдоносною съ нимъ борьбой вполнѣ заявила себя на дѣлѣ торжествующая правда. Подъ именемъ зломыслія, Акемъ-мано, Заратуштра совокупляетъ всѣ силы лжи (всѣхъ Друховъ) и зла также въ одно общее начало, которымъ въ міръ чистоты вносятся нечисть, смута и помраченіе; Анграмайньюсъ, то-есть зломысленный или лукавый, противостаетъ какъ владыка тьмы благому Агурамасдѣ въ творческой его дѣятельности, постоянно муча и соблазняя людей. Имъ предоставленъ выборъ между двумя началами, но они должны отдаться добру, и чистотою мысли, слова и дѣла преодолѣвать злое начало, содѣйствовать водворенію царства истины. Такимъ образомъ, какъ служители, какъ жрецы-герои свѣта, достигаютъ они безсмертія и совершенства въ живомъ общеніи съ Агурамасдою, который и приметъ ихъ къ себѣ въ лоно жизни вѣчной.

Характеристическую черту иранской фантазіи составляетъ то, что она стремится олицетворить понятія и добродѣтели, осамобытить начала нравственныхъ житейскихъ отношеній и блага духовныя, съ тѣмъ чтобы поставить ихъ обокъ съ Агурамасдою, какъ первыя его откровенья; и это находимъ мы также въ древнѣйшихъ еще пѣсняхъ, и здѣсь геній Заратуштры очевидно далъ всему руководящій тонъ. Такъ напримѣръ восхваляется Вогумано, благомысліе, благородство чувствъ, какъ основа всего дѣйствительнаго, какъ прямой путь къ Агурамасдѣ; оно стало послѣ Баманомъ, отсюда происходятъ Армаити и потомъ Сапандомадъ, покорность, благочестіе и преданность своей воли въ волю божію; отсюда же вышли вмѣстѣ съ тѣмъ воспріимчивость и податливость природы къ образованію, и такъ-какъ земля, матерія, принимаетъ въ себя законъ божій и добровольно поддается обработкѣ человѣческой (почему Иранцы и взываютъ къ ней какъ къ святой покорницѣ), то Армаити слилось у нихъ воедино съ душой земли, которой прорицанія возвѣщалъ еще Заратуштра; собственно земля зовется коровою, корова и быкъ служатъ первоначально символомъ коренныхъ силъ природы. Третьимъ геніемъ была истина, Аша, изъ которой послѣ вышелъ Ардибегештъ; четвертымъ—Кшатра, могущество и богатство; земное счастіе связано здѣсь съ добромъ, съ истиной, оно достигается служеніемъ обоимъ; изъ Кшатры произошелъ потомъ Шагриверъ. Кто, предавшись богу, поборовъ собственное себялюбіе, посвятитъ себя добру и истинѣ, тотъ стяжаетъ и достатокъ, и власть. Подобныя же мысли проходятъ вѣдь и чрезъ Ветхозавѣтныя писанія; понятіе о тѣснѣйшей связи между нравственнымъ и естественнымъ порядкомъ въ мірѣ и о неизбѣжномъ блаженствѣ добраго состав-

ляетъ искони вѣчную истину. Бунзенъ напоминаетъ при этомъ слова нагорной проповѣди: Блаженни кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю.

Земная жизнь представляется Иранцу смѣсью бытія съ небытіемъ, борьбой добра съ злымъ началомъ; небесная и вѣчная жизнь есть вмѣстѣ побѣда и совершенство; ею правятъ Хаурватать и Амеретатъ, то-есть цѣлость или невредимость и безсмертіе. Изъ нихъ вышли потомъ Хордадъ и Амердедъ, и подъ этими позднѣйшими именами означенные геніи (Амасгаспенты) были связаны съ Ормуздомъ какъ Амшаспанды, высшіе свѣтодухи, охраняющіе въ то же время и земную тварь, такъ что каждому изъ нихъ подвѣдома опредѣленная сфера міра. При обзорѣ Ведъ, мы признали въ Варунѣ и собранныхъ вкругъ него Азурахъ древнѣйшее изложенное тамъ богосозерцаніе; мало того что Азура и Агура одно и то же слово, мы видѣли что геніи свѣта и тамъ играютъ роль нравственныхъ владыкъ; Заратуштра, въ своемъ возстановительномъ преобразованіи, не только удержалъ это первобытное воззрѣніе, но еще опредѣленнѣе выдвинулъ и разработалъ идеальный его элементъ.

Подобно тому какъ чистые духи пріурочиваются къ доброму началу, такъ точно къ пагубному началу зла были пріобщены силы тьмы, безпорядка и лжемыслія. Въ дѣла рукъ благого бога стараются они всѣять сѣмена плевелъ и гибели, ввести людей въ соблазнъ и потомъ въ напасть.

Агурамасда, святой, чистый, прекрасный, податель всякаго добра, нуждается въ людяхъ для великой борьбы свѣта со тьмою; вѣра и молитва, набожность и благочестіе слугъ его помогаютъ ему охранять благое достояніе отъ нападокъ супостатовъ; самымъ крѣпкимъ помощникомъ Агурамасдѣ противъ хищниковъ блаженства, противъ враговъ благомыслія служитъ Сраоша, первоначально — слушаніе чистаго слова истины, а послѣ — основанное на немъ богослуженье. Такъ вѣдь и индійскія божества почерпаютъ силу изъ жертвоприношеній и славословій своихъ чтителей, духъ молитвы и тамъ все преодолѣваетъ; но иранскій взглядъ яснѣе и глубокомысленнѣй. Богъ хочетъ добра, и слѣдственно хочетъ его путемъ свободы человѣческой, а потому не хочетъ причинять людямъ насилія, но ждетъ ихъ содѣйствія и нуждается въ немъ; добрые люди свободно споспѣшествуютъ царству божію, и безъ нихъ ему не завершиться: оно осуществимо только при общихъ усиліяхъ нравственнаго міропорядка и индивидуальныхъ духовъ (человѣческихъ и высшихъ). Такимъ образомъ Агурамасда самъ царитъ въ величавомъ покоѣ надъ житейскимъ движеніемъ, предоставляя вести борьбу геніямъ и людямъ, которыхъ онъ же впрочемъ и одушевляетъ.

Благомысліе и истина,—самое существенное въ любомъ дѣлѣ,—провозвѣщаются съ полнымъ мѣры изяществомъ въ пѣсняхъ и въ ритмическихъ изреченьяхъ; и тѣ, и другіе говорятъ о законахъ, на которыхъ держится весь міръ, которыхъ источникъ и проявитель Агурамасда; его небо называется обителью пѣсней (Гародемâна, а впослѣдствіи Горотманъ), и первоверховные геніи превозносятся какъ пѣвцы. Агурамасда, говорится здѣсь, — обладатель всего лучшаго и, какъ вѣщій, все знающій, онъ открываетъ настоящую пѣснь благоденствія, истины и безсмертія; великіе иранскіе мудрецы — провозвѣстники этихъ пѣсень истины, они — Саоськьянты, указующіе тотъ добромысленный путь, что пѣснями и благочестивыми дѣлами водворяется и ут-

верждается благо міра. Главнѣйшій и знаменитѣйшій между ними Заратуштра. Персы называютъ его Зердуштъ, а Греки — Зороастръ. Въ самыхъ древнихъ отрывкахъ Авесты является онъ Агурамасдинымъ пророкомъ; онъ попрежнему сохраняетъ огонь какъ символъ свѣтобога и посвященія на службу ему людей; въ основу нравственнаго строя жизни онъ полагаетъ земледѣліе. Сначала онъ стоялъ въ одиночествѣ, притѣсняемый и гонимый. Тутъ въ молитвѣ его слышится жалоба: «Въ какую обратиться сторону, куда мнѣ теперь бѣжать? Ни кто въ народѣ не чтитъ меня, владыки не вѣруютъ. Какъ же мнѣ, о живосущій мудрецъ, чествовать тебя далѣе? Знаю что я безпомощенъ. Взгляни на меня, вѣрнаго изъ твоихъ вѣрныхъ, взгляни какъ я въ слезахъ молю тебя: помоги, о живосущій, ты дарующій счастіе какъ другъ даритъ другу, ты обладающій добромъ благомыслія какъ своей собственностью, ты защитникъ и хранитель». Далѣе въ древнѣйшихъ же пѣсняхъ мы видимъ что племеначальникъ Вистаспа, а за нимъ Фрашаостра и Джамаспа, отстаиваютъ его съ вѣрою и вѣрностью; въ такомъ именно характерѣ проходятъ они сквозь всѣ парсійскія былины. Но въ ряду огнесвященниковъ Заратуштра одинъ сдѣлалъ болѣе всѣхъ для того чтобъ сохранить вещи сего міра въ богоугодной ихъ своеобразности вопреки злокозненнымъ попыткамъ супостатовъ,— и успѣлъ въ этомъ троякою чистотой мысли, слова и дѣйствія. Позднѣйшіе приверженцы называютъ его пресвятымъ; они говорятъ что самъ Анграмайньюсъ пришелъ искусить его и предлагалъ ему верховное владычество надъ землею, только прокляни онъ законъ Агурамасды; Заратуштра отказался, хотя бы даже сокрушили ему всѣ кости и всѣ силы его души.

Въ числѣ Гатъ, древнѣйшихъ иранскихъ пѣсень въ одной изъ книгъ Авесты, Яснѣ, находится одна, вполнѣ носящая на себѣ печать первобытности и великаго преобразователя; она описываетъ какъ, ставши передъ огнежертвенникомъ, онъ взываетъ къ мужчинамъ и къ женщинамъ, да изберутъ они между правой вѣрою и ложной. Въ Агурамасдѣ — спасеніе, въ супостатѣ его — пагуба; Армаити, покорность, вырабатываетъ, правда, тѣлесныя формы, но духъ, первое въ дѣлѣ творчества, идетъ прямо отъ Бога, и съ нимъ единосущенъ. Истина и добро преодолѣваютъ злое начало. Если въ древнихъ присловіяхъ о Заратуштрѣ между прочимъ говорится, что онъ первый подчинилъ языкъ разуму, что онъ свыше надѣленъ былъ краснорѣчіемъ для передачи въ пѣсняхъ мудрыхъ изреченій и дѣлъ праведныхъ, дабы силою похвалъ его множилась и преуспѣвала чистота, то обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ и прилагаемая пѣсня. Сообщаемъ ее въ редакціи Бунзена, сдѣланной по дословному переводу Мартина Гауга. Подлинникъ состоитъ изъ трехстишныхъ строфъ, гдѣ каждый стихъ раздѣленъ на осмисложныя половины; попадаются иногда и строфы въ четыре осмисложные стиха.

Мудрыя изреченія премудраго возвѣщаю я всѣмъ подходящимъ (къ жертвеннику),
Возвѣщаю славословія Живосущаго, чинъ богослуженія доброму духу;
Въ подымающемся пламени я вижу восхожденіе высокой истины.

Внемлите что́ скажетъ душа земли, смотрите на пылъ огненный:
Мужчина и женщина, да отдѣлится каждый изъ васъ особо по своей вѣрѣ;
Встаньте вы, старые богатыри, пріидите и воспойте въ голосъ съ нами.

Два духа, совершенно разные по существу, но близнецы изначала,
Добро и зло, оба властвуютъ въ мысли, въ словѣ и въ дѣлѣ.
Между ними предстоитъ вамъ выборъ: будьте же вы добры, а не злы.

Все дѣлаютъ, переча другъ другу, тѣ двое искони вѣковъ:
Бытіе и не́быть, первое и послѣднее, все творится этой четою;
Лжецовъ ожидаетъ злополучнѣйшая доля, правдивыхъ — спасеніе.

Выбирайте! Худшій жребій вынетъ себѣ тотъ кто пристанетъ къ лукавому,
Кто же изберетъ Агурамасду, всесвятого и праведнаго,
Тотъ чтитъ его вѣрою и истиной, чтитъ святыми дѣлами.

Не льзя служить обоимъ вмѣстѣ, и колеблющихся искушаетъ врагъ.
„Выбери зломысліе!“ говоритъ Дева; толпою устремляются бѣсы
Побороть ту жизнь, какой громко поучаютъ вѣщіе провидцы.

Жизнь эту охраняетъ мать плотскаго міра, Армаити,
Силою и истиной, и благочестивымъ строемъ помысловъ;
Но духъ, первенецъ творенія, онъ все же твой о Масда, и всегда онъ при тебѣ!

Когда духъ, живущій на землѣ, постигнетъ бѣдствіе, ты помогаешь ему, Масда;
Благочестивымъ душамъ даешь ты, Господи, землю въ обладаніе,
А неправеднаго, чье обѣщаніе — одна ложь, ты наказуешь.

Будемъ же всѣ неизмѣнно содѣйствовать поддержкѣ такой жизни:
Настоящіе споспѣшники ей мудрецы, вы, живосущіе;
И ты ищи себѣ ума только тамъ гдѣ царитъ благоразуміе.

Одно благоразуміе бережетъ отъ зла и разрушаетъ дѣло пагубы;
Совершенное живетъ въ прекрасной обители благочестія,
Въ душѣ мудрыхъ, правдивыхъ, тѣхъ что́ недаромъ слывутъ добрыми.

Исполняйте же ученія, изреченныя устами самого Масды,
На гибель и уничтоженіе всѣмъ лжецамъ,
На благо правдивому; въ тѣхъ ученіяхъ спасеніе и вамъ самимъ.

Въ другой пѣсни пророкъ облекаетъ въ форму вопросовъ къ Богу міроздателю все то что онъ извѣдалъ объ немъ въ глубинѣ собственной души; онъ заранѣе увѣренъ въ отвѣтѣ, такъ-какъ вѣдь единый духъ — источникъ всякой истины: этотъ пріемъ встрѣчаемъ мы также у благочестивыхъ поэтовъ еврейскихъ и индійскихъ.

Хочу спросить тебя, Живосущій, повѣдай мнѣ истину:
Кто отецъ всѣхъ существъ? Кто создалъ путь солнца и пути звѣздные?
Кто велитъ мѣсяцу рости и потомъ чезнуть? Хотѣлось бы мнѣ знать это, Премудрый.

Хочу спросить тебя, Живосущій, повѣдай мнѣ истину:
Кто держитъ землю и облака надъ ней? Кто создалъ воздухъ, деревья и травы?
Кто окрылилъ вѣтры и бури, кто царитъ всегда какъ добрый духъ?

Хочу спросить тебя, Живосущій, повѣдай мнѣ истину:
Кто сотворилъ отрадный свѣтъ и теплоту, сонъ и пробужденіе?
Кто велитъ дню и ночи всегда напоминать мудрому его обязанность?

Хочу спросить тебя, Живосущій, повѣдай мнѣ истину:
Кто ставитъ сына отцу на смѣну, если не самъ ты,
Святая чистота, духъ вселенскій, источникъ всего сущаго?

Въ другомъ также очень древнемъ мѣстѣ святой духъ говоритъ лукавому: Ни желанія наши, ни рѣчи, ни дѣла не согласны между собою; — а къ людямъ онъ обращается съ угрозою: Кто не соблюдетъ въ дѣлахъ законъ мой по смыслу и буквѣ, тому конецъ свѣта будетъ гибелью. Далѣе сказано, что безсмертіе — это прямо желаніе чистой души, и что всѣ вѣрующіе говорятъ о свѣтобогѣ: ему хотимъ мы молиться; развѣ не очевидно отсюда, что кто познаіъ чистоту въ дѣлѣ и словѣ добраго духа, тотъ знаетъ что такое Богъ. Станемъ угождать благомысліемъ тому, кто далъ на службу намъ и радостное, и безотрадное. — Послѣ рожденія чистота всего лучше для человѣка. Кто исправляется въ помыслахъ и творитъ добрыя дѣла, тотъ поступаетъ по закону, и богатство пріидетъ къ нему по его волѣ и желанію. Кто отдуши прибѣгаетъ къ правдѣ, тотъ уже овладѣлъ добрымъ духомъ въ его сущности; оттого помыслы его и направлены къ тому, чтобы споспѣшествовать земледѣлію. Пророкъ воспѣваетъ Бога такъ:

Тотъ, кто собственнымъ своимъ свѣтомъ
Зажегъ отвѣка бездну свѣтилъ небесныхъ,
Тотъ самый собственнымъ своимъ разумомъ
Творитъ истину, основу всякаго благомыслія.
Ей ты и споспѣшествуешь, мудрый духъ,
Всегда остающійся тѣмъ же, вѣчно-неизмѣнный.

Тебя, премудраго, изначальнаго,
Всегда мыслилъ я Господомъ духа, какъ и природы,
Я усмотрѣлъ тебя духовнымъ своимъ взоромъ
И призналъ въ тебѣ отца благомыслія,
Сущность всякой правды,
Творца жизни, живодѣйственника.

Въ тебѣ навѣки утверждена святая эта земля,
Въ тебѣ, чья мудрость такъ прекрасно сложила ея тѣло;
Живосущій и премудрый, по тому правому пути,
Какой указалъ ты ей изначала,
Переходитъ она отъ селянина къ селянину, каждаго надѣляя благами,
И минуя только того кто ея не воздѣлываетъ.

Вотъ священнѣйшая молитва Персовъ, ихъ исконный, старобытный Гоноверъ:

Источникъ и Господь всякой истины хранитъ и блюдетъ обѣ жизни (т. е. и земную, и духовную),
Мудрымъ даетъ силу жизненяыхъ подвиговъ, а праведныхъ надѣляетъ властью;
Онъ сотворилъ дѣтей жизни на погибель отродью лжи.

Изъ новѣйшихъ разысканій М. Гаyга повидимому оказывается что Заратуштра только названіе жреческаго сана, а родовое имя основателя религіи — Спитама; что въ Агурамасдѣ онъ мыслилъ совокупность двухъ основныхъ

силъ, какъ бы двухъ полюсовъ его личности, которыми онъ творитъ день и ночь, жизнь и смерть, все равно какъ пламя и уголь. Смерть разрываетъ цѣпи, и душа воспаряетъ тогда въ вѣчную жизнь.

Культъ Заратуштры былъ прежде всего нравственнымъ подвигомъ, чистотою въ помыслѣ,въ словѣ и дѣлѣ; чествованіе стихій удержалъ онъ только въ символическомъ значеніи. Но преемники его, сомкнувшись, наравнѣ съ рабочимъ народомъ и военною аристократіей, въ отдѣльное жреческое сословіе, стали опять болѣе придерживаться внѣшности и развили мало по малу формальную казуистику въ цѣлой системѣ плотскихъ очищеній; ихъ правила и формулы впослѣдствіи такъ же напрасно возводились къ Заратуштрѣ и выдавались за Агурамасдино откровеніе, какъ напрасно Евреи выдавали свой позднѣйшій обрядовый уставъ за Божію заповѣдь Моисею. Въ этихъ правилахъ, на ряду съ молитвой, Заратуштра хвалитъ также иготь, чашу и гому, т. е. принадлежности жертвоприношенія,какъ лучшее оружіе противъ бѣсовъ, а приготовленный изъ гомы священный напитокъ слыветъ жизнедатнымъ,удаляющимъ смерть отъ человѣка. Унаслѣдованное изстари чествованіе огня считается здѣсь вѣрнѣйшимъ средствомъ прогонять ночныя привидѣнія; пламя его — это стрѣлы въ рукѣ бога живого, которыми онъ уничтожаетъ нечестивыхъ. Впослѣдствіи стали поклоняться огню, какъ сыну Агурамасды, какъ быстрѣйшему изъ всѣхъ смертныхъ существъ; ни что нечистое или мертвое не должно было приближаться къ нему, онъ долженъ былъ постоянно горѣть на жертвенникѣ. Но такъ же, въ свою очередь, чиста, такъ же очистительна и вода. Властвующая въ ней духовная сила есть Анагита, Незапятнанная, Непорочная. Она питаетъ деревья, которыя идутъ оттого въ полножизненный ростъ и въ свою очередь подготовляютъ огню пищу. Имъ оказывали глубокое уваженіе; Геродотъ разсказываетъ про Ксеркса замѣчательную черту, что когда въ походѣ на Элладу онъ увидѣлъ въ Лидіи чинаръ красы необыкновенной, онъ велѣлъ убрать дерево золотомъ и приставилъ для ухода за нимъ особаго сторожа. Въ качествѣ близкихъ Агурамасдѣ животныхъ, похваляются денные и ночные оберегатели, — собака и пѣтухъ, и полезные человѣку въ другомъ отношеніи, — лошадь и рогатая скотина; тогда какъ вредные черви, пресмыкающіяся и гады всѣ пріурочены къ Анграмайнью су, который и самъ является въ видѣ змѣя.

Если въ этомъ высказывается еще довольно затѣйливо первобытное чувство природы,то съ другой стороны олицетворенія добродѣтелей и понятій становились теперь день ото дня суше, и въ позднѣйшихъ молитвахъ не столько уже замѣтны порывы сердца и наренія души,сколько постоянная забота удовлетворить всѣмъ геніямъ, созданнымъ изъ отвлеченныхъ понятій, возможно полнымъ ихъ перечетомъ и воздаліемъ каждому подобающей по обычаю хвалы. Въ каждой винѣ надлежало непремѣнно покаяться, каждую скверну надо было омыть, за каждое нарушеніе устава наказать себя бичеваніемъ. Строгость и отяготительность обрядовъ — явный признакъ омертвѣнія религіи подъ владычествомъ жрецовъ, особенно усилившимся въ ту эпоху когда политическая самостоятельность народа уступила верховному господству Ассиріи. Тѣмъ не менѣе основной взглядъ парсизма все-таки еще оставался положительнымъ, жизнерадымъ и яснымъ въ противоположность тому само-

мучительству, той міробоязни, какіе вконецъ одолѣвали Индійцевъ. Агурамасда, живосущій по преимуществу, хотѣлъ вѣдь именно жизни; споспѣшествовать ей, лелѣять ее бережью и уходомъ, исправлять въ природѣ какъ и въ духѣ всякую смуту и безрядицу, все пагубное и вредное, — вотъ что было настоящимъ богослуженіемъ. Бдите, молитесь, трудитесь, радуйтесь жизнію, — вотъ что было лозунгомъ этого народа. Проповѣдывалось не самоуничтоженіе, а напротивъ мужественное отстаиванье своей самости. Сонъ, прерывающій сознательную дѣятельность, почитался зломъ, Агурамасда не зналъ его вовсе; а потому и человѣкъ не долженъ предаваться ему долѣе необходимаго. Жизнь свята, а смерть нечисть; покинутое духомъ жизни тѣло подпадаетъ въ своемъ тлѣніи власти нечистыхъ бѣсовъ; ни огонь, ни вода, ни земля не должны оскверняться имъ; его выставляютъ на грудѣ камней, какъ бы висящимъ вверху сухой, безводной горы, въ снѣдь хищнымъ звѣрямъ и птицамъ; всякое прикосновеніе къ нему оскверняетъ человѣка и требуетъ тщательнаго очищенія. Безсмертная душа выслушиваетъ приговоръ себѣ у моста Цинватъ; за нее спорятъ между собой добрые духи и злые; и добрыя и злыя ея дѣла слѣдуютъ за ней въ видѣ женщинъ, и потомъ вводятъ ее или въ небо, или въ адъ. Но даже и въ казняхъ тьмы души мучатся не безцѣльно, а исправляются; собственное раскаяніе и при этомъ молитвы живыхъ людей уготовляютъ имъ избавленіе въ дни великихъ тризнъ по усопшихъ; здѣсь, какъ и у Индійцевъ, невидимая связь соединяетъ мертвыхъ съ живыми. Чистые подходятъ къ престолу добраго духа, и онъ радушно встрѣчаетъ пришедшихъ на спасеніе изъ временнаго міра въ вѣчный.

Къ выше названнымъ верховнымъ духамъ свѣта присоединено, подъ именемъ Изедовъ, много другихъ: это — олицетворенныя начала духовныхъ благъ и естественнаго преуспѣянія. Далѣе находимъ мы еще представленіе о Фравашахъ или Феруэрахъ; это — чистые божественные помыслы отдѣльныхъ душъ, и стало-быть сліяніе животворной силы съ идеаломъ или первообразомъ души въ духѣ Божіемъ; Фравашь — геній чистой духовной энергіи и вмѣстѣ тотъ первообразъ, который долженъ осуществиться подвигомъ цѣлой жизни. Мысль эта глубока и истинна: душѣ прирожденъ извѣстный идеалъ который она должна выработать въ жизни собственною силою, обратить такимъ образомъ природный даръ свой, свою внутреннюю сущность, въ дѣло своихъ рукъ; это душа, какою стоитъ она въ свѣтѣ вѣчности передъ духомъ Божіимъ, какою она будетъ въ законченномъ своемъ совершенствѣ; только ради свободы и не сотворена она готовою: человѣкъ, какъ сказалъ Яковъ Бёме, долженъ стать себѣ собственнымъ творцомъ, выйдти самодѣльнымъ. Понятіе о Феруэрахъ напоминаетъ пожалуй и Кантово ученіе объ умопостижимомъ характерѣ, служащемъ вѣчною основой для всѣхъ эмпирическихъ явленій въ человѣкѣ.

При этомъ оставалось въ памяти и чествовалось служеніемъ одно древнеарійское божество. Мы видѣли что безпредѣльное, ясное небо, какъ первоноситель божеской идеи, раздѣлилось еще въ Ведахъ на два пріязненныхъ существа, — на всеобъемлющаго Варуну и на радостный свѣтъ, Митру; послѣдователи Заратуштры почитали Митру за сотворенный уже свѣтъ, а царящій въ немъ духъ признавали за сына Агурамасды. Посвященныя ему молит-

вы и гимны взываютъ къ нему какъ къ правдословному, мудрому, тысячеухому, тьмоглазому, доброскладному, высокому, стоящему на широкой твердынѣ, сильному, неусыпно-блящему; златовидный, предшествуетъ онъ солнцу и разливается сначала по вершинамъ горъ. Виндишманъ перевелъ и объяснилъ относящіяся къ нему жертвенныя молитвы (Мигиръ Яштъ). Судя по нимъ, Миора первоначально былъ всепроникающимъ свѣтомъ, но потомъ вскорѣ приравнялся солнцу, слился съ нимъ воедино. Свѣтъ, дѣлающій все видимымъ, самъ называется всевидящимъ, и оттого Миора сталъ олицетвореніемъ вездѣприсутствія и всевѣдѣнія божіихъ; онъ чуткій свидѣтель всѣхъ помысловъ и поступковъ; онъ чистый и правдивый, а потому блюститель закона, вѣрности, всякаго общенія людей между собой; оскорбившій его — неизбѣжно погибаетъ. Воиномъ разъѣзжаетъ онъ въ золотомъ шлемѣ и въ серебряной бронѣ, всегда готовый на битву за свѣтъ противъ мрака; въ этой всегдашней борьбѣ онъ предводитъ добрыхъ духовъ и добрыхъ людей противъ злыхъ демоновъ, и правитъ вліяніемъ ихъ въ природѣ и въ нравственной области. Но какъ существо сотворенное, и самъ онъ старается выработать себя до совершенства, да и поклонниковъ своихъ ведетъ за собой къ безсмертію. Души праведныхъ, проходя сквозь царство Миоры, сквозь видимую область свѣта, поднимаются въ небо Агурамасды, къ свѣту изначальному; вотъ почему Миора считается великимъ посредникомъ. Мало того что сотворенный свѣтъ выходитъ чѣмъ-то среднимъ между чистымъ духомъ, или первоначальнымъ свѣтомъ, и темнымъ міромъ плоти: Миора, какъ геній правдивости, вѣрности, правосудія, — необходимый посредникъ всякаго нормальнаго общенія людей между собою, и души, которыя за нимъ слѣдуютъ, возводитъ онъ прямо къ Агурамасдѣ.

Богатырское сказаніе.

Когда идею о единомъ свѣтобогѣ и борьбѣ его съ царствомъ тьмы Заратуштра разработалъ своимъ преобразованіемъ далѣе и перенесъ ее на почву нравственной области, на почву противоборства между добромъ и зломъ, и когда въ Агурамасдѣ стали поклоняться единому истинному богу, тогда естественные миоы старины, которые, какъ мы видѣли перешли и къ Иранцамъ, были всѣ низведены съ неба на землю. Входившія въ нихъ существа и событія, сложенныя вѣдь и прежде на людской ладъ, теперь ужь прямо слились съ историческими личностями и событіями, которыя на нихъ болѣе или менѣе походили, или же составили какъ бы преддверіе къ богатырскому-сказанію, къ ряду эпическихъ былинъ, вездѣ отличающихся тѣмъ, что божескій миоъ и людская жизнь, природа и исторія сопрягаются въ нихъ силой поэтическаго замысла. Перворожденное дитя свѣта, Солнце, которое своимъ закатомъ пролагаетъ также и стезю смерти, стало у Индійцевъ первенцомъ человѣчества, Ямою, который, въ качествѣ первоумершаго, былъ потомъ признанъ владыкою блаженныхъ покойниковъ; царство послѣднихъ перенесено Иранцами къ началу земной жизни, какъ земной эдемъ или рай, и Джима (Іима) слыветъ у нихъ владыкой золотого вѣка. Богатырская былина говоритъ,

что первымъ царемъ земнымъ былъ Каюморсъ; онъ жилъ въ горахъ и, подобно своему народу, одѣвался въ звѣриныя кожи. Внукъ его Сіамекъ открылъ искусство добывать огонь изъ камня; онъ воздвигъ первый алтарь огню и научился ковать металлы. Внукъ же Сіамека, Джемъ или Джемшидъ древняго сказанія, въ теченіе 700 лѣтъ славно и благополучно правилъ землею. Онъ возвелъ великолѣпныя постройки и раздѣлилъ людей на сословія жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и промышленниковъ. Такимъ образомъ царство его было уже не мирнымъ естественнымъ только бытомъ, но состояніемъ гражданскаго порядка съ различными его благами. На бѣду счастіе будитъ заносчивость, и вотъ онъ требуетъ чтобъ народъ воздавалъ лику его божескія почести. Съ тѣхъ поръ зло и взяло на землѣ силу.

Къ одному изъ царей пустыни, Согаку, приступилъ злой духъ, чтобы искусить его; они заключили союзъ между собой, Согакъ умертвилъ своего отца и возложилъ вѣнецъ себѣ на голову. Доволенъ ты теперь? спросилъ его злой духъ, такъ дай мнѣ поцаловать тебя въ плечи. Онъ сдѣлалъ это и исчезъ, но на мѣстахъ поцалуя явились двѣ черныя змѣи, выроставшія всегда опять, сколько ихъ ни срѣзывали. А злой духъ, подъ видомъ врача, присовѣтовалъ кормить ихъ человѣческимъ мозгомъ, увѣряя что тогда онѣ не станутъ мучить царя. Къ этому-то Согаку обращаются Иранцы, недовольные падшимъ Джемшидомъ; послѣдній бѣжитъ отъ своего соперника, но его ловятъ и распиливаютъ надвое. Мстителемъ за него является внукъ его, Феридунъ. Воспитанный на хребтѣ Эльбурсъ, юноша идетъ на тирана открытою войною. Одинъ кузнецъ, чьи сыновья принесены были змѣямъ въ жертву, уже началъ возстаніе и, вмѣсто знамени, прикрѣпилъ къ копью свой передникъ, сдѣлавшійся хоругвію войны за освобожденіе. Феридунъ разбиваетъ Согака и заковываетъ его накрѣпко въ одной изъ горныхъ пещеръ; потомъ онъ правитъ мудро и справедливо. Изъ свѣтлаго бога грозъ, побѣдителя темнаго тучезмѣя, вышелъ теперь богатырь, смиритель деспота.

Феридуновы сыновья — родоначальники народовъ, Сельмъ, Туръ и Иреджъ. Онъ подѣляетъ имъ царство. Изъ зависти два первые убиваютъ благороднаго своего брата, царя Иранцевъ; впослѣдствіи братъ его Минуджеръ, рѣшается отмстить за его гибель, и съ тѣхъ поръ началась война Ирана съ Тураномъ, продолжающаяся во всей исторіи: борьба свѣта со тьмой превратилась въ войну Иранцевъ съ Туранцами, т. е. земледѣльцевъ, чистыхъ служителей свѣта и сѣятелей культурнаго развитія, съ дикими невѣрными племенами пустыни (степными ордынцами). Великая эта нравственная противоположность, ея важный интересъ и глубина, составляютъ ось и средоточіе всего историческаго сказанья. Съ Минуджеромъ мы вступаемъ на почву древнебактрійской исторіи. О державцахъ, основавшихъ и распространившихъ это царство, Кава Кавадѣ, Усѣ, Гусварѣ, Аурватаспѣ, Вистаспѣ, свидѣтельствуютъ и религіозныя книги; подъ владычествомъ послѣдняго училъ и дѣйствовалъ Заратуштра. Но кряжъ историческихъ личностей и событій народная фантазія увила благоухаными вязями поэзіи. Факты своеобразно обтачиваются въ устномъ преданіи, знаменательное больше выдвигается впередъ, разбросанное связывается воедино, придумываются такіе мотивы и такія внутреннія соотношенія, какихъ на дѣлѣ никогда не было; только круп-

ное, настоящее, что высказалъ духъ народа, то постоянно его и привлекаетъ, а несообразное съ идеею опускается, и взамѣнъ этого она свободно передается въ другихъ болѣе подходящихъ очертаньяхъ. Такъ въ устахъ пѣвцовъ художественно воспроизводится идеальное содержаніе дѣйствительности. Смыслъ Иранцевъ вообще яснѣй, свѣтлѣе и трезвѣе полусоннаго индійскаго мудрованія; подъ чистымъ небомъ Ирана все обрисовывается отчетливѣй и явственнѣй, все остается въ надлежащихъ предѣлахъ. Иранское сказаніе не было заглушено подобно индійскому цѣлымъ лѣсомъ фантастическихъ порослей, не было преобразовано измѣнившимся взглядомъ на жизнь по новымъ вѣроученіямъ; оно въ теченіе вѣковъ оставалось все однимъ и тѣмъ же, подобно огню на алтаряхъ и вмѣстѣ съ завѣтнымъ огнеслуженіемъ; рыцарскій духъ эпохи Сассанидовъ воздѣлывалъ и распространялъ его, обогащая новыми мотивами и новыми чертами быта, пока наконецъ спустя тысячу лѣтъ по Р. Х. оно нашло своего Гомера въ Фирдуси, — истинный образецъ живучести преданій, явное доказательство человѣчно-превосходнаго ихъ содержанія и вполнѣ удовлетворительной формы. «Дѣла древнихъ царей «и богатырей иранскихъ, говоритъ Шакъ, постоянно сохранялись въ памя«ти исповѣдниковъ огнеслуженія, благодаря частымъ указаніямъ и намекамъ «на эти подвиги въ священныхъ книгахъ; самыя имена ихъ, ежедневно про«износимыя въ молитвахъ, возбуждали фантазію дополнять связанное съ «ними преданіе новыми подробностями, и такимъ образомъ подсолнечникъ «иранскаго эпоса развивался и созрѣлъ подъ священными лучами свѣта, «озарявшими лица молящихся». Мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ того генія, который далъ эпосу окончательную его форму; но старобытная, первоначальная основа творенія Фирдуси относится къ этому именно времени: рыцарски-романтическими чертами надѣлила его эпоха Сассанидовъ.

Чистый свѣтобогъ, Ормуздъ, — носитель того нравственнаго міропорядка который проходитъ внутренно-связущей нитью черезъ всѣ сказанія, вездѣ присоединяя заслуженную казнь къ винѣ и вездѣ споспѣшествуя доброму началу; Агриманъ и самъ вступается въ событія какъ лукавый искуситель, но еще чаще выходятъ на сцену силы царства его, Девы (Дивы), которые, подъ разными, звѣриными иногда, видами, соблазняютъ и обездоливаютъ богатырей или же сами терпятъ отъ нихъ горе и пораженіе. Два чудесныя сокровища сіяютъ здѣсь очаровательнымъ блескомъ, кубокъ Джемшида и всемірное зеркало Кай Хосру, въ которыхъ заключены всѣ тайны міра, изъ которыхъ можно узнать все сокровенное; это прямо символы божескаго всевѣдѣнья. Божественная гора Эльбурсъ — обитель чистыхъ духовъ или геніевъ. Тамъ же живетъ и вѣщая, мудроречивая птица Симургъ, всегдашній другъ богатырей и героевъ. Богатыри носятъ на плечахъ львиныя и барсовыя шкуры; кромѣ лука, стрѣлъ и меча, главнымъ оружіемъ служитъ имъ палица съ бычьей головой надъ рукоятью и сверхъ того арканъ. Въ бою царитъ благородный рыцарскій обычай *; побѣда достается чистотѣ воли и твердому нравственному мужеству. Подобно тому какъ испанскій Сидъ

* Котораго такъ мало въ индійскихъ богатырскихъ былинахъ дошедшихъ къ намъ чрезъ кочевой Туранъ. Прим. Перев.

бьется за вѣру и отечество при разныхъ царяхъ съ равной доблестью, и юношей, и мужемъ, и старцемъ, такъ точно стоитъ за нихъ и иранскій Рустемъ, олицетворенное средоточіе цѣлой бездны сказаній. Онъ — звѣзда спасенія, взошедшая Иранцамъ въ то тяжкое время когда усилился внукъ Тура, Туранецъ Афрасіабъ, и задумалъ водрузить свое знамя на Джемшидовомъ тронѣ. У одного изъ богатырей Минуджера, Са́ма, родился сынъ, Саль, безукоризненной красоты, но совсѣмъ бѣловолосый, какъ будто бы взнакъ того, что для цѣлаго ряда поколѣній ему суждено съ мудростью и опытностью старца играть роль Нестора въ кругу иранскихъ владыкъ. Са́мъ велѣлъ подкинуть ребенка, птица Симургъ подняла его и снесла въ гнѣздо своимъ дѣтямъ, но тѣ не причинили ему ни малѣйшаго вреда; и когда Са́мъ снова отыскалъ взрослаго уже сына, вѣщая Симургъ подарила ему одно изъ своихъ перьевъ, сказавъ что, если когда понадобится ему помощь, пусть онъ только броситъ его въ огонь, и чудесная птица тотчасъ же къ нему явится. Очаровательная царевна Рудабе съ верху кровли своего дворца распускаетъ косы, такъ что онѣ достаютъ до́земи, и Саль взбирается по нимъ къ царьдѣвицѣ. Въ разгадываніи хитрыхъ загадокъ побѣждаетъ онъ всѣхъ мудрецовъ, а въ военныхъ играхъ — всѣхъ витязей, и тогда царь соглашается на союзъ влюбленной четы. Черезъ четыре мѣсяца дитя подъ сердцемъ Рудабе оказывается уже дотого сильнымъ, что Саль принужденъ вырѣзать его кинжаломъ изъ утробы матери. Это и есть Рустемъ. Исполински-крѣпкимъ, мѣдножильнымъ называется этотъ мужевержецъ, львоубивецъ, побѣдитель драконовъ и злыхъ демоновъ; кличь его слышенъ верстъ за десять, деревья вырываетъ онъ съ корнемъ и бьется ими вмѣсто палицы; за чарой вина, какъ и въ бою, нѣтъ ему нигдѣ равнаго; да не менѣе смышленъ онъ и умомъ, не меньше благороденъ сердцемъ.

Лишь только Рустемъ подросъ, онъ съумѣлъ повернуть военное счастіе въ пользу пріунывшихъ-было Иранцевъ; въ бою хватаетъ онъ Афрасіаба за кушакъ, чтобы стащить его прямо къ царю Кай-Кобаду, и только разрывъ кушака спасаетъ жизнь ему, но разбитый нѣсколько разъ онъ поневолѣ принужденъ былъ къ миру. За Кай-Кобадомъ слѣдовалъ Кай-Кавусъ; Агриманъ вселяетъ въ душу ему непомѣрную заносчивость, такъ что своей дерзостью этотъ царь искушаетъ самого Бога, затѣявъ даже вознестись на́ небо. Четыре орла поднимаютъ его тронъ, но съ высоты онъ страшно низвергнутъ долу. Въ страданіи царь научается мудрости. Тогда лукавый посягаетъ прямо на Рустема. Въ чужомъ краѣ родился у него когда-то сынъ, и теперь сталъ отыскивать славнаго родителя; не зная его въ лицо, онъ случайно ссорится съ нимъ при встрѣчѣ; близкое раскрытіе тайны замедляется до тѣхъ поръ пока наконецъ Зорабъ падаетъ отъ руки Рустема, и сердца обоихъ родителей поражены неутѣшною кручиной.

Сынъ Кай-Кавуса, Сіявушъ, — настоящій Зигфридъ иранской былины. Прекрасный и чистый какъ лучъ свѣта небеснаго, побѣдителемъ выходитъ онъ изъ всѣхъ козней, какими опутываетъ его злая мачиха; чистоту его знаменуетъ та черта, что онъ проѣхалъ сквозь огонь на вѣрномъ конѣ своемъ. Всѣ сердца бьются ему навстрѣчу, онъ носитъ съ собой миръ, водворяя его, куда ни пріидетъ. Мира, дарованнаго имъ Туранцамъ, не хочетъ однако

подтвердить его отецъ; чтобы сдержать слово и не нарушить вѣрности, юноша предпочитаетъ покинуть родную землю. Туранцы принимаютъ его самымъ дружелюбнымъ образомъ и даютъ ему свою царевну въ супруги. Но сынъ свѣта не долженъ вступать ни въ какой союзъ съ силами тьмы, всегда готовящими ему пагубу, такъ что и малѣйшая вина можетъ принести большое горе. Сіявушъ коварно умерщвленъ завистливыми сродниками. Но какъ за смертью Зигфрида слѣдуютъ бѣдствіе и гибель Нибелунговъ, какъ за смертью Ахилла слѣдуетъ истребленіе Трои огнемъ, такъ и здѣсь настаетъ страшная война мести. Побѣдоносно вступаетъ на иранскій престолъ Кай-Хозру, сынъ Сіявуша. Онъ втайнѣ воспитывался у пастуховъ, и ему предстояло выдержать еще много бранныхъ столкновеній, но Рустемъ по обыкновенію все приводитъ къ счастливому концу. Разъ одинъ демонъ, обернувшись дикимъ осломъ, несетъ его высоко по воздуху и вдругъ нарочно роняетъ въ море; но неустрашимый богатырь мечемъ въ правой рукѣ борется съ чудовищемъ, а лѣвою гребетъ и выплываетъ на сушу. Онъ вплетенъ также и въ былину о Бишенѣ и Менишé. Молодой Бишенъ охотился на вепрей, опустошавшихъ ту сторону: спутнику его Гургину, не участвовавшему въ опасной гоньбѣ, стыдно теперь воротиться домой съ безчестіемъ, и онъ рѣшается на предательскій поступокъ. Онъ указываетъ Бишену на весеннее торжество, которое туранская царевна Менишé праздновала въ сосѣдней рощѣ; прелестная Менишé видитъ молодца юношу, и оба страстно влюбляются другъ въ друга; три дня веселится онъ съ нею, на четвертый, опьянѣвъ отъ вина и любви, засыпаетъ такъ крѣпко, что Менишé беретъ его соннаго къ себѣ нá домъ. Тамъ утопаютъ они въ наслажденіяхъ тайной любви, съ сѣкирой палача надъ головою. Но дѣло наконецъ открылось, Бишенъ схваченъ, связанъ по рукамъ и по ногамъ, прикованъ къ скалѣ въ одной пещерѣ, и входъ въ нее заваленъ тяжелымъ камнемъ. Но Менишé руками прогребаетъ отверзтіе въ стѣнѣ пещеры, чтобы ей можно было говорить съ возлюбленнымъ и подавать ему хлѣбъ, который она ежедневно собираетъ для него пó міру. Между тѣмъ Гургинъ разсказалъ всѣмъ въ Иранѣ, что какой-то бѣсовскій конь унесъ его товарища невѣдомо куда; но царь во всемірномъ кубкѣ Джемшида тотчасъ же увидалъ, гдѣ узникъ. Призываютъ Рустема, и тотъ откровенно говоритъ, что тутъ можно взять развѣ только одной хитростью. Съ отважнѣйшими изъ своихъ дружинниковъ переодѣвается онъ въ купцовъ и ѣдетъ къ туранскому дворцу, гдѣ ставятъ они шатры свои и раскладываютъ привезенныя сокровища. Менишé приходитъ просить заѣзжихъ гостей, чтобы они отнесли въ Иранъ вѣсточку о горькой долѣ Бишена; Рустемъ на это нейдетъ, но даетъ ей для прикованнаго жареную курицу, въ которую онъ вложилъ свое кольцо. Громко засмѣялся Бишенъ, получивъ подарокъ съ такимъ знаменіемъ, и послалъ милую къ Рустему спросить, не зовутъ ли коня его Рекшемъ. Тогда въ богатырѣ не остается уже ни какого сомнѣнія, и онъ велитъ ей зажечь ночью огонь, который привелъ бы его прямо къ пещерѣ. Камень, который оказался не подсилу многимъ его людямъ вмѣстѣ, онъ отшвырнулъ одинъ, освободилъ юношу, взявъ съ него напередъ слово что онъ проститъ своему предателю, и возвратился съ Бишеномъ и Менишé домой, причемъ еще дорогою, нáсмѣхъ Афрасіабу, они вломились въ одинъ изъ его зáмковъ и награбили тамъ невѣстѣ богатѣйшее приданое.

Кай-Хозру одолѣлъ Туранъ и живетъ съ тѣхъ поръ въ славѣ и мирѣ. Вдругъ встревожила его душу мысль объ опасности счастія, мысль что онъ становится отъ него надменнымъ и злымъ, подобно Джемшиду, и онъ молитъ свѣтобога призвать его къ себѣ въ вѣчныя обители. Онъ раздаетъ свои сокровища, назначаетъ преемникомъ по себѣ Лограспа, и удаляется съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ въ дебри горъ. Тамъ онъ исчезаетъ при солнечномъ восходѣ поднятый бурею, а всѣхъ спутниковъ его заноситъ страшная мятель, такъ что ни кому не вѣдомо куда дѣвался владыка. Былина эта напоминаетъ удаленіе въ горы германскихъ императоровъ Карла и Фридриха Рыжей Бороды, но напоминаетъ также Эдипа и пророка Илію. — Лограспъ вскорѣ уступилъ тронъ сыну своему, Густаспу (Вистаспѣ). Въ его-то царствованіе Заратуштра (Зердуштъ) сталъ проповѣдывать очищенное свѣтослуженье. Внукъ Афрасіаба, Арджаспъ туранскій, возстаетъ противъ новаго ученія, а Густаспъ посылаетъ на врага съ войскомъ сына своего, Исфендіара. Послѣдній заговоренъ пророкомъ ото всѣхъ опасностей и укрѣпленъ во всемъ тѣлѣ помощію его чаръ; онъ уязвимъ только въ глаза, да и то единственно лишь вѣткой одного извѣстнаго вяза; а кто его убьетъ, тому не будетъ больше счастья на землѣ, и самъ убійца скоро погибнетъ злой смертью. Побѣдоноснаго Исфендіара успѣли оклеветать передъ отцомъ, что будто бы онъ домогается престола, и его заключаютъ въ темницу. Тогда Туранцы снова поднялись войной, царь разбитъ, и только освобожденный сынъ является его спасителемъ. Но отецъ все еще подозрѣваетъ сына и отправляетъ его на богатырскія похожденія; онъ долженъ биться съ драконами, со львами, съ волшебниками и съ оборотнями, долженъ пролагать себѣ путь черезъ быстрыя рѣки, пока успѣетъ наконецъ выручить изъ околдованнаго за́мка плѣнныхъ царевень. Мы точно перенесены въ былины объ Артусѣ и о св. Чашѣ, а Исфендіаръ—настоящій противень бога Балдура и Зигфрида.

Густаспъ съ радости о побѣдѣ сына дѣйствительно пообѣщалъ ему престолъ, но за тѣмъ раскаялся, и когда тотъ какъ-то намекнулъ ему о данномъ словѣ, онъ отправилъ его съ порученіемъ въ одинъ порубежный край, завоеванный Рустемомъ и отданный на всю власть его; старику желалось будто бы воротить тотъ край подъ свою руку, и Исфендіаръ долженъ привезть Рустема узникомъ въ Иранъ. Съ мрачнымъ предчувствіемъ проникаетъ онъ намѣренья отца и посылаетъ сына своего, Багмана, вѣстникомъ къ Рустему. Ни кто еще, возразилъ Рустемъ, сроду не сажалъ меня въ оковы, ни кто и не засадитъ. Но пусть отецъ твой идетъ сюда съ своимъ войскомъ, мы съ нимъ вмѣстѣ выпьемъ и поохотимся, я научу васъ боевому дѣлу, я отопру свои сокровища и пойду къ царю вмѣстѣ съ вами, чтобы склонить его на добрый миръ. Исфендіаръ велитъ отвѣчать, что онъ обязанъ исполнить отцовское приказаніе, какъ это ему ни тяжело; но что какъ скоро онъ взойдетъ на царство, то сейчасъ же отпуститъ Рустема со всею почестью. Два богатыря наконецъ сходятся и за чарою вина разсказываютъ одинъ другому свои подвиги. Потомъ вступаютъ въ единоборство копьями, мечами, палицами, стрѣльбой изъ лука. Рустемъ, унизанный стрѣлами, бѣжитъ ночью на одну гору, гдѣ птица Симургъ высасываетъ ему кровь изъ ранъ и не совѣтуетъ пускаться въ побоище, такъ какъ смерть суждена тому кто ранитъ Исфендіара. Пусть мое тѣло и достанется смерти, лишь бы уцѣлѣла слава моего мужества, лишь

бы сохранилось мое имя, — отвѣчаетъ старый богатырь. Тогда Симургъ ведетъ его на морской берегъ къ роковому вязу, и Рустемъ отламываетъ себѣ вѣтку для стрѣлы. На другой день тщетно старается онъ отговорить Исфендіара отъ дальнѣйшаго боя, и за тѣмъ пускаетъ стрѣлу прямо ему въ глазъ. Умирающій протягиваетъ ему руку и проситъ заступиться за молодаго Бгамана; Рустемъ обѣщаетъ это, весь въ слезахъ.

У царя кабульскаго, ставшаго Рустемовымъ данникомъ, живетъ злой братъ его, Шегхадъ. Оба вступаютъ въ заговоръ противъ непобѣдимаго героя; они накопали ямъ въ лѣсу, утыкали ихъ стоймя копьями и мечами, а сверху прикрыли хворостомъ; потомъ зовутъ они Рустема на охоту; когда онъ сталъ рыскать по́ лѣсу и чуткій конь его замялся передъ рыхлою землей, Рустемъ понудилъ его силою, скакунъ прыгнулъ на хворостъ, провалился вмѣстѣ съ всадникомъ, и оба повисли на копьяхъ и мечахъ. Однако Рустемъ успѣлъ еще послать въ отместку стрѣлу хитрому убійцѣ.

Утесы съ изваяньями, мосты, каменныя гати и донынѣ носятъ еще въ Иранѣ Рустемово имя, точно такъ же какъ въ западной Европѣ разсѣены вездѣ камни Роланда. На памятникѣ его можно написать слѣдующіе стихи Гомера:

Волей боговъ суждено чтобы гибли смертные люди,
Да сохранится объ нихъ пѣснь и въ позднѣйшихъ родахъ.

Западный Иранъ. Изобразительное искусство.

Персидскій и мидійскій края находились подъ верховнымъ владычествомъ Ассиріи. Отсюда произошли разныя симитскія вліянія на здѣшнюю религію, напримѣръ соединеніе жрецовъ въ одно сословіе или колѣно маговъ, подобно тому какъ у еврейскаго народа существовало особое колѣно Левитъ. Преобразованіе Заратуштры тѣмъ скорѣе могло приняться въ западномъ Иранѣ, что оно сохранило всѣ главныя основы арійскаго вѣрованія; а родовое жречество старалось прочно установить его догматы, при чемъ придало внѣшней, обрядовой сторонѣ тотъ вѣсъ и обложило нарушителей ея тѣми жестокими карами — до употребленія терпистыхъ палокъ включительно, — о которыхъ такъ часто говорится въ священныхъ книгахъ и которыя столько же противорѣчатъ свободному арійскому духу, сколько наоборотъ вполнѣ отвѣчаютъ жреческому управленію подъ господствомъ деспотизма чужеземцевъ. Маги за́брали въ свои руки сверхъ-того еще судебную и судебно-исполнительную часть, и такимъ образомъ соединили въ совѣтѣ жрецовъ духовную власть со свѣтскою. Соотвѣтственно природѣ края, горожанинъ жилъ здѣсь обокъ съ пастухомъ или съ земледѣльцемъ; древніе родовые союзы и племеначальники оставались попрежнему. Одному изъ такихъ родовыхъ князей, Дейоку, удалось, въ то самое время какъ войско Санхериба погибло въ Іудеѣ, поднять Мидію противъ Ассиріи и быстро основать независимую державу; судебные приговоры Дейока такъ же обратились на Востокѣ въ пословицу, какъ и Саломоновы. Экбатана сдѣлалась укрѣпленною столицей новаго царства; на горѣ стоялъ кремль съ сокровищницей, огражденный

семью рядами стѣнъ, такъ что въ промежуткахъ помѣщались жилища гражданъ, а стѣны, поднимаясь въ гору, высились одна надъ другой своими парапетами. Зубцы наружной стѣны были бѣлые; второй съ края — черные, третьей — багряные, четвертой — голубые, пятой — алые, все это изъ цвѣтныхъ изразцовъ, тогда какъ зубцы шестой стѣны одѣты были серебромъ, а седьмой — золотомъ. Такъ самое гнѣздо власти охватывалъ семерной разноцвѣтный поясъ. Впрочемъ дорогіе металлы по всей вѣроятности пришли уже только изъ ассирійской добычи, не ранѣе. Расположеніе стѣнъ и города вкругъ холма встрѣчаемъ мы точно также и на ниневійскихъ изваяніяхъ, и если по словамъ Полибія дворецъ экбатанскій былъ выстроенъ изъ кедра и кипариса, внутреннія же балки и стѣны обшиты листовымъ золотомъ и серебромъ, то въ этомъ мы видимъ тотъ же опять симитскій вкусъ, съ какимъ познакомились еще въ Саломоновомъ храмѣ.

Преемникъ Деіока, Фраортъ (655—633 до Р. Х.), доставилъ Мидянамъ первенство надъ Бактрійцами и Персами, которые заодно съ ними сверглп ассирійское иго. Въ союзѣ съ правителемъ Вавилона, Набополасаромъ, Кіаксаръ завоевалъ потрясенную Скиѳами Ассирію и взялъ Ниневію приступомъ (606). Но уже преемникъ его, Астіагъ, изнѣжился въ безпутствѣ тиранскаго сластолюбія. Тогда поднялась во всемъ могуществѣ свѣжая еще жизненная сила Персовъ. Во главѣ ихъ давно уже стоялъ именитый родъ Ахеменидовъ. И Мидяне предоставили ему верховное водительство надъ народомъ, только обезпечивъ себя заложниками изъ его среды. Благодаря этому, сынъ персидскаго царя Камбиза, Киръ (Куру), попалъ къ Астіагову двору, и отсюда вызвалъ сперва мятежъ въ своей родинѣ, а потомъ сталъ во главѣ его и повелъ своихъ къ рѣшительной побѣдѣ (550).

Еслибъ Ксенофонтъ и не упомянулъ, что Персы въ богатырскихъ пѣсняхъ воспѣваютъ Кира, еслибъ Геродотъ прямо не заявилъ, что онъ выбираетъ разсказъ свой изъ разныхъ преданій, то самый уже пошибъ его повѣствованія, съ одной стороны, и многоразличіе дошедшихъ до насъ извѣстій, съ другой, послужили бы намъ достаточнымъ свидѣтельствомъ того неоспоримаго факта, что и историческое сказаніе, и эпическая поэзія былинъ тотчасъ же завладѣли этимъ великимъ человѣкомъ; жаль что струя этой западно-иранской народной поэзіи не дошла до Фирдуси. Когда Астіагъ послалъ однажды Кира, не знаемъ навѣрно — въ Персію, или — съ войскомъ противъ Кадузянъ, встаетъ за царскимъ столомъ одинъ вѣщій баянъ и такъ начинаетъ свою пѣсню: «Ужь какъ выпустилъ левъ вепря на паству вольную, тамъ ему заматерѣть и окрѣпнуть; а въ концѣ концовъ не минуть того, что слабый одолѣетъ сильнаго». Тщетно старался Астіагъ воротить къ себѣ Кира; началась упорная борьба, Персы были многократно разбиты и прогнаны, въ бѣгствѣ бросились они ужь на ту самую гору, гдѣ были ихъ жены съ малыми ребятами; тогда матери закричали въ одинъ голосъ: что жь, хотите вы спрятаться къ намъ же опять въ лоно? Тогда повернули они назадъ и одержали рѣшительную побѣду. Другая былина говоритъ, что Киръ достигъ высшаго сана изъ самаго низкаго состоянія; сынъ персидскаго намѣстника становится тутъ пастушонкомъ, который въ званіи дворника съ метлой попалъ въ чертогъ мидійскаго владыки; потомъ, благодаря своей красотѣ и ловко-

сти, сдѣлался кравчимъ Астіага и тогда уже добылъ своимъ родителямъ намѣстничество въ Персіи. Агурамасда принялъ его съизмала подъ особое свое покровительство; онъ даже и вскормленъ посвященными богу псами. По другому еще сказанію пастухъ нашелъ подкинутаго мальчика, котораго кормила собака, обороняя въ то же время отъ волковъ. Мидяне будто бы сами захотѣли поставить себѣ новаго властителя изъ персидскаго колѣна, какъ оно впрочемъ не рѣдко бываетъ на Востокѣ. Тогда Астіагу видится вдругъ сонъ, что изъ лона его дочери выросло громадное дерево, которое всю Азію покрыло своей тѣнью; маги истолковали это такъ, что верховной власти достигнетъ сынъ ея и будетъ повелителемъ намѣсто Астіага. Чтобы этому не бывать, онъ выдаетъ дочь за одного изъ покорныхъ ему Персовъ, и когда у нихъ родился сынъ, онъ велитъ любимцу своему, Гарпагу, умертвить его; тотъ поручаетъ какому-то пастуху подкинуть ребенка на дорогѣ, а пастухъ, видя какъ собака кормитъ бѣднаго малютку, беретъ его изъ жалости къ себѣ. Мальчикъ отличается между сверстниками во всѣхъ играхъ; разъ они шутя выбираютъ его царемъ, а онъ не въ шутку произноситъ строгій приговоръ одному знатному отроку, и жалоба на это доходитъ до Астіага, который узнаетъ по этому случаю, что неумолимый судья — его внукъ. Какъ похожа на это былина о Ромулѣ! Что выдавать дочь за Перса съ намѣреніемъ помѣшать сыну ея сдѣлаться верховнымъ владыкою Азіи, — ни съ чѣмъ не сообразно, это вѣдь не поражало и насъ во время школьническихъ занятій нашихъ исторіей; идея, что кто хочетъ отвратить свою судьбу, тотъ лишь самъ пуще ее себѣ готовитъ, перевѣшиваетъ здѣсь безспорную неловкость изложенія, котораго вся цѣль состояла именно въ томъ, чтобы сдѣлать Кира прямымъ Астіаговымъ наслѣдникомъ. Передъ началомъ борьбы за верховную власть, Киръ будто бы заставилъ Персовъ одинъ день работать съ утра до ночи надъ расчисткой тернистаго поля, а весь другой день на славу угощалъ ихъ, и послѣ этого предложилъ за нимъ слѣдовать, обѣщая что въ этомъ случаѣ, вмѣсто вчерашней тяжкой работы, они всегда будутъ наслаждаться такимъ же раздольемъ какъ въ нынѣшній веселый день.

Киръ покорилъ Вавилонъ и Лидію; изъ Бактріи продолжалъ онъ стародавнюю борьбу съ сосѣдними туранскими племенами. Онъ отпустилъ изъ плѣна Іудеевъ, и былъ зато превознесенъ въ ихъ пророческихъ писаніяхъ. Эсхилъ, съ своей стороны, также называетъ его счастливцемъ, не возбудившимъ противъ себя гнѣва боговъ, такъ-какъ онъ властвовалъ кротко и благомысленно и даровалъ миръ всѣмъ своимъ народамъ. Платонъ говоритъ о Кирѣ что онъ удѣлялъ свободу своимъ подданнымъ, охотно слушалъ благоразумные совѣты и вообще былъ любимъ въ народѣ. Ксенофонтъ дѣлаетъ его героемъ историческаго романа, въ которомъ онъ выставилъ образецъ царственныхъ владыкъ и показалъ какъ пріобрѣтаются и упрочиваются державы. Не диво что и смерть его — онъ погибъ у сѣверовосточныхъ границъ своей монархіи — была поэтически изукрашена туземною былиной. Здѣсь, не смотря на свое иранство, онъ ищетъ руки туранской царицы Массагетовъ, Томириды, но она отказываетъ, подозрѣвая что ему нужна только ея держава, а не она сама. Тогда онъ идетъ на нее войной. На походѣ онъ не только отпускаетъ весь обозъ, но покидаетъ съ ядромъ войска и самый станъ свой, снабдивъ его напередъ въ изобиліи виномъ и жаренымъ мясомъ. Втор-

гнувшіеся туда Массагеты съ жадностью напали на ѣду и питье, но когда крѣпко охмѣлѣвъ заснули, то были всѣ перебиты или захвачены. Сынъ Томириды, когда сняли съ него оковы, самъ умертвилъ себя со стыда, что отдался врагу пьяный. Но царица восторжествовала въ отместной за то борьбѣ, отсѣкла Киру голову и погрузила ее въ мѣхъ, наполненный кровью, чтобы онъ напился ея досыта.

Однакожь тѣло Кира не досталось непріятелю: это доказываетъ гробница его въ Пасаргадѣ. Тамъ гдѣ онъ побѣдилъ Мидянъ на рѣкѣ Курѣ и принялъ названіе этой рѣки, означающее солнце, Александръ Македонскій нашелъ еще трупъ его, окруженный оружіемъ и утварью, на ложѣ съ золотыми ножками, въ открытомъ золотомъ гробу. По иранскому обычаю тѣло не сожигалось и не погребалось, чтобы не осквернить имъ ни огня, ни земли, но выставлялось непокрытое на съѣденіе птицамъ небеснымъ, на высушку солнцемъ и вѣтрами. И теперь еще въ обильной развалинами Мургабской равнинѣ стоитъ пирамидальное подножіе съ семью ступенями изъ большихъ мраморныхъ плитъ, крѣпко связанныхъ желѣзными скобами. Прямоугольное его основаніе простирается на 39 футовъ въ длину и на 38 въ ширину; ступени кверху становятся все ниже и ниже, такъ что первая въ 5 футовъ высоты, а послѣдняя не болѣе 2-хъ; вся же высота подножія составляетъ 16 футовъ. На верхней его площадкѣ стоитъ каменный домикъ съ двускатной кровлею, имѣющій въ основаніи 19 футовъ длины и 16 ширины. При всей незначительности объема, форма ступеньчатой пирамиды со святилищемъ наверху напоминаетъ башню Бела, которая также слыветъ его гробницею. Въ домикъ ведетъ полая совсѣмъ дверь; внутри стоялъ гробъ покойнаго съ надписью, которую намъ сообщили Греки: «О человѣкъ! я — Киръ, доставившій господство Персамъ и управлявшій Азіей; не обзавидуй у меня хоть этой гробницы». Горнокаменныя гробницы съ двускатными кровлями находимъ мы во Фригіи и Ликіи; простыя формы ихъ указываютъ на соприкосновеніе Эллиновъ съ Малоазійцами: нижній и верхній карнизы двускатнаго домика носятъ очевидно греческій типъ, особенно въ профилѣ валика поддерживающаго плинтусъ; за это мы крѣпко стоимъ вмѣстѣ съ Куглеромъ и, подобно опять ему, находимъ въ базѣ обвалившихся колоннъ этихъ мѣстностей нѣкоторое сродство со старобытнымъ іонійскимъ видообразованіемъ: здѣсь онѣ снабжены тѣмъ же пухлымъ большимъ валомъ съ отвѣсными ложками, какой встрѣчается и въ Самосѣ. Вѣдь вмѣстѣ съ Лидійскимъ царствомъ Киръ завоевалъ въ Малой Азіи и греческіе города; чтожь мудренаго, если нѣсколько искусныхъ мастеровъ было переселено оттуда въ столицу. Этимъ мы вовсе не отрицаемъ прямой связи ассирійскихъ формъ съ іонійскими. Гробница находилась въ саду, и мнѣ кажется, окружавшія ея колонны едвали принадлежали къ какому-нибудь зданію, а скорѣе, по арійскому обычаю, составляли родъ ограды вокругъ освященнаго мѣста.

Явно-ассирійскими чертами отличается рельефъ, уцѣлѣвшій на одномъ изъ каменныхъ столповъ, которые служили косяками дверямъ близлежащаго чертога. Тамъ стоитъ впрофиль человѣкъ, обращенный направо, съ поднятыми вверхъ руками, въ одеждѣ совсѣмъ безъ складокъ, да и безъ каймы, съ четырьмя большими крыльями, круто направленными вверхъ и внизъ,

какъ у вѣтряной мельницы, и скорѣе составляющими фонъ фигуры, нежели органическую ея принадлежность. Отдѣлка этихъ крыльевъ, какъ и платья, совершенно ассирійская, а странный головной уборъ напоминаетъ напротивъ больше Египетъ: изъ стоячаго колпака (столбуна) идутъ вправо и влѣво по два бараньихъ рога, въ промежуткахъ ихъ размѣщены три фляговидныя украшенія съ вѣнцомъ изъ шариковъ наверху. Клинообразная надпись гласитъ на трехъ разныхъ языкахъ: Я Курушъ царь, изъ Ахеменидовъ. Судя по крыльямъ,это ликъ самого просвѣтленнаго царя или его Феруэра.

Такъ изъ древнѣйшихъ этихъ памятниковъ очевидно, что Персы, выступивъ съ свѣжей силою изъ простыхъ условій горнаго быта и ставъ во главѣ народовъ Азіи, продолжали пѣть богатырскія свои пѣсни, и неопытные еще сами въ пластикѣ, заимствовали ея формы у сосѣднихъ или покоренныхъ племенъ, насколько онѣ имъ нравились или казались отвѣчающими ихъ цѣлямъ, — съ тѣмъ чтобы дать въ нихъ новое выраженіе своимъ собственнымъ чувствамъ, нравамъ, обычаямъ и помысламъ.

Въ религіозномъ отношеніи рѣшительно господствуетъ здѣсь культъ Агурамасды; въ надписяхъ упоминаются, правда, сверхъ-того особенные родовые боги, заступники того или другого племени; являются особыя олицетворенія неурожая и лжи; всего чаще предостерегаютъ онѣ отъ послѣдней, и Дарій напримѣръ обзываетъ отпадшихъ князей и мятежниковъ преимущественно лжецами: ложь, говоритъ онъ, возмутила всѣ эти края. Цари же, напротивъ, властвуютъ Агурамасдиною милостью, и все ими совершаемое дѣлается съ его помощью, подъ его щитомъ и охраной. Что Агурамасда поставилъ царемъ Дарія или Ксеркса, это часто повторяется въ персепольскихъ надписяхъ съ предисловіемъ, прямо называющимъ этого бога творцомъ: «Великъ богъ — Агурамасда, создавшій землю, создавшій и небо, создавшій человѣка и все для него пріятное». Заповѣдь бога повелѣваетъ: «Не помышляй въ себѣ зла, не покидай пути праваго, не согрѣшай».

Сынъ Кировъ, Камбизъ (Камбуджійя), завоевалъ Египетъ; по смерти его Маги, вышедшіе изъ Мидіи, захватили въ свои руки верховную власть, но Ахеменидъ Дарій (Дарайявушъ) снова покорилъ себѣ распавшійся было колоссъ многоразличныхъ царствъ и установилъ въ немъ такой неизмѣнный порядокъ, чтобы каждая отдѣльно земля управлялась персидскимъ сатрапомъ или намѣстникомъ, а во всемъ прочемъ оказывалось полное снисхожденіе своебытнымъ особенностямъ народовъ и чтобы, платя дань, они сами вѣдали свои внутреннія дѣла какъ знаютъ. Въ знаменитой бегистанской надписи Дарій зато и похваляется тѣмъ, что отмѣнилъ всѣ порядки введенные Магомъ Гуматой, что возстановилъ священныя пѣсни, древнее богослуженіе, и снова поручилъ ихъ тѣмъ родамъ, у которыхъ они были отняты магами,— что онъ остался вѣренъ служенію Агурамасды, который за то и благословилъ его своей помощью. Для обороны своей громадной державы противъ кочевыхъ скиѳо-туранскихъ ордъ, двинулся онъ въ Европу, и тутъ вошелъ въ столкновеніе съ Греками, которое кончилось несчастливо и для него самого, и особенно для сына его, Ксеркса. Какъ въ Мидіи, такъ теперь и въ Персіи, благодаря роскоши и блеску, сладострастіе и безпутство заступили при дворѣ мѣсто прежней бодрой дѣятельности; покоренные народы должны

были работать на побѣдителей, усвоившихъ себѣ роскошь низложенныхъ ими владыкъ, пока прогнившая насквозь монархія не рухнула подъ рукою Александра, и греческій духъ, греческое образованіе не пробудили на Востокѣ новой жизни, переплавившей культурные элементы различныхъ народностиій на иной совсѣмъ ладъ.

Отъ Дарія и Ксеркса сохранились развалины дворцовъ и царскихъ гробницъ; своими остатками они даютъ намъ понятіе о персидскомъ искусствѣ. Изъ нихъ видно что Персы по преимуществу усвоили себѣ вавилонскіе пріемы, но не безъ примѣси нѣкоторыхъ частностей, занятыхъ у Египтянъ и Грековъ. Побѣжденные народы подвергались иногда переселенію, художники завоеванныхъ земель призывались на службу верховныхъ государей, то, что́ они вносили своего, или прииоравливалось къ цѣлямъ и задачамъ Персовъ, или употреблялось на пользу ихъ съ осмотрительнымъ выборомъ, и такимъ способомъ въ Персіи образовалась смѣсь многоразличныхъ формъ стиля, какія мы встрѣчаемъ у сосѣднихъ племенъ. Одна изъ персепольскихъ надписей именуетъ Даріева зодчаго Ардастой. Вообще здѣсь представляется намъ эклектическое (изборное) завершеніе всего художественнаго развитія Востока.

Взглянемъ вопервыхъ на архитектоническій элементъ: для насъ равно погибли и персидская столица Экбатана, и Суза, хотя мы, правда, можемъ еще надѣяться добыть что-нибудь важное изъ будущихъ раскоповъ. Но если цари мѣняли мѣстопребываніе правительства, проводя зиму въ Вавилонѣ, весну въ Сузѣ, а лѣто въ болѣе прохладной Экбатанѣ, то все же древнее родовое гнѣздо оставалось попрежнему національною святыней, гдѣ они вѣнчались на царство, гдѣ Дарій собиралъ народныя думы и принималъ оброки съ данниковъ; вотъ почему Даріемъ основанъ, а Ксерксомъ распространенъ великолѣпный чертогъ въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Пасаргады, на одномъ выступѣ горнаго хребта; позади, въ горнокаменной стѣнѣ, должны были помѣщаться царскія гробницы. Этотъ за́мокъ, или кремль, Греки прозвали «персидскимъ городомъ», Персеполемъ; народъ же называлъ его столомъ (трономъ) Джемшида, мысленно связавъ позднѣйшее это сооруженіе съ былинами первобытной старины, точно такъ же какъ на гробничныхъ фасадахъ онъ вездѣ видѣлъ изображенія своего старозавѣтнаго богатыря Рустема. Привычка располагать сады террасами по уступамъ родныхъ горъ побудила вѣроятно Персовъ и здѣсь избрать мѣстомъ постройки горный выступъ, примыкавшій изгибистой дугой къ лежащему на востокъ каменному утесу; простираясь на 1400 футовъ въ ширину, онъ выходилъ въ долину болѣе чѣмъ на половину этого протяженія. Высота его, въ 50 футовъ, была обсѣчена по отвѣсной линіи и обстроена четыреугольными мраморными плитами; верхнее пространство, всего болѣе спущенное къ сѣверу, выровнено было въ платформу такимъ образомъ, что посрединѣ и на югъ подпимались одинъ надъ другимъ два уступа въ 8 и 10 футовъ вышиною, давая на себѣ просторъ великолѣпнѣйшимъ постройкамъ, тогда какъ на разныхъ высотахъ ближе къ горному хребту возведены были еще другія менѣе обширныя сооруженія.

Всходъ снизу на первую большую платформу идетъ по колоссальной двойной лѣстницѣ, до такой степени отлогой, что по ней могутъ взъѣхать де-

сять конниковъ врядъ; широкія нижнія ступени выдѣланы изъ большихъ мраморныхъ брусьевъ. Наверху—ворота, передъ которыми стоятъ четыре пилястры съ колосальными фигурами животныхъ; между ними были прежде еще колонны. Этими воротами доходите вы къ югу до двойной же опять лѣстницы, ведущей на главный уже уступъ. Здѣсь, какъ видно изъ надписей, стоялъ сооруженный Даріемъ домъ народныхъ собраній, — свѣтлая, многоколончатая палата. Ядро ея составлялъ квадратъ; шесть рядовъ колоннъ, по шести въ каждомъ, поддерживали крышу; къ этому примыкали передняя и боковая сѣни, каждая о двухъ шестерныхъ рядахъ колоннъ. Многія изъ нихъ уцѣлѣли еще и до сихъ поръ, и потому-то тамошній народъ называетъ Персеполь Чиль-Минаромъ, то есть сорокостолпіемъ. Далѣе на югъ нѣсколько двойныхъ лѣстницъ шли на вторую главную террасу, гдѣ теперь видны уже только развалины царскихъ жилыхъ покоевъ. Ближе къ горному хребту лежатъ остатки огромнаго квадратнаго сооруженія о ста колоннахъ, въ которое вели восемь дверей, — это торжественная и пріемная палата Дарія; тутъ же по сосѣдству — остатки другихъ не такъ большихъ построекъ, разбросанныхъ по возвышеніямъ. Изъ числа палатъ и жилыхъ царскихъ покоевъ, а также и разныхъ къ нимъ принадлежностей, нѣкоторыя построены были Ксерксомъ; надпись на нихъ говоритъ, что все сдѣланное имъ самимъ и отцомъ его совершено по милости Агурамасды. Здѣсь выстроилъ себѣ особый жилой домъ также и Артаксерксъ Мнемонъ.

Если мы перейдемъ теперь къ подробностямъ, то вопервыхъ ворота напомнятъ намъ Ассирію и Египетъ: Ассирію — находящимися на нихъ фигурами животныхъ, Египетъ — тройными уступами дверныхъ коробокъ и верхнимъ карнизомъ, сильно выгнутымъ голькелемъ, убраннымъ стоячими съ наклономъ впередъ листами, и поддерживаемою имъ абакою. Такія дверныя и оконныя коробки изъ одного цѣльнаго камня уцѣлѣли до сего времени и обличаютъ своей толщиною массивность самыхъ стѣнъ зданія, сложенныхъ повавилонски изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей, которые поэтому совершенно уже вывѣтрились и размыты дождями. Колонны своей формой указываютъ на малоазійскія. Общаго съ послѣдними у нихъ высокій стержень, котораго относительная тонина превосходитъ всѣ обычные размѣры; въ соборной палатѣ напримѣръ нижній поперечникъ всего только въ 5 футовъ, верхній немного болѣе 4-хъ, высота составленнаго изъ трехъ или четырехъ кусковъ стержня простирается до 44-хъ футовъ, а высота всей колонны — до 64 хъ; разстояніе между колоннами — 26 футовъ. База снабжена иногда подушкою, на двойной четыреугольной плитѣ; но по большей части подушка лежитъ на опрокинутой цвѣточной чашечкѣ, которая, въ убранствѣ изъ висячихъ листьевъ, широкимъ раструбомъ идетъ книзу и, въ свою очередь, опирается на круглую плиту. Эта база обладаетъ своеобразною прелестью, и нельзя не признать въ ней тонкаго чутья стиля. Стержень изборажденъ по іонійски мелкими ложками, которыя идутъ снизу доверху въ числѣ 48-ми или 52-хъ. Капители очень разнообразны. Въ соборной палатѣ они непомѣрно высоки и слишкомъ пестро составлены: шишка въ видѣ растительной почки, охвачена зерчатымъ пояскомъ; изъ нея упруго выбивается другая часть цѣлымъ вѣнцомъ ниспадающихъ листьевъ; далѣе надъ кольцомъ, убраннымъ яйцами, идетъ четыреугольная наставка, расчлененная посрединѣ

снизу вверхъ выступными валиками и украшенная со всѣхъ четырехъ сторонъ четырьмя завитками съ каждой; завитки же расположены такъ, что на нижнемъ краѣ наставки два изъ нихъ идутъ кверху, а на верхнемъ краѣ два обращены внизъ. Нечего и говорить что здѣсь выпущено было изъ виду, какъ конструктивное, такъ и эстетическое значеніе этого члена; позаимствованный только для внѣшняго украшенія, онъ былъ усложненъ безъ всякой цѣли и безсмысленно перевернутъ вверхъ дномъ. У другихъ колоннъ непосредственно надъ стержнемъ высится консолевидная капитель: двѣ переднія части животныхъ, лошадей, быковъ, барсовъ или единороговъ, высовываются головой и шеей одна вправо, другая влѣво, а на сѣдлообразной лукѣ ихъ общаго хребта лежитъ балка, идущая архитравомъ отъ колонны къ колоннѣ, тогда какъ перекрестная балка потолка держится на головахъ животныхъ. Кажется, что вся связь между колонною и антаблементомъ при вышеписанныхъ капителяхъ укрѣплялась еще также на обращенныхъ вверхъ или же на опрокинутыхъ цвѣточныхъ чашечкахъ. Намекъ на эту консолевидную наставку представляетъ одинъ рельефъ въ Бавіанѣ; но Персы выработали ее съ особенною любовью; она соотвѣтствуетъ всему характеру ихъ зодчества, и въ ней высказывается энергически-пластично ея назначеніе, хотя, правда, съ бо́льшею примѣсью фантазіи, нежели могла бы допустить строгая архитектура. Если по рельефамъ горнокаменныхъ гробницъ дозволительно заключать о кровлѣ настоящихъ зданій, то она была плоска, едва возвышаясь надъ тройнымъ іонійскимъ архитравомъ и надъ фризомъ украшеннымъ скульптурами или одѣтымъ металлической обшивкою. Потолокъ былъ деревянный и состоялъ изъ пальмовыхъ и кедровыхъ балокъ. На крышѣ стоялъ поддерживаемый колоннами легкій теремъ, съ алтаремъ въ честь огню, у котораго царь приносилъ передъ народомъ утреннюю жертву.

Каковъ же теперь былъ общій видъ Персеполя? Стройное возвышенное зданіе на выступѣ горы представляло отрадную противоположность индійскимъ пещернымъ храмамъ; выраженіе отстаивающей себя жизни и яснаго самораскрытія рѣзко рознится отъ углубленія въ глухое ко всему внутреннее чувство и отъ міробоязни, вызываемой у Индійца гнетущимъ бременемъ внѣшняго, естественнаго бытія. На мѣсто крайне вздутыхъ и пузатыхъ формъ видимъ мы здѣсь, напротивъ, стройныя, легкоизгибистыя. Веселыя уступчатыя постройки, примыкаемыя къ горнымъ утесамъ, обличаютъ живо-развитое чувство къ гармоническому сліянію зодчества съ красотами первобытной природы. Вотъ отчего и самыя сооруженія распредѣлялись и группировались съ явнымъ разсчетомъ на живописный эффектъ. Представимъ себѣ мраморныя колонны, въ соборной палатѣ — вмѣсто всякихъ перегородокъ висячіе ковры, яркоцвѣтныя, металломъ убранныя кровли среди тѣнистой зелени; все окаймлено прекрасными розами Шираса и другими роскошными цвѣтами; свѣтлыя, сверкающія струи съ шумомъ вырываются изъ водометовъ, отъ которыхъ сохранились еще несомнѣнныя принадлежности, — представимъ себѣ все это вмѣстѣ и конечно получимъ самое пріятное впечатлѣніе, напоминающее фантастическія чары Альямбры; хотя и здѣсь и тамъ поразитъ насъ отсутствіе органическаго развитія и замкнутой въ себѣ выдержки гармоническаго стиля, вмѣсто которыхъ мы найдемъ какую-то смѣсь исчужи взятыхъ формъ, правда обнаруживающую замысловатость въ под-

борѣ и приложеніи къ данному случаю, но на ряду съ этимъ и много пустого блеска, соединеннаго съ варварскою признаться вычурностью.

Персеполь примыкаетъ ко хребту Рахмедъ; горнокаменный утесъ поднимается чуть не на тысячу футовъ и почти въ отвѣсномъ направленіи; на высотѣ 300 футовъ находимъ мы четыре гробницы Ахеменидовъ; глубже подъ ними двѣ сравнительно новѣйшія, сассанидской эпохи. Двѣ верхнія не представляютъ между собой ни какихъ существенныхъ различій; онѣ рельефно выступаютъ изъ гладко стесанной мраморной стѣны, простираясь на 130 футовъ въ вышину и на 70 въ ширину; нижнему тяблу данъ болѣе архитектоническій, верхнему — болѣе пластическій характеръ; первое представляетъ видъ царской палаты, послѣднее — видъ высящагося надъ ней алтарнаго терема, — цѣлое должно стало-быть изображать всенародную царскую жертву. Внутри гробницы — склепъ или покой въ 40 футовъ ширины и въ 20 глубины, съ тремя примыкающими къ нему кельями; въ склепѣ выставлялось тѣло, въ кельяхъ собирались кости (по его истлѣніи). По фасаду нижняго тябла гробницы выступаютъ изъ утеса четыре полуколонны, въ серединѣ ихъ — фальшивая дверь, окробленная и увѣнчанная поегипетски, а на колоннахъ, поверхъ шейнаго кольца, — капители съ единорогами; на хребтѣ животныхъ лежитъ архитравъ, который, будучи направленъ внутрь (то-есть какъ бы въ сердце кряжа), также выставляетъ здѣсь свою голову, какъ въ дорійскомъ фризѣ триглифы выступаютъ въ видѣ оконечностей потолочныхъ балокъ. Надъ архитравными головками идетъ справа на лѣво трехполосный іонійскій фризъ, съ брусочками наверху, подъ самымъ слезникомъ (карнизнымъ свѣсомъ). Выгнутыя шеи и торчащій рогъ колѣнопреклоненныхъ звѣрей поднимаются вправо и влѣво консолевидными подпорами вверхъ до самаго фриза. Въ этомъ скорѣе пластически-декоративномъ нежели конструктивно-цѣлесообразномъ увѣнчаніи колоннъ, Куглеръ замѣчаетъ не только раскрытіе очевидной силы на мѣстѣ, особенно важномъ въ строительномъ отношеніи, но еще и соблюденіе извѣстнаго ритмическаго размѣра, такъ-какъ большіе промежутки отъ одной колонны до другой и широкій раструбъ массы капительнаго ихъ украшенія дѣйствительно обусловливаются другъ другомъ. Фризъ какъ нельзя яснѣе указываетъ на свое древостроительное происхожденіе; первоначально не находили вѣдь лучшаго средства придать надлежащую прочность переводнымъ балкамъ потолка, какъ накладывая одно дерево на другое, а выступающія надъ ними чурочки или бруски означаютъ оконечности поперечинъ легкой кровельной обрѣшотки. Между нижнимъ и верхнимъ тябломъ идетъ еще полоса рѣзныхъ изображеній, представляющая обычныхъ стражей гробницы, собакъ.

Верхнее тябло вырѣзано нѣсколько глубже; боковыя стѣнки обрамливающей его скалы представляютъ вооруженныя или какъ бы кого-то чествующія мужскія фигуры, по три одна надъ другою. Внутри же изображенъ сквозной теремокъ съ алтаремъ въ честь огню, передъ которымъ стоитъ царь. Теремокъ поднятъ на нѣсколько ступеней; изъ столбовъ по обѣ его стороны выступаютъ сверху передняя лапа, грудь и голова обращеннаго наружу однорогаго быка, ниже идетъ какъ бы часть колонны, составленная изъ круглыхъ валиковъ и глубокихъ ложекъ, а подъ нею видна опять нога

съ когтями животнаго, и притомъ, судя по величинѣ когтей, — животнаго вродѣ барса; подножіе, на которомъ стоитъ столбъ, — просто шашка между двумя подушками. Это напоминаетъ столбики ассирійскихъ престоловъ, только форма представляетъ здѣсь болѣе игривости благодаря переливамъ свѣта и тѣни. Въ промежуткѣ столбовъ размѣщены одинъ надъ другимъ два ряда мужскихъ фигуръ съ поднятыми вверхъ руками, которыми они поддерживаютъ перекладины. Алтарь совершенно простъ; царь стоитъ передъ нимъ, обнаживъ голову и поднявъ правую руку, а въ опущенной лѣвой держа лукъ; въ вышинѣ между алтаремъ и царемъ паритъ крылатая фигура, которая явно задумана въ видѣ креста: охваченная кругомъ верхняя часть человѣческаго тѣла стоймя выникаетъ изъ направленнаго внизъ перистаго хвоста, а в серединѣ, сзади и спереди, простерты совершенно прямыя крылья; одна рука этой фигуры поднята на благословеніе, другая держитъ кольцо солнца или вѣчности. Не понимаю, почему ее называютъ царскимъ феруэромъ. Точно въ такомъ же видѣ она встрѣчалась намъ у Ассирійцевъ, гдѣ обыкновенно паритъ духомъ-покровителемъ надъ изображеніями царей; такова она ни дать ни взять и въ Персеполѣ. Объ ассирійскихъ феруэрахъ мы ровно ничего не знаемъ, такъ же какъ и о томъ чтобы Персы когда-нибудь поклонялись своему собственному генію. Скорѣе, такъ-какъ фигура эта изображала въ Ассиріи верховное божество, владыку небесъ, Бела, то и Персы заимствовали ее оттуда въ ознаменованіе своего Агурамасды.

Это приводитъ насъ собственно къ пластикѣ. И тутъ исходною точкою является Ассирія, но пухлая полнота тамошней мускулатуры умѣрена здѣсь гораздо простѣйшими уже формами, не впадая однако въ архитектоническую строгость Египта; и тутъ вышелъ, если хотите, среднесложный продуктъ, но совсѣмъ не такой какъ въ Элладѣ, гдѣ онъ послужилъ зародышемъ для новаго опять развитія, а напротивъ окончательный, которымъ завершилась вся противоположность господствовавшихъ на Востокѣ изобразительныхъ пошибовъ и пріемовъ. Чутье естественной правды у Персовъ высказывается въ той вѣрности, съ какою схватываются и передаются особенности человѣческихъ породъ и племенъ. Совершенною новизной предстаетъ наблюденіе складокъ въ одеждѣ, которыя впервые подмѣчены здѣсь пластикой и отнынѣ обозначаются ею въ главныхъ своихъ чертахъ со смысломъ и съ чувствомъ изящнаго. Однакожь и въ этомъ отношеніи сухая, тщательно выглаженная нарядность обличаетъ характеръ заканчивающейся, а ужь вовсе не новорождающейся жизни искусства.

Кромѣ упомянутыхъ символическихъ фигуръ, сюжеты пластики — чисто свѣтскаго содержанія и посвящены прославленію царскаго сана и побыта. При обзорѣ развалинъ Персеполя, прежде всего на лѣстничной стѣнѣ встрѣчается намъ рогатая лошадь, животное, принадлежащее Агурамасдѣ и совмѣщающее въ себѣ быстроту коня съ упорной силою быка; сзади нападаетъ на нее левъ, а она гнѣвно къ нему обернулась: это символъ твердыни царскаго дворца, которую Персія готова защитить отъ всякаго непріятеля. Далѣе, у порталовъ видимъ мы приворотными стражами тѣхъ могучихъ звѣрей, съ какими познакомились уже въ Ниневіи. Они похожи на быковъ, но съ головою наподобіе лошадиной и съ однимъ рогомъ среди лба; члены отлича-

ются могучею подбористостью и силой; по груди, хребту и хвосту пущены улиткообразные завитки курчавой шерсти. У другихъ верейныхъ столбовъ надъ плечомъ гигантскаго быка высится торчмя орлиное крыло; грудь животнаго незамѣтно переходитъ въ человѣчью, которая завершается человѣчьимъ же бородатымъ лицомъ подъ высокой шапкою. Работа и здѣсь прекрасна, а выраженіе сосредоточенной въ себѣ бодрой силы выше нежели въ ассирійскихъ изваяніяхъ; тѣлесная энергія удивительно проявляется въ этихъ чудовидныхъ животныхъ. По верхнимъ лѣстничнымъ стѣнамъ изображены человѣческія фигуры: вооруженные стражники при соборной палатѣ, или передъ жилымъ домомъ Дарія — фигуры съ винными мѣхами, блюдами и чашами. Назначеніе соборной палаты видно также еще изъ рельефовъ, которыми Ксерксъ велѣлъ украсить стѣны ея платформы. Съ одной стороны идутъ тѣлохранители съ копьями и царедворцы въ персидскихъ или мидійскихъ одеждахъ и съ почетными на шеѣ цѣпями; нѣкоторые изъ нихъ говорятъ между собою или берутъ другъ друга за руку; иные идутъ съ луками или съ кинжалами, съ чашами или съ жезлами. Насупротивъ, въ 20-ти разныхъ клѣткахъ или отдѣлахъ изображены всѣ 20 сатрапій персидской монархіи. Передъ каждой группой идетъ богато одѣтый жезлоносецъ, съ тѣмъ чтобы ввести ее къ царю; онъ всегда держитъ ближайшаго къ нему человѣка за руку, пятеро другихъ благоговѣйно подходятъ съ данью: за ними тянутся овцы, быки, верблюды, лошади, колесницы, а въ рукахъ у нихъ одежды, оружіе, разнообразные сосуды. Каждое племя, каждый народъ отличаются отъ другихъ тѣлосложеніемъ, чертами лица и нарядомъ.

Въ пріемной залѣ Дарія у южныхъ дверей видимъ мы на большомъ помостѣ высокій тронъ, и на немъ самого царя, сидящаго «какъ Агурамасда на небѣ»; въ правой рукѣ онъ держитъ скиптръ, а въ лѣвой цвѣткообразный сосудъ для питья и жертвеннаго возліянія; ноги у него на золотой скамейкѣ. Позади стоитъ мухогонъ съ колпачкомъ на рту, такъ-какъ каждый, кому доводилось говорить съ повелителемъ, долженъ былъ прикрывать себѣ ротъ, чтобъ неблагородное дыханіе не коснулось высокаго владыки. И здѣсь тронный помостъ поддерживается двумя семерицами мужскихъ фигуръ; и здѣсь тронные столбы представляютъ соединеніе звѣриной лапы съ архитектоническою частію, составленною изъ ряда выпуклостей и впадинъ и дающей богатую игру свѣта и тѣней; и здѣсь подножіе столба образуетъ соединеніе шейки и подушки съ опрокинутой цвѣточной чашечкой, подобно тому какъ и въ царскихъ гробницахъ. Люди несущіе помостъ различаются по особенностямъ одеждъ, употребительныхъ въ разныхъ краяхъ царства, а негра легко распознать кромѣ того по шерстистымъ волосамъ и по одутлымъ губамъ; мы здѣсь наглядно видимъ что могущество владыки держится на силѣ и вѣрности подданныхъ. Надъ трономъ виситъ балдахинъ съ изображеніемъ священныхъ животныхъ, — быковъ и собакъ, и съ окрыленнымъ кругомъ солнца посрединѣ, какъ обыкновенно бываетъ и надъ египетскими храмовыми воротами. Поверхъ балдахина паритъ въ благословляющемъ положеніи крылатая фигура, которую мы принимаемъ за символъ Агурамасды.

Другой столбъ представляетъ намъ картину царскаго пріема (аудіэнціи). Царь изображенъ въ великолѣпной мидійской одеждѣ. Персіяне сначала при-

крывались звѣриными кожами, обертывая ими ноги, каждую порознь, и накидывая ихъ себѣ на плеча въ видѣ бурки. Отсюда развился потомъ цѣлый кожаный нарядъ, штаны, полукафтанье съ кушакомъ, башмаки и шапка. Но по мѣрѣ побѣдоноснаго ихъ распространенія, они усвоили себѣ мало по малу ассирійскій и мидійскій обычай и въ одеждѣ, по впрочемъ лишь настолько, что въ особенности мидійская осталась у нихъ почетнымъ отличіемъ одного высшаго сословія. И здѣсь вполнѣ обнаружился персидскій характеръ, всегда готовый принять иноземное, съ тѣмъ чтобъ не выдать однако и своего. Мидійское нарядное платье состояло изъ длиннаго, съ широкими рукавами, опашня, который на ходу поддергивался съ боку подъ поясъ; оттого и образовались по бокамъ прямо ниспадающія складки, а сзади и спереди, напротивъ того, косыя, обрисовывавшія лядвею и голень и представлявшія вмѣстѣ со складками рукавовъ множество разнообразныхъ мотивовъ, которые сами напрашивались художнику при пластическомъ воспроизведеніи этой одежды. Багрянцовыя поддевки и мантіи, богато-изукрашенные башмаки, стоячая тіара изъ дорогихъ камней и золотыхъ обручей, великолѣпное ожерелье и запястья, — весь этотъ Артаксерксовъ нарядъ вмѣстѣ цѣнился, говорятъ, въ 12,000 талантовъ, или около 15-ти милліоновъ рублей серебромъ.

Надгробная надпись превозноситъ Дарія, какъ лучшаго всадника и стрѣлка, какъ перваго изъ всѣхъ на охотѣ. Такимъ именно и увѣковѣчило его въ свою очередь изобразительное искусство. На четырехъ огромныхъ мраморныхъ брусьяхъ, составлявшихъ привратные столбы его жилья, онъ изображенъ въ борьбѣ съ разными чудищами. Онъ подинмаетъ льва, прижимаетъ его къ себѣ лѣвою рукою, а правою обнажаетъ надъ нимъ кинжалъ; львоубійцею, въ такомъ же положеніи, представляли обыкновенно ассирійскаго бога, Сандона. По тремъ другимъ столбамъ чудовища поднялись на заднія лапы; одно изъ нихъ, совмѣщающее съ львинымъ туловищемъ голову и крылья орла, царь хватаетъ за хохолъ, а дикаго однорогаго осла и фантастическаго барса за рога, и съ безстрастнымъ спокойствіемъ, съ нечеловѣческою самоувѣренностью всаживаетъ имъ короткій мечъ свой въ брюхо. Такого рода изображенія представляютъ вмѣстѣ и борьбу служителя свѣтобога съ силами тьмы, съ чудищами Агримана; царь подаетъ примѣръ своимъ подданнымъ какъ одолѣвать нечистыя силы, эти заблужденія воли и ума.

Сверхъ того, въ память возстановленія имъ царства, Дарій велѣлъ выровнять часть Бегистанскаго утеса близъ рѣки Хоаспа, надъ свѣтлымъ источникомъ, и обвести ее вокругъ тысячью строками клинообразныхъ письменъ. Послѣднія вырѣзаны очень отчетливо и красиво, при чемъ разборчивый умъ Персовъ виденъ еще и изъ того, что употребивъ въ дѣло прежніе ассирійскіе клинья, они расположили ихъ однакожь не въ видѣ слоговыхъ знаковъ, а въ видѣ буквъ *. Дарій перечисляетъ тутъ свои подвиги. Посрединѣ изображенъ онъ самъ, далеко превышая всѣхъ прочихъ ростомъ, съ лукомъ въ рукѣ и попирая ногой одного изъ покоренныхъ; это именно магъ Гаумата,

* То-есть выполнили надпись не слогописью, а звукописью, что гораздо яснѣе.

такъ-называемый ложный Смердисъ. Одна и та же веревка, переходя съ шеи на шею, связываетъ девятерыхъ подручныхъ царей, которые, руки за спину, подходятъ къ своему верховному судіи и владыкѣ. На золотыхъ монетахъ Дарій представляется ѣдущимъ верхомъ, охотящимся, стрѣляющимъ изъ лука, даже одинъ разъ — на крылатомъ морскомъ конѣ и въ побѣдосной борьбѣ съ дельфиномъ.

И Бегистанскій утесъ не столько передаетъ намъ подвиги Дарія, сколько изображаетъ самого царя, какъ побѣдителя и судію. Но я нахожу слишкомъ поспѣшнымъ тотъ выводъ, что будто бы у Персовъ вообще не было того свѣжаго чутья къ настоящему историческому искусству, къ изображенію дѣйствительныхъ событій, какое поражаетъ насъ на стѣнахъ египетскихъ и ассирійскихъ чертоговъ. Вѣдь стѣны Персеполя истреблены вконецъ, а груды сузскихъ развалинъ еще не изслѣдованы. Но судя по уцѣлѣвшимъ въ Персеполѣ произведеніямъ, мы конечно можемъ заключить что они отличаются типомъ одной внѣшней представительности и пышнаго церемоніала, мы видимъ здѣсь чистое лишь прославленіе царской власти: царь со свитою является совершителемъ разныхъ торжественныхъ актовъ, а представители областей подступаютъ къ нему только на поклонъ съ благоговѣйнымъ привѣтствіемъ. По этому ни гдѣ нѣтъ не только страстнаго, но и живого даже движенья; все ограничивается полною достоинства степенностью, далекой впрочемъ отъ натяжки; и въ складѣ фигуръ и во всей постановкѣ ихъ господствуетъ самостоятельное спокойствіе. При этомъ профильное положеніе фигуръ выдержано ясно, работа даже и въ самыхъ мелочахъ тщательно вѣрна природѣ, и вездѣ замѣтно удачное стремленіе оживить однообразность индивидуальными мотивами и согласить драпировку фигуръ съ формами ихъ членовъ и съ движеніемъ. Раціональный элементъ, отличающій иранскую религію, обнаруживается и въ искусствѣ; все односторонно-преувеличенное отметается, а все, что у различныхъ племенъ есть лучшаго, заимствуется и повозможности собирается воедино. Такъ-какъ сама персидская монархія была лишь продолженіемъ ассирійской, то понятно что искусство Ниневіи и Вавилона продолжалось опять и здѣсь; но подобно тому какъ къ постройкѣ стѣнъ изъ просушенаго кирпичу здѣсь присоединили верейные столбы изъ мраморныхъ брусьевъ, которыми изобиловали сосѣдніе хребты, такъ точно перенесены сюда и разныя формы, придуманныя камнестроительнымъ народомъ, Египтянами. Деревянныя стойки, подпирающія потолокъ, замѣнены были каменными колоннами, а эти сообразно величинѣ промежуточныхъ своихъ разстояній снабжены консолевидными капителями (скрадывающими пространство междустолпій); во всемъ складѣ ихъ видно сочетаніе ассирійскихъ элементовъ съ малоазійско - эллинскими. То же замѣчается и въ пластикѣ. Нѣтъ здѣсь ни той строгости и архитектонической симметріи, какъ у Египтянъ, ни той выпуклости мышцъ, какъ у Вавилонянъ, но въ движеніи господствуетъ зато торжественная мѣра и въ дѣятельности царитъ внутреннее спокойствіе; вся фигура, благороднѣе чѣмъ въ Ассиріи и свободнѣе нежели въ Египтѣ, обрисована вѣрными природѣ чертами, которыя всегда выдвигаютъ впередъ существенное; профильное положеніе выдержано со смысломъ, слишкомъ сильная моделлировка посглажена, и одежда, гдѣ прилично, ритмически подживлена красивою драпировкой. Но, правда, не достаетъ перво-

бытной свѣжести, и все сводится подконецъ на какую-то середнюю мѣру, которая, правда, умѣетъ избѣжать преувеличеній, но зато никогда не умѣетъ подняться до истинной высоты.

При этомъ чисто-свѣтскій характеръ составляетъ коренную черту персидскаго искусства; всегдашнимъ содержаніемъ ему служитъ общественная жизнь, особливо государственность, и прославленіе ея въ царской особѣ. Религія противопоставила разгульному чествованію естественныхъ силъ вѣру въ духа добра и истины, какъ въ единаго творца и владыку; его не почитали живущимъ въ храмахъ, ему не поклонялись ни въ какихъ замѣнительныхъ образахъ, а зажигали только священный огонь, какъ его символъ. Если же когда и хотѣли онаглядить духовное его присутствіе, то обозначали его тѣмъ именно символомъ, какой былъ придуманъ для господа небесъ еще Ассирійцами. Архитектура у нихъ была чертожнымъ зодчествомъ, а скульптура — изображеніемъ свѣтской власти въ высшемъ ея проявленіи. Характеръ идеальности принадлежитъ ей еще и потому, что она не воспроизводила подражательно частнаго, единичнаго, а всегда представляла только всеобщее въ его сущности, — ка̀къ, напримѣръ, народъ благоговѣйно подступаетъ къ престолу властителя, ка̀къ царь, подъ щитомъ милости божіей, является средоточіемъ своей державы, или же въ борьбѣ съ демонами тьмы — передовымъ и всегда побѣдоноснымъ бойцомъ за своихъ подвластныхъ. Торжественная степенность изображенія вполнѣ отвѣчаетъ сюжету и его замыслу. Искусство не дошло еще путемъ законченной красоты до самобытности, до велемощной свободы, и притомъ служитъ здѣсь государству, а не религіи; но проникнутое благоговѣніемъ къ той силѣ, которой оно посвятило себя, искусство умѣетъ и тутъ подняться до идеальнаго первообраза. Ему очевидно по душѣ все раціональное и ясное; тѣмъ не менѣе восточная фантастика и тутъ отзывается въ чудовищныхъ животныхъ, которыя однакожь носятъ на себѣ всѣ признаки жизнеспособности и притомъ вполнѣ отдаются на службу тому высшему цѣлому, котораго они необходимая принадлежность.

Александръ Великій. Сассаниды.

Побѣдивъ верховнаго владыку Персовъ, Александръ съ своими Греками самъ сталъ на его мѣсто; но онъ не хотѣлъ только завоевывать, онъ хотѣлъ еще удержать завоеванія и распространить въ нихъ новую культуру. Вотъ почему и основалъ онъ вплоть до Инда греческія колоніи, которыя не только оживили промышленность и торговлю, но и разлили во всѣ стороны свои нравы, свое образованіе и проложили между Востокомъ и Западомъ открытый путь взаимнаго обмѣна идей и понятій. Хотя по смерти Александра распалась всемірная его монархія, культура однако пустила уже корни и продолжала развиваться далѣе. Кому бы изъ его преемниковъ ни досталась та или другая иранская область, населявшія ее племена все-таки оставались подъ рукою своихъ туземныхъ владыкъ, самостоятельно управлявшихъ внутренними дѣлами, только съ обязательствомъ не вмѣшиваться во внѣшнія.

Передъ распространеніемъ эллинскаго вліянія рѣшительно дало себя знать семитское. Оно всего очевиднѣе для насъ въ изобразительномъ искусствѣ, но слѣды его очень замѣтны и въ религіи. Такъ проникло сюда звѣздопоклонство въ томъ видѣ, какой приняло оно у Вавилонянъ, то-есть въ извѣстномъ астрологическомъ значеніи, что звѣзды господствуютъ надъ всякимъ земнымъ дѣломъ и что по нимъ можно заранѣе узнать его судьбу. И даже самъ богъ рока, древній Белъ, Белитанъ, былъ связанъ съ представленіемъ безконечнаго времени, Зрвана-Акарана, о которомъ Авеста говоритъ, что при радостномъ его привѣтствіи Агурамасда создалъ міръ изъ собственнаго свѣта. Потомъ оно же смотритъ отвѣка на борьбу добра со зломъ и наконецъ въ качествѣ третейскаго судьи становится за первое; оно слыветъ даже властительнымъ во весь нескончаемый періодъ этой борьбы и, какъ могучая судьба, надѣляетъ человѣка его жизненною долей. Это, пожалуй, метафорическія только выраженія, которыя мы точно такъ же можемъ употребить и теперь, не принимая однако времени за божественную личность. Но если мы вспомнимъ какъ фантазія Иранцевъ искони была наклонна воплощать и олицетворять отвлеченныя понятія, то вовсе не удивимся что и Зрвана-Акарана попала у нихъ въ ликъ божественныхъ существъ. По первоначальному ихъ воззрѣнью, Агурамасда — единый вѣчный богъ и творецъ всяческихъ; но противоположность добра и зла, свѣта и тьмы, являвшихся коренными силами всей жизни міра, требовала же въ глазахъ мыслящаго ума какого-нибудь стоящаго надъ ней единаго источника, а тутъ само собою представлялось безконечное время, изъ котораго все вѣдь происходитъ, въ которомъ все совершается; и вотъ почему секта Зерванитовъ поставила Зрвану-Акарану на степень творческаго начала міра и даже самихъ борющихся между собой боговъ. Но взглядъ этотъ былъ далеко не всеобщій, и безконечное время ни гдѣ не чествовалось настоящимъ богослуженіемъ. Правда, Артаксерксъ II сооружалъ храмы и кумиры богинѣ плодородія, Анаитѣ; но этимъ отъ только внесъ къ Иранцамъ элементъ, вполнѣ чуждый ихъ религіозному воззрѣнію.

Персы играютъ роль посредниковъ, роль живого моста между Востокомъ и Западомъ, между религіями природы и духа. Точки соприкосновенія съ іудействомъ обозначились еще въ Вавилонѣ, гдѣ и по возвращеніи полонянниковъ долго оставалось гнѣздо израильскаго образованія. Въ ученіи Іудеевъ объ ангелахъ и діаволахъ персидское вліяніе очевидно. Въ Бактріи управляли греческіе государи, постепенно освоившіеся съ туземными нравами и бытомъ. Туда проникли новыя сѣверныя племена, туранскіе и скиѳскіе Пароы; но они въ свою очередь приняли иранское образованіе, не желая оставаться здѣсь чужими. Изъ Индіи распространился буддизмъ и снискалъ себѣ великое значеніе на востокѣ Ирана, а на западѣ, какъ носитель индійской культуры, подалъ онъ дружескую руку эллинству. Но, при всемъ томъ, Заратуштра сохранилъ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ; заповѣдь истины и правдивости попрежнему стояла выше всего, какъ ни измѣнился внутренній смыслъ ея очистительными обрядами по жреческому уставу. Теперь была закончена и письменная редакція Авесты. Подъ чужеземнымъ владычествомъ крѣпче нежели когда-либо держались другъ за друга приверженцы завѣтной старины. Они только и жили надеждой на избавленіе. По-

добно тому какъ у Іудеевъ выработались мессіанскія чаянія и какъ буддисты заранѣе привѣтствовали уже Майтрейю въ качествѣ князя мира, грядущаго обновить свѣтъ, такъ и Персовъ утѣшала мысль о пришествіи побѣдоноснаго героя, Сосіоша (Шаосгіанша), который водворитъ на землѣ господство добра, точно такъ же какъ царитъ оно на небѣ. Одновременно съ первыми христіанами и конечно не безъ обмѣна мыслей съ ними на этотъ счетъ, Персы говорили о предстоящей годинѣ тяжкихъ бѣдъ и напастей, когда злое начало, передъ окончательнымъ своимъ паденіемъ, соберетъ всѣ силы еще разъ. Наступитъ, предвѣщали они, такая страшная война что отъ потоковъ крови пойдутъ мельницы, роса будетъ падать съ неба красная, разольются вездѣ заразительныя болѣзни, все что ни роститъ земля будетъ смѣшано съ нечистью. Среди крайнихъ этихъ бѣдъ Агурамасда пошлетъ спасителя, который остановитъ ихъ на нѣсколько вѣковъ; а за тѣмъ настанетъ зима и истребитъ всѣ живыя созданія. Тутъ отворятся врата Джемшидова рая, и обитатели его населятъ землю съизнова. Но послѣ, благодаря общему безвѣрію, пріидетъ опять тяжкое время, пока наконецъ явится Сосіошъ. На него спустятъ съ цѣпи злого Дагака, прикованнаго къ горѣ Демавендъ, но съ другой стороны снова вступитъ въ борьбу Керсаспа и вынудитъ его принять законъ добраго духа; съ той поры исчезнетъ на землѣ всякій обманъ.— Такъ тѣ самые миѳическіе лики, которые обступали колыбель исторіи, снова опять вызываются къ самому ея концу.

Къ блаженной порѣ Сосіошева владычества привязали и догматъ о воскресеніи мертвыхъ, появившійся у Персовъ еще во времена Александра Великаго. Не только вѣрили въ безсмертіе души, но хотѣли отнять у смерти и плотскую добычу. Учили что тѣла оживутъ снова, что въ каждое воротится прежній духъ; но тѣла нечистыя вмѣстѣ съ самой землею должны напередъ три дня и три ночи очищаться отъ всякой скверны въ нещадно попаляющемъ огнѣ. Въ этой всеобщей переплавкѣ очистится даже и Агриманъ съ своими Девами, такъ что и въ нихъ не останется ни капли зла. Тогда вся земля станетъ ровною, не будетъ ничего вреднаго въ цѣломъ мірѣ, а отъ просвѣтленныхъ тѣлъ не будетъ вовсе падать тѣни, какъ и отъ самого свѣта, и пища окажется не нужною для ихъ поддержанія. Сосіошъ дастъ имъ соку отъ древа жизни, а они сдѣлаются тогда нетлѣнными. Всѣ люди вмѣстѣ будутъ вести общую блаженную жизнь и пѣть Агурамасдѣ вѣчное славословіе. Агриманъ — который своимъ противоборствомъ искони невольно долженъ былъ возбуждать добро къ энергіи и вести его къ самосознательной побѣдѣ — самъ сдѣлается священникомъ этого богослуженія. Тѣмъ и завершится все зиждительство Агурамасды и его царство.

Дальнѣйшая эта разработка иранскаго вѣроученія преимущественно изложена была въ Бёндегешѣ, религіозной книгѣ, которой самый языкъ, Гузварешъ, вполнѣ отвѣчаетъ содержанію: это тѣ же иранскія слова, но съ потертыми уже флексіями; къ нимъ привходитъ много семитскихъ выраженій, которыми, по словамъ Шпигеля, дѣловой стиль или ложное понятіе объ изяществѣ думали прикрасить родное слово; но фразеологія осталась арійская.

Редакція Бёндегеша относится къ первымъ временамъ Сассанидовъ, которые возвратили опять своенародному элементу перевѣсъ надъ наплывшимъ-

было чужимъ, хотя и не стараясь вполнѣ вытѣснить послѣдній; напротивъ, они приказывали переводить индійскія басни и повѣсти, привлекали ко двору своему греческихъ философовъ и вообще споспѣшествовали тому образованію, которое впервые ознакомило потомъ могаммеданскихъ завоевателей, Арабовъ, съ понятіями о правѣ и философіи. Авеста же, эта основная книга иранства, была введена во всѣхъ областяхъ Сассанидской державы; но языкъ ея далеко уже не былъ понятенъ для каждаго: понадобились переводъ и толкованіе, которые и были составлены на гузварешскомъ или пегльвійскомъ языкѣ. Если при этомъ въ религіозной литературѣ выработалось понятіе о посредникѣ между человѣческими душами и Богомъ и если оно связано было съ Миорою, если премудрость и слово Божіе были въ свою очередь олицетворены, то исходную точку и поводъ къ этому найдемъ мы точно такъ же въ Авестѣ и въ духѣ Парсизма, какъ несомнѣнно то, что дальнѣйшая разработка помянутыхъ ученій, совершалась подъ взаимнодѣйственнымъ вліяніемъ іудейскихъ и христіанскихъ идей, какъ сложились онѣ тогда особенно въ Александріи. Совершенно сходно съ «Восхожденіемъ Исаіи» * описываетъ одна книга Вирафа, какъ онъ тихо опочилъ среди мудрыхъ рѣчей и потомъ въ теченіе семи дней проведенъ былъ геніемъ черезъ семь сферъ небесныхъ и видѣлъ собственными глазами всѣ ужасы ада. Исламъ перенесъ на Могаммеда этотъ же самый разсказъ.

Попытку основать изъ иранскихъ элементовъ новую религію съ примѣсью буддизма и христіанства предпринялъ Мани (Манесъ). Примѣняясь къ сказанію о Заратуштрѣ, онъ также говорилъ, что послѣ многолѣтняго пещерничества вынесъ съ собой оттуда книгу своего откровенія; а опираясь на обѣтованіе І. Христа, выдавалъ себя за святого духа, утѣшителя, которому суждено привести людей ко всякой правдѣ. Отвѣка, по его словамъ, существовала противоположность между мирнымъ, блаженнымъ царствомъ свѣта и мятежною областью тьмы. Но жители царства ночи, увидавъ однажды свѣтъ и распалясь завистью, рѣшили его себѣ присвоить. Въ защиту своему царству свѣтобогъ сотворилъ мать жизни, а она родила сына Божія, первочеловѣка, Іисуса Христа. Сынъ этотъ борется съ бѣсами, но они отнимаютъ у него часть блестящаго вооруженія и приводятъ его въ опасность, отъ которой онъ избавляется только новосозданнымъ духомъ жизни. Возсѣдая на солнцѣ, какъ на престолѣ, Христосъ неустанно бьется съ силами тьмы, пуская въ нихъ лучевыя стрѣлы, и старается воротить отнятыя у него частицы свѣта, которыми именно просвѣтлилось и видообразовалось все темное вещество и которыя сдѣлались съ тѣхъ поръ душою міра. Земной міръ есть стало-быть нѣчто среднее, смѣсь свѣта съ ночью. Но свѣтъ всегда стремится изъ матеріи въ вышину, гдѣ духъ жизни собираетъ его въ созвѣздія, какъ бы въ ведра. Раздраженный этимъ, князь тьмы въ свою очередь собираетъ всѣ частицы свѣта, какія можетъ добыть самъ или чрезъ своихъ подручниковъ, и образуетъ изъ нихъ душу человѣка, но вселяетъ въ нее чувственныя похоти, чтобы держать ее въ плѣну и низводить все ниже и

---

* Такъ называлась одна книга, появившаяся въ первые вѣка христіанства подъ именемъ великаго пророка и признанная подложною.

ниже. Онъ запрещаетъ ей вкушать отъ древа познанія, но царь Солнца подходитъ къ ней въ видѣ змѣя и побуждаетъ ее къ ѣству этого плода. Тогда злые духи создаютъ женщину, чтобы подвергнуть человѣка всѣмъ чувственнымъ соблазнамъ и все болѣе дробить душу дѣленіемъ, заключая ее въ новыя и новыя тѣлесныя узы. Они успѣваютъ сбить человѣчество съ пути истины, но солнечный духъ, Христосъ, милосердо нисходитъ въ призрачную плоть, чтобы избавить свѣтъ на землѣ отъ гнетущаго его ига. Крестная смерть его — символъ тѣхъ страданій, какія онъ претерпѣваетъ въ каждой душѣ, какъ части собственнаго существа, изъ-за связи ея съ матеріей. Но вотъ явился теперь обѣщанный имъ Утѣшитель, чтобы, напомнивъ душѣ міра о прежней ея родинѣ, отрѣшить ее наконецъ отъ вещества. Кто вмѣстѣ съ Мани очистится и освободится отъ матеріи, тотъ внаграду взойдетъ съ нимъ на нéбо. Всемірный пожаръ истребитъ матерію и тьму, и завершитъ собой духовное очищеніе. — Мани былъ казненъ, а приверженцы его, Манихеи, терпѣли гоненіе отъ служителей Ормузда и отвергнуты были христіанами, какъ злые еретики; не смотря на то секта ихъ сохранилась вплоть до могаммеданской эпохи.

Другой культъ составился изъ персидскихъ и халдейскихъ элементовъ, распространился еще до Р. Х. на западъ и сталъ въ римской имперіи одною изъ послѣднихъ опоръ, за которыя тщетно хваталось погибающее язычество; его мистеріи и посвященные ему кумиры разносились преимущественно легіонами до крайнихъ предѣловъ исполинской державы. Мы уже знаемъ Миораса, свѣтлаго и правдиваго посредника между Агурамасдой и земнымъ міромъ; онъ слился воедино съ неодолимымъ Солнцемъ, которое, подымаясь снова каждое утро и съ каждою весной, предводитъ цѣлый міръ въ борьбѣ его противъ ночи; его чтили какъ жизнедавца, какъ проводника душъ сквозь ужасы преисподней въ обитель небеснаго блаженства. Посвящавшіеся ему уповали на жизнь вѣчную и на вѣчное въ ней спасенье. Посвященія совершались въ пещерѣ; изъ темноты постепенно выводили они на дневной свѣтъ, путемъ искуса и борьбы вели къ окончательной побѣдѣ. Голодъ и жажда, странствія въ пустынныхъ мѣстахъ, переплываніе бурныхъ потоковъ, прохожденіе сквозь огонь и сквозь ледъ доставляли наконецъ право вкусить отъ благословенныхъ хлѣбовъ и отъ сока Гомы, который, какъ подобіе христіанской евхаристіи, встрѣчается и вообще въ позднѣйшемъ культѣ Персовъ. Безтрепетно выстоявъ передъ обнаженнымъ на него мечемъ, посвященный надѣвалъ вѣнокъ себѣ на голову, но тотчасъ же его сбрасывалъ, произнося: Миорасъ — царскій вѣнецъ мой. Если разныя степени посвященія означались такими названіями какъ Дѣва, Левъ, Ракъ, то въ этомъ очевидно проглядываетъ первообразъ теченія солнца по знакамъ зодіака. На памятникахъ, Миорасъ, въ юношескомъ образѣ и въ восточномъ одѣяньи, приноситъ въ жертву извѣчнаго быка, носителя сѣмянъ всякой жизни, изъ котораго произошли всѣ существа; хвостъ его оканчивается хлѣбными колосьями взнакъ того, что растительная жизнь возникаетъ изъ тлѣна животной; агримановскія созданія подползаютъ за его кровью и сѣменемъ, но тутъ же присутствуетъ и сторожъ Агурамасды, песъ, какъ при умирающихъ стоитъ обыкновенно проводникъ души и заложникъ ея безсмертія. Геніи, одинъ съ

опущеннымъ, другой съ поднятымъ свѣточемъ, указываютъ при этомъ на закатъ и восходъ жизни, на смерть и на возрожденіе.

Династія Сассанидовъ, провластвовавшая до вторженія могаммеданъ въ Персію, основана въ 218 г. по Р. Х. выскочкой Ардаширомъ Сассановымъ (то-есть сыномъ Сассана). Онъ окружилъ престолъ воинственной знатью, жившею по крѣпкимъ своимъ зàмкамъ, пока не вызывалъ ее на службу царь; съиздѣтства навыкая къ оружію и воспитываясь на благородную ногу, люди эти составляли столь опасную для Римлянъ конницу; всѣ въ панцыряхъ, въ пернатыхъ шлемахъ, съ копьемъ, мечемъ и щитомъ въ рукѣ, выѣзжали они на великолѣпно убранныхъ коняхъ какъ на рыцарскія игры, такъ и на битву. Живая фантазія вносила и въ самую дѣйствительность страстную охоту къ похожденьямъ, а съ другой стороны вела къ преувеличеннымъ объ нихъ росказнямъ, легко сливавшимся подъ ея смѣлою рукой съ стародавними миѳическими преданьями. Въ царствованіе Хозру Нуширвана Справедливаго, былины, послужившія Фирдуси основой для большого его эпоса, были собраны въ видѣ государственныхъ лѣтописей. При этомъ, какъ и въ христіански-рыцарскомъ мірѣ, вездѣ раскинула свои чары обаятельная женская любовь, да и сама жизнь давала пригодный матерьялъ для всякихъ романтическихъ исторій, которыя впослѣдствіи также нашли себѣ поэтическое изложеніе.

Тогда какъ изваянія Миѳраса, открытыя въ предѣлахъ римской имперіи, естественно носятъ на себѣ печать позднѣйшаго греко-римскаго искусства, въ самой Персіи находимъ мы изъ эпохи Сассанидовъ развалины построекъ и горнокаменныя скульптуры, явно обличающія болѣе или менѣе тѣсную связь съ преданіемъ своебытной древности, но въ то же время не представляющія подобно ей и вполнѣ самостоятельнаго развитія, а соединяющія греко-римскіе художественные пріемы съ туземнымъ матерьяломъ и потому вѣроятно принадлежащія рукѣ греко-римскихъ мастеровъ. Въ развалинахъ Шапура (города Сапора I, 241—272 г. по Р. Х.) встрѣчаемъ мы опять вышеописанную капитель съ двуглавыми быками. Остатки чертоговъ царя Фируза въ Фирузъ-Абадѣ представляютъ обширныя, крытыя сводомъ, пространства, куполы и высокія арки, то эллиптической формы, то почти остродужныя; изъ пилястръ выступаютъ полуколонны, а ниши позади ихъ сведены кверху полуциркулемъ, который, исходнымъ своимъ разваломъ, какъ будто бы заранѣе намекаетъ уже на подковообразную мавританскую дугу. Колонны здѣсь просты, даже совсѣмъ безъ капителей; тогда какъ, напротивъ, одинъ горнокаменный памятникъ Хозру Парвиза (591—628 г.) обличаетъ декоративныя подробности современныхъ византійскихъ произведеній. Какъ тогдашняя исторія Персіи отзывается рыцарствомъ европейской средневѣковой эпохи, такъ точно и архитектура того края смѣло устремляетъ полныя свои формы въ вышину, перемѣшивая безъ разбора своенародное съ чисто римскимъ преданіемъ; но все это ложится одно возлѣ другого такъ-сказать сырьемъ, отнюдь не достигая органическаго (сопроникающагося) развитія.

Горнокаменные рельефы рѣшительно примыкаютъ къ эпохѣ Ахеменидовъ. Такъ, основатель Сассанидскаго господства, Ардаширъ I, изображенъ верхомъ на конѣ, принимающимъ отъ остановившагося передъ нимъ всадника

убранный перевязями обручь, — діадему. Царь въ длинныхъ кудряхъ, въ многоскладчатой мантіи, самъ благоговѣйно прикрываетъ рукой ротъ; потому что кольцо міровладычества подаетъ ему вѣдь царь царей, самъ Агурамасда, представленный въ чисто человѣческомъ образѣ, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ и съ уступчатой на головѣ короной. Кони исполнены дебелой силы, въ характерѣ цѣлаго видны символическое спокойствіе и степенная представительность завѣтной старины. На выровненномъ утесѣ древнихъ царскихъ гробницъ и въ другихъ мѣстахъ Сапоръ I велѣлъ изваять свое торжество надъ римскимъ императоромъ Валеріаномъ. Послѣдній стоитъ на колѣняхъ передъ побѣдителемъ, а тотъ, сидя въ легко-наброшенной мантіи на конѣ, смотритъ на него свысока, горделиво. Кудри обвѣваютъ голову Перса, а поверхъ зубчатой короны насаженъ у него какой-то раздутый шаръ, — быть-можетъ небесный глобусъ. За нимъ стоитъ въ строю его конница, съ выдвинутыми сплошь передними ногами, грудью и головами лошадей; а назади Валеріана видны люди съ разными въ рукахъ дарами, предлагаемыми за миръ побѣдителю; въ отдаленіи широкіе ряды конныхъ и пѣшихъ воиновъ, но безъ индивидуально-оживленнаго порядка, вразбросъ. Геній, парящій надъ побѣжденнымъ, но лицомъ къ побѣдителю, съ рогомъ изобилія въ рукѣ, похожъ на крылатаго Амура. Работа вообще напоминаетъ позднеримскую. Одно изъ немногихъ облыхъ изваяній, сохранившихся намъ отъ персидскаго искусства, представляетъ Сапора въ колосальной статуѣ, 15-ти футовъ вышиною. Изъ стѣнной короны роскошно выбиваются волоса въ большихъ широкоразнесенныхъ локонахъ, лицо полно спокойнаго достоинства, со тщательно расчесанными усами и съ кудрявой бородой. На груди скрещиваются разныя привѣски; мечь держится на поясѣ; зипунъ и штаны навидъ мягки, словно кисейные. Странныя какія-то ленты или тесьмы обвѣваютъ это изображеніе. На оборотной сторонѣ монетъ Сапора обыкновенно есть алтарь въ честь огню.

Въ одной горнокаменной нишѣ близъ Накшъ-и-Рустема встрѣчается ратная потѣха или турниръ; всадникъ подъ крылатымъ шлемомъ сбилъ противника наземь. Одинъ горнокаменный же рельефъ въ Фирузъ-Абадѣ, 5-го столѣтія, представляетъ намъ полный рыцарскій доспѣхъ, — крылатые или оперенные шлемы, кольчуги, копья, мечи, щиты, конскую збрую съ подвѣсками изъ полумѣсяцевъ, колечекъ и кутазовъ. Изображеніе дикаго разгула жизни какъ въ оборонѣ, такъ и въ нападеніи, съ брыкающимися, опрокидывающимися, наскакивающими лошадьми, здѣсь столько же почти неожиданно сколько и удачно.

О садахъ и охотахъ Хозру Парвиза повѣствуетъ исторія, а былина прославляетъ миловидную супругу его Ширинь, разсказывая какъ влюбился въ нее ваятель Фергадъ, какъ изъ любви къ ней взялся онъ просѣчь ѣзжалую дорогу сквозь каменныя горы и изваять по утесамъ ликъ ея, окруженный Хозру Парвизомъ съ его свитою. Страстнымъ восклицаніемъ: Ахъ Ширинь! сопровождалъ онъ будто бы каждый ударъ каменотеснаго молота; но когда дорога сквозь Бизутунскій хребетъ подходила уже къ концу, царь пришелъ въ отчаяніе отъ мысли, что за невозможный, какъ казалось, трудъ онъ долженъ будетъ по уговору отдать художнику свою милую. Тутъ одна лукавая старуха несетъ Фергаду ложную вѣсть, что Ширинь вдругъ умерла. Онъ

сперва бросилъ свой молотъ въ пропасть, гдѣ тотъ пустилъ корни и выросъ въ гранатное дерево, а потомъ и самъ ринулся вслѣдъ за нимъ. Ширинь же, какъ роза, покинутая соловьемъ, опустила свою нѣжную головку и увяла. Объ этомъ пѣли послѣ цѣлые вѣка, какъ мы увидимъ далѣе, при обзорѣ могаммеданскаго искусства.

Въ уцѣлѣвшихъ донынѣ большихъ изваяніяхъ горнокаменной ниши въ Такъ-и-Бостанѣ персидскій элементъ является съ примѣсью античнаго и византійскаго. Между двухъ ложчатыхъ колоннъ съ высокими безъ листвы капителями сидитъ на конѣ Хозру въ полномъ ратномъ доспѣхѣ; изъ-подъ кольчуги, въ которую онъ весь окутанъ, виднѣются только одни глаза; да и лошадь завѣшена богатовышитой и убранной кистями попоной. Работа отличается такимъ тщаніемъ, какое можно найдти развѣ только въ Нineвіи или Персеполѣ; при всей грубоватой дебелости цѣлаго, мельчайшая подробность, каждая петля, каждый гвоздикъ, выполнены отчетливо и ясно. На квадратной площади стоятъ, замкнутыми въ полуциркульныя арки, три фигуры. Посереди самъ царь въ мирномъ одѣяніи, слѣва какой то человѣкъ подаетъ ему кольцо власти, это — тесть его, императоръ Маврицій, возстановляющій его на царство. Съ правой стороны, также съ кольцомъ власти, стоитъ Ширинь и льетъ изъ сосуда благовонія къ ногамъ его. Сочиненіе просто и ясно, пропорціи сжаты, призёмисты; такъ что все это напоминаетъ рѣзныя на кости изображенія королингской эпохи. Справа и слѣва надъ аркою парятъ вмѣсто типической фигуры Агурамасда крылатые геніи, родъ ангеловъ. Арабески представляютъ схему древа жизни, но мѣсто составлявшихъ его прежде окостѣлыхъ вязей заступила дѣйствительная уже листва, свободно переданная погречески. Натурализмъ и стилистическая строгость являются здѣсь бокъ-о-бокъ, а не въ томъ стройно сливающемъ ихъ взаимодѣйствіи, какимъ отличается законченное искусство.

Далѣе, на обширныхъ рельефахъ изображены царскія охоты. Въ пять рядовъ, одинъ надъ другимъ, размѣщены слѣва слоны, и оттуда же сверху и снизу мчатся мимо цѣлыя стаи вепрей; посреди самъ царь, въ прудѣ или озеркѣ на лодкѣ, стрѣляетъ по несущемуся мимо звѣрью, тогда какъ одалыка у его ногъ поигрываетъ себѣ на лютнѣ. Фигуры набросаны въ восходящихъ одинъ надъ другимъ рядахъ безъ всякой перспективы, и ликъ царя значительно превосходитъ ихъ величиной, какъ водится и въ египетскомъ искусствѣ. На другомъ рельефѣ царь спокойно сидитъ на конѣ подъ зонтикомъ, а дружина его гоняетъ въ лѣсу оленей. На одной серебряной чашѣ самъ Хозру мчится верхомъ за буйволами, кабанами и оленями; онъ натягиваетъ лукъ для стрѣльбы, вокругъ нарядпаго его платья развѣваются тесьмы и ленты, а высокій головной уборъ сближаетъ его съ тѣмъ Кировымъ изображеніемъ, которое стоитъ у самыхъ воротъ персидской скульптуры.

Такъ же была въ ходу здѣсь и живопись; не смотря на могаммеданскую ненависть къ картинамъ, Персы донынѣ любятъ украшать росписью и стѣны домовъ, и книги. Краски очень ярки, но формы чудовищны, и въ цѣломъ точно такъ же недостаетъ перспективы, какъ нѣтъ ни какой оттѣневки у отдѣльныхъ фигуръ. Шнаазе находитъ возможность распознать въ нихъ древнѣйшіе типы: «Богатырь Рустемъ всегда остается въ миніатюрахъ при сво-

«емъ завѣтномъ складѣ, при своихъ чертахъ лица, при своей мускулатурѣ, «съ темнорусыми изрыжа волосами и бородою. Одѣтъ онъ всегда въ кожа-«ный зипунъ, съ кольчугою поверхъ его и въ желѣзный шеломъ съ звѣри-«ными образинами; направо виситъ у него сабля или шашка, а въ рукахъ «палица (булава) съ огромною на концѣ шишкой». — Мы знаемъ что при взятіи Мадаина халифъ Омаръ велѣлъ изрѣзать въ лоскутья огромный и драгоцѣнный коверъ съ изображеніемъ земного рая.

Такъ, при всей наклонности усвоивать себѣ чужеземное и играть роль посредника между арійскимъ и симитскомъ элементомъ, между Востокомъ и Западомъ, иранскій духъ всегда хранитъ однакожь народный свой типъ и представляетъ намъ картину богатаго развитія, которое подъ вліяніемъ Могаммеда ознаменовалось роскошнѣйшимъ еще цвѣтомъ.

ИЗДАНІЯ К. СОЛДАТЕНКОВА

АФАНАСЬЕВА	Народныя русскія сказки. Выпуски 1 и 2.	1 р.
	« « « Выпускъ 6	1 р. 25 к.
	« « « Выпускъ 7	1 р.
	« « « Выпускъ 8	1 р. 50 к.
	Поэтическ. воззрѣн. Славянъ на природу. 3 т.	8 р.
БЕРГА	Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ).	7 р.
ВОЛЬСКАГО	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками	2 р. 50 к.
ГРАНОВСКАГО	Сочиненія. 2 части	2 р.
КАВЕЛИНА	Сочиненія. 4 части	5 р.
КОЛЬЦОВА	Стихотворенія. Изд. 4	50 к.
	Стихотворенія. Изд. 5	20 к.
КУГЛЕРА	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Часть I и II	10 р.
ЛОТЦЕ	Микрокозмъ. Перев. Е. Корша. 3 части.	6 р. 50 к.
ЛЮБКЕ	Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Перев. В. Чаева	6 р.
ОГАРЕВА	Стихотворенія. Изд. 3	50 к.
ПОПОВА	Россія и Сербія. 2 части	4 р.
РИХТЕРА	Вліяніе целлулярной патологіи на практическую дѣятельность врача	1 р.
РОСТИСЛАВОВА	Начальная алгебра	2 р.
ТАЦИТА	Лѣтопись. 2 тома. Пер. А. Кронеберга.	1 р. 50 к.
ТРАЧЕВСКАГО	Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ	3 р.
ТРЕНДЕЛЕНБУРГА	Логическія изслѣдованія. 2 части	4 р.
ФЕТА	Стихотворенія. 2 части	2 р.
ФЮСТЕЛЬ-КУЛАНЖЪ	Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша	2 р. 50 к.
ЧИЧЕРИНА	Нѣсколько современныхъ вопросовъ	1 р.
	Опыты по исторіи русскаго права	1 р.
	Очерки Англіи и Франціи	1 р.
	О народномъ представительствѣ	3 р.
	Областныя учрежденія	3 р.
ШЕКСПИРА	Драматическія сочиненія. Переводъ Н. Кетчера. Части 1—6-ая; за каждую	1 р.
ШИЛОВА	Ключь или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи. С. Соловьева съ 6-ю родословными таблицами	3 р.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21121 8117